

Цивилизации Востока: взгляд из XXI века

**Сборник трудов конференции
Школы востоковедения
ФМЭиМП НИУ ВШЭ**

21—22 октября 2022 г.

**Цивилизации Востока:
взгляд из XXI века**

**Сборник трудов конференции
Школы востоковедения
ФМЭиМП НИУ ВШЭ**

21—22 октября 2022 г.

Москва

2024

УДК 009, 94
ББК ТЗ(5), Ш1
С 23

Электронное издание

С 23 Цивилизации Востока: взгляд из XXI века. Сборник трудов конференции Школы востоковедения ФМЭиМП НИУ ВШЭ, 21—22 октября 2022 г. — М.: Адвансед солюшнз, 2024. — 532 с.

ISBN 978-5-6052318-2-0

Составители: А.Н. Карнеев, А.А. Сизова, Т.А. Аникеева.

Редакторы: Т.А. Аникеева, А.О. Виноградов, С.В. Гришачев, В.В. Макаренко

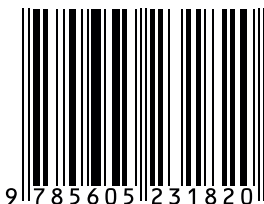
Сборник «Цивилизации Востока: взгляд из XXI века» представляет собой доклады, прозвучавшие на одноименной международной научной конференции, проведенной Школой востоковедения ФМЭиМП НИУ ВШЭ 21—22 октября 2022 г. и приуроченной к отмечаемому в 2022 году 30-летию юбилею НИУ ВШЭ и 20-летию Факультета. Статьи, составляющие данный сборник, охватывают широкий круг тем: проблемы традиционного Востока; актуальные проблемы развития стран Азии и Африки в XXI веке; новые подходы в востоковедных исследованиях; методические вопросы преподавания востоковедных дисциплин (включая восточные языки) и др.

Компьютерная верстка *Е. Конова*

ООО «Адвансед солюшнз»

119071, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 19, стр. 1,

<https://www.aov.ru/about.html>

© НИУ ВШЭ, 2024

© Факультет мировой экономики и мировой политики
НИУ ВШЭ, 2024

© Школа востоковедения НИУ ВШЭ, 2024

© Коллектив авторов, 2024

ISBN 978-5-6052318-2-0

Содержание

Раздел 1. Восток: прошлое и современное развитие

<i>Бабаев К.В.</i> На пути к новой системе международных отношений: глобальный конфликт цивилизаций и роль России	5
<i>Барбаши Б.А.</i> Малые государства Азии и Африки и их место в современной системе международных отношений	13
<i>Гулынская Е.В.</i> Преподавание дисциплин по истории Востока в эпоху цифровых технологий	25
<i>Зиганшин Р.М.</i> Традиции, модернизации, революции и страны Востока	33
<i>Коновалова Н.А., Маевская М.Е.</i> Формирование новой визуальности городов в XXI веке: архитектурные стратегии стран Азии.	48
<i>Макаренко В.В.</i> Азия — потенциальный лидер нового этапа развития мир-системы: факторы лидерства	70
<i>Фарахдуст Ф.</i> Моделирование регионального развития в современной Восточной и Юго-Восточной Азии.	89
<i>Karami J.</i> Cooperation of Iran, Russia and China: possibilities and limitations in the new century	106

Раздел 2. Большой Ближний Восток

<i>Лобанова Л.А.</i> «Неудобное прошлое»: курдский вопрос в восприятии Гертруды Белл	122
<i>Локишин А.Е.</i> Идиш в Израиле. Его положение и статус	134
<i>Лученков И.Р.</i> Продовольственная безопасность Ирака в контексте кризиса водных ресурсов бассейна Тигра и Евфрата	147
<i>Хушкардамова Х.О., Силантьева Л.Г.</i> Специфика подготовки специалистов и отбора учебных материалов в курсах изучения близкородственных языков (на примере преподавания таджикского как основного и второго восточного языка)	157

Раздел 3. Южная Азия

<i>Бычкова А.А.</i> Северо-Восточная Индия: пути развития в XXI в.	170
<i>Сайед С.Н.</i> Ислам в дискурсивных практиках политических партий Исламской республики Пакистан	199

Раздел 4. Монголия

<i>Железняков А.С.</i> Российско-монгольские отношения в свете цивилизационной политологии	212
<i>Музафарова Н.Р.</i> Философская составляющая семантики головных уборов духовенства северного буддизма	220
<i>Сабиров Р.Т.</i> Институт тулку в современной Монголии	229
<i>Цыбенев Б.Д., Курас Л.В.</i> К изучению рукописи о баргутском предводителе Манлай-Батор Дамдинсурэне, хранящейся в Государственном архиве Иркутской области	240

Раздел 5. Китай

<i>Адамс О.Ю.</i> Политическая коммуникация в современном Китае: теоретическое осмысление и вопросы практического применения	247
<i>Андреева Я.Е.</i> Лакуны в романах Г.Ш. Яхиной «Зулейха открывает глаза», «Дети мои» и их элиминирование при переводе на китайский язык	265
<i>Галимзянова А.К.</i> Китайско-африканское сотрудничество: взгляд из XXI века	275
<i>Григорьев Н.А.</i> Интересы Китая в Африке: причины и перспективы	286
<i>Жолобова Д.В., Раупов Р.И.</i> Стратегия Китая в спорах в Южно-Китайском море	298
<i>Канаев Е.А., Федоренко Д.О., Лю Синтао.</i> Цифровое измерение американо-китайского декаплинга: последствия для азиатско-тихоокеанской безопасности	309
<i>Кондрашова Л.И.</i> Китай углубляет политику «реформ и открытости» и исправляет её просчёты.	323

Раздел 6. Корейский полуостров

<i>Ким Хэ Ран.</i> Диахроническое исследование русскоязычных учебников корейского языка (на основе анализа корейско-русских учебников конца XIX века — до 1990-х гг.)	336
<i>Мартынова Д.О.</i> «Зелёный» энергопереход в Республике Корея: проблемы и перспективы развития	352
<i>Самсонов Д.А., Кошечев М.О.</i> СССР—КНДР: из истории формирования территории советской дипмиссии в Пхеньяне	365
<i>Смертин Ю.Г.</i> Курение как социокультурный феномен Кореи (XVII — начало XX в.)	393
<i>Хасанова А.Р.</i> Особенности правового регулирования туризма Республики Корея в XXI в.: проблемы и перспективы	402

Раздел 7. Япония

<i>Гордеева И.В.</i> Проблемы безопасности в АТР и позиция Японии.	411
<i>Горячева Е.А.</i> Отдельные аспекты освещения внешней политики России в СМИ Японии	424
<i>Дмитерко Б.Е.</i> Патриарх Хуэйинэн в монохромной живописи	430
<i>Коваленко А.С.</i> Лексическая вариативность в японском языке	447
<i>Ковальчук М.К.</i> Условия формирования представлений о России в японских СМИ XIX века	455
<i>Кудряшова А.В.</i> К вопросу о методике преподавания японского языка	467
<i>Логвинова Е.А.</i> Консалтинг в Японии: традиционные связи и вызовы современности	477
<i>Пучков Я.М.</i> Феномен японского колониального империализма	487
<i>Скворцова Е.Л.</i> Цивилизационные вызовы и японское общество XXI в.	504
<i>Шехтер А.Г.</i> Эксцентричное поведение святых дзэн-буддизма. Образы, смыслы и восприятие	518

Раздел 1

Восток: прошлое и современное развитие

Бабаев Кирилл Владимирович

доктор филологических наук,
директор Института Китая и современной Азии РАН,
директор Центра международных проектов
Финансового университета при Правительстве
Российской Федерации (Москва, Россия)
kbabaev@iccaras.ru

На пути к новой системе международных отношений: глобальный конфликт цивилизаций и роль России

Ключевые слова: геополитика, Западно-восточный конфликт, глобальное большинство, международные отношения, внешняя политика России

Babaev Kirill V.

Doctor of Philology, acting director Institute of China
and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences,
Director of the Center for International Projects of the Financial
University under the Government
of the Russian Federation (Moscow, Russia)
kbabaev@iccaras.ru

On the way to a new system of international relations: the global conflict of civilizations and the role of Russia

Keywords: geopolitics, West-East conflict, global majority, international relations, Russian foreign policy

---

Название международной конференции Высшей школы экономики «Цивилизации Востока: взгляд из XXI века» как нельзя

лучше описывает один из наиболее актуальных вопросов развития современного мира: место восточных цивилизаций в происходящем на наших глазах резком переформатировании глобального миропорядка.

В 2022 г. планета вступила в особый турбулентный период своей истории: одну из тех переходных эпох, которые характеризуются крушением системы международных отношений и поисками почвы для новых глобальных договорённостей. Хрестоматийные периоды такого рода — Первая мировая война, завершившаяся созданием Версальской системы, и Вторая мировая, по итогам которой была оформлена Ялтинско-Потсдамская инфраструктура международной безопасности. После распада Советского Союза в международных отношениях на короткий период возникла новая система, основанная на стратегическом преимуществе США. Её логично было бы назвать Вашингтонской по месту подписания важнейшего международного акта между СССР и США — Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности. Договор, вступивший в силу с 1 июня 1988 г., стал историческим не только потому, что впервые в истории ликвидировал целый класс вооружений, но и потому, что стал последним крупным международным актом, заключённым между двумя сверхдержавами, и фактически положил конец холодной войне.

На смену противостоянию двух сверхдержав пришла практически безраздельная гегемония США в мировой экономике и политике, которую не оспаривала на тот момент ни одна крупная держава. Вашингтонская система международных отношений стала первой в истории, закреплявшей лидерство одного государства в глобальном масштабе. Однако именно такие однополярные системы не могут удержаться долго: мир устойчив только в состоянии баланса. В результате уже во втором десятилетии XXI века однополярной системе был брошен вызов, причём сразу двумя крупными державами: Россией, восстановившей своё влияние на мировой арене, и стремительно растущим Китаем.

Сегодня краткий период Вашингтонской системы международных отношений подошёл к концу, и мир вновь на наших глазах становится если не многополярным, то по крайней мере определённо биполярным. Однако это не возвращение к временам противостояния СССР — США. Сегодняшняя биполярность состоит в том, что США и государства, находящиеся под их полным или частичным контро-

лем, противостоят тому, что С.А. Караганов в своём вступительном слове справедливо назвал «глобальным большинством».

В западной аналитике, в т. ч. в публикациях НАТО¹, до сих пор звучат определения сегодняшнего геополитического состояния как глобальной антитезы «Запада» и «Востока». Этой антитезе в западной мысли много лет. Она является отсылкой к европейскому сознанию времён колониальной гонки и особенно часто употреблялась в политической публицистике и научной литературе конца XIX — нач. XX в., когда Р. Киплинг написал свои знаменитые строки. Страны Европы (в т. ч. и Российская Империя) и США в контексте этой антитезы противопоставлялись уже колонизованным или в любом случае слабо развитым странам Азии и Африки. После Второй мировой войны термин «Восток» (или «Восточный блок», Eastern Bloc) приобрёл в политическом смысле иное значение. Так в американской и западноевропейской политологии стали называть «второй мир» — СССР и страны социалистического лагеря, в т. ч. в Восточной Европе, которая, таким образом, вместе с Россией перекочевала с «Запада» на «Восток», причём ни Япония, ни Филиппины с Сингапуром в состав этого «Востока», разумеется, не входили [Sauvy A., 1952].

В российском дискурсе с 2012—2013 гг. также укоренился термин «коллективного Запада» как основного геополитического противника России², однако и он звучит дезориентирующе. В состав «коллективного Запада» в сегодняшнем мире включают и такие страны Дальнего Востока, как Япония, Корея, Сингапур, Австралия и Новая Зеландия — действующие в основном в фарватере американской политики. В то же время сегодняшний условный «Восток» включает не только Россию, Китай, ряд стран Ближнего Востока, Центральной, Южной и Юго-Восточной Азии, Африки, но и, например, некоторые страны Латинской Америки — а их никак нельзя назвать «восточными». Все эти государства объединяет не принадлежность к какой-либо «восточной» или даже «не-западной» цивилизации, а недовольство диктатом и давлением, с помощью которого США пытаются удержать глобальное политическое и экономическое лидерство.

---

¹ 70 Years of NATO Review. 08.05.2022. <https://www.nato.int/docu/review/articles/2022/05/08/the-present-state-of-east-west-relationships/index.html>.

² Шойгу: мы воюем не с Украиной, а с коллективным Западом. *Российская газета*, 21.09.2022. <https://rg.ru/2022/09/21/shojgu-my-voiem-ne-s-ukrainoj-a-s-kollektivnym-zapadom.html>.

Таким образом, более правильно было бы называть сегодняшний биполярный конфликт противостоянием между, назовём их так, «глобальным Западом» и «глобальным Востоком» планеты. Сразу важно отметить, что эти термины уже введены в оборот научного сообщества: только «глобальным Востоком» в американской научной литературе называют бывший «второй мир» — страны бывшего социалистического лагеря в Центральной и Восточной Европе и Центральной Азии по аналогии с более распространёнными и общепринятыми терминами «глобальный Север» и «глобальный Юг» [Müller 2020].

Существует ещё одно кардинальное отличие сегодняшнего разлома от ситуации времён холодной войны: это не идеологическое противостояние и не конкуренция между двумя экономическими укладами. Абсолютное большинство государств мира придерживается концепции рыночной экономики. Это разлом именно цивилизационный, ценностный.

Культурное влияние европейской цивилизации на страны и народы Востока насчитывает уже несколько столетий. Однако насаждение принципов либеральной демократии, консьюмеризма и американской потребительской популярной культуры значительно усилилось во второй половине XX века. Навязывание чужих ценностей вызывало острое неприятие особенно в странах Ближнего Востока, где лучшим примером реакции на это влияние стала Исламская революция в Иране 1979 г. Арабская весна 2011—2013 гг. стала ещё одним ярким всплеском неприятия западного либерализма в государствах исламской культуры, а военные кампании США по насаждению «демократических» режимов в Ливии, Ираке, Афганистане привели к разочарованию в западной цивилизации и культуре по всей Азии.

В то же время сами страны «глобального Запада» — прежде всего США и Западная Европа — в первые десятилетия нового века сделали гигантский шаг в сторону отказа от традиционных (в т. ч. для самой Европы) ценностей, ещё более противопоставив себя глобальному большинству стран.

Концепция толерантности была разработана чикагской социологической школой в нач. XX в. и стала основой современной общественной мысли на Западе, а позже и в целом в мире [Мид Дж.Г., 2009]. Однако в последнее десятилетие дальнейшие поиски толерантности в Европе и США парадоксальным образом привели к абсолютной нетерпимости инакомыслия. Толерантность как свобода превратилась

в толерантность как ограничение свободы. Неолиберальные ценности демократии и уважения прав меньшинств выплеснулись в назойливое пропагандирование феминизма, нетрадиционных отношений, однополых браков, отказа от прав и традиционных ролей родителей, исключительных прав для расовых и национальных меньшинств, узкое понимание демократии исключительно как демократии европейского толка. Отрицание традиционных культурных ценностей приобрело гипертрофированный характер.

В то же время попытки оспорить устоявшуюся точку зрения резко пресекаются. Сегодня в странах Европы и Северной Америки практически невозможно публично заявлять о своём неприятии однополых семей, ценностей американской демократии и даже подвергать сомнению в научных публикациях общепринятого взгляда на глобальное потепление. Выход из под общественного контроля кампании против расовой дискриминации Black Lives Matter в США в 2020 г. и превращение её в насилие над позицией большинства способствовали усилению этого тренда на запрет инакомыслия, который проник и в прессу, и в дискурс власти, политической и бизнес-элит, лидеров мнений в сфере культуры. Cancel culture, культура отрицания иного мнения, распространилась на все сферы общественной жизни и приводит к абсурдным явлениям вроде «отрицания России» и русской культуры после начала украинского конфликта в феврале 2022 г.³ Удивительно, но это явление поддерживается не только властью, но нередко и позицией либеральной интеллигенции в странах Европы и Америки, научным и творческим сообществом. Может ли существовать «свободный мир» без свободы слова, свободы публичного выражения своей политической позиции, равных прав для носителей любого гражданства — ответа на этот вопрос неолиберальная концепция не даёт, запутавшись в понимании толерантности.

В результате как в странах Азии и Африки, так и в других развивающихся регионах мира, где ещё в конце XX столетия на жителей Западной Европы и США смотрели как на носителей идеологии прав и свобод человека, сегодня всё больше укрепляется мнение, что при помощи американской военной силы и экономической мощи миру навязываются «единственно верные» модели государственного управления, общественного устройства, культурные ценности, а «капитализм

---

³ Cancel Russia. <https://cancelrussia.info>.

стейкхолдеров» [Schwab K., Vanham P., 2021], демократия и признанные международные институты, созданные после Второй мировой войны, используются не для расширения возможностей общества, не для равноправного партнёрства, а для принуждения. Неолиберальная демократия чеканки 2022 г. оказывается на практике ненамного лучше авторитарных режимов, которые она критикует.

Именно крупнейшие и наиболее влиятельные страны нового «глобального Востока» становятся сегодня тем объединяющим центром, который противостоит теряющему темпы Западу. Важнейшими выразителями идеологии отказа от однополярного мира становятся в первую очередь Китай, Россия, Турция, во вторую — Индия, Иран, Саудовская Аравия, Бразилия, Пакистан. Российская концепция «многополярного мира» и китайская идеология «построения сообщества единой судьбы человечества»⁴ схожи именно своим неприятием монопольного принятия решений в мировой политике и экономике. Легко видеть, что большинство стран, разделяющих это неприятие, в т. ч. наиболее динамичные экономики мира, расположены именно на Востоке.

Интересно видеть, как постепенно за жизнь одного поколения трансформировалось видение завтрашнего мироустройства по обе стороны этого глобального разлома. Сегодня страны Запада в своих геополитических и военных стратегиях используют в основном деструктивную терминологию: сдерживание, противодействие, санкции, ограничения. Эти определения содержатся в декларациях всех саммитов стран G7, НАТО, Европейского Союза. В то же время Россия, Китай, другие страны БРИКС призывают к свободной торговле, снятию протекционистских ограничений в мировой торговле и инклюзивной безопасности, построенной с учётом интересов всех стран мира⁵. «Восток» открывает новые возможности для инвестиций, создаёт новые финансовые и внешнеторговые механизмы, а «Запад» закрывает границы, вводит запреты на экспорт и импорт, выстраивает новые железные занавесы.

---

⁴ Совместное формирование новых партнёрских отношений сотрудничества и взаимного выигрыша, создание сообщества единой судьбы. Выступление председателя КНР Си Цзиньпина в ходе дебатов на 70-й Генассамблее ООН. 02.11.2015. http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2015-11/02/content_36956721_2.htm.

⁵ Пекинская декларация XIV Саммита БРИКС. 23.06.2022. <http://kremlin.ru/supplement/5819>.

Концепции свободной торговли, мира без границ, единой международной финансовой системы были изобретены европейской мыслью и в течение веков продвигались с Запада. Сегодня Запад и Восток будто поменялись местами. Можно ли было представить себе такую некогда закрытую, изолированную от внешнего мира цивилизацию, как Китай, выступающую одним из апологетов свободной международной торговли, которую США и их союзники всемерно пытаются ограничить? Можно ли было представить себе в 1980-е гг., что границы России для европейцев и американцев будут более открыты, чем европейские страны — для россиян? Всё это свидетельствует об одном: прогресс человечества сегодня находится на восточной стороне этого цивилизационного разлома.

Последствия цивилизационного раздела мира на «глобальный Запад» и «глобальный Восток» будут более значительными, чем передел планеты после Второй мировой войны между социалистическим и капиталистическим лагерями. Экономическое противостояние между США и Европой, с одной стороны, и Россией и Китаем, с другой, неминуемо разрушит международные торговую и финансовую системы, унаследованные от Бреттон-Вудских и Ямайских соглашений XX в. В течение ближайших лет мы, скорее всего, станем свидетелями постепенной эрозии мировой торговли и создания параллельных торгово-экономических и финансовых инфраструктур в обеих частях нового мира. Более того, стремление к технологическому суверенитету и риск кибератак со стороны соперника почти наверняка приведёт к созданию параллельных «западных» и «восточных» технологических платформ: в мире может появиться два (или более) независимых друг от друга Интернета и систем электронной коммуникации. Разумеется, создание этих структур нанесёт сокрушительный удар по темпам роста мировой экономики и большинства её участников.

Россия сегодня имеет уникальный исторический шанс не только стать одним из лидеров глобального большинства, но и выступить инициатором создания нового геополитического баланса между двумя формирующимися полюсами цивилизационного развития. Этот шанс даёт не только уникальное географическое положение нашей страны в Европе и Азии, но и своеобразная культурная позиция России. При том, что наша страна, от Калининграда до Владивостока, остаётся безусловной частью европейского культурного пространства, она сумела сохранить те традиционные ценности, которые отвергает элита

«глобального Запада» и утраты которых сегодня опасается «глобальный Восток»⁶ Россия, в течение столетий обращённая лицом на Запад, хорошо представляет себе культурный код европейского человека и неолиберальную ментальность, однако при этом может являться выразителем интересов традиционной, более патриархальной ментальности Востока.

На сегодняшний день именно Россия находится на передовой борьбы с «глобальным Западом»: самой горячей точкой цивилизационного разлома остаётся Украина, где компромисса найти пока не удаётся. Однако ясно, что, как и предыдущие глобальные конфликты, это противостояние рано или поздно закончится достижением всеобъемлющих договорённостей о создании новой системы международных отношений, как бы США и их союзники ни пытались их отвергать сегодня. Новый миропорядок невозможен более без «глобального Востока» — и именно Россия может стать одним из его авторов.

Библиографический список

Мид Дж. Г. (2009). *Избранное: сборник переводов*. М.: ИНИОН РАН, 2009.

Martin M. (2020). In Search of the Global East: Thinking between North and South. *Geopolitics*. Vol. 25, № 3. P. 734—755.

Sauvy A. (1952). Trois mondes, une planète. *L'Observateur*, 14.08.1952. P. 5.

Schwab K., P. Vanham (2021). *Stakeholder Capitalism: A Global Economy that Works for Progress, People and Planet*. Wiley, 2021.

References

Mid, Dzh. G. (2009) *Izbrannoe: sbornik perevodov* [Selected works: a collection of translations]. Moskva, INION RAN, 2009. (In Russian)

Martin, M. (2020) In Search of the Global East: Thinking between North and South. *Geopolitics*. Vol. 25, № 3. P. 734—755, DOI: 10.1080/14650045.2018.1477757

Sauvy, A. (1952) Trois mondes, une planète. [Three worlds, one planet]. *L'Observateur*. 14.08.1952. P. 5.

Schwab, K., Vanham, P. (2021) *Stakeholder Capitalism: A Global Economy that Works for Progress, People and Planet*. Wiley, 2021.

---

⁶ Юрий Пивоваров: Россия — страна европейской культуры с восточной политической традицией. *Коммерсант*, 01.12.2014. <https://www.kommersant.ru/doc/2624071>.

Малые государства Азии и Африки и их место в современной системе международных отношений

***Аннотация.** Традиционно великие (ведущие), региональные и «средние» державы находятся в фокусе исследователей, стремящихся отразить основные параметры системы международных отношений. Вместе с тем, значительное число государств на современной политической карте являются малыми — как атрибутивно (по размеру), так и функционально (по влиятельности). Малые государства представляют собой отдельную аналитическую категорию, которая связана с категорией слабых государств, но не может быть полностью ей заменена. В то же самое время малые государства Азии и Африки имеют ряд характерных черт, отличающих их от малых государств, расположенных в других географических районах, в частности в части их окружения крупными гегемонистскими государствами. Малые государства Азии и Африки имеют колониальное наследие, различную степень произвольности проведения границ, а также связанную с ней эффективность использования территории. Кроме того, они отличаются ярко выраженной социально-экономической дифференциацией, а также показателями государственной состоятельности. На основе анализа перечня малых государств Азии и Африки в расширительном толковании можно сделать вывод, что функциональные и атрибутивные признаки малых государств не всегда взаимозаменяемы. Следует констатировать, что важное аналитическое разделение понятий лежит между малыми и слабыми государствами: большинство малых государств являются слабыми, но не все слабые государства являются малыми. Кроме того, существуют и исключения из этого правила, например, единственный город-государство Сингапур. Как показывает эмпирическое сравнение параметров различных малых государств между собой, не все критерии одинаково применимы к отдельным географическим кластерам (а также типам их генезиса). Характер внешнеполитического представительства, индекс «готовности к изменению статус-кво» и соотношение рейтинга несостоятельности и рейтинга угроз позволяют провести сравнительный анализ функционирования малых государств. Малые государства Азии и Африки представляют собой актуальное поле исследований для определения содержания различных моделей поведения малых государств и государства как такового, а также идентификации новых ролей и функций малых государств в современной системе международных отношений.*

Ключевые слова: малые государства, система международных отношений, модель внешнеполитического поведения, государство, международные отношения

***Small states in Asia and Africa and their place
in modern system of international relations***

Abstract. Traditionally, great (leading), regional and «middle» powers are in the focus of researchers' attention to reflect the main parameters of the system of international relations. At the same time, a significant number of states on the modern political map are small — both attributively (in size) and functionally (in influence). Small states represent a separate analytical category, which is related to the category of weak states, but cannot be completely replaced by it. At the same time, the small states of Asia and Africa have a number of features that distinguish them from small states located in other geographical areas, in particular in terms of their neighbours — large hegemonic states. The small states of Asia and Africa have a colonial heritage, varying degrees of arbitrariness of the boundaries, as well as the associated efficiency of the use of the territory. In addition, they are distinguished by pronounced socio-economic differentiation, as well as indicators of statehood. Based on the analysis of the list of small states of Asia and Africa in an extended interpretation, it can be concluded that the functional and attributive features of small states are not always interchangeable. It should be noted that an important analytical division of concepts lies between small and weak states: most small states are weak, but not all weak states are small. In addition, there are exceptions to this rule, for example, the only city-state of Singapore. As the empirical comparison of the parameters of various small states shows, not all criteria are equally applicable to individual geographical clusters (as well as the types of their genesis). The nature of foreign policy representation, the index of «readiness to change the status quo» and the ratio of the rating of insolvency and the rating of threats allow a comparative analysis of the functioning of small states. The small states of Asia and Africa represent an urgent field of research for determining the content of various models of behavior of small states and the state as such, as well as identifying new roles and functions of small states in the modern system of international relations.

Keywords: small state, system of international relations, model of foreign policy behavior, international relations

Введение

В научной литературе существует бесчисленное число способов классификации государств по формальным количественным и качественным признакам, позволяющим отразить их роли и функции в рамках современной мировой политики, а также модели их внешнеполитического поведения, которые в свою очередь определяют основы системы международных отношений и взаимодействия государственных акторов между собой.

Как отмечает А.В. Фененко история международных отношений, по сути, представляет собой чередование двух типов мировых порядков: гегемонистского и баланса сил, в которых великие (ведущие) державы являются системообразующими [Фененко А.В. 2018]. Эта посылка находит своё отражение и в фундаментальном разделении государственных акторов в оформлении основ мирового порядка, осуществленным А.Д. Богатуровым в русле политического реализма на две категории, — лидеров и аутсайдеров (фоновых держав) [Богатуров А.Д. 1997, с. 59]. В этой связи представляется, что внимание политологов и международников к сверх-, великим (ведущим) и региональным (средним) державам как основным государственным акторам, устанавливающим международные «правила игры» является неслучайным, несмотря на формально равный статус всех признанных государств мира.

В то же самое время нельзя не отметить многообразие политий, внимание к которым с точки зрения системообразующих параметров современной системы международных отношений остаётся на периферии, большинство из которых являются так называемыми малыми государствами.

Согласно классификации Р. Кеохэйна малые государства — это государства, лидеры которого считают, что оно никогда не сможет, действуя в одиночку или в небольшой группе, оказать существенное влияние на глобальную систему [Keohane R. 1969, p. 296]. Ж. Коломер отмечает, что около двух третей населяющих Землю людей проживают в малых государствах или малых негосударственных политических единицах с населением от 1 до 10 млн людей, которые лишены тяжёлого бремени классической государственности и способны получать дополнительные выгоды вследствие своего особого статуса в рамках международной системы [Colomer J. 2007, p. 19].

Два вышеприведённых подхода, которые условно можно назвать функциональным и атрибутивным, являются основными способами концептуализации малых государств как отдельной аналитической категории и используются для достижения конкретных целей исследования в зависимости от дисциплины (сравнительная политология, теория международных отношений, политическая география) и парадигмы (структурный реализм, институциональный либерализм, конструктивизм и т.д.). В целом можно констатировать, что концептуализация первого подхода связана с категориями значимости и мощи, в то время как операционализация второго — с физическим размером государств и другими материальными ресурсами.

Малое государство как отдельная аналитическая категория

Стоит заметить, что некоторые признаки малых государств, отобранные исследователем в зависимости от конкретного подхода, могут не совпадать, что приводит к невозможности выработки общих методологических оснований проведения сравнительных исследований, и являются одной из основных причин отсутствия универсального определения термина «малое государство» [Maass M. 2015, p. 66].

Так, эмпирически можно подтвердить, что абсолютное большинство малых по размеру государств являются слабыми и незначительными с точки зрения мировой политики. Вместе с тем не все слабые государства являются малыми по размеру, — кроме того, значение некоторых малых по размеру государств может быть непропорционально великим (показателен пример единственного современного города-государства Сингапура и его роли в глобальной финансовой сфере⁷). Это, в свою очередь, ставит вопрос о существовании отдельных функциональных ролей малых государств в рамках мировой политики, которые зависят от их географического расположения, наличия материальных и нематериальных ресурсов, их соседства с более крупными и мощными государствами.

---

⁷ Singapore Overtakes Hong Kong in World Financial Centers Ranking. Bloomberg. September 23, 2022. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-09-23/singapore-overtakes-hong-kong-in-world-financial-centers-ranking>.

Таким образом, представляется целесообразным использование расширительного подхода к концептуализации малых государств с целью более целостного понимания их феномена и увеличения количества кейсов для проведения сравнительных исследований.

Распад колониальных империй и мировой социалистической системы привёл к появлению множества небольших государств в Европе, Азии и Африке, которые имеют схожие проблемы, связанные с легитимностью границ, национальным единством и опасениями по поводу собственной независимости. За исключением процесса деколонизации британской Индии и голландской Индонезии, которые несмотря на значительную внутреннюю гетерогенность остались целыми суверенными государствами (не считая Пакистан и Бангладеш), планы о создании единой федерации англоговорящих карибских государств, единой восточной и южной Африки и стабильной федерации Малайзии не получили практической реализации [Vaughan 2009, p. viii]. Таким образом, количество государств в XX веке увеличилось, в то время как их средний размер уменьшился.

Типы малых государств

По разным оценкам можно насчитать от 20 до 70 малых государств, при этом они встречаются во всех уголках мира. Значительная часть малых государств являются островными территориями, расположенными в Тихом и Индийском океанах, а также Карибском море. Некоторые малые государства являются изолированными, другие не имеют выхода к морю, третьи — соседствуют с более крупными соседями или полностью ими окружены.

Некоторые малые государства являются странами с высоким уровнем дохода, в то время как большинство принадлежат к эшелону со средним или низким уровнем дохода, при этом степень диверсификации их экономик может варьироваться⁸. Государственная состоятельность, равно как и индекс демократии во всех малых государствах весьма различаются, как впрочем, и внутренняя логика их появления в рамках современной системы международных отношений. Так, И.Ю. Окунев выделяет следующие группы микрогосударств на

---

⁸ World Bank Data. <https://data.worldbank.org/>.

основе генезиса: северные, постфеодальные, города-микрорепублики, теократические, сепаратистские, островные [Окунев И.Ю. 2016]. Представляется, что данный перечень можно дополнить, выделив отдельно малые государства, которые являются таковыми атрибутивно или функционально, либо которые попадают сразу в обе группы.

Следует констатировать, что важное аналитическое разделение понятий лежит между малыми и слабыми государствами. Как показывает эмпирическое сравнение параметров различных малых государств между собой, не все критерии одинаково применимы к отдельным географическим кластерам (а также типам их генезиса).

Малые государства Азии и Африки в современной мировой политике

Базовым способом установления перечня малых государств является сочетание функциональных и атрибутивных признаков на основе географического фактора и генезиса политий.

Малые государства Азии и Африки представляют отдельный интерес по той причине, что как и большинство государств данных регионов они имеют колониальное наследие, различную степень произвольности проведения границ, а также связанную с ней эффективность использования территории. Кроме того, они отличаются ярко выраженной социально-экономической дифференциацией, а также показателями государственной состоятельности.

Малые государства Азии состоят в региональных подсистемах международных отношений с ярко выраженными региональными и «средними» державами, являющимися гегемонами, которые задают особенности взаимодействия между государствами в рамках конкретной региональной подсистемы.

Типичными малыми государствами Азии, как атрибутивно, так и функционально являются Бутан, практически полностью интегрированный с Индией, а также Мальдивы, являющиеся островным государством в Индийском океане. Стоит заметить, что Непал и Шри-Ланка не являются малыми государствами по атрибутивному признаку, но также занимают подчинённое положение в Южноазиатском региональном комплексе.

Бахрейн, Кувейт, Катар и Объединённые Арабские Эмираты являются атрибутивными и функциональными малыми государствами Аравийского полуострова, в то время как Оман, являясь протяжённой по территории страной, функционально дополняет ряд нефтяных монархий, которые вынуждены балансировать между Саудовской Аравией и Ираном.

Израиль, Иордания и Ливан атрибутивно являются малыми государствами, расположенными на Ближнем Востоке, при этом функционально Израиль играет более весомую роль в данном региональном комплексе благодаря наличию у него военных и экономических ресурсов, а также внешнеполитического контекста (в частности, фактор особых отношений с США).

В Юго-Восточной Азии малыми государствами можно считать Бруней, Восточный Тимор и Сингапур (островные и изолированные государства), а также Камбоджу и Лаос как государства, не имеющие выход к морю. При этом как в случае с Индией, фактор соседства с Китаем и «средними» государствами Вьетнамом, Филиппинами и Малайзией несколько трансформирует данную региональную подсистему международных отношений, усложняя комплекс диадных межгосударственных отношений.

Говоря о Центральной Азии, Киргизстан, Таджикистан и Туркменистан представляют собой малые государства по функциональному признаку, играя роль буферных государств для России и Китая наряду с такими региональными игроками как Иран, Казахстан и Узбекистан.

Малые государства Африки находятся в комплексе межгосударственных отношений без явных региональных гегемонов. На данном континенте государства, имеющий малый размер играют пропорционально периферийную роль в рамках субрегиональных комплексов. Выделение малых государств в Африке представляет наибольшую сложность в связи с неприменимостью общих признаков малых государств, которые успешно применяются в других региональных комплексах. Именно в Африке тождество между малым государством и его слабостью является наиболее распространённым. Как отмечают хорватские исследователи, сочетание качественных и количественных параметров позволяет выделить 2 малых государства в Северной Африке, 10 в Западной Африке, 4 в Центральной Африке, 11 в Восточной Африке и 4 малых государства в Южной Африке [Kurešić P., Kozina G., Kokotović F. 2017, pp. 135—138]. Основные признаки,

**Основные атрибутивные и функциональные факторы
для определения перечня малых государств в Азии и Африке**

Континент	Атрибутивные факторы	Функциональные факторы
Азия (19 малых государств)	<ul style="list-style-type: none"> — отсутствие выхода к морю — низкая плотность населения — относительно ограниченные экономические, демографические, политические и военные ресурсы — островная территория и/или изолированность 	<ul style="list-style-type: none"> — соседство с ведущими державами (Россия, Китай, Индия) и региональными «средними» державами (Иран, Казахстан, Узбекистан, Саудовская Аравия, Иран) — влияние нерегиональных игроков (США)
Африка (31 малое государство)	<ul style="list-style-type: none"> — площадь территории — количество населения — слабость государственных и экономических институтов — островная территория и/или изолированность 	<ul style="list-style-type: none"> — редкое соседство с гегемонистскими государствами (ЮАР, Эфиопия, Судан) — соседство с крупными государствами — влияние бывших метрополий

которые принимаются во внимание при определении перечня малых государств, указаны в таблице 1.

Внешнеполитические модели поведения малых государств Азии и Африки в узкой трактовке можно выделить с учётом различных сравниваемых параметров. На основе атрибутивного параметра (население менее 10 млн человек и площадь территории менее 50 000 км²) можно выделить 10 малых государств в Азии (Сингапур, Катар, Кувейт, Бахрейн, Бруней, Ливан, Мальдивы, Израиль, Восточный Тимор, Бутан) и 11 малых государств в Африке (Сейшельские острова, Маврикий, Коморские острова, Джибути, Кабо-Верде, Сан-Томе и Принсипи, Гамбия, Гвинея-Бисау, Лесото, Эсватини, Экваториальная Гвинея).

На основе комбинирования показателей участия в деятельности наиболее эффективных международных организаций (на основе базы данных проекта «Диплометрикс» Денверовского университета⁹) и наличия посольств на собственной территории, можно говорить о характере внешнеполитического представительства малых государств.

⁹ Moyer, J.D., Bohl, D.K., McPhee, J., & Turner, S. (2016). Intergovernmental Organizations Weights Codebook [Diplometrics]. Denver, CO: Frederick S. Pardee Center for International Futures, Josef Korbel School of International Studies, University of Denver.

Большинство малых государств Азии и Африки имеют низкое представительство других государств на своей территории, но весьма активно участвуют в ММО. Лишь некоторые государства относительно неактивно участвуют в ММО и включают Восточной Тимор, Бутан, Экваториальную Гвинею, а также Сан-Томе и Принсипи. Отдельно стоит упомянуть кейс государства Джибути, которое формально является участником многих ММО, имеющих влияние в современной мировой политике, по сравнению с другими малыми государствами.

Таблица 2

Характер внешнеполитического представительства

Категории	Наиболее активное участие в ММО	Активное участие в ММО	Неактивное участие в ММО	Номинальное участие в ММО	Неучастие в ММО
Высокое представительство	—	Израиль; Кувейт; Ливан; Сингапур	—	—	—
Представительства >10 ед.	Джибути	Катар; Бахрейн; Бруней; Маврикий	Восточный Тимор	—	—
Низкое представительство	—	Кабо-Верде; Гвинея-Бисау; Гамбия; Сейшелы; Лесото; Эсватини; Мальдивы; Коморы	Бутан; Экв. Гвинея; Сан-Томе и Принсипи	—	—
Нет представительства	—	—	—	—	—

Источник: составлено автором.

Также одним из способов концептуализации внешнеполитического поведения малых государств может служить условный индекс «готовности к изменению статуса-кво», операционализируемый как голосование «за» проект резолюций в Генеральной Ассамблее ООН по вопросам, призванным внести изменение в существующие параметры международных отношений.

Следует заметить, что практически все малые государства, расположенные в Африке и Азии, в 2019—2022 гг. проголосовали «за»

претворение деклараций о предоставлении независимости колониальным странам и народам, содействии установлению демократического и справедливого международного порядка, отказе от односторонних принудительных мер в реализации прав человека, поощрении справедливого географического распределения членского состава договорных органов по правам человека и отказе от односторонних экономических мер как средства политического и экономического принуждения развивающихся стран¹⁰. Причины такого географического распределения могут быть связаны со стремлением развивающихся государств (большинство из которых имеет колониальное прошлое) изменить сложившиеся стандарты распределения экономических ресурсов и отказаться от контроля со стороны надзорных органов в сфере прав человека государств Запада.

Осуществив анализ рейтинга недееспособных государств осуществляемого американскими «Фондом мира» и журналом «Foreign Policy»¹¹, а также рейтинг стран по индексу внешних и внутренних угроз «Политического атласа современности» Института общественного проектирования и МГИМО МИД России¹² (см. таблицу 3), ста-

Таблица 3

Соотношение Рейтинга несостоятельности и Рейтинга угроз

Категория	Без угроз	Угрозы	Значительные угрозы
Стабильные	Катар, Кувейт, Бруней, Сингапур, Сейшел. о-ва, Маврикий	Багамы	—
Переходные	Бахрейн	Мальдивы, Сан-Томе и Принсипи, Кабо-Верде, Соломоновы о-ва; Лесото; Израиль	Бутан
Нестабильные	Коморские острова	Джибути, Ливан, Экватор, Гвинея, Восточный Тимор, Гамбия, Гвинея-Бисау	—

¹⁰ Резолюции 74-й сессии (2019—2020), ООН. <https://www.un.org/ru/ga/74/docs/74res2.shtml>.

¹¹ Fragile State Index. <https://fragilestatesindex.org>.

¹² Политический атлас современности, 2007. https://mgimo.ru/upload/docs_3/politAtlas.pdf.

новится ясным, что монархии Персидского залива, малые государства Юго-Восточной Азии имеют наиболее благоприятное положение. В целом ни одно малое государство полностью не является несостоятельным. Обращая внимание на проблему безопасности малых государств и ограниченность их ресурсов, возможно предположить, что несостоятельные малые государства с высокой долей вероятности были бы инкорпорированы соседями и потеряли независимый статус.

Заключение

Таким образом, малые государства Африки и Азии показывают различные способы концептуализации данного термина и демонстрируют, что функциональный и атрибутивные признаки малых государств не всегда взаимозаменяемы.

Характер внешнеполитического представительства, индекс «готовности к изменению статус-кво» и соотношение рейтинга несостоятельности и рейтинга угроз позволяют провести сравнительный анализ функционирования малых государств.

Указанные способы концептуализации моделей внешнеполитического поведения малых государств отражают лишь некоторые измерения их деятельности в рамках современной системы международных отношений и призваны найти общие закономерности в такой весьма диверсифицированной аналитической группе как малые государства. При этом становится очевидным, что географический принцип (вместе с типом генезиса) распределения кластеров малых государств демонстрирует различия между малыми государствами Азии и Африки, с одной стороны, и, например, малыми государствами Европы, с другой стороны.

Библиографический список

Богауров А.Д. (1997). *Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945—1995)*. М.: Конверт — МОНФ.

Фененко А.В. (2018, 6 июля) Что нужно для многополярности? РСМД. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chto-nuzhno-dlya-mnogopolyarnosti/>.

Окунев И.Ю. (2016) Микрогосударства в условиях глобализации. В сб.: *География мирового хозяйства: традиции, современность, перспективы* / под ред. В.А. Колосова и Н.А. Слуки. М.: Ойкумена. С. 280—290.

References

Bogaturov, A. (1997) *Velikie dergavi na Tihom okeane. Istoria I teorija mezhdunarodnih otnosheni v Vostochnoi Azii posle vtoroi mirovoi voini* [Great Powers in the Pacific. History and Theory of International Relations in East Asia after World War II (1945—1995)]. Moscow. (In Russian).

Colomer, J. (2007) *Great Empires, Small Nations: The Uncertain Future of the Sovereign State*. Routledge.

Fenenko, A. (2018, July 6) Chto nuzhno dlya mnogopolyarnosti? [What is Needed for Multipolarity?] RCIR. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chto-nuzhno-dlya-mnogopolyarnosti/>. (In Russian)

Keohane, R. (1969) Lilliputians' Dilemmas: Small States in International Politics. *International Organization*, 23, 291—310.

Kurečić, P., Kozina, G., Kokotović F. (2017) Revisiting the Definition of Small State Through Theuse of Relational and Quantitative Criteria. In: *Book of Proceedings, 19th International Scientific Conference on Economic and Social Development*. P. 129—142.

Maass, M. (2009). The Elusive Definition of the Small State. *International politics*, 46(1), 65—83.

Okunev, I. (2016) [Micro-states in the Context of Globalization]. In Kolosov V., Sluka N. (Eds.), *Geography of the World Economy: Traditions, Modernity, Prospects*. Moscow. P. 280—290. (In Russian).

Vaughan A.L. (2009) Foreword: Studying Small States over the Twentieth into the Twenty-first Centuries. *The Diplomacies of Small States*. International Political Economy Series.

Гулынская Елена Владимировна

кандидат исторических наук, доцент кафедры
современного Востока и Африки РГГУ
evgoulynskaya@yandex.ru

Преподавание дисциплин по истории Востока в эпоху цифровых технологий

Аннотация. В статье анализируются особенности взаимодействия преподавателя теоретических востоковедных дисциплин и студента в условиях цифровой эпохи, которые обусловлены изменением восприятия информации молодёжью и их отношения к процессу обучения под влиянием повседневного использования цифровой техники и технологий, погружения в среду интерактивного контента. Автор рассматривает именно эту группу дисциплин (История Востока, История стран Азии и Африки, История арабских стран и т.п.), поскольку для формирования необходимых компетенций учащемуся неизбежно требуется запоминать большие объёмы фактологической информации, в связи с чем положения исследования применимы к историческим дисциплинам в целом. На примерах из практики выявляются нюансы учебного поведения студентов в условиях применения преподавателем классического подхода, основанного на чтении лекционного материала, который фиксируется студентами в письменном или печатном виде. Оцениваются методологические возможности адаптации педагогического процесса к требованиям действительности и запросу студента, среди которых: применение игровых техник, визуализации, концепции «перевернутого класса» и др. В предлагаемой парадигме преподаватель занимает позицию руководителя учебного процесса и «харизматического лидера», способного увлечь и заинтересовать аудиторию учебным предметом.

Ключевые слова: методика преподавания, теоретические дисциплины, цифровые технологии, история Востока, современное образование, высшее образование

Goulynskaya Elena

Ph.D. in History, associate professor at the department
of modern Eastern and African studies, RSUH
evgoulynskaya@yandex.ru

Teaching disciplines on the history of the East in the digital era

Abstract. The article analyzes features of interaction between teacher of theoretical disciplines on Oriental studies and a student in the digital era.

This features spring from changes in perception of information by the young people and their attitude to learning process under influence of everyday use of digital devices and technologies, immersion in an environment of interactive content. Author analyses this particular group of disciplines (History of the East, History of Asian and African countries, History of Arab countries, etc.) as student inevitably needs to memorize large amount of factual information in order to gain necessary competencies. Therefore provisions of this study are applicable to historical disciplines in general. On examples from practice are revealed nuances of students' learning behavior provided that teacher uses classical approach based on reading lecture material, which has to be recorded by students in written. Assessment is given to the methodological possibilities of adapting pedagogical process to the requirements of present reality and the student's demand, which include: use of gaming techniques, visualization, the concept of the «flipped classroom», etc. In the proposed paradigm, teacher takes position of the head of educational process and a «charismatic leader» who is able to enthrall and interest the audience in educational subject.

Keywords: *teaching methodology, theoretical disciplines, digital technologies, history of the East, modern education, higher education*

Доступность информации в сети Internet, широкое внедрение в повседневную жизнь интерактивных техник и визуального контента изменили представление студентов о процессе обучения. Их восприимчивость к материалу стала напрямую зависеть от того, в какой форме он подан. Несмотря на достаточно продолжительный период полностью или частично дистанционного обучения в российских вузах, вызванный необходимостью ограничить распространение вируса COVID-19 в 2020—2021 гг., и меры, применявшиеся ранее на государственном уровне по внедрению в системе высшего образования цифровых технологий и современных преподавательских практик, процесс адаптации педагогического сообщества к новым реалиям ещё далеко не завершён [Гаибова В.Е., Данилова Л.Н. 2022, с. 26—27]. Отсутствие единых стандартов преподавания и министерского контроля за этим процессом, продиктованное многими объективными необходимостями, не отменяет, однако потребность в поддержании высокого уровня качества образования, что в свою очередь означает соответствие процесса и результата требованиям и возможностям современности. В данном случае речь идёт именно о педагогической практике, а не статистических показателях учебного заведения.

Деятельность каждого преподавателя в той или иной мере вписывается в образовательную модель вуза, работником которого он является. Однако несмотря на контроль со стороны работодателя, осуществляемый в той мере и форме, которую считает необходимой каждое отдельно взятое образовательное учреждение, большое значение имеет человеческий фактор: опыт преподавателя, его понимание собственной роли, особенности личности и даже жизненная позиция. В этой связи уместно процитировать авторов статьи «Качество образования: политика и система (Опыт Нижегородского университета)»: «Формирование «культуры качества» в вузе, безусловно, является ключевым условием функционирования всей системы управления качеством образования» [Стронгин Р. и др. 2007, с. 3, 6]. И хотя эта публикация увидела свет достаточно давно, это положение по-прежнему актуально.

Неравномерность темпов «осовременивания» образования также связана с возможностями направления подготовки и отдельных дисциплин. Например, существенной модернизации подверглась сфера языковой подготовки, демонстрирующая открытость к обмену межвузовским и международным опытом, высокий потенциал применения цифровых технологий¹³. Одновременно теоретические дисциплины чаще всего подразумевают усвоение студентами существенных объёмов фактологического материала, без чего невозможно формирование у них требуемых компетенций. Применительно к востоковедным дисциплинам такого рода — «Истории Востока», «Истории стран Азии и Африки» и т.п. — в условиях очного обучения можно выделить ряд особенностей учебного поведения современных студентов, которые вызывают сложности у преподавателя, руководствующегося классическим подходом, либо влекут ухудшение результатов обучения:

1. Существенная часть студенческой аудитории невосприимчива к традиционной подаче информации в форме исключительно устной речи, т.е. повествования преподавателя. Однако стоит отметить, что большую роль играет сама личность педагога, наличие или отсутствие у него способности увлечь слушателей рассказом. Положительный результат могут дать следующие факторы, в совокупности или по

---

¹³ Об этом свидетельствует объём конференций, ежегодно собирающих для общения и дискуссии специалистов в области преподавания иностранных языков, количество современных учебных пособий, а также широкий выбор обучающих платформ, программного обеспечения и других технических средств и ресурсов для обучения.

отдельности: хорошо поставленная дикция, использование навыков сценической речи, элементов актерского мастерства, индивидуальная харизма. Неизменно отрицательное мнение студенты высказывают о монотонном зачитывании преподавателем лекций по текстовым материалам¹⁴;

2. Игнорирование письменной фиксации лекционного материала — конспектирования в тетради, на планшете, ноутбуке и т.п. Причём такая особенность может быть связана как с отсутствием подобного навыка, он не был выработан в процессе школьного обучения, так и с распространённым мнением о том, что в случае надобности можно задать поисковый запрос на смартфоне или компьютере и узнать ответ за секунды. Также взамен записывания в текстовой форме применяется аудиозапись на диктофон, что также имеет определённые огрехи: запись может не получиться качественной, не быть прослушана по разным причинам, учащиеся с развитой механической и зрительной памятью усваивают материал фрагментарно;

3. Нежелание заучивать точные факты и данные;

4. Рассеянное внимание и т.д.

Есть разные, иногда полярные, мнения относительно необходимости цифровизации образования, которая по мнению ряда исследователей станет полноценной реальностью к 2050 году [Неборский Е.В. и др. 2022, с. 67]. Наиболее рациональной на современной этапе представляется адаптация к объективным условиям, при сохранении высоких стандартов отечественного востоковедного образования. Ещё один аргумент в пользу такой позиции озвучивают в своей статье Гаибова В.Е. и Данилова Л.Н.: образование «призвано формировать у обучающихся различные компетенции, в том числе и цифровую грамотность» [Гаибова В.Е., Данилова Л.Н. 2022, с. 23]. Каким бы удивительным ни показалось, но далеко не все студенты начальных курсов владеют компьютерной техникой и программным обеспечением, в степени, позволяющей создавать текстовые файлы и презентации, участвовать в онлайн конференциях и семинарах, уже не говоря об отсутствии у них навыков критического анализа информации. Связано это с широким применением смартфонов

---

¹⁴ Здесь автор опирается на результаты собственных опросов студентов различных российских вузов и специальностей, проводившихся в период 2019—2022 гг., которые, однако, не формируют определённой статистики.

в повседневной жизни, удовлетворяющих потребности в общении, поиске информации, развлечениях, помогающих решать многие бытовые и коммерческие вопросы. В тоже время высшие учебные заведения должны обеспечить подготовку обучающихся к рабочему процессу, который требует владения компьютером как минимум на уровне опытного пользователя.

В современную эпоху цифровизации и информатизации не обязательно идти в библиотеку, чтобы получить необходимую информацию, запоминать данные, которые всегда можно найти в интернете, вбив поисковый запрос. Последнее, пожалуй, наиболее вредно для самих студентов, поскольку рассчитывая на такой инструментарий во время сдачи итоговой аттестации, в процесс обучения они не вовлекаются и знаний фактически не получают. При этом оценка преподавателем ответов такого качества обычно бывает низкой. Рассмотрим пример из практики. В письменной работе был поставлен вопрос: «О чём идёт речь в «декларации Бальфура»?» Один из студентов написал: «Бальфура декларация — декларация о доброжелательном отношении Великобритании к сионистским стремлениям евреев. В декларации Бальфура, которую министр иностранных дел адресовал лорду Ротшильду, участнику и лидеру сионистского движения в Великобритании, чётко сформулировано каждое слово. Мысль ясна — помочь еврейскому народу вернуться на благословенный Сион». Помимо неполной с точки зрения фактов информации, обращает на себя внимание преподавателя перестановка слов «Бальфура декларация», идеологически и эмоционально окрашенные выражения: «чётко сформулировано каждое слово», «мысль ясна», «благословенный Сион», свидетельствующие о заимствовании из интернет-источника. Ответ в работе засчитан не был.

Еще одной особенностью современности является широкое применение аудио-визуального контента и интерактивных технологий, причём не только в образовании. Для молодёжи это уже часть жизни. Представляется, что в такой ситуации перед преподавателем возникают следующие задачи.

Первое: сопроводить лекцию визуальным материалом. Это в обязательном порядке карты, слайды с датами, топонимами, именами — всем тем, что визуализирует основную информацию, выстроит «каркас» повествования. Также задействуются иллюстрации, в том числе видео: картины, фрески, портреты исторических персонажей, фрагменты

документального кино. В данном случае учебное заведение должно располагать соответствующими техническими средствами.

Второе: материал должен подаваться чётко структурированным, в зависимости от объёма курса, давая студентам такие знания, которые могут быть им полезны. Сухое перечисление второстепенных имён и дат, относящихся к определённому историческому периоду, даёт информацию, которая не может быть ни усвоена, ни записана в полном объёме, вызывает непонимание значимости этих данных. Наличие безграничного информационного пространства сети Internet заставляет преподавателя быть наставником, источником знаний, а не данных.

Третье: применение интерактивных и игровых техник на семинарских занятиях, в совокупности с чёткостью постановки задач обучающимся. Например, в качестве задания к семинару по некоему историческому эпизоду, предлагается выбрать одну из ролей государств или личностей-участников событий и рассказать, почему заняли ту или иную позицию, какие методы борьбы или защиты применяли, насколько удачным для вас был результат и т.п.? При сформулированных заранее вопросах, ответ на которые должен дать выступающий, обучающиеся внимательно прорабатывают материалы для подготовки, а элементы игры превращают хотя бы часть занятия в театрализованное представление, полемика разворачивается уже на основе «борьбы интересов» персонажей, а не стремления получить оценку повыше.

Четвёртое: использование концепции «перевёрнутого класса», когда для подготовки к занятию учащимся по заданию преподавателя требуется ознакомиться с определёнными материалами. Существуют и другие варианты данного подхода, задействующие самостоятельный поиск и анализ студентами необходимой информации, или движение от практики к теории, когда обучающиеся сначала ищут решение определённой задачи и только после этого получают теоретическое обоснование своего опыта. Все они направлены на активное вовлечение учащихся в образовательный процесс, развитие их индивидуальных способностей, творческого и критического мышления [Тихонова Н.В. 2018, с. 74—76].

Пятое: формы итоговой аттестации. Желательно проводить их полностью или частично в устной форме, либо давать такие письменные задания, которые требуют творческого подхода или необходимости высказать собственное мнение по какому-либо вопросу. Широко востребована также система «автоматов» по итогам работы на занятиях,

если она включала достаточный объём заданий, выполненных студентами на «отлично». Однако в стремлении к избавлению от необходимости сдавать экзамен или зачёт, учащиеся иногда отдают предпочтение количеству, а не качеству выполняемых работ, не уделяют должного внимания точным данным и не стремятся их запомнить, что является отрицательной стороной такой системы выставления оценки по дисциплине.

«Усвоение становится управляемым, если оно происходит под прямым или опосредованным влиянием преподавателя на активность участвующего субъекта» [Фокин Ю.Г. 2009, с. 40] писал разработчик теоретических основ методик преподавания в высшей школе Фокин Ю.Г. Представляется, что современное образование должно быть личностно- и практико-ориентированным, но при этом важнейшее значение в учебном процессе имеет преподаватель, который не просто транслирует аудитории определённую информацию, но направляет процесс обучения, формирует у студентов необходимые навыки, увлекает, мотивируя тем самым к занятиям и будущей трудовой деятельности.

Библиографический список

Гаибова В.Е., Данилова Л.Н. (2022) Цифровизация высшего образования: опыт применения новых дидактических моделей в высшей школе. *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*. № 12. С. 22—34. <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-vysshego-obrazovaniya-opyt-primeneniya-novyh-didakticheskikh-modeley-v-vysshey-shkole/viewer>.

Неборский Е.В., Богуславский М.В., Наумова Т.А. (2022) От «фабричного» к «цифровому» формату развития высшего образования. *Гуманитарные исследования центральной России*. № 2 (23). С. 62—68.

Стронгин Р., Петров А., Грудзинский А. (2007) Качество образования: политика и система (Опыт Нижегородского университета). *Высшее образование в России*. № 11. С. 3—9.

Тихонова Н.В. (2018) Технология «перевернутый класс» в вузе: потенциал и проблемы внедрения. *Казанский педагогический журнал*. № 2 (127). С. 74—78.

Фокин Ю.Г. (2009) Теоретические основы преподавания в высшей школе. *Вестник московского ун-та. Сер. 20. Педагогическое образование*. № 3. С. 31—44.

References

Gaibova, V.E., Danilova, L.N. (2022) Tsifrovizatsiya vysshego obrazovaniya: opyt primeneniya novyh didakticheskikh modelei v vysshei shkole. [Digitalization

of higher education: experience in the application of new didactic models in higher education] *Scientific and Methodical Electronic Journal «Kontsept»*, № 12, pp. 22—34. <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-vysshego-obrazovaniya-opyt-primeneniya-novykh-didakticheskikh-modeley-v-vysshey-shkole/viewer> (in Russian)

Neborskij, E.V., Boguslavskii, M.V., Naumova, T.A. (2022) Ot «fabrichnogo» k «tsifrovomu» formatu razvitiya vissshego obrazovaniya [From «Factory» to «Digital» Format of Higher Education Development]. *Gumanitarnie issledovaniya tsentralnoi Rossii*, № 2 (23), pp. 62—68. (in Russian)

Strongin, R., Petrov, A., Grudzinskii, A. (2007) Kachestvo obrazovaniya: politika i sistema (Opyt Nizhegorodskogo universiteta) [Quality of Education: Policy and System (Experience of Nizhny Novgorod University)]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, № 11, pp. 3—9 (in Russian).

Tihonova, N.V. (2018) Tekhnologiya «perevernutii klass» v vuze: potentsial i problemi vnedreniya [Flipped Classroom Technology in Higher Education Institutions: Potential and Problems of Implementation]. *Kazanskii pedagogicheskii zhurnal*, № 2 (127), pp. 74—78 (in Russian).

Fokin, Yu.G. (2009) Teoreticheskie osnovy prepodavaniya v vysshei shkole [Theoretical bases of teaching in higher school]. *Vestnik moskovskogo un-ta. Ser. 20. Pedagogicheskoe obrazovanie*, № 3, pp. 31—44 (in Russian).

Зиганшин Ринат Махмутович

кандидат философских наук, научный сотрудник
Институт востоковедения РАН (Москва, Россия)
rinatzigan@mail.ru

Традиции, модернизации, революции и страны Востока

***Аннотация.** В статье рассматривается процесс модернизации в странах Востока в контексте таких понятий как революция, колониализм, но прежде всего — традиция, понимаемая в широком смысле, начиная с самых архаических мифо-поэтических представлений до сложившихся и устоявшихся культурно-исторических особенностей. Показано, что модернизацию необходимо проводить в тесном сотрудничестве с местными традициями, в соответствии с местной спецификой и культурными особенностями. В противном случае она обречена на провал и сам процесс модернизации чреват социальными и иными потрясениями.*

***Ключевые слова:** традиция, модернизация, революция, колониализм, Восток, миллениаризм, эсхатология, Хаос, Космос*

Ziganshin Rinat

candidate of philosophical sciences, research fellow
Institute of Oriental Studies RAS (Moscow, Russia)
rinatzigan@mail.ru

Traditions, modernizations, revolutions and the countries of the East

***Abstract.** The article examines the process of modernization in the countries of the East in the context of such concepts as revolution, colonialism, but above all — tradition, understood in a broad sense, starting from the most archaic mythological and poetic ideas to the established and well-established cultural and historical features. It is shown that modernization should be carried out in close cooperation with local traditions, in accordance with local specifics and cultural characteristics. Otherwise, it is doomed to failure and the modernization process itself is fraught with social and other shocks.*

***Keywords:** tradition, modernization, revolution, colonialism, the East, millenarianism, eschatology, Chaos, Cosmos*

Традицию и модернизацию, как понятия и явления обычно принято было до недавнего времени рассматривать как несовместимые и даже противоположные. С началом эпохи Модерна в это начали вкладывать отрицательный смысл, оно ассоциировалось с косностью, отсталостью, бедностью, восточными деспотиями и т.д. В традициях видели главное препятствие модернизации и революционным обновлениям. Когда-то у нас в СССР был очень популярен лозунг: «Чтобы построить новое, нужно разрушить старое», фактически бывшим руководством к действию. Но уроки истории нам показали, что механический, тем более насильственный, отказ от всего традиционного, т.е. в чьих-то глазах консервативного (это слово в советское время имело негативный смысл), а значит «косного, дремучего, отсталого», являющегося главным препятствием всему «новому, прогрессивному, передовому», парадоксальным образом не ведёт общество вперёд, а даже отбрасывает в своём развитии назад. Кроме того, отказ от традиционных ценностей чаще всего ведёт к компрадорству (например, когда под модернизацией понимают исключительно вестернизацию и атлантизацию). Это зачастую фактически разрушает само государство, поскольку сам институт государства строится, как правило, на основе этнокультурных исторических факторах народов, населяющих определённую территорию. Разрушение же традиционной культуры и замена её другой культурой/псевдокультурой — новой модернистской, когда это происходит революционным путём и поспешными бескомпромиссными большевистскими методами, не только вскоре показывает её неживучесть, недолговременность, но и чревато всякого рода потрясениями. Мода на новые красивые идеи, их реализацию, когда они не имеют глубоких корней в традиции народа, общества, тем более внедрённых насильно, быстро проходит. С другой стороны, любое общество, разумеется, нуждается в обновлении в соответствии с требованиями времени, вызовами-ответами по А. Тойнби, но без сохранения традиций невозможна мобилизация собственных культурно-цивилизационных ценностей для ответа на эти самые вызовы назревших перемен. Искусственное же отделение одного от другого этих явлений, неразрывных и взаимосвязанных, как Инь и Ян, их противопоставление, рассмотрение с крайних непримиримых позиций — путь заведомо ущербный, ведущий в тупик.

В ценностном, содержательном плане традиция аккумулирует в себе некую систему норм, обычаев и мировоззренческих установок,

составляющих наиболее значимую часть «классического» наследия данного социума, культурной общности, мыслительного направления. В функциональном плане традиция выступает посредником между современностью и прошлым, механизмом хранения и передачи образцов, приёмов и навыков деятельности (технологий), которые явочным порядком входят в реальную жизнь людей и не нуждаются в каком-то особом обосновании и признании, кроме ссылки на свою давность и укоренённость в культуре. Передача осуществляется посредством многократного повтора и тиражирования традиционных действий и отношений (обычай), церемоний и обрядов (ритуал), символических текстов и знаков. Традиция представляет собой такую разновидность исторического сознания, где прошлое претендует быть прообразом настоящего и даже одним из источников совершенства будущего¹⁵.

Модернизационное направление исследований является междисциплинарной попыткой освещения проблем развития. Специалисты вынуждены признавать, что понятие модернизация не слишком чёткое, допускает определённые двусмысленности в толковании его содержания, но, тем не менее, оно более удобно в использовании по сравнению с прочими терминами [Матвеев Ю.И. 2012, с. 153—154]. Словари и энциклопедии определяют это понятие по-разному, более или менее удачным из которых видится следующее: Это концепция революционного перехода от доиндустриального к индустриальному обществу путём комплексных реформ, занимающих достаточно большой промежуток времени, в результате чего кардинально изменяются социальные институты общества и образ жизни людей; совокупность технологических, экономических, культурных, политических изменений, которые направлены на усовершенствование общественной системы в целом. Модернизация представляет собой процесс перехода от традиционного, аграрного общества к обществам современным, индустриальным. Это более широкий социальный процесс, чем индустриализация или переход к капитализму. Это взаимообусловленные общественные процессы и изменения на базе индустриализации, которые характеризуются: ростом специализации и дифференциации труда, бюрократией, формированием политических институтов со-

---

¹⁵ Национальная философская энциклопедия: URL: <https://terme.ru/termin/tradicija.html#:~:text=В%20функциональном%20плане%20традиция%20выступает,давность%20и%20укорененность%20в%20культуре.>

временного типа (избирательная система, политические партии, парламентаризм), открытой стратификационной системой, высокой мобильностью, ослаблением традиционных ценностей (семья, религии, морали), ростом индивидуализма и т. п.¹⁶

Традиционные общества стран Востока (и не только) исторически закономерно столкнулись с вызовами, связанными с модернизацией. Последнее часто понимается и трактуется как вестернизация, американизация, и даже как унификация в контексте глобализации. Без модернизации стало невозможно сохранение самого государства, поскольку в виду индустриальной, а значит и военно-технологической отсталости, его тут же сомнут, захватят, колонизируют, а то и вообще уничтожат. Невозможно также успешно вести национально-освободительную борьбу, если страну уже колонизировали и сделали зависимой от метрополии. Но без сохранения традиций, как нам показывает история, также невозможно как сохранение государства, так и его успешная модернизация. Эти вещи взаимосвязанные и взаимозависимые. Опыт стратегий модернизации Японии, Китая, Южной Кореи, Сингапура, Индии и др., показывает, что успешная модернизация основывается на синтезе принципов западной технократической культуры с собственными духовными традициями, при сохранении национальной идентичности и самобытности.

Любая же попытка слепо копировать чужую модель приводит к серьёзнейшим последствиям, что показывает опыт этих и других азиатских стран. Так, отмечает С.И. Лунев, в период правления Реза Пехлеви Иран был «витриной» западной модернизации. К 1979 г. Иран добился существенного прогресса по макроэкономическим показателям, но всё это сопровождалось ухудшением материального положения и статуса огромного числа крестьян, рабочих и значительных слоёв мелкой буржуазии, которых к тому же пытались лишить традиций в повседневной жизни; потерей социальной перспективы для среднего класса и «белых воротничков»; полной неустроенностью большинства молодёжи. Это и предопределило победу иранской революции. Таким образом, вестернизация может приводить к краху незападные страны, если они не предпринимают попыток адаптировать западные модели к своим конкретным условиям и способствовать постепенной трансформации менталитета автохтонного населения (иранская мо-

---

¹⁶ Национальная философская энциклопедия: URL: <https://terme.ru/termin/modernizacija.html>.

дернизация не затрагивала базовую сущность местной цивилизации, а предлагала лишь новые, вестернизированные формы) [Лунев С.И. 2012, с. 86—87].

Если принять во внимание чрезвычайную внутреннюю этническую и культурную гетерогенность азиатских стран по сравнению с западными державами, то понятна особо важная роль государства и религии в данных государствах. Опыт целого ряда стран Восточной Азии свидетельствует, что именно деятельность государства имела основополагающее значение при формировании новых структур, что позволило таким державам в сжатые исторические сроки перенять у высокоразвитых стран достижения научно-технической революции и завершить процессы индустриализации. Конечно, чисто административная система, как показывает опыт азиатских стран, действительно менее эффективна по сравнению с рыночной. Но этот же опыт демонстрирует, что любой бизнес, в отсутствие реального контроля, будет стремиться лишь к получению максимальной прибыли, что, как правило, не отвечает интересам подавляющего большинства населения и не способствует развитию науки и высокотехнологического производства [Лунев С.И. 2012, с. 87].

В восточной политологии, отмечает также С.И. Лунев, появились новые концепты на основе противопоставления «индивидуалистического» Запада «коллективистскому» Востоку. Особое звучание получили идеи «азиатских ценностей», чьё быстрое распространение было связано, прежде всего, с давлением Запада после распада bipolarной системы на развивающиеся страны в целях приведения их к наибольшему соответствию с западной моделью построения общества и экономики. Это встретило отторжение во многих благополучных странах Восточной Азии, которые были воодушевлены экономическими успехами и не желали распространения в регионе пороков, свойственных индивидуалистической западной парадигме: высокий уровень преступности, распространение наркотиков, резкий рост разводов, проблема бездомности, расовое напряжение в обществе. Здесь начали активно прорабатывать концепцию «азиатских ценностей», в которые включают семью как оптимальную модель организации, сильную клановую систему, дисциплину и повиновение, уважение к старшим, приоритетное значение общественного согласия, сильное государство. Данная теория выполняла две весьма противоречивые задачи: 1) защитить ряд традиционных ценностей и объяснить

их основополагающее значение для азиатских стран; 2) обосновать свой путь абсолютно необходимой модернизации, но чётко показать её неполное совпадение с вестернизацией. Таким образом, заключает С.И. Лунев, мы имеем дело с реальной попыткой синтеза восточных и западных норм. Как это ни парадоксально, концепция выполняла в Сингапуре модернизирующую функцию, постепенно видоизменяя менталитет населения в сторону сближения с западными нормами. Чан Хенг Чи, сингапурский учёный (доктор философии) и дипломат отмечала, что от либеральной демократии азиатские ценности отличаются коммунитаризмом, уважением к власти, наличием доминирующей партии, сильным государством и централизованной, жёстко иерархизированной бюрократией [Лунев С.И. 2012, с. 88—89].

По мнению Хантингтона, надо пройти какой-то уровень вестернизации, а далее перейти к национальной модели модернизации или иначе, к тому типу развития, который диктуется национальными нуждами, т.е. нуждами данного общества. Национальный в данном контексте понимается не как этно-центристский, а как соответствующий интересам основной геополитической единицы современности — национальному государству. Получается, что необходимый и достаточный уровень усвоения западного опыта ведёт сегодня к национальной модели развития, а значит к многообразию типов модернизации, возникающих на этапе сегодняшнего развития. Эта мысль Хантингтона, воспринимаемая как самая сомнительная часть его концепции возможного столкновения цивилизаций, вызвавшей серьёзное сопротивление, вскоре была подтверждена как новым характером социальных изменений, так и новыми концепциями. Среди них, концепция одного из самых крупных специалистов по теории модернизации Ш. Эйзенштадта, который доказал, что в условиях глобализации находящийся в трансформации Запад не может быть по-прежнему универсальным образцом развития. Каждое общество само решает, в каком типе модернизации оно нуждается. Появляется множество «модернизмов», складывающихся на локальном уровне [Федотова В.Г. 2009, с. 22—23].

Э.А. Паин, рассматривая эволюцию модернизационных теорий, отмечает, что стала очевидной ошибочность прямого противопоставления традиций и инноваций, и не только потому, что современные общества включают в себя многие традиционные элементы: традиционные общества, в свою очередь, нередко обладают такими чертами, которые потом считаются современными. Кроме того, выяснилось, что

сама модернизация нуждается в опоре на традицию, поскольку традиционные символы и формы лидерства могут оказаться жизненно важной частью ценностной системы, на которой основывается модернизация¹⁷. На рубеже 1960-х—1970-х гг. идея модернизации подверглась серьёзной критике. Классической в то время её версии, развиваемой почти полтора века многими мыслителями от Г. Спенсера и Д. Белла до М. Вебера, У. Ростоу и К. Керра, ставилось в вину эмпирическое несоответствие постулатов и реальности, наблюдаемой в странах «третьего мира», подвергшихся модернизации в значительной мере под давлением внешних сил. Форсирование модернизационных процессов сопровождалось разрушением традиционных институтов и жизненных укладов, что нередко влекло за собой социальную дезорганизацию, хаос, аномию, рост девиантного поведения и преступности. В ходе такой модернизации не удалось преодолеть и нищету, масштабы которой даже увеличились. Не только не исчезли, но и широко распространились авторитарные и диктаторские режимы, обычным явлением стали войны и народные волнения, возникли новые формы религиозного фундаментализма, национализма, трайбализма [Паин Э.А. 2009, с. 37].

Однако, представления о кончине модернизма оказались преждевременными. К середине 1980-х гг. произошло оживление интереса к теории модернизации, сопровождаемое изменением характера научных дискуссий. Это было связано прежде всего с переменами мировой геополитической обстановки, вызванными распадом лагеря социализма и стремлением посткоммунистических обществ «вернуться» в Европу. Постмодернизм не смог ответить на вопросы, поставленные новым витком процесса догоняющей модернизации. В рамках обозначенной парадигмы с её отказом от идеи предсказуемости общественного развития и противопоставлением ей идеи деконструкции истории было невозможно выдвинуть концепцию, пригодную как для научного прогнозирования, так и для объяснения существующих проблем. В теоретическом аспекте постмодернизм постепенно вытесняется из сферы социологического знания и находит свою нишу в области литературы, архитектуры и искусства. В политической же практике конца XX в. он и вовсе стал знаменем антиглобалистских, анархических, леворадикальных и даже религиозно-фундаменталистских движений и сил. Теория модернизации, наоборот, оказалась в это

---

¹⁷ См.: [Федотова В.Г. 2014, с. 87].

время весьма продуктивной для объяснения новых исторических процессов [Паин Э.А. 2009, с. 39].

Модернизация, как и другие изменения в обществе, могут идти и идут двумя путями — революционными и эволюционными. Первое зачастую ломает, отвергает традиции, переформатирует общество и чревато потрясениями. Второе, подразумевает плавные, постепенные изменения в соответствии с культурно-историческими потребностями и зачастую в контексте традиций данного общества. Зададимся теперь вопросом: почему для таких стран с сильными традиционными устоями как Китай и Россия оказалась так привлекательна идея революции (в т.ч. мировой, перманентной) и идеи марксизма соответственно в ленинской и маоистской интерпретации? Т.е. западное учение, источниками и составными частями которого являются (по В.И. Ленину) немецкая классическая философия, английская политэкономия, французский социал-утопизм. Казалось бы, чем сильнее в какой-либо стране традиционные ценности, тем сложнее в неё внедрить какие-нибудь радикальные идеи. Но недавний исторический опыт Китая и России это опровергает! Синьхайская революция 1911 г. в Китае и Октябрьская революция 1917 г. в России нашли огромное количество сторонников, впрочем, как и немало противников. Но главное, что революционные идеи там и там овладели умами значительной доли интеллигенции.

Ответ на свой вопрос я вижу в том, что как это не парадоксально, тяга к традиционным ценностям несколько не противоречит тяге к революциям. То и другое находится в архетипах и архаическом сознании как соотношение Хаоса и Космоса — Хаос служит для исправления «неправильного» Космоса. В традиционных обществах тем более достаточно сильны хилиастические настроения — ожидания времени «торжества правды Божьей на земле». Это характерно для христианской цивилизации, хотя такие настроения можно проследить и в некоторых исламских течениях, например, ожидания пророка Махди, что в традиционном Исламе суннитского толка считается ересью. В традиционных обществах, не связанных с авраамическими религиями, привлекают учения, меняющие ориентацию «Золотого века» с прошлого на будущее. Причём на скорое будущее! Так статичные цивилизации меняются на динамичные, у которых «Золотой век» в представлениях людей из идеального, но недостижимого прошлого оказывается в вполне достижимом будущем. Идеи справедливости, свободы, равенства, братства будут востребованы в любом обществе,

в любое время. Люди готовы идти за «пророком», проповедующим новое учение — религиозное или светское, которое все это обещает. Для достижения счастья и построения нового лучшего мира необходимо разрушить мир старый «До основанья, а затем...». Но потом, как правило, происходит разочарование и возврат к исконным традициям. Здесь выступают в сознании людей, точнее в коллективном бессознательном, другие архетипы — исторические аналоги прошлого.

Это некие хилиастические милленаристские ожидания прихода царства всеобщей справедливости и счастья. Исследователи, занимавшиеся проблемой утопий и социальной справедливости в Англии революционного времени, — Т.А. Павлова, Э. Бернштейн, У. Шенк и другие указывали на тесную связь идущих из Средних веков милленаризма и революции как попытки преодоления социальных проблем: неравенства, несправедливости и т.п. Именно в милленаристских воззрениях лежат основы многих проявившихся впоследствии социальных, а зачастую и политических протестов [Балушкина Е. 2013, с. 235—236].

Человека, по выражению Н.А. Бердяева, мучит предчувствие ада. Но у него есть также глубоко впавшее в сердце воспоминание о рае и мечта о рае. И где-то в глубине происходит совпадение райского воспоминания с райской мечтой. Наша жизнь протекает между раем и адом. Мы — изгнанники из рая, но не попавшие ещё окончательно в ад. Из середины нашего мира, в котором всё так не походит на рай, мы мыслим рай в прошлом, в начале, и в будущем, в конце. Изначальное прошлое и конечное будущее смешиваются в идее рая. Языческое мифологическое сознание знает Золотой век, рай в прошлом, но не знает мессианского ожидания рая в будущем. Это мессианское ожидание свойственно было лишь древнему Израилю. Мифология всегда в прошлом, мессианизм всегда в будущем. Библейское сказание о рае как первоначальном состоянии человека и природы есть миф (понимая миф реалистически). Пророчества же, ожидание в будущем явления Мессии и наступления Царства Божьего есть мессианизм» [Бердяев Н.А. 1993, с. 24—243]. Познание добра и зла связано с утратой райской цельности, но путь познания добра и зла до конца должен был быть пройден [Бердяев Н.А. 1993, с. 244—245]. Н.А. Бердяев утверждает, что: «В хилиастическую идею вложена мечта человека о счастье и блаженстве, о мессианском пире, о рае не только на небе, но и на земле, не только в вечности, но ещё в нашем историческом времени... Хилиазм есть древнее упование человечества, что в конце

мирового процесса будет явлено Царство Божье, правда Божья осуществлена, будет царство святых, т. е. в каком-то смысле рай будет ещё в пределах нашего времени» [Бердяев Н.А. 1993, с. 247].

Мифы о конце Света, более или менее определённо предполагающие воссоздание новой вселенной, выражают одну и ту же древнюю и очень распространённую идею о прогрессирующей «деградации» Космоса, что требует его периодического разрушения и восстановления. Именно из этих мифов о конечной катастрофе, которая будет в то же время провозвестником неизбежного возрождения мира, вышли и развились уже в наше время пророческие и милленаристские тенденции первобытных обществ. Милленаризм (лат. *millenium* — тысячелетие) — это учение о кардинальных преобразования общества, связанных с тысячелетними циклами. В более общем смысле термин используется для обозначения любой сакрализации 1000-летней периода времени. Явление милленаризма существует во многих культурах и религиях. Отдельно выделяют христианский милленаризм (хилиазм) — учение, говорящее о тысячелетнем Царстве Божием на земле в конце истории, в продолжение которого сатана будет скован, а святые мученики будут царствовать вместе с Христом, в награду за свою святость став участниками «первого воскресения».

Космос и Хаос со временем сменяют друг друга практически во всех мифах. В головах людей также происходит стремление то к Космосу, то к Хаосу. Т.е. привлекательным для них является то одно, то другое, в зависимости от времени и конкретных обстоятельств. Хаос выступает как инструмент исправления «неправильного» в их понимании Космоса, что в практической форме проявляется в стремлении сменить дискредитировавшую себя в глазах народа правящую династию во главе с императором, утратившим «мандат Неба», если проецировать это на китайскую цивилизацию. В Китае крестьянские восстания часто воспринимались как проявление воли высших небесных сил для свержения деградировавшей, скомпрометировавшей себя в глазах народа правящей династии. Руководители же крестьянских восстаний становились императорами и основывали новые династии, которые, в свою очередь, свергались новыми крестьянскими восстаниями или иноземными завоевателями.

В космогонических мифах, по мнению Б.М. Мелетинского, развитых мифологических систем упорядочивающая деятельность богов более ясно и полно осознаётся как преобразование Хаоса, т. е. состо-

яния неупорядоченности, в организованный Космос, что составляет в принципе главнейший внутренний смысл всякой мифологии, в том числе и архаической. В мифах о хаосе этот смысл и пафос проявляются наглядно, эксплицитно, посредством адекватной мифологической темы. Как известно, энтропия преодолевается информацией, а мифологической информацией *par excellence* является космогония как повествование о структурировании, формировании упорядоченного мира из его хаотического первоначального состояния. Образ Хаоса, как такового, находим в полинезийской, японской, китайской, древнеамериканской (доколумбовой), египетской, вавилонской, греческой, скандинавской, иудейской и других мифологиях [Мелетинский Б.М. 2000, с. 205—206].

Таким образом, разрушение этого мира связано не только с пессимистическими, но и с оптимистическими ожиданиями, которые глубоко сидят в человеческом сознании и, так или иначе, проявляются, также и во время революций. Это имеет отношение к теме обращения к истокам и возвращениям, здесь также можно усмотреть веру людей в возможность восстановления абсолютного «начала», что, по мнению М. Элиаде, предполагает символическое разрушение и уничтожение старого мира. Начало, следовательно, предполагает конец и наоборот, так как служащий примером образ того начала, за которым следует конец, — это год, круговое космическое время, каким оно проявляется и ощущается в ритме времён года и в закономерности небесных явлений. Но здесь потребуется одно уточнение: если вероятно, что непосредственное восприятие «года» как цикла лежит в основе идеи периодически обновляющегося Космоса, то в мифоритуальных сценариях Нового года проявляется другая идея, имеющая другую структуру и другой генезис. Это идея, развивает свою мысль М. Элиаде, «совершенства начал», выражающая более глубокий сугубо личный религиозный опыт, питаемый воспоминаниями «утраченного рая», того блаженства, которое предшествовало современному уделу человеческому. Возможно, что мифо-ритуальный сценарий Нового года сыграл такую важную роль в истории человечества как раз потому, что, сохраняя космическое обновление, он давал вместе с тем надежду на обретение первоначального счастья. Образ «года-круга» приобрёл космически-жизненное двойственное символическое значение, одновременно «пессимистическое» и «оптимистическое». Ведь протекание Времени предполагает всё большее удаление от «начала»,

а, следовательно, и утрату первоначального совершенства. Всё, что происходит во времени, разрушается, распадается, вырождается и в конце концов погибает. Очевидно, речь идёт о «виталистском»¹⁸ выражении Реального, но не следует забывать, что для первобытного человека существование раскрывается и объясняется в понятиях жизни. Неисчерпаемость и могущество присутствуют вначале: в этом источник «пессимизма», свойственного этой идее. Но хотя неисчерпаемость быстро утрачивается, она периодически восстанавливается. Год имеет конец, то есть за ним автоматически следует новое начало. М. Элиаде считает, что у идеи, будто совершенство было в начале достаточно древнее происхождение. Во всяком случае, она очень распространена, бесконечно интерпретируется заново и интегрируется в многочисленных религиозных концепциях. Идея совершенства «начал» сыграла важную роль в систематической разработке всё более обширных космических циклов. Обычный год значительно расширился, порождая «Большой год» или космические циклы неисчерпаемой длительности. По мере того, как космический цикл становился всё более обширным, идея совершенства начала всё более и более имплицитно дополнять идею, а именно: для того, чтобы началось нечто истинно новое, нужно полностью уничтожить остатки всего старого цикла. Иначе говоря, если мы желаем абсолютного начала, то конец мира должен быть самым радикальным.

Таким образом, эсхатология у М. Элиаде есть всего лишь префигурация космогонии будущего. Но во всякой эсхатологии подчёркивается следующее: новое творение не может совершиться, пока этот мир не будет окончательно разрушен. Речь идёт не о восстановлении того, что вырождается, а об уничтожении старого мира с тем, чтобы воссоздать мир *in toto*¹⁹. Навязчивая идея «Золотого века», блаженного начала требует уничтожения всего того, что существовало и изжило себя, начиная с сотворения мира: это единственная возможность достичь первоначального совершенства. Конечно, все эти ностальгические верования присутствуют уже в мифо-ритуальных сценариях ежегодного

---

¹⁸ Витализм (от латинского *vitalis* — жизненный), течение в биологии, признающее наличие в организме нематериальной, непознаваемой силы («жизненная сила», «душа», «энтелехия» и другие), управляющей жизненными явлениями и обеспечивающей целостность организма. Виталистические воззрения зародились в древности и в различных формах периодически возрождаются.

¹⁹ Полностью (лат.).

обновления мира. Но, начиная с предземледельческой стадии культуры, всё большее распространение получает идея существования не только ритуальных, но также и действительных разрушений и воссозданий мира, идея «возврата к истокам» в буквальном смысле слова, то есть регрессия Космоса в аморфное хаотическое, состояние, за которым следует новая космогония. Лучше всего иллюстрируют эту концепцию мифы о конце света. Они представляют интерес, конечно, и сами по себе, но, кроме того, способны прояснить функцию мифа вообще. Мифы о конце мира сыграли, по мнению М. Элиаде, важную роль в истории человечества. Они выявили «подвижность происхождения»: действительно, с некоторых пор «происхождение», «генезис» располагается не только в мифическом прошлом, но и в отдалённом, легендарном будущем. Известно, что к этому заключению пришли стоики и неопифагорейцы, систематически разрабатывавшие идею о вечном возвращении. Но понятие «истока», «начала» прежде всего связано с идеей совершенства и блаженства. Вот почему в идеях эсхатологии, понимаемой как космогония будущего, мы обнаруживаем источники всех верований, провозглашающих Золотой век не только в прошлом, но равным образом в будущем (или же только в будущем) [Элиаде М. 1996, с. 58—61].

Таким образом, мировой опыт свидетельствует, что модернизацию необходимо проводить в тесном сотрудничестве с местными традициями, в соответствии с местной спецификой и культурными особенностями. В противном случае модернизация, без которой, как мы выяснили, не обойтись странам «догоняющего развития», обречена на провал и сам процесс модернизации чреват социальными и иными потрясениями. Революционные же идеи даже в своей крайней насильственной форме зачастую не противоречат, а подкрепляются традиционными архаическими представлениями, как мы показали на примере России и Китая.

Правда, проявляться они могут по-разному в зависимости от культурных особенностей и традиций. Например, идейной спецификой маоизма, по мнению Л.С. Васильева, т.е. наложившегося на китайскую традицию марксизма, который оказался догматически более весомым, чем сталинизм. При всём функциональном и идейном сходстве со своим старшим братом, сталинизмом, маоизм — в полном соответствии с классической китайской традицией в сфере мировоззренческих принципов и менталитета — отличается отчётливо

заметной склонностью доводить все начинания до логически мыслимого предела, до абсурда [Васильев Л.С. 1995, с. 97]. Религиозная же традиция Индии напротив отвергала насильственное свержение власти английских колонизаторов путём революции. Поэтому такие идеи не находили массовой поддержки среди населения. Большей популярностью пользовались идеи ненасилия, поэтому протесты проходили в виде массовых мирных манифестаций, саботажа английских колониальных законов, бойкота английских товаров.

Библиографический список

Балушкина Е. (2013). От средневекового милленаризма к революционной утопии. *Вестник РГГУ*. Сер. Литературоведение. Языкознание. Культурология, № 13 (114). С. 235—247.

Бердяев Н.А. (1993). *О назначении человека*. М.: Республика.

Васильев Л.С. (1995). *Древний Китай. Т. I: Предыстория, Шан-Инь, Западное Чжоу (до VIII в. до н. э.)*. М.: Восточная литература РАН.

Лунев С.И. (2012). Политическая мысль и модернизация на Востоке. *Сравнительная политика*. № 1 (7). С. 83—95.

Матвеев Ю.И. (2012). Модернизация: теория и современность. *Известия ТулГУ. Гуманитарные науки*. 1-1. С. 153—164.

Мелетинский Б.М. (2000). *Поэтика мифа*. М.: Восточная литература РАН, 2000.

Паин Э.А. (2009). Многокультурная модернизация: эволюция теоретических взглядов. *Общественные науки и современность*. 6. С. 37—54.

Федотова В.Г. (2014). Модернизация и традиция. *Знание. Понимание. Умение*. 2. С. 80—91.

Федотова В.Г. (2009). Новые тенденции в понимании модернизации. *Новые исследования Тувы*. 1-2. С. 18—29.

Элиаде М. (1995). *Аспекты мифа*. Пер. с фр. В. Большакова. М.: Инвест-ППП.

References

Balushkina, E. (2013). Ot srednevekovogo millenarizma k revolyucionnoj utopii [From medieval millenarianism to revolutionary utopia]. *Bulletin of the Russian State University*. Ser. Literary criticism. Linguistics. Culturology, No. 13 (114). P. 235—247 (In Russian).

Berdyayev, N.A. (1993). *O naznachenii cheloveka* [On the appointment of a person]. M.: Republic. (In Russian).

Vasiliev, L.S. (1995). *Drevnij Kitaj. T. I: Predystoriya, Shan-In', Zapadnoe Chzhou (do 8 v. do n. e.)* [Ancient China. Vol. I: Prehistory, Shang-Yin, Western Zhou (before the 8th century BC)]. Moscow: Vostochnaya literature RAS (In Russian).

Lunev, S.I. (2012). Politicheskaya mysl' i modernizaciya na Vostoke [Political thought and modernization in the East]. *Comparative politics*. No. 1 (7). P. 83—95. (In Russian).

Matveenko, Yu.I. (2012). Modernizaciya: teoriya i sovremennost' [Modernization: theory and modernity]. *News of TulSU. Humanities*. 1-1. P. 153—164. (In Russian).

Meletinsky, B.M. (2000). *Poetika mifa* [The poetics of myth]. Moscow: Vostochnaya literatura RAS, 2000. (In Russian).

Pain, E.A. (2009). Mnogokul'turnaya modernizaciya: evolyuciya teoreticheskikh vzglyadov [Multicultural modernization: the evolution of theoretical views]. *Social sciences and modernity*. 6. P. 37—54. (In Russian).

Fedotova, V.G. (2014). Modernizaciya i tradiciya [Modernization and tradition]. *Knowledge. Understanding. Ability*. 2. P. 80—91. (In Russian).

Fedotova, V.G. (2009). Novye tendencii v ponimanii modernizacii [New trends in the understanding of modernization]. *New studies of Tuva*. 1-2. P. 18—29. (In Russian).

Eliade, M. (1995). *Aspekty mifa* [Aspects of the myth]. Translated from French by V. Bolshakov. M.: Invest-PPP. (In Russian).

Коновалова Нина Анатольевна

кандидат искусствоведения, советник РААСН,
заместитель директора по научной работе,
ведущий научный сотрудник НИИТИАГ
(филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России»),
ведущий научный сотрудник НИИ РАХ,
phuekirjuko@mail.ru

Маевская Марианна Евгеньевна

старший научный сотрудник НИИТИАГ
(филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России»), профессор МААМ,
член АИС, руководитель образовательного направления
«Архитектура города» факультета «Liberal Arts»
Института общественных наук РАНХиГС,
Marianna.maevskaya@gmail.com

Формирование новой визуальности городов в XXI веке: архитектурные стратегии стран Азии

***Аннотация.** На протяжении двух последних десятилетий в Китае, Индии, Южной Корее, Индонезии и других странах азиатского региона, а также на Ближнем Востоке произошёл качественный скачок в интенсификации развития городов. Этот процесс коснулся как уже существующих городов с глубокими историческими корнями, так и совершенно новых градостроительных образований. Многочисленное планирование и строительство новых городов, реформативное пространство и интенсивное развитие исторических мест расселения выработали определённую серию стратегий, которые получили свою выраженную региональную специфику. Данная статья посвящена выявлению и анализу инструментария этих региональных стратегий развития городов в современном мире.*

Тенденция формирования новой визуальности городов является общемировым процессом, ожидаемым ответом образно-художественной и пространственной среды современных городов на меняющиеся общественно-политические и культурологические реалии нового века. Разрабатываемые стратегии развития отдельных городов всегда носят конкретный характер. Но при более широком охвате материала становится очевидно, что эти стратегии имеют много общих черт в макрорегиональном масштабе. Среди наиболее эффективных стратегий формирования новой образности городов стран Азии и Ближ-

него Востока — создание высотных доминант с запоминающимся силуэтом, либо завершением; создание общественных пространств и учреждений культуры общегородского и национального значения; круглосуточное использование светодизайна, медиафасадов и видеопроекций; продвижение эко-ориентированной архитектуры.

Ключевые слова: *стратегия развития, новая визуальность, скайлайн городов, архитектурные доминанты, национальная самоидентификация, образность архитектуры, медиатехнологии, видеомэппинг, экологическая архитектура*

Konovalova Nina A.

PhD in Arts, Councilor of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences, Deputy Director for Research Work, Leading Researcher of the Research Institute on the Theory and History of Architecture and Urban Planning — Branch of the Federal State Budget Institution «Central Research and Planning Institute of the Ministry of Construction of the Russian Federation», Research Institute of Theory and History of Fine Arts, Russian Academy of Arts, phuekirjuko@mail.ru

Maevskaya Marianna E.

Leading Researcher of the Research Institute on the Theory and History of Architecture and Urban Planning — Branch of the Federal State Budget Institution «Central Research and Planning Institute of the Ministry of Construction of the Russian Federation», professor of International Academy of Architecture (Moscow), Head of education department «Cities Architecture» on the faculty «Liberal Arts» of Social Sciences, marianna.maevskaya@gmail.com

Formation of a new visuality of cities in the 21st century: architectural strategies of Asian countries

Abstract. *Over the past two decades, there has been a qualitative leap in the intensification of urban development in China, India, South Korea, Indonesia and other countries of the Asian region, as well as in the Middle East. This process has affected both existing cities with deep historical roots and completely new urban formations. Numerous planning and*

construction of new cities, reformatting of space and intensive development of historical settlement sites have developed a certain series of strategies that have received their pronounced regional specificity. This article is devoted to the identification and analysis of the tools of these regional strategies of urban development in the modern world.

The trend of the formation of a new visuality of cities is a worldwide process, the expected response of the figurative, artistic and spatial environment of modern cities to the changing socio-political and cultural realities of the new century. The developed strategies for the development of individual cities are always specific. But with a broader coverage of the material, it becomes obvious that these strategies have many common features on a macro-regional scale. Among the most effective strategies for forming a new image of cities in Asia and the Middle East are the creation of high-rise dominants with a memorable silhouette or completion; the creation of public spaces and cultural institutions of citywide and national significance; the round-the-clock use of lighting design, media facades and video projections; the promotion of eco-oriented architecture.

Keywords: *development strategy, new visuality, skyline of cities, architectural dominants, national identity, imagery of architecture, media technologies, video mapping, ecological architecture*

Введение

Рубеж тысячелетий всегда представляется какой-то особенной вехой в смене привычного характера развития событий. Видоизменение городского пространства, происходящее с разной интенсивностью в разные периоды, требует внятного анализа с очевидными временными границами. А в случае анализа пространства азиатских городов на современном этапе развития, требует ещё и очень широкого охвата огромного количества объектов, поскольку размах и география появления объектов новейшей архитектуры с начала XXI века в таких странах, как Китай, Индия, Япония, Южная Корея и др. очень обширна. Помимо масштабного количественного приращения городской застройки в регионе, очень важным оказывается видоизменение образно-художественной составляющей новейшей архитектуры.

В качестве основных стратегий в создании архитектурно-художественных характеристик современных городов стран Азии, формирующих их ведущие визуальные параметры, предлагается выделить следующие:

— создание знаковых сооружений, изменивших общий скайлайн азиатских городов и обладающих «вау-эффектом». В конце 1990-х гг., и в 2000-х гг. особую роль играли отдельные иконические здания с выдающимися техническими параметрами (башни, небоскрёбы с необычным силуэтом, завершением, уникальным фасадным покрытием и т.д.);

— широкое использование медиатехнологий (навесных фасадных и отдельно стоящих LED-экранов, цельных медиафасадов, элементов видеомэппинга), активное их включение в общий облик сложившейся застройки. Причём именно в азиатских странах использование различных форм видеопроекций и элементов светового дизайна широко распространилось (особенно в 2010-е гг.) не только на собственно знаковые архитектурные сооружения, но стало частью массового благоустройства с природной составляющей городской среды. (Появились разнообразно интегрированные в городскую ткань ландшафтные парки со свето-дизайнерскими решениями, сложные многоуровневые городские общественные пространства с разнообразной системой светового оформления);

— строительство зданий-символов, создающих узнаваемые образы конкретных мест и становящиеся маркерами национальной самоидентификации.

Выделенные стратегии заметно повлияли на общий характер образности азиатских городов в новом веке, изменив привычные визуальные акценты как в структуре уже сложившихся кварталов многих городов региона, так и в районах новой застройки последних лет.

1. Знаковые иконические сооружения

Архитектурные стратегии развития городов стран Азии на рубеже тысячелетий во многом ориентировались на создание новых высотных доминант и остро индивидуальных, программно-непохожих на своё окружение объектов. Новые возможности проектной и строительной индустрий, развившиеся благодаря широкому внедрению цифровых технологий в эту сферу жизнедеятельности, способствовали росту общественного запроса на создание особенно запоминающихся и прежде невиданных построек во всем мире (илл. 1). Наиболее ярко эта тенденция отразилась в так называемой «высотной гонке» рубежа

Илл. 1. Круглый небоскрёб-монета Fangyuan в Шеньяне (99,75 м) 2011, разработан бюро CY Lee & Partners Architects / Planners. Символизирует богатство и процветание

1990-х — 2000-х гг. Утверждение и реализация проектов супервысоких (более 300 м) башен с запоминающимся завершением и силуэтом привело к заметному изменению скайлайна городов. Многие азиатские города остро соперничали друг с другом за право обладания различными титулами в области высотного строительства. Последовательно считались самыми высокими в Азии небоскрёбы Сингапура, Шанхая, Токио и Сеула. Однако в последующее десятилетие лидерство в этой области уже безраздельно перешло к КНР, где к 2017 г. было уже больше высотных башен в категории выше 150 м, чем в США, Японии, Южной Корее и других странах Азии, вместе взятых.

В рамках постмодернистского подхода к возможному включению вернакуляра и компиляциям различных архитектурных стилей прошлого в одном здании, новые высотные доминанты провозглашались отражением важных местных традиций. Например, формы завершения знаменитых башен-близнецов (илл. 2) в Куала-Лумпуре освещались в прессе как новое прочтение традиционных мусульманских завершения арочных сводов. Кроме поисков национального и религиозного своеобразия, в рамках высотного соперничества проявлялись и важные идеологические противоречия. В частности, за эпопеей возведения главного небоскрёба Тайваня «Тайпей 101» (509,2 м со шпилем) пристально следили в Китае, где только в 1998 г. построили шанхайскую башню Цзинь Мао (421 м) с непривычно выразительным для небоскрёба подобной высоты обликом и ярусным силуэтом

*Илл. 2. Башни-близнецы Петронас, 452 м, Куала-Лумпур, Малайзия, 1992—1998.
В плане — 8-конечные звезды в «исламском» стиле по настоянию премьер-министра страны Махатхира Мохамеда (архитектор Сезар Пелли)*

с трапециевидными сегментами, (ассоциативно напоминающими многоярусные китайские пагоды «бао-та»), что являлось предметом несомненной национальной гордости и зримым подтверждением превосходства собственной идеологической модели развития страны в целом. Постепенно (к середине 2000-х годов) образы небоскрёбов неожиданной формы, с уникальными фасадными оболочками и напоминающимися завершениями стали наиболее заметной тенденцией архитектурной стратегии развития азиатских городов.

2. Изменение скайлайна города за счёт новых уникальных высотных доминант

Уже в нулевые и 2010-е гг. идея высотного доминирования на уровне всего скайлайна и общей образности города за счёт обилия и разнообразия высотных объектов отразилась в постепенном повышении уровня значимости и узнаваемости облика Шеньчжэня по сравнению с бывшим британским Гонконгом, что имело особое

Илл. 3. «Шанхайская триада» — самые высокие башни города: Шанхайская башня (632 м), Шанхайский всемирный финансовый центр (492 м), башня Цзинь Мао (421 м)

идеологическое значение для развития КНР. А Шанхай упрочил свой негласный титул столицы китайских небоскрёбов с завершением строительства 632-метровой Шанхайской башни в районе Пудун в 2015 г. До настоящего времени (январь 2023 г.) это самое высокое здание и в самом Китае, и во всем азиатском регионе, а в мировом рейтинге небоскрёб уступает только дубайской высотке Бурдж Халифа (828 м). Вместе с построенными неподалеку башнями Шанхайского всемирного финансового центра (с завершением в виде открывалки для бутылок) и уже упомянутой ярусной Цзинь Мао, Шанхай получил новый выразительный

скайлайн с запоминающимися высотными акцентами общей панорамы города (илл. 3).

Шанхайская башня стала и обладателем самой высотной смотровой площадки (расположена на 121 этаже) в стране, и зданием с самыми скоростным лифтами, и ещё самым-самым небоскрёбом с целым набором инженерно-технических новаций, отражающих возможности передовой архитектурно-строительной индустрии КНР. Проектировщики компании Gensler совместно с китайским архитектором Джун Ся не оставили без внимания и вопросы экологичности нового небоскрёба. Они сконструировали специальный спиральный жёлоб, который проходит вдоль всей высоты здания и служит для сбора дождевой воды, затем используемой в системах отопления и кондиционирования помещений. Дополнительные 10% энергии зданию вырабатывают ветровые турбины на фасаде «закрученного» (в завершении — на 120 градусов) здания из девяти конструктивных цилиндрических секций. Прозрачные облицовка фасадов позволяет оптимизировать систему освещения, а пустоты между внутренней и внешней

оболочками небоскрёба способствуют поддержанию оптимальной температуры в круглогодичном режиме. Дополнительную близость к природе внутри здания создают 24 «небесных сада» с живой зеленью, также расположенных между внешней и внутренней фасадными оболочками²⁰.

Ежегодно в КНР вводится в эксплуатацию более сотни высотных сооружений, а общее число небоскрёбов и супернебоскрёбов (выше 300 м) на конец 2021 г. составляло почти две тысячи, что значительно превосходит аналогичные показатели в США, Японии, Южной Корее и даже в государствах на Ближнем Востоке. Очевидно, что именно в Китае в первую очередь должны были сформироваться принципы работы с новыми высотными доминантами в общегородском масштабе. А предложенные стратегии городского преобразования в формате создания новой визуальности за счёт высотных акцентов уже начали применяться и дорабатываться в соседних странах. Практика приглашения звёздных архитекторов и авторитетных международных проектных бюро продолжала быть актуальной с середины 1990-х гг. и по сей день, особенно в Южной Корее и КНР. Недавний проект небоскрёба-арки North Xingge Jinze (прямоугольной с наклонным верхом) для делового квартала города Чжухай от компании Aedas хорошо иллюстрирует эту стратегию — приглашение именитых архитекторов и звёздных бюро для развития китайских городов. С их помощью предполагалось найти новые знаковые образы сооружений, чтобы выйти из тени Макао — знаменитого соседа Чжухая. Возможно, получится, так же как Шеньчжень за 20 лет сумел превзойти Гонконг.

По прошествии двух десятилетий интенсивного высотного строительства в разных городах КНР, в стране были сформулированы жёсткие принципы иерархических взаимосвязей между количеством населения, допустимыми архитектурными приёмами и высотными параметрами новых городских доминант²¹. Сегодня три самых высоких здания КНР расположены в разных городах — Шанхае, Шеньчжэне и Тяньцзине.

Важно отметить, что наличие уникальной возможности панорамного обзора города в новом веке стало значимым параметром в обозначении общей привлекательности и значимости нового сооружения. Большинство новых иконических небоскрёбов предлагали такую зре-

---

²⁰ <https://gge.ru/press-center/news/ispoliny-podnebesnoy-top-3-samykh-vysokikh-zdaniy-kitaya/>.

²¹ <https://nikvesti.com/ru/news/politics/232815>.

лищную составляющую в перечне своих несомненных достоинств, что можно считать архитектурным отражением общественного запроса на повышение общей визуальной привлекательности и зрелищности городского пространства в новом веке²². [Птичникова Г.А., Королёва О.В., Чернишкина О.В., 2019, стр. 123—124].

Япония занимает активную позицию в гонке за мировое лидерство в вопросах высотности архитектурных сооружений, несмотря на неблагоприятные географические условия, провоцирующие масштабные природные катаклизмы в стране. Башня Sky Tree или «Небесное дерево Токио» (арх. бюро Nikken Sekkei, 2012 г.), высотой 634 м, стала абсолютной вертикальной доминантой Японии и самой высокой телевизионной башней в мире. Башня Sky Tree — зримое доказательство тому, что Япония, страна землетрясений, не желает уступать мировое лидерство в создании самых высоких конструкций. Благодаря трансформации треугольного плана башни в круглый, её внешний облик полностью соответствует японским художественным традициям. Простые очертания башни содержат в себе традиционные элементы едва различимых линий художественных изгибов — вогнутых «сори» и выпуклых «мукури».

Обустройство новой столицы Индонезии повлекло за собой потребность в создании новых выразительных архитектурных символов, определяющих узнаваемость образа новой столицы страны. В 1990-е — 2000-е гг. мир уже наблюдал титанические усилия Казахстана при переносе столицы из Алматы в Астану, куда были привлечены лучшие мировые строительные компании и звёздные архитекторы для формулирования и реализации современного образа нового административного и государственного центра страны. В Казахстане потребовалось наполнить город яркими запоминающимися сооружениями, но вот практика возведения именно высотных башен уступила первенство стратегии создания общественно-культурных сооружений с уникальным характером и обликом. Подобная стратегия была взята в качестве базовой модели для проектирования и развития во многих быстрорастущих городах КНР, Южной Кореи, новых городах Индии и стран Ближнего Востока.

---

²² Хренов Н.А. Взаимодействие зрелищных и визуальных форм в современной культуре [Электронный ресурс] // Культура культуры. 2014. № 4 (4). Режим доступа: <http://cult-cult.ru/interaction-ofentertainment-and-visual-forms-in-contemporary-culture/> (дата обращения: 25.10.2022).

В индонезийской концепции развития построение высотного символа новой столицы заняло очень значительное место. Амбициозная башня должна превзойти все существующие высотные башни в регионе, включая Шанхайскую башню и здание Международного финансового центра Пинань (599 м, бюро KPF) в Шеньчжене. Сверхвысокие проекты небоскрёбов и целые города небоскрёбов планировались в 2000-е и 2010-е годы и в КНР, и в Индии, и в ОАЭ, и в Саудовской Аравии, но экономический кризис 2007—2009 годов приостановил или вовсе отменил большую часть этих высотных проектов. А вот индонезийской высотке повезло больше прочих аналогичных проектов.

Илл. 4. Высотный комплекс в Нусантаре, новой столице Индонезии (строится)

Сегодня башня BUMN Tower для города Нусантара (илл. 4) в Индонезии высотой 700 м интенсивно строится. Проект башни был выполнен местной студией Alien DC в партнёрстве с британским бюро Atkins. В качестве изначальной задачи архитекторам предлагалось создать новую главную визуальную доминанту города. Архитекторы спроектировали двухчастный комплекс небоскрёбов с запоминающимся обликом — две разновысокие башни с изогнутым силуэтом и «срезанными» наклонными завершениями, объединёнными изгибающимся горизонтальным мостом примерно на трети высоты главной вертикали. Территория вокруг башен представляет собой огромный крытый комплекс с различными общественными пространствами, торговыми моллами и транспортным хабом. Этот проект должен стать центральной точкой притяжения новой столицы Индонезии.

Близкий по высотным габаритам проект в соседней Малайзии — башня Merdeka 118 в Куала-Лумпур (678 м) тоже интенсивно до-

страивается. Силуэт нового высотного акцента города предстаёт в виде тонкого изломанного гранёного кристалла на трёхгранном основании. Здание будет обладать самой высокой смотровой площадкой в мире, перехватив этот титул у Шанхайской башни и не менее иконоческого сингапурского комплекса Марина Бей Сендс (от легендарного Моше Сафди). Во всех этих постройках уже совсем новейшего времени сохраняется региональная тенденция «представления» образа города через его особенные здания, в том числе, и с возможностью уникального обзора городского пространства в целом. Такой подход к восприятию образа города является важным фактором для идентификации каждого конкретного места и отражает обще-региональную стратегию работы с городским пространством в азиатских странах.

И индонезийский, и малазийский проекты также очень хорошо укладываются в характерные для региона стратегии развития городов с помощью создания новых визуальных акцентов городского скаяй-лайна и высотных доминант с запоминающимся характером и силуэтом. Они продолжают тенденцию, начатую в конце 1990-х — начале 2000-х, уже упомянутую ранее. Но в конце 2010-х гг. образно-художественное и инженерно-строительное воплощение этой стратегии развития осуществляется уже на новом техническом уровне, доступном в отрасли в настоящее время.

Уже упоминавшийся сингапурский проект гигантского отельного комплекса Марина Бей Сендс от мировой архитектурной звезды Моше Сафди не только в одночасье стал визитной карточкой и главной запоминающейся постройкой современного Сингапура²³, но и породил новый виток подражания — соперничества в китайской современной практике. В провинции Наньчан предпринята попытка превзойти уже иконоческий образ сингапурского собрата. Китайская версия эксплуатируемого моста над башнями представляет собой горизонтальный небоскрёб Raffles City Chongqing (илл. 5) длиной в 300 метров (против 285 у сингапурского отельного комплекса), а высота расположения горизонтальной части составляет головокружительные 250 метров (в Сингапуре «только» 203 м). Возведением монументального комплекса из 8 башен и крытого горизонтального моста Crystal Sky Bridge занимается китайское отделение всё же сингапурской компании Capitaland Group. Проект позиционируется как «вертикальный городской район» и помимо собственно высотных

---

²³ <https://designchat.com/architects/gorod-iz-neboskrebov-po-proektu-moshe-safdi.html>.

Илл. 5. Высотный комплекс с горизонтальным мостом Raffles City Chongqing, КНР (архитектор Моше Сафди и бюро Capitaland Group), 2022

структур и небесного моста включает общегородской торговый центр, 150 000 м² офисных помещений, 1400 квартир и несколько отелей. Комплекс интегрирован в крупный транспортный узел, включающий паромную переправу, станцию метро и автовокзал.

Важной развлекательной опцией нового комплекса является серия аттракционов, включая зоны с двумя парящими видовыми бассейнами, садом, ресторанами, барами на открытой смотровой площадке со стеклянным полом, откуда можно любоваться на слияние вод двух больших рек — коричневой Янцзы и синей Цзялин. Дополнительным «аттракционом», увели-

чивающем зрелищность нового комплекса, служит выставка на марсианскую тематику, где начальная экспозиция рассказывает о самом городе Чуньчине, а после на прозрачных скоростных лифтах посетитель переносится на «палубу космического корабля», где среди прочего, активно продвигаются амбициозные планы КНР по освоению «Красной» планеты. Все эти инструменты повышения завлекательности и зрелищности архитектурного объекта отражают общемировую тенденцию на повышение визуальной привлекательности современных городов. [Птичникова Г.А., Черничкина О.В. 2019, с. 243].

3. Общественные пространства и учреждения культуры как маркеры национальной самоидентификации

За последние годы Китай стал крупнейшей мировой площадкой для архитектурных экспериментов. В начале XXI века в Китае было

построено столько новых крупных театральных зданий театров, как ни в одной другой стране мира. Для современных театральных зданий Китая характерны яркий архитектурно-художественный образ и высочайший уровень технического оснащения. Они становятся визуальной доминантой окружающей застройки и должны выполнять функции центра притяжения для местных жителей и туристов, становясь катализатором развития своего района и города в целом.

Для строительства современных театральных зданий приглашаются преимущественно звёздные архитекторы-иностранцы. Целью является, прежде всего, высокое качество проекта. Действительно, в итоге чаще всего получается чрезвычайно интересная с точки зрения формообразования и художественных достоинств архитектура, обладающая новейшими техническими достижениями. Однако, невозможно требовать от архитектора-иностранца создания архитектурного проекта в рамках чуждой ему культурной традиции. Тем не менее, большинство приглашённых иностранных архитекторов стремятся выразить в своём проекте исторические, культурные и даже архитектурные традиции того района, для которого они создают своё произведение.

Большой театр в Тяньцзине (Китай, арх. бюро GMP Architekten von Gerkan, Marg und Partner, 2010—2012 гг.) стал главной частью большого культурного кластера, задуманного в городе ещё в начале XXI в. В данном случае можно наблюдать характерный для современных театров Китая приём дополнения архитектуры водой, как одной из главных визуальных характеристик и художественных преимуществ, создающих некий пространственный интервал для восприятия архитектуры [Коновалова Н.А. 2021, с. 163—164]. В архитектуре здания театра воплощён образ морской раковины, которая раскрывается навстречу морю. В раковине-театре скрыты четыре жемчужины — четыре театральных зала.

Большой театр Уси (арх. студия PES-Architects, 2012 г.) за яркость архитектурно-художественного образа получил второе название «Крылатый театр». В его основе — восемь крыльев, благодаря которым здание театра производит впечатление бабочки, присевшей отдохнуть на берегу озера. Эта художественная форма создаёт визуальный ориентир нового культурного центра. Авторы проекта стремились создать такой художественный образ нового здания, при котором оно само по себе стало бы произведением искусства — масштабной скульптурой. К тому же, в этих элементах также прочи-

тывается отсылка к традиционной форме китайской двускатной крыши с заострёнными и приподнятыми углами. Этот пример подтверждает особенность всех современных театральных зданий Китая — это неразрывная связь с традициями культуры, выражающаяся как в деталях, так и в общей идее гармонии с природой [Анисимов А.В. 2022, с. 168]. Современные материалы и необычные формы делают такую архитектуру жемчужиной городского пространства.

Большой театр Санак в Гуанчжоу (арх. бюро Steven Chilton Architects, 2020) (илл. 6) стал знаковой постройкой города, являясь примером того, как современные театры Китая стараются «разорвать» городскую ткань и играть роль яркого арт-объекта, притягивая к себе потоки туристов и местных жителей. При создании проекта театра архитекторы изучили историю города Гуанчжоу, стараясь отразить гений места в архитектурно-художественном образе нового театра. Было принято решение подчеркнуть уникальную специфику Гуанчжоу, известного как главный производитель шёлка в Китае. Шёлковую ткань в городе производили ещё со времён династии Хань. Шёлк расписывался и расшивался художниками Гуанчжоу на протяжении тысячелетий, здесь же были разработаны техника, а также сюжеты для отображения на гобеленах и одеждах, включающие в себя мифологические сюжеты и сцены природы. Физические свойства шёлковой ткани определили архитектурно-художественный образ здания в виде оболочки из десяти плавно закручивающихся складок, вызывающих ассоциации со складками струящегося шёлка. Фасад театра украшают золотые рисунки, напоминающие вышивку золотой нитью. Они созданы китайским художником Чжаном Хунфэем. В основе сюжетов лежит известный миф «Сто птиц, отдающих дань уважения Фениксу». Яркий красный цвет лишь усиливает сходство с шёлковой тканью.

Илл. 6. Большой театр Санак в Гуанчжоу (арх. бюро “Steven Chilton Architects” 2020) Санак, КНР

Через обращение к таким традиционным ассоциативным символам в современной архитектуре Китая происходит формирование локальной идентичности. Использование культурного кода в общественном объекте встречается и в других станах региона. Например, в качестве базового архетипа могут использоваться не только архитектурные, но и скульптурные объекты. Примером создания такого сооружения с «вау-эффектом» в Индии служит гигантский небоскрёб-статуя Единства в индийском штате Гуджарат высотой 240 м (182 м без постамента). Статуя поставлена в природном ландшафте, хоть и формально считается городской достопримечательностью. Построенная в 2018 г., статуя представляет собой высотную металлоконструкцию, облачённую в формы обобщённого образа мужчины — борца за права и независимость Индии. В целом, постройка такого масштабного скульптурного объекта — тоже своеобразная дань региональной (в частности, буддийской) традиции возводить гигантские статуи — 8 из 10 самых высоких статуй в мире находятся в Азии.

4. Новые формы видеопроекции в городском пространстве

Образ города цифровой эпохи складывается из современных высокотехнологичных архитектурных форм, медиаархитектуры, традиционных практик изобразительного искусства, расширенных применением цифровых технологий и элементов видеомэппинга, формирующих «событийность» городской среды. При этом в основе образности медиафасадов могут присутствовать собственно изначальный архитектурный облик здания и вторичное добавление изобразительности с помощью видео-проецирования.

В 2010-е гг. в мировой практике видеомэппинг и видеоинсталляции начинают рассматриваться как действенный инструмент повышения визуальной привлекательности среды, используемый для увеличения событийности городской жизни. Архитектурный видеомэппинг может выступать как форма медиаискусства в традиционной застройке. А также применяться для усиления локальной идентичности через регулярное медиа-событие, фестивали²⁴ и световые шоу. С 2010-х гг.

---

²⁴ Фестиваль света «Люминари» в Кобе. <https://funnyfest.ru/events/festival-sveta-lyuminari-v-kobe/> (дата обращения: 14.03.2022).

и по настоящее время наиболее активно этот инструментарий расцветания городской жизни начинает использоваться в азиатских городах [Маевская М.Е. 2021, с. 223].

Поскольку современный азиатский город чаще всего базируется на смешанной и сложно читаемой пространственной планировочной структуре, сочетающей в себе элементы регулярной и свободной планировки с отдельными включениями исторических кварталов и знаковых памятников, достаточно легко допускающей произвольные сочетания в архитектуре всех доступных современных технологий и стилевых направлений, обилия рекламы, то неудивительно, что такой город требует большего количества специальных ориентиров для облегчения навигации в пространстве и более мобильно включает в своё пространство доступные инструменты усиления образности сложившейся застройки. В крупных городах КНР, Японии, Южной Кореи, Индонезии и в Сингапуре особенно успешно прорабатывается практика круглосуточной визуальной наполненности городского пространства (илл. 7). Акцент на сиюминутность восприятия облика сооружения достигается с помощью применения и отдельных навесных LED-экранов, и полноценных медиафасадов, изначально спроектированных для демонстрации различного визуального контента. Ещё с каждым годом в регионе набирает всё большую популярность формат фестивалей и специальных художественных событий. Конечно, жёсткие локдауны и карантины временно приостановили возможности

Илл. 7. Фестиваль света в Сингапуре, 2019

проведения таких городских событий, однако механизм использования видеопроекций медиафасадов и возможностей архитектурного видеомэппинга вкупе с 3D-рекламой в пространстве азиатских городов уже укоренился в восприятии горожан как метод формирования новых визуальных доминант городской среды.

А использование уже прославленных высоток и акцентных городских доминант для более яркого и масштабного отражения текущих городских событий стали общемировой практикой. Технологии видео-проецирования гигантских изображений позволяют показывать рекламу к выходу новых видеоигр, чемпионатов и памятных дат на главных городских небоскрёбах. Например, Дубай поздравил Казахстан с днём Независимости 16 декабря, расцветив здание Бурж Халифа в цвета национального флага Казахстана²⁵.

5. Эко-башни в застройке азиатских городов.

Интеграция природных элементов в архитектуру и городское пространство

Практически любой общественно значимый проект, возводимый в современном Китае, обязательно содержит передовые энергосберегающие и экологически продвинутые технологии. Однако в области высотного строительства эта тенденция имеет и заметное образно-художественное выражение. Продвижение «зелёных» башен, существенно отличающихся по внешнему облику от стеклянно-металлической урбанизированной архитектуры большинства высотных сооружений, тренд китайской архитектуры последних лет. Небоскрёбы с террасами живой зелени, озеленёнными атриумами и общественными зонами всё чаще возводятся в крупных китайских городах. Создавать в подобном ключе не только офисные и общественные сооружения, но и полностью жилые комплексы — тенденция, проявившаяся в Китае особенно ярко начиная с 2015 г.

В череде проектных предложений для будущего эко-ориентированного развития азиатских городов появляются проекты в рамках концепции Аркологии, когда сооружение полностью обеспечивает

---

²⁵ <https://diapazon.kz/news/95818-skolko-stoil-arabskii-syurpriz-ko-dnyu-nezavisimosti-kazahstana>.

базовые потребности жителей, в том числе и выращивание еды. Различные «вертикальные фермы» и экобашни в 2010-е гг. проектировались для Сингапура, Мумбаи, других крупных городов региона проектными командами со всего света. В 2022 г. интересную работу в этой логике представила на конкурсе в Гонконге российская студия Totement/Paper.

Интересные авторские интерпретации темы природного присутствия в современных жилых комплексах последовательно показывает китайское бюро MAD Architects, уже построившее в разных китайских городах несколько масштабных жилых эко-комплексов (илл. 8).

В 2018 г. в китайском Чэнду был построен комплекс Qiyi City Forest Garden, который позиционировался как настоящий экологический рай посреди шумного и загрязнённого мегаполиса. Каждый балкон в этих многоэтажных башнях должен был представлять собой небольшой ухоженный сад с десятками растений, создающий локальное природное убежище для жильцов каждой квартиры. Проект был успешно достроен, реализован и «экологические квартиры» обрели своих хозяев. Однако ковидные ограничения не позволили управляющей компании должным образом ухаживать за высаженными растениями, что привело к заметному ухудшению внешнего облика всего

Илл. 8. Комплекс жилых эко-башен Nanjing Zendai Himalayas Center от Ма Янсуня, бюро MAD Architects в Нанцине

«зелёного» комплекса. Этот негативный опыт был учтён в разработке новейших правил и условий для возведения подобных сооружений с живой зеленью на фасадах. Однако сама концепция строительства таких небоскрёбов, изначально реализованная автором эко-концепции, архитектором Стефано Боэри в высотных жилых домах в Милане (2015), все ещё представляется передовой экологической стратегией развития и достаточно востребована в китайских городах²⁶.

6. Китайский опыт градостроительного регулирования в области высотного строительства и создания новых градостроительных доминант

Отдельного внимания заслуживает опыт китайского градостроительного регулирования высотности застройки. С 2015 г. китайские власти последовательно выстраивают жёсткую политику ограничения безудержной и неоправданной «высотной гонки». Министерство жилья, городского и сельского строительства КНР выпустило директиву, согласно которой в стране запрещено возводить «сверхвысокие здания» (выше 500 м), в городах с населением менее 3 млн жителей нельзя строить башни выше 150 м, в более крупных — выше 250 м. Для превышения заданных рамок в особые случаи требуется специальное разрешение, а ответственность чиновников за неоправданные разрешения чрезвычайно высока. В китайской прессе широко обсуждается, в каких именно случаях могут пригодиться высотные здания и комплексы, но полемика ведётся вокруг соответствия новым заданным нормам и масштабам городского населения²⁷. Наиболее популярна позиция, что появление новых действительно высоких небоскрёбов уместно только в таких крупных городах, как Шанхай и Шэньчжэнь, а в других городах их построили в основном из соображений тщеславия, чего следует впредь категорически избегать для общего «улучшения городского пейзажа» и ухода от практики возведения «странной» и «некрасивой архитектуры». Также новыми правилами запрещено копирование уже существующих построек, что является достаточно распространённой практикой в стране. Все новые сооружения должны

²⁶ <https://loveopium.ru/arxitektura/kompleks-zelenyx-neboskrebov-v-kitae.html>.

²⁷ https://pikabu.ru/story/v_kitae_zapretili_stroitelstvo_neboskrebov_vyishe_500_metrov_7579062

«представлять китайскую специфику», а при отборе проектов на конкурсной основе должны стать «практичность, экономичность, экологичность и красота». Поскольку в 2022 г. в Китае насчитывалось уже почти 2200 высотных башен выше 150 м и 85 зданий выше 300 м, такие ограничения выглядят достаточно разумными, хоть и суровыми. Общая практика регламентации и нормирования способов организации планировки и застройки вполне укладывается в рамки китайской традиции «нормативной» архитектуры. [Шевченко М.Ю., Шемякин Ф.Я. 2021, с. 37].

Заключение

Представленный обзор стратегий формирования новой системы визуальных акцентов и образов современного города демонстрирует многовекторность и разноплановость направлений развития современной архитектуры. Наличие выразительных высотных доминант — очень существенный фактор, влияющий на восприятие города в целом как значимого и особенного места. Формирование выразительного скайлайна за счёт уникальных запоминающихся построек — эффективно применяемая стратегия преобразования и развития азиатских городов. А применение медиафасадов и LED-экранов в городском пространстве может использоваться не только для демонстрации рекламных роликов, но и для формирования более насыщенной событийности городской жизни, создания новых акцентов и высотных доминант, а также для сложения образа города как бренда. Развитие экологического направления с включением элементов живой зелени и природных ландшафтов в городском пространстве придаёт облику современного азиатского города менее урбанизированный и более гармоничный вид. А уникальные общественные здания и учреждения культуры способствуют развитию локального художественного своеобразия конкретных мест вне зависимости от численности населения.

Подводя итоги, отметим, что формирование новой визуальной привлекательности городов Азии и стран Ближнего Востока в XXI веке происходит в результате реализации комплексных стратегий развития, включающих:

- Привлечение лучших архитектурно-проектных команд.
- Создание уникальных знаковых общественных объектов.

- Возведение высотных доминант в соответствии с иерархией градостроительного замысла.
- Применение самых продвинутых строительных и медиатехнологий.
- Мониторинг актуальности градорегулирующей законодательной базы.
- Внедрение практики эко-ориентированной жилой архитектуры.

Массовое распространение цифровых технологий и появление большого количества LED-экранов в городском пространстве позволило по-новому моделировать зрелищность архитектурной среды современного города и вывело визуальную насыщенность азиатских городов на качественно новый уровень, воздействующих на жителей в круглосуточном режиме.

Библиографический список

Анисимов А.В. (2022) Современные тенденции в возведении театральных зданий мира. *Современная архитектура мира*. № 1(18). С. 167—186.

Коновалова Н.А. (2021) Архитектура театров & театральность архитектуры: современные театры Гуанчжоу (Китай). *Современная архитектура мира*. № 1(16). С. 157—171.

Маевская М.Е. (2021) Новые способы формирования образа города в цифровую эпоху. *Современная архитектура мира*. № 2(17). С. 199—221.

Птичникова Г.А., Черничкина О.В. (2019) Актуальные тенденции развития медиаархитектуры. *Художественная культура*. № 3. С. 342—357

Птичникова Г.А., Королева О.В., Черничкина О.В. (2019) Медиаархитектура в городском пространстве: проблемы и негативные практики. *Современная архитектура мира*. № 2(13). С. 120—138.

Хренов Н.А. (2014) Взаимодействие зрелищных и визуальных форм в современной культуре [Электронный ресурс]. *Культура культуры*. № 4(4). <http://cult-cult.ru/interaction-ofentertainment-and-visual-forms-in-contemporary-culture/> (дата обращения 25.10.2022).

Шевченко М.Ю., Шемякин Ф.Я. (2021) Нормативная и народная архитектура Китая как две основные ветви китайского зодчества. *Архитектура и современные информационные технологии. МАРХИ*. № 2. С. 37—45.

References

Anisimov, A.V. (2022) Sovremennyye tendencii v vozvedenii teatral'nyh zdaniy mira [Modern trends in the construction of theatrical buildings of the world]. *Sovremennaya arkhitektura mira*. № 1(18), pp. 167—186 [in Russian].

Konovalova, N.A. (2021) Architektura teatrov & teatral'nost' arkitektury: sovremennye teatry Guangzhou (Kitay) [Architecture of theaters & theatricality of architecture: modern theaters of Guangzhou (China)]. *Sovremennaya arkhitektura mira*. № 1(16), pp. 157—171 [in Russian].

Maevskaya, M.A. (2021) Novye sposoby formirovaniya obraza goroda v thifrovuyu epokhu [New ways of shaping the image of the city in the digital age]. *Sovremennaya arkhitektura mira*. № 2(17), pp. 199—221 [in Russian].

Ptichnikova, G.A., Korolyova, O.V., Chetnichkina, O.V. (2019). Mediaarkhitektura v gorodskom prostranstve: problemy i negativnyie praktiki [Media architecture in urban space: problems and negative practices]. *Sovremennaya arkhitektura mira*. № 2(13), pp. 120—138 [in Russian].

Ptichnikova, G.A., Chernichkina, O.V. (2019) Aktual'nyye tendentzii razvitiya media-arkhitektury [Current trends in the development of media architecture]. *Khudozhestbennaya kul'tura*. No. 3, pp. 342—357 [in Russian].

Khrenov, N.A. (2014) Vzaimodeistviye zrelishchnykh I vizual'nykh form v sovremennoy kul'ture [Interaction of spectacular and visual forms in modern culture] [Electronic resource]. *Kul'tura kul'tury*. 2014. No. 4 (4). <http://cult-cult.ru/interaction-ofentertainment-and-visual-forms-in-contemporary-culture/> (Accessed: 25.05.2022) [in Russian].

Shevchenko, M.Yu., Shemyakin, F.Ya. (2021) Normativnaya I narodnaya arkhitektura Kitaya kak dve osnovnye vetvi kitayskogo zodchestva [Normative and folk architecture of China as two main branches of Chinese architecture]. *Arkhitektura I socremennye informatzionnye tekhnologii, MARKHI*, No. 2, pp. 37—45.

Макаренко Вадим Владимирович

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник
ИВ РАН (Москва, Россия), доцент НИУ ВШЭ

Азия — потенциальный лидер нового этапа развития мир-системы: факторы лидерства

***Аннотация.** В статье рассматриваются механизмы догоняющего развития ведущих стран Азии, а также факторы, обусловившие сдвиг в Азию центра мировой экономической активности и закономерный опережающий экономический рост азиатских стран и Азии в целом по сравнению с другими частями света, в том числе и по отношению к странам Европы и Северной Америки (Евроатлантики), получившим в начальный период развития мирового капиталистического хозяйства существенное преимущество и долгое время удерживавшим его.*

***Ключевые слова:** Азия, Китай, США, мир-система, борьба за технологическое лидерство, модели экономического развития*

Makarenko Vadim

Senior Researcher at the Institute of Oriental Studies
of the Russian Academy of Sciences, Associate Professor at the HSE,
Candidate of Economics (Moscow, Russia)

Asia is a potential leader of a new stage in the development of the world system: leadership factors

***Abstract.** The article examines the mechanisms of catching up development of the leading Asian countries, as well as the factors that caused the shift to Asia of the center of world economic activity and the natural outstripping economic growth of Asian countries and Asia as a whole in comparison with other parts of the world, including in relation to the countries of Europe and North America (Euro-Atlantic), the initial period of the development of the world capitalist economy was a significant advantage and held it for a long time.*

***Key words:** Asia, China, USA, the world-system, the struggle for technological leadership, models of economic development*

Мы недооцениваем объективные внешние, мир-системные факторы социально-экономического развития тех или иных стран, избыточно сосредоточиваясь на национальных, политических и даже личностных моментах, опосредующих необычное развитие этих стран. Последние факторы, конечно, необходимые условия перемен, но они не являются принципиальными драйверами процессов, которые пытаются рассматривать как исключительно национальные. Мощный экономический рост КНР, как и рост значительной части Азии, — это, прежде всего, моменты в развитии мир-системы, в том числе и особых отношений с США. Эти вопросы будут рассмотрены в данной статье, преимущественно на примере противостояния США — КНР.

Важнейшим фактором подъёма Азии во второй половине XX века является особенность современного капитализма, отмеченная ещё В.И. Лениным, но эпистемологически до конца так и не понятая: «Вывоз капитала в отличие от вывоза товаров приобретает особо важное значение» [Ленин В.И. 1969, с. 386]. Это явление является следствием того, что в странах ядра мир-системы, сформировалась в качестве господствующей геокультура (или, говоря более традиционно, локальная версия способа производства), которая блокировала дальнейшие прогрессивные изменения в обществе, чтобы не дать подорвать позиции господствующего в этой стране класса, точнее, его доминирующей части. Это обрекало эти страны на «загнивание», хотя и не в биологическом смысле, что было прямой дорогой к гибели, а вело к замедлению темпов их развития и консервации экономического уклада. В мир-системе «загнивание» лидирующих стран её ядра приводит к выносу потенции их развития — капитала — на полу-периферию. Последняя благодаря этому получает шанс на ускоренное развитие. При этом возможны два варианта — как самостоятельное развитие и зависимое развитие. Первое чревато обострением конкурентной борьбы с грандами капиталистического мира и, как правило, ведёт к катастрофе, примером которой является первая и вторая мировые войны. В ходе этих войн страны ядра мир-системы столкнулись с успешными стартапами капитализма — Германией и Японией. При зависимом развитии, в эту модель вполне вписывалась царская Россия, которая развивалась как промышленная провинция европейских стран, прежде всего Франции, негативным фактором является зависимость от страны-патрона. В ходе первой мировой войны, в которую Россия была втянута её союзниками, страна скатилась в революцию

и, в конечном итоге, сошла с пути зависимого развития, выдвинув много более амбициозные цели.

Для роста капитала в стране нужны такие условия его приложения, которые могли обеспечить только некоторые страны ближней (Германия, Россия) или даже далёкой полу-периферии мир-системы (Япония), где капитал был способен расти со значительно большей скоростью, чем в своей метрополии, откуда он уходил в поисках более высокой нормы прибыли. Именно в этом смысле, казалось бы, ещё вчера лидировавшие страны капитализма, завершив процесс становления в качестве зрелых либеральных капиталистических обществ, «загнивают», т.е. теряют потенциал внутреннего развития. Но при этом мир-система благодаря принципу стадияльно-регионального развития, когда более совершенные модели производства и организации общества с опережением появляются на полу-периферии, в целом показывает высокие темпы экономического роста. Импорт капитала ускоряет развитие стран полу-периферии, оказавшихся способными создать нужные условия для развития капитализма²⁸. Более того, среди них появляются и те страны, что решаются бросить вызов державам, лидерам предыдущего этапа. Так произошло в конце XIX—XX века, когда возникли в первом эшелоне догоняющего развития оказались страны, которые не допускали мысли о своей второстепенности: Германия — благодаря высокому уровню своей науки, образования и общей культуры, Япония — благодаря самомнению по сути ещё феодальной элиты и особому удобству грабежа Китая, Россия — благодаря высокому уровню образования элиты и колоссальным природным богатствам страны. Конкуренция, конфликты между растущими экономиками того времени и странами ядра мир-системы, прежде всего, Великобританией и Францией, привели к первой, а затем и ко второй мировым войнам, результатами которых в полной мере воспользовались лишь США, да и то лишь после второй мировой войны, которая расчистила мир от колониальных оков.

США — первоначально одна из периферийных стран, которая быстро поднялась на волне переселенческого капитализма, который со-

---

²⁸ «Вывоз капитала в тех странах, куда он направляется, оказывает влияние на развитие капитализма, чрезвычайно ускоряя его. Если поэтому, до известной степени, этот вывоз способен приводить к некоторому застою развития в странах вывозящих, то это может происходить лишь ценою расширения и углубления дальнейшего развития капитализма во всем мире» [Ленин В.И. 1969, с. 362].

проводился мощным переливом в страну важнейших факторов производства, в том числе и в виде переезда в Новый Свет представителей британской культурной элиты. Это позволило ей, несмотря на стадиальные особенности, удержаться в рамках модели либерального капитализма, но с высоким уровнем имущественного неравенства и высоким уровнем милитаризации общества, который обеспечивал национальному бизнесу непрерывное расширение доступного экономического пространства. Милитаризм, изначально присущий американской модели капитализма, часто упускается из виду, поскольку США длительное время практиковали агрессивную политику в пределах американского материка, не обнажая своей истинной природы перед Европой.

После второй мировой войны Соединённые Штаты, следуя идеям политического реализма, нашли способ, как предотвращать выход стран-восприемниц капитала за рамки лояльности и не допускать их возможного бунта против гегемона. США устанавливали отношения тесного экономического взаимодействия только с теми странами, которых они разгромили или иным способом полностью подчинили себе. За пределами американского материка это впервые стало возможным только после второй мировой войны. В результате мир стал свидетелем нескольких примеров ускоренного роста полу-периферийных стран — «немецкое чудо», «японское чудо», чудесный подъём азиатских драконов, — которые лучше было бы назвать результатом ловких бизнес-манипуляций. Они стали результатом экспорта туда американского капитала и технологий, но главное, что под растущие объёмы производства был подставлен рынок сбыта. Это не просто существенно повысило общественную производительность труда и позволило ввести в оборот дополнительные колоссальные ресурсы экономического роста, но, главное, позволило американским корпорациям внедрять в производство технологические новшества без прогрессивных изменений в социально-экономических отношениях на территории самих США, где структура экономики к этому времени уже не могла обеспечить применение новых технологий, нуждавшихся в момент внедрения в особых экономических условиях и, особенно, в дешевой рабочей силе. Первоначально сферой приложения американского капитала стала Европа, где шло послевоенное восстановление, но это был не вполне подходящий полигон для приложения американских технологий. В результате американский бизнес пошел в Азию, где сумел создать для себя несколько национальных

площадок, обеспечивавших надёжные и сравнительно долговременные условия инвестирования капитала. Требования к восприимчивым американскому капиталу были достаточно жёсткими, поскольку США опасались создать себе конкурентов, что было бы практически неизбежно, если бы они не имели средств удержания в узде своих бизнес-партнёров. Если раньше метрополии вывозили капитал в свои колонии, то и сейчас вывоз капитала предполагал жёсткую политическую и экономическую зависимость этих стран от США.

Географические факторы

Выбор Азии, как перспективного региона инвестирования, не был случайным. Экономический подъём Азии предвидел ещё Лев Мечников в XIX веке (и не он один), высказав мысль о закономерном переходе от речных цивилизаций к морским, а затем и океаническим, вначале атлантической, а затем и тихоокеанской. Размах АТР постоянно растёт, поскольку происходит стягивание в один регион бассейнов двух океанов — Тихого и Индийского. Это неизбежно ведёт к объективному росту экономик этого суперрегиона благодаря углублению регионального и глобального разделения труда.

Региональное пространство Азиатско-тихоокеанского региона, включающего США, создаёт исключительные потенциальные условия для развития экономик, входящих в него стран. Сегодня, когда морские коммуникации сильно разрослись, а в глобальную экономику включились многие районы мира, оказалось, что Азия занимает центральное географическое положение на основных торговых путях мира. Коэффициент протяжённости побережья к площади стран Азии намного превосходит аналогичные показатели ведущих стран мира, включая США. Ни один континент не обладает аналогичными азиатскими условиями коммуникации. Смежные Тихоокеанский и Индийский океаны, фактически образуют огромный южный океан, омывающий с юга и юго-востока Азию.

Важным фактором экономического роста Восточной Азии, которая лидирует среди стран Азии, является её устойчивость к крупномасштабным процессам аридизации, связанная с особенностями взаимодействия суши и океана в этой части света. Этот фактор действовал в течение тысячелетий и привёл к появлению феномена длительного

исторического развития в этой части света локальных цивилизаций, особое место среди которых занимает китайская. Но, возможно, самым важным объективным фактором нынешнего цикла развития является огромный размер Азии, а также её колоссальные и разнообразные ресурсы. Азия обладает уникальной композицией: в огромных океанических нишах расположены крупные страны, по площади равные субконтинентам, в её состав входят архипелаги, которые могут стать площадками мощного экономического роста, базирующегося на морских коммуникациях. Кроме того, композиция Азии с учётом её этнического и культурного разнообразия объективно гарантирует длительную неизживаемую полицентричность её геополитической организации, а, следовательно, её способность одновременно сочетать разные типы общественной организации производства в странах, которые не подчиняются какому-то одному политическому центру. Это отличает Азию от Евroatлантики, где на огромном, долгое время не охватном пространстве, включающем Западную и Центральную Европу, Северную и частично Центральную и Южную Америки, исторически сформировалось американоцентричное сообщество безопасности [Тренин, 2013] с жёсткими, практически стандартными ценностями «западного либерализма», которые в значительной мере нивелируют конкурентные преимущества, входящих в него стран. Оно сформировано из стран, которые в ходе первой и второй мировых войн так или иначе фактически утратили свой суверенитет в пользу США. Великобритания, Канада, Германия, бывшие противники или соперники США, не говоря о второстепенных странах этого пространства, приняли сторону победителя. Сегодня условия ведения бизнеса в них почти неотличимы от американских. Появление такого сообщества было воспринято как конец мировой истории, но этот вывод был быстро признан поспешным.

В отличие от Евroatлантики потенциал АТР постоянно растёт, поскольку активно идёт процесс инфраструктурного развития региона, который не исчерпываются инициированным Китаем проектом «Один пояс — один путь», но и включают большие транспортные проекты России, в том числе и Северный морской путь. Это придаёт азиатскому пространству целостность, формируя альтернативный, континентальный стержень его сборки. Именно потенциал развития этого пространства определяет растущую силу азиатского геокультурного региона, альтернативного евroatлантическому.

Природа экономического развития Азии

Наряду с экономическим ростом, который отражает масштаб региона, есть специфический фактор роста, который отражает природу азиатского экономического роста, каким он был и все ещё в основном остаётся. Этот рост был достигнут не за счёт преимущественных условий АТР, а благодаря включению ряда стран Азии в американскую глобальную систему разделения труда на особых, эксклюзивных условиях, т.е. путём превращения этих де юре независимых стран в де факто промышленные провинции глобальной американской экономической империи. В результате каждая вновь подключаемая провинция, безусловно, росла сама, но и добавляла новые триллионы долларов к объёму ВВП США, не говоря о его ВВП.

Именно в силу этого развитие Азии отмечено «японским чудом», успехом «азиатских драконов», «подъёмом Китая». С 4-ой кондратьевской волны (конец 1940-х — начало 1980-х гг.) основным регионом мирового экономического роста формально становится Азия. В начале этой волны она ещё делит своё лидерство с ФРГ («немецкое чудо»), но затем эстафетная палочка переходит к Японии и окончательно в Азию, точнее в АТР, поскольку непосредственная и тесная связь новых регионов роста с США является прямой и обязательной. 5-ая волна (начало 1980-х — 2020—2030 г.) — «Азиатские драконы» и Китай, присоединяющийся к этой волне в начале 1980-х годов, но в полном объёме показавший себя после мирового кризиса 1998 года.

Причины возникновения подобного симбиоза заключаются в том, что, с одной стороны, только потенциалы азиатских стран (объём доступной для быстрой мобилизации рабочей силы, её квалификация, включая дисциплинированность, и стоимость, масштаб национальных экономик) были способны удовлетворить условиям старта новых волн экономического роста, а, с другой, эти страны на момент, подходящий для старта волн экономического роста имели эксклюзивные военно-политические отношения с США, ведущей военной и технологической державой мира, которые позволяли им совместно использовать потенциал расширяющегося, но при этом контролируемого американскими ТНК мирового рынка для массового производства новых видов продукции, разработанных в США. В результате фазы роста новых экономик, отражавшихся в подъёме кондратьевских волн, совпадали с уверенным экономическим ростом в США.

Наблюдается тесная координация фаз «умеренного» экономического роста США и мощного роста азиатских экономик. Естественно, что экономический рост США был не столь впечатляющим, поскольку отсчитывался от иной стартовой базы, поэтому он не оказывается столь же масштабным по отношению к ВВП самих Соединённых Штатов, как в странах-реципиентах американских технологических новшеств. Это стало традиционной для США формой развития международного разделения труда, практикующих своеобразное накачивание промышленного потенциала своих партнёров-союзников, которые выполняют производственно-инструментальную функцию, будучи всесторонне зависимыми от США, которые сохраняют за собой способность ограничить экономический рост квази-конкурентов, если вдруг возникнут вопросы о лидерстве. В результате парадоксально, но, будучи экономическим гегемоном, «США не являются ни крупнейшим в мире трейдером, ни производителем № 1». Отношения с США обеспечивали их союзникам ускоренный рост, но они же ставили пределы этому росту, что особенно ярко проявилось на примере Японии, которая после периода мощного экономического роста (краткого «японского века», не продлившегося и двух десятилетий) вошла в период длительной стагнации, хотя в 1970-х годах многим казалось, что Япония вот-вот обгонит США по объёму ВВП. Важно учитывать то, в какой степени японский ВВП был частью американского ВВП. Страны Азии, безусловно, добились многого в рамках их взаимодействия с США. Но практически все они лишены возможности выйти за эти рамки взаимодействия с США, что определяется не только экономическими, но и политическими причинами. Не смотря на мощный экономический рост азиатских государств — последнюю треть XX и начало XXI века нельзя назвать «веком Азии», поскольку это был момент разрастания *Rax Americana*, и новая Азия, не имея самостоятельного значения, была лишь продолжением либерального по своей геокультуре евроатлантического региона.

Смещение оси деловой активности мира шло не в Азию, а именно в АТР, поскольку близость к США и в географическом, и в политическом плане являлась важнейшим фактором азиатского социально-экономического роста в XX веке. США были источником технологий и капиталов, для новых волн экономического роста, даже если они их просто аккумулировали, а не производили сами. В этом смысле американский капитализм можно сравнить с птицей кукушкой.

Америка фактически охватила значительную часть мира, откладывая свои «технологические яйца» в подходящие для этого страны, привязывая эти страны в качестве промышленных провинций к себе. Америка опробовала эту модель на собственной периферии в ходе реконструкции Юга после поражения южных штатов в гражданской войне. После Первой мировой войны США не смогли воспользоваться её результатами, поскольку Великобритания и Франция сохранили свои колонии почти не тронутыми, а участие США в реконструкции Веймарской Германии и частично России было ограниченным. Отсутствие новых рынков для экспорта капитала привело страну к Великой депрессии. Принципиальной причиной американских неудач после первой мировой войны было то, что США не смогли обуздать своих главных конкурентов — Великобританию и Францию, колониальная хватка которых, с одной стороны, сдерживала развитие стран периферии, а другой стороны, вызывала опасения США, что в результате послевоенного восстановления стран Европы, они вновь получат непримиримых конкурентов, что препятствовало переливу капитала в Европу. Это, в конечном итоге, привело ко Второй мировой войне.

После победы во Второй мировой войне и ликвидации колониальной системы США получили возможность осуществления масштабной реконструкции Европы, План Маршалла²⁹, прежде всего, Франции, Германии, других стран Европы, а после народной революции в Китае США были вынуждены взять под свою опеку Японию, Корею, Тайвань и другие азиатские страны, и не прогадали, поскольку в симбиозе с ними всю вторую половину XX века росла мощь и американской экономики. Эта паразитическая практика стала преобладающей линией поведения американского капитализма. Кроме того, распад колониальной системы привёл к резкому расширению мирового рынка: демографический взрыв и развитие национальных экономик развивающихся стран привели к колоссальному росту периферийных рынков приобретения сырья и сбыта товаров.

---

²⁹ План Маршалла действовал с апреля 1948 по декабрь 1951 г. на основе закона о четырёхлетней программе помощи иностранным государствам. За период 1948—1951 гг. на эти цели было потрачено около 17 млрд долл., большая часть которых была направлена на закупку американских товаров. При этом основную часть — примерно 60% — получили 4 страны (Великобритания, Франция, Италия и ФРГ), 70% выделенной этим странам помощи приходилось на топливо и продовольствие.

Противоречивый характер взаимодействия проявляется в том, что процесс роста мир-системы связан с преобразованием периферийных и полупериферийных частей мир-системы на новых производственно-технологических основаниях и на базе новых отношений собственности, которые существенно отличаются, а то и почти полностью противоположны собственно американским, поскольку во всех этих странах широко задействуются инструменты широкомасштабного корпоративного и государственного регулирования, включая и госсектор (Япония, Тайвань, Южная Корея, Сингапур, КНР), которые в силу доминирования в США либеральной геокультуры не могли быть широко использованы в самих США, где избирателей со времен Маккарти и до Трампа и Байдена пугают «социализмом». Важно отметить, что, в конечном итоге, после периода ускоренного роста, показанного в том числе и благодаря более высоким формам общественного производства (господдержка и госрегулирование), страны, оказавшиеся в связке (couple) с США, принимали в качестве основной либеральную идеологию и примыкали к американскому, либеральному геокультурному региону, несмотря на глубокую враждебность либеральной идеологии их собственному, национальному культурному коду.

В КНР окончательная победа либерализма оказалась невозможной. Сегодня в США многие говорят об ошибке. Некоторые утверждают, что такой исход сближения США и КНР был неизбежным [Mearsheimer, 2021]. Сблизившись с КНР и вложившись в развитие промышленно-технологической базы в этой стране, США допустили стратегическую ошибку, которую сейчас пытаются осознать. Но этот вариант развития китайско-американских отношений был закономерен. Он не оправдался по иным причинам, чем утверждает Дж. Миршаймер, упирающийся исключительно на размеры КНР, что, по его мнению, неизбежно делало Китай соперником США в случае успеха его индустриализации. Размеры — это далеко не главное, поскольку у США был опыт сотрудничества с Великобританией, Германией, Японией, которые точно могли бы составить конкуренцию США, но не составили. Причин несколько. Во-первых, в случае с КНР США изменили правила отбора союзников. Они обратились к Китаю, поскольку к началу 1970-х годов США завершили освоение экономического пространства, ставшего доступным им после войны, и переживали серьёзные экономические трудности. При этом в отличие

от КНР другие страны не казались достаточно привлекательными для долгосрочных инвестиций. В оправдание американских политиков можно сказать, что КНР самым беспардонным образом сменила фронт в холодной войне и усилила конфронтацию с СССР и другими социалистическими странами, а в момент китайско-вьетнамской войны в феврале—марте 1979 года эскалация напряжённости чуть не дошла до масштабного столкновения с СССР. Это создало у руководства США впечатление полной и бессрочной политической лояльности КНР. Ситуация не насторожила ни Г. Киссинджера, ни З. Бжезинского, и в начале 1980-х годов Дэн Сяопину удалось убедить США в абсолютной китайской лояльности. США в этот момент показалось, что Китай полностью перешёл на их сторону, на сторону своего бывшего врага, как собственно произошло ранее со всеми остальными нынешними союзниками США³⁰. Руководствуясь текущими интересами, что характерно для стран, где цели общества определяет стремление к извлечению прибыли, США были обречены на стратегический просчёт. Тем более, что масштабы Китая обоснованно сулили колоссальные доходы американским корпорациям. В результате КНР стала первой крупной страной, которую Соединённые Штаты решились сделать своим партнёром, предварительно не разгромив её в войне и не поставив в безоговорочную военно-политическую зависимость от себя, как это было с Германией и Японией.

Был и другой объективный социально-политический фактор, который не мог сделать КНР долговременным союзником США. Это сохранение в стране общественно-политической системы (китайского социализма), которая препятствовал образованию постоянного, несменяемого политического слоя, который бы исходил главным образом из целей получения прибыли и был способен десятилетиями придерживаться проамериканского направления развития страны. К власти в стране, после того как был достигнут успех, пришла элита, заинтересованная в достижении «китайской мечты»³¹, как задачи создания общества совместного процветания (пусть пока на уровне

---

³⁰ Президент США Дональд Трамп в своей речи перед Конгрессом (28.02.2017) заявил: «Америка сегодня в дружбе с бывшими врагами. Некоторые из наших ближайших союзников десятилетия назад воевали на противоположной стороне в мировых войнах». [Trump D. 2017].

³¹ «Великое возрождение великого китайского народа — главная мечта китайцев, её мы называем китайской мечтой» [Си Цзиньпин, 2014].

«общества средней зажиточности»), но это стремление к социальной солидарности стало основанием, на котором был восстановлен ценностный консенсус китайского общества. В этом его принципиальное отличие от целей либерального общества, в котором изначально приоритет отдаётся личной (частной) свободе и частным интересам [Kramnick, 2017]. В КНР, несмотря на существенные изменения эпохи «реформ и открытости», КПК, отражающая настроения китайского общества, сохранила положение определяющей политической силы, что привело к смене правящей элиты КНР и изменению курса страны.

После кризиса 2008 года, когда Китай осознал катастрофические последствия зависимого развития, которое, несмотря на достигнутые экономические успехи, обострило многие внутренние противоречия в стране, прежде всего, возникло колоссальное имущественное неравенство, и увеличилось различия в уровнях развития регионов. Кроме того, стало очевидно, что США намерены положить конец бурному развитию Китая, осознав сопряжённые с этим угрозы. Это не совпало со сменой лидера КНР, а привело к новым назначениям, соответствующим задачам нового этапа развития страны. После прихода к власти Си Цзиньпина, КНР бросила вызов старой части ядра мир-системы, сложившегося вокруг США.

Главным фактором, вызвавшим смену позиции было то, что КНР, в отличие от Германии, Японии или азиатских драконов, сложно включить в состав какого-либо из существующих геокультурных регионов (и соответствующих им военно-политических лагерей) из-за того, что глубина и скорость необходимых стране преобразований были много больше тех, которые позволяли Китаю их жёстко субординированные отношения с США. Собственно, по той же причине КНР ранее не смогла интегрироваться в социалистический лагерь, покинув его после неудачных масштабных социально-политических экспериментов («Большой скачок», «Культурная революция») под надуманным предлогом и с большим скандалом в 1969 году. Ситуация типологически явно повторилась. Дав старт радикальной реконструкции КНР, США, как в своё время СССР, явно переоценили степень своего долговременного влияния на политику этой страны, хотя верить в него у США, казалось, были все основания. После кризисов начала XX века перед КНР стал вопрос, как ей выйти за рамки роста, определяемого обширной, но, тем не менее, ограниченной в своих размерах из-за базовых характеристик американского капитализма, эколого-хозяйственной нишей.

Так или иначе, но китайский «птенец» американской птахи, благодаря условиям «вскармливания» перерос родителей и отказался вести себя по установленным правилам. В результате возникшего комплексного конфликта произошёл сбой во взаимодействии в транзакционной цепи США—КНР. КНР не приняла давления США, направленного на сдерживание темпов её экономического роста, выйдя из подчинения США. В результате кризиса ситуация стала меняться не в пользу США, поскольку ограничения на торговлю и другие виды взаимодействия с КНР привели к тому, что «внешняя торговля товарами США сократилась на 8,8 процента в 2020 году по сравнению с предыдущим годом и составила 3,84 триллиона долларов. В том же году объём внешней торговли Китая вырос до 4,65 трлн долларов, что позволило ему стать трейдером № 1 в мире. Согласно данным, опубликованным Статистическим отделом Организации Объединённых Наций, в 2018 году на Китай приходилось 28 процентов мирового производства в обрабатывающей промышленности, что более чем на 10 процентных пунктов опережает США. Китай обогнал США и стал крупнейшим производителем в мире ещё в 2010 году» [Ding Gang, 2021].

Проблема оказалась в «величине китайского звена», которым США, ощутив себя центром однополюсного мира, неосмотрительно связали себя с мировой экономикой, позволив КНР стать одновременно фабрикой и «интернет-магазином» для всего мира, функции, которые у рачительного и осмотрительного хозяина глобальной системы должны были быть распределены среди десятка стран. Сейчас США попытаются перераспределить эти функции, привлекая для этого новые страны, но Китай уже вышел на уровень, понизить который будет сложно. «Китай играет незаменимую роль в глобальной промышленной цепочке благодаря своему весу в производстве. Хотя позиция Китая в цепочке добавленной стоимости высокого класса не является самой значительной, он, несомненно, обслуживает цепочки добавленной стоимости на среднем и низком уровнях, выполняя более вспомогательную роль в глобальном развитии и потреблении» [Ding Gang, 2021]. Сегодня КНР — связующее звено между США и глобальной экономикой, заменить которое непросто и сделать это, переместив производство в Индию, Вьетнам или другие страны ЮВА, или мира, можно будет ещё очень нескоро. В любом случае США в своей истории ещё не приходилось сталкиваться с подобной задачей. Но вернуть американские производственные мощности в США, как в запале на-

меревался Д. Трамп, просто не реально, потому что США уже давно нет тех рабочих, которые могли бы работать на подобных предприятиях. Таким образом, без замены одних производителей на других «разорвать узы разделения труда между США и Китаем — это все равно, что оторвать США от остального мира» [Ding Gang, 2021].

Нынешний цикл конкуренции и противоречий в паре США—КНР ведёт к проблемам в их отношениях, которые могут остановить или даже развернуть вспять их бывшее симбиотическое слияние, чего не до сих пор не происходило ни одном из случаев, когда США шли на политическое и экономическое слияние с экономиками стран, поставленных ими под своё управление (coupling). Новый период развития КНР связан с тем, что она не может завершить процесс модернизации всей страны в рамках прежних американо-китайских отношений. Причины в колоссальном масштабе народного хозяйства и в природе политического строя, который сохраняет базовые принципы социальной внутриэтнической солидарности (без чего КНР давно бы погрузилась в социально-политический хаос, похлеще, чем в средние века, когда периоды краткосрочного процветания заканчивались катастрофическими спадами), в отличие от либерализма, утвердившегося под американским военно-политическим давлением (оккупацией) в Германии и Японии, бывших в пору своего суверенного существования обществами с корпоративными и в определённой степени коллективистскими началами в экономиках. Да и масштабы экономик Германии и Японии были вполне по силам для американского освоения.

Китаю же оказались тесны рамки прежнего экономического симбиоза, он нуждается в большем объёме ресурсов для развития, которые невозможно извлечь в рамках зависимого от США экономического роста. Создать экономическую империю, действующую на равных с США, может помочь не освоение очередной технологической и торговой ниши на базе американских или иных технологических наработок, а новая промышленная революция, которая приведёт к реальным изменениям в мировом разделении труда. Общее ощущение того, что она может произойти в Китае на базе новых ИТ технологий независимо и вопреки США стало ещё одним из оснований китайского бунта, а также американской реакции на чрезмерную технологическую и экономическую самостоятельность КНР. Речь идёт о создании связки между обработкой коммерческих данных и развитием информационных технологий. Китай, сосредоточив в своих руках огромные

объёмы производства и торговли, имеет возможность совершенствовать технологии обработки и передачи коммерческой информации, вкладывая на коммерческих (возвратных) основаниях гигантские, практически неиссякаемые суммы в развитие информационных технологий, чего не может себе позволить ни одна другая страна в мире. Именно совершенствование этих информационных технологий, позволяющих сократить расходы на обработку коммерческих данных, связанных с производством и сбытом товаров, создаёт условия для новой промышленной революции. Конечно, компьютерные технологии эффективно применяются практически во всех сферах производства, но именно в содействии обороту и производству разнообразных коммерческих товаров, они получают тот масштаб использования однотипных технологий и дают тот экономический эффект (снижение издержек), который обеспечивает окупаемость их непрерывного совершенствования, как в своё время производство и продажа по всему миру текстильной продукции обеспечили экономическую базу для совершенствования паровой машины. Если выдвижение КНР на позицию мировой фабрики было результатом стратегического просчёта США, то последующий рывок КНР в развитии IT логистики полного цикла оборота товаров, включая производство, сбыт и платежи, которая становится практически виртуальной (цифровой), что существенно повышает конкурентоспособность произведённых в КНР товаров и делает страну бесспорным лидером новой промышленной революции. У IT много сфер приложения, но промышленную революцию эти технологии совершают, преобразуя логистическую бухгалтерско-финансовую сферу производства и оборота товаров. Китай занял стратегические позиции в этой сфере, оказавшись хабом основного объёма производственных, торговых и платёжных процессов во всем мире, поэтому в его руках реально есть возможность получить максимальный эффект от IT оптимизации этих процессов. Задача не создать в КНР, как принято говорить, ординарную, самодостаточную постиндустриальную, движимую наукоёмкими производствами и инновациями (innovation-driven) экономику, а сделать страну лидером мирового развития, замыкающим на себе потенциал последующего мирового развития, т.е. уже не рабочими руками, а центральной нервной системой мира, т.е. новым ядром (core) мир-системы, возникающей сейчас в полной мощи и на соответствующей ей по зрелости технологической основе. Дальнейший рост и успех КНР не отделим

от мировой экономики, но именно этого хотят добиться США. Главный риск на этом пути для Китая — это быть отрезанным от всего остального мира.

Есть основания считать, что в Азии, а именно в Китае начинается 6-ая кондратьевская волна, но это будет не очередная волна, связанная с расширением объёма мирового рынка в результате появления технологических новинок в сфере потребления (новых товаров народного потребления), она станет новой промышленной революцией, когда технологические новшества дадут новый качественный толчок развитию производительных сил. Т.е. создадут новый социально-технологический уклад и тем самым совершат промышленную революцию, что приведёт к изменению ролей стран на мировой арене. В связи с этим хотелось бы подчеркнуть, что не следует преувеличивать идею «повторяемости» (цикличности) кондратьевских волн, если речь не идёт об их внутреннем цикле, а о жёстких рамках, в которых говорят о повторяемости самих волн. Волнообразность развитию мирового хозяйства придаёт стадияльно-региональный принцип развития мир-системы, который указывает на то, что новый экономический подъём начинается в новом регионе, где ещё не сложился (не устоялся) зрелый локально-исторический капиталистический уклад (геокультура), но существуют базовые условия для нового технологического прорыва или даже для новой промышленной революции, главное из которых доступ к расширяющемуся рынку сбыта стапельного товара (услуги), порождающей новую технологию. Это, естественно предполагает схождение на нет предыдущей волны экономического роста. Механизмы этих процессов достаточно сильно отличаются друг от друга, поскольку подъём, основанный на частном технологическом новшестве, предполагает вариант индуцированного зависимого развития, а подъём, связанный с промышленной революцией, — это вариант подготовленного внешними факторами и в этом смысле индуцированного масштабом мирового экономического пространства, но, безусловно, конкурентного развития. Мир-система не привязана к временным периодам, а её развитие связано с кардинальными изменениями международного (территориального) разделения труда, когда в силу комплексных причин возникает новый лидер («локомотив») экономического роста, а это по определению новый регион (страна), который расширяет возможности мирового производства и потребления.

Основное противоречие — блок США vs блок КНР

Появление нового лидера не обрекает мир на неизбежное столкновение различных геокультур, поскольку в ходе промышленной революции производится экономический эффект, который существенно увеличивает доходы всех участников процесса производства. Проблема заключается в идеологических установках. Либеральный геокультурный регион, сумевший в ходе первой и второй мировых войн, подчинить себе регион корпоративной геокультуры («страны Оси»), рассматривает свой образ жизни как норму, к которой должны прийти все страны. Неслучайно и сейчас на первый план представители администрации президента Байдена выдвигаются обвинения КНР в «усилении роли государства в экономической модели» (буквально: «рост государствоцентричности в экономической модели») [Hillman Tippet, 2021], хотя изначально именно авторитарное китайское государство и обеспечило социально-экономические и политические условия (кто подавил «Тяньаньмэнь» (1989)?) для инвестиций в страну американского капитала, поскольку создание специальных экономических зон с населением в десятки миллионов человек было бы невысказано без тотального государственного регулирования. США обвиняют КНР в чрезмерном субсидировании промышленного производства, в частности производства стали, солнечных панелей, полупроводников. Но стоило бы поставить вопрос, откуда у КНР соответствующие ресурсы. Проблема не в архаичных отраслях, которые больше важны для стран периферии, а в отраслях, где лидерство определяет судьбу завтрашнего дня: системы связь, IT, интернет-платформы. Именно в этих сферах КНР пытается уйти в отрыв. Столкнувшись с нелояльностью Китая, который пытается вырваться из-под американского контроля, США в качестве аргументов против продолжения взаимодействия выдвигают те же факторы, которые ещё вчера обеспечивали успех этого взаимодействия. В отличие от Трампа администрация Байдена пытается «разрядить» Китай, уменьшив его экономическую роль, и, тем самым, сбалансировать с ним отношения. Т.е. США надеются, что ошибку ещё можно исправить, поскольку они обладают значительными политическими ресурсами и блоковыми связями, которые дают им надежду подавить КНР, как в своё время США подмяли ФРГ, Японию и другие страны, попытавшиеся обогнать Америку (1985 год, Соглашение Плаза). Всё зависит от того, станет ли разворачивающаяся

в мире цифровая революция логистических систем настоящей промышленной революцией, и от того, кто станет её основным бенефициаром.

Опасность состоит в том, что новая промышленная революция даёт в руки страны, ставшей её лидером, огромные ресурсы и выдвигает её на ведущие позиции в мире. Но это очень большой риск. Именно это опережающее развитие ставит мир на грань войны, если победа окажется на стороне полу-периферии, поскольку, проиграв в технологическом соревновании, бывший гегемон, пока ему ещё позволяет преимущество в вооружениях и организации, будет стремиться перенести выяснение вопроса о технологическом лидерстве в военную сферу. Так уже было. Ставшая лидером второй промышленной революции Германия не сумела сохранить лидерство, поскольку была повержена в двух последовавших одна за другой войнах, а её технические достижения (включая ракетно-ядерные наработки), так и не получившие окончательного оформления, были экспроприированы. Это чуть было не произошло и с СССР (Россией) в конце XX века. Отсюда главный вопрос: сможет ли потенциально новая стран-лидер избежать столкновения с превосходящими силами противника, или она отчаянно бросит вызов гегемону, попытавшись выйти за рамки объективно много меньшего пространства, которое находится под его непосредственным контролем. Конечно, условия для бунта Китая не назовешь благоприятными, поэтому, скорее всего, он попытается избежать открытой конфронтации, но тогда он не сможет стать лидером развития мир-системы. А его экономические и иные преимущества будут купированы странами ядра мир-системы. Многое зависит от того, сможет ли Китай создать свой круг стран «общей судьбы», чтобы противостоять военно-политическому доминированию США в мире. От этого и зависит, чьим будет ли XXI век, азиатским или американским.

Библиографический список

Ленин В.И. (1969). Империализм как высшая стадия капитализма. *Полное собрание сочинений*. Т. 27. М.: Издательство политической литературы. С. 299—426.

Си Цзиньпин. (2014). *О государственном управлении*. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках.

Тренин Д.В. (2013). *Мир безусловный: Евро-Атлантика XXI века как сообщество безопасности*. М.: РОССПЭН, 2013.

Ding Gang. (2021). Decoupling from China will see US globally detached. *Global Times*. Jun 02. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202106/1225190.shtml> (дата обращения 25.10.2022).

Kramnick I. Lockean Liberalism and the American Revolution. *The Gilder Lehrman Institute of American History*, adapted by Newsela staff on 04.27.17 URL: <https://ap.gilderlehrman.org/history-by-era/road-revolution/essays/lockean-liberalism-and-american-revolution>.

Hillman J., Tippet A. (2021). What's Next for U.S. Trade With China? *Council on Foreign Relations*. Renewing America, October 7, 2021. URL: <https://www.cfr.org/in-brief/whats-next-us-trade-china> (дата обращения 31.01.2023).

Mearsheimer J. (2021). The Inevitable Rivalry. *Foreign Affairs*, 2021, November-December. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2021-10-19/inevitable-rivalry-cold-war> (дата обращения 31.01.2023).

Trump D.J. *Donald Trump's Congress speech*. CNN, 01.03.2017. <https://edition.cnn.com/2017/02/28/politics/donald-trump-speech-transcript-full-text/index.html> (дата обращения 31.01.2023).

References

Lenin, V.I. (1969). Imperialism as the highest stage of capitalism. *The Complete Works*, vol.27, Moscow: Izdatelstvo politicheskoy literatury, 1969. Pp. 299—426. (In Russian).

Xi Jinping. (2014). *O gosudrastvennom upravlenii* [About Public Administration]. Beijing: Publishing House of Literature in Foreign Languages. (In Russian).

Trenin, D.V. (2013). *Mir bezusloyniy: Evro-Atlantika 21 veka kak soobshchestvo bezopasnosti* [The unconditional world: The Euro-Atlantic of the 21st century as a security community]. Moscow: ROSSPEN. (In Russian).

Ding Gang. (2021). Decoupling from China will see US globally detached. *Global Times*. Jun 02. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202106/1225190.shtml> (accessed 25.10.2022).

Kramnick, I. Lockean Liberalism and the American Revolution. *The Gilder Lehrman Institute of American History*, adapted by Newsela staff on 04.27.17 URL: <https://ap.gilderlehrman.org/history-by-era/road-revolution/essays/lockean-liberalism-and-american-revolution>.

Hillman, J., Tippet, A. (2021). What's Next for U.S. Trade With China? *Council on Foreign Relations*. Renewing America, October 7, 2021. URL: <https://www.cfr.org/in-brief/whats-next-us-trade-china> (accessed 31.01.2023).

Mearsheimer, J. (2021). The Inevitable Rivalry. *Foreign Affairs*, 2021, November-December. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2021-10-19/inevitable-rivalry-cold-war> (accessed 31.01.2023).

Trump, D.J. *Donald Trump's Congress speech*. CNN, 01.03.2017. <https://edition.cnn.com/2017/02/28/politics/donald-trump-speech-transcript-full-text/index.html> (accessed 31.01.2023).

Моделирование регионального развития в современной Восточной и Юго-Восточной Азии

***Аннотация.** Вне зависимости от приоритетности вопроса динамики развития в Восточной и Юго-Восточной Азии в повестке в связи с уникальным и впечатляющим опытом экономического роста и индустриализации стран региона, многие существующие модели и подходы, основанные на концепции поэтапного роста, значительно ограничивают возможность точного многоуровневого анализа текущего регионального развития. В отсутствие других не-Западных моделей, парадигма «летающих гусей», предложенная Канамаэ Акамацу в 1960-х годах, является основным теоретическим подходом, разработанным с учётом специфики региона. Эта парадигма является практичной во многих аспектах, поскольку она сочетает в себе Западный научный подход к институциональной экономике и уникальный паттерн взаимодействия между Азиатскими странами. Тем не менее, будучи более подходящей для анализа региона, она в настоящее время может считаться устаревшей и упрощённой: теоретические предположения относительно индустриализации гораздо более детальны, чем обсуждение институциональных преобразований, сопровождающих экономическую модернизацию. Таким образом, в данной работе подчёркивается необходимость пересмотра старой модели, и предлагается альтернативный подход. Автор строит оригинальную модель «косяка рыб» на основе результатов применения метода главных компонент и кластерного анализа и демонстрирует её аналитическую способность. В выводах отмечаются две одновременные, но противоположные тенденции в области регионального развития, связанные с экономическим сближением и разобщением на основании разнообразия ценностей, которые не были отражены в существующей литературе. Это подчеркивает высокую потенциальную значимость предлагаемого подхода для дальнейших исследований в региональных и политэкономических исследованиях.*

***Ключевые слова:** региональное развитие, Юго-Восточная Азия, регионализация, парадигма летающих гусей, модель индустриализации*

Farakhdust Fatima

MA Political Science; research assistant,
Laboratory for Political Geography and Contemporary Geopolitics,
HSE University
farakhdust@hse.ru

Modelling contemporary regional development in East and Southeast Asia

Abstract. *Although the development dynamic in the East and Southeast Asia remains on the agenda because of its unique and insightful recent experience of growth and industrialization, the majority of existing stage-based growth models and approaches considerably limit the capacity for accurate multi-dimensional analysis in the area. In the absence of other non-Eurocentric models, the «flying geese pattern» of catch-up development proposed by Kaname Akamatsu in the 1960s remains the main theoretical framework designed to fit the specifics of the region. The paradigm is advantageous in many aspects, for it combines the Western scholarly approach to institutional economics and the unique pattern of interaction among Asian countries. Yet, while being a better fit for the region, it can be currently considered outdated and simplistic — the assumptions on industrialization are far more elaborate than the discussion on the institutional transformation which accompanies economic modernization. Thus, the paper highlights the need for revision of the old model and introduces an alternative approach. Author builds the original «fish shoal» model on the outcomes of the principal component and cluster analyses and shows its analytical power. The findings highlight two simultaneous but opposite regional development trends on economic unity and value-based dispersion, which were not featured in the existing literature. This signals a high potential relevance of the suggested approach for further research and contribution into regional area studies and political economy studies.*

Keywords: *regional development, Southeast Asia, regionalization, flying geese model, industrialization model*

Introduction

Countries of the Global South account for about two-thirds of the world population, if not more, and present the peculiar socio-economic dynamics. Majority of them, including those in Asia-Pacific, insist on the importance of

the development as a key area of domestic and foreign agenda. Besides, initiatives, including the Sustainable Development Goals (SDGs), emphasize the fact that the international community needs to address the problems of persisting inequality, poverty, hunger among others. The mainstream view is that securitization of these social and economic threats rests within a broader issue of becoming developed economies and-keeping in mind global redistribution is an unattainable perspective—some see the endogenous self-sufficient growth as an effective solution. Throughout the years, the advanced economies have made several developing countries dependent on their foreign debts and aid. Therefore, many nations, especially in East and Southeast Asia, seek economic and political autonomy through accumulation of the sources inside the region, instead of attracting them from the West.

The existing development models, by most part, present the patterns once developed by the Western scholars for the analysis of the process of the Great European Enrichment. Since countries and regions are diverse, some argue that feudal Europe has never been in the same position and type of development as modern Asian countries [Ghatak S. 2003]. Therefore, it is logically flawed to apply Eurocentric models and success stories to other regions, propagating universality of the European approach. The main takeaway from this is that the majority of existing models, being developed in mid-20th century, can be already considered outdated, having limited predictive and analytical capacity. Secondly, this highlights the need for case- and region-specific models and makes such studies highly relevant.

Regardless of a spurred world-wide interest, there is a considerable research gap in existing literature concerning modeling and theorization: the «flying geese» model, which was developed by Akamatsu (1962) specifically for the analysis of Asia, is as well outdated and insensitive to current trends. While some, including the author, argue for its insufficiency and need for revision, others still apply it in the absence of alternatives. The lack of consensus on geese pattern usability and lack of modern theoretical models and patterns altogether is the motivation for this study.

Applied theoretical framework and methods

Following from the existing research gap in non-Eurocentric models and outlined puzzle — absence of consensus on whether the «flying geese» is still usable or not — and based on the overall lack of approaches which

explain contemporary development trends in the region the argument of the paper is positioned in the following way. The main research question is how can we model interrelation of the factors which shape regional development in East and Southeast Asia? The following hypotheses approach the matter in question. H1: contemporary Asian catch-up development can be analyzed by drawing parallels between empirical transformations — both economic and normative dimensions thereof-and natural group behavior of certain species (geese, fish, etc.). H2: alternative approaches to existing «flying geese» model should be conceptualized and applied in the contemporary studies.

While testing the hypotheses and presenting an alternative to the classic geese model, the paper tries to apply a new original framework to show whether it is a better fit for explaining ongoing regional dynamic. Therefore, beside the main research question and the two hypotheses which comprise the argument, author positions a minor follow-up question asking in what way the observable pattern of development or modernization affects regionalization processes? The question specifically targets the application of the suggested framework to infer its analytical capabilities. To approach this question author makes an assumption: following from the common socio-historical background and major concentration of economic activities of individual states inside Asian subregions, group modernization ensures integration within the greater Asian region, growth stimulation, and peacebuilding. The latter refers to the absence of militarized international conflicts.

The goal of the study is thus to show the insufficiency of the «flying geese» model and suggest an alternative for a more functional analysis of the recent regional trends in Asia, capturing the transformation of last two decades since the 2000s. The aims include a) decomposing the «flying geese» model to infer its theoretical assumptions, done through the textual analysis of Akamatsu's article (1962), b) reconstructing the model based on recent data through the principal component analysis (PCA), c) visualizing the current trends based on PCA and cluster analysis, d) introducing an original approach, the «shoaling fish» based on PCA coordinates visualization.

The main theoretical framework used in the study is thus the flying geese model. However, it is clear from the contemporary examples in East and Southeast subregions that the propositions and assumptions of the model are not likely to be compatible with the empirical evidence. Therefore, taking into the account the observable situation in the region, author applies abductive approach to study the cause-and-effect relationships between the driving forces of contemporary development and the observable output.

To reconstruct the model, the core premises of Akamatsu's argument on both industrialization-related and normative dimensions are outlined using textual analysis of the article published in 1962 and the addition made by Kojima [Kojima K. 2000]. To account for the omitted variables—unobservable but potentially influential factors — which were not originally considered by Akamatsu, such as growing tertiary sector, author includes them into the new model. Resulting model is constructed and visually presented through the descriptive PCA. Study is focused on period since the 2000s, so the sample of economies includes 20 actors covering East and Southeast Asia's subregions during the respective period.

The method of PCA was selected as the most optimal way of reaching the goal of the study because it can identify the relationship between the independent variables which are the factor conditions derived from the geese model. Some of the variables correlate with each other, for instance economic complexity index and technology value added. As far as PCA creates new independent variables—dimensions—by combining the factors and reversing the axes, it solves the multicollinearity problem. Secondly, model includes relatively many factors which complicates visualization, whereas the chosen method reduces dimensionality allowing it to present fitted models in two-dimensional graphs.

PCA implies the condition of absent missing observations. The data for some of the variables that were used had missing data points, which were replaced through data generation using RStudio software. In particular, the missing values were generated using mice package and mice function: function replicates data generation process multiple times (number of iterations manually set to 50). This ensures the robustness of the outcome data set with imputed values. To check the robustness of the method, author tested multiple imputations approach using other data generation methods, including predictive mean matching, weighted predictive mean matching, random sampling, unconditional mean imputation, and regression trees. All methods produced data sets with similar dynamics, therefore further analysis used data set with mice function imputation. To capture the time-series effects and compare the results of economic changes author applied PCA to 2000, 2005, 2010, 2015 and 2020. The shifts in norms and values, that accompanied economic modernization are analyzed in two steps: 1) PCA is used to show relations between factors and cases and calculate the coordinates, 2) similar cases which are close to each other in the PCA two-dimensional space are grouped together using cluster analysis.

Additionally, collective animal behavior theory is used to derive theoretical assumptions on geese and other analogies' applicability to economic behavior. The approach assumes that aggregation of species into groups is an adaptive response to natural conditions in which species live. The individuals of one biological specie form a group based on a set of common objectives connected to survivability: finding food, defense against predators, mating. Being rational actors, individuals form a group to solve the condition of imperfect information. While making a decision each individual considers the probability of payoffs and costs, and while gathering most of information through senses, in the group she is able to get additional information by observing other members [Pérez-Escudero A., de Polavieja G. 2011]. Therefore, the theory predicts that the purpose of forming a group of individuals of one biological specie is pragmatic, that is why such groups are relatively homogenous, and this homogeneity triggers further socialization and bonding. Applied to regional modernization, the purpose of economic cooperation and hedging against exploitative advanced economies of the West that started in 1960s—1980s has gained a more social dimension since 2000s under the rhetoric of the Eastern civilization and common Asian culture.

Overall, the flying geese model supposes that all factors positively correlate with each other. The condition of factor correlation is checked and visualized through the PCA. The same visualization is used to infer proximity of cases in the sample, their location and contribution to each of the dimensions. In contrast to the existing model, author suggests an alternative outlining its theoretical assumptions and resulting pattern derived from the empirical tests in chapter 3. The following Table 1 summarizes the core assumptions of both approaches.

Data

Based on Akamatsu's writing [Akamatsu K. 1962] economic dimension of the flying geese pattern is modeled using the following factors: a) economic complexity index (ECI), b) trade balance, c) total export of goods to G7 countries, d) FDI inflow (% of GDP), e) manufacturing value-added (% of GDP), f) medium and high-tech industry value-added (% of total value-added), g) industrial production (% of GDP), h) services (% of GDP). Author tracked the transformation processes since 2000, comparing the output for five-year sub-periods.

One of the key assumptions of the model states that the more advanced the economy becomes, the more sophisticated its tradable goods are. Therefore, author used ECI as a proxy variable for tracking production's sophistication in each state. Author got the available data from the Observatory of Economic Complexity (OEC) for Hong Kong and Taiwan, and Atlas of Economic Complexity for the rest of the cases. The trade balance data provided by the IMF and Taiwan Ministry of Finance is used as the index of export orientation. Akamatsu claimed that the participants of the group catch-up process seek homogenization with the advanced economies. To capture trade and competitiveness with mature economies, we used data on export of goods to the G7 countries. The third pillar of the model highlights importance of investment inflows, so the parameter is included as percent of GDP based on data from the World Bank and Taiwan Investment Commission (MOEA). Value-added of manufacturing, technologies, GDP shares of industrial production and services are included to track the prevalence of secondary and tertiary sectors with the means of Asian Development Bank data.

The original model does not account for trade in services, however modern mature economies often have large tertiary sector — variable's inclusion increases accuracy. Based on the flying geese theory, all independent variables used in the analysis should positively correlate, experience identical dynamics with higher values corresponding to higher levels of development — and thus reconstruct the geese wedge, of the V-shaped pattern.

The normative dimension of the model is analyzed using an analogical approach. The model is based on a) human development index (HDI), b) freedom of political rights and civil liberties, c) democracy index, d) quality of economic regulation, e) control of corruption, positive accounts of f) competition and g) national proudness. Norms and values generally evolve slower. Therefore, in the paper author only presents the plots for the years 2000, 2010 and 2020, comparing the decades.

Akamatsu built flying geese paradigm upon the fact that trade interaction with Western economies triggers Westernization of the society, triggering the adoption of liberal democratic values and norms. The latter are often associated with stable governance, rule of law, low corruption. Therefore, author included control of corruption ranking by World Bank and democracy index and quality of economic regulations by Economist Intelligence Unit (EIU) into the analysis. Together with the cumulative points for civil liberties and political rights measured by the Freedom House, these factors account for liberal political regime and pro-free trade institutional condi-

tions. Akamatsu writes that character and effectiveness of industrialization depend on social assimilation with developed countries, so individuals should adapt to and develop the capitalist culture within the society. Individuals ought to be socially and politically active citizens. To account for level of social capital and its potential power, HDI and positive stance on competition from the World Value Survey (WVS) are used. As far as the normative component of modernization in the «flying geese» model was less detailed, all factors included into normative PCA were inferred from the text and are proxies of adherence to liberal institutions and values.

Based on existing literature (including [Nunn N., Treffer D. 2014; Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. 2005]), author believes that it is impossible to consider modernization detached from the socio-political conditions of the given country. Due to growing extraterritorial claims of rising states, including China, and its insistence on Asian homogeneity, nationalist sentiments are on the rise especially in states where Chinese diaspora is populous. Having nationalism or patriotism as a crucial feature of modern Southeast Asian countries, author includes it as a variable into the model (data taken from World Value Survey). Contemporary international interactions inside the region are subject to significant social forces, such as interest groups, nationalist groups, NGOs. As far as we consider the region as a society of states united by shared history and mentality, the paradigm shift from liberalism towards right-wing nationalism and revival of national identities in local societies should be analyzed.

PCA results

As follows from the plots (see Figures 1—5), some variables — all of which were expected to positively correlate — in fact negatively correlate with each other. This can be explained by the fact that, opposite to Akamatsu's predictions, the distribution of cases is not linear; rather, contemporary regional dynamics have produced multiple leading economies, middle-level ones and few following least-mature economies. Instead of expected hierarchical pattern, there are a few outliers — leaders in their respective fields. Hong Kong can be a stable outlier, as it champions inflows and outflows of direct foreign investments. Another example is Singapore, which has developed a competitive tertiary sector since the 2000s and currently has the largest service sector as a share of GDP among the chosen sample cases.

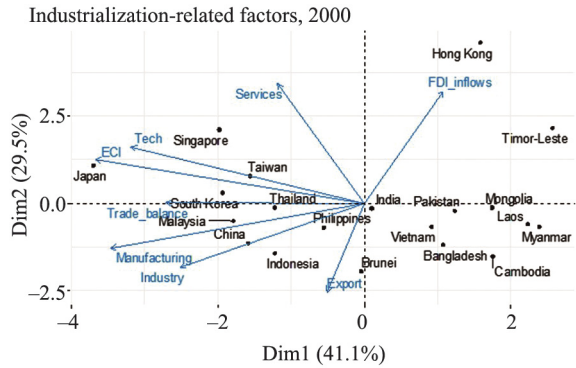

Figure 1. PCA of industrialization-related factors (2000).
Based on author's estimations

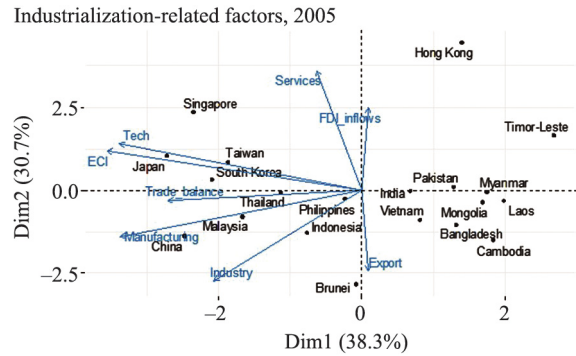

Figure 2. PCA of industrialization-related factors (2005).
Based on author's estimations

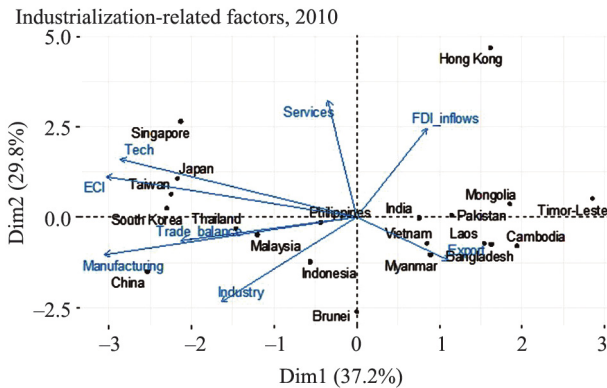

Figure 3. PCA of industrialization-related factors (2010).
Based on author's estimations

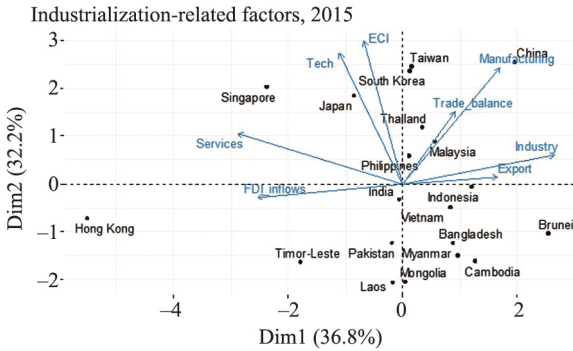

Figure 4. PCA of industrialization-related factors (2015).
Based on author's estimations

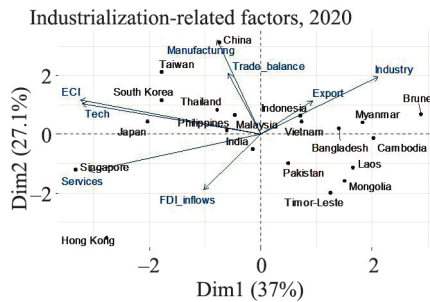

Figure 5. PCA of industrialization-related factors
(2020). Based on author's estimations

Already by 2005 China has manifested itself as the leading regional manufacturer of goods, and as follows from the data on both its RCA and manufacturing value-added, it has occupied the niche of the main regional and currently global manufacturer of consumer goods. Multiple leading economies — yet in different, and often oppositely related factors — shows that regional interactions are currently hardly hierarchical. Instead of directly competing and catching-up with Japan, some newly industrialized countries opted for a narrow specialization. Thus, instead of one leading goose, we can rather observe few leading economies moving overall in one direction toward growth, as fish in a shoal would do.

Cluster analysis of the normative dimension

Whereas economic interactions produced convergence to interdependence and similarity of production, normative conditions of this conver-

gence did not hold. In particular, the principal component and cluster analyses of liberalization highlighted that in the beginning of 2000s the cases could have been divided into three large clusters: a) democratic countries, including Japan and NIEs, b) liberalizing ASEAN-members and c) the least-developed, more authoritarian countries, including China, and an outlier Singapore. By the end of the second decade, distribution became more scattered and the distance between clusters increased. This is significantly connected with the recent ideological shift in most Asian countries associated with the rise of local nationalist and patriotic sentiments, populist political leaders, and preservation of national identity [Acharya A. 2012, pp. 22—23; Vu T. 2013]. This trend is considerably fueled by China as one of the most powerful actors and historical hegemony of the region. Similarly, a decrease in the democracy ranking has become a world-wide example of the roll-back democracies and rise of hybrid regimes.

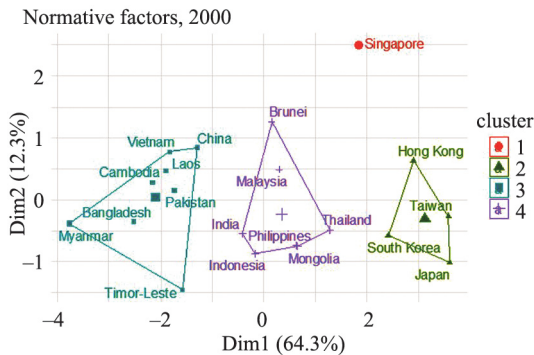

Figure 6. Cluster analysis of the normative dimension (2000). Author's calculations

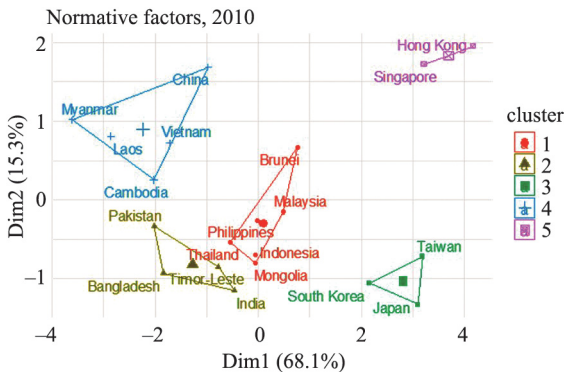

Figure 7. Cluster analysis of the normative dimension (2010). Author's calculations

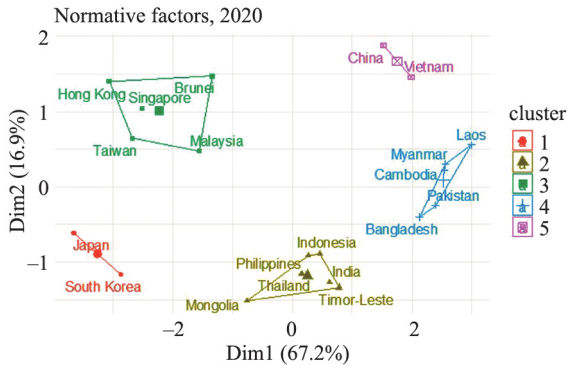

Figure 8. Cluster analysis of the normative dimension (2020). Author's calculations

Therefore, what can be seen in the Figures 6-8 is a gradual transformation of the Asian regional community and a shift towards nationalistic groups rather than a liberal democratic society of states. Japan and South Korea remain the most stable democracies, whereas Hong Kong, Taiwan and Singapore can be currently grouped together based on high levels of HDI, control of corruption, and economic deregulation, rather than civil liberties. The ASEAN group and Mongolia form a cluster based on a high degree of political freedoms, whereas authoritarian China and Vietnam are separated into an authoritarian or a socialist camp. One can infer that transformation of values and mentality is not as rapid and radical as economic modernization and ideology-based clusters are substantially different and somewhat independent from the level of economic modernization. Nonetheless, they considerably affect the development as such, regionalization, and regionalism.

Alternative approach — «the shoaling fish»

Research on the nature of fish schooling and shoaling states that the communal behavior is preferred due to multiple reasons. First, shoaling increases power capabilities, enabling the flock to defend itself against the predators, raising chances of survival ability, compared to that of an individual. Second, the shoaling unites species sharing, beside other traits, appearance, feeding behavior, creating a homogeneous self-sufficient community based on shared aims. The fish shoal presents thus a tightly connected social organization without a strict hierarchy of any sort. The participants continually interchange positions, especially the leading ones, altogether moving in synch as a collective agent.

Extrapolating this behavioral inference onto the regional economic interactions of the Asian states, one can draw multiple parallels. The trend of intraregional support and help in development encouraging not only individual but regional progress and interconnectedness can be trait of shoaling: beside directing FDI to neighboring states, East Asian and Southeast Asian actors engage in construction of a tight cooperative regional community through institutions, including ASEAN, SCO, and regional forums [Yoshimatsu H. 2012, Schimmelfennig F. 2019]. As far as most regional states have reached a certain comparable level of development, share common cognition and idea of the future, their interrelation can be characterized as a relatively homogeneous international society. This cooperation owes not only to commonly acknowledged goals but also constructivist values, cultural and historical colonial past, bridging the gaps between states regardless of several differences [Acharya A. 2003]. It can be claimed that Asian actors actively integrate within the region as a fish shoal, or union of separate independent agents, interchangeably occupying and sharing leading positions, according to different economic indices and development criteria.

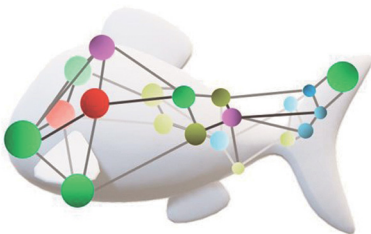
Based on the collective animal behavior theory, and fish shoaling experimental studies it is possible to derive a set of assumptions on how and why fish species shoal. First assumption is that interaction of individual specimen, their speed of movement and leadership position is based on social proximity tendency [Jolles et al. 2017]. Secondly, unlike other group species, fish in-group structure is dynamic and not static, and it constantly switches between swarm state (disorganized slow movement), milling (rotation around the center of the shoal) and polarized state (aligned high-speed movement) [Tunström et al. 2013].

In 2000 it was more of a polarized state when states were rapidly catching up right after the financial crisis: Japan was still a leader, the direction was about same for everyone. Although five years later it is already evident that the states chose to stick with dynamic comparative advantage, the growth speed has become more sustainable and moderate instead of high peaks, so movement became leader-less, or rather having multiple leaders and lack of order. The pattern currently resembles the swarm state, where development direction differs for each individual participant. Thirdly, aggregation serves survivability purposes: organization into different shapes, including hourglass, parabola, vacuole enable to securitize against the predators and maximize collective hunting abilities [Parrish J., Viscido S., Grunbaum D. 2002].

Compared to a strictly hierarchical geese model, fish shoal helps better illustrate that starting from early 2000s, the region has produced multiple rising economies, each appearing as a leader in a certain aspect. Whereas Akamatsu's model predicted perpetual development, few actors have significantly progressed since 1960s — the stages of development remained the same for the whole period since 2000s. Author can highlight that the geese mechanism is either no longer intact or no longer efficient and argues for the former. Model of state interaction shifted toward a more chaotic pattern following from numerous regional trade agreements (RTAs), diplomatic relations, elite connections. It is noticed that the production lines were transformed so that even slow-growing economies produce technologies, rather than resource- and labor-intensive industries where they are supposed to have larger comparative or even absolute advantage.

Striving for a faster pace of growth, modern developing countries are not likely to follow stage-based development, but rather abandon early stages altogether to catch-up with leading Japan, China, Taiwan. Overlap in production patterns and similarity of export among different economies can be better captured by a fish shoal pattern: a) one biological family, b) diverse fish species. The chaotic movement of each individual specimen in the shoal's front disturbs the trajectory of the species in the back. This becomes a significant obstacle for the actors in the middle and the back of the shoal, as the leading and most powerful species capture most of the resources, determine the direction and block straight trajectories.

Descriptive empirical model

Figure 9. The fish shoal pattern corresponding to the PCA Plot 5 and Cluster Plot 3 data (2020). Based on author's calculations

The formal parameters of the shoaling fish model are presented are the eigenvalues of the principal components. The resulting model is represented in the Figure 9. The size of the circle mark denoting each actor corresponds to the latest available GDP per capita data for 2020, while the color corresponds to the 2020 cluster plot. The figure represents the three-dimensional model of countries location vis-à-vis each other, based on the last PCA plot.

Following from the assumptions of the fish group behavior it is possible to draw a few inferences on why the location of the actors vis-à-vis each other and their proximity—for the latest 2020 data—look the following way. Firstly, it is evident that the leading group of actors comprise the economies of different sizes (compared by GDP per capita), each leading a respective dimension like FDI outflows, trade balance, sophistication of production. The diversity of the leading actors in terms of both economic structure, production specialization and domestic institutions and a considerably large gap between the leaders and the following actors positioned in the middle of the flock can be explained with the use of the social proximity parameter. The leading actors are too diverse to closely socialize with each other and other countries of the region and being positioned higher in the development ranking they do experience faster economic growth, which is reflected in the speed of their movement. On the contrary, the ASEAN members are closer to each other featuring higher social proximity because they are of relatively same economic size and are members of one institution.

Secondly, the model makes it evident that instead of predicted by Akamatsu hierarchical interactions, the movement and relation is rather chaotic, both leaders and the followers moving in different directions, stumbling, and blocking each other. Compared with the three states highlighted by Tunstrøm et al. (2013) it could be inferred that the status quo as of 2020 resembled the swarming state where individuals in the shoal move chaotically and with a high speed. As far as the current fish shoal model reflects the approximate beginning of the pattern, in the long run it can change from swarming to milling. Therefore, more robustness checks should be done in the years to come.

Conclusion

The PCA and cluster analysis showed that currently correlation of factors and relations between individual cases are not likely to resemble the geese wedge pattern. Rather, historical background, ideologies, economic interdependence, can be better illustrated and comprehended with the means of an alternative metaphor — the shoaling fish pattern. One can see that in contrast to stage-based catch-up development, modern Asian countries opt for specialization in one productive dimension, be it capital-intensive production,

labor-intensive manufacturing, or services. The gap between leading Japan, NIEs and least-developed countries has gradually decreased, however the status of majority of countries did not change from developing to developed. One can conclude that perhaps part of the question why developing countries remain developing is because they skip certain stages, like developing agriculture and primary sector, opting for industries with higher revenues. Therefore, they remain in relatively same positions.

At the same time, countries like China block shifting investments, ideas, inferior industries downwards — in a flying geese fashion — because their economies accumulate majority of regional trade efforts. Therefore, the continuous development motion of a geese flock no longer works. Instead, the region has few leaders with winner-take-all behavior and competition, a few middlemen and isolated LDCs who receive smallest share of sources.

Normatively, fish species have lesser attachment and loyalty to each other, compared to geese. Therefore, although actors share similar traits, they remain individualistic and unite into a group only for a rational purpose. Similarly, Asian countries share few notable constructivist traits, including common historical past, approach to social relations, shared challenges, and objectives regarding development. Thus, they are currently brought together as the Asian society for mutually beneficial cooperation and defense. This allows multiple countries with totally opposite political regimes, ideologies, and ethnic groups, cooperate efficiently as part of a group mechanism. However, the actions and underlining reasoning in each case prioritize national interests, so that their economic and social interactions are no longer hierarchical and ordered, rather mixed and chaotic.

This might not be the main reason of underdevelopment, rather nature of development has changed since the 2000s and it should not be neglected. Development is needed domestically for political stability and popularity of elites, on the international level — for security purposes. Driving force is no longer self-perfection of technological advancement, as in the 20th century. Normative prerequisites act as path-dependency determinants, creating a tight interrelation between previously considered separate spheres. The suggested empirical fish shoal pattern thus more accurately highlights the diversity of actors, their social proximity to each other, and direction of movement, and diversity. Although the latest available data features yet early development of this tendency, rather than its fully unfolded scheme, it is still possible to expect further intensification of the dynamics in the following years. Overall, it shows the empirical grounding

of the author's argument, the analytical power of the suggested theoretical approach and its empirical model, and possibilities for further studies in Asian regional networking through the fish shoal scheme.

References

- Acemoglu, D., Johnson, S., Robinson, J. (2005). Institutions as a fundamental cause of long-run growth. In Aghion, P., & Durlauf, S. (Eds.), *Handbook of economic growth* (pp. 385—472). Elsevier.
- Acharya, A. (2003). Democratisation and the prospects for participatory regionalism in Southeast Asia. *Third World Quarterly*, 24 (2), 375—390.
- Acharya, A. (2012). *The Making of Southeast Asia international relations of a region*. Cornell University Press.
- Akamatsu, K. (1962). A historical pattern of economic growth in developing countries. *The Developing Economies* 1, 3—25.
- Ghatak, S. (2003). *Introduction to development economics*. Routledge.
- Jolles, J., Boogert, N., Sridhar, V., Couzin, I., Manica, A. (2017). Consistent individual differences drive collective behavior and group functioning of schooling fish. *Current Biology*, 27 (18), 2862—2868.
- Kojima, K. (2000). The «flying geese» model of Asian economic development: origin, theoretical extensions, and regional policy implications. *Journal of Asian Economics*, 11 (4), 375—401.
- Nunn, N., Trefler, D. (2014). Domestic institutions as a source of comparative advantage. In Gopinath, G., Helpman, E., & Rogoff, K. (Eds.), *Handbook of international economics* (4, pp. 263—315). Elsevier.
- Parrish, J., Viscido, S., Grunbaum, D. (2002). Self-organized fish schools: an examination of emergent properties. *The biological bulletin*, 202 (3), 296—305.
- Pérez-Escudero, A., de Polavieja, G. (2011). Collective animal behavior from Bayesian estimation and probability matching. *Nature Precedings*, 1—27.
- Schimmelfennig, F. (2019). Differentiated integration and European Union politics. In *Oxford Research Encyclopedia of Politics*. <https://oxfordre.com/politics/politics/view/10.1093/acrefore/9780190228637.001.0001/acrefore-9780190228637-e-1142>
- Tunstrøm, K., Katz, Y., Ioannou, C., Huepe, C., Lutz, M., Couzin, I. (2013). Collective states, multistability and transitional behavior in schooling fish. *PLoS computational biology*, 9 (2), 1—11.
- Vu, T. (2013). Southeast Asia's New Nationalism: causes and significance. *TRaNS: Trans-Regional and-National Studies of Southeast Asia*, 1 (2), 259—279.
- Yoshimatsu, H. (2012). [Review of Asia's Flying Geese: How Regionalization Shapes Japan, by W.F. Hatch]. *The Journal of Japanese Studies*, 38(1), 186—190.

***Cooperation of Iran, Russia and China:
possibilities and limitations in the new century***

Abstract. *At the beginning of the 21st century, the international environment has become more chaotic than ever before. The competition of great powers has become very dangerous and it is not easy to reach an understanding about the international order. At the regional level, various governmental and non-governmental actors have started challenging security behaviors. The phenomenon of failed states and quasi-governments has become a bitter reality. In the Eurasian region, there is a combination of global, regional and internal competitions. Therefore, security environment of Iran, Russia and China is exposed to insecure currents from East Asia to Eurasia and the Middle East. Based in these realities, the main question is that considering the trend of international and regional developments, how have the three countries reacted to it? Is it possible to reach a strategic triangle against America? The author's idea is that three states will gradually expand interactions and cooperation for regional stability and security, economic development in the Eurasian area through organizations such as the Shanghai Cooperation Organization, the Eurasian Economic Union, the Belt-Road Initiative and the International North-South Transit Corridor. They have tried to limit America's interference, but taking into account different attitudes about global issues, the possibility of reaching a strategic alliance remains limited. In order to investigate this idea, I have tried to first examine the fields of cooperation between the three countries, and then present the American views on the cooperation triangle. In other parts, I will analyze the opportunities and limitations on the way of cooperation between the three countries, and in the end I will mention the future perspectives.*

Introduction

The world has faced fundamental changes in the 21st century, and the position of Asia has improved compared to the last century, and the general trends are towards greater economic and political importance of this

region. In such a situation, the three great and ancient civilizations of China, Iran and Russia in Asia, Eurasia and the Middle East will play a more effective role in shaping the regional and global order. Iran, Russia and China are three ancient civilizations, whose history of cooperation is more than a thousand years. In particular, since 1991, new conditions have been provided for the cooperation of the three countries in the Eurasian region, and at the beginning of the 21st century, a series of developments has expanded the situation for their bilateral, regional and international cooperation more than before.

Issues such as economic need to expand regional cooperation and the development of transportation and confront the terrorism and the importance of creating international balance and the limitation of the unilateral and destabilizing policies of the United States in the world, lead the three countries to strategic relations. Despite initiatives and organizations such as Belt-Road Initiative (BRI), Shanghai Cooperation Organization (SCO), and Eurasian Economic Union (EAEU), the cooperation is very important for regional stability and security in Central Asia.

But the main question is that considering the trend of international and regional developments, how have the three countries reacted to it? Is it possible to reach a strategic triangle against America? The author's idea is that three states will gradually expand interactions and cooperation for regional stability and security, economic development in the Eurasian space through organizations and Initiatives and tried to limit America's interference, but taking into account different attitudes about global issues, the possibility of reaching a strategic alliance remains limited.

In this research, I try to discuss the main variables of the hypothesis based on the data available in articles, reports, books, as well as official and reliable websites and research centers in three countries. In this regard, my focus will be on the main plans of the three countries for regional cooperation such as China's Belt and Road Initiative, Russia's Greater Eurasia Project, the Shanghai Cooperation Organization, and the structural changes in the international system.

The subject domain of my discussion is mainly focused on political, security and economic cooperation and I avoid entering into the historical, geographical and cultural issues of the relations of the three countries. In terms of time limitation, I will focus mostly on the years 2014 to 2022, and of course, sometimes I will have to make brief references to past times. In terms of location, the focus of the discussion will be on the geostrategic region of Eurasia, and especially the Central Asian region as the point of

geographical connection of the three sides, and I have not entered into the issues of East Asia or the Middle East.

In order to study this idea, I have tried to first examine the fields of cooperation between the three countries, and then present the American views on the cooperation triangle. In other parts, I will analyze the opportunities and limitations on the way of cooperation and in the end I will mention the future perspectives.

The Increasing Cooperation

The three states of Iran, Russia and China have gradually become closer to each other in the last three decades. Various factors have influenced their approach, especially since 2000, which I will mention here. Of course, to avoid the length of the article, I try to briefly address the most important issues of cooperation. Therefore, I only refer to the developments of recent years and do not discuss about the history of these relations.

Three countries have important similarities to each other in terms of political systems and internal needs. The economic need for trade and interaction and complementarity of the three countries is a very important issue. Based on these necessities, important contracts have been concluded between these countries. I can point to the 25-year Comprehensive Strategic Partnership between Iran and China in 27 March 2021³². Based on this agreement, cooperation between the two states in the economic and technical fields will reach the level of 400 billion dollars. This level of cooperation is unprecedented considering the limits of cooperation between Iran and other states after the nuclear sanctions and creates a very important opportunity for the two sides.

Also, the 20-year strategic cooperation agreement between Iran and Russia will be signed soon³³. Since 1991, Iran and Russia have signed several agreements for economic, technical and political cooperation. The experience of cooperation between both sides in the peace of Tajikistan in 1996,

---

³² Full text of Joint Statement on Comprehensive Strategic Partnership between Iran, China. In Website: <http://www.president.ir>. Archived from the original on 13 September 2020, Retrieved 11 October 2020.

³³ Russia expects to sign strategic cooperation agreement with Iran soon — Kremlin, 18 JUL 2022, In Website: <https://tass.com/economy/1481325>.

confronting the Taliban and supporting the Northern Afghanistan coalition from 1996 to 2001 and supporting the Syrian government since 2015 has been very fundamental for regional stability and security in Central Asia and the Middle East [Karami J. 2019, pp. 1—21]. Since Trump's withdrawal from the nuclear agreement in 2018, the eastern policy became a necessity and an unavoidable reality for Iran. This matter has been the concern of Iran's high officials and Ayatollah Khamenei has said about this approach:

In foreign policy, preference of East over West, preference of neighbor over distance, preference of nations and countries that have common features with us over others, is one of our priorities today. We must look to the east. There are countries that can help us, we can face them with an equal face, we help them, and they help us³⁴.

President of Iran Ebrahim Raisi has been seeking to further strengthen ties with China, and has referred to as an «Asia centric» policy which focuses on China. During his visit to Russia in January 2022, Iranian Raisi presented a draft of a 20-year agreement between Russia and Iran. Iran seeks to strengthen economic and trade relations through this agreement (as of 2021, bilateral trade between Moscow and Tehran was estimated at \$3.5 billion). Iran has also been seeking to strengthen economic relations with Russia under the umbrella of the Eurasia Economic Union³⁵.

The three states have important common interests in the Eurasia, Asia and Middle East. Under the influence of technological developments and especially the expansion of communication and transportation, the three regions of Eurasia, East Asia and the Middle East have come closer together. China's Belt and Road Initiative (BRI) since 2013, and Russia's Greater Eurasia Project since 2016, and Iran's Eastern Policy since 2021, emphasize regional and trans-regional cooperation.

The Belt and Road Initiative, supposed to expand China's connections with the world by 2049, is China's most important plan and of course beyond Central Asia and Eurasia. According to this grand plan, the Chinese government will mainly seek access to Russia, the Caucasus, Iran and the Persian Gulf as well as the surrounding areas for road and rail transport through Central Asia. At first, Russia was worried about this plan and

---

³⁴ <https://www.leader.ir/fa/speech/20596/www.leader.ir/>.

³⁵ Tridivesh Singh Maini (2022), The Complexities of the Iran-China-Russia Triangle, *The Geopolitics*, May 27, 2022, In website: <https://thegeopolitics.com/the-complexities-of-the-iran-china-russia-triangle/>.

thought it was a tool of China to penetrate its backyard in Central Asia, but gradually its view changed [Maleki A., Majid Raoufi M. 2015, p. 54]. Other Eurasian countries and Iran welcome this initiative from the very beginning and consider it to strengthen cooperation and convergence in the region. The BRI along with the SCO seems to be the last stage of China's return to the Eurasian landmass after the collapse of the Soviet Union. China has in many ways reshaped Eurasia, which was previously perceived as a Russian entity. The new initiative also symbolizes efforts to create an alternative order in Eurasia and the wider world as part of its global role to challenge US hegemony, heightening Mackinder's warning of an emerging challenger from Eurasia [Harper, T. 2019, pp. 99—121].

On June 16, 2016, Vladimir Putin announced the «Greater Eurasia» project, which aims for greater cooperation between the EAEU, the SCO, China's BRI, and regional countries such as Iran and Turkey. Sergey Karaganov believes that the origin of the concept of Greater Eurasia is caused by various trends in the world. From his point of view:

First, we should pay attention to the importance of trends such as the change in the centrality of the world economy from the West to the East, the rapid rise of China, India and other Asian countries, the beginning of the competition between the United States and its allies with the powerful China. He also refers to China's strategy, which seeks to meet the needs of its economic development, to ensure a friendly environment and expand access to global markets in the manner of the Belt and Road Initiative³⁶.

In 2018, Iran signed a preferential trade agreement with the EAEU. This union is one of the institutional tools of cooperation between Eurasian countries and the peripheral countries of the region. Iran attaches great importance to this cooperation and hopes to increase the level and extent of its economic and commercial cooperation with the member countries of this organization. In the last three years the reduction of tariffs along the lines of the agreement will bring benefits to both trading partners [Adarov A., Ghodsi M. 2020].

On May 8, 2015, Russia and China issued a joint statement on cooperation to connect the Eurasian Union and the Belt and Road Initiative, where Russia expressed its support for the initiative and China agreed to Russia's efforts to advance the economic integration of the EAEU. In October 2016,

---

³⁶ Karaganov, Sergey (2019), Russia in Great Eurasia, *Russia in Global Affairs*, Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/rossiya-v-bolshoj-evrazii>.

China started one-year talks on trade and economic cooperation, including five rounds of talks, three meetings of joint working groups and two ministerial consultations. On May 17, 2018, China and the Eurasian Union signed an agreement on trade and economic cooperation, which included customs cooperation, trade facilitation and intellectual property protection along with new issues such as electronic commerce, which is the first important systematic agreement between the two sides [Safari F., Ahmadi H., Barzegar K. 2021, p. 89]. According to the estimate of the Asian Development Bank, by the end of 2022, trade turnover between EAEU and China will reach 230—250 billion dollars³⁷. In recent years, the leaders of Russia and China are trying to further economic integration of the Eurasian region and the leader of Iran also has a positive view of this process.

Iran became an official member of the Shanghai Cooperation Organization (SCO) in 2022. The SCO was formed in 2001 based on the Shanghai-5 summit and became a new organization that included China, Russia, Tajikistan, Kazakhstan, Kyrgyzstan and Uzbekistan. Then, in 2017, India and Pakistan, and on September 16, 2022, Iran was accepted as its member. The organization started from solving border issues, grew from cooperation in fighting terrorism, developed and deepened cooperation in political, economic, cultural, educational and other fields of cooperation and gradually turned into a new model of multilateral cooperation [Xue Yamei, Mwadi Makengo B. 2021].

Iran's SCO membership will strengthen security and military cooperation with China and Russia³⁸. Although this organization is not an anti-Western alliance according to its constitution, it seems that the strengthening of this organization can slowly advance the efforts of China, Iran and Russia to change and shape the world order. Central Asia is geographically, economically and politically the point of connection of three countries. After the fall of the Afghan government in 2021, the Shanghai Cooperation Organization has become more important and the cooperation between Iran and Russia and China has become more necessary than before.

One of the important areas of regional cooperation is the International North-South Transport Corridor (INSTC), whose agreement has been signed

---

³⁷ Increasing the volume of exchanges between Eurasian countries and China to 151.1 billion dollars, in Website: <https://www.ilna.ir/1285984/2022/10/11>.

³⁸ Mercy Kuo (2022), the China-Iran-Russia Triangle: Alternative World Order? Insights from Benjamin Tsai. 7 July 2022, Interview in the Diplomat, Available at: <https://thediplomat.com/2022/07/the-china-iran-russia-triangle-alternative-world-order/>.

since 2000, and since 2021, transportation between Russia, Iran and India has gradually started in it. The International North-South transport Corridor is a 7200 km long route, including sea routes, railways, and road network that can connect Mumbai in India to Helsinki in Finland. This route is approximately 40% shorter in terms of distance and time, and costs 30% less [Sahar Hossein Babaei Mamaghani, Asadikhomami A. 2021, p. 803]. In the summer of 2022, this corridor has started its activity for the first time. Russia's serious will to exploit this corridor is now very important for its activation.

The most important factor in the three states' rapprochement can be considered the opposition to the unipolar international system and the unilateralism desired by America and the interventionism of the West. This issue has become more important after the Syrian crisis since 2012 and the Ukrainian crisis in 2014. In recent years the US government and its allies have challenged Russia in Ukraine, China in Taiwan and Iran in the Persian Gulf.

The Iranian perspective on international order has reflected the themes articulated by the Russian and Chinese discourse about an anti-hegemonic multipolar world order, sustained by respect for sovereignty and civilizational diversity. Like Moscow and Beijing, Tehran's narrative on multi polarity has highlighted the essential role of non-Western organizations and countries like Iran, India, Brazil, China, and Russia in shifting the centralization of power away from the West. Russia, China, and Iran have aimed to challenge «Western» standards both discursively and procedurally through various international organizations [Grajewski N. 2022, pp. 164—183].

From this short review about the needs of relations, we can conclude that a set of needs at the national, regional and international levels has made the three countries we are talking about have to enter into important cooperation that their common interests and also it seriously supply the countries of Eurasia, Asia and the Middle East.

America's view on trilateral cooperation

The cooperation between Russia, China and Iran in recent years has been observed by the Western powers, especially the United States, and it has been mentioned as a threat. This issue has intensified especially after the recent crisis in Ukraine, and East-phobia has become a Western propaganda and narrative line against constructive cooperation between the three countries.

In 1997, Zbigniew Brzezinski, the former national security adviser of the United States, made an insightful and exclusive analysis of geopolitical patterns in his famous book «The Grand Chessboard», mentioned the possibility of creating an «anti-hegemonic alliance» with the participation of China, Russia and Iran. He writes that:

The biggest danger is that China, Russia and Iran form a big alliance against America. But this alliance can only be realized if the US adopts a hostile and very short-sighted policy against China and Iran at the same time³⁹.

Brzezinski wrote, Eurasia is the «chessboard on which the struggle for global primacy continues to be played», where there are many «geostrategic players» and «geopolitical pivots». In the view of Brzezinski, China and Russia are classified into geostrategic players, while Iran is one of the geopolitical pivots. This can illustrate the importance of the three countries⁴⁰. Many of his predictions are still vital today. While US relations with China, Russia, and Iran have been strained to varying degrees, the latter three countries have made new progress in developing their mutual relations. This pattern has led some media and analysts to believe that Brzezinski's prediction is now becoming a reality.

Also recently the United States has mentioned the three countries China, Russia and Iran as a main challenge of the United States and its allies in the National Security Strategy document. In the new document of National Security Strategy in October 12, 2022 address:

The United States derives security and economic benefits from the region's democratic stability and institutions, as our shared values provide a basis for collaboration and peaceful dispute resolution. To help preserve and enhance these traditions, we will support partners striving to build transparent, inclusive, and accountable institutions. Together, we will support effective democratic governance responsive to citizen needs, defend human rights and combat gender-based violence, tackle corruption, and protect against external interference or coercion, including from the PRC, Russia, or Iran⁴¹.

---

³⁹ Bakhshali Bairamli (2021), Chinese Perspective on the Iran-China 25-Year Comprehensive Strategic Partnership Agreement, Tehran, Institute of International Studies & Research, P. 38.

⁴⁰ Zhang Tengjun (2021), US ignores Brzezinski's warning, faces dilemma, Global Times, Apr 06, 2021, In Website: <https://www.globaltimes.cn/page/202104/1220323.shtml>.

⁴¹ National Security Strategy, 10 October 2022, In Website: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf>.

In the Annual Threat Assessment report of the Intelligence Community of United States in February 7, 2022, threats of China, Russia and Iran were mentioned⁴². As a result, the three countries are bound to share efforts at the international level. Brand Hall wrote in a report titled «China, Russia and Iran Are Slowly Ganging Up on the US»:

Russia and China proclaimed a strategic partnership «without limits». Iran is reportedly giving Moscow drones and lessons in sanctions evasion, which are quite useful amid a continuing war in Ukraine. Russia-Iran convergence, US National Security Adviser Jake Sullivan has remarked, is «something that the whole world should look at and see as a profound threat». It's easy to understand the logic of this cooperation. All three powers seek to preserve and protect illiberal political systems, push the US out of their geographic neighborhoods, and roll back a post-Cold War order dominated by Washington⁴³.

Chinese analyst Zhang Tengjun wrote that Faced with the development of friendly, non-aligned interstate relations between China, Russia and Iran, the US is once again suffering from its delusions of persecution. It went back to its old ways of looking for enemies and trying to tie the entire West to its chariot against non-Western countries. Regardless of the development of the trilateral relations, Washington should realize that the time when the US could confront several countries at the same time has long passed⁴⁴.

Based on the existing realities and content of American strategic documents, we noticed that cooperation of Asian powers has been one of the concerns of American statesmen in recent years, and they are trying to create a narrative of security and otherness in front of them. Another US policy towards these three countries is trying to convince their allies in other regions to participate in a series of activities against them.

---

⁴² Annual Threat Assessment report of the Intelligence Community of United States in February 7, 2022, In Website: <https://www.dni.gov/index.php/newsroom/reports-publications/reports-publications-2022/item/2279-2022-annual-threat-assessment-of-the-u-s-intelligence-community>.

⁴³ Hal Brands (2022), China, Russia and Iran Are Slowly Ganging Up on the US, Bloomberg, September 1, 2022, In Website: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2022-09-01/china-russia-and-iran-are-slowly-ganging-up-on-the-us>.

⁴⁴ Zhang Tengjun (2021), US ignores Brzezinski's warning, faces dilemma, Global Times, Apr 06, 2021, In Website: <https://www.globaltimes.cn/page/202104/1220323.shtml>.

Possibilities and opportunities

The cooperation between Iran, Russia and China in these new conditions has had new possibilities and opportunities. In this regard, we can refer to the process of pluralization of the international system and the plurality of sources of power and international actors, the independence of states, the necessity of cooperation against extremism, terrorism and separatism, and the existence of common regional structures and institutions.

Since the end of the first decade of the new century, the international system has gradually moved away from the unipolar situation claimed by America, and as a result, it has become more pluralistic. Based on this trend, the international multilateralism has increased and the sources and centers of power have become more multiple. Undoubtedly, 2008 can be considered a turning point in the international system, which slowly moved towards a multi-polar and multi-center model⁴⁵. The formation of organizations such as BRICS⁴⁶ and Group [ ] [Fabbrini S., Marchetti R. 2018, pp. 4—6] of Twenty (G20)⁴⁷ and the increasing weight of regional powers are among the most important realities of this new world.

Also, the main focus of international politics and economics has moved away from the West and towards Eurasia and Asia. According to Richard Sakwa, «the old vast West is now being balanced by a Greater Eurasia led by Russia and China and the selective alliance of other countries with them»⁴⁸. In this new international system, regional powers play a wider role. Other states also have more independence compared to the past. In these changing international conditions, China, Russia and Iran can have extensive regional cooperation from Central Asia to Afghanistan and the Persian Gulf. The preparations for this cooperation are available within the framework of regional organizations. Therefore, at the same time, the pres-

---

⁴⁵ Sergio Fabbrini & Marchetti, Raffaele (2018), *Still a Western World? Continuity and Change in Global Order*, London, Routledge, pp. 4—6.

⁴⁶ BRICS is the acronym coined to associate five major emerging economies: Brazil, Russia, India, China and South Africa. Since 2009, the governments of the BRICS states have met annually at formal summits.

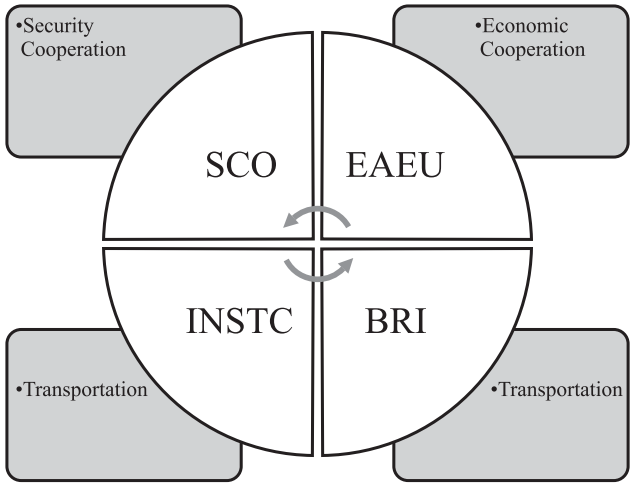
⁴⁷ The G20 or Group of Twenty is an intergovernmental forum comprising 19 countries and the European Union (EU). It works to address major issues related to the global economy, such as international financial stability, climate change mitigation, and sustainable development.

⁴⁸ Richard Sakwa (2018), «Russian Perspective on International Order», in Sergio Fabbrini & Marchetti, Raffaele (2018), *Still a Western World? Continuity and Change in Global Order*, London, Routledge, pp. 4—6.

asures of the United States against them in the crisis of Ukraine, Taiwan, and the Persian Gulf force them to take a more serious position against Western interventions.

Moscow, Beijing and Tehran have important interests in the regional stability of Central Asia and Extremism, separatism and terrorism threaten the interests and security of all three states⁴⁹. America’s withdrawal from Afghanistan in 2021 has fueled more security concerns in the region. The existence of joint regional organizations such as SCO, EAEU, and regional initiatives such as BRI and INSTC provide important possibilities for the cooperation of the in regional issues.

Organizations and Initiatives in Greater Eurasia

By nature of its geographic position and economic potential, Iran has assumed a prominent place in both Russian and Chinese effort for fostering regional connectivity. Russia has stressed Iran’s potential to assume a pivotal role as a geographic bridge connecting Europe and Eurasia to the Middle East and South Asia and thus broaden opportunities for transconti-

⁴⁹ Article one of the Shanghai Cooperation Organization Charter emphasizes this:« joint combating terrorism, separatism and extremism in all their manifestations, fighting against illicit narcotics and arms trafficking and other types of transnational criminal activity, and also illegal migration». Available in Website: <http://eng.sectsc.org/documents/2002>.

mental trade. The INSTC and BRI rely on Iranian port infrastructure in the Caspian and overland trade routes to expand exports into the Persian Gulf and South Asian markets⁵⁰. These Interactions can help the economic development of the countries in the region. Without economic development and the ineffectiveness of governments in supply the economic needs of the people, national and regional security will be unstable and the weakness of economic development and the poverty of the people creates the ground for the spread of extremism and terrorism.

Challenges and Limitations

Although there are suitable fields and possibilities for the cooperation of Iran, China and Russia, the limitations and challenges of the relations between the three countries should not be ignored. Public opinion in the three countries has a different situation. Especially in Iran and Russia, the opinions of a part of the people do not agree with confronting the West and paying attention to the East. The two governments of Iran and Russia see this situation as affected by the western media and virtual environment. This issue is much more serious in Iran, and the policy of looking to the east and agreements with eastern countries are opposed by sections of the people and especially the political faction of the reformists of Iran, who emphasize balanced relations with the East and the West.

Another limitation of cooperation is the differences between the three countries in some regional issues. In Russia, there are concerns about the demographic situation in the Far East region, as well as China's growing influence in Central Asia. The policy of Iran and Russia towards the Caspian Sea and the Caucasus is not very clear and the two countries' attitudes towards some important issues in the region are different. It is also possible to point out the difference in attitude towards the foreign enemies of each country. Regarding Israel, Russia follows a very different policy than Iran. Both China and Iran have a cautious policy towards the war in Ukraine.

Also, one of the limitations of regional cooperation is the tendency of some countries in the region towards Western countries and other regional institutions. NATO and the European Union are important for some

---

⁵⁰ Nicole Grajewski (2022), *An Illusory Entente: The Myth of a Russia-China-Iran «Axis»*, *Asian Affairs*, Volume 53, 2022 — Issue 114 Feb 2022, pp. 164—183.

Eurasian countries, and these institutions also offer concessions to these countries to limit their relations with Eurasian powers. It is natural that in a more pluralistic international system, all countries try to have wider connections.

I should also add this point that in the second article of the SCO charter, it is emphasized that «SCO being not directed against other States and international organizations»⁵¹. Some member states such as India and Pakistan have good relations with western countries, and even Central Asian countries are reluctant to cooperate with an anti-Western institution and as a result, it cannot be considered an anti-America and anti NATO security entity.

One of the important challenges of the relations between the three countries is to securitization of this cooperation in the media narrative of the West in order to force other countries of the world to participate in sanctions and confrontational policies. Naturally, this issue can cause problems for the three countries. The main goal is to influence countries that try to be independent in international issues and remain neutral in the competition of the West and other countries. Naturally, this issue can cause problems for the three countries.

Iran's nuclear program has also caused differences between Iran, Russia and China in the last two decades. Although Western countries have generally claimed against Iran in this case, Russia and China also played an important role in referring the case from the International Atomic Energy Agency to the United Nations Security Council and also in passing six sanctions resolutions against Iran. At the same time, unlike the West, the two Asian countries have tried to prevent this issue from becoming a major crisis. Also, Russia and China have played a positive role in the nuclear agreement between Iran and the member states of the Security Council. But if Iran and America do not reach any agreement and if Iran withdraws from the nuclear agreement, it is natural that China and Russia will be in difficult conditions.

Despite the gradual process of forming institutional cooperation in the form of Shanghai Cooperation Organizations, Eurasian Economic Union and BRI, their interactions are still mostly bilateral and we still cannot speak of a strategic triangle and the existing organizations and initiatives are still not very efficient and effective. The economic relations between Iran and

---

⁵¹ Charter of the Shanghai Cooperation Organization, 2002. In Website: <http://eng.sectsco.org/documents/>.

Russia have also remained limited and have not been able to create effective integration and convergence. In this regards Nicole Grajewski he wrote that:

Despite ideational convergences and coordination on salient issues, it would be erroneous to suggest the existence of a formidable Russia-China-Iran axis. Rather, the tripartite relationship between Russia, China, and Iran remains an illusory entente — bereft of regularized, institutionalized relations outside of their respective bilateral ties which tend to allow only modest trilateral coordination [Grajewski N. 2022, pp. 164—183].

Therefore, based on the above discussions, the existing limitations on the way of expanding the cooperation of the three countries is a fact that cannot be denied, and based on this, we cannot talk about the existing strategic cooperation, but what exists is the process of important cooperation between the three countries and its gradual expansion. Whether these relations can create a triangle of strategic cooperation depends more on the conditions of internal, regional and international dynamics.

Future Prospects

As it was said in this article, the trend of global developments is towards the role of the Asian region and its great civilizations. In a multi-polar and multi-level international system, where actors and sources of power will be more numerous, regional big powers will play a greater role in Asia. The three states of Russia, China and Iran have found important opportunities for cooperation due to their common region from Eurasia to East Asia and the Middle East. Economic and technical needs and necessities within the three countries, relatively similar political systems, common security concerns in the Eurasian space, the possibility of crisis spreading from one region to other regions due to globalization and trans nationalization of threats, especially separatism, extremism and terrorism, and most importantly, the simultaneous international pressure from the West and Western organizations against national and regional security and stability, have made the cooperation of the three countries inevitable. Therefore, they are under the pressure of economic sanctions, political competition and indirect security conflict of America and its allies in different ways, and this issue creates a good opportunity for their cooperation.

This issue is especially important regarding America's withdrawal from the nuclear deal, military and economic support for Ukraine, and provo-

king the issue of Taiwan. Even if the US returns to the nuclear agreement with Iran, the possibility of establishing a stable relationship with Iran will be less feasible, and even the sanctions will continue under other pretexts. Regarding the Ukraine crisis, there is still no clear outlook, and even if a solution is found to end the crisis, it will not be easy to return the relations between Russia and the West to the conditions before February 2022. The Taiwan crisis also has the same ambiguous situation and there is even a possibility of its escalation. Therefore, the direction of international developments and the relations of the three countries with the Western world will remain dark.

Therefore, although we cannot mention an existing alliance between the three countries, and each of them has a different path in front of the pressures of the West, but the process of their developments and interactions is towards a wider cooperation, which may even lead to wider strategic cooperation. But a basic point is that Tehran, Beijing and Moscow must take effective steps for the stability and expansion of bilateral, regional and international relations, which can be strengthening and efficiency of common organizations and initiatives such as SCO, EAEU, BRI and INSTC. And so strengthening economic cooperation with Eurasian countries to help economic development with the aim of substantially reducing the roots and contexts of extremism and terrorism.

A. Constructive interaction with the Afghan government with the aim of reducing extremism and countering terrorism and reducing the pressure on the poor people of Afghanistan.

B. Preparing arrangements for Iran's entry into BRICS.

C. Replacing monetary exchanges with common currencies of the region.

D. Establishing and expanding scientific and technical cooperation between the universities of the three countries and the region.

E. Cultural and legal cooperation with the aim of Asian civilizational and cultural standardization.

F. Scientific and cultural interaction in the direction of cultural renewal and Asian values with the aim of efficient and updating political institutions in accordance with the age of communication, globalization and human rights and security.

G. Through cultural and media cooperation, the three countries should prevent Western narratives to securitization eastern cooperation and create a global front against them.

H. A long-term, stable and constructive civilizational and cultural approach to regional issues with the aim of building a world free of violence and based on global common cultural values.

References

Adarov, A., Ghodsi, M. (2020). The Impact of the EAEU-Iran Preferential Trade Agreement, The Vienna Institute for International Economic Studies, *Working Paper*, No. 179.

Babaei M., Sahar, H., Asadikhomami, A. (2021). China and Chabahar, Opportunities and Challenges of the Cooperation of Iran and China in the Indian Ocean. *World Sociopolitical Studies*, Vol. 5, Issue 4.

Bairamlu, B. (2021). *Chinese Perspective on the Iran-China 25-Year Comprehensive Strategic Partnership Agreement*. Tehran, Institute of International Studies & Research.

Fabbrini, S., Marchetti, R. (2018). *Still a Western World? Continuity and Change in Global Order*. London, Routledge.

Grajewski, N. (2022), An Illusory Entente: The Myth of a Russia-China-Iran «Axis», *Asian Affairs*, Vol. 53, Issue 114, pp. 164—183.

Harper, T. (2019). China's Eurasia: the Belt and Road Initiative and the Creation of a New Eurasian Power. *The Chinese Journal of Global Governance*. No. 5, pp. 99—121.

Karami, J. (2019). Iran and Russia: Past Experiences and Future Prospects. *Journal of Iran and Central Eurasia Studies*, Vol. 2, No.1, pp. 1—21.

Maleki, A., Raoufi M. (2015). *New Silk Road; Chinese Belt-Road Initiative*. Tehran, International Studies & Research Institute of Tehran.

Safari, F., Ahmadi, H., Barzegar K (2021). A Study of the Sino-Russian Approach to Regional Order in Eurasia. *International Studies Journal*, Vol. 18, No. 1. P. 89.

Sakwa, R. (2018). Russian Perspective on International Order, in: Fabbrini, S., Marchetti, R. *Still a Western World? Continuity and Change in Global Order*. London, Routledge, 2018.

Yamei Xue, Mwadi Makengo B. (2021). Twenty Years of the Shanghai Cooperation Organization: Achievements, Challenges and Prospects. *Open Journal of Social Sciences*, Vol. 9 No.10, October 2021, School of Politics and International Studies, Central China Normal University, Wuhan, China.

Раздел 2

Большой Ближний Восток

Лобанова Лидия Александровна

студент

Уральский федеральный университет
им. первого президента России Б.Н. Ельцина
lidiialobanova7@gmail.com

«Неудобное прошлое»: курдский вопрос в восприятии Гертруды Белл

***Аннотация.** Статья посвящена анализу личного архива британской путешественницы и разведчицы Арабского бюро, Гертруды Белл (1868—1926), в период формирования подмандатного государства Ирак (первая четверть XX в.). Особое внимание уделено критической интерпретации событий данного периода в XXI в. — использованию «удобного прошлого» в политических целях, ставшего возможным благодаря образовательной реформе 2005 г., предоставившей курдам право на «региональную адаптацию» общеиракского исторического нарратива. Так, вопреки ожидаемому преодолению разногласий между Багдадом и провинцией, тенденция начала смещаться в сторону виктимизации курдской коллективной памяти. В данном контексте письма и труды Г. Белл подчёркивают многофакторность курдского вопроса, а также демонстрируют невозможность рассмотрения курдов исключительно в роли пассивных участников межэтнических отношений.*

***Ключевые слова:** Гертруда Белл, королевство Ирак, Курдистан, удобное прошлое, исследования памяти*

Lobanova Lidiia Alexandrovna

Undergraduate student of the 3d year
Ural Federal University
named after the First President of Russia B.N. Yeltsin
lidiialobanova7@gmail.com

The «unusable past»: the kurdish question in Gertrude Bell's perception

Abstract. *The article is devoted to the analysis of the personal archive of the British traveler and intelligence officer, Gertrude Bell (1868—1926), during the formation of the mandatory state of Iraq (the first quarter of the 20th century). Special attention is paid to the critical interpretation of the events of this period in the 21st century — applying the «usable past» for political purposes. It became possible after the launch of the 2005 educational reform, which granted the Kurds the right to adapt the Iraqi history curriculum considering the «regional specificities». Despite the expected reconciliation between Baghdad and its province, the process began to shift towards the victimization of the Kurdish collective memory. In this context, papers of G. Bell emphasize the complex nature of the Kurdish issue and demonstrate the impossibility of a sole considering Kurds as passive actors in interethnic relations.*

Keywords: *Gertrude Bell, Mandatory Iraq, Kurdistan, usable past, memory studies*

Обращение к «удобному прошлому» («the usable past»)⁵² — один из распространённых способов определения правомерности действий настоящего. В XXI в., ввиду обширного применения в политической сфере, данный инструмент способствует подмене «исторического плюрализма» единой «правильной» интерпретацией [Малинова О.Ю. 2019, с. 290—291], выражающейся в открытом пренебрежении памятью культурных, религиозных или этнических сообществ. В зоне риска оказывается их национальная идентичность, поскольку именно общее прошлое составляет для группы значительную часть её самоидентификации и связи с государством [Kearney A. 2013].

Показательным примером подобной «эксплуатации» исторических событий на Ближнем Востоке является Иракский Курдистан, получивший в 2005 г., помимо широкой автономии, право на адаптацию общеиракского исторического нарратива с учётом собственных культурных особенностей⁵³, что нашло выражение в «виктимизации»

---

⁵² Под «удобным прошлым» понимается набор определённых исторических событий, фигур и символов, имеющих значение для современных политических и культурных практик.

⁵³ Iraq curriculum framework. UNESCO Iraq Office. *UNESDOC Digital Library*. 2012. <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000219551>.

курдской коллективной памяти. В своём труде, посвящённом исследованию сектарианизма в Ираке, Х. Осман, старший сотрудник по политическим вопросам в ООН, отмечает: «...в новых учебниках истории акцент сделан на Курдистане как на едином образовании, а не на Ираке в целом, тем самым явно обслуживая националистический политический проект» [Osman H. 2019, p. 191]. Аналогичным образом, исследования, используемые мнемоническими акторами⁵⁴, «пытаются доказать, что курды были жертвами систематической политики геноцида с момента создания иракского государства» [Franzén J. 2012, p. 33]. Вполне вероятно, что подобная реакция стала ответом на одобренный официальными лицами АМР США выпуск новых учебников с «переосмыслением» иракской, арабской и исламской истории, и из которых также были исключены все «спорные» разделы, включавшие «отсылки на вторжение 2003 г. под руководством США, межконфессиональные различия между шиитами и суннитами, также курдские претензии на автономию» [Tejel J. 2015, p. 2576].

Так, в настоящее время в иракской учебной программе можно проследить два конфликтующих нарратива, связанных с национальной идентичностью его граждан. В подобных условиях преобладание одной из «точек зрения» может стать определяющим для будущего взаимоотношений Багдада и его ценной провинции [Jalal 2020, p. 84—85]. Рассуждая о роли учебников истории в формировании коллективной идентичности, Дж. Доршнер, исследователь университета Аризоны, и Т. Шерлок, профессор политологии Военной академии США, справедливо обращают внимание на то, как «...страх, предрассудки и предвзятость взрослых часто передаются новому поколению через учебники истории, чем способствуют поддержанию конфликтных отношений и блокируют развитие сотрудничества внутри государства...» [Dorschner J., Sherlock T. 2007]. Таким образом, для более комплексного исследования современного состояния отношений между Республикой Ирак и Иракским Курдистаном, чрезвычайно важно обращение к истории данного процесса — периоду формирования единого государства (первой четверти XX в). В данном контексте особую ценность представляет личный архив Гертруды Белл (1868—1926), британской путешественницы, арабиста, разведчика, чьи материалы позволяют взглянуть на истоки вековых разногласий с позиции ино-

---

⁵⁴ Политические силы, заинтересованные в особом понимании прошлого.

странного эксперта, принимавшего личное участие в судьбоносных для Ирака решениях.

В современной историографии личность Г. Белл приобрела самые многочисленные «амплуа». Несмотря на это, большее внимание всё же уделяется её активной политической деятельности — весьма непривычному, в рамках викторианской морали, для женщины, образу жизни [Duplisea G. 2016, p. 56]. Г. Белл пользовалась особым уважением и доверием как британских, так и иракских официальных лиц, что позволяло ей оказывать существенное влияние на ближневосточную политику Уайтхолла. Из наиболее значимых достижений стоит отметить участие разведчицы в разработке стратегии Арабского восстания, создании и определении границ государства Ирак, а также избрание Фейсала I ибн Хусейна аль-Хашими в качестве первого иракского короля.

Началом столь блистательной карьеры Г. Белл принято считать её визит к дяде, британскому послу в Тегеране, сэру Фрэнку Ласселлсу, в 1892 г., что навсегда пробудило интерес юной мисс Белл к изучению Ближнего Востока [Courtney J. 1926, p. 42]. Уже совсем скоро, в период 1899—1913 гг., в жизни будущей путешественницы началась серия целенаправленных поездок и археологических экспедиций по региону: авантюристке удалось посетить Малую Азию, регион Палестины, Аравийскую пустыню, территорию современных Сирии, Ирана, Ирака и т. д. Важно отметить, что, в отличие от основной массы английских путешественников [Satia P. 2006, p. 19], Г. Белл, в первую очередь, интересовалась эмпирической частью «познания» региона: помимо контактов с местными племенами она, в том числе, активно вела дневники, составляла карты, делала чертежи и фотоснимки.

Тем не менее, научные изыскания не были единственным занятием Белл: довольно часто в ходе экспедиций исследовательница выступала информатором местных племён, доводя до шейхов актуальные сведения об активности их соседей. Разумеется, что подобная информированность и общая экспертиза авантюристки довольно скоро привлекли внимание не только местных элит, но и британской разведки. Так, уже к 1905 г. Г. Белл по праву считалась самой узнаваемой путешественницей Великобритании [Howell G. 2015, p. 126], а в 1915 г., будучи привлечённой на службу в Арабское бюро, она стала переводчиком всех отчётов, получаемых ведомством из Центральной Аравии.

Период деятельности в Ираке начался для Г. Белл с марта 1916 г. в Басре, а затем, спустя год, в Багдаде, уже в официальной должности

секретаря по восточным вопросам при Верховном комиссаре. Здесь основная задача Белл и её коллег заключалась в создании эффективной администрации, способной не только удовлетворить запросы местного населения, но и содействовать проведению пробританской политики в регионе [Lukitz L. 1995, p. 69]. Не меньшую важность представляло «конструирование» иракской идентичности — объединение этнически «пёстрого» населения Месопотамии в национальное государство. К числу подобных мероприятий можно отнести основание путешественницей в 1926 г. первого археологического музея в Ираке.

Однако стоит отметить, что Г. Белл не являлась специалистом в области курдского национализма, как например, Э. Ноэль⁵⁵, которого разведчица с иронией называла «почти курдом»⁵⁶. Тем не менее, именно должность и высокая степень вовлечённости в государственную политику позволяли Белл находиться на «междуречье» интересов британского командования и иракской администрации, а, соответственно, иметь наглядное представление о балансе сил и логике принимаемых сторонами решений. Исходя из этого, сведения, содержащиеся в региональных обзорах, эссе и многочисленных письмах Г. Белл, позволяют рассматривать процесс государственного строительства в Ираке с «третьей стороны» — глазами актора, находившегося, вместе с тем, вне авансцены принятия решений.

В целом, позиция Белл во многом антагонистична попыткам освещения курдского вопроса через парадигму «ассимиляция—сопротивление» [Tejel J. 2015, p. 2570], исключаящую спектр как внешних, так и внутренних причин недостижения Курдистаном желанной независимости. В связи с этим, в данной статье точка зрения Г. Белл рассматривается в качестве антитезиса к наиболее популярным дискурсам. Таким образом, в качестве первого утверждения следует выделить игнорирование Ираком курдских национальных интересов с момента образования государства.

Прежде всего, Г. Белл не отрицала усиливавшегося национально-го чувства у курдов, связывая его «эманацию», в большей степени,

---

⁵⁵ Подполковник Эдвард Уильям Чарльз Ноэль (1886—1974) — британский офицер, дипломат и шпион. Поддерживал создание независимого Курдистана и совершил обширные поездки по региону, установив хорошие отношения с потомками влиятельных родов.

⁵⁶ Letter written by Gertrude Bell to Sir Hugh Bell between the 8th of September and the 14th of September 1922. *Gertrude Bell Archive*. <https://gertrudebell.ncl.ac.uk/l/gb-1-1-2-1-18-17>.

с ошибками Порты в ведении региональной политики: «Отношения османского правительства с курдскими племенами <...> можно резюмировать как тщетные попытки: с одной стороны, по осуществлению контроля, и восстания — с другой. Со времени провозглашения Конституции в 1908 г. беспорядки скорее увеличивались, чем уменьшались, отчасти из-за самоуправства КЕП, а отчасти из-за политических волнений, вызванных разочарованием в надеждах, дарованных конституционным движением»⁵⁷. Соответственно, разведчица делает следующий вывод: «Курдские племена верят, что теперь появилась возможность заявить о себе как о народе, и идея курдской автономии, которая сформировалась при конституционном режиме, возродилась и получила импульс благодаря нашим багдадским прокламациям к арабам, в которых было продемонстрировано совершенно иное отношение к национальным устремлениям, отличное от того, которым руководствовались турки»⁵⁸.

Все же, Белл придерживалась мнения об отсутствии у курдов «общего самосознания» не только между основными центрами — Киркуком, Мосулом, Сулейманией и Эрбилем, но и среди городских и сельских элит. Показательным является письмо от 14 августа 1921 г., в котором разведчица на примере Киркука демонстрирует, насколько могли различаться устремления жителей даже в пределах одной провинции: «Там, как вы знаете, городское население — туркоманы, а сельское — курды. Ни те, ни другие не желают арабского правления, и среди турок много антибританской пропаганды. 2/4 Киркука попросили назначить турецкого правителя. Курды, однако, не настроены антибритански; они хотят курдское независимое государство под нашей протекцией, но что они подразумевают под этим, ни они, ни кто-либо другой не знают. Ибо они решительно отказываются быть каким-либо образом связанными с провинцией Сулеймании, которая до прихода Фейсала уже проголосовала за выход из состава Иракского государства»⁵⁹.

В той же мере письма Г. Белл демонстрируют невозможность «безучастности» англичан к курдскому вопросу, ввиду нараставшей угрозы со стороны турецкой границы [Каумаз I. 2011, р. 97], а также

---

⁵⁷ Bell, G. Review of civil administration of Mesopotamia. — London. H.M. Stationery Office, 1920. P. 42.

⁵⁸ Ibid. P. 44.

⁵⁹ Letter written by Gertrude Bell to Sir Hugh Bell on the 14th of August 1921. *Gertrude Bell Archive*. <https://gertrudebell.ncl.ac.uk/1/gb-1-1-2-1-17-27>.

в силу принятия Севрского договора (10 августа 1920 г.), содержавшего положение о создании независимого Курдистана в будущем. Следовательно, даже несмотря на первоначальные планы, по которым ни автономия, ни полноценное включение региона в Ирак не предусматривались [Eskander 2000, p. 140], британцы были вынуждены предпринимать меры по претворению курдской государственности в рамках мандата. Так, первоначально, центром автономии была избрана Сулеймания, которой в течение шести месяцев руководил шейх Махмуд Барзанджи⁶⁰, амбициозно заявивший англичанам о своей власти также над лива' Эрбиля и Киркука. Однако, довольно скоро стало очевидным, что власть сеййда ограничивалась лишь родной Сулейманией, а после всевозможных попыток бунта против британского контроля, он был «снят с должности» в ходе короткой военной операции. В результате, с заверений Уайтхолла об отсутствии принуждения для курдов подчиниться арабскому правительству⁶¹, провинция была передана под прямое управление Верховного комиссара [Edmonds C. 1957, p. 57].

Репрезентативным является письмо от 9 ноября 1921 г., где Г. Белл передаёт настроения в ходе процесса переговоров о положении лива': «Вечером 3 правительственных чиновника пришли повидаться со мной, кади, маль-мудиром и судьей. Все они говорили по-арабски и поспешили заверить меня, что не хотят иметь ничего общего с Ираком или Фейсалом. Независимая Сулеймания — я даже не буду говорить Курдистан — это то, к чему они стремятся, с нашей помощью и консультацией курдских чиновников...»⁶². Непосредственная роль путешественницы в данном «проекте» заключалась в поддержке выдвинутых из местного населения для последующего формирования представительства: «Мы управляем Сулейманией как курдской провинцией, подчиняющейся Верховной комиссии и отделённой от Ирака, с которым она не будет иметь ничего общего. Сборщики — курды — у нас там нет британских войск — все чиновники — курды,

---

⁶⁰ Шейх Махмуд Барзанджи (1881—1956) — один из лидеров национально-освободительного движения в Южном (Иракском) Курдистане.

⁶¹ Данная стратегия приобрела очертания в ходе Каирской конференции 1921 г., где было принято решение сохранить Южный Курдистан в качестве стратегического буфера для Месопотамии, до определения курдами собственного политического будущего.

⁶² Letter Written by Gertrude Bell to Sir Hugh Bell between the 9th of November and the 25th of November 1921. *Gertrude Bell Archive*. <https://gertrudebell.ncl.ac.uk/l/gb-1-1-2-1-17-36>.

и вся работа выполняется на курдском языке. Мы занимаемся созданием выборного совета, 4 члена правительства, 4 представителя города Сулеймании и по одному от каждого из 4 районов»⁶³. Приведённая цитата подчёркивает запланированный характер «невмешательства» во внутренние дела региона, где с целью снижения военных расходов [Kaumaz I. 2011, p. 97] предполагалось лишь установление связи с выборной администрацией посредством британских консультантов.

При этом, в вопросе формирования представительства примечательно отсутствие районных кандидатов или их явная нерешительность к занятию должности: «...никто раньше никого не избирал, и кандидаты очень стесняются выдвигаться. На данный момент управлять будет майор Голдсмит по той причине, что нет никого выдающегося, кого можно было бы поставить, но позже мы надеемся, что они выберут кого-нибудь — возможно, образованного человека местного происхождения»⁶⁴. «Стеснение», на которое обращает внимание Белл, вероятно, являлось отражением низкого уровня «политической культуры» вне курдских центров, подкрепляемое, в том числе, замкнутостью их «окраин», нередко не имевших ни представления о планах чиновников, ни желания выказывать им поддержки, что создавало существенные препятствия для работы как местной администрации, так и британских управленцев. Именно об этом Г. Белл выражает сожаление, упоминая в письме от 22 июня 1922 г. эпизод атаки местного ага на английских офицеров: «У нас была ещё одна катастрофа в Сулеймание — мы потеряли двух доблестных офицеров из-за предательства курдского ага, который пытался убить курдского чиновника и набросился, как собака, на двух англичан, которые пришли к соглашению с ним <...> Какие прекрасные жизни мы там потратили впустую — ну, я пока не скажу, что впустую, но это тяжёлая цена, которую мы платим за освобождение этой незаконной земли»⁶⁵. Успех в управлении автономией отныне казался Уайтхоллу всё более недостижимым.

В связи с этим, в качестве второго тезиса следует обозначить насильственное включение региона в состав Ирака. Как уже было упомянуто, на момент образования государства настроения в курдских

---

⁶³ Ibid.

⁶⁴ Ibid.

⁶⁵ Letter Written by Gertrude Bell to Sir Hugh Bell on the 22nd of June 1922. *Gertrude Bell Archive*. <https://gertrudebell.ncl.ac.uk/1/gb-1-1-2-1-18-11>.

лива' разнились: в то время как Сулеймания или Киркук не желали иметь ничего общего с Багдадом, районы Эрбиля и Мосула постепенно осознавали выгоду от возможности вхождения в состав королевства [Trippl Ch. 2000, p. 36]. Так, в письме от 14 августа 1921 г., в преддверье коронации Фейсала I, Белл комментирует процесс переговоров Багдада с провинцией: «Слишком много ведётся разговоров о курдском национализме, о котором вы, возможно, ещё не раз услышите в ближайшие несколько месяцев, если только сэру Перси⁶⁶ действительно не удастся убедить Киркук прислушаться к голосу разума. Эрбиль и все курдские районы вокруг Мосула согласны войти в состав Ирака, понимая, что их политическое и экономическое благополучие связано с Мосулом»⁶⁷.

По мнению Белл, курдские представители, при всех разногласиях, осознавали экономическую «созависимость» своих лива', вследствие чего первыми принявшими предложение британцев был выдвинут ряд требований, способных обеспечить провинции, по крайней мере, достаточную степень автономии: «Они выторговали и получают определённые привилегии, такие как собственных курдских чиновников. Некоторые просят, чтобы всё преподавание в школах велось на курдском языке, что было бы резонной просьбой, если бы не тот факт, что курдский едва ли можно назвать письменным языком и что курдских учителей можно обучать только на арабском языке, поскольку курдских книг вообще нет»⁶⁸. Кроме того, считает Белл, даже спустя год, в затяжном диалоге прагматизм одерживал верх: «Джафар-паша и Рашид аль-Ходжа (мутасарриф⁶⁹ Мосула) <...> Рашид — убежденный националист, но признаёт необходимость британской помощи. Джафар-паша считает также. Беседа была весьма поучительной и обнадеживающей»⁷⁰.

Наконец, отдельного упоминания заслуживают «внешние» причины невозможности обретения «историческим Курдистаном» го-

---

⁶⁶ Сэр Перси Захария Кокс (1864—1937) — первый британский Верховный комиссар в Месопотамии.

⁶⁷ Letter Written by Gertrude Bell to Sir Hugh Bell on the 14th of August 1921. *Gertrude Bell Archive*. <https://gertrudebell.ncl.ac.uk/1/gb-1-1-2-1-17-27>.

⁶⁸ Ibid.

⁶⁹ Мутасарриф — титул, использовавшийся в постосманском Ираке для обозначения губернатора административного округа.

⁷⁰ Letter Written by Gertrude Bell to Sir Hugh Bell on the 6th of July 1922. *Gertrude Bell Archive*. <https://gertrudebell.ncl.ac.uk/1/gb-1-1-2-1-18-12>.

сударственности, нашедшие отражение в архиве разведчицы. Речь идёт о союзнических обязательствах Великобритании. После поражения Порты в Первой мировой войне новым импульсом для курдских национальных устремлений стали идеи, закреплённые в 12-м из «14 пунктов» президента США В. Вильсона, провозглашавшие «безопасность жизни и возможность свободного, самостоятельного развития»⁷¹ для бывших народов империи. Поэтому, даже несмотря на запланированное деление «исторической территории» Курдистана между союзниками, ещё с момента заключения договора Сайкса-Пико в 1916 г., «курдская мечта» продолжала существовать.

Относительно воплощения этих идей в письме Г. Белл от 17 сентября 1921 г. содержится интересный парадокс, выраженный в условии разделения региона на сферы влияния и в отсутствии там полноценного контроля союзников: «С того момента, как Фейсал прибыл, он начал получать послания и письма от курдских магнатов к северу от нашей границы, в которых говорилось, что они хотят сбросить турецкое иго и создать автономный Курдистан с Фейсалом в качестве короля (что-то вроде Австро-Венгрии, *absit omen!*) под защитой Великобритании <...> та часть территории, которую они предлагают превратить в курдское государство, находится во французской зоне. Курды ни при каких обстоятельствах не будут иметь дело с французами <...> Нам удалось разделить арабов на две отдельные страны, но они обе были оккупированы французскими и британскими войсками. Это не относится к Курдистану. Французы не оккупируют там какую-либо часть своей зоны, и вряд ли это когда-либо произойдёт. Кто, следовательно, должен принуждать жителей придерживаться искусственных демаркационных линий, согласованных в Лондоне или Париже?»⁷².

Данный фрагмент, в том числе, указывает на то, что помимо недостатка материального ресурса в послевоенный период и необходимости соблюдения международных пактов, союзникам не хватало и «реальных» возможностей для формирования единого курдского государства, в силу превалировавшего сепаратизма на данных территориях.

---

⁷¹ Системная история международных отношений в четырёх томах. События и документы. 1918—2000 / под ред. А. Д. Богатунова. М.: Московский рабочий, 2000. Т. 2, с. 27—28.

⁷² Letter Written by Gertrude Bell to Florence Bell and Sir Hugh Bell between the 17th of September and the 18th of September 1921. *Gertrude Bell Archive*. <https://gertrudebell.ncl.ac.uk/1/gb-1-1-3-2-12>.

Подводя итог, стоит отметить, что, несмотря на то, что Г. Белл осознавала усиливавшиеся националистические настроения в Южном Курдистане, а также располагала достаточными сведениями о региональной повестке, разведчица всё же не разделяла идей «курдской независимости». Основной причиной неосуществимости этой «мечты» Белл считала глубокую разобщённость курдских территорий как между центрами провинции, так и ввиду замкнутости «окраин», не принимавших участие в политической жизни. Исходя из этого, оптимальным решением исследовательница считала включение региона в состав Ирака в силу неразрывности его экономических связей с Багдадом, а также вследствие роста внешней угрозы со стороны турецкой границы. Более того, в своих описаниях Белл зачастую уравнивала курдские и арабские национальные интересы в целях «формирования» иракской идентичности.

В той же мере письма Г. Белл демонстрируют отсутствие конкретики относительно «курдского будущего» не только в планах местных жителей, но и в стратегии Уайтхолла. При этом неопределённость англичан подкреплялась союзническими обязательствами Великобритании, отсутствием фактического контроля над курдскими районами, а также нехваткой материального ресурса для поддержки независимых от Ирака автономий в рамках ближневосточного мандата.

Наконец, Г. Белл подчёркивает обоюдность процесса вхождения территорий в состав королевства на примере лива' Мосула и Эрбиля, чьи представители выражали готовность к объединению на условиях автономии — установления собственной администрации, формирования представительства, а также возможности ведения делопроизводства и обучения на курдском языке в будущем.

Таким образом, обращение к личному архиву Г. Белл подтверждает многофакторность курдского вопроса, ключевые противоречия которого проявились ещё в период формирования единого государства. С другой стороны, материалы разведчицы демонстрируют невозможность рассмотрения курдского меньшинства исключительно в роли пассивных участников межэтнических отношений, поскольку очевидная напряжённость во взаимодействии центра и провинции нередко перекликалась с политическими переговорами и сотрудничеством. В совокупности приведённые факты формируют картину «неудобного» прошлого, в настоящее время намеренно оставляемого «вне поля зрения» курдскими националистами.

Библиографический список

Малинова О.Ю. (2019). Политика памяти как область символической политики. *МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин*. № 9. С. 285—312.

References

Courtney, J.E. (1927). Gertrude Bell. *The North American Review*, 233 (833), 656—663.

Dorschner, J., Sherlock, T. (2007). The Role of History Textbooks in Shaping Collective Identities in India and Pakistan. In E.A. Cole (Ed.), *Teaching the Violent Past: History Education and Reconciliation*, pp. 275—315. Rowman and Littlefield Publishers.

Duplisa, G. (2016). Writing in the Masculine: Gertrude Lowthian Bell, Gender, and Empire. *Terrae Incognitae*, 48 (1), 55—75.

Edmonds, C.J. (1957). The Kurds of Iraq. *Middle East Journal*, 11 (1), 52—62.

Eskander, S. (2000). Britain's Policy in Southern Kurdistan: The Formation and the Termination of the First Kurdish Government, 1918—1919. *British Journal of Middle Eastern Studies*, 27 (2), 139—163.

Franzén, J. (2012). Writing the History of Iraq: The Fallacy of «Objective» History. In J. Tejel, P. Sluglett, R. Bocco, & H. Bozarslan (Eds.), *Writing the Modern History of Iraq. Historiographical and Political Challenges* (pp. 31—45). World Scientific.

Howell, G. (2015). *A Woman in Arabia*. Penguin Books.

Jalal, P.A. (2020). *Sectarianism in Kurdistan Region of Iraq Between Political and Theological Schism* [Doctoral dissertation, Virginia Polytechnic Institute and State University]. Virginia Tech Electronic Theses and Dissertations. <https://vtechworks.lib.vt.edu/handle/10919/99090>.

Kaymaz, I.S. (2011). Britains Policy Toward Kurdistan At The End Of The First World War. *Turkish Journal of International Relations*, 10 (2&3), 79—103.

Kearney, A. (2013). Ethnicity and Memory. In E. Keightley, M. Pickering (Eds.) *Research Methods for Memory Studies* (pp. 132—148). Edinburgh University Press.

Lukitz, L. (1995). *Iraq: The Search for National Identity*. Routledge.

Malinova, O. (2019). Политика pamyati kak oblast' simvolicheskoy politiki [Politics of memory as a symbolic policy area]. *МЕТОД: Moskovsky Ezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskikh disciplin*, № 9, pp. 285—312. (In Russian).

Osman, Khalil F. (2015). *Sectarianism in Iraq: The Making of State and Nation since 1920*. Routledge.

Satia, P. (2006). The Defense of Inhumanity: Air Control and the British Idea of Arabia. *The American Historical Review*, 111 (1), 16—51.

Tejel, J. (2015). The Potential of History Textbooks and Curriculum Reform in Iraqi Kurdistan within a Conflict Transformation Frame: Dealing with the Past from a Processual and Dynamic Perspective. *Ethnic and Racial Studies*, 38 (14), 2569—2583.

Tripp, Ch. (2000). *A History of Iraq*. Cambridge University Press.

Александр Ефимович Локшин

к. и. н., старший научный сотрудник
Отдела изучения Израиля и еврейских общин,
Институт востоковедения РАН
ale-lokshin@yandex.ru

Идиш в Израиле. Его положение и статус

***Аннотация.** В статье рассматривается положение и статус идиша — языка европейских евреев в государстве Израиль со времени его создания в 1948 г. вплоть до наших дней, анализируется динамика общественных настроений по отношению к этому языку в Израиле, языковая политика израильских властей за последние десятилетия. Представлен ряд оценок в современных отечественных и зарубежных исследованиях по этой теме. В Израиле вплоть до массовой эмиграции евреев из Советского Союза идиш не встречал поддержки со стороны руководства, культурные запросы на него игнорировались. Новая волна иммигрантов в конце XX — начале XXI в. повлияла на израильское общество, способствовала созданию различных институций, выступавших за изучение и развитие идиша и культуры на нём. Несмотря на сокращение численности носителей идиша, этот язык и по сей день остаётся языком общения для сотен тысяч в основном ортодоксальных евреев в Израиле, его изучают и им интересуются тысячи молодых людей. Произошло повышение статуса идиша. Из вернакуляра, т.е. разговорного языка, не обладавшего высоким престижем, который не ценился и не осознавался как отдельный язык, идиш превратился в объект рефлексии и почитания, и даже в предмет национальной гордости.*

***Ключевые слова:** идиш, иврит, Израиль, Советский Союз, языковая политика, эмиграция советских евреев в Израиль, литература на идиш, иудаизм*

Lokshin Aleksander Efimovich

Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow,
Department of Israel and the Jewish Communities Studies,
Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
ale-lokshin@yandex.ru

Yiddish in Israel. Its position and status

***Abstract.** The article examines the position and status of Yiddish, the language of European Jews in the State of Israel from the time of its*

creation in 1948 up to the present day, the dynamics of public sentiments to Yiddish in Israel, the language policy of the Israeli authorities over the past decades are analyzed. The article presents some assessments that are given in modern domestic and foreign studies. In the State of Israel until the great aliyah — the mass emigration of Jews from the Soviet Union and the countries of the post-Soviet space at the end of the 20th and beginning of the 21st centuries, Yiddish was not supported by the leadership, cultural requests for it were ignored. A new wave of immigrants influenced Israeli society and contributed to the creation of various institutions in the country that supported the study, preservation of Yiddish and culture in this language. Yiddish to this day remains the language of communication for hundreds of thousands of Orthodox Jews, it is studied and interested in thousands of young people as in Israel. Despite the decrease in the number of Yiddish speakers, there was an increase its status. From vernacular, i.e. spoken language of low status, which was not only not valued, but was not recognized as a separate language, Yiddish has become an object of reflection and reverence, and even an object of national pride.

Keywords: *Yiddish, Hebrew, Israel, The Soviet Union, language policy, The Soviet Jewish emigration to Israel, Yiddish literature, Judaism*

Введение

В статье представлен анализ положения и статуса языка европейских евреев — идиша в Государстве Израиль со времени его создания в 1948 г. вплоть до наших дней. Рассматривается динамика общественных настроений к идишу, языковая политика израильских властей за последние десятилетия.

Идиш относится к германской группе индоевропейских языков. Использует ивритскую графику, он образовался как сплав компонентов разных языков и со временем выполнял широкий спектр коммуникативных функций. Идиш являлся, прежде всего, средством устного общения евреев, живших во многих европейских странах, а также и Палестине. После Великой Французской революции у части еврейского населения в Центральной и Восточной Европе наметилось стремление к переходу на языки окружающих народов. Еврейские просветители воспринимали идиш как «язык гетто», как мешанину из разных языков — немецкого, иврита, русского и польского [Levinsohn. 1828]. Они выступали за замену его языком титульной культуры — немецким, французским и другими. Но в Восточной Европе одним из

защитных барьеров для идиша стал хасидизм — мистическое религиозное движение. Наряду с ивритом, хасидизм обращался к идишу для издания текстов священных книг. Волны эмиграции из Восточной Европы в конце XIX — начале XX в. вели к распространению идиша в США, Латинской Америке и Южной Африке. Из вернакуляра — разговорного языка, идиш стал, прежде всего, благодаря появлению и развитию художественной литературы на нём, и литературным языком. Творчество классиков, живших в России — Менделе Мойхер-Сфорима (1835—1917), Шолом-Алейхема (1859—1916), Ицхока-Лейбуша Переца (1852—1915) создало литературу мирового значения. Однако идиш сохранял свой низкий статус. Даже те авторы, что писали на идише, нередко именовали его как «жаргон».

До Второй мировой войны идиш был языком повседневного общения примерно для 11—13 млн человек [Jacobs N. 2004, p. 3]. В результате Холокоста — уничтожения 6 млн евреев, большинство носителей этого языка погибли. Во второй половине XX в. произошёл массовый переход евреев на другие языки. Свою роль в уменьшении численности носителей еврейских диаспоральных языков сыграла и языковая политика руководства в Израиле.

Идиш и иврит в новом ишuve

Большинство жителей нового ишува — еврейской общины в Палестине за весь период её существования (с начала 1880-х вплоть до 1948 г.) оставались носителями идиша и говорили на нём. Ишув не был способен полноценно функционировать, используя один лишь иврит. В старом ишuve жили в основном глубоко религиозные евреи, они разговаривали на идише и разительно отличались от образа независимого и инициативного еврейского сообщества, которое желало создать сионисты. Отвержение идиша было настолько тотальным, что сионисты готовы были предпочесть ему не только иврит и связанный с ним комплекс представлений, но и арабскую культуру. Они рассматривали одежду, пищу, обычаи арабов как диаметрально противоположные еврейской диаспоральной жизни и подходящие для «внедрения» в среду «новых евреев».

Отношение к ивриту в еврейском социуме было сложным. Основатель политического сионизма Теодор Герцль в своём труде «Еврейское

государство» (1896) писал: «Древнееврейским языком мы не можем пользоваться. Разве есть кто-нибудь, кто, пользуясь им, мог бы купить себе, например, хотя бы железнодорожный билет?». Он не имел конструктивной программы в этом вопросе. «В будущем еврейском государстве, — замечал Герцль, — приобретёт права гражданства и сделается главным языком тот, который мало-помалу окажется самым полезным и общеупотребительным». Идиш он считал «жалким жаргоном», писал, что нужно приложить все старания, что бы изгнать его из употребления [Герцль Т. 1898, с. 60—61]. Упрочению позиций иврита в Палестине способствовало решение VIII сионистского конгресса в 1907 г. объявить иврит официальным языком движения.

Британские мандатные власти назвали иврит одним из официальных языков Палестины, наряду с английским и арабским. Для идеологов нового ишува существование альтернативной культуры со своим языком было неприемлемо. Идиш отвергался как язык изгнания и как язык старого ишува, с которым пионеры-*халуцим* не желали иметь ничего общего. Новым поселенцам необходимо отказаться от всего, что было связано со странами исхода. Сионистские идеологи исходили из того, что в Палестине должна быть сформирована новая нация, решительно отличающаяся от евреев диаспоры.

Еще одним символом отказа от «галутной тьмы» стала гебраизация фамилий и имён многих поселенцев. Лидеры ишува взяли новые фамилии: Давид Грин стал Давидом Бен-Гурионом, Голда Меерсон — Голдой Меир, будущий президент, лауреат Нобелевской премии мира Шимон Перский — Шимоном Пересом. Личный и коллективный отказ *халуцим* от языка диаспоры был важнейшим элементом сионистского «рождения заново».

В начале XX в. литература на идише представлялась ряду теоретиков как «территория» для народа, не имевшего родины. Появилось понятие «идишланд» — особое еврейское отечество. Этот термин ввёл идеолог социалистического автономизма, идишист Хаим Житловский. Он писал, что духовно-национальный дом — это место, где «присутствует наш народный язык и где каждое его слово поддерживают национальное существование нашего народа» [Zhitlovsky Ch. 1953, p. 398]. В Палестине же евреи, чьей «родиной» до тех пор был текст, строили дом, который идентифицировался только с одним языком. Выбор иврита как национального языка стал результатом избирательного подхода сионистских идеологов к различным

периодам истории еврейского народа. Период до изгнания был окружен ореолом романтизма. Древность стала источником легитимизации и восхищения. Язык Библии воспринимался как часть эпохи чистых помыслов и целей. Официальная установка на «забывание» идиша была настолько тотальной, что даже сам длительный конфликт между ивритом и идишем оказался вытесненным из коллективной памяти. Избирательная реконструкция сионизмом прошлого требовала признания иврита в качестве единственного языка будущей нации. Но иврит, замечает Хавер, был лишь только одной частью тысячелетней культуры и не единственным языком, на котором говорили жители Иудеи до изгнания [Chaver Y. 2008, p. 12]. Библия даёт один из самых ранних примеров билингвизма — иврит и арамейский. Выбор иврита как языка еврейского будущего в немалой мере опирался на воображаемое прошлое.

Много заимствований из идиша вошло в современный литературный иврит, а также в ивритский сленг 1940—1950-х гг. Д-р Йосеф Гури из Еврейского университета в Иерусалиме отмечает, что около пятой части из тысячи идиом разговорного иврита являются кальками с идиша [Guri Y. 1997]. Некоторые выражения и слова-кальки с идиша особенно в период с конца XIX до середины XX в., вошли в современный иврит: *алте захн* — «тряпье»; *шнорер* — «попрошайка»; *блинцес* — «блины»; целые выражения: *нэмэн цу харцн* — *лакахат эл халев* — «принимать близко к сердцу»; *гакн а чайник* — *л'кашкеш б'кумкум* — «говорить глупости, пороть чушь». И в новом ишуве идиш оставался языком многих, если не большинства.

Целые столетия иврит и идиш сосуществовали в еврейских общинах Европы. Однако в подмандатной Палестине это положение было радикально трансформировано. Иврит был предназначен для повседневного использования, но оставался и языком высокой культуры. Идиш же стал аномалией в Израиле, по крайней мере, в первые десятилетия. По словам первого премьер-министра страны Бен-Гуриона, в своей пропаганде сионисты обращались ко многим языкам, но для «культурной работы единственным языком остается иврит» [Chaver Y. 2006, p. 20]. Многие израильские историки не замечают существование в Палестине идишской литературы. Но немало литераторов ишува писали на идише или одновременно на идише и иврите. Литература на идише давала больше возможностей для отображения социальных и идеологических различий в обществе. Идишская литература была

весьма популярна в ишуве. С 1928 по 1946 г. выходили 26 литературных журналов на идише.

В 1927 г. Еврейским университетом в Иерусалиме было одобрено создание кафедры идиша. Против её открытия возражали влиятельные сионисты, выпущены плакаты: «Кафедра жаргона — уничтожение Ивритского университета» и «Кафедра жаргона — идол в Ивритском Храме». Её создание сравнивалось с осквернением храма сирийскими завоевателями и римскими императорами. Идиш позиционировался как представляющий опасность, для новой ивритской нации, символом которой являлся университет — её «храм». И только в 1951 г. кафедра идиша была открыта. Но идиш низводился к статусу второстепенного культурного явления, существующего на службе у иврита. Таково было его место, отведённое классиком еврейской литературы Хаимом-Нахманом Бяликом ещё в 1930 г.

Иврит и идиш в Государстве Израиль

Часть евреев, выжившей в Катастрофе, нашла свой дом в Государстве Израиль. Но этого нельзя сказать об идише. О нём ничего не говорилось в Законе о возвращении, принятом Кнессетом в 1950 г., провозгласившим право каждого еврея репатрироваться в Государство Израиль⁷³. Прибывшие евреи, нередко стеснялись говорить на родном языке. Повсюду висели плакаты с призывом «Еврей, говори на иврите». Лидеры нового государства были против «репатриации» идиша в Израиль и исходили из лозунга «один народ — один язык». Если бы предпочтение было отдано не ивриту, а одному из языков, на которых говорили различные этнические группы еврейства, то в тех условиях подобное решение не способствовало бы формированию новой нации. Иврит стал одним из важных средств консолидации нации, но достигалось это нередко жестокими средствами. Театр на идише, созданный в Тель-Авиве в 1949 г. на частные пожертвования, облагался мэрией города штрафами. В июле 1948 г. редактор газеты коммунистической партии «Кол ха-ам» М. Вильнер явился на призывной пункт. На вопрос, какие языки он знает, ответил: иврит, немецкий, польский и идиш. Ему заявили, что «идиш — не язык». Вильнер

⁷³ <https://main.knesset.gov.il/ru/activity/pages/law.aspx?LawId=1http:sud.co.il>

возмутился, но ему возразили, есть приказ верховного командования: «Идиш — не язык». Ш. Микунис, представлявший компартию в предшественнице Кнессета — Законодательном собрании, подал запрос главе правительства Бен-Гуриону, на который тот ответил, что приказа такого нет. Но назвал идиш «чужим языком, режущим слух».

Политика «шлилаг а галут» («отрицания галута») продолжалась, по крайней мере, до 1970-х гг. В общественных местах предлагалось говорить на официальном языке. Проф. Еврейского университета в Иерусалиме Вольф Москович заметил, что методы борьбы с идишем были неоправданно жестокими. Издано предписание, запрещавшее издавать газеты на идише. Однако израильский автор Рахель Рожански в своей книге отмечает, что не согласна с заявлениями некоторых исследователей и активистов о намеренной антиидишской политике в Израиле». В официальных документах, пишет она, нет указаний о запрете идиша [Rojanski R. 2020, p. 50, 62]. Однако приведённые в монографии документы, свидетельствуют о том, как власти ограничивали деятельность идишских театров и прессы. Лидеры государства опасались, что они помешают развитию культуры на иврите. Писатель Мордхе Цанин вспоминал: «После Шестидневной войны я имел беседу с премьер-министром Леви Эшколем⁷⁴ о необходимости улучшения ситуации с языком идиш как в Израиле, так и в диаспоре... Эшкол... ценил культуру на идише как объединяющую еврейский народ в мире. Мои аргументы нашли у него отклик. Он попросил подготовить материал, где я бы изложил важнейшие пункты. Такой материал я ему направил, но письменного ответа на него так и не получил». Премьер сказал: «По вопросу языка идиш в стране есть силы влиятельнее меня»» [Цанин М. 2021].

Судебный процесс над «архитектором Холокоста», нацистским преступником Эйхманом в 1961 г. сделал израильтян более терпимыми к идишу — родному языку большинства жертв той трагедии. За последние годы в Израиле, у многих родившихся в стране детей и внуков тех, кто выжил в Холокосте, возродился интерес к языку отцов.

В Израиле выходили периодические издания на идише. С 1949 по 1998 г. издавался ежеквартальник «Ди голдене кейт» («Золотая цепь»). Он считался самым авторитетным в мире литературным периодическим изданием на идише. Все эти годы главным редактором

---

⁷⁴ Настоящая фамилия — Школьник, уроженец Киевской губ., премьер-министр с 1963 по 1969 гг.

оставался поэт Авром Суцкевер «Йерушалаимер альманах» с 1973 г. издавался под редакцией поэта Иосифа Керлера, эмигрировавшего из СССР, а после его смерти, вплоть до прекращения выхода в 1998 г. — под редакцией его сына, лингвиста и поэта Дов-Бер Керлера. С 1951 по 2014 г. выходил журнал «Лебнс фрагн» («Вопросы жизни»).

Языковая политика израильских властей не могла не сказаться на сокращении численности носителей идиша. По состоянию на 1991 г., их число составляло около 1,5 млн [Полян А. 2018, с. 190]. «Идиш, — отметил руководитель Центра идиша при Всемирном еврейском конгрессе М. Юшковский, — это живая память о погибших в Холокосте. И это немаловажный фактор, который объясняет желание многих молодых людей в Израиле, изучать идиш. На различных курсах ежегодно его изучают от 1,5 тыс. до 2 тыс.».

С началом большой алии из СССР/СНГ в конце XX — начале XXI в. совпавшей с пробуждением в израильском обществе интереса к наследию диаспоры, идиш получил государственную поддержку. В 1987 г. по инициативе мэра Тель-Авива Шломо Лахата был создан театр «Идишпиль». Его художественным руководителем стал актёр и режиссёр Шмуэль Ацмон-Вирцер. Перед Второй мировой войной он и его семья, перебралась из Польши в Советский Союз, и тем самым спаслась от гибели. В возрасте 17 лет накануне образования Израиля Ацмон приехал в Палестину. После демобилизации служил в ряде театров страны, изучал культуру на идише в Тель-Авивском университете. Первой постановкой театра стала пьеса Шолом-Алейхема «Трудно быть евреем». Многие годы она не сходила с его подмостков. Поставлены спектакли по мотивам произведений В. Шекспира, Авраама Гольдфадена, Ицика Мангера, Иошуа Соболя, Ицхака Башевиса-Зингера, Йосефа Бар-Йосефа. Ныне руководитель театра — режиссёр и актёр Саси Кэшет. Среди актёров театра — ветераны сцены Яков Бодо, Яков Альперин, Дуду Фишер, Моника Вардимон и другие. В «Идишпиле» работали и актеры-выходцы из СССР: Этель Ковенская, Гр. Лямпе, И. Степанова и другие. В настоящее время пришли и молодые актеры — уроженцы Израиля. Работа театра направлена и на сохранение языка и культуры идиша, передачу этого наследия новому поколению.

О заинтересованности общественности в развитии культуры на идише свидетельствует и заседание в начале 2007 г. в иерусалимском общинном доме. С 1993 г. в Кнессете периодически проводятся

«Дни идиша». В 1996 г. парламентом приняты решения, направленные на развитие языка идиш и культуры на нём. Создано Национальное управление по делам культуры идиш при Министерстве просвещения, культуры и спорта. Его задачей стало курирование клубов на идише, воссоздание Всемирного совета по языку идиш, изучение в школах, поддержка литературных произведений и театров. Тем не менее, иерусалимский клуб идиша, как отмечал на том заседании, активист Эли Бейдер, не получил финансовой поддержки. Он предложил создать комитет по возрождению культуры на идише, включить в него писателей, журналистов, общественных деятелей, представителей кафедр идиша из университетов и даже обсудить вопрос о проведении демонстраций у Кнессета с требованием предоставить достойный статус идишу, пересмотреть систему финансирования. Поэт и композитор Дмитрий Якиревич считал необходимым создать Фонд поощрения культуры на идише, ведь то немногое, что передаётся по радио и ТВ, по его мнению, это «опошление идиша и культуры на нём». Мелех Зив директор Национального управления по делам культуры на идише, отметил, что на сегодняшний день в израильской школе статус «родного» имеет либо иврит, либо арабский, а идиш изучается как иностранный [Зив М. 2002]. Тем не менее, в Израиле можно сдать экзамен по идишу, и оценка по нему войдёт в аттестат зрелости.

Невзирая на трудности, успешно работают клубы в Тель-Авиве, Беэр-Шеве, Ашкелоне и других городах. На академическом уровне идиш изучается во всех университетах. За последние годы важным центром по изучению этого языка стал университет Бар-Илан в Рамат-Гане. Созданную в 2020 г. кафедру им. К. и И. Шнейдерман по исследованию культуры на языке идиш и хасидизма, возглавил выпускник факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова проф. Бер Котлерман. Кафедры идиша в Еврейском университете в Иерусалиме в настоящее время нет, но есть программы по изучению идиша, а также межуниверситетская программа на базе Еврейского и Тель-Авивского университетов. Проф. Котлерман достаточно критически относится к положению идиша в стране. Статус идиша и сейчас считает неопределённым: вместо того, чтобы сделать его частью общей культуры, произошла «геттоизация» идиша. По инициативе Котлермана и Ацмона, при поддержке депутатов Кнессета от партии «Ликуд» Т. Плосковой и У. Даяна, в ноябре 2020 г. создано парламентское лобби. Было заявлено, что его главная задача ориентирована на повы-

шение статуса идиша и поддержку культуры на нём, включение идиша в государственные программы в сферах образования и духовного наследия, тесные контакты с идишскими культурными организациями в Израиле и странах диаспоры⁷⁵. Но добиться поставленных целей не удалось. В новом составе Кнессета это лобби не существует.

Одним из заметных центров современной активности идише в Тель-Авиве является Дом Лейвика — организация, возникшая в 1970 г. и названная в память поэта Х. Лейвика (1888—1962), жившего в России и США⁷⁶. При нём были организованы курсы по изучению идиша, театральная студия для детей, но сейчас, по словам директора, на это нет необходимых средств: остаются лекции, разговорный клуб в zoom, концерты и издание книг. В Израиле действуют и другие подобные центры: Дом Вильна, Дом Волина, Арбетер ринг, Дом Шолом-Алейхема. И в каждом из них действуют курсы по изучению языка, музыкальные кружки, выступают артисты и певцы. На протяжении уже многих лет в Ашкелоне ежегодно проходят фестивали хоров на идише. С 2019 г. в Тель-Авиве выходит журнал «Идишланд» — единственный в наши дни литературный журнал на идише. Его создатели израильские литераторы В. Чернин и М. Фельзенбаум издали первый номер на свои средства. В дальнейшем журнал получил финансовую помощь от правительства Швеции, где идиш признан языком национального меньшинства и поддерживается на государственном уровне.

Несмотря на уменьшение числа носителей идиша, произошло повышение его статуса. Из вернакуляра, т.е. разговорного языка, не воспринимавшегося как отдельный язык, идиш превратился в объект рефлексии, почитания и даже в предмет национальной гордости. Многие носители идиша в Израиле говорят о нём как о языке с богатой литературной традицией, вспоминают родных, говоривших на идише, жалеют, что число их сокращается. Можно встретить и крайнюю степень сакрализации идиша в хасидских кругах, где не иврит, а идиш считают священным языком. В современном Израиле на идише говорят обитатели религиозных кварталов Иерусалима, прежде всего Меа Шеарим, городах Бней Брак и Бейт-Шемеш. Их дети учатся в религиозных школах на идише, но, как и их родители, с предубеждением относятся к светской культуре на этом языке. Будущее идиша,

---

⁷⁵ В Кнессете создано лобби в поддержку идиша. <https://www.newsru.co.il/israel/06nov2020/idish302.htm>.

⁷⁶ <https://www.leyvik.com/t-en> (Дом Лейвика).

как отметил проф. В. Москович, определяется тем, передаётся ли он детям как язык семьи и школы. С этим в светском секторе, по его мнению, совсем неважно, а в религиозном — отлично. Владение идишем среди подрастающего поколения в ортодоксальных семьях связано с религиозной традицией, но богатая светская литература остаётся невостребованной. Идиш в настоящее время изучают лишь в пяти религиозных школах. Литературу на идише не изучают. Профессиональный уровень учителей, по словам Д. Якиревича, не высокий.

От былого отторжения идиша в Израиле в наше время практически ничего не осталось. К идишу относятся вполне благожелательно, его любят и изучают. В 1922 г. на ТВ на идише и иврите показан фильм «Монодрама ла-шнаим» («Монодрама на двоих»), поставленный по пьесе И. Соболя. В издательстве «Г. Левик фарлаг» вышла книга стихотворений М. Лайнвальда «Ин дер велт арайн» («В большой мир»), сборник эссе «Драй литерарише шпрах» («Три литературных стиля»). Исследовательница М. Гай анализирует творчество Й.-Б. и И.-И. Зингера, А. Суцкевера. В конце 2022 г. издан 17 номер «Идишланд». Среди других материалов, напечатан перевод на идиш Л. Левина поэмы Анны Ахматовой «Реквием», рассказа И. Бабеля «Сын рабби», статьи Чернина, других авторов. В театре «Идишпиль» поставлена пьеса, написанная по рассказу Шолом-Алейхема «Зихронес фун Мотл Пейси дем хазан» («Мальчик Мотл»). Её авторы — И. Розен и И. Эстеркин. Эти факты свидетельствуют, что в общественном пространстве в современном Израиле идиш нашел своё место.

Заключение

До Второй мировой войны идиш оставался языком общения, по разным оценкам, от 11 до 13 млн человек, живших в Европе, Америке, Палестине, Южной Африке и Австралии. Из 6 млн евреев, погибших в Холокосте, около 5 млн являлись носителями идиша. Катастрофа европейского еврейства, а также гонения на еврейскую культуру в Советском Союзе, ассимиляционные и секулярные процессы в США и европейских странах, языковая политика в Израиле привели к значительному падению численности носителей идиша.

Но интерес к идишу и культуре на нём не угас. В современном Израиле изучать идиш стало модно. Число слушателей в Израиле,

посещающих просветительские лекции по литературе на иврите на порядок меньше, чем по литературе на идише. Для многих молодых слушателей стремление изучать идиш, есть память о своих родителях, дедушках и бабушках, ностальгия по своему детству. На вопрос авторов сериала, снятого Международным идиш-центром «Жив ли идиш?», люди, которые свою идентичность непосредственно связывают с этим языком и культурой на нём, в один голос отвечают: «Жив! И прежде всего, благодаря молодому поколению».

Если изначально в Израиле идиш со стороны истеблишмента не встречал поддержки, то за последние десятилетия его положение стало меняться. Важную роль сыграли иммигранты из Советского Союза. Идиш и культура на нём за последние годы получили поддержку на государственном уровне. Ещё недавно лингвист Довид Кац писал, что некоторые деятели в Израиле считали идиш «слишком левым, слишком правым, слишком мёртвым» [Katz D. 2004, p. 443].

В настоящее время идиш все в меньшей степени можно связывать с каким-либо политическим движением и партией. Идиш и по сей день остаётся языком общения для многих сотен тысяч ортодоксальных евреев в Израиле, его изучают и им интересуются тысячи светских молодых людей. Возникающие время от времени разговоры о скором исчезновении этого языка оказываются не соответствующими реальному положению дел и опровергаются самой жизнью.

Библиографический список

Герцль Т. (1898). *Еврейское государство. Опыт новейшего решения еврейского вопроса*. Одесса: Я. Шерман.

Зив М. (2002). Интервью. *Новости недели*. 29 августа.

Полян А.Л. (2018). Еврейские языки. Евреи /под ред. Т.Г. Емельяненко, Е.Э. Носенко-Штейн. М.: Наука, С. 176—192.

Цанин М. (2021). Итог разрушительной философии. *Биробиджанер Штерн*. 19, 26 мая.

Шмерук Х. (1982) Идиш литература. В кн.: *Краткая Еврейская Энциклопедия*. Иерусалим: Общество по исследованию еврейских общин. Еврейский университет в Иерусалиме, Т. 2. С. 644—664.

References

Chaver, Y. (2008). *What Must Be Forgotten. The Survival of Yiddish in Zionist Palestine*. Syracuse University Press.

- Guri, Y. (1997). *Vi kumt di Kats ibern Vasser? One Thousand Yiddish Idioms and Their Equivalent in Hebrew, English and Russian*. Jerusalem: Hebrew University Press.
- Herzl, T. *Evreiskoe gosudrstvo. Opyt noveishego razreshenia evreiskigo voprosa*. [The Jewish State. The experience of the latest resolution of the Jewish question]. Odessa: Y. Sherman, 1898. 74 P. (Russian trans.)
- Jacobs, N. (2004). *Yiddish: A Linguistic Introduction*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Katz, D. (2004). *Words on Fire: The Unfinished Story of Yiddish*. New York: Basic Books.
- Levinsohn, I.-B. (1828). *Teudah be-Isra'el*. Vilna: s. l.
- Polyan, A.L. (2018). *Evreiskie yazyki* [Jewish languages] In T.Emel'anenka, E. Nosenko-Shtein (ed.) *Evrei* [Jews], pp. 176—192. Moscow: Nauka (In Russian).
- Rojanski, R. (2020). *Yiddish in Israel. A History*. Indiana University Press.
- Schmeruk, H. (1982). *Yidish Literatura* [Yiddish Literature]. In *Kratkya Evreiskya Entsyclopedia* [Concise Jewish Encyclopedia], pp. 644—664. Jerusalem: The Society for Research on Jewish Communities and The Hebrew University. Vol. 2.
- Tzanin, M. (2021). *Itog razrushitel'noi filosofii* [The result of Destructive Philosophy]. *Birobidzhaner Stern*. 19, 26 May (In Russian).
- Zhitlovsky, Ch. (1953). *Tsernovizer Shprach-konferz un Parizer Kultur — kongres*. Reprinted in Mayne Ani-Mamins. New York: Yidishe Kultur-Farband, pp. 396—410.
- Ziv, M. (2002). The interview. *Novosty Nedeli*, 29 August (In Russian).

Продовольственная безопасность Ирака в контексте кризиса водных ресурсов бассейна Тигра и Евфрата

***Аннотация.** Данное исследование посвящено анализу ситуации вокруг кризиса продовольственной безопасности в Ираке 2019—2022 гг., вызванных сложностями в кампании по борьбе с пандемией COVID-19 и падением урожайности пшеницы, и главным образом фокусируясь на событиях текущего года в контексте нехватки пресной воды, продуктов питания и минеральных удобрений. Одновременно с этим были затронуты вопросы обеспечения энергетической безопасности страны, а также ряд аспектов проблематики водной дипломатии ближневосточного региона. В рамках данного исследования были выделены основные проблемы мелиорационной политики, реализуемой в баасистский период, а также приведена оценочная информация касательно масштабов нанесённого урона гидротехнической и сельскохозяйственной инфраструктуры Ирака в период оккупации ряда территорий страны ИГИЛ⁷⁷.*

Из всех стран бассейна Тигра и Евфрата Ирак находится в наиболее уязвимом положении в связи с тем, что расположенная выше по течению Турция использует значительную часть ресурсов этих рек для собственных нужд в контексте реализации проекта развития Юго-Восточной Анатолии (Güneydoğu Anadolu Projesi). Подобным образом свою национальную ирригационную политику реализует и Иран посредством перенаправления вод притоков Тигра, берущих своё начало на западе Ирана для орошения восточных и центральных провинций страны: Малого Заба, Диялы и Керхе.

Существенной проблемой обеспечения водной и, соответственно, продовольственной безопасности Ирака в долгосрочной перспективе является отсутствие между ним и его ближайшими соседями, прежде всего Турцией и Ираном, юридически обязывающего, всеобъемлющего или долгосрочного договора, касающегося перераспределения водных ресурсов.

---

⁷⁷ Запрещённая в России террористическая организация.

Основным выводом данного исследования является констатация факта, что текущие проблемы Ирака в краткосрочной перспективе не разрешимы и требуют конкретной адресной стратегии, которую национальное правительство и компетентные органы на структурном уровне также не в силах обеспечить по ряду причин, прежде всего финансовых, логистических и кадровых.

Ключевые слова: Тигр и Евфрат, Ирак, Иран, Турция, продовольственный кризис, водный и энергетический кризис.

Luchenkov Ivan Romanovich

2-nd year MA student
Faculty of Asian and African Studies Saint Petersburg State University
lir-529@mail.ru

Iraq's food security in connection with the Tigris-Euphrates water crisis

Abstract. *The study analyzes the current food security crisis in Iraq 2019-2022 caused by measures taken to address the COVID-19 pandemic and the drop in wheat yields. It focuses primarily on the current year's events in the context of the scarcity of freshwater, food and mineral fertilizers. The issues of securing the country's energy security, as well as water diplomacy in the Middle East, are also of critical importance. The research also highlights the main problems of the land reclamation policy implemented in the previous Baathist period. It also provides estimated information on the extent of damage to the hydraulic and agricultural national infrastructure during the occupation of the several Iraqi territories by ISIS.*

Iraq maintains the most vulnerable geographic position of all countries in the Tigris and Euphrates Basin. Thus, Turkey, located upstream, uses a substantial part of the rivers' resources for its own purposes within the framework implementation of the Southeastern Anatolia project (Güneydoğu Anadolu Projesi). Iran is also pursues its national irrigation policy by redirecting water from tributaries of the Tiger to irrigate the country's Eastern and Central provinces. There are Lesser Zab, Diyala and Karkheh originating in the Western Iran.

A significant problem of ensuring water and, accordingly, food security of Iraq in the long term is that there is no legally binding, comprehensive or long-term agreement between it and its closest neighbors, primarily Turkey and Iran, concerning the redistribution of water resources.

Thus, the main conclusion of the research is the statement of the fact that the current problems of Iraq are not solvable in the short-term period. It also requires a specific targeted strategy. The national government and the competent authorities at structural level are also incapable of providing it, mainly for financial, logistical and staff reasons.

Keywords: *the Tigris and Euphrates, Iraq, Iran, Turkey, Food Safety, Water and Energy Crisis*

Обеспечение продовольственной безопасности — актуальная проблема для большинства стран Ближнего Востока. Ключевым фактором, оказывающим положительное влияние на решение данной глобальной задачи, является не столько закупка продовольствия и минеральных удобрений извне, сколько доступ к пресной воде.

Год от года падает урожайность пшеницы — главной сельскохозяйственной культуры Ирака. Согласно отчёту Министерства планирования Ирака, сбор урожая пшеницы за зимний период 2020/2021 гг. составил 4 млн 234 тыс. тонн, что на 32% меньше собранных за аналогичный период 2019/2020 гг., который составил 6 млн 238 тыс. тонн⁷⁸. Как отмечает Управление ООН по координации гуманитарных вопросов, в начальный период пандемии COVID-19 иракские аграрии столкнулись с рядом существенных проблем, такими как невозможность сбыта товаров по причине карантинных ограничений на передвижение между мухафазами страны, а также ростом цен на корма и средства производства [Garbero R., ElHajj Hassan S., Robertson T.D., Qureshi A.R. 2021, pp. 11—19]. Правительство Мустафы аль-Казими попыталось исправить сложившуюся ситуацию, однако приложенные финансовые интервенции привели к девальвации иракского динара по отношению к доллару, что вызвало дефицит бюджета и значительный рост цен на продукты питания⁷⁹.

---

⁷⁸ Изхиб А.К. Маза ‘ада аль-‘Ирак ли-тахсин махасиль аль-хубуб аль-истратиджия? [What has Iraq prepared to fortify strategic grain crops?] *Al Jazeera*. April, 28 2022. <https://www.aljazeera.net/ebusiness/2022/4/28/يرل-الدابتو-شورل اب-يرل-ال-م-ج ح 20% ن الفو#~:text=ن الفو%20م ج ح 20% عي قار عل 20% طي طختل 20% هز از ول 20% ع باتل 20% ا ص ح الل,نم 20% ق ار عل 20% اج اتن ا>

⁷⁹ Изхиб А.К. Маза ‘ада аль-‘Ирак ли-тахсин махасиль аль-хубуб аль-истратиджия? [What has Iraq prepared to fortify strategic grain crops?] *Al Jazeera*. April, 28 2022. <https://www.aljazeera.net/ebusiness/2022/4/28/يرل-الدابتو-شورل اب-يرل-ال-م-ج ح 20% ن الفو#~:text=ن الفو%20م ج ح 20% عي قار عل 20% طي طختل 20% هز از ول 20% ع باتل 20% ا ص ح الل,نم 20% ق ار عل 20% اج اتن ا>

По данным Всемирной продовольственной программы ООН, около трети иракцев живут за чертой бедности, из них два миллиона человек находятся на грани голодной смерти⁸⁰. Ирак на 90% зависит от импорта продовольствия, и, со слов иракских чиновников, страна не была готова к продовольственному кризису, связанному с перебоями поставок минеральных удобрений из-за начала специальной военной операции на Украине. Министр сельского хозяйства Ирака Мухаммад Карим аль-Хафаджи подчёркивает, что должное финансирование сельскохозяйственного сектора было невозможно из-за дефицита бюджета⁸¹.

Несмотря на это, подобная финансовая несостоятельность иракского правительства и другие внешнеполитические факторы не являются основной причиной продовольственного кризиса в стране. Из всех стран бассейна Тигра и Евфрата именно Ирак находится в наиболее уязвимом положении. Причиной этому является сама география региона: Иран и Турция за последние десятилетия создали для своих нужд передовую систему гидротехнических сооружений, что значительно ограничило водосток для стран, находящихся к низу по течению этих двух великих рек.

О подробных проблемах предостерегал ещё в 1930-е гг. сэр М. Дж. Ионидес, старший инженер иракского Департамента по делам ирригации, а впоследствии директор аналогичного трансирданского департамента, сделав несколько прогнозов и рекомендаций инженерам, работающим в этом регионе Ближнего Востока, касательно судьбы развития гидротехнических сооружений на обеих реках, предостерегая от возможности усиления затоплений территорий, нехватки плодородного ила и опасности засоления вод при неправильной эксплуатации и ошибок в планировании размещения будущих каналов и дамб вниз по течению Тигра и Евфрата; как показала дальнейшая история, ряду его опасений было суждено сбыться впоследствии уже во времена независимого республиканского Ирака [Jonides M.G. 1937, pp. 225—242].

---

⁸⁰ Шамари Б. Аль-Умам аль-Муттахида: миллиона иракцев юа'нун накс ат-тарзия [UN: Two million Iraqis suffer from Food Shortages] *Al Araby Al Jadeed*. September, 23 2022. <https://www.alaraby.co.uk/society/ةيذغتل-اصقن-نوناعى-يىقار-عانويلم>.

⁸¹ Изхиб А.К. Ваки' истисмарий мутрад фи-ль-'Ирак парма икпар кануних 'ам 2006... та'руф 'аля аль-асбаб [A turbulent investment reality in Iraq, despite the adoption of its law in 2006... Learn about the reasons] *Al Jazeera*. September, 25 2022. <https://www.aljazeera.net/ebusiness/2022/9/25/راراق-اسم-غز-قار-علا-يىف-ددرتم-يىرامشتس-اعقاو>.

Альтернативным источником пресной воды для Ирака служат запасы грунтовых вод, на которые приходится лишь от 2 до 9% совокупного водозабора [Kibaroglu A., Kramer A., Scheumann W. 2011, pp. 2—3]. Проекты по опреснению морской воды, реализуемые монархиями Залива, неосуществимы для иракского кейса в виду бедственного характера национальной экономики.

Ещё в баасистский период развитие сельского хозяйства, включая мелиорацию земель и увеличение эффективности эксплуатации водных ресурсов, являлось приоритетной задачей иракского правительства. Основной проблемой было неравномерное расположение плодородных земель, программа по ирригации и мелиорации территорий осуществлялась с ошибками, что приводило к засолению пресноводных водоёмов. Осушение болот также привело к опустыниванию ряда территорий Нижнего Ирака. Кроме того, растущий разрыв в уровне жизни между городским и сельским населением, привёл к волне массовых миграций в города. В результате вышележащего с 1978 г. Ирак был вынужден импортировать сельскохозяйственную продукцию [Ситдикова А.Г. 2014, с. 615—616].

Масштабный водный конфликт между Турцией, Сирией и Ираком начался в связи с ускорением темпов роста населения в 1970-х гг., в результате которого страны стали в одностороннем порядке разрабатывать национальные гидротехнические инфраструктуры [Bar I., Stang G. 2016, pp. 1—4], крупнейшими из которых являлись иракский проект наливочного водохранилища на озере Тартар, сирийский проект по мелиорации долины Евфрата и турецкий проект развития Юго-Восточной Анатолии [Kibaroglu A., Kramer A., Scheumann W. 2011, pp. 58—59].

Хотя этот конфликт так и не перешёл в горячую стадию, особого внимания заслуживает инцидент на сирийско-иракской границе 1975 г., связанный с окончанием строительства плотины Ас-Саура, чуть не ставшей причиной начала вооружённого противостояния между двумя баасистскими режимами [Collelo T. 1988, pp. 136—149]. В течение двух месяцев войска Ирака и Сирии находились в состоянии боевой готовности; компромисса удалось достигнуть только при посредничестве Саудовской Аравии.

Несмотря на предварительное обсуждение трёхсторонних соглашений и создание Объединённого технического комитета, целью которого является осуществление работ по предотвращению и минимизации любого из видов трансграничного воздействия, а также

подготовка необходимых для этого комплексных программ, в частности, в вопросах мониторинга, проведения исследований, сбора и обмена релевантной информации в рамках равного и взаимовыгодного сотрудничества, что в свою очередь во многом повторяет положения принятой несколькими годами позднее Конвенции ООН по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озёр⁸²; между странами не существует юридически обязывающего, всеобъемлющего или долгосрочного договора, касающегося перераспределения водных ресурсов.

После 2013 г. двусторонние ирако-турецкие переговоры были приостановлены, их возобновление в 2016—2017 гг. так и не принесло Ираку каких-либо существенных результатов. В этот период переговоры с Сирией были невозможны, поскольку крупнейшие сирийские дамбы находились под контролем ИГИЛ вплоть до 2017 г. Впоследствии, они были заняты силами Свободной сирийской армии и курдской Рожавы, снизивших экстенсивный водозабор [Von Lossow T. 2018, pp. 2—3].

На сегодняшний день нехватка водных ресурсов вкупе с усилением песчаных штормов стала причиной переезда трети сельского населения Ирака в крупные города. Более того, серьёзной проблемой является сброс отработанных вод с химических производств на болота низин Шатт-эль-Араб, который стал причиной их засоления и постепенного обмеления.

По сравнению с 1980-ми гг. в 2018 г. сток вниз по течению Евфрата и Тигра сократился на 30%, а к 2030 г. может сократиться ещё на 50%, что помимо предельного сокращения водоснабжения внутренних районов страны негативно скажется на поставках электроэнергии, на 75% производимой иракскими гидроэлектростанциями, в частности двумя крупнейшими, расположенными в Хадите и Мосуле.

Другой угрозой дестабилизации водной безопасности Ирака является ирригационная политика Ирана, осуществляемая на притоках Тигра, берущих своё начало на иранской территории: Малого Заба, Диялы и Керхе, на долю которых приходится 9—13% вод Тигра. Причиной усугубления данной ситуации является реализация национальной политики отвода вод из рек, расположенных в Западном и Восточном Азербайджане, Курдистане, Керманшахе, Иламе и Хузестане

---

⁸² Конвенция по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озёр. ООН. 17.03.1992. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/watercourses_lakes.shtml.

для орошения центральных и восточных провинций страны [Keypush В. 2018, pp. 7—9]. Проиллюстрировать подобную политику можно примерами перенаправления 45% водостока реки Карун из Хузестана в Йезд, забор вод из реки Малый Заб в Иранском Курдистане, что в свою очередь значительно уменьшает поступление вод, необходимых для функционирования иракской гидроэлектростанции Дукан.

На сегодняшний день не существует всеобъемлющего соглашения по использованию водных ресурсов бассейна Тигра и Евфрата, в том числе и с Ираном [Keypush В. 2018, p. 14]. В этом регионе мира вопрос разграничения водного пространства остаётся нерешённым на протяжении столетий, начиная от мирного договора 1639 г. между Сефевидской и Османской империями и заканчивая заключением при активном посредничестве Саудовской Аравии Алжирского соглашения 1975 г., устанавливающего границу по тальвегу реки Шатт-эль-Араб, которое было денонсировано с началом ирано-иракской войны в 1980 г. В свою очередь стоит отметить, что, несмотря на то, что в марте 1946 г. Турция и Ирак заключают договор о дружбе и добрососедстве⁸³, который включает в себя протокол, касающийся регулирования использования вод Тигра, Евфрата и их притоков, турецкая сторона в полной мере не выполняла возложенные на неё обязательства по информированию противоположной стороны о подготовке основных гидротехнических проектов в этом бассейне⁸⁴.

За последние десятилетия состояние иракской гидротехнической инфраструктуры постоянно ухудшалось из-за некачественного обслуживания, недостатка инвестиций, нецелесообразного управления водными ресурсами, а также последствий внутреннего длительного конфликта с курдскими формированиями, ирано-иракской войны и двух коалиционных интервенций во главе с США.

Более того, ситуация стала катастрофической из-за непрофессионального администрирования оккупационными органами ИГИЛ

---

⁸³ Türkiye ve Irak İyi Komşuluk Antlaşması (1946) [Turkey and Iraq Good Neighborhood Agreement (1946)] *Habertürk* 23.09.2017. <https://www.haberturk.com/turkiye-irak-dostluk-ve-iyi-komsuluk-anlasmasi-1946-1643464>.

⁸⁴ «Азмаг аль-миях аль-‘иракия ат-туркия... Сыра’ тавил бейна «ас-сиядат аль-мутляка» ва «аннахр ад-дувалий» [Iraqi-Turkish water crisis... A long struggle between «absolute sovereignty» and «international river».] *Al Hurra* 15.07.2022 — URL: <https://www.alhurra.com/arabic-and-international/2022/07/15/فقولطملا-قدايسل-ان-يب-ل-يوط-عاز-ص-ة-ي-كفر-نتل-ا-ة-ي-قار-ع-ا-م-ا-م-ل-ا-م-ق-ز-ا> (дата обращения: 16.12.2022).

гидротехнических сооружений на Тигре и Евфрате [Caris C.C., Reynolds S. 2016, pp. 24—26]. Применение террористами тактики «выжженной земли» при отступлении и бомбардировки авиацией антиисламистской коалиции нанесли значительный ущерб иракской гидроинфраструктуре [Von Lossow T. 2016, pp. 88—92], который, согласно предварительной оценке Министерства водных ресурсов Ирака, составил около 600 млн долларов США. За время оккупации ИГИЛ ряда территорий Ирака, были утрачены 40% сельскохозяйственных угодий, уничтожена значительная часть поголовья скота и необходимого оборудования [Von Lossow T. 2018, pp. 5—7].

Несмотря на трансрегиональную составляющую продовольственного кризиса, правительство Ирака нацелено на реализацию более адресной политики и не стремится делать глобальные шаги в дипломатическом решении нехватки водных ресурсов для расширения посевных площадей. Тем не менее, мы наблюдаем противоположную тенденцию: в течение прошлого сельскохозяйственного сезона было принято решение и вовсе сократить посевные площади по причине недостаточного количества воды.

В определённом смысле мы также можем отметить, что причиной подобного стечения обстоятельств может являться невыполнение задач, возложенных на Министерство водных ресурсов, сформированное в 2008 г. в связи с приостановлением действия Закона № 8 от 1993 г., регулирующего функционирование предшествующего органа — Министерства по делам ирригации; целью которого является оптимальная эксплуатация, разработка и освоение, обеспечение устойчивого развития водных ресурсов страны, а также защита прав Ирака в вопросе перераспределения водостока международных рек и координация с международными, региональными и арабскими организациями и специализированными правительственными и неправительственными организациями⁸⁵.

Принятый в условиях замороженного бюджета Чрезвычайный закон о продовольственной безопасности и развитии выделил 1,3 трлн динаров, что в пересчёте составляет около 6,8 млрд долларов США, на поддержку сельскохозяйственного сектора, напрямую из средств,

---

⁸⁵ Канун визарат аль-маварид аль-мийия ракм (50) ли-санат 2008. [Ministry of Water Resources Establishment Act of 2008 No. 50] *The Council of Representatives of Iraq* <http://extwprlegs1.fao.org/docs/pdf/irq147092.pdf>.

международной, но и региональной арене. Затяжные военные действия и длительная политическая нестабильность не позволили наладить эффективную систему перераспределения уже имеющихся водных ресурсов для нужд сельского хозяйства, хотя, безусловно, в последние несколько лет изменение климата и последствия пандемии COVID-19 также имеют определённый негативный эффект на общую ситуацию в стране.

Библиографический список

Ситдикова А.Г. (2014) Социально-экономические преобразования президента А.Х. аль-Бахра в Ираке (1970-е гг.). *Молодой учёный. II: История.* № 6 (65). С. 614—617.

References

Bar. I., Stang G. (2016) *Water and Insecurity in the Levant*. Paris: European Union Institute for Security Studies.

Caris C.C., Reynolds S. (2014) *ISIS Government in Syria*. Washington (DC): Institute for the Study of War.

Garbero R., ElHajj Hassan S., Robertson T.D., Qureshi A.R. (2021). *Food Security in Iraq: Impact of COVID-19 with a Special Section on Water Shortages and Adaptation (November 2020 — May 2021)*. Issue 4. Baghdad: The International Organization for Migration.

Jonides M.G. (1937). *The régime of the rivers Euphrates and Tigris: a General Hydraulic Survey of Their Basins Including the River Karun, Having Particular Reference to Their Lower Reaches within Iraq, with Information for the Use of Irrigation Engineers, etc.* London: E. & F.N. Spon Ltd.

Keynush B. (2018) «*Water Diplomacy*» *It is Not Enough to Fix Iran-Iraq's Water Dispute*. Riyadh: Rasanah International Institute for Iranian Studies.

Sitdikova, A.G. (2014). Sotsialno-ekonomicheskiye preobrazovaniya prezidenta A.H. al-Bakra v Irake (1970-ye gg.) [Socio-economic Transformations by President Ahmed Hassan al-Bakr in Iraq (1970s)]. *Molodoy uchonyy. II: Istoriya*, № 10, pp. 614-617.

Syria, a Country Study. (1988). / Ed. by Collelo T. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1988.

Turkey's Water Resources (2011) / Ed. by Kibaroglu A., Kramer A., Scheumann W. Berlin: Springer, 2011.

Von Lossow, T. (2018) The Rebirth of Water as a Weapon: IS in Syria and Iraq. *The International Spectator: Italian Journal of International Affairs.* № 51 (3), pp. 82—99.

Von Lossow, T. (2018). *More than Infrastructures: Water Challenges in Iraq*. Wassenaar: Clingendael Institute.

Хушкадамова Халимахон Отамбековна

д.соц.н., МГИМО(У) МИД России,
columnist07@mail.ru

Силантьева Любовь Геннадьевна

старший преподаватель
ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова,
lyubovsilantieva@yandex.ru

Специфика подготовки специалистов и отбора учебных материалов в курсах изучения близкородственных языков (на примере преподавания таджикского как основного и второго восточного языка)

***Аннотация.** Таджикский язык является государственным языком Республики Таджикистан. Правительство ведёт умеренную языковую политику: с одной стороны, создана нормативно-правовая база для поднятия престижа национального языка, с другой стороны — реализуются крупные проекты для изучения иностранных языков, особенно русского. В связи с тем, что новый уровень приобретает таджикско-русское сотрудничество, активизируются и усиливаются миграционные процессы, изучение иранских языков, в частности таджикского, приобретает особую значимость в современных условиях, и, следовательно, всё актуальнее становится вопрос преподавания данных языков в вузах Российской Федерации и стран СНГ. Кроме того, таджикский язык также является отражением культуры и истории народа, что доказывает актуальность и высокую значимость его изучения, в том числе и за пределами республики.*

В статье рассматривается специфика преподавания таджикского языка в качестве второго восточного языка для студентов, изучающих фарси как основной восточный язык в Институте стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, который является одним из центров преподавания и изучения таджикского языка в Российской Федерации. Авторы опираются на накопленный в новой России опыт преподавания. По мнению авторов, изначальное изучение таджикского языка именно как второго восточного дало возможность сейчас преподавать его в качестве основного восточного языка с дополнительным персидским или дари, а также демонстрирует необходимость его дальнейшего преподавания как отдельного языка СНГ.

***Ключевые слова:** таджикский язык, методика преподавания, преподавание иностранного языка, преподавание таджикского языка как иностранного*

Khalimakhon O. Khushkadamova

D.S.Sc., Moscow State Institute of International Relations
(MGIMO-University),
Union of Writers and Journalists of Tajikistan,
columnist07@mail.ru

Lyubov G. Silanteva

Institute of Asian and African Studies,
Lomonosov Moscow State University,
lyubovsilantieva@yandex.ru

The specificity of specialist training and educational material for the courses of closely related languages (on the example of teaching tajik as the main and second oriental language to the students studying persian)

Abstract. *The Tajik language is an official language of the Republic of Tajikistan. The government pursues a moderate language policy: on the one hand, a legal framework has been created to raise the prestige of the national language, on the other hand, large projects are being implemented to study foreign languages, especially Russian. Due to the fact that Tajik-Russian cooperation is acquiring a new level, migration processes are intensifying, the study of Iranian languages, in particular Tajik, is of particular importance in modern conditions, and therefore, the issue of teaching these languages in the universities of the Russian Federation and the CIS countries is becoming increasingly actual and urgent. Furthermore, the Tajik language is also a reflection of the culture and history of the nation, which proves the relevance and high importance of teaching Tajik not only in the republic, but also abroad.*

The article discusses the specifics of teaching Tajik as a second oriental language for the students studying Farsi as the main one at the Institute of Asian and African Studies of Lomonosov Moscow State University that is one of the centers for teaching Tajik (not only as the main but also as the second oriental language) in the Russian Federation. The authors opinion is based on the teaching experience accumulated in recent years. According to the authors, the initial study of Tajik as a second oriental language has enabled teaching it at present as the main oriental language with an additional Persian or Dari, and also highlights the need and contributes to its further teaching as a separate language of the CIS.

Keywords: *Tajik, teaching methodology, foreign language teaching, teaching Tajik as a foreign language*

Введение. Таджикский язык принадлежит к юго-западной группе иранских языков индоевропейской языковой семьи. Он широко распространён в Таджикистане и Узбекистане, особенно в Бухаре и Самарканде, в некоторых районах Кыргызстана, Казахстана, Афганистана и Пакистана, а также в Китайской Народной Республике. Таджикский язык характеризуется большим разнообразием диалектов. В данный момент известно более 50 таджикских диалектов, однако различия между ними не нарушают общего понимания между носителями, а таджикский литературный язык, совершенствованию которого в последнее время уделяется большое внимание на правительственном уровне, позволяет преодолевать сложности, возникающие при общении носителей разных диалектов.

Большинство носителей таджикского языка дву- или многоязычны. Проживающие в районах, имеющих тесные связи с Российской Федерацией, говорят по-русски. Для тех таджиков, кто получил образование в советский период, русский язык стал вторым родным языком. Проживающие по соседству с узбеками в той или иной степени владеют узбекским языком. Жители Горно-Бадахшанской автономной области, наряду с таджикским, говорят на одном из памирских языков. Основой современного таджикского литературного языка считаются северные диалекты, прежде всего диалекты Бухары и Самарканда. Однако в настоящее время в таджикостанском обществе популярность и языковое влияние приобретают южные диалекты, которые ближе к персидскому языку и дари.

Формирование национального языка. Таджикский язык (государственный язык Республики Таджикистан), как и другие новоперсидские языки — персидский (государственный язык ИРИ) и дари (государственный язык ИРА), имеет тысячелетнюю историю. Богатейшая художественная и научная литература классического периода является общим культурным наследием народов Ирана, Таджикистана и Афганистана: вплоть до XVI в. складывается и развивается классическая персидско-таджикская литература, и лишь потом происходит расхождение литературных традиций.

Период правления династии Саманидов (IX—X вв.) является периодом интенсивного развития народов Ближнего Востока и Средней Азии, их науки, искусства, культуры, и в том числе языка. В современном Таджикистане свято чтут данный период своей истории: эмир Исмаил Самани и государство Саманидов в стране

объявлены образцом национальной государственности. Именно Исмаил Самани считается основателем таджикской государственности, закрепившим за таджикским (порси-йи дари) статус государственного языка.

Свое современное название язык таджиков — персоязычного населения Средней Азии — приобретает в XX веке. Сам термин «таджикский язык» связан с политическими событиями, происходившими в первом десятилетии XX века в Центральноазиатском регионе. **В 1924 г. была создана Таджикская Автономная Советская Социалистическая Республика в составе Узбекской ССР. В 1929 г. Таджикская АССР была преобразована в Таджикскую Советскую Социалистическую Республику, которая вошла в состав СССР на правах союзной республики. Это историческое событие сыграло важную роль в социально-экономическом и культурном развитии таджиков как отдельной нации.** В этот период в целях увеличения доли грамотного населения и дистанцирования от исламского влияния таджикская письменность была переведена на латиницу, которую ввели и для остальных языков бывшего СССР. **В 1940 г. снова произошла трансформация — в целях унификации был принят кириллический алфавит на основе алфавита для русского языка.** В 50-е и последующие годы XX в. развитие таджикского языка характеризуется активным участием носителей различных диалектов из разных регионов страны в процессе его формирования. Однако позже, в 70—80-е годы прошлого столетия, ситуация в республике сложилась таким образом, что таджикский язык стал восприниматься как непрестижный: национальный руководящий аппарат не знал своего родного языка и не стремился ввести его в делопроизводство, науку и культуру. В результате сложилась парадоксальная ситуация: в сельской местности функционировал преимущественно разговорный таджикский язык с характерными диалектными особенностями, а в городах — русский язык [Хушкадамова Х.О. 2018]. Во второй половине этого периода в рамках начавшейся перестройки в союзных республиках развивалась интенсивная законодотворческая работа по правовому регулированию функционирования языков. В таджикском обществе особую актуальность приобрели вопросы национальной идентичности, в том числе в части языка.

22 июля 1989 г. в республике был принят Закон «О языке». **Статья 1** Закона гласит: «Государственным языком Таджикской Советской

Социалистической Республики является таджикский язык (фарси)»⁸⁹. Несмотря на то, что Закон о языке был принят и таджикский язык приобрёл в Таджикистане статус государственного, всё ещё оставалось множество нерешённых вопросов и преград на пути к его совершенствованию⁹⁰. За русским же языком сохранился статус языка межнационального общения. Позднее в Таджикистане заметно снизилась позиция русского языка в обществе, чему далее сопутствовали межтаджикские противостояния (1992—1997 гг.), эмиграция русскоговорящего населения на историческую родину и т.д. Ныне ситуация кардинально изменена в пользу престижа русского языка, чему способствуют в основном миграционные процессы. Следует отметить ещё один важный момент: был поднят статус редких бесписьменных языков, бытующих в стране. В Законе «О языке» после регламентации статуса титульного и русского языков, статья 3 была посвящена непосредственно памирским и ягнобскому языкам⁹¹.

Уже после приобретения национальной независимости и суверенитета Таджикистана, 5 октября 2009 г. был принят Закон «О государственном языке Республики Таджикистан»⁹², согласно которому государственным языком Республики Таджикистан является таджикский язык. Статус языка в обществе значительно повышается: государственный язык применяется во всех сферах жизни Республики Таджикистан: политической, социальной, экономической, научной и культурной; каждый гражданин республики обязан знать государственный язык и при его применении соблюдать правила орфографии литературного языка. С данного момента ежегодно 5 октября — в день принятия Закона — в стране отмечается День таджикского языка. Таким образом, спустя 10 веков после распада государства Саманидов таджикский язык вновь приобретает государственный статус в независимом Таджикистане.

---

⁸⁹ Закон Таджикской Советской Социалистической Республики «О языке» от 22 июля 1989 года № 150. Душанбе, 1989. <http://medialaw.asia/document/-261>.

⁹⁰ Мирзо Хасани Султон. Нақши пешвои миллат дар рушди забони давлатӣ [Роль лидера нации в развитии государственного языка]. *Чумхурият*, 2017, 21 ноября.

⁹¹ Подробнее см.: Исаев М.И. Об актуальных проблемах языковой ситуации в нашей стране. *Русская речь*. 1990, 4. С. 98. https://revolution.allbest.ru/languages/00310898_2.html.

⁹² Закон Республики Таджикистан «О государственном языке Республики Таджикистан» от 5 октября 2009 года № 553. Душанбе, 2009. <http://kumitaizabon.tj/ru/content/zakon-respubliki-tadzhikistan-o-gosudarstvennom-yazyke-respubliki-tadzhikistan/> (рус.); <http://www.kumitaizabon.tj/tg/content/konuni-chumkhurii-tochikiston-dar-borai-zaboni-davlatii-chumkhurii-tochikiston> (тадж.).

В связи с этим изучение таджикского языка как иностранного в настоящее время приобрело высокую актуальность и значимость, и, следовательно, привело к расширению преподавания таджикского языка за пределами республики. В Москве оно осуществляется в нескольких вузах, где, наряду с самим языком, студенты знакомятся с литературой, историей и культурой региона. Так, преподавание таджикского языка ведётся в Институте стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (ИСАА МГУ), в Московском государственном лингвистическом университете (МГЛУ), Московском государственном институте международных отношений МИД России (МГИМО(У) МИД России), кроме того, язык изучается в Российской академии наук (РАН) и т.д.

Экспурс в историю преподавания таджикского языка как второго восточного и подготовки учебников. В Институте стран Азии и Африки Московского государственного университета таджикский язык преподаётся на кафедре иранской филологии — одной из первых кафедр, созданных в 1956 г. в Институте восточных языков⁹³.

В составе коллектива преподавателей и сотрудников кафедры работают опытные специалисты — авторы учебников и многочисленных научных работ. Сохраняя устоявшиеся традиции преемственности, молодые преподаватели привносят новый интересный опыт. С 2008 г. таджикский язык в ИСАА МГУ преподаёт доктор социологических наук, профессор Х.О. Хушкадамова. Тогда таджикский язык изучался только как второй восточный в дополнение к персидскому. С 2019 г. и по настоящее время в Институте стран Азии и Африки МГУ таджикский изучают как основной восточный язык — государственный язык Республики Таджикистан, являющейся страной-участником СНГ.

Только непосредственно преподаванием языка сотрудники кафедры иранской филологии не ограничиваются. Ввиду того, что таджикский язык в отличие от персидского не преподавался в институте в качестве основного восточного языка, а учебники, изданные ещё в 1950-е гг., не соответствуют современным реалиям и требованиям нового времени, преподавателям приходится разрабатывать учебники по таджикскому языку, учебные пособия по теории и практике перевода, по развитию навыков устной речи, проводить их апробацию. Так как современное общество и находящийся с ним в тесном взаимодей-

---

⁹³ Так ранее именовался ИСАА.

ствии язык развиваются быстрыми темпами, учебно-методические материалы регулярно актуализируются. Учитывая роль современных технологий в процессе преподавания, на кафедре разрабатываются мультимедийные курсы с упором на разговорный язык.

Среди учебников следует назвать разработанный в 2009 г. коллективом авторов в составе В.Б. Иванова, Х.О. Хушкадамовой, Е.В. Семеновой учебник таджикского языка для стран СНГ (в 2 частях) [Иванов В.Б. и др. 2009]. Выпуск этого издания был поддержан Межгосударственным фондом гуманитарного сотрудничества государств-участников Содружества Независимых Государств.

В 2019 г. этим же коллективом был издан обновлённый учебник таджикского языка для академического бакалавриата, среднего профессионального образования [Иванов В.Б. и др. 2019]. Именно этот учебник используется как основной при преподавании начального курса таджикского языка на 1—2 курсах бакалавриата. Данное обновлённое и переработанное учебное пособие даёт возможность изучить язык «с нуля». С его помощью студенты востоковедческих специальностей получают общие представления о языке, полезен он также и тем, кто использует таджикский язык в своей практической деятельности. Учебник содержит теоретические сведения, позволяющие студентам научиться правильно строить предложения, понимать речь говорящих на изучаемом языке. Приводятся актуальные тексты по страноведческой тематике, по истории и культуре Таджикистана, по темам повседневного общения. После каждого текста даны упражнения, с помощью которых закрепляются лексические знания, правила орфографии и грамматики. Большинство этих упражнений построены так, чтобы обучающиеся при их выполнении действовали по беспереводному методу, не прибегая к русскому языку. Отдельным разделом учебника является общий словарь. Присутствуют также словари по тематике уроков, словари к текстам и упражнениям.

В первые годы обучения студенты осваивают базовую лексику, которая необходима для повседневного общения, правила грамматики и орфографии, основные структуры языкового общения, подробно изучаются морфологические характеристики частей речи: существительное, прилагательное, местоимение, наречие, глагол и причастие, число, артикль, суффикс и префикс, глагольные видовременные формы. Особое внимание уделяется развитию навыков свободного общения на повседневные темы, в этой связи активно используются тексты-

диалоги как из основного учебника [Иванов В.Б. и др. 2019], так и из дополнительных источников, например, [Хушкадамова Х.О. 2015]. Книга содержит более 150 диалогов, которые раскрывают возможные ситуации повседневного общения в разных обществах.

Механизм преподавания таджикского языка. В этом году состоится первый выпуск бакалавров ИСАА МГУ, которые изучают таджикский язык как основной восточный, а в качестве второго восточного — персидский. Этот относительно новый формат обучения студентов имеет ряд преимуществ: наравне с языком изучаются литература, история, география, социально-политическое и экономическое развитие страны изучаемого языка; в дальнейшем студенты могут продолжить учебу в магистратуре по специальности; наконец, им преподаётся также персидский как второй восточный язык.

Как показывает опыт, чтобы избежать лингвистической интерференции у учащихся, приводящей к большому количеству речевых ошибок, не рекомендуется изучать оба языка параллельно на первом курсе. Преподавание персидского языка для подобной группы бакалавриата начинается только после усвоения базовой лексики и основных правил грамматики таджикского языка на втором курсе, т.е. механизм тот же, что и для изучения таджикского языка как второго восточного после персидского.

Важно отметить, что введение курса таджикского как второго восточного языка после первого персидского в ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова и после первого дари в МГИМО(У) МИД России способствовало тому, что сегодня таджикский уже изучается как основной восточный язык в ИСАА МГУ и как один из языков СНГ в ВУ МО и в МГЛУ. Наш опыт работы показывает, что изучение таджикского языка упрощает для студентов, изучающих фарси или дари как основной восточный, процесс освоения данных языков, особенно на коммуникативном уровне. Поэтому студенты с удовольствием выбирают таджикский язык как второй восточный.

Таким образом, на кафедре иранской филологии для всех учащихся таджикской языковой группы предоставляется дополнительная возможность изучения близкородственных языков: персидского, таджикского и дари, с их графикой и языковыми особенностями.

Набор методов и инструментов обучения. Большая часть языковых занятий проводится в специальном классе, созданном на кафедре иранской филологии ИСАА МГУ. Имеющееся в нем лингафонное

аудиооборудование эффективно используется для правильной постановки произношения и развития навыков восприятия речи на слух. В распоряжении преподавателей и студентов находится интерактивная доска, а также большая учебная библиотека, содержащая словари, справочники, учебники. Данный набор методов и инструментов преподавания на первом этапе изучения таджикского языка представляется достаточно эффективным.

При дальнейшем изучении языка на старших курсах бакалавриата, а также в магистратуре, на первый план выходит обучение студентов более сложным лексическим структурам: узкоспециализированной лексике, фразеологии, синонимии и полисемии, а также особенностям употребления лексем в специальных текстах, включая политические, экономические, страноведческие и лингвистические аспекты. Здесь стоит отметить свежее издание пособия по общественно-политическому переводу [Хушкадамова Х.О., Гладкова Е.Л. 2022], которое считается первым специализированным учебником, предназначенным для развития переводческих навыков, освоения общественно-политической лексики, активизации соответствующей терминологии и сведений политического характера на таджикском языке.

Крайне значимыми источниками на этом этапе выступают также разного рода статьи, выступления, аудио- и видеоматериалы по изучаемой тематике, художественные фильмы. Данные материалы постоянно обновляются посредством обращения к открытым актуальным информационным источникам, таким как сайты СМИ и государственных структур, новости в аудио- и видеоформате, библиотеки Республики Таджикистан, публикации деятелей науки и культуры и другой мультимедийный контент на изучаемом языке. Вышеперечисленные первоисточники отражают текущее состояние живого, постоянно меняющегося языка, что имеет первостепенное значение при его изучении. Всё это даёт возможность преподавателям подробно познакомить обучающихся со стилистическими особенностями лексических и фразеологических единиц, с основами речевой культуры, различными нюансами таджикского языка, а также его диалектными особенностями.

Процесс обучения не ограничен только аудиторными занятиями. Кафедра организует разнообразные семинары и дискуссии страноведческой и лингвистической тематики. К участию в них студенты привлекаются как в качестве слушателей, так и с выступлениями на изучаемом языке, что существенно улучшает культуру речи

обучающихся и качество языкового образования в целом, а также повышает интерес к языку, способствует росту уважения к стране и народам-носителям изучаемого языка.

Следует отметить и такой немаловажный инструмент, который широко используется преподавателями, как погружение в языковую среду. Студенты активно привлекаются к участию в разнообразных фестивалях, выставках, встречах, проводимых в посольстве Республики Таджикистан в Москве. Это сотрудничество в последние годы расширяется за счёт участия преподавателей и студентов в традиционных национальных Днях культуры, гастролях театральных и музыкальных коллективов, показах картин киностудии «Таджикфильм» в столице России.

Различные культурные и общественно-политические мероприятия проводятся и в рамках кафедры иранской филологии, и в целом на уровне ИСАА МГУ. Налажены связи и с диаспорами Таджикистана, например, с РОО «НУР». Таким образом студенты имеют возможность познакомиться не только с культурой титульной таджикской нации, но и с другими народами, проживающими в регионе, их языками и обычаями [Силантьева Л.Г. 2022].

В ИСАА МГУ работает Лаборатория экспериментальной фонетики, оснащённая специальным оборудованием и компьютерной техникой, которые позволяют сотрудникам и студентам кафедры заниматься изучением акустических и фонологических особенностей языков. Записи носителей таджикской речи широко используются в образовательных целях. Экспериментальные исследования ведутся не только по персидскому и таджикскому языкам, но и малым языкам Таджикистана. Их результаты находят отражение в студенческих выпускных квалификационных работах, диссертационных работах, научных статьях по широкому кругу важных и малоизученных вопросов.

Заключение. Стоит отметить, что, несмотря на расширение преподавания таджикского языка как иностранного, рост интереса и актуальность изучения данного языка в педагогическом процессе, в том числе в курсах изучения близкородственных языков (таджикского и персидского), при отборе учебных материалов существует ряд сложностей.

Таджикский язык активно развивается, и, несмотря на относительно недавнюю публикацию учебника таджикского языка, правила правописания в таджикском языке в 2021 году претерпели ряд изме-

нений⁹⁴. В связи с этим необходимо пересматривать учебник, проверять его и искать новые релевантные источники, чтобы учащиеся имели доступ только к актуальной и современной с языковой точки зрения информации. На данном этапе возникают проблемы с доступом к подобным документам, даже принятым на уровне Правительства Республики Таджикистан.

Кроме того, студенты, изучающие таджикский язык, специализируются на разных аспектах профессии: лингвистика, филология, журналистика, история, экономика, дипломатия и др. Для подготовки профессиональных кадров требуются новые специализированные словари, учебники и практикумы по конкретным тематикам. Работа по разработке подобных учебно-методических пособий активно ведётся, но требует дальнейшей доработки и в конечном итоге — издания.

Однако, учитывая, что преподавание таджикского языка как иностранного является относительно новым направлением, данные задачи выглядят вполне разрешимыми.

Таким образом, принимая во внимание текущие условия трансформации мирового порядка и необходимость сохранения и дальнейшего расширения стратегического партнёрства и дружбы народов России и Таджикистана, крайне важно продолжить и активизировать работу по преподаванию таджикского языка в России, особенно в плане содействия выпуску новых учебников, обеспечения доступности учебно-методических программ, поддержки СМИ и художественной литературы и т.д.

Жизнь не стоит на месте: уже состоялось несколько выпусков специалистов разных отраслей, владеющих таджикским языком, за этот период появилось новое поколение этнических таджиков в России, которым необходимы условия, чтобы не потерять свои корни и свой язык. Так, ещё один аспект, свидетельствующий о пользе подготовки специалистов-таджиковедов — преподавание русского языка таджикским мигрантам, проживающим на территории Российской Федерации. Кроме того, российские школы, открытые в Таджикистане,

---

⁹⁴ Қарори Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи Қоидаҳои имлои забони тоҷикӣ, ва Аломатҳои китобати забони тоҷикӣ» аз 30 июни соли 2021 № 268 [Постановление Правительства Республики Таджикистан «О Правилах правописания таджикского языка и буквенных знаков таджикского языка» от 30 июня 2021 года № 268]. Душанбе, 2021. https://www.jumhuriyat.tj/index.php?art_id=45016 (тадж.).

нуждаются в педагогических кадрах, владеющих обоими языкам: и русским, и таджикским.

Таким образом, в настоящее время в институте ведётся активная подготовка специалистов, которые очень важны как для России, так и для Таджикистана, для дальнейшего эффективного сотрудничества двух стран и сближения народов.

Библиографический список

Иванов В.Б. и др. (2009) *Учебник таджикского языка для стран СНГ: в 2 ч.* / В.Б. Иванов, Е.В. Семенова, Х.О. Хушкадамова; [рук. проекта Ж.С. Сыздыкова; под ред. М.С. Мейера]; Мос. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Ин-т стран Азии и Африки. М.: Ключ-С. ISBN 978-5-93136-078-2. Ч. 1. 232 с. + 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). ISBN 978-5-93136-079-9. Ч. 2. 144 с. + 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). ISBN 978-5-93136-100-0.

Иванов В.Б. и др. (2019) *Таджикский язык: учебник и практикум для академического бакалавриата* / В.Б. Иванов, Е.В. Семенова, Х.О. Хушкадамова. М.: Издательство Юрайт. 415 с. ISBN 978-5-534-09791-7.

Силантьева Л.Г. (2022) Преподавание таджикского языка как основного восточного на кафедре иранской филологии Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова. *Материалы Международной научно-практической конференции «XII Ломоносовские чтения», посвящённой Дню таджикской науки и 30-летию установления дипломатических отношений между Республикой Таджикистан и Российской Федерацией. Часть III. Педагогика, лингвистика.* Д.: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Душанбе. С. 304—310.

Хушкадамова Х.О. (2015) *Таджикско-русские диалоги.* СПб: КАРО. 144 с. ISBN 978-5-9925-1023-2.

Хушкадамова Х.О., Гладкова Е.Л. (2022) *Таджикский язык. Общественно-политический перевод: учебное пособие.* М.: МГИМО-Университет. 90, [2] с. ISBN 978-5-9228-2605-1.

Хушкадамова Х.О. Языковая ситуация в таджикском социуме. *Филологические науки в МГИМО.М.*, 2018, 16 (4). С. 127.

References

Ivanov V.B. et al. (2009) *Uchebnik tadzhikskogo yazyka dlya stran SNG (Textbook of the Tajik language for the CIS countries)* / V.B. Ivanov, E.V. Semenova, Kh.O. Khushkadamova. Moscow: Klyuch-S. ISBN 978-5-93136-078-2. Ch. 1. 232 p. + 1 CD-ROM. ISBN 978-5-93136-079-9. Ch. 2. 144 p. + 1 CD-ROM. ISBN 978-5-93136-100-0.

Ivanov V.B. et al. (2019) *Tadzhikskii yazyk: uchebnik i praktikum dlya akademicheskogo bakalavriata (The Tajik Language: Textbook and workshop for Academic*

Baccalaureate) / V.B. Ivanov, E.V. Semenova, Kh.O. Khushkadamova. Moscow: Yurait. 415 p. ISBN 978-5-534-09791-7.

Silant'eva L.G. (2022) Prepodavanje tadjhikskogo yazyka kak osnovnogo vostochnogo na kafedre iranskoj filologii Instituta stran Azii i Afriki MGU imeni M.V. Lomonosova (Teaching Tajik as the Main Oriental Language at the Department of Iranian Philology at the Institute of Asian and African Studies of Lomonosov Moscow State University). *Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «XII Lomonosovskie chteniya», posvyashchennoi Dnyu tadjhikskoi nauki i 30-letiyu ustanovleniya diplomaticheskikh otnoshenii mezhdur Respublikoi Tadjhikistan i Rossijskoi Federatsiei. Chast' III. Pedagogika, lingvistika*. Dushanbe. P. 304—310.

Khushkadamova Kh.O. (2015) *Tadjhiksko-russkie dialogi (Tajik-Russian dialogues)*. SPb: KARO. 144 p. ISBN 978-5-9925-1023-2.

Khushkadamova Kh.O., Gladkova E.L. (2022) *Tadjhikskii yazyk. Obshchestvenno-politicheskii perevod: uchebnoe posobie* (Tajik. Socio-Political Translation: A Study Guide). Moscow: MGIMO-Universitet. 90, [2] c. ISBN 978-5-9228-2605-1.

Khushkadamova Kh.O. Yazykovaya situatsiya v tadjhikskom sotsiume (Language Situation in Tajik Society). *Filologicheskie nauki v MGIMO*. Moscow, 2018, 16 (4). P. 127.

Раздел 3

Южная Азия

Бычкова Анна Анатольевна

индолог, независимый исследователь
aneta-taurus@rambler.ru

Северо-восточная Индия: пути развития в XXI веке

***Аннотация.** Концепт фронта, пограничной зоны, был представлен американским историком Ф.Д. Тернером как способ описания пространства, на котором встречаются и взаимодействуют представители различных культур и социальных традиций. Концепт позволяет проанализировать процессы, происходившие и происходящие при освоении пограничного пространства, особенности его ментальности и исторической психологии. Данная статья — это попытка рассмотреть некоторые процессы, происходящие в Северо-Восточном регионе Индии, который со времён британского владычества рассматривался, в первую очередь, как фронт, пограничная зона, обособленная от «основной территории» с точки зрения культуры, этнической принадлежности, ментальности. Специфика географии явилась одним из определяющих факторов социально-политической истории региона. Природные условия определяют его деление на два района, различающиеся по уровню экономического развития, плотности населения, этническому составу: здесь понятия «горы» и «равнины» несут особое содержание. По сложности этнического состава этот регион выделяется даже в такой многонациональной стране как Индия. Автохтонное население, придерживающееся традиционных верований (с чертами анимизма, тотемизма), или причисляющее себя к различным деноминациям мировых религий, стремится найти свою правду и справедливость в рамках обычного права, действующего на племенных территориях и определяющего систему землевладения и землепользования. В борьбе за защиту этничности создаются новые устойчивые мифы. Культурная неоднородность, поли-этничность, принадлежность к различным конфессиям создают предпосылки для сепаратистских движений. Ещё в период бри-*

танского владычества в племенах и различных этнических группах населения формировались так называемая «политические элиты». Борьба представителей таких элит за влияние — тренд политической демографии северо-востока.

Ключевые слова: фронтир, физиография, автохтонное население, культура, этничность, ментальность, этнический состав

Bychkova Anna A.

Indologist, independent researcher
aneta-taurus@rambler.ru

North-East India: development patterns in the 21st century

Abstract. *The Frontier concept was advanced by American historian F.J. Turner as a way to describe the space where representatives of different cultures and traditions interacted. It allows analysis of the processes developing while reclaiming frontier expanse, of certain specific features of its mentality and historic phycology. The present article is an attempt at looking into the processes emanating in North East India that, from the days of the British rule, used to be construed as frontier isolated from the «mainland» in relation to culture, ethnicity, mentality. Particular characteristics of physiography determined social-political history of the region. Natural elements determined its division into two parts differentiated by the level of economic development, population density, ethnic makeup: here the notion of «hills» and «plain» imply specific meaning. Even in the realm of such a poly-ethnic country as India its ethnic makeup is unique. Indigenous population adhering to traditional beliefs (with elements of animism and totemism) or ranking among different denominations of world religions, seek the truth and justice under customary law applicable within the tribal territories providing for the system of land possession and land tenure rights. Fighting for ethnicity protection triggers development of new lasting myths. Cultural heterogeneity, poly-ethnicity, affiliation with different confessions trigger pre-insurgency. Since the days of British rule so called «political elites» have been formed. Their contest for political influence is a trend of political demography of North East region.*

Keywords: *frontier, physiography, indigenous population, culture, ethnicity, mentality, ethnic structure*

Северо-Восточный регион (включающий штаты Ассам, Аруначал Прадеш, Манипур, Мегхалая, Мизорам, Нагаленд, Сикким, Трипура) соединён с основной территорией Индии узким (30—80 км) коридором и охватывает 8% географической территории страны. Регион граничит на севере с Бутаном и КНР, на юго-востоке с Мьянмой и на юго-западе с Бангладеш. Географическое расположение придаёт региону особое стратегическое значение. Здесь сосредоточено 34% водных ресурсов страны, это 40% её гидроэнергетического потенциала⁹⁵. Регион богат полезными ископаемыми. Однако географическая обособленность, недостаточно развитая инфраструктура, неэффективное использование минеральных ресурсов, водного потенциала, биологического разнообразия делает северо-восток Индии одним из отсталых районов с низким доходом на душу населения, низким уровнем капиталовложений частного сектора.

Север-Восточная часть Индии со времен британского владычества рассматривалась, в первую очередь, как *фронтир*, пограничная зона, обособленная от «основной территории» с точки зрения культуры, этнической принадлежности, ментальности. Специфика физиографии явилась одним из определяющих факторов социально-политической истории региона. Природные условия определяют его деление на два района, различающиеся по уровню экономического развития, плотности населения, этническому составу: здесь понятия «горы» и «равнины» несут особое содержание. По сложности этнического состава этот регион выделяется даже в такой многонациональной стране как Индия. Концепт *фронтира* был представлен американским историком Ф.Д. Тернером (1861—1932) как способ описания пространства, на котором встречаются и взаимодействуют представители различных культур и социальных традиций [Turner F.J. 2007]. Концепт позволяет проанализировать процессы, происходившие и происходящие при освоении пограничного пространства, особенности его ментальности и исторической психологии. Д. Холл определяет *фронтир* как зону взаимодействия различных социальных систем [Hall D. 2009]. *Фронтир* может и зачастую формирует вокруг себя очень устойчивый миф [Панарина Д.С. 2015]. Теория зон культурного отчуждения и пограничья (ЗКОП) рассматривает различия на разных уровнях, причём, ключе-

---

⁹⁵ UN India Digital Library, URL: <https://in.one.un.org/un-priority-areas-in-india/north-east/> (дата обращения 25.12.2020).

вую роль «играет изучение процессов забвения, умолчания, вытеснения из активной культурной памяти на периферии», при этом, персоналии, события, установки ЗКОПТ могут быть актуализованы вновь [Ульрих П., Троицкий С. 2019].

Мы пытаемся разобраться в том, как взаимодействуют *фронтир* и основная территория. В исторической перспективе это Британская Индия и *фронтир*. В этой связи богатый материал оставили британские военные и служащие Ост-Индской компании, которые обеспечивали материалом так называемых кабинетных учёных. Британская школа социальной антропологии была основополагающей в истории изучения Северо-Восточной Индии. Как отмечал Ф. Дж. Тернер, специфические черты *фронтира*, упомянутые путешественниками колониального периода, продолжают существовать даже в условиях превалирования более развитой социальной организации [Turner F.J. 2007].

После подписания в 1826 г. мирного договора (в деревне Яндабо) между королем Бирмы и Ост-индской компанией началось освоение территории северо-востока Индии британцами⁹⁶. Немалую роль в освоении пространства северо-востока сыграл чай, с 1662 г. получивший статус официального напитка королевского двора⁹⁷. В 1823 г. генерал-майор Роберт Брюс заметил, что представители племени сингпо в Ассаме жуют какие-то листья и готовят из них напитки. Ему удалось получить листья и семена. Специалисты из ботанического сада Калькутты заключили, что это чай. Брат Роберта Брюса Чарльз занялся выращиванием чая в Ассаме. Презентация ассамского чая в Лондоне в 1839 г. имела грандиозный успех. Одна за одной в Ассаме стали появляться чайные плантации. Это повлекло за собой миграцию в Ассам рабочей силы из Бихара и Бенгалии для обслуживания чайных плантаций. В 1835 г. для защиты территории Ассама от набегов горных племён британской администрацией были созданы части особого назначения, первоначально названные Качарским ополчением (Cachar Levy). С 1917 г. они именуются Ассамскими стрелками (Assam Rifles) и в настоящее время подчиняются Министерству внутренних дел Индии. В 1854 г. с целью защиты чайных плантаций Ассама была установлена внутренняя линия, пограничные столбы

---

⁹⁶ По условиям договора Бирма отказывалась от притязаний на Ассам, Качар и Джантию.

⁹⁷ Жена Карла II (1630—1685) Катарина Браганская (которая принесла в приданое британской короне остров Бомбей, современный г. Мумбай) ввела в моду чаепитие при дворе.

вдоль подножья Гор Нага, отделяющие территории, управляемые британской администрацией. Пересекать эту линию без специального разрешения британской администрации было запрещено. В 1873 г. британскими властями был введён в действие законодательный акт, регулирующий перемещение в пределах пограничной зоны восточной части Бенгалии (Bengal Eastern Frontier Regulation), действовавший в дистриктах Камруп, Дарранг, Сибсагар, Качар, Лакхимпур, Горы Гаро, Горы Кхаси и Джантия, Горы Нага, Ноугонг. Закон применяется и поныне в соответствии с рядом поправок, уточняющих районы применения, и автохтонное население ратует за строгое соблюдение закона, поскольку он гарантирует защиту от потока мигрантов и захвата земель. Для посещения штатов Нагаленд, Мизорам, Аруначал Прадеш, Манипур, Мегхалая гражданин Индии обязан оформить специальное разрешение, выдаваемое органами центрального правительства (Inner Line Permit). В 30-е гг. прошлого века колониальная администрация поощряла миграцию мусульман из Бенгалии с целью увеличения обрабатываемых земель в Ассаме в рамках политики «выращивания больше продовольствия». Для предотвращения столкновений между иммигрантами мусульманами и местными индусами британской администрацией была выстроена демаркационная линия, за пределами которой запрещалось селиться мигрантам мусульманам. Ассам входил в состав Бенгальского президентства до 1866 г.⁹⁸ Язык бенгали заменил фарси, использовавшийся ранее в судопроизводстве Ассама. Противостояние бенгальцев и ассамцев, таким образом, может проследиваться с начала британского правления.

К концу XIX в. вся северо-восточная часть Индии вошла в состав владений британской империи, однако степень контроля над племенными территориями была ограничена. С раджами Трипуры и Манипура были подписаны субсидиарные договоры⁹⁹. После британо-манипурской войны 1891 г. Манипур существовал под прямым протекторатом британской империи.

Миссионерская активность явилась важной частью взаимодействия с *фронтиром*. В горных районах, населению которых присуща

---

⁹⁸ Бенгальское президентство (Bengal Presidency) — Колониальный регион Британской империи.

⁹⁹ По субсидиарному договору раджа обязывался вести внешние сношения только под контролем Ост-Индской компании и содержать при дворе британского политического агента/советника, а также в качестве союзников предоставлять военную помощь.

вера в одушевлённость всей природы, с конца XIX в. успешно действовали христианские миссионеры различных деноминаций. Особенности ментальности и исторической психологии *фронтира*, то есть мотивации, эмоций, системы ценности, фобий, в определённой степени, обусловлены влиянием христианства различных деноминаций. Христианизация северо-востока Индии проходила сравнительно легко. Мягкая сила, применявшаяся миссионерами-пресвитерианцами из Уэллса в Мизораме, баптистами из США в Нагаленде, миссионерами иных деноминаций оказалась эффективной. Осуществлён перевод Библии на местные языки, на которых ведётся служба в церквях. Высокий уровень грамотности населения региона — заслуга христианских миссий. Например, в Мизораме показатель грамотности 90,72% для мужчин и 89,27% для женщин. В Нагаленде — 82,75% для мужчин и 76,11% для женщин¹⁰⁰.

1947 г. ознаменовался образованием Индийского Союза. В штат Ассам независимой Индии вошли территории племён, фактически не управлявшиеся британской администрацией (*unadministered territories*); центробежное движение началось вскоре после его образования. Борьба за защиту этничности, различные движения за самоопределение на северо-востоке Индии — это результат социальной, культурной, демографической и экономической маргинализации племён. В 1958 г. был принят закон о специальных полномочиях армейских подразделений (*Ehe Armed Forces Special Powers Act (AFSPA)*). В 1976 г. вступил в силу закон о беспокойных районах (*disturbed areas*), закон о специальных судах. Закон позволял властям путём публикации в официальном органе (*Official Gazette*) объявлять любой район беспокойным ввиду нарушения общественного порядка, возникновения споров между представителями различных религиозных и языковых общин, расовых разногласий. Весь северо-восток подпадал под действие закона. Борьба за его отмену началась с момента принятия и продолжается в наши дни, особенно яростно ведут борьбу молодёжные и студенческие организации. 31 марта 2022 г. Министерство внутренних дел Индии объявило об уменьшении количества «непокойных районов» в штатах Нагаленд, Манипур и Ассам. Борьба за полную отмену вышеназванных законов продолжается.

---

¹⁰⁰ Перепись населения 2011 г. URL: <https://www.census2011.co.in/census/> (дата обращения 15.01.2023).

В результате борьбы за самоопределение племён и различных этнических групп кардинально изменилась карта Северо-Восточного региона Индии. В 1963 году был образован первый «племенной» штат — Нагаленд. В 1949 г. махараджа княжества Манипур и махараджа княжества Трипура подписали акты о присоединении к Индийскому союзу. В 1972 году Манипур и Трипура получили статус отдельных штатов. В этом же году образовались ещё два новых штата: Мегхалая, населённый племенами гаро, кхаси, джантия, димаса, боро, куки и др.; Мизорам, где основным этносом являются мизо (лушай). В 1975 г. Сикким стал штатом Индии. Аруначал Прадеш стал союзной территорией в 1972 и штатом в 1987 г. В конституцию Индии были включены новые статьи (371А для Нагаленда, 371В для Ассама, 371С для Манипура, 371F для Сиккима, 371G для Мизорама, 371Н для Аруначал Прадеша), защищающие права местного населения и законодательно закрепляющие применение обычного права.

В 1925 г. была создана религиозно-просветительская организация *Раитрия Сваямсевак Сангх*, РСС («Союз добровольных служителей государства»). Её основателем стал Кешав Балирам Хедгевар (1889—1940), обосновавший концепцию *хиндутвы*, идентичности *хинду*, индусов, как истинных граждан *хинду раитры*, государства индусов. В современной Индии не только политики, но и интеллигенция всё больше проникаются идеологией *хиндутвы*, декларирующей превосходство *хинду* над иными категориями и группами населения. Верховный суд Индии решением от 11 декабря 1995 г. постановил, что «*Хиндутву* можно, в общем, определить, как образ жизни, но нельзя квалифицировать как религиозный (индусский) фундаментализм... Стратегия *хиндутвы* направлена на развитие универсальной культуры путём ликвидации различий между культурами, существующими в этой стране. Это возможный путь к всеобщей гармонии, к национальному единству. Это можно рассматривать как универсальный путь решения проблем меньшинств»¹⁰¹.

В 1980 г. сформировалась *Бхаратия Джаната партия*, БДП («Партия индийского народа»), которая находилась у власти в 1998—2004 гг., снова пришла к власти в результате всеобщих выборов

---

¹⁰¹ Решение Верховного Суда Индии URL: https://www.sci.gov.in/jonew/judis/10197.pdf?fbclid=IwAR3MMC0T8CkCXy6D6qx_fEvKzYDw7R_43Oh8xoWjsaNr0eOYJV5XR_yWBLI (дата обращения 04.01.2023).

в 2014 г. и одержала беспрецедентную победу на выборах 2019 г., получив 352 места в нижней палате парламента из 543. Защита государства *хинду* стала краеугольным камнем формирования государственной политики. В соответствие со Статьей 25 Конституции Индии, в категорию *хинду* включаются приверженцы сикхизма, буддизма и джайнизма. Однако черты материальной культуры и быта этнических групп и племён, населяющих северо-восток, их традиционные ценности не вписываются в образ жизни *хинду*.

Политика предоставления преференций индусам вызывает неприятие со стороны автохтонного населения. Во всех штатах Северо-Восточного региона развернулась кампания против новой редакции Закона о гражданстве. Суть поправок, внесённых в Закон о гражданстве в 2019 г., в особом отношении к нелегальным иммигрантам — сикхам, индусам, буддистам, парсам, джайнам, христианам — из Афганистана, Пакистана, Бангладеш, т.е. в снижении минимального срока проживания в стране, необходимого для получения гражданства. Легислатуры северо-восточных штатов приняли решение об отмене действия закона на их территории. Основание — законодательный акт 1873 г. о применении пропусков за внутреннюю линию (Inner Line Permits), который делает невозможным применение новой редакции закона о гражданстве. Автохтонное население готово бороться против нарушения норм обычного права, касающихся землевладения и землепользования, в защиту традиционных представлений о демократии, самоуправлении, автономии.

Согласно переписи населения 2011 г., 37% населения Ассамы — *хинду* и 34% мусульмане; в Нагаленде христиане составляют 87,93% населения; в Мизораме 87,16% населения; в штате Мегхалая — 74,59%; в Манипуре 41,29% — христиане и 41,39% — *хинду*; в Аруначал Прадеше христиане составляют 30,26% населения, *хинду* — 29,04%; в Сиккиме 57,76% населения — *хинду*, 27,39% — буддисты; в Трипуре *хинду* составляют 87,66% населения¹⁰².

Таким образом, только в Трипуре и Сиккиме большинство населения — *хинду*, преимущественно регион населён христианами различных деноминаций. Самые крупные деноминации — пресвитериане (Мизоррам) и баптисты (Нагаленд). По сведениям, полученным в ходе бесед с представителями некоторых племён, часть жителей

---

¹⁰² Перепись населения 2011 г. URL: <https://www.census2011.co.in/census/> (дата обращения 15.01.2023).

региона придерживается верований предков, почитая камни, духи леса, гор и рек, а также тотемных животных. Официальная статистика приверженцев *хиндутвы* включает их в категорию «отсталых хинду» (backward Hindu). Хотя в северо-восточных штатах БДП проводит политику мягкой силы, в связи с ростом христианского населения региона бьют тревогу такие организации как Всемирный совет индусов (Vishva Hindu Parishad)¹⁰³, Армия Ханумана (Bajrang Dal)¹⁰⁴ РСС, которые неоднократно выдвигали обвинения против христианских общин в поощрении прозелитизма и даже в насильственном крещении людей. Они добиваются закрытия церквей или препятствуют сооружению новых.

Одним из сложных вопросов, стоящих на повестке дня, является вопрос об изменении границ (делimitации) выборных округов при выборах в нижнюю палату парламента и законодательные собрания штатов. Цель таких изменений — обеспечение равного представительства различных сегментов населения, а также установление таких географических границ, которые не допускали бы привилегированного положения каких-либо партий. Результатом может быть изменение количества мест в легислатурах штатов и нижней палате парламента. В соответствии со Статьей 170 Конституции Индии, каждый штат делится на выборные округа таким образом, чтобы количество мест в легислатуре было прямо пропорционально количеству населения округа¹⁰⁵. Однако в северо-восточных штатах, населённых представителями различных племён и этнических групп, применение такой формулы не всегда проходит гладко, поскольку административные границы не совпадают с пределами обитания племён. В регионе со столь пёстрым составом населения изменение количества мест в легислатуре путём простых арифметических действий может восприниматься крайне болезненно различными группами населения. В племенных сообществах существуют традиционные представления о демократии, самоуправлении, автономии. Конституция Индии

---

¹⁰³ Всемирный совет индусов — религиозно-культурная и общественно-политическая организация, образованная в 1964 г. с целью укрепления всемирного братства индусов.

¹⁰⁴ Армия Ханумана — Молодёжное крыло Всемирного совета индусов. Хануман (Баджранг) — почитаемое индусами обезьяноподобное божество, один из главных героев эпоса «Рамаيان».

¹⁰⁵ Конституция Индии. URL: https://www.constitutionofindia.net/constitution_of_india/the_states/articles/Article%20170 (дата обращения 12.01.2023).

предусматривает резервирование мест в парламенте за представителями «списочных племён»¹⁰⁶; и Комиссия по делимитации обладает полномочиями устанавливать границы «зарезервированных» выборных округов. Что касается политической демографии, представители племён полностью используют выделенные квоты представительства в выборных органах. При этом следует отметить, что со времен британского владычества в племенах формировались так называемые «политические элиты». Борьба представителей таких элит за влияние — тренд политической демографии северо-востока.

После победы на парламентских выборах 2014 г. БДП начала проводить активную политику на Северо-Востоке под лозунгом «Идём на восток!» Тогда как в штате Уттар Прадеш, в иных штатах севера Индии, агрессивно продвигалась идея *хиндутвы*, в штатах Северо-Востока БДП использовала более мягкую стратегию, делая упор на перспективы экономического развития и мирного разрешения вооружённых конфликтов, на меры защиты окружающей среды. В ходе предвыборной кампании 2019 г. партией БДП было объявлено, что в случае победы на выборах в таких штатах как Мегхалая, Мизорам, Нагаленд, Аруначал Прадеш, не будет введён запрет на убийство коров и употребление в пищу их мяса. В настоящее время на территории Индии только в штатах Мегхалая, Мизорам, Нагаленд, Аруначал Прадеш, Сиким, Трипура, Манипур и в южном штате Керала не существует законодательство, запрещающее убийство коров¹⁰⁷. Правительство Индии обещало разрешить все территориальные споры и противоречия между штатами Северо-Востока к 2021 г., однако эта задача оказалась более сложной, чем представлялось. Учитывая сложную социально-демографическую ситуацию, БДП придерживается политики мягкой силы. Нам представляется, что победа БДП на выборах в Законодательное собрание Аруначал Прадеша в 2019 г., в Законодательное собрание Ассама в 2021 и Законодательное собрание Манипура в феврале—марте 2022 г. может являться признаком того, что электорат откликается на лозунг «Идём на восток!». Похоже, что значительная часть электората склонна голосовать за партию,

---

¹⁰⁶ Статья 342 Конституции Индии является юридическим основанием для включения племени в соответствующие списки.

¹⁰⁷ Корова почитается как священное животное. Убийство коровы квалифицируется как тяжкое уголовное преступление.

которая находится у власти в центре. В Нагаленде БДП сотрудничает с Национальной прогрессивной демократической партией. В Трипуре действует коалиционное правительство Фронта индигенного народа Трипуры и БДП, в Мегхалае — коалиционное правительство с участием представителей 4 партий, включая БДП. В Сиккиме и Мизораме избиратели отдают голоса исключительно местным партиям: ни БДП, ни ИНК не удалось получить места в Законодательных собраниях этих штатов. В Сиккиме на выборах 2019 г. одержал победу Революционный фронт Сиккима. В Мизораме действует правительство Национального фронта мизо. В 2023 году планируется провести выборы в легислатуры Мегхалая, Трипуры, Нагаленда и Мизорама. В этой связи идёт ожесточенная предвыборная борьба.

Ассам

Штат Ассам занимает площадь 78 438 км². Население составляют 31,2 млн человек¹⁰⁸. 26 марта 1971 г. было провозглашено образование независимого государства Бангладеш. Политика выжженной земли руководства Пакистана, гражданская война, военные действия армий Индии и Пакистана вызвали поток миллионов беженцев, как индусов, так и мусульман, на территорию северо-восточных штатов Индии. Миграционные процессы усилились в связи с ростом и обнищанием населения Бангладеш; в результате изменилась демографическая ситуация в штате Ассам. В период 1951—1971 гг. рост мусульманского населения Ассама составил 77,42%, тогда как рост населения хинду 41,89%¹⁰⁹. Движение студентов Ассама против «иностранцев» развернулось в семидесятые годы XX в. 8 июня 1979 г. Союз студентов Ассама (All Assam Students Union) объявил двенадцатичасовую всеобщую забастовку, требуя немедленной депортации всех нелегальных иммигрантов. Протестные акции и акты насилия, направленные против «иностранцев», продолжались; результатом стало подписание Ассамского соглашения между правительством Индии, правительством

---

¹⁰⁸ Перепись населения 2011 г. <https://www.census2011.co.in/census/state/assam.html> (дата обращения 20.01.2023).

¹⁰⁹ Report of the Committee on Implementation of Clause 6 of the Assam Accord. URL: <https://cjp.org.in/wp-content/uploads/2020/08/Clause-VI.pdf> (дата обращения 25.12.2022).

штата Ассам и лидерами движения против «иностранцев», в частности представителями Союза студентов Ассама и Совета борьбы народа Ассама (All-Assam Gana Sangram Parishad). В соответствии с решением верховного суда Индии, в 2015 г. началась государственная перерегистрация граждан в штате Ассам; причём, в отличие от иных штатов, здесь от каждого лица требовалось подать заполненное заявление наряду с документами, подтверждающими право на гражданство¹¹⁰. Данные, указанные в заявлении, сопоставляли с результатами переписи 1951 г. и со списками голосовавших на выборах, принимая полночь 24 марта 1971 г. как конечный срок. Предварительные результаты были опубликованы 30 июля 2018 г.: 4 070 707 лиц были признаны незаконными иммигрантами¹¹¹. После рассмотрения Верховным судом поданных апелляций был опубликован окончательный вариант государственного реестра граждан Индии, постоянно проживающих в Ассаме, содержащий имена, адреса и фотографии. Из числа подавших заявление 33 027 661 лиц 1 096 657 не были признаны законными гражданами¹¹². Следуя решениям специальных трибуналов, предлагалось депортировать 39 746 человек; удалось передать властям Бангладеш лишь 9253 человека¹¹³. Депортация всех лиц, признанных нелегальными иммигрантами, вряд ли представляется возможной. Не утихают споры по поводу определения понятий «коренной ассамец» и «народ Ассама» в связи со статьей 6 Ассамского соглашения, предусматривающей обеспечение конституционных, законодательных и административных мер и гарантий для защиты и развития культурных, социальных, лингвистических особенностей и культурного наследия коренных жителей Ассама. 10 февраля 2020 г. был опубликован доклад специальной комиссии, сформированной министерством внутренних дел Индии для рассмотрения положения дел с воплощением в жизнь статьи 6 Ассамского договора¹¹⁴. Комиссия исходила из того, что референтной датой для различения так называемых

---

¹¹⁰ RULE 4A & SCHEDULE OF CITIZENSHIP RULES 2003. URL: http://nrcassam.nic.in/rule_2003.html (дата обращения 25.12.2022).

¹¹¹ Supreme Court Observer. URL: <https://www.scobserver.in/court-case/assam-s-national-register-of-citizens> (дата обращения 25.12.2022).

¹¹² Ibid.

¹¹³ Ibid.

¹¹⁴ Report of the Committee on Implementation of Clause 6 of the Assam Accord. URL: <https://cjp.org.in/wp-content/uploads/2020/08/Clause-VI.pdf> (дата обращения 25.12.2022).

«иностранцев» будет 1 января 1966 г.¹¹⁵ Следовательно, лица, прибывшие в Ассам до этой даты, включая тех, чьи имена были внесены в списки избирателей на выборах 1987 г., должны быть легализованы. Лица, прибывшие в Ассам после вышеназванной даты, но до полуночи 24 марта 1971 г., должны быть выявлены, следуя Закону об иностранцах 1946 г. и Указу об иностранцах 1964 г., и далее исключены из списков избирателей. Таким лицам следует пройти регистрацию в регистрационных отделах соответствующего дистрикта, на основании Закона о регистрации иностранцев 1939 г. и Правил регистрации иностранцев 1939 г. Лица, ранее высланные из страны, но вернувшиеся позже, а также лица, прибывшие в Ассам после 25 марта 1971 г., должны быть выявлены и депортированы. Представители Союза студентов Ассама и Совета борьбы народа Ассама выразили готовность способствовать процессу выявления и депортации «иностранцев». Далее свидетельства о гражданстве будут выдаваться только центральным правительством. Комиссия предложила толковать этноним «ассамцы» как совокупность представителей трёх групп населения Ассама: индигенных ассамцев, индигенных племён и иных коренных жители Ассама (Indigenous Assamese, Indigenous Tribals, Other Indigenous People of Assam). В докладе о результатах переписи 1951 г., на основе которого был подготовлен национальный реестр граждан, «иные коренные жители Ассама» определяются как «лица, родом происходящее из Ассама, говорящие на ассамском языке, диалектах племён Ассама, в случае Качара, на языках этого региона»¹¹⁶. Вышеупомянутая комиссия уточнила: «Ассамцы (Assamese People) — это все граждане Индии, которые являются членами общины, обитавшей на территории Ассама до 1 января 1951 г., представители индигенных племён, проживавших на территории Индии до 1 января 1951 г., представители иных индигенных общин, иные граждане Индии, проживавшие на Территории Ассама до 1 января 1951 г., а также потомки всех вышеперечисленных категорий»¹¹⁷. Во исполнение Статьи 6 Ассамского договора, необходимо обеспечить коренным жителям Ассама резервирование мест в парламенте, рабочих мест в органах центрального правительства

---

¹¹⁵ Ibid., p. 40.

¹¹⁶ Report of the Committee on Implementation of Clause 6 of the Assam Accord. URL: <https://ejp.org.in/wp-content/uploads/2020/08/Clause-VI.pdf> (дата обращения 25.12.2022).

¹¹⁷ Ibid. p. 43.

и гражданской службы, рабочих мест в частных компаниях, а также обеспечить защиту их земель от неправомерных захватов¹¹⁸. На выборах 2021 г. в законодательное собрание штата Ассам БДП получила большинство и сформировала правительство. 13 августа 2021 г. под возгласы «Да здравствует мать Индия!», «Слава Раме!» законодательным собранием Ассама был принят закон о защите крупного рогатого скота, регулирующий забой, транспортировку, продажу и употребление в пищу мяса крупного рогатого скота, то есть быков, коров, телушек и телят. Закон запрещает убийство и продажу коров, телушек и телят на территории Ассама, перевозку по территории и вывоз их с территории штата. Нарушение закона карается тюремным заключением сроком до 8 лет, штрафом до 500 000 рупий. В прессе нередко появляются сообщения о случаях линчевания лиц, подозреваемых в перевозке и продаже коров или говядины. Продажа и покупка крупного рогатого скота связана с сельскохозяйственным циклом. На протяжении столетий на местные рынки приходили индусы, мусульмане, представители племён и различных этнических групп. Через Ассам провозилась говядина, экспортируемая в Бангладеш. Запреты могут послужить причиной нарушения традиционных хозяйственных связей. В Ассаме действуют: объединённый фронт освобождения Ассама (United Liberation Front of Asom), образованный в 1979 г. под лозунгом создания отдельного государства, национальный демократический фронт Бодоленда (National Democratic Front of Bodoland), образованный в 1989 году под лозунгом предоставления автономии территории племени бодо, фронт освобождения Кабри Лонгри Гор Северного Качара (Karbi Longri N.C. Hills Liberation Front), образованный в 2004 г. под лозунгом самоопределения племени кабри, организация освобождения Камтапура под лозунгом создания отдельного штата Камтапур. Некоторые этнические группы требуют включения в состав «списочных племён».

Аруначал Прадеш

В 1912—13 гг. Британская администрация заключила ряд соглашений с представителями автохтонного населения региона, результатом

---

¹¹⁸ Report of the Committee on Implementation of Clause 6 of the Assam Accord, p. 44. URL: <https://cjp.org.in/wp-content/uploads/2020/08/Clause-VI.pdf> (дата обращения 25.12.2022).

которых стало образование Северо-восточного пограничного района с северной границей по линии МакМагона. Артур Генри МакМагон (1862—1949) представлял Великобританию на конференции в Симле, на которой обсуждались вопросы установления географических и административных границ. Представители Великобритании, Китая и Тибета поначалу пришли к соглашению о границе между Тибетом и Северо-Восточной Индией. Однако Китай не подписал соглашение. После 1947 Китай заявил претензии на весь район. В октябре 1962 г. Китайские войска перешли линию МакМагона и захватили почти весь пограничный район. В 1972 г. Была образована союзная территория, пятнадцатью годами позже — штат Аруначал Прадеш (что означает «край восходящего солнца»). В штате с населением 1 097 968 человек проживают представители 26 основных племени и более ста мелких племён, говорящих на языках тибето-бирманской группы сино-тибетской языковой семьи¹¹⁹. Более двух третей населения зарегистрированы как представители «списочных племён». Как было упомянуто выше, христиане составляют 30,26% населения, *хинду* — 29,04%. Буддисты составляют 11,77% населения штата, мусульмане — 1,95%, остальные религии — 26,2%¹²⁰. Стратегическое положение Аруначал Прадеша, граничащего с Бутаном, Китаем и Мьянмой, придаёт особое значение территориальным спорам и разногласиям по поводу прав представительства различных групп населения. Положение в штате обострилось в связи с выборами в панчаяты¹²¹. В течение периода 1967—1971 гг. центральное правительство предоставило право служащим из подразделений вышеупомянутых Ассамских стрелков селиться на территории Аруначал Прадеша (а именно в долине, где обитало племя йобин/лису), а также право аренды земли. Такие поселенцы традиционно участвовали в выборах в панчаяты, органы местного самоуправления, однако в связи с последними выборами возникли споры по поводу правомерности участия неиндигенных групп населения в местных выборных органах, а также правомер-

---

¹¹⁹ Официальный сайт правительства штата URL: <https://www.arunachalpradesh.gov.in/people-2/> (дата обращения 25.12.2022).

¹²⁰ Перепись населения 2011 г. URL: <https://www.census2011.co.in/data/religion/state/12-arunachal-pradesh.html> (дата обращения 12.01.2023).

¹²¹ Панчайат — хинди: буквально «пятёрка», традиционный коллективный орган управления (не обязательно состоящий из 5 человек), стоящий во главе деревни, группы деревень, касты.

ности их пребывания на территории штата. 11 декабря 2020 г. Союз студентов йобин (All Yobin Students' Union) организовал ралли¹²². Участники ралли, вооруженные короткими мечами (*дао*), палками и зажигательной смесью, прошли от населённого пункта Гандхиграм до Виджаянагара. Были сожжены административные здания, почта. Автохтонное население недовольно присутствием на территории штата беженцев из Восточного Пакистана (с 1971 г. Бангладеш), которые проникли на территорию Индии во время строительства дамбы на реке Карнапхули в 60-е гг. XX в. Они представляют две этнические группы: чакма, исповедующие буддизм, и хаджонг — индуисты. Учитывая настроения автохтонных племён, правительство штата приняло решение отозвать ранее выданные чакма и хаджонг свидетельства о постоянном проживании (Residential Proof Certificates). Ссылаясь на вышеупомянутый законодательный акт, регулирующий перемещение в пределах пограничной зоны восточной части Бенгалии, главный министр штата Пема Кханду заявил, что этнические группы чакма и хаджонг подлежат переселению с территории *фронта* как нелегальные иммигранты¹²³. Министр юстиции центрального правительства Рирен Риджиджу заявил, что действие Закона о гражданстве в новой редакции не распространяется на северо-восточные штаты, следовательно, беженцы не могут быть уравниены в правах с представителями автохтонных племён¹²⁴. В ответ представители сообществ чакма и хаджонг развернули движение неповиновения. 30 декабря 2022 г. Союз студентов чакма Аруначал Прадеша (the Arunachal Pradesh Chakma Students' Union) и Союз студентов хаджонг Аруначал Прадеша (Arunachal Pradesh Hajong Students' Union) провели демонстрацию, в которой участвовали более 20 000 человек¹²⁵. Представители чакма

---

¹²² The Arunachal Times. URL: <https://arunachaltimes.in/index.php/category/state-news/> (дата обращения 09.01.2021).

¹²³ Northeast Live, satellite news channel. URL: <https://northeastlivetv.com/topnews/arunachal-cm-pema-khandu-breaks-silence-on-chakma-hajong-issue/> (дата обращения 14.01.2023).

¹²⁴ The Economic Times. 26.01.2022 URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/politics-and-nation/under-caa-no-refugee-can-claim-rights-of-indigenous-tribals-of-arunachal-kiren-rijju/articleshow/88740867.cms> (дата обращения 14.01.2023).

¹²⁵ Mehta Yuvraj. Over 20,000 people from Chakma-Hajong communities launch 'non-cooperation movement'. India Today 30.12.2022. URL: <https://www.indiatodayne.in/arunachal-pradesh/story/arunachal-over-20000-people-chakma-hajong-communities-launch-non-cooperation-movement-over-rpc-issue-490914-2022-12-30> (дата обращения 14.01.2023).

и хаджонг провели также акцию протеста в Дели. На встрече с главным редактором новостного канала Сударшан Ньюз (Sudarshan News) Сурешем Чавханке, они заявили, что их преследуют по религиозным мотивам, выкрикивая при этом: «Да здравствует Рама! Да здравствует Мать Индия!»¹²⁶. Между тем, Союз студентов Аруначал Прадеша (All Arunachal Pradesh Students Union / AAPSU) выразил протест в связи с таким токованием событий. Президент союза Дози Тана Тара заявил: «Это проблема противостояния индигенных сообществ и иностранцев, которые незаконно поселились на наших землях»¹²⁷. Он также отметил, что главный министр штата, его заместитель и спикер Законодательного собрания являются буддистами. В штате продолжается кампания по выявлению и выдворению из штата лиц, не имеющих вышеупомянутого пропуска за внутреннюю линию. Одна из экономических проблем штата — интенсивный отток населения из деревень в город, особенно из деревень, расположенных на границе с Китаем (в отсутствие чётких демаркационных линий). Обезлюдели около 600 деревень, расположенных вдоль границы с территорией Тибета, контролируемой Китаем, протяжённостью 1046 км, ввиду трудностей обеспечения коммуникации, дефицита продуктов питания¹²⁸. На территории штата действуют военизированные группировки Национального социалистического совета Нагаленда (НССН-К), объединенного фронта освобождения Ассам (United Liberation Front of Asom), национального демократического фронта Бодоленда (National Democratic Front of Bodoland).

Мегхалая

Мегхалая (что означает «обитель облаков») с населением 2,97 млн человек¹²⁹ занимает площадь 22 720 км². Основную часть населения

---

¹²⁶ Bengia Ajum. Chakma-Hajong play religious card to seek restoration of RPCs, AAPSU strongly reacts. The Arunachal Times, 12.01.2023. URL: <https://arunachaltimes.in/index.php/2023/01/12/chakma-hajong-play-religious-card-to-seek-restoration-of-rpcs-aapsu-strongly-reacts/> (дата обращения 14.01.2023).

¹²⁷ Ibid.

¹²⁸ The Economic Times. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/politics-and-nation/migration-from-border-areas-a-worry-arunachal-mp/articleshow/19727515.cms> (дата обращения 14.01.2023).

¹²⁹ Перепись населения 2011 г. <https://www.censusindia.co.in/states/meghalaya> (дата обращения 22.01.2023).

штата составляют племена кхаси и джайития/пнар, чей язык относится к мон-кхмерской группе¹³⁰, и гаро, говорящие на языке тибето-бирманской группы. При образовании штата Мегхалая (территория которого была выделена из территории Ассама) образовалась граница протяжённостью 888 км, которая с самого начала не устраивала правительство новообразованного штата, выдвинувшего претензии на ряд территорий Ассама. Споры и разногласия по этому поводу до сих пор не нашли урегулирования. В 1983 г. была создана объединённая комиссия по разрешению пограничных споров, было решено пересмотреть границу¹³¹. В 1991 г. были произведены изменения границы протяжённостью 100 км в пользу Мегхалая, однако споры продолжались. 29.01.2022 Ассам и Мегхалая подписали проект соглашения по урегулированию 50-летнего спора сторон¹³². В августе 2022 г. состоялась очередная фаза переговоров, было решено создать 3 региональные комиссии с целью урегулирования разногласий по поводу оставшихся 6 спорных территорий, при этом были выделены 5 основополагающих принципов: исторические факты, этничность, удобство административного управления, чувства людей и их готовность согласиться, соответствие природному рельефу, как то реки, ручьи, горы и т.п.¹³³

Мизорам

Население штата — 1,1 млн человек¹³⁴. Территория — 21 081 км². В 1959 г. район Ассама, населённый племенами мизо/лушай, охватил голод в связи с ростом популяции крыс¹³⁵. В этой связи гуманитарная организация Культурное общество мизо (The Mizo Cultural Society), возникшее в 1955 г., организовало протесты против бездействия

---

¹³⁰ Мон-кхмерские языки — восточная ветвь австро-азиатских языков.

¹³¹ Banerjee T. What's Behind Assam-Meghalaya Border? India Today. 23.11.2022 URL: <https://www.indiatoday.in/india/story/behind-assam-meghalaya-border-dispute-2300870-2022-11-23> (дата обращения 16.01.2023).

¹³² Ibid.

¹³³ Ibid.

¹³⁴ Перепись населения 2011 г. <https://www.censusindia.co.in/states/mizoram> (дата обращения 22.01.2023)

¹³⁵ Дикая бамбук цветет раз в 48 лет. Это привлекает большое количество крыс. Местные жители называют это явление «бамбуковым голодом».

властей. В 1960 г. общество было переименовано и стало называться Национальный фронт голода мизо (Mizo National Famine Front / MNFF). В 1961 г. НФГМ был реорганизован, возникла военизированная организация Национальный фронт мизо (The Mizo National Front / MNF) под руководством Лалденги с требованием предоставления независимости. В 1966 г. НФМ поднял антиправительственное восстание. В течение последующих 20 лет на территории расселения мизо действовали вооружённые группы сепаратистов. В 1986 г. был подписан договор между НФМ и центральным правительством Индии, в соответствии с которым в 1987 г. был образован штат Мизорам. Лалденга стал первым главным министром штата. В 2004 г. в штате была разработана схема борьбы с голодом из-за цветения бамбука (Bamboo Flowering and Famine Combat Scheme / BAFFACOS). Однако правительство штата не предприняло никаких превентивных мер, и в начале 2008 г. крысы снова уничтожили большую часть урожая, начался голод¹³⁶. Протяжённость границы штата с Бангладеш составляет 318 км, а с Мьянмой — 510 км. Серьёзные экономические проблемы штата связаны с потоком беженцев из вышеназванных стран. В ноябре 2022 г. ввиду военных действий сил быстрого реагирования Бангладеш против Национального фронта куки-чин (Kuki-Chin National Front/KNF), требующего выделения автономного района, более 250 беженцев из племени куки-чин перешли границу Мизорама¹³⁷.

Куки-чин имеют родственные связи с жителями Мизорама. Ассоциация молодых мизо (Young Mizo Association / YMA) заявила, что окажет гуманитарную помощь беженцам куки-чин. В штате действует Организация воссоединения ЗО (ZO Reunification Organization / ZORO) ратующая за объединение племён куки-чин и мизо, живущих на территории Индии, Бангладеш и Мьянмы. В феврале 2021 г. после военного переворота в Мьянме 30 000 беженцев прибыли на территорию Мизорама¹³⁸. Существуют территориальные претензии и разногласия с Ассамом, с целью разрешения которых ведутся переговоры.

---

¹³⁶ Mizoram faces famine after plague of rats. Reuters, 17/03/2008. URL: <https://www.reuters.com/article/idINIndia-32532420080317> (дата обращения 22.01.2023).

¹³⁷ Northeast Diary: Why ethnic minority people are fleeing Bangladesh's hilly region. The Times of India? 26.11.022. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/india/northeast-diary-why-ethnic-minority-people-are-fleeing-bangladeshs-hilly-region/articleshow/95777311.cms> (дата обращения 18.01.2023).

¹³⁸ Ibid.

Нагаленд

Племена нага, говорящие на языках тибето-бирманской группы сино-тибетских языков, проживают на территории нескольких штатов северо-востока Индии — в Нагаленде, Манипуре, Ассаме, Аруначал Прадеше — а также в Мьянме. Происхождение этнонима «нага», возможно, связано с прилагательными *nanga* (хинди), *nangta* (бенгали), *nagna* (санскрит) — «обнажённый» (Elwin. 1969, p. 47). Некоторые исследователи относили это название к санскритскому *naga*, интерпретируя его как «змей» [Elwin. 1969, p. 47]. Площадь штата Нагаленд составляет 16 579 км², население 1 980 602 человека¹³⁹. В столице штата Нагаленд Кохиме, на холме у здания Секретариата, лежит могильная плита, на которой начертано: «А.З. Физо. Отец нации. Здесь почил человек, который отдал всего себя своему народу». Ангами Запу Физо с группой сторонников из созданной в 1947 г. партии Национальный совет нага (НСН) объявил об образовании независимого Нагаленда 14 августа 1947 г., за день до объявления независимости Индии, надеясь, что ему удастся убедить власти независимой Индии в законности этого шага. Зинию М., биограф Ангами Запу Физо, утверждает, что Физо получил благословение Махатмы Ганди на создание независимого Нагаленда на землях, где проживают племена, известные под общим названием нага [Zinyu. 2014, p. 8]. Поскольку встреча Физо с Махатмой проходила без свидетелей, не представляется возможным выяснить, какие слова на самом деле были произнесены. Идея создания государства нага принадлежит Реджинальду Коупланду (1884—1952), профессору колониальной истории Оксфордского университета, который в 1942 г. участвовал в работе комиссии С. Криппса¹⁴⁰. В 1951 г. А.З. Физо провёл плебисцит и заявил, что 99% нага желают образования независимого государства Нагаленд. Поскольку правительство Индии не могло согласиться с требованием предоставления независимости Нагаленду, Физо возглавил вооружённое сопротивление центральному правительству и в 1954 объявил о создании «свободного правительства Нагаленда».

¹³⁹ Перепись населения 2011 г. <https://www.census2011.co.in/census/state/districtlist/nagaland.html> (дата обращения 2.01.2023).

¹⁴⁰ Задачей миссии С. Криппса было достижение договорённости с лидерами национально-освободительного движения о лояльности в период войны, в обмен на обещание предоставления самоуправления Индии.

Живя в Лондоне, вплоть до своей смерти в 1990 г., он посылал письма в адрес руководителей Республики Индия, ООН, других международных организаций, пытаясь доказать правомерность и законность существования независимого Нагаленда. В Лондоне было сформировано так называемое Федеральное правительство Нагаленда, в Горах Нага действовали подразделения вооружённых сепаратистов («федеральная армия нага»). Во второй половине 50-х гг. прошлого века сторонники мирного разрешения конфликта, при содействии баптистской церкви, образовали Конвенцию народа нага. В 1957 г. премьер-министр Индии Дж. Неру принял делегацию Конвенции, и было решено выделить из территории Ассама административный район Горы Нага и Туенсанг. В 1960 г. состоялась очередная встреча Дж. Неру с представителями Конвенции, было достигнуто принципиальное соглашение о возможности образования отдельного штата. В 1963 г. было официально объявлено об образовании штата Нагаленд, НСН выступил против статуса штата, продолжая настаивать на полной независимости. По инициативе мирной миссии баптистской церкви, начались переговоры между представителями правительства Индии и «федеральной армии нага». Первое соглашение о прекращении огня было подписано в 1964 г. Переговоры продолжались в течение последующего десятилетия. В 1975 г. в Шиллонге был подписан мирный договор между НСН и центральным правительством. После этого политические партии и группы нага раскололись на тех, кто был за или против этого договора. Противники договора продолжали вооружённую борьбу. В 1980 г. была создана партия Национальный социалистический совет Нагаленда (НССН) под руководством Т. Муйва и С.С. Кхапланга. В 1988 г. НССН раскололся на НССН (АйМ) под руководством Т. Муйва. и НССН (К) под руководством С.С. Кхапланга. Группа сема нага образовала НССН-Единство. Адино Физо, дочь А.З. Физо, возглавившая НСН после смерти отца, по сей день продолжает настаивать на полной независимости Нагаленда. 4 августа 2015 г. было подписано соглашение о мире между НССН-АйМ и центральным правительством, однако по-прежнему на повестке дня стоит требование создания Великого Нагалима, включающего часть территории Манипура, 5 округов Ассама, 2 округа Аруначал Прадеша, со своим государственным флагом и своей конституцией. С началом XXI в. стало набирать силу движение племён восточной части штата за отделение восточных округов Нагаленда (Туенсанг, Мон, Лонгленг,

Кифире) и образование нового штата под названием Пограничный Нагаленд (Frontier Nagaland). Организация народов Восточного Нагаленда (The Eastern Nagaland Peoples' Organization) объединяет представителей племён коньяк, чанг, сангтам, кхиямниунган, йимчунгр, фом. Племена, известные под общим названием зелиангронг (земи, лиангмеи и ронгмеи), живущие в Манипуре, Нагаленде и дистрикте Горы Северный Качар штата Ассам, также выступают за создание отдельной административной единицы. Таким образом, трайбализм является важным трендом политической жизни штата. В 2023 г. состоятся выборы в законодательное собрание Нагаленда, где у власти стоит Северо-восточный демократический альянс, включающий БДП и местную Национально-демократическую прогрессивную партия (НДПП). В результате переговоров между представителями двух основных претендентов на места в легислатуре было решено, что НДПП будет претендовать на 40 мест, а БДП на двадцать мест в Законодательном собрании¹⁴¹.

Манипур

Манипур (что означает «край драгоценных камней») занимает площадь 22 327 км². Согласно переписи 2011 г., население штата составляет 2 855 794 человека¹⁴². Язык *манипури* относится к тибето-бирманской группе сино-тибетских языков. Территорию Манипура можно разделить на два физиографических региона: долину реки Манипур и окружающие её горы с узкими долинами. Основной этнос Манипура — мейтеи/миитеи — составляет большинство населения долины, в горных районах обитают племена, наиболее многочисленные — группы нага и куки. В племенных сообществах преобладают традиционные представления о демократии, самоуправлении, автономии. Противоречия и споры между жителями долины и горных районов существовали с незапамятных времён. Важную роль не только в истории Манипура, но и в истории всей Северо-Восточной

---

¹⁴¹ NDPP-BLP seat sharing sealed at: 40 Nagaland Post, 20.01.2023. URL: <https://nagalandpost.com/index.php/ndpp-bjp-seat-sharing-sealed-at-4020> (дата обращения 21.01.2023).

¹⁴² Перепись населения 2011 г. URL: <https://www.census2011.co.in/census/state/nagaland.html> (дата обращения 21.01.2023).

Индии играет движение, начатое человеком по имени Хайпу Джадонанг (1905—1931). Он объявил себя мессией и главой независимого «королевства нага», а его юная кузина Гайдилу (1915—1993) стала жрицей нового культа, воплощением богини. Джадонанг был обвинён в убийстве торговцев манипури, приговорён британской администрацией к высшей мере наказания и повешен в 1931 г. Этот культ сегодня (с 1974 г.) известен как *религия херака*, смесь монотеизма и анимизма, исповедуемая племенами нага под общим названием зелиангронг (земи, лиангмеи и ронгмеи). Верховным божеством считается Тингкао Рангванг. Гайдилу почитается в современной Индии как Нага Рани (коннотация — хорошо известная в Индии героиня восстания 1857 г. рани Лакшми Бай)¹⁴³. Она удостоена ряда государственных, наград, включая *Падма Бхушан*, третьей по важности из государственных наград Индии. Премьер-министр Индии Нарендра Моди упомянул Джадонанга в своей речи по случаю дня независимости 15.08.2022¹⁴⁴. 30 августа 2022 г. в Манипуре отмечали 91-ю годовщину со дня гибели Джадланга. Цветы к статуе героя в Парке Джадонанга в Импхале возложили члены законодательного собрания и просто его почитатели¹⁴⁵. За последние десятилетия произошли изменения в демографической ситуации. В 1961 г. *хинду*¹⁴⁶ составляли около 62% населения Манипура, христиане — около 19%¹⁴⁷. В соответствии с переписью населения 2011 г., *хинду* составляют 41,39% населения Манипура, христиане — 41,29%, мусульмане — 8,4%. *Хинду* составляют большинство в 4 округах, христиане — в 5. Статистические данные включают в число *хинду* и почитателей традиционных верований. Таким образом, количество христиан в штате увеличилось на 60%, что не может не вызывать опасения приверженцев и идеологов *хиндутвы*. Наряду с перспективами экономического развития, всё большее внимание уделяется вопросам экологии, защиты природных

---

¹⁴³ В 1937 г. Дж. Неру посетил тюрьму в Шилонге и видел там Гайдилу. Выступая на митинге в Силчаре, он назвал её Нага Рани. Рани — царица, жена раджи, правителя княжества.

¹⁴⁴ The Times of India 30.08.2022 <https://timesofindia.indiatimes.com/city/imphal/manipur-remember-tribal-freedom-fighter-haipou-jadonang-on-9th-death-anniversary/articleshow/93865963.cms> (дата обращения 28.08.2022).

¹⁴⁵ Ibid.

¹⁴⁶ *Хинду* — индус, лицо, исповедующее индуизм.

¹⁴⁷ The Hindustan Times. <https://www.hindustantimes.com/india-news/christian-population-on-the-rise-in-arunachal-pradesh-manipur/story-8Go2uTu2BLFJ547MPwohM.html> (дата обращения 28.08.2022).

богатств. Но и эти вопросы по-разному интерпретируются представителями различных групп населения. В 2006 г. был принят Закон о защите озера Локтак, одной из достопримечательностей Манипура. В июле 2022 г. Комиссия по развитию озера Локтак при правительстве Манипура выпустила указ о ликвидации домиков, расположенных на плавающей биомассе в 15-дневный срок, поскольку они отрицательно влияют на экосистему. Последовали протесты со стороны местных рыбаков, многие из которых — безработные молодые люди с высшим образованием¹⁴⁸. В борьбе за защиту национальной идентичности возникают различные общественные движения и ассоциации. Так, 7 сентября 2022 г. в Манипуре праздновали девятую годовщину образования Ассоциации индигенных жителей Канглейпака (Indigenous People's Association of Kangleipak / ИПАК)¹⁴⁹. Ассоциация начала кампанию под названием «Берегите Исконное Население», направленную на культуру простого труда, разъяснение того, что любой труд почётен и не следует отдавать рабочие места людям пришлым, прибывшим в Манипур на заработки¹⁵⁰. Для иллюстрации данного тезиса организовано было чествование семи женщин, которые работают водителями электро-рикш¹⁵¹. В штате развивается движение неотрадиционалистов за возрождение исконной религии мейтеи (*Санамахи Лайнинэ*) в противовес *Гаудия вишнуизму*¹⁵². На выборах в законодательное собрание штата в 2022 г. БДП получила 32 места из 60 и сформировала правительство штата.

Сикким

Сикким граничит на севере и северо-востоке с Тибетским автономным округом Китая, на востоке с Бутаном, на западе с Непалом.

---

¹⁴⁸ The Times of India, 19.07.2022. <https://timesofindia.indiatimes.com/city/imphal/manipur-orders-removal-of-floating-huts-on-loktak/articleshow/92968898.cms> (дата обращения 01.09.2022).

¹⁴⁹ <https://www.ifp.co.in/manipur/ipak-to-launch-save-indigenous-people-campaign-soon> (дата обращения 08.09.2022).

¹⁵⁰ Ibid.

¹⁵¹ Электро-рикша — трёхколёсное транспортное средство с электрическим мотором и батареей мощностью от 650 до 1400 ватт.

¹⁵² Гаудия вишнуизм — религиозно-философская традиция, основоположником которой был Чайтанья Махапрабху (1486—1534). Гауда/Гаудадаша — область на территории Бенгалии и Бангладеш.

лом. На его территории расположена Канченджунга — самая высокая в Индии и третья в мире вершина. Население штата составляют 3 основные этнические группы: индигенные лепча и бхутия, а также непальцы. Княжество Сикким стало протекторатом Великобритании в 1861 г. Британцы инициировали миграцию рабочей силы из Непала, в результате чего изменилась демографическая ситуация: непальцы составляют большинство населения штата. В 1950 г. княжество стало протекторатом Индии, а в 1975 г. её штатом. Сикким — самый малонаселённый штат Индии (610 577 человек¹⁵³), при этом, с самым низким коэффициентом рождаемости (1,1), в сравнении со средним показателем по стране (2)¹⁵⁴. В этой связи правительство Сиккима предлагает льготы семьям с тремя детьми: годовой послеродовой отпуск для матери и отпуск сроком один месяц для отца, финансовую помощь¹⁵⁵. В 2003 г. правительство штата объявило о намерении превратить его сельскохозяйственную систему в биологическую систему земледелия. Сикким попал в Лондонскую книгу мировых рекордов как первый в мире штат со стопроцентной органической системой сельскохозяйственного производства, с применением только органических удобрений¹⁵⁶. Штат Сикким получил премию Оскара за внедрение биосистемы ведения сельского хозяйства от Организации ООН по вопросам продовольствия и сельского хозяйства¹⁵⁷.

В результате выборов в Законодательное собрание штата 2019 г. Революционный фронт Сиккима (Sikkim Krantikari Morcha) получил 17 мест из 32, Демократический фронт Сиккима (Sikkim Democratic Front) 15 мест, ни БДП, ни Индийский национальный конгресс (ИНК) не получили ни одного места¹⁵⁸. Следующие выборы в Законодательное собрание запланированы на 2024 г.

---

¹⁵³ Перепись населения 2011 г. URL: <https://www.census2011.co.in/census/state/nagaland.html> (дата обращения 21.01.2023).

¹⁵⁴ As India debates demographics, Sikkim wants more babies. Deccan Herald, 19.01.2023. URL: <https://www.deccanherald.com/national/east-and-northeast/as-india-debates-demographics-sikkim-wants-more-babies-1182583.html>.

¹⁵⁵ Ibid.

¹⁵⁶ Pooja Yadav, Explained: How Sikkim Became World's First Organic State India Times 16.06.2022. URL: <https://www.indiatimes.com/explainers/news/how-sikkim-became-worlds-first-organic-state-572280.html> (дата обращения 25.01.2023).

¹⁵⁷ Ibid.

¹⁵⁸ <https://www.indiavotes.com/vidhan-sabha/2019/sikkim/274/46> (дата обращения 25.01.2023).

Трипура

Трипура занимает площадь 10 491,69 км². Граница с Бангладеш огибает территорию штата на севере, юге и западе. В соответствии с переписью 2011 г., население Трипуры составляет 3 673 917 человек¹⁵⁹. Языки, на которых говорит население, — бенгали и кокборок (относящийся к тибето-бирманской группе). 31,3% населения штата принадлежит к «списочным» племенам¹⁶⁰. Общее число представителей различных племён составляет 1 166 813 человек¹⁶¹. Самое большое племенное сообщество — трипури, 43 843 человека¹⁶². В доколониальный и колониальный периоды княжество Трипура было экономически связано с восточными районами Бенгалии, которые после раздела Британской Индии отошли к Пакистану. В отличие от других северо-восточных штатов, здесь не было «внутренней линии», или иных ограничений, которые затрудняли бы контакты или миграцию. Однако действовали указы махараджи о резервировании земель автохтонных племён (1887 и 1943 гг.) После присоединения Трипуры к Индийскому Союзу состав населения стал быстро меняться ввиду миграции бенгальцев, которые занимали земли автохтонных племён, у представителей которых зачастую не было правоустанавливающих документов на землю. Автохтонное население превратилось в меньшинство. В руки трипурских бенгальцев легально перешла большая часть земельного фонда [Празаускас А.А. 1981, с. 179]. В 1974 г. правительство штата приняло поправку к закону о земельном налоге и аграрной реформе, признав законными все земельные сделки, совершённые до 1969 г. [Празаускас А.А. 1981, с. 179]. Было также принято решение об отмене резервирования племенных территорий. Это вызвало возмущение автохтонного населения, началось движение за отмену вышеназванных решений. Возникли такие организации как Ассоциация молодёжи племён Трипуры (Tripura Urajati Juba Samiti), Федерация Демократической Молодёжи (Gantantrik Juba

---

¹⁵⁹ Перепись населения 2011 г. URL: <https://www.census2011.co.in/census/state/nagaland.html> (дата обращения 21.01.2023).

¹⁶⁰ Ibid.

¹⁶¹ Tribal Research and Cultural Institute, Tribal Welfare Department, Government of Tripura. URL: https://trci.tripura.gov.in/tribal_population (дата обращения 21.01.2023).

¹⁶² Ibid.

Federation), Комитет рабочих племён (Urajati Karmachari Samiti). Эти организации создали объединённый Совет для борьбы за свои права, выдвинув требования возврата отторгнутых земель, восстановления резервирования земель индигенного населения, и, наконец, создания автономного округа. В первой половине 80-х гг. прошлого века в Трипуре действовали вооружённые отряды как представителей различных племенных сообществ, так и бенгальских националистов. В 1984 г. племенным районам была предоставлена автономия в рамках VI Приложения к Конституции Индии, и в 1985 г. прошли выборы в Совет автономного дистрикта. Земельный вопрос так и не нашёл решения. В 1989 году был образован национальный фронт освобождения Трипуры (National Liberation Front of Tripura). В 1990 г. была создана армия тигров Трипуры (All Tripura Tiger Force). Эти организации требуют немедленной депортации всех мигрантов в другие штаты Индии или в Бангладеш. Фронт индигенного населения (Indigenous People's Front of Tripura) требует выделения в отдельный штат районов, населённых племенам. Начало XXI в. ознаменовалось новыми протестами, которые усилились после принятия вышеупомянутой поправки в закон о гражданстве 2019 г. В 2019 г. возник Прогрессивный региональный альянс коренных племён (Tipraha Indigenous Progressive Regional Alliance / TIPRA Motha) под руководством потомка княжеской династии с требованием образования нового штата Большая Трипура (Greater Tipraland) на территории расселения племён. На выборах в Совет автономного дистрикта в апреле 2022 г. альянс получил 18 мест из 28¹⁶³. В 2023 г. состоятся выборы в Законодательное собрание Трипуры. В ходе предвыборной борьбы Прадьют Бикрам, Маникия Деббарма, глава вышеупомянутой партии, потомок раджей Трипуры, заявил, что готов сотрудничать с любой партией, которая поддерживает создание Большой Трипуры¹⁶⁴. Он также заявил, что желает продолжить традицию мирного сосуществования

---

¹⁶³ National parties wooing TIPRA Motha, the trump card in the game of Tripura politics/ The Economic Times, 22.01.2023. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/elections/assembly-elections/tripura/national-parties-wooing-tipra-motha-the-trump-card-in-the-game-of-tripura-politics/articleshow/97225243.cms> (дата обращения 24.01.2023).

¹⁶⁴ TIPRA Motha makes poll alliance conditional on Greater Tipraland. The Hindu, 12.01.2023. URL: <https://www.thehindu.com/news/national/other-states/will-ally-with-anyone-who-supports-our-demand-for-greater-tipraland-pradyut-manikya-debbarma/article66369941.ece> (дата обращения 21.01.2023).

представителей коренных племён и бенгальцев, существовавшую в княжестве Трипура, где правили его предки¹⁶⁵. Таким образом, процессы, происходившие и происходящие в северо-восточном регионе Индии, обусловлены его геополитическим расположением, с нечёткими границами, с естественными пограничными рубежами в виде рек и гор, неоднородностью групп и территорий, неравной численностью групп населения, конфликтным взаимодействием групп. Здесь существуют не просто административные границы, но разделение «свой — чужой». Территории расселения этнических групп и племён зачастую не совпадают с административным делением, что вызывает противоречия и серьёзные конфликты на уровне штата, племени, деревни. Автохтонное население, придерживающееся традиционных верований (с чертами анимизма, тотемизма) и причисляющее себя к различным деноминациям мировых религий, стремится найти свою правду и свою справедливость в рамках обычного права, действующего на племенных территориях. Создаются новые устойчивые мифы (например, реконструкция исторической памяти о Гайдилу или Рани Маа). В контексте политической демографии северо-востока Индии, необходимо выделить вопросы этничности и территориальности. Проблемы, порождённые неконтролируемым потоком мигрантов, являются ключевыми в контексте политической демографии северо-востока Индии. Культурная неоднородность, полиэтничность, принадлежность к различным конфессиям создают предпосылки для сепаратистских движений, запускают вышеупомянутые «процессы забвения, умолчания, вытеснения из активной культурной памяти». Рост населения горных племенных районов, значительное количество безработных молодых людей, нежелающих оставаться в деревнях и разделять нелёгкий труд земледельцев при подсечно-огневой системе использования земли, обеспечивают базу для вербовки молодёжи в военизированные группы под лозунгами борьбы за самоопределение и изменение границ штатов, образование новых штатов или отдельных государств. Различные движения за самоопределение на северо-востоке Индии — это результат социальной, культурной, де-

---

¹⁶⁵ National parties wooing TIPRA Motha, the trump card in the game of Tripura politics/ The Economic Times, 22.01.2023. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/elections/assembly-elections/tripura/national-parties-wooing-tipra-motha-the-trump-card-in-the-game-of-tripura-politics/articleshow/97225243.cms> (дата обращения 24.01.2023).

мографической и экономической маргинализации племён. Со времён британского владычества в племенах формировались так называемые «политические элиты». Борьба представителей таких элит за влияние — тренд политической демографии северо-востока. Проблемы, порождённые неконтролируемым потоком мигрантов, являются ключевыми в контексте политической демографии Северо-Востока Индии. Характерные черты *фронтира* не теряют актуальность в XXI в.

Библиографический список

Панарина Д.С. (2015) Граница и фронтир как фактор развития региона и \ или страны. *История и современность*. Вып. № (21).

Празаускас А.А. (1981) *Северо-Восточная Индия*. М.: Наука.

Ульрих П., Троицкий С. (2019) Сложность «границ»: постановка проблемы, терминология и классификация. *Журнал фронтальных исследований* <https://cyberleninka.ru/article/n/slozhnost-granits-postanovka-problemy-terminologiya-i-klassifikatsiya/viewer>.

References

Elwin, V. (1969). *The Nagas in the Nineteenth Century*. Oxford: Oxford University Press, 1969.

Hall, T.D. (2009). Puzzles in the Comparative Studies of Frontiers: Problems, Some Solutions and Methodological Implications. *Journal of World-Systems Research*. Vol. 15, Issue 1, 2009 <https://jwsr.pitt.edu/ojs/jwsr/issue/view/44>.

Panarina, D.S. (2015). Granitsa i frontier kak factor razvitiya regiona i/li strany [The Frontier Border as a Factor of Development of a Region and/or a Country]. *Istoriya i Sovremennost*, vypusk 21. (In Russian).

Prazauskas, A. (1981). *Severo-Vostochnaya India* [North East India] Moscow: Nauka. (In Russian).

Turner, F.J. (2007). *The Frontier in American History*. <https://www.gutenberg.org/files/22994/22994-h/22994-h.htm>.

Ulrich, P. Troitsky S. (2019). Slozhnost' «granits»: postanovka problemy, terminologiya i klassifikatsiya [The Complexity of «Borders: Articulation of the Problem, Terminology and Classification]. *Jurnal Frontirnyh Issledovaniy*. (In Russian). <https://cyberleninka.ru/article/n/slozhnost-granits-postanovka-problemy-terminologiya-i-klassifikatsiya/viewer>.

Zinyu, M. (2014). *Phizo and the Naga Problem*. Kohima: N.V. Press.

Ислам в дискурсивных практиках политических партий Исламской Республики Пакистан

***Аннотация.** В данной статье проводится анализ риторики четырёх политических партий в Пакистане (Пакистан Техрик-е-Инсаф, Джамиат Улема-е-Ислам (Фазл), Пакистанская мусульманская лига (фракция Наваза) и Пакистанская народная партия) на предмет наличия в ней апелляции к исламу и исламским ценностям в период от всеобщих выборов в ИРП в 2018 г. до апреля 2022 г. включительно. Ислам выступает как неотделимая часть общественной повестки и политической борьбы в Пакистане, которая, несмотря на то, что может видоизменяться под воздействием тех или иных процессов, все-таки остается важным аспектом в политической культуре государства. Иными словами, ислам является важной и нераздельной составляющей политики в Пакистане, который можно также охарактеризовать как образующий и взаимодополняющий компонент общественно-политического дискурса. В ходе данного исследования была предпринята попытка проследить и понять, как в рамках определённого дискурса (ислам и мусульманская идентичность) политическими лидерами Пакистана применяются различные коммуникационные действия и речевые акты, анализ которых помогает прийти к определённым выводам. Изучение данного аспекта помогает отразить, насколько дискурсивные практики ведущих политических сил в стране включают в себя использование ислама в качестве инструмента политического влияния, а также выявить, насколько ощутимо воздействует данная риторика на общественно-политический дискурс и наоборот, насколько сильно партии зависят от него. В ходе анализа речей, выступлений, заявлений и иного рода вербальной и письменной активности, как в реальном, так и виртуальном пространстве представителей политических партий в Пакистане подтверждается тезис, что ислам в той или иной степени фигурирует в дискурсе каждой из анализируемых партий. Где-то он играет роль основной идеологии, а где-то попросту используется как инструмент политического влияния и пропаганды.*

***Ключевые слова:** Пакистан, политические партии Пакистана, ислам в Пакистане, ислам, дискурс*

Syed Sofia Nasimovna

4th year student, SPbSU,
sofi1799@icloud.com

Islam in the discursive practices of political parties of the Islamic Republic of Pakistan

Abstract. *This article analyzes the rhetoric of four political parties in Pakistan (Pakistan Tehreek-e-Insaf, Jamiat Ulema-e-Islam (Fazl), Pakistan Muslim League (Nawaz faction) and Pakistan People's Party) for the presence of an appeal to Islam and Islamic values in it from the general elections in the Pakistan in 2018 until April 2022. Islam acts as an inseparable part of the public agenda and political struggle in Pakistan, which, may change under the influence of certain processes, still remains an important aspect in the political culture of the state. In other words, Islam is an important and inseparable component of politics in Pakistan, which can also be described as a forming and complementary element of socio-political discourse. In the course of this study, an attempt was made to trace and understand how, within the framework of a certain discourse (Islam and Muslim identity), various communication actions and speech acts are used by political leaders of Pakistan, the analysis of which helps to come to certain conclusions. The study of this aspect helps to reflect how the discursive practices of the leading political forces in the country include the use of Islam as an instrument of political influence, as well as to reveal how significantly this rhetoric affects the socio-political discourse and vice versa, i.e. to what extent the parties depend on it. During the analysis of speeches, quotations, statements and other kinds of verbal and written activity, both in the real and virtual space of representatives of political parties in Pakistan, the thesis is confirmed that Islam is visible in the discourse in each of the analyzed parties. Somewhere it plays the role of the main ideology, and somewhere it is simply used as an instrument of political influence and propaganda.*

Keywords: *Pakistan, political parties in Pakistan, Islam in Pakistan, Islam, discourse*

Введение

Исламская Республика Пакистан, несмотря на свою относительно небольшую историю, отличается большим разнообразием социально-политических процессов, которые сформировали её нынешнюю внутри-

политическую обстановку. Ислам играл, пожалуй, центральную роль на протяжении всей истории государства. Сначала как инструмент консолидации и сплочения этнически и культурно разрозненных народов Британской Индии, а после получения государством независимости, в ходе динамично развивающихся тенденций к исламизации, ислам прочно укрепился в качестве неотъемлемого элемента общественного сознания и политической культуры. Ислам в Пакистане изначально не имел статус государственной религии — государство задумывалось как светское с секулярной, демократической формой правления [Плешов О.В. 2003, с. 44]. Процесс конструирования национальной идентичности на момент формирования Пакистана в 1947 г. представлялся необходимым, поскольку была потребность объединить местами культурно и этнически разрозненные народы под одним флагом. В дальнейшем, когда ислам был принят в качестве государственной религии, установившаяся «пакистанская идентичность» (которая после насаждающейся сверху исламизации начинает отождествляться с исламом) сама начинает модифицировать и видоизменять структуру пакистанского общества посредством различных дискурсивных инструментов, нашедшие, в свою очередь, отражение в политической культуре государства.

Ведущая роль в движении за создание Пакистана принадлежала Мухаммеду Али Джинне, отцу-основателю страны и лидеру партии Мусульманская лига. Теория «двух наций», вдохновленная идеями философа и поэта Мухаммада Икбала, разработанная Джинной, подразумевала раздел полуострова Индостан по территориально-религиозному признаку — районы, где мусульмане составляли численное превосходство, должны были объединиться в независимое государство. В целом, можно сказать, что Пакистан был республиканским проектом мусульман-модернистов, на чью поддержку как раз опирался Джинна, и через создание отдельного государства, попытался имплементировать и объединить универсальные ценности демократии с исламом [Rais R. 2017, p. 1]. Придерживаясь либерального подхода к интерпретации ислама, он неоднократно подчёркивал, что ключевым для будущих пакистанцев должен оставаться факт принадлежности не к одной религии, а к единой нации; но, несмотря на это, чтобы обосновать для широких масс мусульман, которые при том оставались разделены этнически и культурно, он умело использовал ислам для достижения политического влияния. Можно сказать, что Пакистан создавался на апелляции идеологов к исламу, но не законам

шариата, а приверженности общим принципам, которые легко можно было инкорпорировать в идеи демократии, солидарности и просвещения. Конструировалась новая «мусульманская нация», основной посыл которой состоял в том, чтобы противопоставить мусульман субконтинента представителям других религий, в частности индусам. Результатом конструирования данной идентичности стал новый, хоть и отличающийся от предыдущих дискурс, но все-таки формирующий с ними в некотором синтезе, который позже задаст важный вектор для политического развития страны.

Ряд проблем социального, политического и экономического характера, последовавших после создания Пакистана, а также смерть Мухаммеда Али Джинны спустя год после обретения независимости, повлекли за собой ослабевание позиций либерально-демократической основы, на которой изначально формировалось государство. Если поначалу ислам играл весьма формальную роль консолидирующего и объединяющего фактора, то уже после создания независимого государства, данная функция стала расширяться и дополняться под натиском исламских фундаменталистов. Руководство мусульманских организаций, в частности партии Джамаат-е-Ислами, почувствовав более широкую свободу действий, начало активно бороться за перспективы установления своего видения исламского порядка в стране [Котин И.Ю. 2019, с. 152]. Идеологическим фундаментом для воплощения данных целей стала так называемая «идеология Пакистана», которая де-факто представляла собой переключенную под задачи фундаменталистов теорию «двух наций». Ислам должен был выступать в качестве государственной религии, а армия — гарантом целостности и процветания страны [Плешов О.В. 2003, с. 55]. В дальнейшем данные концепции воплотятся в жизнь при военной диктатуре генерала Зия-ул-Хака в период с 1977—1988 гг., который запустит процесс исламизации в стране, затронувший почти все сферы политической и общественной жизни. Формировался новый дискурс: сама история движения за создание и независимость Пакистана теперь преподносилась как борьба за создание именно исламского государства, что нашло отражение не только в риторике политических деятелей страны, но и в литературе, учебниках, газетах и сознании людей. Таким образом, в современном Пакистане незыблемыми остались как сильная роль ислама в политической и социальной жизни страны, так и роль армии в качестве постоянно действующего и сильнейшего фактора политики государства [Rizvi H. 2000, p.2].

Исламский дискурс партии Техрик-е-Инсаф (Движение за справедливость)

С момента победы партии Пакистан Техрик-е-Инсаф (букв. «Движение за справедливость», ПТИ) на всеобщих выборах 2018 г., её основатель и лидер Имран Хан, занявший пост премьер-министра страны, умело использовал апелляцию к исламу в своей риторике, которую можно условно разделить на несколько векторов.

Во-первых, это базирование своей политической программы на построение «*Naaya Pakistan*» («Нового Пакистана») и имплементации в нем так называемой «Риясаг-е-Мадина» — государства всеобщего благосостояния, подобное тому, которое было при Пророке Мухаммаде в VII в. (в представлениях этой партии), «основанное на верховенстве закона, меритократии, сострадании и терпимости; и где стремление к знаниям было священной обязанностью»¹⁶⁶. Во-вторых, в данном контексте важную роль играет также имидж самого премьер-министра; с момента своего вступления в должность Имран Хан позиционировал себя как правоверный мусульманин, истинный поборник «просвещённого» ислама и главный защитник мусульман от исламофобии на международной арене.

В своей риторике ПТИ по сей день активно критикует любые крайние проявления ислама, акцентируя на том, что сами выступают с нерадикальных, гибких и умеренных позиций. В 2020 г. министр науки и технологий Фаваз Чаудри подверг резкой критике принятие законопроекта «Тахаффуз-е-Буньяд-е-ислам»¹⁶⁷ («Защита основ ислама»), предупредив, что такие тенденции ведут к разжиганию экстремизма.

Хан, также как и ДУИ-Ф, использовал ислам в качестве инструмента своей политики, однако, попытался интегрировать его в более либеральном ключе. Он нередко выступал с осуждением деления ислама на «радикальный» и «умеренный», но, несмотря на это, резко осуждал любые насильственные действия, совершённые во имя ислама, применяя к ним термин «экстремизм». Он также заявлял в своих выступлениях, что терроризм не имеет религии, но маргинализация любой общины

---

¹⁶⁶ Khan I. [Электронный ресурс] / Публикация в Twitter. URL: <https://twitter.com/ImranKhanPTI/status/1374326903037956096>.

¹⁶⁷ Законопроект предусматривал наказание за «осквернение» любого пророка, любой из четырёх божественных книг, семьи и сподвижников Пророка Мухаммеда, а также подстрекательство или прославление террористов и пропаганду сектантства; наказуемо тюремным заключением на срок до пяти лет и штраф до 500 000 рупий.

(как это случилось с мусульманами в Европе) ведёт к радикализации, а маргинализация происходит именно из-за исламофобии.

Таким образом, можно сказать, что ислам занимает одну из доминирующих позиций в риторике партии Техрик-е-Инсаф с 2018—2022 гг. С одной стороны, такая риторика явно носит популистский, местами пропагандистский характер, но для достижения весьма краткосрочных целей. Концепция построения государства на основах «Риясат-е-Мадина» нужна была ПТИ как фундамент для своей политической программы — той, которая будет наиболее близка и понятна большей части пакистанского населения. Основной задачей для ПТИ не являлось претворение своего видения в реальность; как и у всех политических сил, конечная цель состояла изначально в победе на выборах, а затем уже и удержания власти на фоне нестабильной внутривнутриполитической обстановки. Определённые религиозные лозунги, наподобие тех, которые выдвигались Имраном Ханом, привлекают народное воображение в Пакистане — стране с глубоким неравенством, низким уровнем образования и массой социально-экономических проблем. С другой стороны, дискурс в Пакистане, сложившийся в результате исторического и политического развития страны, в котором превалирует ислам и мусульманские ценности, диктует определённые условия всем участникам политического процесса. Использование ислама партией в своей политической повестке, создаёт взаимопонимание и понятный, конструктивный диалог с большей частью населения, пусть и в краткосрочной перспективе; судя по проведённому анализу, именно из этих убеждений исходили лидеры ПТИ, когда выстраивали свою риторику в попытке «вклиниться» в общую повестку.

Ислам как доминанта партийного дискурса: партия Джамият Улема-е-Ислам (Ф)

Джамиат Улема-е-Ислам (Фазл) («Собрание исламских улемов») является суннитской политической партией, берущей свои истоки из учения Деобанди; изначально образованная как Джамият Улема-е-Ислам в 1945 г., она в последующем стала важным игроком на внутривнутриполитической арене страны в результате фракционного раскола в 1988 г. под лидерством Фазл ур-Рахмана¹⁶⁸.

¹⁶⁸ Taaruf [Электронный ресурс] / Jamiat Ulema-e-Islam Pakistan. URL: <https://juipak.org.pk/افراعت/>.

Стоит отметить, что партия нередко использовала ислам, помимо своей обычной «проповеднической» риторики, в качестве инструмента давления и критики деятельности ПТИ и Имрана Хана. Лидер партии заявлял, что Хан использует свою политическую повестку будучи не частью политического и общенационального «мейнстрима» Пакистана (подразумевая исламскую идеологию) и посоветовал для начала влиться в общее понимание того, что действительно нужно стране, а затем уже заниматься политикой. Далее он выпустил «политическую фетву» против Хана и объявил, что голосование за лидера ПТИ на выборах является «харамом», поскольку, по его словам, ПТИ спонсируется Западом и, в частности, еврейским лобби. Объявив выборы поддельными и мошенническими, в январе 2021 года в Бахавалпуре он заявил, что продолжающаяся кампания оппозиции, направленная против премьер-министра — это *джихад*, и отказ от нее будет расцениваться как «большой грех»¹⁶⁹.

Здесь также необходимо упомянуть о мировоззрении и имидже лидера ДУИ-Ф в целом; жёсткость и негибкость его позиции заключается именно в его беспрекословном желании подчинить все институты общества исламу. «Пакистану нужен мир и сильная экономика, и ислам — это способ добиться этого, поскольку это религия, которая защищает жизнь, собственность и честь»¹⁷⁰. Мир и стабильность, согласно Фазл ур-Рехману, могут быть достигнуты только путём строгого соблюдения исламской идеологии. Однако, в отличие от пакистанских террористических группировок, ДУИ-Ф всегда признавала мирный политический переход и соблюдение шариата, играя активную роль в демократической системе и укрепляя политическую культуру и институты посредством более глубокого диалога с исламом. ДУИ-Ф, по сути, не выступает против демократической системы управления, а наоборот; демократический подход проявляется даже в основополагающих документах партии. В *дастуре* (уставе) партии говорится, что все важные решения должны приниматься на основе мнения большинства¹⁷¹. Исходя из этого, можно сказать, что партия не считает демократию чем-то противопоставленным исламу; однако,

---

¹⁶⁹ Campaign against PM Imran Khan is Jihad, declares Maulana Fazlur Rehman [Электронный ресурс] / Global Village Space, 04.01.2021. URL: <https://www.globalvillagespace.com/campaign-against-pm-imran-khan-is-jihad-declares-maulana-fazlur-rehman/>.

¹⁷⁰ Islam Zindaabad Conference Hyderabad [Электронный ресурс] / Jamiat Ulema-e-Islam Pakistan. URL: <https://juipak.org.pk/اداب‌ارادی‌حسین‌رفیق‌اکنداب‌مدن‌زم‌الس/>.

¹⁷¹ Dastur [Электронный ресурс] / Jamiat Ulema-e-Islam Pakistan. URL: <https://juipak.org.pk/اروتسد/>.

все-таки прослеживаются попытки ещё глубже интегрировать ислам в общественно-политическую и социальную жизнь страны¹⁷².

Противоречия между ДУИ-Ф и правительством возникали и по ряду других вопросов; для обоснования своей позиции партией были использованы исламские лозунги. Так, в апреле 2020 г. в разгар пандемии COVID-19, ДУИ-Ф и ещё несколько религиозных деятелей выступили за скорейшее открытие мечетей, в обход властей объявив, что карантин не распространяется на мечети, и они призывают возобновить коллективные молитвы¹⁷³. В апреле 2019 г. ДУИ-Ф выступили с резкой критикой законопроекта об установлении минимального возраста для вступления в брак (18 лет), аргументируя это тем, что принятие подобных законов противоречит шариату, поскольку «ислам разрешает вступление в брак лиц, достигших полового созревания»¹⁷⁴. Аналогичным образом ДУИ-Ф выступили против законопроекта о домашнем насилии; под их давлением он был передан на рассмотрение в Совет по исламской идеологии, где в итоге был отвергнут.

Таким образом, ислам в риторике Джамиат Улема-е-Ислам (Ф) занимает центральную позицию; любые вопросы, даже напрямую не затрагивающие ислам, в итоге сводятся именно к нему или объясняются с точки зрения исламских ценностей. Отличительной особенностью данной риторики является её жёсткость, отвержение любых либеральных идей (в особенности в вопросах касающихся прав женщин и меньшинств), беспрекословность и прямолинейность. Следует также отметить, что ДУИ-Ф — хорошо известная и неотъемлемая часть исламского дискурса, которая, в свою очередь, также его конструирует путём лавирования, манипуляции и местами отхода от своих интересов. Однако можно добавить, что концепция партии де-факто уже далеко ушла от тех идей, которые доминировали в ней на момент её формирования. Несмотря на это, создаётся ряд ограничений, которые накладываются самой идейной составляющей ДУИ-Ф, не позволяющие её членам полностью отклониться от заданной траектории и в открытую придерживаться иных позиций. В ряде случаев те или иные решения лидеров партии или их мнения никак логически не объясняются; исламский фундамент, зало-

---

¹⁷² Там же.

¹⁷³ Prominent ulema say lockdown not applicable to mosques, congregational prayers to begin [Электронный ресурс] / Dawn, 14.04.2020. URL: <https://www.dawn.com/news/1549171>.

¹⁷⁴ Child marriage restraint bill sails through Senate [Электронный ресурс] / Dawn, 30.04.2019. URL: <https://www.dawn.com/news/1479317>.

женный в основу их деятельности, диктует им определённую модель поведения, отход от которых может разрушить сам базис партии и привести к потере своего консервативного электората.

Исламские дискурсивные практики Пакистанской Народной Партии и Пакистанской Мусульманской Лиги (Наваз)

По сравнению с ПТИ и ДУИ-Ф в период с 2018—2022 гг., Пакистанская Народная Партия и Пакистанская Мусульманская Лига (Н) были несколько более сдержанны в своей исламской риторике. Апелляция к исламу используется этими двумя партиями в куда меньшей степени, чем ПТИ и ДУИ-Ф. ПНП встаёт на позиции ключевых поборников и защитников демократических ценностей в стране, не забывая при этом о своих социалистических истоках¹⁷⁵, даже несмотря на то, что почти за 50 лет своего существования, социализм остался, пожалуй, разве что в названиях программных документов. Лидеры ПНП нередко выступали с более либеральных позиций в отношении прав меньшинств и женщин, чем все остальные ведущие партии в ИРП, при этом, наблюдается попытка оправдать в глазах широких масс свою позицию с помощью ислама. Так, в мае 2019 г. Пакистанская народная партия была единственной партией, члены которой единогласно проголосовали в поддержку законопроекта, направленного на установление минимального возраста вступления в брак с 18 лет¹⁷⁶. В январе 2019 г. после новостей о том, что Сельскохозяйственный университет Фейсалабада отметил 14 февраля «День сестёр», подарив студенткам платки на голову, сенатор от ПНП Шерри Рехман выразила поддержку «сёстрам из Фейсалабада», написав в своём Твиттере (запрещённом на территории РФ), что женщины не являются объектами, за которыми администрация университета должна следить. В 2021 г. широкую поддержку от ПНП получил законопроект против домашнего насилия, в связи с чем Министр по правам человека Ширин Мазари выразила свою благодарность партии. Однако после того,

---

¹⁷⁵ Home [Электронный ресурс] / Pakistan Peoples Party. URL: <https://www.ppp.org.pk>.

¹⁷⁶ Bill against child marriage divides parties in NA [Электронный ресурс] / Dawn, 01.05.2019. URL: <https://www.dawn.com/news/1479444>.

как законопроект был передан Совету по исламской идеологии на рассмотрение, а затем и вовсе отклонён, Ширин вновь обратилась к социальной сети Твиттер, чтобы выразить своё разочарование; по её словам, ислам не предполагает того, «чтобы женщин избивали и убивали, жестоко обращались с детьми и насильно обращали в ислам несовершеннолетних девочек», поэтому законы, защищающие уязвимые группы населения, необходимо принимать¹⁷⁷.

В целом, можно сказать, что ислам занимает далеко не центральное положение в риторике ПНП; зачастую речи её лидеров несут индифферентный посыл по отношению к религии, внимание уделяется вопросам гражданского, демократического характера. Обращение к исламу можно наблюдать во вполне нейтральных или сугубо позитивных коннотациях; к примеру, ежегодных поздравлениях Билавала Бхутто с Рамаданом¹⁷⁸, либо исламскими праздниками, в которых он желает пакистанским мусульманам «посвятить себя истинным ценностям ислама: миру, терпимости, справедливости и просвещению»¹⁷⁹. Создаётся впечатление, что ПНП видят ислам скорее как культурную, общественную ценность, а не политическую, и подвергают критике любые радикальные и экстремистские движения¹⁸⁰. Вопросы гражданского, либерально-демократического и социального характера присутствуют в речах и выступлениях её лидеров в сравнительно больших количествах, включая плюралистический подход к меньшинствам; можно сказать, что ПНП максимально стараются не затрагивать апелляцию к религиозным чувствам в своей политической пропаганде, до той степени, насколько это возможно. Однако иногда это является необходимым, чтобы более понятно донести до широких масс свою позицию, оправдать в их глазах своё видение некоторых вопросов.

Пакистанскую Мусульманскую Лигу (Н) можно назвать наиболее противоречивой политической силой в стране; множественные обвинения её лидеров в коррупции, хищениях, создания оффшорных компаний и пр. весьма негативно сказались на имидже партии за последние

---

¹⁷⁷ Rehman S. [Электронный ресурс] / Публикация в Twitter. URL: <https://twitter.com/sherryrehman/status/1084836319434543105>.

¹⁷⁸ Bhutto-Zardari B. [Электронный ресурс] / Публикация в Twitter. URL: <https://mobile.twitter.com/BBhuttoZardari/status/1031973364787830784>.

¹⁷⁹ Bhutto-Zardari B. [Электронный ресурс] / Публикация в Twitter. URL: <https://mobile.twitter.com/BBhuttoZardari/status/868501419938238464>.

¹⁸⁰ Culture of pressuring courts through phone calls should now end, says Bilawal [Электронный ресурс] / Dawn, 30.11.2021. URL: <https://www.dawn.com/news/1661151>.

годы. С 2018—2022 гг. ислам почти не использовался партией в качестве политической опоры, и в самой риторике фигурировал достаточно редко. Здесь можно провести параллель ПМЛ-Н с ПНП в том плане, что вопросы политического, гражданского и демократического характера интересуют партию в последнее время куда больше.

В июле 2020 г. член Национальной ассамблеи от ПМЛ-Н выступил с обращением в защиту прав религиозных меньшинств в Пакистане, сказав, что ислам является «совершенной религией», и Конституция страны, основанная на данной религии, предоставляет равные права всем гражданам, независимо от их вероисповедания и этнической принадлежности¹⁸¹. Использование ислама для дискредитации правительства во главе с Имраном Ханом также можно наблюдать в речах лидеров ПМЛ-Н хоть и довольно редко.

Несколько двойственная позиция наблюдается у членов партии ПМЛ-Н по ряду противоречивых с точки зрения мусульманского сознания в стране вопросов. Так, в ходе голосования по законопроекту об установлении минимального возраста для вступления в брак в 2019 г., мнения внутри партии разделились: во время голосования несколько мужчин-членов ПМЛ-Н были замечены сидящими на своих местах, тогда как женщины-члены встали в поддержку предложенного закона¹⁸². В марте 2020 г. ПМЛ-Н вслед за правительством и ПНП также поддержали «Марш женщин», но с оговоркой, что организаторы должны занять культурно приемлемую для общества позицию, чтобы «участники марша не нанесли ущерба чести и достоинству страны»¹⁸³. В то же время, лидер ПМЛ-Н Шахид Хакан Аббаси, заявлял, что его партия всегда поддерживала борьбу за основные права женщин и боролась за свободу слова в стране, но также посоветовал организаторам марша придерживаться «исламских и культурных» норм¹⁸⁴.

Таким образом, можно сказать, что ислам в политической риторике ПМЛ-Н занимает неоднозначную позицию. С одной стороны, наблюдается явное желание партии дистанцироваться от консервативных

---

¹⁸¹ PML-N leader defends his NA remarks on minorities [Электронный ресурс] / Dawn, 15.07.2020. URL: <https://www.dawn.com/news/1569046>.

¹⁸² Bill against child marriage divides parties in NA [Электронный ресурс] / Dawn, 01.05.2019. URL: <https://www.dawn.com/news/1479444>.

¹⁸³ Govt to support Aurat March with strings attached [Электронный ресурс] / Dawn, 07.03.2020. URL: <https://www.dawn.com/news/1538978>.

¹⁸⁴ Там же.

направлений и идей, и интегрироваться в новый, более свободный общественно-политический дискурс, и, тем самым, привлечь внимания более либеральных слоёв населения. С другой стороны, также прослеживается попытка не отрываться окончательно и от хорошо знакомого дискурса, который гарантирует стабильный и понятный диалог с большей частью общества, который как раз можно достичь, оперируя исламом в своей риторике.

Заключение

Таким образом, удалось подробно рассмотреть дискурсивные практики четырёх ведущих политических партий в Исламской Республике Пакистан на предмет наличия в них ислама или апелляции к нему. При рассмотрении работ, посвящённых истории ислама в регионе и анализе исторического и политического развития Пакистана, удалось подтвердить тезис о том, что ислам на период обретения страной независимости играл скорее номинальную роль для консолидации и объединения общества. В последующих этапах исторического развития данная роль перестала быть формальной и ислам глубже пустил корни в социально-общественную и политическую среду Пакистана, что в последующем наложило свой отпечаток и на политическую культуру в стране.

Изучая риторику представленных политических партий в Пакистане, удалось подтвердить тезис о том, что ислам в той или иной степени фигурирует в дискурсе каждой из анализируемых партий. Где-то он играет роль основной идеологии, а где-то попросту используется как инструмент политического влияния и пропаганды. Случай Техрик-е-Инсаф оказался для данного исследования наиболее ёмким и интересным, поскольку партия впервые выступила в роли системообразующей единицы во внутренней политике государства, и использовала ислам в своей программе и риторике в наиболее большом объёме. С помощью апелляции к исламу, партией выполнялись сразу две функции: во-первых, прослеживалась попытка инкорпорироваться в общественный дискурс, построить конструктивный диалог с преимущественно мусульманским населением страны, а во-вторых, вытекающая из первой популистская направленность данной риторики для вовлечения широких масс в политический процесс и привлечение потенциального электората. Ситуация с остальными рассматриваемыми партиями более-менее предсказуемая;

в случае Джамиат Улема-е-Ислам (Ф), религия является фундаментом, на которой основана идеология партии и видение её лидеров, поэтому им присуще весьма традиционалистский подход к исламу, что также находит своё отражение в их заявлениях. Несмотря на это, всё же удалось выявить некоторые особенности в риторике данной партии, из чего можно сделать прогнозы касательно их постепенного отхода или уменьшения апелляции к исламу в виду динамично развивающихся и меняющегося политических предпочтений общества и (возможной) либерализации сознания населения. В дискурсе Пакистанской народной партии и Пакистанской мусульманской лиги (Н) ислам занимает далеко не главенствующие позиции, значительная роль отводится вопросам гражданского и либерально-демократического характера.

В целом, ислам выступает больше как инструмент для обоснования вопросов и решений в политике партий, не подчинённых религиозному аспекту. Это ещё раз указывает на необходимость политических партий в Пакистане придерживаться заданной ещё в XX веке траектории и выстраивать свои выступления и идеи, пусть и не слишком выразительно, но в рамках уже существующего исламского дискурса. Тем не менее, при анализе дискурсивных практик, были замечены тенденции несколько преобразовать существующий дискурс, либо путём интеграции в него ради достижения политических амбиций, либо же постепенного, но частичного отхода от него.

Библиографический список

Котин И.Ю. (2019) *Ислам в Индии, Пакистане и Бангладеш: учеб. пособие*. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та.

Плешов О.В. (2003) *Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане*. М.: Институт востоковедения РАН — Издательство «Крафт+».

References

Kotin, I. (2019) *Islam v Indii, Pakistane i Bangladesh: uchebnoe posobiye* [Islam in India, Pakistan and Bangladesh: Study Manual]. Saint Petersburg: St. Petersburg University Press. (In Russian)

Pleshov, O. (2003) *Islam, Islamism I nominal'naya demokratiya v Pakistane* [Islam, Islamism and Nominal Democracy in Pakistan]. Moscow: Institute of Oriental Studies of RAS. (In Russian)

Rais, R.B. (2017) *Imagining Pakistan: Modernism, State, and the Politics of Islamic Revival*. Lexington Books.

Rizvi, H. (2000) *Military, State and Society in Pakistan*. Palgrave Macmillan UK.

Раздел 4

Монголия

Железняков Александр Сергеевич

доктор политических наук,
Институт социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)
zhelezniakovas@yahoo.com

Российско-монгольские отношения в свете цивилизационной политологии

***Аннотация.** В статье даётся анализ и сопоставление двух подходов: геополитического и цивилизационного к рассмотрению российско-монгольских отношений, поднимается фундаментальная методологическая проблема увязки этих двух парадигмально противоположных подходов к изучению общества, рассматривается место Монголии — небольшой страны как самостоятельного субъекта в диалоге разных цивилизаций.*

В статье даётся определение пространства Центральной Евразии не столько как конкретного географического региона, сколько пространства переплетения и взаимодействия трёх цивилизаций — русской, монгольской и китайской. Отличительной чертой трактовки термина является его привязка к феномену многовекового глубокого переплетения исторических судеб народов, с одной стороны, России и Монголии и с другой — Монголии и Китая. Иными словами, Центральная Евразия — это пространство, где большая историческая Монголия глубоко переплетена, с одной стороны, с большой исторической Россией, с другой, с большим историческим Китаем.

В развилке между крайними оценками возможностей следования, с одной стороны, геополитическим соображениям и с другой цивилизационному взгляду оптимальный ответ Монголии на разрастающийся конфликт между США и Китаем и между США и Россией автор видит в разработке ею дифференцированного подхода ко всем этим трём главным своим стратегическим партнёрам.

Постановка вопроса о небольшой стране как самостоятельном субъекте в диалоге разных цивилизаций весьма наглядно вскрывает и

фундаментальную методологическую проблему увязки цивилизационного и геополитического подходов. По мнению автора, решению этой проблемы могло бы поспособствовать развитие нового научного направления — цивилизационной политологии.

Цивилизационная политология, по мнению автора, позволила бы выявить целый комплекс позитивных и негативных факторов, влияющих на условия поддержания безопасности России в её цивилизационном и геополитическом окружении и ответить на вопрос о месте и роли в этом окружении Монголии.

В статье делается вывод о том, что по всем признакам потенциал монгольской цивилизации и в XXI веке отнюдь не ослаб, и есть признаки того, что он вскоре будет востребован как общее достояние народов Центральной Евразии.

Ключевые слова: российско-монгольские отношения, цивилизационная политология, пространство Центральной Евразии, цивилизационный подход, геополитический подход

Zheleznyakov A.S.

Doctor of Political Sciences,
Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia,
zhelezniakovas@yahoo.com

Russian-mongolian relations in the light of civilizational political science

Abstract. *The article analyzes and compares two approaches: geopolitical and civilizational to the consideration of Russian-Mongolian relations, raises the fundamental methodological problem of linking these two paradigmally opposite approaches to the study of society, examines the place of Mongolia — a small country as an independent subject in the dialogue of different civilizations.*

The article defines the space of Central Eurasia not so much as a specific geographical region, but rather the space of intertwining and interaction of three civilizations — Russian, Mongolian and Chinese. A distinctive feature of the interpretation of the term is its binding to the phenomenon of centuries — old deep intertwining of the historical destinies of peoples, on the one hand, Russia and Mongolia, and on the other — Mongolia and China. In other words, Central Eurasia is a space where great historical Mongolia is deeply intertwined, on the one hand, with great historical Russia, on the other; with great historical China.

In the fork between extreme assessments of the possibilities of following, on the one hand, geopolitical considerations and, on the other, a civilizational view, Mongolia's optimal response to the growing conflict between the United States and China and between the United States and Russia, the author sees in its development of a differentiated approach to all three of its main strategic partners.

Raising the question of a small country as an independent subject in the dialogue of different civilizations very clearly reveals the fundamental methodological problem of linking civilizational and geopolitical approaches. According to the author, the development of a new scientific direction — civilizational political science — could contribute to solving this problem.

Civilizational political science, according to the author, would make it possible to identify a whole range of positive and negative factors affecting the conditions for maintaining Russia's security in its civilizational and geopolitical environment and answer the question of Mongolia's place and role in this environment.

The article concludes that by all indications, the potential of the Mongolian civilization has not weakened in the 21st century and there are signs that it will soon be in demand as a common heritage of the peoples of Central Eurasia.

Keywords: *Russian-Mongolian relations, civilizational political science, Central Eurasian space, civilizational approach, geopolitical approach*

Введение

В последнее время вопросы российско-монгольских отношений, их сути и характера становятся весьма актуальными. Прошу извинить за, может быть, не совсем уместный здесь фразеологизм, но это не от хорошей жизни и связано с резко обостряющимся политическим, экономическим и культурным противоборством соседей Монголии — России и Китая — с Западом. Дело дошло до угрозы развязывания Западом полномасштабной мировой войны. Самый главный на сегодняшний день очаг такой угрозы находится на Украине. Однако нельзя исключить появления на периметре границ России новых очагов опасного развития ситуации.

В этой связи перед специалистами разных отраслей общественных наук встаёт задача всесторонне и комплексно исследовать фундаментальные основы отношений России со своими ближними и дальними

соседями. В качестве одного из шагов в этом направлении позвольте предложить вашему вниманию непривычный взгляд на российско-монгольские отношения в контексте пространства, в котором безусловным центром по своему местоположению и по периодически возникавшему на протяжении почти двух с половиной тысячелетней истории лидерству является Монголия. Таким непривычным контекстом взгляда на взаимоотношения России и Монголии является пространство Центральной Евразии.

Основная часть

Под пространством Центральной Евразии мы понимаем не столько конкретный географический регион, сколько пространство переплетения и взаимодействия трёх цивилизаций — русской, монгольской и китайской. В несколько суженном виде Центральную Евразию ещё называют территорией межкультурных коммуникаций¹⁸⁵. Однако такая жёсткая привязка к современным политико-географическим реалиям, на наш взгляд, лишает термин «Центральная Евразия» какой-либо отличительной определённости.

Отличительной чертой нашей трактовки термина является его привязка к феномену многовекового глубокого переплетения исторических судеб народов, с одной стороны, России и Монголии и с другой — Монголии и Китая. Иными словами, Центральная Евразия — это пространство, где большая историческая Монголия глубоко переплетена, с одной стороны, с большой исторической Россией, с другой, с большим историческим Китаем. Речь идёт об общем пространстве трёх локальных цивилизаций, упирающемся в исторически суммируемые пределы. А такими пределами общего пространства от древности до настоящего времени являются: великие степные империи с центром в Монголии (от государства Хунну до Великой Монгольской империи Чингисхана), социалистический лагерь (Монголия находится в центре почти совпадающего географически с границами степных империй пространства) и нынешний Экономический коридор Россия—Монголия—Китай (т.е. коридор *между* Россией и Китаем через *середину* — Монголию).

---

¹⁸⁵ См.: Центральная Евразия. Территория межкультурных коммуникаций: коллективная монография / отв. ред. и сост. А.К. Аликберов. М.: ИВ РАН, 2020.

Это не случайное совпадение пространства и времени, времени и места. В этом ключе современная Монголия предстаёт субъектом в диалоге с двумя соседними не только государствами, но и локальными (они же мировые) цивилизациями. Получается, что сама Монголия с её всего лишь трёх с половиной миллионным населением и нынешними государственными границами является политически независимым ядром далеко выходящей за пределы этих границ отдельной локальной (она же мировая) цивилизации. Эта цивилизация начала закрепляться в цивилизационно переплетённом пространстве Центральной Евразии ещё во времена трансконтинентальных степных завоеваний хунну (в Китае — сюнну, в Европе — гуннов), жуужаней — (т.е. обров или аваров), тюрков и монголов.

Постановка вопроса о небольшой стране как самостоятельном субъекте в диалоге разных цивилизаций весьма наглядно вскрывает фундаментальную методологическую проблему увязки двух парадигмально противоположных подходов к изучению общества — цивилизационного и геополитического подходов. Как нам представляется, решению этой проблемы могло бы поспособствовать развитие нового научного направления — цивилизационной политологии.

В основу этого научного направления следовало бы поставить чёткое разведение в разные стороны цивилизационного и геополитического подходов с одновременным построением непротиворечивой картины мироустройства. Т.е. картина рисуется через две отдельные призмы — призму цивилизационного и призму геополитического подходов. Подразумевается, что при рассмотрении предмета исследования через призмы разных парадигм вырисовываются его объёмные очертания. Цивилизационный подход имеет дело с крупными (практически безграничными по распространению своего влияния) человеческими общностями, называемыми локальными (они же мировые) цивилизациями, базирующимися на тех устоях хозяйства, культуры, религии, которые остаются почти неизблемыми в многовековой истории. Геополитический же подход — это сфера непрерывной борьбы политических акторов за изменение, искоренение или, наоборот, сохранение устоев тех или иных цивилизаций и государств.

Цивилизационная политология, дающая стереоскопическую картину ситуации, позволила бы, ко всему прочему, выявить целый комплекс позитивных и негативных факторов, влияющих на условия поддержания безопасности России в её цивилизационном и геополитическом

тическом окружении. В частности, ответить на вопрос о месте и роли в этом окружении Монголии.

С точки зрения геополитического подхода безопасность Монголии чрезвычайно уязвима. Монголия, не имеющая выхода к морю, зажата между двумя великими соседями, намного превосходящими её по площади территории, численности населения, размеру ВВП, военным расходам и мощности вооружённых сил. Сообразуясь с требованиями обеспечения национальной безопасности, Монголия избрала в качестве приоритетного направления своей внешней политики следующую двуединую задачу: с одной стороны, поддержание дружественных и сбалансированных отношений с Россией и Китаем, содействие всестороннему сотрудничеству между ними, с другой — использование в качестве балансира внешнеполитического концепта «третьего соседа», т.е. интенсивное («как с соседями») развитие сотрудничества с целым рядом проявляющих к этому интерес стран (в том числе и в первую очередь, с США).

Монголия, иными словами, следует продиктованной геополитическими соображениями политике многовекторности и нейтралитета. Гарантированно эта политика может привести к позитивному для безопасности Монголии результату только в период стабильной международной обстановки. В случае обострения обстановки Монголия остаётся наедине с собой и геополитический подход оказывается недостаточен как единственное или приоритетное направление поиска пути обеспечения её безопасности.

В отличие от скептической оценки возможностей использования геополитического подхода в поиске пути обеспечения безопасности Монголии в периоды испытаний, оценка таких возможностей у цивилизационного взгляда более оптимистична, но менее операциональна. Согласно этому взгляду, безопасность Монголии гарантирована тем, что Монголия — это колыбель и ядро существующей на протяжении почти двух с половиной тысячелетий отдельной локальной цивилизации Внутренней Азии (монгольской цивилизации), глубоко переплетённой бесчисленными и активно развивающимися связями не только с ближним, региональным, но и дальним, глобальным, окружением.

В развилке между крайними оценками возможностей следования, с одной стороны, геополитическим соображениям и с другой цивилизационному взгляду оптимальный ответ Монголии на разрастающийся конфликт между США и Китаем и между США и Россией видится

в разработке ею дифференцированного подхода ко всем этим трём главным своим стратегическим партнёрам.

Речь не идёт о неременном отказе от избранной Монголией в русле геополитического подхода политики многовекторности и нейтралитета. Просто необходимо определиться: как увязать уже ставшие привычными за последние 30 лет геополитические приоритеты в отношениях с соседями с тремя уровнями цивилизационных приоритетов.

Увязка видится в следующем виде. На самом внешнем (глобальном) уровне стоит такой приоритет, как потребность Монголии иметь равноправные отношения со всеми центрами хрестоматийных мировых цивилизаций, в том числе с Россией, Китаем и США. Этот уровень критически важен для безопасности Монголии как ядра локальной цивилизации и для позиционирования этой страны в глобальном формате в качестве самостоятельного субъекта международных отношений.

Однако эта задача недостижима без решения вопросов на более узком уровне цивилизационных приоритетов — в трёхстороннем формате отношений Монголии, России и Китая, в общем пространстве которых укоренена, если не сказать растворена, монгольская цивилизация. Ядром этой цивилизации, чрезвычайно глубоко и прочно вросшей в тело русской и китайской цивилизаций, является Монголия.

Это страна со сложной судьбой, которую в своё время, в 30-летний период советско-китайского раскола (а это период с 1960 по 1989 гг.) даже называли своеобразным буфером в отношениях между двумя гигантами¹⁸⁶. По сути же эти гиганты — две внешние опоры Монголии, на которых она держалась по завершении своего имперского прошлого и периода раздробленности. Монголия, ещё будучи Внешней Монголией в составе Китая в период Маньчжурской империи, и будучи Монгольской народной республикой в орбите влияния СССР, всегда имела особые возможности сохранения идентичности вплоть до возможности балансировать по своему усмотрению между внешними опорами. В XX в. баланс качнулся в пользу Российской империи и СССР. Нынешнее беспокойное время диктует Монголии необходимость взять на себя гораздо более сложные обязанности координирующего центра в системе отношений Россия—Монголия—Китай.

---

¹⁸⁶ Это связано с европоцентристской традицией называть Монголию страной между молотом и наковальней [Ewing T.E. 1980].

И наконец, уровень самого «ближнего круга» — уровень двусторонних межцивилизационных отношений Монголии с Россией. Этот уровень принципиально важен, поскольку связан с первыми шагами Монголии на пути обретения официального статуса самостоятельного субъекта современной международной политики. Эти шаги Монголия сделала в рамках развернувшегося с начала XX в. военного, политического, экономического и культурного (т.е. одновременно поистине межцивилизационного) взаимодействия с Россией. Ядро монгольской цивилизации в лице МНР словно ждало своего часа, стремительно вошло в современность и обрело вид признанного государства, члена ООН. Это отнюдь не было одностороннее воздействие СССР на МНР. Подобно тому, как Москва видела в Монголии форпост наступления коммунизма на Восток, Улан-Батор увидел в Советской России и Коминтерне внешний рычаг, базу для формирования комфортной для безопасности всего монгольского мира среды. Неслучайно эта среда была сформирована с географическими границами, во многом совпавшими с внешними границами Монгольской империи XIII в. Этому способствовал произошедший в XX веке синергетический взрыв — поддержка курса ВКП(б) и ИККИ далёкими от понимания учения Маркса и Ленина теми народами России, Монголии и Китая, предки которых когда-то были причастны к строительству великих степных империй.

Заключение

Стереоскопический взгляд сквозь призмы двух парадигм — цивилизационной и геополитической — преодолевает «сверхприземленность» и скептичность позиции исследователя в отношении окружающего его мироустройства и вызывает к пафосной оценке будущего. По всем признакам потенциал монгольской цивилизации и в XXI веке отнюдь не ослаб, и есть признаки того, что он вскоре будет востребован как общее достояние народов Центральной Евразии.

References

Ewing T.E. (1980). *Between the Hammer and the Anvil? Chinese and Russia Policies in Outer Mongolia, 1911—1921*. Bloomington, Indiana: Research Institute for Inner Asian Studies.

Наталья Раисовна Музафарова

аспирант
Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова
(Улан-Удэ, Россия)

Философская составляющая семантики головных уборов духовенства северного буддизма

***Аннотация.** Целью исследования является изучение философской составляющей семантики головных уборов духовенства северного буддизма. Задачи, решаемые для её достижения, следующие: сбор, систематизация и анализ информации об исследованиях, посвящённых философии, семантике, традициям северного буддизма. В ходе нашего исследования были сделаны следующие выводы: семантика головных уборов духовенства имеет философскую составляющую. Объектом исследования является философия и традиции северного буддизма. Предметом исследования является философская составляющая семантики головных уборов духовенства северного буддизма. Для решения поставленных задач в работе применялись описательный, сравнительный, аналитический методы исследования. Материал исследования выбран из имеющихся литературных и электронных источников, опубликованных монографий и статей российских и зарубежных авторов. Информация, полученная в ходе исследования, успешно применена в педагогической практике высшей школы по предметам: философия, религиоведение, обществоведение, антропология, культурология. Как показала работа с имеющимися источниками, степень изученности проблемы недостаточна и требует современного осмысления.*

***Ключевые слова:** северный буддизм; философия; семантика; традиции; головные уборы*

Muzafarova Natalya

PhD student
Buryat State University named after D. Banzarov (Ulan-Ude, Russia)

The philosophical component of the semantics of the headdresses of the clergy of northern buddhism

***Abstract.** The aim of the study is to study the philosophical component of the semantics of the headdresses of the clergy of Northern Buddhism.*

The tasks to be solved to achieve it are as follows: collection, systematization and analysis of information about research on philosophy, semantics, traditions of northern Buddhism. In the course of our study, the following conclusions were made: the semantics of the headdresses of the clergy has a philosophical component. The object of the research is the philosophy and traditions of Northern Buddhism. The subject of the study is the philosophical component of the semantics of the headdresses of the clergy of Northern Buddhism. Descriptive, comparative, analytical research methods were used to solve the tasks set in the work. The research material was selected from available literary and electronic sources, published monographs and articles by Russian and foreign authors. The information obtained in the course of the study has been successfully applied in the teaching practice of higher education in the following subjects: philosophy, religious studies, social science, anthropology, cultural studies. As work with available sources has shown, the degree of knowledge of the problem is insufficient and requires modern understanding.

Keywords: *northern Buddhism; philosophy; semantics; traditions; headwear*

Любое организованное сообщество, специализирующееся на определённой функции, имеет свою структуру и иерархию. Отличительные знаки на стандартизированной спецодежде сотрудников дают возможность соблюдать субординацию и определять функционал каждого в многочисленном коллективе. Особенно это выражено в структурах типа полиции, армии, флота и т.д. Погоны на кителе дают понимание уровня их носителя в таблице о рангах. Это упрощает решение множества жизненно важных задач в условиях быстрого реагирования в сложных ситуациях. Но есть общественные структуры, в которых нет такой сложной системы, но требующие разграничения уровня подготовки и компетенций их членов — медицина, сообщение, религия и т.д.

В религиозных системах члены духовенства должны отличаться от мирян и между собой в зависимости от занимаемого поста, уровня посвящения и образования. При том, что одежда служителей культа обычно унифицирована, как символ равенства, их головные уборы дают возможность распознавания школ и направлений, а также уровня образования и посвящения индивида в системе. К тому же это имеет и практическое значение, поскольку бритые головы необходимо защищать от солнца и холода.

Социально-иерархическая структура буддийского монашеского общества / сангха (санскр.) / dge 'dun, гедюн (тиб.) пришла из Тибета в Монголию, Бурятию, Туву, Калмыкию, а в наше время ещё более распространилась на запад, не утратив своих канонов, но приобретя некоторые заимствования из ассимилированных регионов. В северном буддизме / ваджраяна (санскр.) / rdo rje theg pa, дордже тегпа (тиб.) функционирует четыре основные школы: гелук, dge lugs pa (тиб.), кагью, bka' brgyud (тиб.), нигма, rnying ma (тиб.), сакья, sa skya (тиб.). В быту их последователи носят одинаковое монашеское одеяние бордового цвета / тра че, grva chas (тиб.). Облачение буддийского духовенства жёстко регламентируются правилами «Буддийского монашеского кодекса» / Винаи (санскр.) / 'dul ba, дулва (тиб.), сложившегося ещё в III в. до н.э. В его тексте даны рекомендации относительно всего монашеского одеяния: количество элементов, крой, размер, вид ткани, цветовая гамма и т.д. Но благодаря климату и сложной тантрической литургии тибетские ламы одевают ритуальные и повседневные одежды не описанные в Винае. Отличить представителей разных школ можно только по головным уборам, имеющим разные форму и цвет. Они так же различаются по ситуации: повседневные и ритуальные, по времени года: зимние и летние, по положению в иерархии: для глав школ и простых монахов. [Далай Лама 1996, с. 251].

В самой «молодой» по времени возникновения в Тибете и распространённой на территории нашей страны, школе гелук, приняты жёлтые или шафрановые головные уборы остроконечный каплевидный формы с длинными «ушами» / шанаринг, ran zhva sne ring ser po (тиб.) и с «гребнем» / нэринг, gnas rnying (тиб.). История их возникновения имеет несколько интерпретаций. Одна из них рассказывает о тибетском монахе Луме, обучавшемся в Индии ради возрождения буддизма в Тибете после гонений царя Ландармы. Перед возвращением на родину его учитель Гонгпа Рабсел велел ему перекрасить свою бонскую шапку в жёлтый цвет. Он наказал ему носить её в память о своей учебе и практике. Луме возвратился в Тибет и основал несколько монастырей. Несколько столетий спустя, когда монашеская дисциплина в Тибете пришла в упадок, лама Цонкапа (1357—1419 гг.) начал реформу в XIV в., которая привела к появлению традиции новая кадам, bKa' gdams gsar-pa (тиб.) или гелут, dGe lugs (тиб.). Он предписал своим ученикам-монахам носить жёлтые шапки как знак возвращения в монастыри нравственной дисциплины, как это раньше сделал

Луме. Так традиция гелуг получила известность как «жёлтые шапки». [Берзин А. 1993, с.75].

Появление шапок с заострённым верхом, согласно описанию в книге «Гьягар чойджуг», написанной Джонванг Тарантхи (1575—1634 гг.), произошло в Индии, где однажды буддийский мудрец Биндупихара сомневался в своих своей победе перед диспутом с иноверцами. Внезапно перед ним возникла небесная танцовщица / дакия (санскр.) / кхандрома, mkha' 'groma (тиб.) и посоветовала ему надеть остроконечную шапку для остроты ума. Это помогло и с тех пор все учёные / пандиты (санскр.) носили такие головные уборы. Они и передали эту традицию в Тибет. [Келсанг бакша 2012, с. 87—88].

Современный глава школы гелук Его Святейшество Далай-лама XIV отличается демократичностью и секулярным мышлением. Во время религиозных ритуалов и тантрических учений он надевает только канонические головные уборы, а во время публичных лекций и светских конференций он носит разные светские головные уборы, козырьки, бейсболки и др.

В Монголии и Бурятии ламские головные уборы / номын малгай (бур.) различаются в зависимости от ранга, духовного звания и должности. Кроме вышперечисленных церемониальных, в быту зимой ламы носят стёганные шапки с твёрдой конусообразной жёлтой тульей и вытянутой вверх макушкой, похожие на тубетейку с полями. Верх шапки кроится из треугольных клиньев, что создаёт своеобразный гранёный силуэт / орой (бур.). Отороченные тёмным мехом поля шапки отгибаются в тёплую погоду вверх, закрывая большую часть тульи, а в холодную опускаются вниз и завязываются тесёмками, закрывая уши. Летний вариант такого головного убора без меха. Во время богослужения в храме ламы надевают специальные головные уборы, отличающие их должность. К примеру, лама, наблюдающий за порядком в храме / ширетуй (бур.), имеет жёлтую высокую, каплевидную, шапку с загнутыми вверх полями из темной ткани. Высшие ламы Бурятии носят сердцеподобную шапку / ниншу (бур.). Её зимний вариант по краям обшивается тёмным мехом. У настоятелей монастырей по краям околыша и в центре, надо лбом, проходит одна полоса каймы, у Дид Хамбо лам — две полосы, у Хамбо ламы — три.

Головной убор главы монгольской сангхи / Богдо-гэгэн (монг.) имеет форму пирамиды с усечённой вершиной. Он изготавливается из чёрной или пятицветной парчи. Борт на передней стороне головного

убора состоит из двух различного размера валиков, набитых мягким материалом. На передней стороне — три нашивки, изображающие глаза и брови. В четырёх местах тульи по выступающим углам нашиты шарики из меха, к которым прикреплены кисточки из плетёного красного шнура и медные бубенчики. С боков пришиты две тканевые петли, к одной из них прикреплена голубая завязка из ткани [Музафарава Н. 2021, с.150].

Монахи более старых, не реформированных тибетских буддийских традиций носят красные шапки, формой как у гелук, иногда со слегка скруглённым верхом / *pan chen zhva dmar* (тиб.) следуя обычаю учёных наставников / пандита (санскр.) индийского буддийского монастыря Наланда. Красный головной убор с тремя горизонтальными жёлтыми полосами (*jo zhva gling gsum*) введён в Тибете индийским архатом Атишей (982—1054гг.), прибывшим для распространения учения в страну снегов из Индии по приглашению царя и основавшим школу кадам [Терентьев А. 2003, с. 10].

Церемониальные шапки, высшего духовенства, сшитые из разноцветной парчи типа *dag zhva ri 'gra, dgon 'dus dbu, jo zhva rgyun, saks z'u, sgom zhva dbus 'gyud, mkha 'gro 'i dbu skra, skar ma za zhva* (тиб.) могут иметь жёлтый, красный или чёрный цвет. Разноцветный головной убор *sa skya khri zhva* (тиб.) увенчанный алмазом / ваджра (санскр.) / *rdo rje* (тиб.) или драгоценностью / *ratna* (санскр.) / *gin po che* (тиб.) носят только великие учителя. Головной убор такого типа, увенчанный пером, встречается только у изображений индийского мастера Падмасамбхавы (VIII в.), пришедшего в Тибет и основавшего школу нигма. Головные уборы Падмасамбхавы бывают трёх видов и знаменуют значимые события его жизни. Когда он родился чудесным образом из цветка лотоса посреди молочного озера, дакини поднесли ему головной убор «бутон лотоса» / *падмаи бел мик, padma'i sbal mig* (тиб.). Когда он выполнил на восьми великих кладбищах особые йогические практики, дакини поднесли ему, как символ его величия, головной убор «оленья шапка» / (тиб.). Когда царь Аршадхара попытался безрезультатно заживо сжечь Гуру Ринпоче, потрясённый этим чудом царь поднёс Падмасамбхаве разноцветный головной убор «лотос, освобождающий того, кто его зрит, с лепестками пяти семейств». Внутренняя и наружная стороны этого убора символизируют единство стадий зарождения и завершения. Три остроконечные верхушки — три Тела / *кая* (санскр.) / *sku* (тиб.). Пять его цветов

символизируют пять глав будда-семейств. Украшения в виде солнца и луны — символы искусных метода и мудрости. Синяя окантовка направленных вверх концов — символ безграничных обязательств / самаи (санскр.)/ dam tshig (тиб.). Венчающая ваджра — символ неколебимого сосредоточения / самадхи (санскр.)/ ting nge 'dzin (тиб.), а перо грифа сверху — символ постижения высшего воззрения и обретения плода. [Берзин А. 1993, с.81].

Основатель школы кагью Кармапа носит Ваджрную корону или Черную шапку, сплетённую из волос 100 000, 300 000 или даже 1 000 000 дакинъ. Они подарили её первому Кармапе в честь достижения им просветления. Считается, что таких головных уборов два: аутентичную чудесную корону могут видеть только высоко реализованные практики, а её мирской аналог, датируемый XV в. — все. Чёрная шапка, сшитая из чёрной ткани и усыпанная драгоценными камнями, стала символом духовного авторитета Кармапы и центральным предметом в самом главном из ритуалов карма-кагью — церемонии интронизации. Считается, что надевая эту корону, Кармапа становится живым воплощением бодхисаттвы сострадания Авалокитешвары (санскр.) / Ченрези (тиб.). [Браун М. 2008, с. 22].

Во время тантрических посвящений участники надевают сложные головные уборы бодхисаттв, состоящие из чёрного или красного многорукого парика с ушнишей (санскр.) / зугдор, gtsug gtor (тиб.), увенчанной ваджром и пятилепестковой короной с длинными матерчатыми «серьгами». Ещё более сложные головные уборы у участников мистерии Цам. Самый сложный и тяжёлый головной убор, весящий более сорока килограмм, у оракула Нейчунга. Он украшен павлиньими перьями и флагами в традиции одеяний тибетских средневековых генералов. Его надевают только для церемоний предсказаний. Его вес обусловлен предотвращением левитации оракула. До сих пор в ходу светские средневековые металлические шляпы с полями, на подобии английского котелка, увенчанные драгоценностью / сетхеп, bse theb (тиб.). Главы школ их редко надевают во время путешествий и официальных визитов, как символ власти. Проще всего выглядят шапки для медитации / гомша (тиб.) и с бахромой для глаз практиков Чод / чёша (тиб.).

Головной убор патриархов добуддийской национальной тибетской религии бон, увенчанный тройной драгоценностью, имеет синий цвет тульи и восемь красно-жёлтых лепестков короны. У многих азиатских народов синий цвет имеет отсылку к главному богу неба /

Тнгри (бур.). В отличие от четырёх основных школ, имеющих жёлтые вставки в монашеские жилетки, бонские монахи носят жилетки с синими вставками. Помимо прочего, это символизирует древность патриархального культа.

Форма и цвет головных уборов духовенства северного буддизма имеет параллели и в других культурах. Иногда это свидетельствует о прямом заимствовании, иногда — об универсальности человеческого опыта. Так, например, некоторые исследователи считают, что «гребни» на головных уборах являются копированием плюмажей шлемов воинов македонской армии. Но такое заимствование исключается, например, при схожести форм с коронами Древнеегипетских царей или буденовок.

Головной убор в ваджраяне не только символ сигнальной системы, но нечто гораздо большее и сакральное, имеющее не только исторические, но философские и мистические корни. В связи с этим примечательна история одного из известнейших учителей — Гампопы (1079—1153 гг.). Когда он начал учить, то обрёл тысячи учеников, тремя главными из них стали: Первый Кармапа Дюсум Кьенпа (1110—1193 гг.), Пагмо Друпа (1100—1170 гг.) и Салтонг Шогом. Однажды Гампопа дал им по куску красивой ткани и велел изготовить из неё головные уборы за семь дней. Пагмо Друпа был очень послушным и трудолюбивым. Поэтому он тут же принялся за выполнение задачи и изготовил шляпу тонкой работы, украсив её прекрасной вышивкой и шёлковыми свисающими кистями. У Кармапы был другой склад ума. Он внимательно выслушал Гампопу, но и не думал о шляпе, пока не настал последний день. У него оставалось мало времени, поэтому он взял ткань и просто сложил её замысловатым образом. Салтонг Шогом отнёсся к заданию учителя совсем легкомысленно и забыл о нём. Когда настал назначенный день и ученики встретились, двое других спросили его: «Где твоя шляпа? Сегодня нужно отдать её гуру». Салтонг Шогом поспешно схватил материю и изобразил из неё нечто, слабо напоминавшее заданный предмет. Троица отправилась к Гампопе и поднесла ему свои шляпы. Сначала Гампопа взял ту, что сделал Пагмо Друпа, остался очень доволен и сказал: «Это сделано очень тонко и красиво. Значит, у тебя будет много учеников, твоя линия станет великой и разделится на много ветвей». Далее, он взглянул на шляпу Кармапы и сказал: «Ты тоже сделал всё очень хорошо. Твой головной убор — довольно простой и без украшений. Это лишь один

предмет, но он очень компактный и надёжный. Это значит, что у тебя будет лишь одна линия, однако эта линия будет сильной и в будущем станет лишь крепнуть с годами». Наконец, он взял то, что изготовил Салтонг Шогом и сказал ему: «Ты был слишком небрежен, у тебя вообще не будет линии». [Рингу Тулку Ринпоче, 2011, с. 261].

В северном буддизме очень важна традиция передачи учения от учителя к ученику. Так образуется соответствие или связь / тен дрел, rten 'breḷ (тиб.). Это не просто опыт практики учения со всеми его деталями, но и результат или плод реализации в виде особого рода энергии. Это переводится как «связь» или «встреча с основой», в том смысле, что всё возникает в силу причин и условий. В этой истории проиллюстрирована идея того, как незначительная причина может вызвать серьёзные последствия. Неслучайно анахроничное название северного буддизма — ламаизм, в котором лама-учитель становится четвёртой драгоценностью наравне с Просветлённым / Буддой (санскр.) / Сангей (тиб.), его учением / Дхармой (санскр.) / Чой (тиб.), его последователями Сангхой (санскр.) / Гендун (тиб.).

Буддизм является многовековой философской традицией, отличающейся практичностью и логичностью во всем. За годы существования он трансформировался в религию, оброс сложной и экзотичной ритуальной составляющей. Каждая деталь в его конфессиональной системе имеет философское значение, транслируя определённые концепции учения, зашифрованные в образы и символы. Для личностей, прошедших даже базовое обучение в буддийских университетах, их понимание не составляет труда. Любой наглядный образ буддийской культуры является опорным конспектом по буддийской философии.

Библиографический список

- Берзин А. (1993). *Общий обзор буддийских практик*. СПб.: Нартанг.
- Браун М. (2008). *Танец 17 жизней. Невероятная и правдивая история 17-го Карматы Тибета*. Пер. с англ. Н. Афанасьева, Л. Ефимовских, Е. Маслова. М.: Открытый Мир.
- Далай-лама (1996). *Мир тибетского буддизма*. СПб.: Нартанг.
- Келсанг бакша (2012). *Тибетские ламы-перерожденцы: история и современность*. Улан-Удэ: Республиканская типография.
- Кучин И.Л. (2017). *Дхарма*, Пермь: Дом печати.
- Музафарова Н.Р. (2021). *Традиции изобразительного искусства северного буддизма*. Чусовой: Дом печати.

Рингу Тулку Ринпоче (2011). *Путь к бесстрашию. Три колесницы буддизма*. Пер. с англ. К. Петровой. М.: Ганга.
Терентьев А. (2003). *Определитель буддийских изображений*. СПб., Нартанг.

References

- Berzin, A. (1993). *Obshchij obzor buddijskih praktik* [A General Overview of Buddhist Practices]. St. Petersburg: Nartang. (In Russian).
- Brown, M. (2008). *Tanec 17 zhiznej. Neveroyatnaya i pravdivaya istoriya 17-go Karmapa Tibeta* [The Dance of 17 lives. The Incredible and True Story of the 17th Karmapa of Tibet]. Moscow: Open World. (In Russian).
- The Dalai Lama (1996). *Mir tibetskogo buddizma* [The World of Tibetan Buddhism]. St. Petersburg: Nartang. (In Russian).
- Kelsang baksha (2012). *Tibetskie lamy-pererozhdcy: istoriya i sovremenost'* [Tibetan Rebirth Lamas: History and Modernity]. Ulan-Ude: Republican Printing House. (In Russian).
- Kuchin, I.L. (2017). *Dharma*. Perm (In Russian).
- Muzafarova, N.R. (2021). *Tradicii izobrazitel'nogo iskusstva severnogo buddizma* [Traditions of the Fine Arts of Northern Buddhism]. Chusovoy: House of Printing. (In Russian).
- Ringu Tulku Rinpoche (2011). *Put' k besstrashiyu. Tri kolesnicy buddizma* [The path to fearlessness. The three chariots of Buddhism]. Moscow: Ganga. (In Russian).
- Terentyev, A. (2003). *Opredelitel' buddijskih izobrazhenij* [The Determinant of Buddhist Images]. St. Petersburg, Narthang. (In Russian).

Институт тулку в современной Монголии

***Аннотация.** В статье на примере восстановления института тулку в современной Монголии показаны ключевые особенности этого института, благодаря которым он сохраняет свою актуальность в XXI в. Во-первых, тулку позволяют преодолеть исторический разрыв, возникший в результате антирелигиозной кампании в МНР, и восстановить историческую преемственность. Во-вторых, статус тулку помогает решить проблему недостатка авторитета у обычных буддийских деятелей. Монгольских лам часто обвиняют в нарушении монашеских обетов, плохом знании буддизма и прочих подобных вещах. Тулку в силу самого своего статуса пользуются большим уважением верующих. Тем самым наличие тулку позволяет монгольской сангхе повысить свой авторитет в монгольском обществе. В-третьих, тулку, апеллируя к своим прошлым перерождениям, могут легко преодолевать национальные границы и выстраивать трансграничные религиозные сети. Данная особенность может стать проблемой для отдельных государств. В настоящее время одним из наиболее крупных и известных тулку является Далай-лама. Именно он утвердил большинство монгольских тулку, включая десятого Богдо-гэгэна. Руководство КНР давно пытается взять систему тулку под свой контроль, прежде всего, для того чтобы выбрать своего Далай-ламу после ухода нынешнего. С другой стороны, обнаружение в Монголии десятого Богдо-гэгэна может не только укрепить статус и авторитет монгольской сангхи в мире тибетского буддизма, но и стать проблемой для КНР. Наличие крупного тулку в независимой стране, имеющего право утверждать других тулку, может нарушить планы китайского руководства взять систему тулку под свой контроль.*

***Ключевые слова:** тулку, хубилган, тибетский буддизм, Монголия, буддизм в Монголии, далай-лама*

The tulku institution in contemporary Mongolia

Abstract. *This article examines the key features of the tulku institution based on the example of restoration of this institution in modern Mongolia and shows why it remains actual in the 21st century. Firstly, tulku make it possible to overcome the historical gap that appeared as a result of antireligious campaign in the MPR and to restore historical continuity. Secondly, the status of tulku helps to solve the problem of the lack of authority among common Buddhist figures. Mongolian lamas are often accused of breaking monastic vows, poor knowledge of Buddhism, and etc. Because of their very status tulku are highly respected by believers. Thus tulku allow the Mongolian sangha to raise its authority in Mongolian society. Thirdly, tulku can easily overcome national borders and build transboundary religious networks referring to their past reincarnations. This peculiarity can become a problem for states like Mongolia, China and Russia. At present one of the largest and most famous tulku is the Dalai Lama. It was he who approved most of the Mongolian tulkus, including the tenth Bogdo Gegeen. The PRC leadership has long been trying to take the tulku system under its control, first of all in order to elect its own Dalai Lama after the departure of the current one. On the other hand, the discovery of the tenth Bogdo Gegeen in Mongolia can not only strengthen the status and authority of the Mongolian sangha in the world of Tibetan Buddhism, but also become a problem for China. The presence of a high tulku in an independent country, having a right to approve other tulkus, can break the plans of the Chinese leaders to take tulku system under their control.*

Keywords: *tulku, Tibetan Buddhism, Mongolia, Buddhism in Mongolia, Dalai Lama*

Введение

Тулку — сознательно перерождающиеся персонажи буддийского пантеона или выдающиеся наставники и проповедники дхармы — уникальный институт, возникший в рамках тибетского буддизма. Он сформировался в XII в. в ответ на конкретные требования того времени — подробнее о них будет сказано ниже — однако не только благо-

получно дожил до XXI в., но и продолжает играть одну из ключевых ролей в тибето-монгольском буддизме. Более того, институт тулку в самого начала был тесно связан с политической историей Тибета, а потом Цинской империи (1636—1912) и Монголии. С течением времени политическая составляющая этого института не только не утратила своего значения, но и возродилась с новой силой. Сейчас именно тулку, а точнее вопросы поиска их следующих воплощений и контроля над этими процессами стали одним из основных направлений религиозной политики КНР. Наиболее ярким проявлением этой проблематики стал вопрос о следующих перерождениях Далай-ламы. Но в Монголии была своя важная линия тулку, именуемая «Джебдзун-Дамба-хутухта», или «Богдо-гэгэн», возрождение которой в Монголии бросает вызов религиозной политике Китая и привносит фактор неопределённости в будущее тибето-монгольского буддизма и место монгольской буддийской сангхи в мире.

Формирование института в Тибете и Монголии

В основе концепции тулку лежит махаянское учение о трёх телах Будды (санскр. *трикая*). В одном из них — «явленном» (*нирманакайя*) — Будда или другие пробудившиеся существа, влекомые состраданием, могут рождаться в мире, чтобы помогать живым существам на пути к освобождению. Если говорить о конкретных социально-экономических предпосылках появления тулку, они заключаются в необходимости «легитимации ...духовной власти в условиях безбрачия её носителей» [Торчинов Е.А. 2000, с. 161].

Отдельные упоминания о «перерожденцах» в истории буддизма в Тибете встречаются и до XII века, однако формирование именно института тулку связано с наставником школы карма-кагью Дюсум Кхьенпа (1110—1193), который незадолго до своей смерти составил письмо, в котором рассказал о своём новом рождении в будущем. Так появилась линия кармапа — глав школы карма-кагью [Thinley K. 1980, p. 44]. Именно существование традиции поиска, верификации и интронизации «перерожденцев» позволяет говорить об институте тулку.

Концепция тулку оказалась востребованной в социально-политических условиях Тибета — её стали активно заимствовать другие школы. В рамках школы гелуг это привело к появлению наиболее из-

вестных и высших в иерархии тибетского буддизма линий тулку — Далай-лам и Панчен-лам.

В Монголии рождение института тулку (монг. *хувилгаан*, в русифицированном варианте — *хубилган*¹⁸⁷) связывается с 1640 г., когда сын монгольского Тушэту-хана Дзанабадзар (1635—1723) был признан перерождением Таранатхи — одного из крупнейших религиозных мыслителей Тибета. Так появился институт Джебдзун-дамба-хутухт, или Богдо-гэгэнов. Авторитет Богдо-гэгэна распространялся далеко за пределы Халха-Монголии, к нему приезжали бурятские и калмыцкие паломники.

Как воплощение бодхисаттвы или крупного религиозного деятеля тулку обладал несравнимо большим авторитетом, чем обычные ламы. Наличие в монастыре хубилгана привлекало туда больше верующих, которые стремились получить его благословение, совет или другую поддержку. Соответственно и росли доходы монастыря [Позднеев А.М. 1993, с. 235]. В конце XIX в. в Монголии насчитывалось более 118 хубилганов [Позднеев А.М. 1993, с. 238]. Всего с XVII по начало XX в. в Монголии известно 243 линии хубилганов, из них во Внутренней Монголии — 147, в Кукуноре — 35 [Кузьмин С.Л. 2016, с. 43]. Поначалу монгольские хубилганы обнаруживались преимущественно в семьях монгольской знати, но поскольку эта практика нередко приводила к конфликтам и злоупотреблениям, цинские императоры были вынуждены вмешаться, после чего поиски новых воплощений Богдо-гэгэна и других крупных лам стали проводиться в Тибете.

Несмотря на то, что региональные буддийские общины и даже отдельные монастыри внутри них обладали определённой долей самостоятельности, в рамках империи сформировалось единое религиозно-политическое пространство. Высшие монгольские тулку были обязаны посещать императора в Пекине, а также Далай-ламу и/или Панчен-ламу. С началом Синьхайской революции в Китае в 1911 г. монголы провозгласили независимость и возвели на престол Восьмого Богдо-гэгэна в качестве теократического монарха. А в 1921 г. к власти пришли революционеры, со смертью Богдо-гэгэна в 1924 г. и последующей антирелигиозной кампанией 1930-х гг. институт хубилганов в Монголии фактически прекратил своё существование.

---

¹⁸⁷ Помимо титула хубилган используются титулы *хутухта* (исполненный святости, святой, от монг. *хутаг* — счастье, благоденствие, святость) и *гэгэн* (светлейший, святитель, от монг. *гэрэл* — свет), см. [Кузьмин С.Л. 2016, с. 40].

Возвращение Джебдзун-Дамба-хутухты

В 1990 г. с началом демократических преобразований в Монголии началось восстановление религиозных институтов. В том же году Далай-лама 14 объявил о существовании Девятого Джебдзун-Дамба-хутухты, который на тот момент проживал в Индии. В 1995 г. он решил посетить Монголию, однако монгольские власти отказали ему в визе. Основная причина такого, на первый взгляд, неожиданного решения была в том, что Девятый Богдо-гэгэн был тибетцем, и монгольское правительство расценило это как вмешательство тибетской диаспоры во внутренние дела Монголии [Jadamba, L. 2018] — тогда в монгольском обществе были особенно сильны националистические настроения. Кроме того, могли быть опасения, что с помощью новоявленного Богдо-гэгэна определённые силы попытаются восстановить теократию в Монголии. Богдо-гэгэн смог попасть в Монголию только в 1999 г. по туристической визе. Но принципиально ситуация изменилась гораздо позже — в 2010 г., когда Девятому Джебдзун-Дамбе предоставили монгольское гражданство, а годом позже интронизировали в качестве главы монгольского буддизма. В 2012 г. восьмидесятилетний лама скончался. В 2016 г. Далай-лама объявил об обнаружении десятого воплощения Богдо-гэгэна, который родился в Монголии [Бэх Т. 2016]. Каких-либо подробностей на данный момент неизвестно, но уже сейчас можно говорить о том, что появление своего тулку, исторически третьего по статусу после Далай-ламы и Панчен-ламы, значительно укрепляет позиции монгольской сангхи в мире.

Текущий расклад сил в мире тибетского буддизма таков, что наиболее популярным и известным религиозными лидером среди последователей школы гелуг — а это большинство верующих в Монголии и России — остаётся Далай-лама. Как будут развиваться события после его ухода, неизвестно, но очевидно, что власти КНР планируют выдвинуть своего кандидата и ключевую роль в этом будет играть нынешний китайский Панчен-лама. Однако проблема в том, что он не пользуется авторитетом среди буддистов, которые считают настоящим Панчен-ламой первого кандидата, исчезнувшего вместе с семьёй [Griffiths, James. 2020]. В этой ситуации наличие в Монголии своего буддийского лидера, признанного легитимным Далай-ламой, значительно повышает статус монгольской сангхи и даёт ей возможность влиять на религиозную ситуацию не только в буддийских регионах России, но и местах

проживания тибетцев, поскольку Девятый Богдо-гэгэн как воплощение Таранатхи был главой тибетской школы джонанг.

В контексте попыток КНР взять контроль над тулку в свои руки появление Десятого Богдо-гэгэна создаёт альтернативный источник влияния на процессы в тибетском буддизме. Пока на официальном уровне Китай на новость об обнаружении Десятого Богдо-гэгэна отреагировал довольно сдержанно, выразив «надежду», что монголы будут его воспитывать без вмешательства Джарамсалы [Lulu, J. 2017a]. В то же время некоторые китайские авторы охарактеризовали восстановление института Джебдзун-Дамба-хутухт как «великую победу и прорыв клики Далая» [Lulu, J. 2017b].

Новые монгольские хубилганы

Девятый Джебдзун-Дамба-хутухта вместе с Четырнадцатым Далай-ламой с начала 1990-х выявили и утвердили около 20 монгольских хубилганов. Процесс поиска и утверждения выглядел примерно следующим образом. Верующие из определённого аймака, где когда-то проживал известный хубилган, или ламы монастыря, принадлежавшего этому хубилгану, обращались к Далай-ламе или Богдо-гэгэну с просьбой обнаружить его нынешнее перерождение. Далай-лама просил прислать ему имена потенциальных кандидатов — детей, родившихся в этом аймаке в определённый промежуток времени и место их рождения, затем из этого списка он выбирал конкретного ребенка, который и признавался хубилганом. Так были выявлены хубилганы Дзая-гэгэна, Джалхандза-хутухты, Манджушри-хутухты, Гобийского Ноён-хутухты, Егудзэр-хутухты и другие. После этого дети, как правило, направлялись на обучение в один из тибетских монастырей в Индии. В прошлом у хутухты был, как правило, не только монастырь, но и своя казна и шабинары — семьи арапов-скотоводов, которые выпасали скот ламы и занимались прочими хозяйственными делами. У современных хубилганов в лучшем случае есть только монастырь. Отсутствие необходимой инфраструктуры и средств нередко затрудняет деятельность хубилгана, но некоторые из них, например, Срайдорж Номунхан и Наробанчэн-хутухта нашли выход в создании благотворительных фондов [Ууганбаяр С. 2019].

Притом что большинство новых хубилганов ориентированы на Далай-ламу, есть и тулку, обнаруженные другими ламами. Наиболее

яркий представитель этой группы — Дзава Дамдин (Дугаржавын Осгонбаяр). Он был признан новым воплощением Дзава Дамдина, крупнейшего монгольского религиозного мыслителя и историка начала XX в. Его утвердил Гуру Дэва Ринпоче, известный монгольский лама родом из Ордоса. В начале 1990-х он переехал из Индии в Монголию из-за конфликта с Далай-ламой по вопросу о практике Дордже Шугдэна¹⁸⁸. В результате Дзава Дамдин стал главным проповедником культа Шугдэна в Монголии и критически высказывается в адрес Далай-ламы. Его претензии касаются не личности Далай-ламы, скорее, его беспокоит влияние тибетской диаспоры и вмешательство тибетских лам в деятельность монгольской сангхи [Завва Дамдин Ренбүчи Осгонбаяр. 2019]. Он выступает за большую самостоятельность и субъектность монгольской сангхи, которая в настоящее время рискует, по его мнению, быть встроенной в тибетскую иерархию во главе с Далай-ламой [Завва Дамдин Ринбүчи. 2017]. Его оппоненты, напротив, обвиняют его в получении денег из КНР за его критику Далай-ламы.

Особенности института тулку

Процесс восстановления института тулку в Монголии наглядно продемонстрировал ряд особенной этого института, благодаря которым он сохраняет свою актуальность в XXI в.

Восстановление исторической преемственности. В период с конца 1930-х до конца 1980-х, несмотря на то что был открыт монастырь Гандан в Улан-Баторе, при котором существовала своя действующая община, буддийской традиции и институтам в стране был нанесён серьёзный удар. Монастыри были разрушены, наложен запрет на поиск хубилганов, не было системы религиозного образования и обретения знаний в целом. В 1990-е монгольским буддистам фактически приходилось начинать с чистого листа. В этих условиях обнаружение нового воплощения хутухты, когда-то жившего в этом аймаке, восстановление его монастыря, позволяет преодолеть тот символический исторический разрыв, возникший в годы МНР. Строительство монастыря и появление местной общины оказываются не чем-то новым, а обретают связь

---

¹⁸⁸ См. исследования современных учёных о Долгяле (Шугдене). <https://ru.dalailama.com/messages/dolgyal-shugden/contemporary-scholars>.

с прошлым и становятся продолжением многовековой истории буддизма в Монголии. Тулку в данном случае служит мостом, перекинутым из прошлого в настоящее. Будучи воплощением жившего здесь до революции хутухты, он символизирует восстановление нарушенного в годы социализма порядка и возвращение традиции.

Решение проблемы авторитета. В 1990-е монгольская сангха оказалась в тяжёлой ситуации. В стране был экономический кризис, средства на восстановление храмов и монастырей приходилось искать главным образом у спонсоров и собирать у верующих. Но если храм, при наличии денег, можно возвести за несколько лет, то наладить систему подготовки квалифицированных кадров и обучить лам за такой короткий срок невозможно. В адрес монгольских лам до сих пор раздаётся много критики. Их часто обвиняют в необразованности и нарушении монашеских обетов¹⁸⁹. Обычному ламе для того, чтобы добиться авторитета среди верующих, требуется много времени — нужно получить образование и суметь проявить свои знания и умения. На это обычно уходит не один год. Тулку получает авторитет и уважение исключительно за счёт своего статуса. Сам факт признания кого-то перерождением известного хутухты значительно возвышает его в глазах верующих, они выделяют его среди других лам, независимо от его личных качеств и знаний. Как пишет Вайли, сила института тулку — в его деперсонализации, то есть переходе от харизмы личности к харизме должности, или статуса [Tsyrempilov, N. 2006, p. 51]. Это придаёт большую прочность институту, поскольку теперь он больше не зависит от харизмы и личных качеств конкретного тулку.

Трансграничность. Исторически большинство линий тулку восходят в Индию и Тибет. Позднее тулку перерождались в Монголии, а в XX в. и в странах Запада. Наиболее показателен в этом плане пример Тэло Тулку Ринпоче (Омбадьков Эрдни Басанович). Он родился в 1972 г. в семье калмыцких эмигрантов в США. Поскольку ещё будучи ребёнком он проявил интерес к буддизму, Далай-лама XIV посоветовал его родителям отдать мальчика в монастырь Дрепунг Гоман в Индии. Там в конце 1980-х Эрдни был признан хубилганом Дилова-хутухты XI Джамсранджава (1884—1965), выдающегося религиозного деятеля Монголии, скончавшегося в эмиграции в США¹⁹⁰. Дилова-хутухты, в свою

---

¹⁸⁹ См. подробнее: [Сабиров Р. 2020, с. 86—105].

¹⁹⁰ Подробнее см.: [Дилова-хутухта Монголии, 2018].

очередь, считаются перерождениями знаменитого индийского тантрика и махасиддхи Тилопы (монг. Дилова; 928—1009). В 1992 г. Тэло Тулку был избран *шаджин-ламой* (верховным ламой) Калмыкии, а позже — представителем Далай-ламы в России и странах СНГ. В этом статусе он преимущественно занимался восстановлением буддизма в Калмыкии и связями российских буддистов с Далай-ламой. Но поскольку в прошлом воплощении он жил в Монголии, то монгольские верующие также его почитают, Тэло Тулку участвует там в ряде проектов, связанных с восстановлением монастыря Дилова-хутухты и других.

Таким образом статус тулку позволяет его обладателю выходить за пределы региональных буддийских общин и преодолевать национальные границы. Деятельность тулку носит больше транснациональный сетевой характер. Появление крупного тулку привлекает не только местных верующих, но и паломников из других стран и регионов. Кроме того, крупный тулку обладает правом утверждения других тулку.

Заключение

Харизма статуса, способность преодолевать временные и пространственные ограничения, превращают тулку в одну из ключевых фигур в монголо-тибетском буддизме, которая позволяет решать присущие современному буддизму проблемы. Такие как снижение уровня образованности и недостаток авторитета (как отдельных лам, так и сангхи в целом), разрушение преемственности и традиций, ограничения, накладываемые государственной политикой в области религии.

Вместе с тем такая востребованность и сила института тулку имеет и негативную сторону. В данном случае она выражается в стремлении властей КНР контролировать процесс обнаружения и утверждения тулку. Ещё в 1994 г. власти КНР провозгласили контроль над системой выбора и утверждения тулку одной из ключевых задач своей религиозной политики [Slobodnik, M. 2011, p. 70]. А в 2007 г. был издан известный Приказ № 5 «Меры по управлению реинкарнациями живых будд в тибетском буддизме», который определяет процедуру и правила выбора, идентификации, интронизации и обучения тулку [Ibid., p. 76]. Согласно Приказу, крупные тулку должны утверждаться Государственным советом КНР, тулку местного значения — согласовываться с органами управления провинциального уровня [Помелова Ю.П. 2020, с. 164].

Эти меры направлены на решение прежде всего тибетского вопроса, то есть минимизацию внешнего влияния на ситуацию вокруг Далай-ламы и Тибета. Однако в силу транснационального характера института тулку, попытки вмешательства в выборы Далай-ламы будут иметь последствия для многих последователей тибетского буддизма в Монголии и России.

В настоящее время сложно спрогнозировать, как именно будет развиваться ситуация, но очевидно одно: институт тулку не только не потерял своей актуальности, но напротив — стал важной составляющей религиозной и религиозно-политической жизни последователей тибетского буддизма.

Библиографический список

Дилова-хутухта Монголии. Политические мемуары и автобиография перевоплощения буддийского ламы / Пер. с англ. Е.В. Гордиенко. М.: Фонд «Сохраним Тибет», 2018.

Кузьмин С.Л. (2016) *Теократическая государственность и буддийская церковь Монголии в начале XX века*. М.: Товарищество научных изданий КМК.

Позднеев А.М. (1993) *Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу*. Элиста: Калмыцкое кн. изд-во.

Помелова Ю.П. (2020) *Проблемы формирования национальной идентичности в Китайской Народной Республике* (2002—2012 гг.). Специальность 07.00.03 — Всеобщая история. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Нижний Новгород.

Сабиров Р. (2020) Монгольский буддизм в XXI веке: в процессе конструирования. *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. № 1 (38). С. 86—105.

Торчинов Е.А. (2000) *Введение в буддологию: курс лекций*. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество.

References

Dilova-hutuhta Mongolii. Politicheskie memuary i avtobiografiya perevoploshcheniya buddijskogo lamy [Dilova the Hutuktu of Mongolia. Political memoirs and autobiography of the reincarnation of a Buddhist lama]. Transl. by E.V. Gordienko. M.: Fond Sohranim Tibet, 2018. (In Russian).

Griffiths, James. (2020, May 21). A boy chosen as the Panchen Lama disappeared in 1995. China says he's now a college grad with a job. CNN, <https://edition.cnn.com/2020/05/20/asia/china-tibet-panchen-lama-dalai-lama-intl-hnk/index.html>

Jadamba, L. (2018) «Double Headed Mongolian Buddhism», The CESS Blog, <http://thecessblog.com/2018/02/double-headed-mongolian-buddhism-by-lhagvadem-chig-j-shastri-visiting-researcher-university-of-shiga-prefecture>.

Kuz'min S.L. (2016) *Teokraticheskaya gosudarstvennost' i buddijskaya cerkov' Mongolii v nachale XX veka* [Theocratic State and the Buddhist Church of Mongolia in the Early Twentieth Century]. M.: Tovarishestvo nauchnyh izdanij KMK. (In Russian).

Lulu, J. (2017a) State-managed Buddhism and Chinese-Mongolian relations. <https://jichanglulu.wordpress.com/2017/06/29/sinified>.

Lulu, J. (2017b) Thinking outside the Urn: China and the reincarnation of Mongolia's highest lama. <https://jichanglulu.wordpress.com/2017/03/21/urn>

Pomelova, Yu.P. (2020) *Problemy formirovaniya nacional'noj identichnosti v Kitajskoj Narodnoj Respublike (2002—2012 gg.)* [Problems of national identity formation in the People's Republic of China]. Special'nost' 07.00.03 — Vseobshchaya istoriya. Dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk. Nizhnij Novgorod. (In Russian).

Pozdneev, A.M. (1993) *Ocherki byta buddijskikh monastyrej i buddijskogo duhovenstva v Mongolii v svyazi s otnosheniyami sego poslednego k narodu* [Essays on the Life of Buddhist Monasteries and the Buddhist Clergy in Mongolia in Connection with their Relationship to the People]. Elista: Kalmyckoe kn. Izd-vo. (In Russian).

Sabirov, R. (2020) Mongol'skij buddizm v 21 veke: v processe konstruirovaniya [Mongolian Buddhism in XXI century: under construction]. *Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom*. № 1 (38). Pp. 86—105. (In Russian).

Slobodnik, M. (2011) A Difficult Rebirth: Tibetan Reincarnations in the Spotlight of Chinese Religious Policy. *Studia Orientalia Slovaca* 10(1). Pp. 57—80.

Thinley, K. (1980). *The History of the Sixteen Karmapas of Tibet*. Boulder: Prajna Press.

Torchinov, E.A. (2000) *Vvedenie v buddologiyu: kurs lekcij* [Introduction to Buddhism: lectures]. SPb.: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo. (In Russian).

Tsyrempilov, N. (2003) «Dge Lugs Pa Divided: Some Aspects of the Political Role of Tibetan Buddhism in the Expansion of the Qing Dynasty», in B.J. Cuevas, K.R. Schaeffer (eds). *Power, Politics, and the Reinvention of Tradition: Tibet in the Seventeenth and Eighteenth Centuries: PIATS 2003: Tibetan Studies: Proceedings of the Tenth Seminar of the International Association for Tibetan Studies*, Oxford.

Бэх, Т. (2016, 17 November) *Далай лам Х Богдыг тодруулахаар маргааш ирнэ* [Bekh T. The Dalai Lama will come tomorrow to clarify X Bogd]. <http://time.mn/k0y.html> (In Mongolian).

Зава Дамдин Ренбүчи Осгонбаяр: Далай Лам, Чойжамц Хамбыг хэн шашны тэргүүн гээд өргөмжилчихсэн юм бэ. [2019, December 2] [Zava Damdin Renbuchu Osgonbayar: Who elevated the Dalai Lama and Choyjamts Hamb as the head of religion?]. Сэрүүлэг. <http://seruuleg.Mn/8671> (In Mongolian).

Зава Дамдин Ринбүчи: Далай ламыг хүлээн зөвшөөрдөг улс Монголоос өөр хаана байгаа юм? [2017, April 19] [Zava Damdin Rinpoche: Where is the country other than Mongolia that recognizes the Dalai Lama?]. Sonin, <http://www.sonin.mn/news/politicseconomy/76889> (In Mongolian).

Ууганбаяр, С. (2019) Наро Банчэн Гэгээнтэн хүмүүнлэгийн ажил зохион байгууллаа [Uuganbayar S. Naro Banchen Gegeenten organized humanitarian work]. <https://news.zindaa.mn/2m4z> (In Mongolian).

Цыбенов Базар Догсонович

кандидат исторических наук, доцент,
старший научный сотрудник Отдела истории и культуры
Центральной Азии Института монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия)
bazar75@mail.ru

Курас Леонид Владимирович

доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник Отдела истории и культуры
Центральной Азии Института монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН (Удан-Удэ, Россия)
kuraslv@yandex.ru

К изучению рукописи о баргутском предводителе Манлай-Батор Дамдинсурэне, хранящейся в государственном архиве Иркутской области

***Аннотация.** Статья посвящена изучению архивных материалов о выдающемся баргутском деятеле Дамдинсурэне, хранящихся в Государственном архиве Иркутской области. В рукописи под названием «Историческая справка о непрочности политического положения Хулунбуира» содержатся сведения о неопределённой ситуации, царившей в 1912—1915 гг. и связанной с вхождением Хулун-Буира в состав Внешней Монголии, а также в ряде мест отмечена деятельность Дамдинсурэна. Известно, что он возглавлял делегацию Барги, направленную во Внешнюю Монголию в феврале 1912 г. Из текста рукописи выясняется, что Богдо-хан пожаловал Дамдинсурэну титул графа (гуна) с назначением советником министерства иностранных дел Внешней Монголии. В целом, выделяя личность Манлай-Батор Дамдинсурэна, анонимный автор рукописи подчеркивал, что в феврале 1913 г. монгольские и российские дипломаты прочили ему должность военного министра.*

Архивные материалы из ГАИО дополнены нами данными российских и монгольских публикаций. Выяснено, что, по мнению приехавшего в Ургу для заключения договора российский уполномоченный И.Я. Коростовца, Манлай-Батор Дамдинсурэн хорошо знал военное дело и выделялся командирскими способностями на фоне других. Установлено также, что он был назначен первым советником военного министра и заместителем министра иностранных дел Внешней Монголии. Как показывает наше исследование, личность Манлай-Батор Дамдинсурэна

освещена не только в региональных российских архивах. Много сведений о нем имеется в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) в г. Москва. Таким образом, некоторые данные об этом выдающемся деятеле этнической группы баргутов и в целом всего монгольского мира хранятся и в Государственном архиве Иркутской области.

Ключевые слова: баргуты, Дамдинсүрэн, Шенфу, Барга, Внешняя Монголия, Кобдо

Tsybenov Bazar Dogsonovich

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate, Department of History and Culture of Central Asia, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of SB RAS (Ulan-Ude, Russia)
bazar75@mail.ru

Kuras Leonid Vladimirovich

Doctor. Sc. (History), Professor, Chief Research Associate, Department of History and Culture of Central Asia, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of SB RAS (Ulan-Ude, Russia)
kuraslv@yandex.ru

To the study of the manuscript about the Bargut leader Manlai-Bator Damdinsuren in the state archive of the Irkutsk region

Abstract. *The article is devoted to the study of archival materials about the outstanding Bargut figure Damdinsuren, stored in the State Archives of the Irkutsk Region. The manuscript entitled «Historical note on the fragility of the political situation of Hulunbuir» contained information about the uncertain situation that prevailed in 1912—1915. and associated with the entry of Hulun-Buir into Outer Mongolia. The work also preserved materials about Damdinsuren's activities. The manuscript stated that he led the Barga delegation sent to Outer Mongolia in February 1912. Bogdo Khan granted Damdinsuren the title of count (gun) with the appointment of adviser to the Ministry of Foreign Affairs of Outer Mongolia. The anonymous author of the manuscript singled out the personality of Damdinsuren from among other officials and emphasized that in February 1913, Mongolian and Russian diplomats predicted that he would be the Minister of War.*

Materials from the State Archives of the Irkutsk Region have been supplemented by us with data from Russian and Mongolian publications. The authors found out the opinion of the Russian plenipotentiary I. Ya. Korostovets, who came to Urga to conclude the Russian-Mongolian treaty. Korostovets rightly believed that Manlai-Bator Damdinsuren knew military affairs well and stood out as a commander against the background of others. Scholars have also established that he was appointed First Advisor to the Minister of War and Deputy Minister of Foreign Affairs of Outer Mongolia. As our research has shown, the personality of Manlai-Bator Damdinsuren is covered not only in the central Russian archives. In particular, researchers know that there is a lot of information about him in the Foreign Policy Archive of the Russian Empire (AVPRI) in Moscow. Thus, some data about this outstanding figure of the Bargut ethnic group and the entire Mongolian world as a whole are also stored in the State Archives of the Irkutsk Region.

Keywords: *Bargut, Damdinsuren, Shenfu, Barga, Outer Mongolia, Kobdo*

Сведения о Манлай-Батор Дамдинсурэне содержит документ «Историческая справка о непрочности политического положения Хулунбуира», хранящийся в Государственном архиве Иркутской области¹⁹¹. Он представляет собой плохо сохранившуюся рукопись на русском языке, написанную простым карандашом. Рукопись является анонимной. Автор неизвестен, поскольку работа обрывается на шестом листе. Судя по излагаемым событиям, рукопись написана не ранее 1915 г.

В этом документе говорится о неопределённой ситуации, царившей в 1912—1915 гг. и связанной с вхождением Хулун-Буира в состав Внешней Монголии. В нём говорится, что «монголы [бартуты. — авт.] стали склоняться на сторону Халхи и весной того же года созвали было правителей хошунов с выборными от народа на совещание, в результате которого было составлено посольство в Ургу к Хутухте с просьбой о подданстве»¹⁹². Здесь можно обнаружить некоторое несоответствие в хронологии, поскольку далее отмечено, что «посольство прибыло в Ургу 6 февраля 1912 года и в апреле было принято на аудиенции Хутухтой»¹⁹³. В состав делегации входили командир 3-го сумуна белого ново-монголо-бурятского знамени, сумуну-цзангин (есаул, капитан)

---

¹⁹¹ ГАИО.Ф. 293, оп. 1, д. 821, 8 л.

¹⁹² ГАИО.Ф. 293, оп. 1, д. 821, л. 2.

¹⁹³ ГАИО.Ф. 293, оп. 1, д. 821, л. 2.

Дамдинсурэн [в рукописи написано: Дамдинсурун. — *авт.*], ставший во главе посольства; старшины Чжангца, Паданга, Яндабу (или Ямбалту), Бодигэрэл и писарь Гуйсаху¹⁹⁴. Эти данные о составе делегации согласуются с монгольскими архивными документами. Так, в указе Богдо-хана от 11 февраля 1911 года отмечены следующие делегаты: «Дамдинсурэн, Цэгц, Бадаахин, Янтавуу, Бодьгэрэл, писарь Гайхасу» [Дуутан Ж. Гэрэлбадрах 2014, с. 97]. Как мы видим, русские и монгольские написания личных имен делегатов имеют некоторые различия; но все же можно понять, что речь в них идёт об одних и тех же лицах. Далее анонимный автор отмечает, что по поводу писем Дамдинсурэна Богдо-ханом выражено было одобрение, и обнародован был указ о принятии в подданство хулунбуирских монголов. При этом правитель Хулунбуира Шенфу был возведён в княжеское достоинство 3-й степени бэйлэ; Дамдинсурэн был пожалован титулом графа (гуна) с назначением советником министерства иностранных дел; Чжангца (или Чжанчжин) и другие старшины получили чины 5-й степени, а Гуйсаху — чин 4-й степени¹⁹⁵. В работе подчёркивается, что известие о принятии Хулун-Буира в состав Внешней Монголии было принято населением Халхи и Хулун-Буира с восторгом, и сам правитель Шенфу, назначенный тем же указом Хутухты генерал-губернатором Хулун-Буира, стал готовиться к отъезду в Ургу для выражения признательности от себя и народа за оказание милости.

Далее в рукописи сообщается, что события в Урге приобрели несколько неожиданный для делегатов поворот. Дело в том, что посольство Дамдинсурэна встретило противодействие своим стремлениям со стороны генерального консула Российской империи в Урге В.Ф. Люба. В марте 1912 г. делегаты от Хулун-Буира во главе с Яндабу явились к нему в поисках выражения сочувствия и поддержки в вопросе присоединения Хулун-Буира, но получили отрицательный ответ. Делегатам было заявлено, что российское правительство в этом вопросе какого-либо содействия или поддержки оказывать не намерено. Таким образом, последовавший в апреле указ Хутухты о присоединении Хулун-Буира вступил в противоречие с заявлением российского консула, который признать этот акт отказался¹⁹⁶. Позиция России в во-

---

¹⁹⁴ ГАИО.Ф. 293, оп. 1, д. 821, л. 2.

¹⁹⁵ ГАИО.Ф. 293, оп. 1, д. 821, л. 2.

¹⁹⁶ ГАИО.Ф. 293, оп. 1, д. 821, л. 3.

просе о Хулун-Буире для делегатов была не совсем понятной, учитывая ранее предоставленную ей военную помощь зимой 1912 г. в деле взятия крепости Лубинфу.

В целом вокруг Внешней Монголии и Хулун-Буира складывалась непростая обстановка. Её усиливали военные действия между Внешней Монголией и Китайской Республикой в 1912—1915 гг. Они вошли в историю как «Таван замын байлдаан» (Сражения по пяти направлениям). Так, в источнике имеются следующие записи: «Между тем на юг, юго-восток и запад началась партизанская война Монголии с Китаем, с заметным успехом монголов. Дамдинсурэн во главе немногочисленного отряда монгольских чинов, будучи отправлен на запад, взял 8 августа того же года штурмом китайскую крепость Кобдо. На востоке, в княжестве Чжасакту вана Удая поднялось поголовное восстание; масса китайских поселенцев была разорена до основания, и китайцы изгнаны. И эти успехи монголов заставили правителей Хулунбуира верить в лучшее будущее и поддерживать своё самоуправление хотя бы собственными силами»¹⁹⁷. Анонимный автор отмечает отправку докладов по управлению регионом в Ургу на утверждение; указы Богдо-хана, направленные хулунбуирскому амбаню Шенфу, в частности, распоряжение о представлении подробного перечня всех доходов, получаемых в Хулун-Буире¹⁹⁸. Информация об указах Богдо-хана (о назначении чиновников; наказаниях за разбои и грабежи) от 14 и 15 августа 1914 года имеется и в монгольских архивных материалах [Дуутан Ж., Гэрэлбадрах 2014, с. 107, 110—111]. Таким образом, можно говорить об отдельных официальных фактах начавшейся социально-экономической интеграции региона в состав Внешней Монголии.

Примечательно, что в рукописи отмечаются выдающиеся способности хулунбуирских монголов в военном деле: «Имея знаменную организацию, войска эти всегда находились под знаменами, вели обучение и были строго дисциплинированы. На них не раз опиралась маньчжурская династия, и там, где не имели успеха прочие правительственные войска, там блестяще выполняли свой долг «баргуты», прозванные в империи Китая так за свою лихость, отвагу и крайнюю свирепость (например, усмирение дунган в 1872 г.)»¹⁹⁹.

---

¹⁹⁷ ГАИО.Ф. 293, оп. 1, д. 821, л. 3-4.

¹⁹⁸ ГАИО.Ф. 293, оп. 1, д. 821, л. 4.

¹⁹⁹ ГАИО.Ф. 293, оп. 1, д. 821, л. 4-5.

Анонимный автор, высоко оценивая военные способности баргутов, указывает, что монгольское правительство стало на них рассчитывать, как на опору в будущем. Так, в рукописи отмечено: «В Хулунбуир было послано оружие и боевые припасы, для возбуждения рвения и интереса к делу посыпались всевозможные поощрения и награды рядовым старшинам знамён и их помощникам с титулами: цзорикуту (смелый, решительный), багатур (богатырь, герой), идэрхик (сильный, могущественный) и т. д., вплоть до титула князей 2-й степени цзюньванов». Подробно также описаны титулы и должности Манлай-Батор [в рукописи написано «Манлай-Ван» — *авт.*] Дамдинсурэна в период с 1912 по 1914 г.²⁰⁰. Вышеотмеченные факты находят подтверждение в монгольских источниках. Так, известно, что более десяти баргутских воинов, прославившихся во время взятия Кобдо и в военных действиях с Китаем, были удостоены звания народных героев Монголии [Мягмарсамбуу 2017, с. 60]. По другим данным, почётным званием от Богдо-гэгэна были награждены пять баргутских воинов [Ганжуурдалайн 2016, с. 24]. Выделяя Манлай-Батор Дамдинсурэна, анонимный автор пишет, что в феврале 1913 года монгольские и российские дипломаты прочили ему должность военного министра. Особенно настаивал на этом приехавший в Ургу для заключения договора российский уполномоченный И.Я. Коростовец. По его мнению, Манлай-Батор Дамдинсурэн хорошо знал военное дело и выделялся командирскими способностями на фоне других [Коростовец И.Я. 2004, с. 308]. Как известно, он был назначен первым советником военного министра и заместителем министра иностранных дел Внешней Монголии [Ванчикова Ц.П., Миягашева С.Б. 2017, с. 182].

Таким образом, личность Манлай-Батор Дамдинсурэна освещена не только в центральных российских архивах, в частности, много сведений о нём имеется в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) в г. Москва. Как мы видим, некоторые данные об этом выдающемся деятеле монгольского мира имеются и в Государственном архиве Иркутской области.

Исследование выполнено при поддержке РФФ в рамках проекта «Маньчжуро-монгольский мир Внутренней Азии в первой половине XX в.» (№ 22-68-00054).

---

²⁰⁰ ГАИО.Ф. 293, оп. 1, д. 821, л. 5.

Источники

ГАИО — Государственный архив Иркутской области. Ф. 293. Оп. 1. Д. 821. На 6 листах.

Библиографический список

Ванчикова Ц.П., Миягашева С.Б. (2017) Летопись О. Амаржаргала «О происхождении и историческом развитии барга-бурят» как источник интерпретации этнической истории традиционной культуры барга-бурятской общности // *Гуманитарный вектор*. Т. 12. № 4. С. 179—189.

Ганжуурдалайн Ц. (2016) Страницы истории барга-монголов. В. сб.: *Регион в приграничном пространстве* / под ред. Е.В. Дроботушенко. Чита: Изд-во Заб-ГУ. С. 22—27.

Дуутан Ж. Гэрэлбадрах (2014) *Монголчуудын нэгдсэн улс байгуулахын төлөөх тэмцэл (1911—1915)*. Т.1. Улаанбаатар: «Адмон» хэвлэлийн газар, 2014. 376 с.

Коростовец И.Я. (2004) *От Чингис-хана до Советской республики (краткая история Монголии с особым учётом новейшего времени)*. Улан-Батор: Эмгэнт. 560 с.

Мягмарсамбуу Г. (2017) *Бүс нутаг, Монголын түүхэн дэх Барга: улс төрийн түүх (1900—1960 он)* Улаанбаатар: Соёмбо принтинг. 338 с.

Sources

ГАИО — Gosudarstvennyy arkhiv Irkutskoy oblasti [State Archive of the Irkutsk Region]. F. 293. Op. 1. D. 821. Na 6 listakh.

References

Duutan J. Gerelbadrakh (2014) *Mongolchuudyn negdsen uls baiguulakhyn tolөөkh temtsel (1911—1915)*. T. I. [Struggle for the establishment of a unified Mongolian state (1911—1915), t. 1]. Ulaanbaatar: «Admon» publishing house. 376 p. (In Mongolian).

Ganjuurdalain Ts. (2016) Stranitsy istorii barga-mongolov [Pages of the history of the Barga Mongols]. In E.V. Drobotushenko (ed.) *Region v prigranichnom prostranstve* [Region in the border space], pp. 22—27. Chita: Publishing house of the Transbaik State University. (In Russian).

Korostovets I. Ya. (2004) *Ot Chingis-khana do Sovetskoy respubliki (kratkaya istoriya Mongolii s osobym uchetom noveyshego vremeni)* [From Genghis Khan to the Soviet Republic (a brief history of Mongolia with special regard to modern times)]. Ulan-Bator: «Emgent» publishing house. 560 p. (In Russian).

Miyagmarsambuu G. (2017) *Bүs nutag, Mongolyn түүхэн dekh Barga: улс төрийн түүх (1900—1960 он)* [Barga in the history of the region and Mongolia: the history of the country (1900-1960)] Ulaanbaatar: «Soyombo printing» publishing house. 338 p. (In Russian).

Vanchikova, TS.P., Miyagasheva, S.B. (2017) Letopis' O. Amarzhargala «O proiskhozhdenii i istoricheskom razvitiі barga-buryat» kak istochnik interpretatsii etnicheskoy istorii traditsionnoy kul'tury barga-buryatskoy obshchnosti [Chronicle by O. Amarjargal «On the Origin and Historical Development of the Barga-Buryats» as a Source of Interpretation of Ethnic History and Traditional Culture of the Barga-Buryats]. *Gumanitarnyy vektor*, t. 12, No 4, pp. 179—189. (In Russian)

Раздел 5

Китай

Адамс Ольга Юрьевна

к. полит. н., доцент кафедры политологии Востока
факультета глобальных процессов МГУ (Москва, Россия)
oyadams_98@yahoo.com

Политическая коммуникация в современном Китае: теоретическое осмысление и вопросы практического применения

***Аннотация.** Политическая коммуникация по Дж. Сартори — самая «инклюзивная» характеристика политической системы: ею обладают все без исключения варианты политического устройства общества. Политическая коммуникация в современном Китае — уникальное слияние опыта революции и государственного строительства КПК и её нынешней роли «информационного гегемона», использующего целый спектр подходов к политической коммуникации: от традиционной цензуры до «адаптивного убеждения». Модель односторонней политической пропаганды, по мнению китайских учёных, была жизненно важна на этапе формирования КПК как ведущей политической силы, преодоления вызовов периода, непосредственно предшествовавшего 1949 г., и социальной мобилизации. Сегодня КПК — часть «государственного устройства, основанного на ценностях». Политическая коммуникация сохраняет преимущественно односторонний характер, но, с учётом бурного роста Интернет-охвата, партийно-политическая система ведёт активные поиски новых форм взаимодействия с разными категориями граждан: от партийно-государственных работников до молодёжи, жителей сельской местности, горожан и т.д. Распространение средств массовой коммуникации (социальных сетей) с их широкими возможностями латеральных связей между пользователями без посредника в виде СМИ, представляет серьёзный вызов сложившимся моделям политической коммуникации, даже с учётом их адаптации к «ком-*

мерциализации, либерализации и плюрализации» информационной сферы в результате смены экономической парадигмы и последовавшего экономического роста. СМК представляют потенциально значительные возможности налаживания обратной связи с обществом и задействования его контролирующего ресурса. Однако упомянутые выше возможности прямых горизонтальных связей между пользователями и вероятность коллективных действий вызывает опасения со стороны политического истеблишмента. Официальные СМИ и партийно-государственные органы (не только занятые информационно-просветительской и пропагандистской, но и административной работой) поддерживают присутствие в Сети, потенциал обратной связи с обществом задействован в отдельных сферах (антикоррупционной), но пока Интернет-стратегия политической коммуникации КПК находится на стадии разработки.

Ключевые слова: КНР, КПК, политическая коммуникация, коммуникативистика, пропаганда, интернет-медиа, средства массовой коммуникации, социальные сети

Olga Y. Adams

PhD, Associate professor of the Department of Asian Political Studies
Moscow State University School of Global Studies (Moscow, Russia)
oyadams_98@yahoo.com

Political communication in the present-day China: theories and practical application

Abstract. According to G. Sartori political communication is the most «inclusive» feature — all political systems without exception have it. Political communication in contemporary China is an amalgam of Communist Party of China's experience as a revolutionary and state-building actor and present-day's «information hegemon» utilizing a wide array of communication tools — from traditional censure to «adaptive persuasion». Chinese communication researchers view traditional unidirectional propaganda model as crucially important during the lead-up to establishing of PRC: CPC was establishing itself as a leading political actor at the backdrop of anti-Japanese war, fighting with Kuomintang and mobilizing wide social support. Today CPC is a leading actor of «a value-based governance system». Chinese political communication model retains its mostly unidirectional character; however, with a rapid growth of Internet

CPC-led political system is looking for new ways of outreach calibrated now towards different groups' expectations — from Party and government workers to China's youth, its' rural residents, etc. Rapid growth of social networks (mass communication platforms) presents a formidable challenge to China's model of political communication because of users' lateral connections, direct exchange of information and opportunities to engage in collective action. Even though the present-day political communication proved itself adaptable to challenges of «commercialization, liberalization and pluralization» brought as a result of tectonic changes in economic policies and exponential growth. Social networks offer an effective channel of society's feedback on policies and of societal oversight over government bodies. However, the above-mentioned possibility of collective action, including protests, keeps the political establishment wary. Meanwhile official presence on social communication platforms is well-established and citizens' feedback and oversight is cautiously utilized in anti-corruption efforts. To sum, the Internet strategy for PRC's model of political communication is a work in progress.

Keywords: *China, Communist Party of China, political communication, propaganda, Internet media, social networks*

Введение

Политическая коммуникация играет центральную роль в процессе целеполагания и выработки конкретных методов достижения намеченных целей (становления, трансформации, развития и т.д.), а также интернализации идеологических ориентиров в любой политической системе. В реформенном Китае «доинтернетного» периода, т.е. примерно до начала 2000-х гг., пространство политической коммуникации было монополизировано традиционной для авторитарных политических систем «униполярной» моделью политической коммуникации или, точнее, распространения политической информации.

Бурно развивающиеся Интернет-технологии в сочетании с огромным числом пользователей (более 1 млрд человек в 2021 г.) превратили китайские онлайн-СМИ и социальные сети в главный способ политического информирования и коммуникации. Традиционные СМИ — печатные издания, радио- и телевещательные станции — установили присутствие в Интернете, социальные сети стали важным каналом обратной связи со стороны граждан, выполняя даже ограниченную

контролирующую функцию. Роль и место Интернет-средств массовой коммуникации (СМК) в распространении политической информации, пропаганды, задействование их потенциала в налаживании обратной связи между политической системой и обществом, в том числе «активными гражданами» — так называемыми «нетизенами», которые, в том числе, могут выполнять ограниченные функции общественного надзора за деятельностью государственной системы особенно на местном уровне, а также вопросы регулирования и контроля Интернет-пространства — далеко не полный перечень масштабных вопросов теоретического и прикладного характера в китайской политической коммуникативистике. Сегодня вышеуказанные задачи политическая система КНР рассматривает в контексте новой парадигмы: по образному выражению Вероники Ма «в век мгновенного распространения информации усилия по «маркетингу» идеологии или политического строя требуют набора совершенно новых подходов, которые направлены на получение новых ответов целевой аудитории»²⁰¹.

Анализ влияния СМИ на формирование и трансформацию общественного мнения в Китае, медиатизация «сложных вопросов развития», налаживание взаимодействий между политической системой и онлайн-сообществом в целом — лишь некоторые практические вопросы, стоящие перед коммуникативными акторами. В 2010 г. в докладе «О развитии и управлении сетью Интернет в Китае» заместитель начальника Отдела пропаганды ЦК КПК, начальник Канцелярии внешнеполитической пропаганды ЦК КПК и Комитета по информации Госсовета КНР Ван Чэнь заявлял, что «стремительное развитие Интернета дало партии и правительству возможность лучше понимать ситуацию в обществе, а также продвигать передовые управленческие практики». Подчеркивалась также необходимость «пристально изучать связь между свободой выражения мнений онлайн и социальной стабильностью»²⁰². В рамках настоящей статьи автор выделяет политическую коммуникацию в КНР в качестве объекта исследования, определяя предметом исследования её новые формы, прежде всего связанные с бурным развитием интернет-технологий.

---

²⁰¹ Harvard International Review. — Vol. 37, No. 2 (Winter 2016), pp. 46—50. Доступно по ссылке <https://www.jstor.org/stable/26445580>.

²⁰² <http://www.npc.gov.cn/npc/c541/201005/ac4002d9bfc045eaac86df5eff267ef7.shtml> (на кит.яз.) (дата обращения 02.01.23).

Для достижения поставленной исследовательской задачи вначале кратко остановимся на западном опыте теоретического осмысления политической коммуникации и её качественных изменений в Интернет-эпоху. Затем рассмотрим собственно китайские подходы к политической коммуникации, политику регулирования Интернет-пространства, а также официальную точку зрения на его место и роль во взаимодействии политической системы и общества.

Модели политической коммуникации: теоретическое осмысление

Справочное издание «Oxford Handbook on Political Communication» 2015 г. выделяет по крайней мере 22 теории политической коммуникации. Они по-разному определяют взаимоотношения собственно участников политического процесса, общества и медийных «посредников», что, в свою очередь, коренным образом изменяет характеристики информационного сопровождения политического процесса и его конечный результат.

По определению М.Н. Грачёва политическая коммуникация — это «особый, частный случай коммуникации, представляющий собой информационное воздействие политических акторов друг на друга и окружающую социальную среду (общество) по поводу власти и властно-управленческих отношений в обществе. Политическая коммуникация — атрибут, неотъемлемое свойство политической деятельности, без которого последняя не может ни существовать, ни мыслиться» [Грачёв М.Н. 2011, с. 19].

М.Н. Грачёв подчёркивает, что здесь речь идёт не об информационном взаимодействии политических акторов как друг с другом, так и с обществом, подразумевающее обратную связь между ними, а более общий случай политической коммуникации — информационное *воздействие* политических акторов друг на друга и на окружающую социальную среду. Частный случай политической коммуникации, предполагающий наличие обратной связи, есть не что иное, как политическое управление, включающее в себя и так называемый «политический диалог», который [...] всегда содержит в себе в неявном виде управленческие моменты [Грачёв М.Н. 2011, с. 19].

По мнению А.Н. Соловьева «политическая коммуникация есть частный случай успешной реализации информационных обменов,

попыток коммуникатора (например, властных структур) вступить в контакт со своим контрагентом. Таким образом, её можно идентифицировать как форму общения, установленную на основе направленной передачи информации, породившей осмысленный ответ реципиента на вызов коммуникатора». Отмечая вероятность «осмысленного ответа», А. Соловьёв тем не менее подчёркивает, что «в истории можно найти множество примеров «униполярного» коммуникационного взаимодействия, когда власть просто информирует массу пассивных и занятых своими частными проблемами индивидов либо политически «продавливает» решения, реализация которых не ассоциируется в сознании людей с их собственными интересами. В этих случаях интерпретация гражданами пущенных в публичное обращение текстов, смысловой «ответ» общества на послания власти функционально безрезультатны, т.е. не нужны последней, и, следовательно, не включаются в структуру корректировки имеющихся планов и не используются для диагностики политических процессов» [Соловьёв А.Н. 2002].

Это утверждение наглядно иллюстрирует прежний достаточно эффективный способ политического информирования, действовавший в КНР с 1949 вплоть до начала Интернет-эпохи в начале 2000-х гг. Здесь же берёт начало информационно-коммуникационная дилемма, стоящая сегодня перед коммуникаторами политической информации в Китае: может ли продолжать действовать в новых условиях упомянутая выше «безотносительность» интерпретация гражданами опубликованных материалов, которые лишь информируют общество о проблемах и путях их решения, определяемых без его участия? Или быстрое распространение информации посредством онлайн-СМК, которые в отличие от вышеупомянутой модели передачи информации «сверху-вниз», связывают пользователей «латеральными» контактами и предоставляют возможность обсуждения транслируемой информации и, следовательно, формирования точки зрения на её содержание, в том числе, негативной, требует корректировки принимаемых решений с учётом этого фактора? Перевешивает ли положительный потенциал общественного мнения, выражаемого посредством СМК, вероятность негативных, даже протестных коллективных настроений и действий? Того, что пекинский исследователь Тан Кэчао называет «нарушением монополии государства-партии на политическую мобилизацию» (цит. по [Esarey, Xiao, 2011]). Анализ различных направлений информационной и идеологической политики и доступных

официальных источников и литературы позволяет прийти к выводу, что консенсус по важнейшему вопросу пока не достигнут. Примеры разнонаправленных действий по осторожному задействованию ресурса общественного мнения и одновременно попыток его строгого мониторинга и цензуры приведены далее в статье.

В научном дискурсе за пределами Китая пока нет единства взглядов на политическую коммуникацию в КНР и её роли в политическом процессе. Устоявшийся взгляд на политическую систему КНР как на закрытую от диалога с гражданами зачастую направляет исследования роли и места Интернета в политическом процессе в русло дихотомии между строгой партийно-государственной цензурой «сверху» и поисков способов её обойти «снизу». Это в свою очередь излишне сужает исследовательский фокус, оставляя за его рамками, например, потенциал онлайн-сообщества как источника обратной связи при практическом апробировании политики; или целый комплекс вопросов, связанных с поиском эффективных путей адаптации способов и методов политической коммуникации к новым онлайн-реалиям и ожиданиям современного китайского общества. У Гогуан характеризует систему Интернет-контроля в КНР середины 2000-х гг. как «триединство построения Интернет-сетей, законодательного регулирования цифровых коммуникаций и политической цензуры» (цит. по: [Esarey, Xiao, 2011]). Терминологический спектр определений системы политической коммуникации в современном Китае включает «адаптивное пропагандистское государство», «информационный политический режим», или определяет КПК как «информационного гегемона» (цит. по: [Esarey, Xiao, 2011]).

Исследование политических отношений «нетизенов», возможностей Интернета как механизма массового политического информирования, а также возможности налаживания диалога и обратной связи с обществом — предмет пристального внимания китайских исследователей и политиков-практиков. В КНР накоплен значительный опыт изучения политической коммуникации «доинтернетного» периода. Ещё в 1993 году сделать «политический язык» предметом междисциплинарного изучения политологии и лингвистики предложил Чэнь Чанвэнь (陈昌文). Сегодня политическая лингвистика остаётся одним из ведущих направлений политической коммуникативистики в КНР. По мнению исследователей из Института исследования марксизма Университета Хохай (г. Нанкин) можно выделить два главных иссле-

довательских направления: последователи первого изучают «политический язык» с точки зрения «политического эффекта (результата)»; второе сосредоточено на онтологии политического языка. Соответственно, приверженцы первого подхода считают «политический язык выражением ресурсов политической власти, которое имеет решающее практическое значение». «Язык — это самое мощное оружие в политической борьбе, только овладев которым, можно добиться руководящего положения в политической жизни..., поэтому крайне важно правильно его использовать и постоянно улучшать и развивать» [цит. по Ли, Фань, с. 28]. Примечательно, что в китайских исследовательских подходах политической коммуникативистики сохраняется взаимозаменяемость терминов «политическая коммуникация» (政治沟通) и «политическое информирование» (政治传播), которое ближе по значению к традиционной «политической пропаганде» (政治宣传). Различия в интерпретации очевидны: первый предполагает обратную связь с гражданами (обществом в целом), второй носит однонаправленный характер и ближе к традиционной политической пропаганде.

В 2008 г. в Университете коммуникаций²⁰³ — преемнике Пекинского Института вещания КНР (создан ещё в 1954 г.) был учреждён Институт политической коммуникации. Это первое в стране академическое учреждение, нацеленное на «теоретическое мультидисциплинарное и многоаспектное осмысление и практическое развитие политической коммуникативистики». Миссия Университета — «воспитание достойных, честных и нравственных профессионалов сферы массовой информации, в которых нуждается партия и правительство страны, которые в состоянии встретить нынешние и будущие вызовы сферы общественной коммуникации, а также проявить себя с лучшей стороны на международной арене»²⁰⁴. Государственный фонд социальных наук Китая сегодня поддерживает два масштабных проекта: «Системные исследования теории политической коммуникации и стратегии с китайской спецификой» и «Исследования трансформации и новых видов политической коммуникации в Китае в эпоху «я-медиа» (народной

---

²⁰³ Пекинский Институт вещания изменил название в 2004 г. Входит в проект Министерства образования «Университеты мирового класса и первоклассные специальности», который с 2017 г. объединил и трансформировал «Проект 985» и «Проект 211», частью которых также был Университет.

²⁰⁴ Сайт Университета коммуникаций <http://www.cuc.edu.cn/1404/list.htm> (на кит. яз.) (дата обращения 09.01.2023).

журналистики)»²⁰⁵. Говоря об исследовательских задачах политической коммуникации, директор института Цзин Сюэминь (荆学民) подчёркивает приоритетность «политического» аспекта по отношению к «коммуникационному». В качестве аргумента он приводит факт, что один из основателей коммуникативистики Гарольд Лассуэл — учёный-политолог, и его модель 5W была призвана оказывать содействие в решении задач, стоящих перед субъектами политики и политической системой в целом. Китайский учёный определяет три «базовых формы и способа функционирования политической коммуникации»:

Политическое информирование (政治传播) с ядром в виде политической пропаганды (政治宣传). Особенностью такого информационного обмена является трансляция единой политической идеи (идеала), которая транслируется, распространяется, становится ядром политической социализации и политического воспитания граждан.

Политическая коммуникация (政治沟通) как ядро политической пропаганды (政治传播). При таком типе политической коммуникации во внимание принимается восприятие информации реципиентом, отношения посылы и рецепции равноважны. Здесь имеет место не одностороннее продвижение политической воли, а двустороннее взаимодействие. В то же время у него имеются признаки политической пропаганды и политического маркетинга. В настоящее время Китай находится в процессе перехода от первой базовой формы политической коммуникации ко второй.

Политическое информирование (政治传播) как ядро политического маркетинга (政治营销). Здесь за основу берутся политические ожидания аудитории, обычно в условиях многопартийной политической системы, где политические акторы соревнуются за голоса избирателей [Цзин, 2018].

Учёный выделяет создание КНР в качестве поворотного момента в развитии традиции политической коммуникации и КПК в роли главного политического коммуникатора. Выделяя 1937—1948 гг. в качестве формативного периода для КПК, когда активное партийное строительство проходило в условиях подполья, антияпонской войны, противостояния Гоминьдану, и в итоге завершившего трансформацию КПК в ведущего политического актора, профессор Цзин подчёркивает ведущую роль политической коммуникации, её «социальные

---

²⁰⁵ <https://sgpa.cuc.edu.cn/2019/1230/c5761a164609/page.htm> (на кит. яз.) (дата обращения 10.01.2023).

мобилизационные и пропагандистские возможности»: «В то время КПК была ограничена в институциональных, военных, финансовых средствах, поэтому политическая пропаганда стала её главным оружием в завоевании доверия общества: необходимо было распространять знания о марксизме и расширять ряды сторонников партии». Цзин признаёт, что политическая коммуникация в её пропагандистском виде несёт значительную долю ответственности за хаос и страдания «большого скачка» и «культурной революции».

В основе осмысления китайскими учёными новых механизмов политической коммуникации в сегодняшнем Китае по-прежнему лежит неразрывная взаимосвязь партии и государства. Профессор уже упоминавшегося Университета коммуникаций, сотрудница Института политической коммуникации Су Ин (苏颖) посвятила обширное исследование трансформациям политической коммуникации в Китае за столетие существования КПК с точки зрения коммуникативистики. Применяя подход Дж. Сартори к роли партий в политическом процессе, исследовательница подчёркивает, что различные типы политической коммуникации выделяются ею в контексте роли КПК как «всеохватной» политической силы (整体的政党), в отличие от «частичной» — «партии как одного из факторов политического процесса» (部分的政党). Соответственно, в первом случае коммуникация выстраивается с позиции партии как руководящей силы общества в целом, во втором — партии как выразителя интересов тех или иных общественных групп. По мнению профессора Су, при исследовании особенностей политической коммуникации в КНР также необходимо помнить следующее: с точки зрения политической системы КНР представляет собой систему многопартийного сотрудничества под руководством КПК. Партия занимает центральное место в государственном управлении. С точки зрения особенностей государственной системы и социальной структуры Китая КПК как сильный институт представляет собой интегрирующий фактор, который связывает воедино все части и социальные группы страны²⁰⁶.

Политическую коммуникацию Су определяет как «коммуникативный процесс или обмен информацией между представителями политической системы (например, партиями) и гражданами через средства массовой информации». Исследовательница подчёркивает, что

---

²⁰⁶ <https://sgpa.cuc.edu.cn/2021/1108/c5704a188541/page.htm> (на кит. яз.). (дата обращения 03.01.2023).

«партийная модель» Сартори при всех её сильных характеристиках статична, а КПК всегда была динамично меняющимся политическим актором. Сегодня, по мнению Су, КПК является не только ведущим политическим коммуникатором, в одностороннем порядке транслирующим политическую и идеологическую информацию, но и важнейшим звеном в «современной системе государственного управления, основанной на ценностях» (现代价值倾向的国家治理体系). Этот вывод перекликается с работами ряда китайских учёных, которые подчёркивают, что в современном Китае политический язык и политическая коммуникация в целом направлена также и на «политическую социализацию всех граждан, улучшение взаимодействия партии и народа, повышения привлекательности КПК в глазах беспартийных граждан, укрепление её положения как политического авангарда общества» [Ли, Фань, 2019].

Практика политической коммуникации в сегодняшнем Китае

Сегодня партийные и государственные органы идеологической и информационной сферы решают неотложные задачи по налаживанию эффективного политического информирования, воспитания положительных в отношении политической системы КНР отношений и восприятий, сплочения граждан вокруг идеологических идеалов («человекоориентированное развитие», «великое возрождение Китая», «достижение китайской мечты»). Работа ведётся в контексте смещения акцента на Интернет-сегмент аудитории. Выбираемые для этого методы и подходы отражают сохраняющееся осторожное отношение к сравнительно новой реальности, при этом принцип партийности играет ведущую роль.

Уже в 2013 г. на Всекитайском совещании по пропагандистской и идеологической работе вновь избранный Генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин заявил: «Все организации, задействованные в работе с пропагандой и идеологией, все члены партии и чиновники идеологического фронта должны неизменно придерживаться принципа партийности». Тогда же он сказал: «В настоящее время мы ведём великую борьбу, в которой присутствует множество исторических особенностей. Мы сталкиваемся с неведомыми ранее вызовами и

сложностями. Нам нужно укреплять великое идеологическое русло общественного мнения, выражать дух нашего времени, распространять положительную энергию, воодушевлять великую силу общества на совместное движение вперед. Ключевым являются повышение качества и уровня работы, использование правильного времени, меры, понимания для повышения привлекательности и заразительной силы, чтобы людям нравилось слушать и смотреть, чтобы это вызывало отклик, в полной мере раскрывало позитивную пропаганду и воодушевляло людей. В принципиальных политических вопросах необходимо укреплять и захватывать инициативу, активно бороться, помогая кадрам и массам чётко разграничивать истину и ложь, устранять путаницу и неясность» [Афони́на Л.А. 2018, с. 116].

На сегодняшний день в масштабной идеолого-воспитательной и информационно-образовательной работе просматривается два основных направления:

- производство и распространение идеологического, воспитательного и образовательного контента для онлайн- и оффлайн-пользователей (отдельная важная целевая аудитория — партийные и государственные работники);
- контроль и цензурирование СМК (социальных сетей). Охват ими населения Китая впечатляет: популярная сеть Вэйбо по состоянию на конец 2022 г. насчитывала 582 млн активных аккаунтов. В Вичате, который можно назвать вполне завершённой экосистемой, — зарегистрировано 811 млн активных пользователей — 57,9% всего населения страны²⁰⁷. Неудивительно, что упорядочение активности в соцсетях в самом широком смысле слова одновременно с мерами просветительского и административного характера (в том числе наказаниями) не сходит с повестки дня.

Из последних инициатив по упорядочению онлайн-пространства отметим «Ясность: специальная кампания по контролю кибербуллинга» Управления по вопросам киберпространства ЦК КПК²⁰⁸, в ходе которой от 18 веб-сайтов и платформ, которые «обладают значительным социальным влиянием, и где распространён интернет-буллинг»,

---

²⁰⁷ <https://www.adchina.io/wechat-statistics-2022-how-many-users-does-wechat-have/#:~:text=In%202022%2C%20WeChat%20touched%20811,reach%201.102%20billion%20by%202025> (дата обращения 05.01.2023).

²⁰⁸ Объявление о кампании размещено на совместном сайте Управления по вопросам киберпространства ЦК КПК и Государственной канцелярии интернет-информации КНР www.cac.gov.cn.

в том числе Сина Вэйбо (新浪微博), Доуинь (ТикТок 抖音), Байду Теба (百度贴吧) и Чжиху (知乎) власти потребовали «улучшения мер мониторинга и идентификации, контроля, защиты пострадавших в режиме реального времени, необходимого вмешательства, прослеживаемости и подотчётности для выполнения полной цепочки контрольных мер»²⁰⁹. В рамках кампании в Вэйбо внедрён автоматический перепост публичных комментариев пользователя на его личной странице. В официальном объявлении компании сказано, что этот шаг призван «пользуясь техническими средствами, снизить риск кибербуллинга (网暴行为) на самой ранней стадии», а также «продолжить ограничение случаев кибербуллинга и словесных нападков (言论攻击) для создания здорового и дружелюбного онлайн-сообщества»²¹⁰. Представитель Управления также заявил, что Государственная Канцелярия интернет-информации обеспечит надзор за выполнением требований, а также наказание уклоняющихся. В ходе работы требования и сроки их исполнения будут уточняться. «Интернет — это не сфера, которая находится вне действия закона. Популярные платформы должны просвещать и вести за собой массы Интернет-пользователей, строго соблюдая требования закона, уважать общественное благо и мораль, общими усилиями искоренять кибербуллинг, решительно предотвращать нападки на пользователей»²¹¹. В 2023 г. уже проведена очередная кампания по улучшению Интернет-среды. Главная задача — «всемерное упорядочение сложных вопросов Интернет-пространства в преддверии праздника Весны». Примечательны требования ограничить «трансляцию проявлений порочных привычек (роскошный образ жизни знаменитостей, проявления нетерпимости и ненависти со стороны фан-групп, поклонение феодальным предрассудкам, расточительство еды)», «всемерно и глубоко контролировать распространение фейковых новостей, ложной информации и других явлений, которые способствуют распространению упаднических настроений в обществе». Особенно подчёркивается «общественная опасность распространения ложных сведений и слухов о ситуации с заболеваемостью COVID-19»²¹².

---

²⁰⁹ http://www.cac.gov.cn/2022-04/24/c_1652422681278782.htm (на кит. яз.) (дата обращения 05.01.2023).

²¹⁰ <https://weibo.com/7006227546/M2c7CFrZw> (на кит. яз.) (дата обращения 03.01.2023).

²¹¹ http://www.cac.gov.cn/2022-04/24/c_1652422681278782.htm (на кит. яз.) (дата обращения 05.01.2023).

²¹² <https://mp.weixin.qq.com/s/qg-jfBLPGGwQIUC15aLFoA> (на кит. яз.) (дата обращения 05.01.2023).

«Обуздание распространения слухов и лживой информации» было названо одной из важнейших задач регулирования онлайн-пространства ещё в 2020 г. Долгосрочным решением стало создание в 2022 г. Общекитайской платформы по опровержению слухов в Интернете²¹³ (中国互联网联合辟谣平台). Помимо обширной базы данных о происхождении и случаях «неправомерного поведения в Интернете», их негативных последствий для общества и т.д., а также о совместных усилиях партийно-государственных органов и частного бизнеса по обузданию такой деятельности, платформа даёт возможность пользователям заявить о случаях обмана, распространении слухов и «сомнительной и незаконной информации», перенаправляя их на сайт сообщений граждан Государственной канцелярии интернет-информации (12377.cn). Усилия по регулированию и цензуре Интернет-пространства в данном случае сочетаются с задействованием ресурса обратной связи со стороны пользователей. Готовность откликнуться воспитывается просветительской работой с акцентом на традиционную для Китая ведущую роль общественной морали.

В качестве примера эффективного задействования потенциала общественного мнения и обратной связи можно привести антикоррупционную работу. Одним из главных её направлений в последние годы также стало поощрение граждан сообщать о случаях коррупции. В многосерийном документальном фильме «Нулевая терпимость» (零容忍) приводятся примеры того, как расследование отдельно взятого случая коррупции, начатое после сообщения граждан, переросло в масштабную кампанию по искоренению недостатков в отдельном регионе или отрасли²¹⁴.

В августе 2022 г. на Всекитайской конференции новых медиа, организованной Всекитайской Ассоциацией журналистов и Отделом пропаганды комитета КПК провинции Хунань, член Политбюро ЦК КПК, заведующий Отделом пропаганды ЦК КПК Хуан Куньмин призвал к «более активным действиям по всесторонней интеграции средств массовой информации и сплочения для быстрого продвижения по пути прогресса». Хуан Куньмин призвал все СМИ Китая взаимодействовать в производстве качественного контента, который поможет общественности лучше понять силу инновационных теорий

---

²¹³ <https://www.piyao.org.cn/>.

²¹⁴ http://www.news.cn/legal/2022-01/19/c_1128280039.htm (на кит. яз.) (дата обращения 05.01.2023).

и практики КПК, поможет голосу партии быть услышанным шире и глубже»²¹⁵.

Стремясь оценить настроения молодёжи, лучше понять их жизненные приоритеты, политические ожидания и восприятия, государственные органы активно развивают присутствие на популярных среди молодёжи платформах. Bilibili (哔哩哔哩) очень популярна среди представителей поколения «пост-1990-х» по китайской классификации (Gen-Z по западной) — молодых людей, родившихся между 1995 и 2010 гг. В 2020 г. платформа насчитывала 172 млн активных пользователей в месяц (с 2017 г. аудитория выросла в 3 раза), средний возраст 21 год.

Bilibili часто называют китайским аналогом Youtube, но между ними есть существенные различия. Так, китайская платформа поощряет пользователей выкладывать в сеть видеоролики собственного производства, просмотры которых авторы могут монетизировать. К середине 2020 г. пользователь Jimu China (极目中国) выложил в сеть уже более 180 роликов патриотического содержания. Аккаунт Jimu China принадлежит Информационному центру Государственного управления по делам радио и телевидения КНР (国家广播电视总局信息中心). Это — один из так называемых «официальных учётных записей (аккаунтов)» (官方网站), и многие из выложенных им материалов оказывались в рейтинге самых популярных на платформе (B站«热门排行榜»). У Bilibili также есть функция всплывающих комментариев, которые накладываются на видео в реальном времени просмотра. Эти комментарии исследователи считают важным срезом общественных настроений, особенно среди молодёжи. Аккаунты на платформе поддерживают CCTV, НОАК, ВМС НОАК, Китайский коммунистический союз молодёжи, Global Times, China Daily и др.

В апреле 2020 г. Информационный центр сети Интернет Министерства промышленности и информационных технологий КНР опубликовал 45-й «Статистический отчёт о развитии Интернета в Китае». По его данным к концу марта 2020 г. в стране было просмотрено 850 млн видеороликов, из которых 773 млн — короткие видео (менее 15 минут). Тогда же правительственные аккаунты насчитали 694 миллиона посещений²¹⁶. Специалисты полагают, что тенденция производства

²¹⁵ <http://politics.people.com.cn/n1/2022/08/30/c1001-32514989.html> (на кит. яз.) (дата обращения 07.01.2023).

²¹⁶ http://www.gov.cn/xinwen/2020-08/26/content_5537498.htm (на кит. яз.) (дата обращения 05.01.2023).

«правительственного» контента для платформ коротких видео началась в 2018 г., когда выход на рынок приложений коротких видео совпал с активизацией официального Интернет-присутствия. Так, 8 марта 2018 г. аккаунт Политико-правовой комиссии ЦК КПК «中国长安网» стал первым официальным аккаунтом на платформе Доуинь (Тикток). В мае 2018 г. Антитеррористическое подразделение Управления общественной безопасности Пекина зарегистрировало собственную учётную запись. Первое же выложенное видео было просмотрено более 100 млн раз. Всего за час после регистрации аккаунта число подписчиков (фолловеров) превысило 330 тысяч, а количество лайков превысило 9 млн. К тому же времени относится бум популярности видеороликов инструктажа и учений для полицейских и военнослужащих. 9 октября того же года Министерство промышленности и информатизации зарегистрировалось на платформах Доуинь и Куайшоу (快手)²¹⁷. «Если сейчас наступила эра коротких видео, правительственные средства массовой информации адаптируются и к ней», — полагает комментатор «Жэньминь жибао»²¹⁸.

Заключение

«Феномен Китая» исследуется сегодня с полярно противоположных точек зрения, оперируя в рамках зачастую противостоящих друг другу парадигм. Ведущая роль политической коммуникации в трансформации Китая, однако, не подвергается сомнению. Коммуникационная философия и инфраструктура каждого государства обычно находится в достаточно близкой корреляции с социально-политическим устройством общества и его идеологией [Sparks C., Reading A. 1994, p. 245], представляя, таким образом, возможность разобраться в особенностях политического процесса, стратегических ориентирах развития и т.д. Изучение направлений трансформации медиа и сферы коммуникаций в целом предоставляет уникальный угол зрения для исследования современной политики Китая, поскольку трансформация медиасферы — одновременно каузальный фактор и результат тектонических политико-социальных изменений в Китае [Zhang 2011, p. 2].

---

²¹⁷ Ещё одна популярная платформа коротких видео.

²¹⁸ http://www.gov.cn/xinwen/2020-08/26/content_5537498.htm (на кит. яз.) (дата обращения 05.01.2023).

«Коммерциализация, плюрализация и либерализация СМИ» вопреки ожиданиям не способствовала революционным политическим изменениям в Китае. Напротив, успешно адаптировавшись к новым рыночным реалиям, партийно-политическая система стала главным игроком на рынке СМИ, одновременно сохраняя руководящую роль в их содержательном аспекте. В КНР активно ведётся теоретическое осмысление проблем политической коммуникативистики, а также прикладных вопросов повышения эффективности политической коммуникации, идеологического воспитания и др. Важнейшим направлением этой работы сегодня является разработка средств взаимодействия и информирования в Интернете. Учитывая сравнительную новизну Интернета как средства коммуникации и одновременно охват им практически 100% населения страны, понятно сохраняющееся осторожное отношение к нему политического руководства. При несомненно значительном потенциале Сети как канала обратной связи с обществом и способа общественного контроля партийно-государственного аппарата на местах, СМК способствуют взаимодействию граждан онлайн посредством латеральных связей, что потенциально может стимулировать коллективные действия, в том числе протестного характера. Партийные и государственные органы, «задействованные в работе с пропагандой и идеологией», ведут активную работу по мониторингу онлайн-пространства, пытаются пресечь незаконные и неэтичные действия, а также «деятельность, подрывающую общественное спокойствие и порядок», например, распространение слухов. Другое важное направление работы — создание контента идеологического и воспитательного характера и размещение его на популярных платформах и СМК. В целом положение дел в сфере политической коммуникации, включая его содержательный аспект, а также активность органов пропаганды и идеологии в онлайн-сообществе и определённую популярность среди пользователей подтверждают тезис о неуклонном и вполне успешном продвижении КПК как ведущего политического актора «от пропаганды к гегемонии».

Библиографический список

Афони́на Л.А. (2018) Система партийной пропаганды в Китае. В сб.: *Новая эпоха: Китай после XIX съезда КПК (материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН)*. М.: Институт Дальнего Востока РАН. С. 115—133.

Грачев М.Н. (2011) *Политика: коммуникационное измерение*. Тула: Издательство Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого.

Соловьев А.И. (2002) Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации. *Полис*. № 2. <https://www.politstudies.ru/files/File/2002/3/Polis-2002-3-Solovyov.pdf>.

References

Afonina, L. (2018) Sistema Partiinoi Propagandy v Kitae [Chinese Communist Party Propaganda System]. *Novaya Epoha: Kitay Posle 19 S'ezda KPK* [New Era: China After 19 CPC Congress], pp.115—133. Moscow: Institute of Far Eastern Studies (In Russian).

Grachev, M. (2011) *Politika: Kommunikatsionnoye Izmereniye* [Communication Dimension of Politics]. Tula: Tolstoy Pedagogical University (In Russian).

Esarey, A., Qiang Xiao (2011) Digital Communication and Political Change in China. *International Journal of Communication*. Pp. 298—319.

Sartori, G. (1976) *Parties and Party Systems: A Framework for Analysis (vol.1)*. Cambridge University Press.

Solovyev, A. (2002) Politicheskaya Kommunikatsiya: K Probleme Teoreticheskoi Identifikatsii [On the Subject of Theory of Political Communication]. *Polis* <https://www.politstudies.ru/files/File/2002/3/Polis-2002-3-Solovyov.pdf> (In Russian).

Sparks, C., Reading, A. (1994) Understanding Media Change in East Central Europe. *Media, Culture and Society*. Pp. 243—270.

Zhang, Xiaoling (2011) *The Transformation of Political Communication in China: From Propaganda to Hegemony*. *Series on Contemporary China*. World Scientific Publishing Company.

苏颖 于淑婧 权威性沟通及其变革—中国共产党百年政治传播制度变迁研究 [Authoritative Communication and Revolution: Research on Transformation of Political Communication During 100 Years of Chinese Communist Party] // 《政治学研究》2021年第4期.50-64页。(In Chinese).

荆学民, 李海涛. 论中国特色政治传播中的政治话语 [Discussing Political Language in the Context of Political Communication with Chinese Characteristics] // 青海社会科学, 2014, (11). 1—6 页。(In Chinese).

荆学民 中国政治传播一路走来 [The Way of Chinese Political Communication] // 在西安交通大学为高校师生与业内人士讲座, 2018年12月14日 <http://xmtx.xjtu.edu.cn/info/1029/2762.htm> (In Chinese).

李宁, 凡颖 改革开放以来学术界 关于中国共产党政治语言研究述论 [Discussing Studies of Chinese Communist Party's Political Language Since the Beginning of Reform] // 江西师范大学学报(哲学社会科学版), 第 52 卷第 3 期2019 年 5 月, 26—33页。(In Chinese).

Андреева Яна Евгеньевна

к. филол. наук, ассистент Центра иностранных языков
и коммуникативных технологий,
Тюменский государственный университет (Тюмень, Россия)
y.e.andreeva@utmn.ru

**Лакуны в романах Г.Ш. Яхиной
«Зулейха открывает глаза», «Дети мои» и их
элиминирование при переводе на китайский язык**

***Аннотация.** В статье рассматривается проблема передачи лагун при переводе художественных текстов с русского языка на китайский. Материалом исследования послужили романы Г.Ш. Яхиной «Зулейха открывает глаза», «Дети мои» и их переводы на китайский язык, выполненные Чжан Цзе, Се Юньцай и Чэнь Фан. В русле современных лингвистических исследований, где внимание уделяется осмыслению аспектов частной теории перевода в языковой паре «русский—китайский», сопоставительное изучение конкретных переводов актуально как в теоретическом, так и в практическом отношении. В статье обсуждаются этнолингвистические лакуны — широкий корпус татарской, немецкой лексики, вкрапленной в художественные тексты Г.Ш. Яхиной, которые написаны на русском языке. Являясь лагунарными и для русскоязычного читателя, исследуемые иноязычные лексические единицы представляют собой особую сложность в процессе перевода произведений на китайский язык. В ходе сопоставительного анализа оригиналов и их переводных вариантов, изучения компонентного состава и контекстного окружения этнолингвистических лагун доказывается, что в процессе перевода на китайский язык произошла редукция этнокультурной составляющей произведений Г.Ш. Яхиной.*

***Ключевые слова:** Г.Ш. Яхина, лагуна, этнолингвистическая лагуна, элиминирование лагун, русско-китайский художественный перевод*

Yana Ye. Andreeva

Candidate of Philology, Assistant,
Center for Foreign Languages and Communication Technologies,
University of Tyumen (Tyumen, Russia)
y.e.andreeva@utmn.ru

***Lacunae in the novels written by G.Sh. Yakhina
«Zuleikha opens her eyes», «My children»
and their elimination in translations into chinese***

Abstract. *The article considers the problem of lacunae elimination in literary translation from Russian into Chinese. The material of the research was the novels written by G. Sh. Yakhina «Zuleikha opens her eyes», «My children» and their translations into Chinese by Zhang Jie, Xie Yuncai and Chen Fang. In line with modern linguistic research, where attention is paid to understanding aspects of the private theory of translation from Russian into Chinese, a comparative study of the translation specifics is relevant both in theoretical and practical terms. The article discusses the ethnolinguistic lacunae — a wide corpus of Tatar, German vocabulary interspersed in the literary texts of G.Sh. Yakhina, which are written in Russian. Being lacunar for the Russian-speaking reader; the foreign-language lexical units represent a particular difficulty in the translation process into Chinese. By analyzing the originals and their translated versions, the component composition and contextual use of ethnolinguistic lacunae, it is proved that in the process of translation into Chinese, the ethno-cultural component of the novels by G.Sh. Yakhina was reduced.*

Keywords: *G. Sh. Yakhina, lacunae, ethnolinguistic lacunae, elimination of lacunae, Russian-Chinese literary translation*

Введение

В ряде работ китайских исследователей перевода, таких как «Переводная картина: Современная русская литература в материковом Китае» [Ян Чжэн 2014], «О переводе и распространении русской литературы в Китае за последние 30 лет (с 80-х гг. XX века)» [Ван Цзунху 2015], «Строители литературного моста — о популяризации русской и советской литературы в Китае» [Цао Чжундэ, Ду Минцзин 2014], отмечается, что с начала 1990-х гг. возник всплеск переводов произведений современных русских писателей.

Количество китайских переводов произведений русской литературы во многом определило изучение переводных текстов в научно-исследовательском аспекте. В научных трудах проводится всестороннее рассмотрение литературных направлений и школ, изучается русская литература в культурном контексте, особое внимание уделяется современной литературе.

Лю Вэньфэй отмечает, что интерес к переводу русской литературы в Китае, в том числе к повторному переводу, наблюдается с 1981 г. В этот период тема советской действительности снова становится

актуальной для китайских переводчиков, переводятся произведения М.А. Шолохова, В.Г. Распутина, В.П. Астафьева. Так, по данным китайских исследователей перевода, роман Н.А. Островского «Как закалялась сталь» имеет 21 версию перевода на китайский язык, и 5 из них были выполнены в 2003 году [Ян Чжэн 2014, с. 171]. В связи с этим романы современной российской писательницы Г.Ш. Яхиной «Зулейха открывает глаза» и «Дети мои», действия которых разворачиваются в советский период, представляют особый интерес для китайский переводчиков.

Художественные тексты Г.Ш. Яхиной привлекают внимание и российских исследователей. Об этом свидетельствуют, например, работы О.В. Арязмовой, в которых автор исследует этнокультуремы в текстах писательницы, отмечает интересное сцепление мифологического, контактологического аспектов [Арязмова О.В. 2016]. Кроме того, существует опыт сопоставительного анализа оригинала и его английского перевода, выполненного Лизой Хейден, в работе О.А. Нестеровой, Е.Н. Соколовой «Лингвокультура как маркер идентичности (на примере перевода на английский язык романа Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза»)» [Нестерова О.А., Соколова Е.Н. 2021]. В своём исследовании авторы обращаются к особенностям переводческой релокции этнокультурного компонента.

В процессе художественного перевода переводчик неизбежно сталкивается с лингвокультурными лакунами. В настоящем исследовании под лингвокультурной лакуной понимается «лингвистическое или национально-культурное расхождение, возникающее при сравнении понятий и явлений двух лингвокультурных парадигм и характеризующееся присутствием реалий в одном языке и их отсутствием в другом» [Андреева Я.Е. 2022, с. 8]. Учитывая этнокультурную специфику художественных текстов Г.Ш. Яхиной, их билингвальный характер и стилистическое многообразие, можно утверждать, что представленный материал исследования является перспективным для изучения способов компенсации различных видов лингвокультурных лакун, прежде всего, *этнолингвистических*.

В этнолингвистике лакуна трактуется как «национально-специфический элемент культуры, нашедший отражение в языке носителей одной культуры, который либо полностью не понимается, либо недопонимается носителями другой культуры и языка в процессе коммуникации» [Томашева И.В. 1995, с. 51]. К этнолингвистическим

лакунам в романах Г.Ш. Яхиной относятся лексические единицы из татарского и немецкого языков, выражающие лакунарные предметы, уникальные явления народного быта и элементы народной культуры, в связи с чем их выявление в анализируемых текстах не вызывает затруднений.

Основная часть

В романе «Зулейха открывает глаза» тюркские этнографизмы являются иноязычными, лакунарными и для русского читателя, поскольку анализируемый текст вовлечён в культурный контекст русско-тюркского межкультурного диалога. Автор создаёт двуязычный словарь произведения — «Словарь татарских слов и выражений», в который выносятся толкование этнолингвистических лакун.

Так, например, лексема *лэукэ* / 蒸浴床 (полка в бане) восходит к русскому слову «лавка». Об этом свидетельствуют фонетический облик слова, его актуальный смысл — «полка в бане». Текст точечно насыщен и другими вкраплениями из татарского языка: *ляухэ* («хранящая скрижаль») — «настенный коврик с изречением из Корана» [Яхина Г.Ш. 2015, с. 506] / 挂毯 (настенный ковер), *кош-теле* — «мучная сладость» [Яхина Г.Ш. 2015, с. 506] / 甜面食 (сладкое мучное изделие) и др.

В романе «Дети мои» иноязычной по отношению к русскому языку группой слов являются германизмы, такие как: *гроссбух* — «главная книга бухгалтерского учёта» [Комлев Н.Г. 1999] / 账本 (расчётная книга); *шванк* — «короткий комический рассказ в стихах или в прозе как жанр немецкой литературы эпохи Средневековья и Возрождения» [Ефремова Т.Ф. 2000] / 歌词 (песня) и др.

Для русскоязычного читателя является очевидным лингвоэтнический статус рассматриваемых лексических единиц, отразивших языковое контактирование описываемых в произведениях народов. Этнографический пласт информации, воплощённый в содержании анализируемых романов, ориентирован на описание быта, традиций, этнокультуры татар (в романе «Зулейха открывает глаза») и поволжских немцев (в романе «Дети мои»). Выявленные в ходе исследования этнолингвистические лакуны были отнесены к восьми тематическим группам, которые представлены в таблице.

Тематическая группа этнолингвистических лакун	Пример лакуны и её эквивалент в китайском переводе	Контекстное употребление в оригинале и переводе
Названия предметов быта	<i>чаршау</i> — «занавеска» [Яхина Г.Ш. 2015, с. 507] / 帷帘 (штора)	«Беззвучно прошмыгнуть за ситцевую <i>чаршау</i> , отделяющую женскую часть избы от мужской» [Яхина Г.Ш. 2015, с. 10] // «钻过那片将小木屋分成男女两部分的印花布帷帘» [Zhang, Xie 2017, p. 4]
Фольклорные персонажи	<i>дэв</i> — «злой дух, антропоморфный великан» [Яхина Г.Ш. 2015, с. 505] / 类人巨猿 (человекоподобный гигант)	«Рассыпать зерно из одного мешка по нескольким научились ещё в девятнадцатом, как только подступила к Юлбашу тогда ещё неведомая, но с каждым годом становившаяся всё страшнее, как албасты, прожорливее, как <i>дэв</i> , ненасытнее, как жалмавыз, — продрозверстка» [Яхина Г.Ш. 2015, с. 47] // «将一个袋子中的粮食分装到几个袋子里, 人们早在1919年就学会了, 当时余粮征集制刚刚在尤尔巴什开展, 还少有人知。然而, 每过一年, 就变本加厉, 愈加肆无忌惮 — 像神话中的女魔鬼, 饕口馋舌, 如同类人巨猿, 欲壑难填, 似传说中的吸血鬼, 贪吃无厌» [Zhang, Xie 2017, p. 40]
Обращения	<i>жаным</i> (ласковое обращение) — «душа моя» [Яхина Г.Ш. 2015, с. 505] / 亲爱的 (дорогой)	« <i>Жаным</i> , — говорит она тихо, хриплым спросонья голосом» [Яхина Г.Ш. 2015, с. 52] // «亲爱的, — 她用半梦醒的嘶哑声音轻轻说道» [Zhang, Xie 2017, p. 44]
Национальные праздники и традиции	<i>кыз-куу</i> («догони девушку») — «конная игра» [Яхина Г.Ш. 2015, с. 506] / 骑马追姑娘游戏 (игра верхом на лошади в погоне за девушкой)	«Тем летом, когда играли в <i>кыз-куу</i> ...» [Яхина Г.Ш. 2015, с. 54] // «那个夏天, 我们一起玩骑马追姑娘游戏...» [Zhang, Xie 2017, p. 46]
Религия	<i>Кирха</i> — «лютеранский храм» [Комлев Н.Г. 1999] / 教堂 (храм)	«...Бах желал сделать всё как можно быстрее: уложить ребенка на ступени <i>кирхи</i> и тотчас удалиться, не смотря по сторонам...» [Яхина Г.Ш. 2018, с. 150] // «...巴赫想尽快把一切事情做完: 把孩子放到教堂台阶上, 转身就走, 不四处张望, 不去管新事物和新变化» [Chen 2020, p. 161]

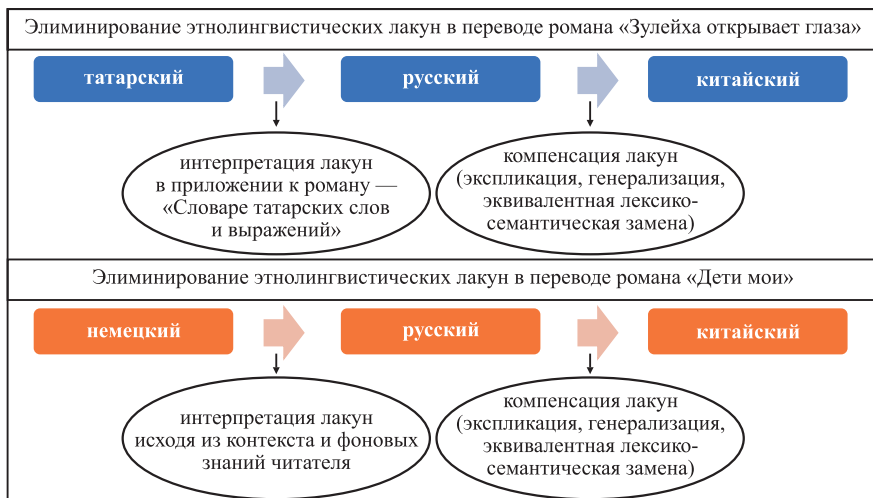
Тематическая группа этнолингвистических лагун	Пример лагуны и её эквивалент в китайском переводе	Контекстное употребление в оригинале и переводе
Предметы одежды и обуви	<i>Клопты</i> — «деревянные башмаки у голландцев» [Комлев Н.Г. 1999] / 靴子 (сапоги, ботинки)	«...как своё ощущал он и тело любого колониста, и его хозяйство, и дом, и даже разбитую осенней грязью пару деревянных башмаков-клоптов» [Яхина Г.Ш. 2018, с. 239] // «...他对每个居民都视同己出,能感受到他们的家业、房屋, 甚至还能感受到他们被秋天的泥泞泡坏的那双靴子» [Chen 2020, p. 268]
Названия титулов, профессий, слоев населения	<i>шульмейстер</i> / 老师 (учитель)	«Гнадентальцы о весенних чудачествах шульмейстера знали, относились к ним снисходительно» [Яхина Г.Ш. 2018, с. 26] // «格纳丹塔尔人对老师春天的怪癖有所了解, 他们对此态度宽容» [Chen 2020, p. 16]
Национальные блюда и напитки	<i>допель-кюммель</i> — «сладкая анисовая водка с приправами» [Ефремова Т.Ф. 2000] / 茴香甜酒 (анисовый ликер)	«Из тех, что гнадентальские женщины пьют во время посиделок уже ближе к ночи, разгорячённые коньячным пуншем и терпким допель-кюммелем» [Яхина Г.Ш. 2018, с. 183] // «晚间聚会时分, 喝了白兰地和又酸又湿的茴香甜酒后, 热血沸腾的格纳丹塔尔村的女人们愿意唱这样的小调» [Chen 2020, p. 200]

Сопоставительный анализ двух романов Гузели Яхиной продемонстрировал следующие особенности элиминирования этнолингвистических лагун в китайских переводах произведений.

1. Количество этнолингвистических лагун в сопоставляемых текстах различается: в романе «Зулейха открывает глаза» было обнаружено 77 лексических единиц, в произведении «Дети мои» — 39. Очевидно, что этнолингвистический пласт лагунарных явлений в первом романе Г.Ш. Яхиной представлен наиболее отчётливо. В связи с этим в его китайском переводе особенно выпукло проявляется редукция этнокультурной составляющей всего произведения за счёт переводческих модификаций, применяемых при передаче лагун на китайский язык.

2. Этнолингвистические лагуны в романе «Дети мои» равномерно распределены по всему тексту произведения. Однако в романе «Зулейха открывает глаза» наиболее активное использование татарских

Модель лингвокультурной адаптации этнолингвистических лагун при переводе романов Г.Ш. Яхиной на китайский язык

этнографизмов прослеживается в первой части романа «Мокрая курица», в которой описывается повседневная жизнь главной героини в поселении Юлбаш. В следующих главах употребление этнолингвистических лагун сокращается, этнокультурная информация вытесняется социокультурной.

3. Модель элиминирования этнолингвистических лагун, представленная на рисунке, позволила определить специфику их лингвокультурной адаптации в анализируемых текстах.

На первом этапе элиминирования «татарский → русский» в романе «Зулейха открывает глаза» лагуны трактуются в авторском «Словаре татарских слов и выражений». В романе «Дети мои» значение этнолингвистических лагун из немецкого языка устанавливается в контексте.

На втором этапе элиминирования переводчики подбирают нейтральные эквиваленты в китайском языке, используя приёмы лексико-семантической замены, генерализации и описательного перевода. Как показал анализ практического материала, при переводе этнолингвистических лагун, связанных с особенностями быта татар и поволжских немцев, китайские переводчики используют общеупотребительные слова.

Заключение

Исследование китайских переводов романов Г.Ш. Яхиной даёт возможность проанализировать ассимиляцию заимствований и их восприятие языковым сознанием читателей, способы заполнения лакунарности в переводе. Сопоставительное изучение произведений Г.Ш. Яхиной и их китайских переводных версий показало, что перевод оригиналов осложняется языком описываемой в произведении культуры. Лингвокультурное контактирование немецкого и русского, татарского и русского народов, которое отражено в тексте оригиналов, не «прочитывается» в текстах китайских переводов.

Исследование продемонстрировало отклонения от этнокультурной специфичности оригинальных текстов Г.Ш. Яхиной в пользу художественности и адекватности текстов их китайских переводов. По мнению исследователей перевода, абсолютная эквивалентность исходного и переводного текстов невозможна. Кроме того, избыточное количество иноязычных элементов «перегружает текст экзотическими единицами, через которые реципиент буквальным образом продирается, теряя смысл и совершенно не задумываясь о каком-то национальном колорите» [Виноградов В.С. 2001, с. 37]. По этой причине отсутствие абсолютной эквивалентности не препятствует реализации художественной и смысловой составляющей литературных произведений Г.Ш. Яхиной при переводе на китайский язык.

Библиографический список

Андреева Я.Е. (2022) Лингвокультурные лакуны в художественном тексте и способы их элиминирования (на материале переводов произведений Г.Ш. Яхиной на китайский язык): автореф. дис. ... канд. филол. наук: специальность 10.02.20. Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета.

Арязмова О.В. (2016) Этнокультуремы в концептосфере писателя-билингва (на материале романа Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза»). *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация.* № 1. С. 54—58.

Ван Цзунху. (2015) О переводе и распространении русской литературы в Китае за последние 30 лет (с 80-х годов XX века). *Наука о человеке: гуманитарные исследования.* № 2(20). С. 66—68.

Виноградов В.С. (2001) Введение в переводоведение: общие и лексические вопросы. М: ИОСО РАО.

Ефремова Т.Ф. (2000) Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: Св. 136000 словарных статей, около 250000 семантических единиц: В 2 т. М.: Русский язык.

Комлев Н.Г. (1999) Словарь иностранных слов. Москва: ЭКСМО-Пресс.

Нестерова О.А., Соколова Е.Н. (2021) Лингвокультура как маркер идентичности (на примере перевода на английский язык романа Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза»). *Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. Т. 19. № 1. С. 127—141.

Томашева И.В. (1995) Понятие «лакуна» в современной лингвистике. Эмотивные лакуны. В сб.: *Язык и эмоции*. Волгоград: Перемена. С. 50—60.

Цао Чжундэ, Ду Минцзин. (2014) Строители литературного моста — о популяризации русской и советской литературы в Китае. *Проблемы Дальнего Востока*. № 3. С. 153—159.

Ян Чжэн. (2014) Переводная картина. Современная русская литература в материковом Китае. *Новый мир*. № 10. С. 169—177.

Яхина Г.Ш. (2015) Зулейха открывает глаза / предисл. Л. Улицкой / ред. Елены Шубиной. М.: АСТ.

Яхина Г.Ш. (2018) Дети мои / предисл. Елены Костюкович. М.: АСТ: ред. Елены Шубиной.

古泽尔·雅辛娜著; 张杰, 谢云才译. 祖列依哈睁开了眼睛 [Guzel Yakhina, translated by Zhang Jie, Xie Yuncai. Zuleikha opens her eyes] // 北京: 人民文学出版社. 2017年.

古泽尔·雅辛娜著; 陈方译. 我的孩子们 [Guzel Yakhina, translated by Chen Fang. My children] // 北京: 北京十月文艺出版社. 2020年.

References

Andreeva, Y. (2022) *Lingvokul'turnye lakuny v hudozhestvennom tekste i sposoby ih eliminirovaniya (na materiale perevodov proizvedenij G. Sh. Yahinoj na kitajskij yazyk)* [The Linguocultural Lacunae in a Literary Text and Ways to Eliminate Them (Based on Translations of G. Sh. Yakhina's novels into Chinese)]. Tyumen: University of Tyumen Publishing House. (In Russian).

Arzyamova, O. (2016) *Etnokul'turemy v konceptosfere pisatelya-bilingva (na materiale romana Guzel' YAHinoj «Zulejha otkryvaet glaza»)* [Ethnocultures in the Conceptual Sphere of a Bilingual Writer (Based on Guzel Yakhina's Novel «Zuleikha Opens Her Eyes»)]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya*, № 1, pp. 54—58 (In Russian).

Wang Zonghu. (2015) *O perevode i rasprostranении russkoj literatury v Kitae za poslednie 30 let (s 80-h godov XX veka)* [About the Translation and Dissemination of Russian Literature in China over the Past 30 Years (since the 80s of the Twentieth Century)]. *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya*, № 2(20), pp. 66—68. (In Russian).

Vinogradov, V. (2001) *Vvedenie v perevodovedenie: obshchie i leksicheskie voprosy* [The Introduction to Translation Studies: General and Lexical Issues.]. Moscow: IOSO RAO. (In Russian).

Efremova, T. (2000) *Novyj slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj: Sv. 136000 slovarnyh statej, okolo 250000 semanticheskikh edinic: v 2 t.* [New Dictionary of the Russian Language. Explanatory and Derivational: 136,000 Dictionary Entries, 250,000 Semantic Units: In 2 volumes]. Moscow: Russian Language Publishing House. (In Russian).

Komlev, N. (1999) *Slovar' inostrannyh slov* [The Dictionary of Foreign Words]. Moscow: EKSMO-Press. (In Russian).

Nesterova, O., Sokolova, E. (2021) Lingvokul'turema kak marker identichnosti (na primere perevoda na anglijskij yazyk romana G. Yahinoj «Zulejha otkryvaet glaza») [The Linguocultureme as a Marker of Identity (on the Example of the Translation into English of the Novel by G. Yakhina «Zuleikha Opens Her Eyes»)]. *Vestnik NGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya*, № 1, pp. 127—141. (In Russian).

Tomasheva, I. (1995) Ponyatie «lakuna» v sovremennoj lingvistike. Emotivnye lakuny [The Concept of «Lacunae» in Modern Linguistics. Emotive Lacunae.]. In *Yazyk i emocii* [Language and Emotions], pp. 50—60. Volgograd: Peremena (In Russian).

Cao Zhongde, Du Mingjing. (2014) Stroiteli literaturnogo mosta — o popularizacii ruskoj i sovetkoj literatury v Kitae [The Builders of the Literary Bridge — on the Popularization of Russian and Soviet Literature in China]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, № 3, pp. 153—159 (In Russian).

Yang Zheng. (2014) Perevodnaya kartina. Sovremennaya russkaya literatura v materikovom Kitae [The Transfer Picture. Contemporary Russian Literature in Mainland China]. *Novyj mir*, № 10, pp. 169—177. (In Russian).

Yahina, G. (2015) *Zulejha otkryvaet glaza* [Zuleikha Opens Her Eyes]. Moscow: AST (In Russian).

Yahina, G. (2018) *Deti moi* [My children]. Moscow: AST. (In Russian).

古泽尔·雅辛娜著；张杰，谢云才译。祖列依哈睁开了眼睛 [Guzel Yakhina, translated by Zhang Jie, Xie Yuncai. Zuleikha opens her eyes] // 北京：人民文学出版社。2017年。(In Chinese).

古泽尔·雅辛娜著；陈方译。我的孩子们 [Guzel Yakhina, translated by Chen Fang. My children] // 北京：北京十月文艺出版社。2020年。(In Chinese).

Китайско-африканское сотрудничество: взгляд из XXI века

Аннотация. Данная работа посвящена анализу современного состояния и перспектив развития китайско-африканского сотрудничества. Автор подробно описывает содержание Белой книги «Китайско-африканское сотрудничество в новую эпоху», отмечая важность этого документа для двусторонних отношений Китая и Африки. Ведь это первая Белая книга, в которой дано комплексное представление о результатах китайско-африканского сотрудничества. Далее подчёркивается важность сотрудничества Китая и Африки в рамках инициативы «Один пояс, один путь». Данная инициатива помогает укрепить глобальный характер двусторонних отношений, а также укрепить сотрудничество в области строительства инфраструктуры. Уже функционируют железные дороги Аддис-Абеба — Джибути и Момбаса — Найроби, а также Национальная автомагистраль № 1 в Конго. Также даётся оценка сотрудничеству двух стран в области здравоохранения и борьбе с эпидемией COVID-19. Отмечается, что Китай и Африка оказали друг другу поддержку и совместно преодолели все трудности, связанные с пандемией. Стороны успешно провели в онлайн-режиме Специальный саммит Китай—Африка по солидарности в борьбе с эпидемией. Китай поспособствовал началу строительства штаб-квартиры Африканского центра по контролю и профилактике заболеваний. Значительное внимание уделяется сотрудничеству в области культуры. Отмечается, что гуманитарные обмены между Китаем и Африкой активно развиваются. Проводится большое количество культурных мероприятий, среди них «Год культуры» и «Фокус на культуру Африки», а также Фестиваль молодёжи Китая и Африки и форумы аналитических центров. По всей Африке открывается большое количество Институтов Конфуция. В заключении говорится о расширении сотрудничества в области цифровой экономики. Здесь Китай также оказывает поддержку странам Африки, стремясь ликвидировать неравенство в доступности цифровых технологий. Китай вносит ощутимый вклад в строительство цифровой инфраструктуры, прокладывает оптоволоконные кабели и устанавливает оборудование для беспроводной связи. Все это позволяет сделать вывод о положительной динамике развития китайско-африканских отношений.

Ключевые слова: Китай, Африка, китайско-африканское сотрудничество, Белая книга «Китайско-африканское сотрудничество в новую эпоху», «Один пояс, один путь», цифровая экономика, эпидемия COVID-19

Sino-african cooperation: a view from the 21st century

Abstract. *This work is devoted to the analysis of the current state and prospects for the development of China-Africa cooperation. The author describes in detail the content of the White Paper «China-Africa Cooperation in a New Era», noting the importance of this document for bilateral relations between China and Africa. After all, this is the first White Paper that provides a comprehensive view of the results of China-Africa cooperation. The importance of cooperation between China and Africa in the framework of the One Belt, One Road Initiative is further emphasized. This initiative helps to strengthen the global nature of bilateral relations, as well as strengthen cooperation in the field of infrastructure construction. The Addis Ababa-Djibouti and Mombasa-Nairobi railways, as well as No. 1 National Highway of the Republic of the Congo, are already operational. It also assesses the cooperation between the two countries in the field of healthcare and the fight against the COVID-19 pandemic. It is noted that China and Africa have supported each other and jointly overcome all the difficulties associated with the pandemic. The two sides successfully held the Extraordinary China-Africa Summit on Solidarity Against COVID-19 via video link. China contributed to the start of construction of the headquarters of the African Center for Disease Control and Prevention. Considerable attention is paid to cooperation in the field of culture. It is noted that humanitarian exchanges between China and Africa are actively developing. A large number of cultural events are held, including the «Year of Culture» and «Focus on African Culture», as well as the China-Africa Youth Festival and think tank forums. A large number of Confucius Institutes are opening throughout Africa. In conclusion, they talk about expanding cooperation in the field of the digital economy. China is supporting African countries to close the gap in digital accessibility. China is making a significant contribution to the construction of digital infrastructure, laying fiber optic cables and installing wireless communication equipment. All this makes it possible to draw a conclusion about the positive dynamics in the development of China-Africa relations.*

Keywords: *China, Africa, China-Africa cooperation, White Paper «China-Africa Cooperation in a New Era», «One Belt, One Road», digital economy, COVID-19 pandemic*

Введение

Китай и Африка — две древние цивилизации, обладающие богатым культурным наследием. Ещё с 1950-х гг. страны поддерживали друг друга в борьбе за национальную независимость. В 1956 г. Египет стал первой африканской страной, с которой Китай установил дипломатические отношения. После создания в 2000 г. форума китайско-африканского сотрудничества, взаимодействие между двумя странами начало стремительно развиваться. Стороны сотрудничают в области экономики, торговли, науки и техники, здравоохранения, культуры, образования и туризма. Расширяется сотрудничество в новых областях — это цифровая экономика, аэрокосмическая отрасль, экологически чистая энергетика и новая инфраструктура. Китай и Африка сотрудничают в рамках инициативы «Один пояс, один путь». В 2021 г. Китай опубликовал Белую книгу «Китайско-африканское сотрудничество в новую эпоху». Её целью является всестороннее представление концепции политики Китая в отношении Африки. В книге говорится о построении более тесного китайско-африканского сообщества с единой судьбой, о постоянном расширении китайско-африканского сотрудничества в различных областях в новую эпоху, неуклонном укреплении взаимопомощи. Всё это позволяет сделать вывод о большом будущем китайско-африканского сотрудничества.

Белая книга «Китайско-африканское сотрудничество в новую эпоху»

Китай — крупнейшая развивающаяся страна, а Африка — континент с наибольшей концентрацией развивающихся стран. Обе стороны тесно связаны схожим историческим опытом, общей борьбой и едиными задачами развития. Традиционная дружба между Китаем и Африкой глубоко укоренилась в сознании людей, и играет особую историческую роль в дипломатии Китая.

Развитие солидарности и сотрудничества с африканскими странами является важным фундаментом внешней политики Китая и его долгосрочным твёрдым стратегическим выбором. Китай твёрдо поддерживает африканские страны в достижении национальной независимости и освобождения, следуя по пути развития, соответствующему их собственным характерным национальным особенностям,

и вносит свой должный вклад в реализацию социально-экономического развития Африки, повышение уровня жизни людей и укрепление интеграции. Африканские страны твёрдо поддерживают Китай в защите его суверенитета, безопасности и интересов развития на международной арене. Китай и Африка добились взаимной выгоды и совместного развития благодаря деловому сотрудничеству²¹⁹.

После XVIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая Председатель КНР Си Цзиньпин дал высокую оценку развитию китайско-африканских отношений и лично наметил план двустороннего сотрудничества. На Йоханнесбургском саммите Форума сотрудничества «Китай—Африка» в 2015 г. [Галимзянова А.К. 2018, с. 166], и Пекинском саммите вышеуказанного Форума в 2018 г. председатель КНР Си Цзиньпин и лидеры африканских стран единодушно приняли решение поднять китайско-африканские отношения до уровня всеобъемлющего стратегического партнёрства. А также совместно работать над созданием китайско-африканского сообщества судьбы с «общей ответственностью, взаимовыгодным сотрудничеством, всеобщим счастьем, культурным процветанием, безопасностью и гармоничным сосуществованием», открывающего новую эру китайско-африканских отношений, выводящего двустороннее сотрудничество на новый уровень²²⁰.

26 ноября 2021 г. Информационное бюро Госсовета КНР опубликовало белую книгу «Китайско-африканское сотрудничество в новую эпоху». Это первая Белая книга, выпущенная правительством Китая, в которой всесторонне представлено сотрудничество между Китаем и Африкой, а также первая Белая книга, в которой представлены результаты сотрудничества Китая с определённым регионом мира после XVIII съезда Коммунистической партии Китая.

Белая книга всесторонне и систематически обобщает новые концепции, новые практики и новые достижения дипломатической идеологии Си Цзиньпина в отношении Африке и фокусируется на политической концепции искренности и справедливости²²¹.

---

²¹⁹ Guoxinban juxing «xinshidaide Zhongfei hezuo» baipishu xinwenfabuhui shilu [国新办举行《新时代的中非合作》白皮书新闻发布会实录]. Transcript of press conference held by the State Council Information Office on «China—Africa Cooperation in the New Era». URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zyjh_674906/202111/t20211126_10453849.shtml (accessed: 15.08.2022).

²²⁰ Ibid.

²²¹ Ibid.

В Белой книге подробно изложены идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи, всесторонне представлены положительные достижения китайско-африканского сотрудничества после XVIII съезда Коммунистической партии Китая, изложена политическая позиция Китая в отношении Африки в новую эру, с надеждой на светлое будущее претворения в жизнь нового развития китайско-африканских отношений и построения китайско-африканского сообщества с единой судьбой в новую эпоху. Полный текст Белой книги состоит из трёх частей: предисловия, основной части и заключения. Основной текст включает четыре части, а именно: построение более тесного китайско-африканского сообщества с единой судьбой, постоянное расширение китайско-африканского сотрудничества в различных областях в новую эпоху, неуклонное укрепление взаимной поддержки и стремление к открытию новых перспектив в китайско-африканских отношениях²²². Белая книга опубликована на 8 языках, включая китайский, английский, французский, русский, немецкий, испанский, арабский и японский.

Важность этого документа сложно переоценить, и главным образом это отражено в трёх аспектах:

Во-первых, Африка и Китай являются развивающимися странами. Дружба между ними имеет долгую историю, и со временем она будет укрепляться. С 1950-х гг. в борьбе за национальную независимость и освобождение китайский и африканский народы поддерживали друг друга и искренне сотрудничали на пути развития и возрождения, установив крепкую дружбу. Китай и Африка всегда твёрдо поддерживали друг друга в вопросах, касающихся важнейших интересов и основных проблем друг друга. Независимо от того, как изменится международная ситуация в будущем, Китай и Африка всегда будут самыми надёжными друзьями и искренними партнёрами²²³.

Во-вторых, китайско-африканское сотрудничество является образцом сотрудничества Юг-Юг и международного сотрудничества с Африкой. В новом столетии, особенно после создания в 2000 г. Форума сотрудничества «Китай—Африка» [Galimzyanova A. 2021], китайско-африканское деловое сотрудничество получило быстрое развитие. Китай построил более 80 крупных энергетических объектов в Африке, помог построить более 130 медицинских центров, 45 спорткомплексов

---

²²² Ibid.

²²³ Ibid.

и более 170 учебных заведений, подготовил более 160 000 высококвалифицированных работников в различных областях для Африки и профинансировал строительство Конференц-центра Африканского союза. Китайские предприятия использовали различные средства, чтобы помочь африканским странам построить и модернизировать более 10 000 км железных дорог, почти 100 000 км автомобильных дорог, почти 1000 мостов и почти 100 портов. Протяжённость магистральной сети связи составляет 150 000 км, а сетевые услуги охватывают почти 700 млн абонентских терминалов. Также расширяется сотрудничество в новых областях, таких как цифровая экономика, аэрокосмическая отрасль, экологически чистая энергетика и новая инфраструктура. Достижения китайско-африканского сотрудничества распространились по всей Африке, улучшая условия экономического и социального развития страны, повышая потенциал развития Африки, принося ощутимую пользу народам обеих сторон и создавая благоприятные условия для международного сотрудничества с Африкой²²⁴.

В-третьих, Китай и Африка подают пример для построения Сообщества единой судьбы человечества. Судьбы Китая и Африки связаны, и у них очень схожие взгляды на основные вопросы, такие как содействие реформе структуры международных отношений и демократизации международных отношений. Концепция сообщества единой судьбы человечества также полностью соответствует цели Африки, заключающейся в стремлении к единству, самосовершенствованию, процветанию и возрождению. Когда процветает китайско-африканское сотрудничество, процветает и сотрудничество Юг-Юг. Если Китай и Африка будут развиваться хорошо, мир станет лучше. Китайско-африканское сотрудничество в новую эпоху будет способствовать тому, чтобы китайско-африканские отношения продолжали оставаться в авангарде построения сообщества единой судьбы человечества²²⁵.

Роль инициативы «Один пояс, один путь» в китайско-африканских отношениях

Инициатива «Один пояс, один путь» является крупной инициативой глобального сотрудничества, предложенной Китаем.

---

²²⁴ Ibid.

²²⁵ Ibid.

«Один пояс, один путь» — это «общедоступный продукт», который Китай распространяет по всему миру, и он очень популярен в Африке, поскольку она является историческим и естественным продолжением инициативы «Один пояс, один путь». И тому есть подтверждение. 600 лет назад флот китайского путешественника Чжэн Хэ приплыл к восточному побережью Африки, недалеко от острова Малинди в Кении. Есть деревня, которая, считается наследием флота Чжэн Хэ. Музей Гугун уже отправлял туда людей для археологических раскопок, и они действительно обнаружили много фарфора династии Мин, оставленного флотом Чжэн Хэ²²⁶.

Морской шёлковый путь открыл торговые пути между Китаем и Африкой. К настоящему времени среди 53 африканских стран, установивших дипломатические отношения с Китаем, 52 страны и Комиссия Африканского союза уже подписали документы о сотрудничестве с Китаем для совместного строительства «Пояса и пути»²²⁷. Африка стала одним из важнейших направлений задействованным в сотрудничестве в рамках инициативы «Один пояс, один путь».

В последние годы благодаря сотрудничеству в рамках «Один пояс, один путь» ускорилась взаимосвязь между Китаем и Африкой. Железная дорога Аддис-Абеба—Джибути, знаменитая железная дорога Момбаса—Найроби, являющаяся главным инвестиционным проектом «Один пояс, один путь» в Восточной Африке [Дейч Т.Л. 2020, с. 122], а также Национальная автомагистраль № 1 в Конго и другие проекты были открыты один за другим. Многофункциональный порт Дорале в Джибути и контейнерный терминал в Ломе (Того) эффективно расширили возможности местной транзитной торговли²²⁸. В рамках инициативы «Один пояс, один путь» осуществляется бесчисленное множество крупных проектов, которые сыграли важную роль в процессе региональной взаимосвязанности и интеграции.

Сотрудничество по борьбе с COVID—19

Китай и Африка поддерживали друг друга в борьбе с эпидемией коронавируса и сражались плечом к плечу, чтобы совместно преодолеть трудности.

---

²²⁶ Ibid.

²²⁷ Ibid.

²²⁸ Ibid.

В июне 2020 г. в онлайн-режиме был успешно проведён Специальный саммит Китай—Африка по солидарности в борьбе с эпидемией, Китай стал первой страной в мире, которая провела саммит по реагированию на эпидемию с африканским континентом. На саммите Председатель КНР Си Цзиньпин указал, что необходимо ускорить реализацию итогов Пекинского саммита Форума сотрудничества «Китай—Африка», сделать акцент на сотрудничестве в таких областях, как здравоохранение, восстановление работы и производства, а также улучшение народного благосостояния²²⁹.

Китай активно делился своим противоэпидемическим опытом с африканскими странами, направлял противоэпидемические бригады медицинских экспертов в 17 африканских стран, боролся с эпидемией вместе с африканским населением и способствовал началу строительства штаб-квартиры Африканского центра по контролю и профилактике заболеваний. Также Китай активно выполнял своё обязательство «превратить вакцины в глобальное общественное благо» и взял на себя ведущую роль в предоставлении вакцинной помощи африканским странам²³⁰. Китайские компании также активно сотрудничают с африканскими компаниями для совместного производства вакцин против COVID-19.

Достижения в сфере культуры

Китайско-африканские гуманитарные обмены действительно являются важной составной частью китайско-африканского сотрудничества, поскольку они составляют основу общественного мнения для двусторонних обменов. Китай всегда придавал большое значение прямому общению с многочисленным африканским народом, ведению диалога с ним, прислушивался к его мнению и пожеланиям. Дружба между двумя странами заключается в дружбе между народами. «Культурное совместное процветание» является важной частью построения китайско-африканского сообщества с единой судьбой. Можно сказать, что в последние годы китайско-африканские гуманитарные обмены были богатыми и разнообразными. Было организовано и проведено множество меропри-

---

²²⁹ Ibid.

²³⁰ Ibid.

ятий по гуманитарным обменам, таких как «Год культуры» и «Фокус на культуру Африки». Также есть такие платформы взаимодействия, как Фестиваль молодёжи Китая и Африки, форумы аналитических центров, форумы сотрудничества между СМИ, совместные программы обмена и т. д.²³¹ Расширяется сеть Институтов Конфуция, Китай создал много культурных центров в Африке, создал 61 Институт Конфуция²³² и 48 классов Конфуция, и их число увеличивается. «Практика создания Институтов Конфуция — важное средство «борьбы за умы» африканцев» [Дейч Т.Л., Сериккалиева А.Е. 2017, с. 4]. Уже 160 китайских и африканских городов стали городами-побратимами, поэтому взаимопонимание между Китаем и Африкой становится все глубже.

Развитие цифровой экономики

Ещё одной важной составляющей в сотрудничестве Китая и Африки сегодня является цифровая экономика. За последние годы Китай помог африканским странам преодолеть неравенство в доступности цифровых технологий и воспользоваться возможностями информационной революции (метафора, выражающая революционное воздействие информационно-коммуникационных технологий на все сферы общества), а также многое сделал для содействия ускоренному развитию китайско-африканского цифрового экономического сотрудничества.

Китай внёс огромный вклад в создание цифровой инфраструктуры в Африке. Китайские корпорации использовали всевозможные средства для строительства оптоволоконных кабелей и оборудования беспроводной связи для Африки. Китайский инженерно-технический персонал совместно с африканцами построили значительную цифровую экономическую инфраструктуру на африканском континенте²³³.

---

²³¹ Ibid.

²³² Xinhua guoji shiping: fengyutongzhou 20zai, zhongfei guanxi chixu xiangqian [新华国际时评：风雨同舟20载，中非关系持续向前]. Xinhua International Review: 20 years in the same boat, China-Africa relations continue to move forward. URL: http://www.xinhuanet.com/2020-10/12/c_1126597767.htm (accessed: 15.12.2022).

²³³ Guoxinban juxing «xinshidaide Zhongfei hezu» baipishu xinwenfabuhui shilu [国新办举行《新时代的中非合作》白皮书新闻发布会实录]. Transcript of press conference held by the State Council Information Office on «China-Africa Cooperation in the New Era». URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zjyh_674906/202111/t20211126_10453849.shtml (accessed: 15.08.2022).

Кроме того, через электронную торговлю африканские деликатесы постепенно выходят на потребительский рынок Китая. Это и цитрусовые из Южной Африки, кофе из Эфиопии и Танзании. Так, например, китайская провинция Хунань, которая славится острой кухней, подписала соглашение о торговле сушёным перцем чили с Руандой. Всё это новые возможности для бизнеса, которые цифровая экономика открывает для африканских стран. В Африке развиваются всё больше и больше новых форматов, таких как мобильные платёжные системы и цифровые валюты²³⁴. Таким образом, Африка — это континент надежды, обладающий потенциалом для преодоления трудностей и стремительного развития в новых областях.

Заключение

И Китай и Африка являются родиной древних цивилизаций с многовековой историей и богатым культурным наследием. Поэтому их многое объединяет. Осознавая важность сотрудничества с Африкой, Информационное бюро Госсовета КНР публикует Белую книгу «Китайско-африканское сотрудничество в новую эпоху». В документе впервые всесторонне и комплексно обобщаются достижения в сотрудничестве с африканским континентом.

Поддержка развития Африки является общей обязанностью международного сообщества. Сотрудничество с Африкой должно осуществляться на основе уважения суверенитета и практических потребностей африканского народа. Китай полностью поддерживает эти принципы и старается помогать африканским странам в достижении устойчивого развития. Большую роль здесь играет сотрудничество в рамках инициативы «Один пояс, один путь», благодаря которому Китай реализует в Африке большое количество проектов по строительству инфраструктуры. Масштабы торгово-экономического сотрудничества также увеличиваются.

Китай и Африка поддержали друг друга и в борьбе с эпидемией коронавируса, успешно провели Специальный саммит Китай—Африка по солидарности в борьбе с эпидемией. Китай направил в Африку

---

²³⁴ Ibid.

большое количество медицинской помощи, в том числе медицинских экспертов и партии вакцин.

Культура всегда занимала особое место во внешней политике Китая. Поэтому гуманитарные обмены по-прежнему являются важным направлением китайско-африканского сотрудничества. Китай развернул сеть Институтов Конфуция в странах Африки. Проводится множество тематических мероприятий, которые помогают в укреплении связи между народами Китая и Африки.

Китай внёс огромный вклад в построение цифровой инфраструктуры в Африке. Китайские и африканские компании сотрудничали в создании ряда трансграничных платформ электронной коммерции, через которые африканские продукты, такие как кофе и цитрусовые, начали поступать в Китай.

Библиографический список

Галимзянова А.К. (2018) Экономическая деятельность Китая в африканских странах. *Вестник молодых учёных-международников*. № 3 (5). С. 160—167.

Дейч Т.Л. (2020) Место Африки в инициативе Китая «Один пояс, один путь». *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 64. № 2. С. 118—127.

Дейч Т.Л., Сериккалиева А.Е. (2017) «Мягкая сила» как орудие политики Китая в Африке. *Азия и Африка сегодня*. № 3 (716). С. 2—8.

References

Deich, T. (2020) Mesto Afriki v iniciative Kitaya «Odin poyas, odin put'» [Africa's place in the Chinese initiative «One belt, One road»]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 64, no. 2, pp. 118—127 (in Russian).

Deich, T., Serikkaliev, A. (2017) «Myagkaya sila» kak orudie politiki Kitaya v Afrike. [«Soft power» as an instrument of China's policy in Africa]. *Aziya i Afrika segodnya*. No. 3 (716), pp. 2—8. (in Russian).

Galimzyanova, A. (2021). Regions in the Contemporary World: the Global Turbulence and Its Impact on Asia (Collective Monograph) / Ed. by E. Kanaev, S. Luzyanin, A. Baklanov, V. Vishnyakova. HSE University. Moscow: ФИЛИНЪ, pp. 138—151.

Galimzyanova, A. (2018) Ekonomicheskaya deyatel'nost' Kitaya v afrikanskih stranah. [China's economic activity in African countries]. *Vestnik molodyh uchennyh-mezhdunarodnikov*. No. 3 (5), pp. 160—167 (in Russian).

Интересы Китая в Африке: причины и перспективы

***Аннотация.** В статье рассматривается динамика интересов КНР к Африке. Автор выделяет три этапа развития афро-китайских отношений, в каждом из которых преобладали определённые цели. Первый этап состоялся в 1970-х гг., когда Китай, как представитель социалистического лагеря, оказывал помощь развивающимся странам африканского континента. Вторым этапом, начавшимся в 1990-е годы, характеризовался ежегодно нарастающими темпами торгового оборота между Китаем и Африкой, а также увеличивающимся объёмом китайских инвестиций в инфраструктурные проекты на территории Африки. Автор подробно останавливается на 4 формах международных экономических отношений и констатирует, что китайская и африканская экономики выигрывают за счёт торговли: Китай получает редкие ресурсы по доступной цене, а Африка — инфраструктуру, необходимую ей для развития промышленности и несырьевого сектора. Валютно-финансовая форма МЭО между Китаем и Африкой развивается, но поскольку Китай зарекомендовал себя как жёсткий кредитор, у ряда африканских стран возникает необходимость в реструктуризации кредитов. В сфере трудовой миграции автор отмечает ограниченный потенциал в силу наличия ярко выраженных культурных различий, а вот в сфере информационного сотрудничества отмечается наименьшая активность. Вместе с тем, эта отрасль обладает перспективами развития, поскольку для интенсификации совместного производства потребуется взаимодействие в информационной сфере. Третий этап афро-китайских отношений характеризуется высокой долей политического влияния, распространяемого Китаем на африканском континенте, хотя торговля и инвестиции всё ещё играют важную роль в формировании представления об афро-китайских отношениях. В заключении автор обрисовывает основные характеристики политического поведения Китая в африканских странах, среди которых выделяет следующие: ставка на объём инвестиций и как следствие, вытеснение конкурентов; взаимодействие с правящими элитами — политика невмешательства; ориентированность на быстрый результат. Автор делает оговорку, что несмотря на активное желание распространить политическое влияние на территории Африки, культурные различия*

не позволяют китайским установкам «укорениться» на африканской земле. Соответственно, зависимость Африки от Китая носит исключительно экономический характер, что, безусловно, позволит Китаю диктовать свои условия, но во что это выльется на столь неспокойной территории, как Африка, страшно и трудно предугадать.

Ключевые слова: афро-китайские отношения, международные экономические отношения, китайские инвестиции, внешняя политика Китая, экономическое партнёрство, природные ресурсы

Grigoriev Nikita

Student

National Research University — Higher School of Economics

(Moscow, Russia)

nvgriorev@edu.hse.ru

China's interests in Africa: causes and perspectives

Abstract. *The article examines the dynamics of China's interests in Africa. The author identifies three stages in the development of African-Chinese relations; each of them is characterized by certain goals pursued by China. The first stage was in the 1970s, when China, as a representative of the socialist camp, provided assistance to the developing countries of the African continent. The second phase began in the 1990s and was marked by ever increasing trade turnover between China and Africa. At this stage China starts making huge investments in infrastructure projects in Africa. The author elaborates on four forms of international economic relations and concludes that the Chinese and African economies benefit from trade: China gets rare resources at an affordable price, and Africa gets help in developing much needed infrastructure in its industrial and social sectors. The monetary and financial form of Chinese-African relations is growing, but since China has proved to be a tough creditor, a number of African countries have a need to restructure loans. In the field of labor migration, the author notes the limited potential due to profound cultural differences, while cooperation in the field of information shows the least activity. At the same time, cooperation in the field of information has prospects for development, since the intensification of joint production will require cooperation in the information sphere. The third stage of Afro-Chinese relations is characterized by a high share of political influence spread by China on the African continent, although trade and investments still play an important role in shaping the perception of Afro-Chinese relations. In conclusion, the author outlines the main characteristics of China's political*

behavior in African countries, among which there are the following: big volume of investments and driving out the competitors; interaction with the ruling elites - a policy of non-interference; a focus on quick results. The author makes a reservation that despite the desire to spread of political influence in Africa, cultural differences do not allow Chinese attitudes to «prosper» on African soil.

Keywords: *African-Chinese relations, international economic relations, Chinese investments, Chinese foreign policy, economic partnership, natural resources*

Введение

Интересы ведущих мировых держав к Африке следует рассматривать с ракурса текущих политических трендов. В основе сотрудничества между государствами могут лежать разные ценности и интересы. Не всегда это интересы исключительно экономические — сотрудничество может ограничиваться научным и культурным обменом, но оно должно быть интересно обеим сторонам. Взаимная выгода — это тот общий знаменатель, к которому легче всего свести кооперацию странам с разными ценностными установками. Не стоит, однако, надеяться, что кратчайшая перспектива (выгода) может вытеснить долгосрочные факторы (идеологию — построение социального государства, экологических отраслей и т.п.). Беспрецедентная экономическая интеграция, наблюдаемая на планете в 1990-х и начале 2000-х гг., которая ускорила экономический рост и вывела сотни миллионов людей из бедности, в настоящее время выходит на новый виток развития, и это прежде всего связано с тем, что страны стали больше руководствоваться соблюдением национальным интересам.

Восприятие Африки, как континента колоний западных стран давно в прошлом. На континенте расположено 54 независимых государства, большинство из которых считают Китай своим стратегическим партнёром. Китай — крупнейший торговый партнёр Африки, двусторонний кредитор и важнейший инвестор в социальную и цифровую инфраструктуру. Политические и военные связи между Китаем и Африкой становятся всё более тесными.

История афро-китайских отношений состоит из трёх этапов. После того, как африканский континент обрёл независимость, Китай оказывал помощь в строительстве железных дорог и инфраструкту-

ры, но основная направленность этих отношений была политической. Будучи страной социалистической, Китай начал было оказывать помощь вновь обретшим независимость африканским странам, но быстро свернул свою помощь из-за разногласий с Москвой и внутренних проблем. Тем не менее, свидетельством китайской помощи Африке является железная дорога длиной 1860 километров, связавшая порт Дар-эс-Салам в Танзании с Капири-Мпоши (Замбия), построенная инженерами и строителями из КНР в 1970—1975 гг.

Китай рассматривал новые независимые африканские страны как потенциальных союзников. В 1971 году 26 африканских стран проголосовали за то, чтобы Китайская Народная республика стала «единственным законным представителем Китая в Организации Объединённых Наций», что зафиксировано в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 2758. В соответствии с этой Резолюцией, право представительства Китая перешло от Республики Китай Китайской Народной Республике, включая место постоянного члена Совета Безопасности ООН. Мао Цзэдун тогда заявил, что именно «наши африканские братья привели нас в ООН». Второй этап начался в 1990-е годы, основным приоритетом в котором был экономический интерес бурно развивающегося Китая в богатых природных ресурсах Африки. После того, как помощь Африке оставили западные страны (во главе с США) и бывший СССР, это «пространство», как только появился избыточный капитал, начал осваивать Китай. Китай импортировал нефть, металлы и минералы и направлял образовавшиеся внутри страны излишки капитала в страны Африки на развитие полезной инфраструктуры. В то же время стремительно менялся экономический и политический образ самой КНР: из получателя помощи Китай превращался в «кредитора первой инстанции» [Dreher. 2022]. Цифры говорят сами за себя: объём накопленных китайских инвестиций в странах Африки составлял в 2003—2010 гг. в среднегодовом исчислении 10,875 млрд долл. США [Викторьен А. 2018]. Белая книга «Китай и Африка в новой эре: партнёрство равных» (2021)²³⁵, выпущенная Информационным бюро Государственного совета КНР символизирует третий этап афро-китайских отношений. Торговля и инвестиции всё ещё играют важную роль в формировании представления об афро-китайских отношениях, но,

---

²³⁵ China and Africa in the New Era: A Partnership of Equals. https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/2649_665393/202111/t20211126_10453904.html.

как утверждает Дэниел Лардж в книге «Китай и Африка: новая эра», с приходом к власти господина Си, основным вектором афро-китайских отношений становится политический: «Си Цзиньпин стремится пересмотреть отношения Китая с Африкой в своих терминах, включая более открытое включение Африки в концепцию КПК о будущей центральной роли Китая в мировых делах» [Large. 2021].

Афро-китайские отношения: перемена вектора

С 2016 г. кредитование Африки Китаем сократилось. Китай реализует меньше мегапроектов, делая больший упор на торговлю и инвестиции и отводит важную роль выстраиванию политике. К данному моменту соглашениями в рамках проекта «Один пояс — один путь» с КНР связано 44 из 54 государств Африки, причём у большинства из этих стран имеется огромный внешнеэкономический долг. Африканский союз назвал КНР движущей силой африканского экономического роста, но при этом важные инфраструктурные проекты (порты, мосты, железнодорожные магистрали, автомобильные дороги, электростанции и т.д.) строятся в долг, а если африканские страны не окажутся способны платить, то построенные объекты переходят в собственность КНР. Это уже грозит полуколониальной зависимостью от Китая, которая может всколыхнуть и без того крайне неспокойную геополитическую обстановку на континенте. Большинство африканских стран характеризуется наличием высокой политической нестабильностью. Неэффективность заимствованных форм государственного устройства и политическая нестабильность на континенте показывают, что экономическое и политическое будущее африканских государств может снова оказаться в чужих руках. «Партнёрство равных» между Китаем и Африкой, заявленное в Белой книге Госсовета Китая на деле весьма ассиметрично: в Африке и Китае проживает примерно по полтора миллиарда, но Китай — это одно государство, и его экономика составляет почти 20% мирового ВВП, а Африка — континент, состоящий из 54 стран, и её экономика составляет всего 3% от мирового ВВП. С другой стороны, с политической точки зрения африканский континент очень нужен Китаю: он представлен в Генеральной Ассамблее ООН 54 голосами, что составляет 27,4% от общего количества стран-членов организации. Поддержка китайских

инициатив со стороны стран Африки помогает Китаю реализовывать свои предложения в рамках международных организаций, что имеет для политического курса КПП основополагающее значение.

Таким образом, наличие политических и экономических интересов с обеих сторон делает сотрудничество взаимовыгодным, хотя необходимость платить по долгам создаёт для Африки опасность зависимости от Китая. Поэтому для того, чтобы иметь возможность платить по долгам, Африка крайне заинтересована в том, чтобы поддерживать широкие торговые связи с Китаем и развивать другие формы МЭО.

Сотрудничество Китая и Африки по формам МЭО

1. Торговля.

Поскольку одной из главных причин интереса Китая к Африке является её ресурсное многообразие, то очевидно, что Китай заинтересован, прежде всего, в импорте сырья. Например, нефть, китайская экономика очень серьёзно нуждается в нефти и стремится к тому, чтобы диверсифицировать источники поставок углеводородов, чтобы избежать экономической зависимости от конкретной страны или групп стран, поэтому Китай активно наращивает импорт этого углеводорода из Анголы, Конго, Ливии и Судана, уголь — из ЮАР, древесина — из Экваториальной Гвинеи, медь — из Замбии, пиломатериалы — из Габона, Камеруна и Мозамбика, различные руды, драгоценные и полудрагоценные камни — из ЮАР и ДР Конго.

На данный момент нет точной статистики товарооборота между Китаем и странами африканского континента, однако предварительные данные от «Российской газеты»²³⁶ показывают, что товарооборот между КНР и африканскими государствами составил почти 260 миллиардов долларов, что наглядно демонстрирует — Китаю удалось «завоевать» Африку, не только как источник сырья, но и как рынок сбыта. Сегодня Китайская Народная республика стала самым крупным торговым партнёром африканских государств. Однако, структура торговых взаимоотношений между КНР и Африкой содержит в себе серьёзные проблемы. Китай поставляет в Африку высокотехнологичную продукцию, оставляя Африке возможность торговать только сырьём и

---

²³⁶ <https://rg.ru/2022/12/27/v-2023-godu-razvernetsia-borba-za-afriku.html>.

сельскохозяйственной продукцией с низкой добавленной стоимостью, что порождает некоторое недовольство среди африканских элит, поскольку это может отрицательно отразиться на будущем развитии континента. И несмотря на заявления африканских политиков, ситуация с такой структурой экспортно-импортных отношений остаётся стабильной. Своеобразным решением этого вопроса стала формула «инфраструктура в обмен на ресурсы», обоюдовыгодная политика взаимозачёта, по которой Китай улучшает логистику поставки товаров, а параллельно развивая инфраструктуру африканских стран. Конечно, Китай это делает из соображений собственной выгоды. Например, «Южноафриканская компания-экспортёр железной руды в КНР не раз заявляла, что китайская сторона заинтересована в том, чтобы удвоить поставки сырья в Китай, однако это невозможно из-за отсутствия транспортной инфраструктуры» [Захаров. 2018]. Поэтому даже в вопросе помощи африканским странам, Китай акцентирует своё внимание именно на строительстве экономически полезной инфраструктуры, чтобы эффективно обслуживать прежде всего свои экономические интересы.

По данным за 2019 г. на китайскую продукцию приходится 17,6% всего импорта африканских стран, причём в валовом торговом балансе КНР китайско-африканская торговля составляет лишь около 4,5% [Зеленов, Солощева. 2021]. Таким образом, потенциал китайской торговли в Африке далеко не исчерпан.

Описывая торговую форму МЭО можно прийти к заключению, что китайская и южноафриканская экономики дополняют друг друга за счёт торговли, Китай получает дешёвые ресурсы, а Южно-Африканская Республика — инфраструктуру, необходимую ей для развития промышленности и несырьевого сектора.

2. Валютно-финансовая форма МЭО.

В этой области практически невозможно иметь полноценную статистику, поскольку финансовых потоков из Китая в Африку много и существуют разные системы подсчёта, например, американская и китайская статистика дают сильно различающиеся значения. По китайским данным это 94,3 млрд долларов, а по американским — 31,5 млрд долларов (берутся данные за 2000—2013 годы) [Кашин. 2017]. Однако можно сказать, что «основной источник финансирования Африки — Экспортно-импортный банк Китая (Эксимбанк): в 2000—2015 гг. он предоставил займы почти всем африканским странам на 63 млрд дол-

ларов» [Дейч. 2018]. В первую очередь кредиты выдавались африканским нефтеэкспортерам: Анголе, Южному Судану, Нигерии, Эфиопии и Конго.

В июне 2019 г. в Пекине прошёл очередной форум участников проекта «Один пояс — один путь», в котором приняло участие около 40 государств. Из Африки на него прибыли лидеры Джибути, Мозамбика, Кении и Эфиопии. Эти страны являются крупными заёмщиками. Одной из главных целей визита африканских лидеров были переговоры о снижении долговой нагрузки на их страны. Можно и не говорить, что полученное согласие на реструктуризацию государственного долга не далось этим странам даром. Взамен Китай неизбежно потребует уступки политического и экономического характера, что ещё больше упрочит его привилегированное положение на континенте.

Таким образом, финансовая форма МЭО между Китаем и Африкой активно развивается, хотя, существует опасность возникновения экономической зависимости от Китая, что может привести к непредсказуемым результатам.

3. Трудовая миграция.

Китай действительно использует Африку для решения собственных социальных проблем, разрешая строительство инфраструктуры только на том условии, что в отношении рабочих на фабриках, заводах, месторождениях, скважинах и так далее приоритет будет отдаваться китайским рабочим, африканцам же будет отдана самая чёрная работа, за которую не захотят браться их китайские товарищи.

Хотя эта тема сильно политизирована и встречаются другие оценки, все исследователи сходятся в одном: «Различия в языке, культуре и ценностях могут стать камнем преткновения на пути интеграции китайских мигрантов» [Park. 2009]. Поэтому потенциал развития этой сферы очень ограничен.

4. Информационное сотрудничество.

Это форма МЭО наименее активно используется обеими странами. Китайская наука является одной из самых быстроразвивающихся наук в мире, определённый прогресс наблюдается и в науке африканских стран. Однако активного взаимодействия между Китаем и африканскими государствами на данный момент нет. Кстати сказать, в упомянутой выше Белой книге среди основополагающих принципов

«сотрудничества равных» не нашлось места обмену в сфере информации и развитию совместных научных инициатив. Однако, нашли отражение взаимное политическое доверие, быстрое расширение экономического взаимодействия, рост сотрудничества в сфере социального развития и в сфере безопасности, а также культурный обмен. Вместе с тем, информационная сфера — понятие очень широкое и, поскольку для интенсификации совместного производства потребуется взаимодействие в информационной сфере, в афро-китайских отношениях она обладает перспективами развития.

Основные черты политики Китая в отношении африканских стран

Безусловно, политическая и экономическая экспансия Китая, осуществляемая в том числе через программу «Один пояс — один путь», вызывает в мировом сообществе опасения особенно у западных стран. Данное обстоятельство позволяет Китаю заявлять, а иногда и устанавливать свои правила игры. Политика Китая на африканском континенте позволяет выделить несколько характерных черт, что отличает её от политики других стран, заинтересованных в сотрудничестве со странами Африки:

1. Ставка на объём инвестиций и как следствие, вытеснение конкурентов.

Согласно данным Центра глобального развития в период с 2007 по 2020 год китайские банки развития предоставили \$23 млрд на развитие инфраструктуры Африки, по сравнению с \$9,1 млрд от всех других банков²³⁷. Со всей отчётливостью видно, что большие инвестиционные возможности Китая позволяют ему вытеснить из Африки своих конкурентов. Это может означать либо ограничение, либо существенное удорожание доступа западных стран к стратегическим минералам, таким, например, как кобальт, используемый в электромобилях.

---

²³⁷ <https://www.economist.com/middle-east-and-africa/how-chinese-firms-have-dominated-african-infrastructure/21807721>.

2. Взаимодействие с правящими элитами — политика невмешательства.

Китай активно взаимодействует с правительствами африканских государств, о чём свидетельствует тот факт, что помимо прочего, КНР вкладывает средства в строительство правительственных зданий. Китай принимал участие в строительстве 186 правительственных зданий в 40 из 54-х африканских стран. В их числе 24 президентских резиденций, 26 зданий парламентов, 32 военных и полицейских объекта²³⁸. Даже здание Африканского союза (АС) в Эфиопии было полностью профинансировано и построено Китаем. Строительство объектов государственной важности демонстрирует яркий контраст по сравнению с политикой западных государств на территории Африки, которая была направлена скорее на гуманитарные цели, такие как образование для женщин, доступ к питьевой воде и соблюдение прав человека. Китай же явно поддерживает интересы местных властей в африканских странах, отдавая им на откуп право решать, как выстраивать социальные отношения в вверенных им странах.

3. Инвестиции в социальную инфраструктуру.

Вернувшись на континент, Китай продолжил практику строительства железных дорог. Конечно, основной целью строительства данных транспортных магистралей было удобство транспортировки ресурсов на экспорт. Население Африки растёт быстрее, чем население других континентов. Неизбежно это влечёт за собой массовый рост городов, а, значит, спрос на городскую инфраструктуру будет увеличиваться. В Анголе Международная китайская инвестиционная корпорация по управлению имуществом построила новый город Киламба на полмиллиона жителей. В первые годы заселение шло с трудом: африканцы плохо приспособивались к новому формату жизни в построенных посреди пустыни многоэтажках, но в последнее время население Киламбы приближается к 100 тысячам жителей.

4. Ориентированность на быстрый результат.

Бесперебойность финансирования, возможно, играет здесь ключевую роль, но немало важным является и тот факт, что китайские

---

²³⁸ China paints picture of African partnership with gleaming public works / South China Morning Post. Feb 14, 2022 https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.0b203f4b-63d78f24-ac3bdcf5-74722d776562/https/www.yahoo.com/now/china-paints-picture-african-partnership-093000533.html.

строители способны справиться со сложной задачей в кратчайшие сроки. Более того, зачастую они строят здания по чертежам ранее реализованных проектов, что помогает сэкономить время. Быстрая и высокая результативность играет на руку и политической элите: крупные проекты успешно завершаются за президентский срок, и к новым выборам уже есть повод «разрезать ленточку», а значит, заработать новые голоса.

Заключение

Расширение китайского влияния на африканском континенте обусловлено прежде всего экономическим сотрудничеством. Высокая закредитованность и агрессивное «торговое вторжение» Пекина на африканский континент в начале 2010-х годов стали вызывать недовольство внутри континента. В мае 2014 года премьер-министр КНР Ли Кэцян признал, что в африкано-китайских отношениях нарастает напряжение²³⁹. Политически Китай действует гибко и быстро осознать свою ошибку, огласив новую стратегию помощи зарубежным странам, которая содержит набор инфраструктурных проектов, которые будут осуществляться при участии китайского капитала. Однако, каждый новый проект увеличивает долговую нагрузку и политические обязательства африканских стран. Испытав на собственном опыте желание США сделать из страны оплот демократии, Китай не навязывает местным элитам правила, как управлять страной, а контролирует вопросы займов и инвестиций. Пока у Китая есть в Африке устойчивый интерес к её ресурсам, он будет руководствоваться текущими потребностями, но попытка придать китайской инициативе «Один пояс — один путь» идеологический характер пока выражается в поддержке Китая африканскими странами в работе международных организаций и не вызывает существенных политических изменений внутри самих африканских государств.

Библиографический список

Викторьен, А. (2013). Особенности инвестиционного сотрудничества Китая со странами Африки. *Вестник РУДН, сер. Экономика*. № 3. С 56—64.

---

²³⁹ <https://www.forbes.ru/mneniya-column/mir/283713-gumannyi-imperializm-kak-kitai-zavoevyvaet-afriku>.

Дейч, Т. (2018) Китай в Африке: «неоколониализм» или «win-win» стратегия? *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 11. № 5. С. 119—141

Захаров, А., Русак, Н. (2018). Внешняя торговля Китая со странами Африки. *Российский внешнеэкономический вестник*. № 4. С. 68—74.

Зеленев, Е., Солощева, М. (2021). Военная стратегия и военное присутствие КНР в Африке: сравнительно-исторический ракурс. *Сравнительная политика*. Т. 12. № 3.

Кашин, Б., Королев, А., Пятачкова, А. (2017) Китайская политика помощи зарубежным странам: основные принципы и направления. *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. Т. 22. № . 22. С. 204—218.

Dreher, A. (2022). *Banking on Beijing*. Cambridge University Press, 2022.

Large, D. (2021). *China and Africa: The New Era*. Oxford: Polity, 2021.

Park, Y. *Chinese migration in Africa*. Vol. 24. Johannesburg: South African Institute of International Affairs, 2009.

References

Dejch, T. (2018) Kitaj v Afrike: «neokolonializm» ili «win-win» strategiya? [China in Africa: «neo-colonialism» or «win-win» strategy?] *Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo*. Vol. 11. no 5. Pp. 119—141 (in Russian).

Viktor'en, A. (2013). Osobennosti investicionnogo sotrudnichestva Kitaya so stranami Afriki [Peculiarities of China's Investment cooperation with African countries]. *Vestnik RUDN, seriya Ekonomika*, no. 3. Pp. 56—64 (in Russian).

Zaharov, A., Rusak, N. (2018). Vneshnyaya trgovlya Kitaya so stranami Afriki [China's Foreign Trade with Africa]. *Rossijskij vneshneekonomicheskij vestnik*, no. 4. Pp. 68—74 (in Russian).

Zelenev, E., Soloshcheva, M. (2021). Voennaya strategiya i voennoe prisutstvie KNR v Afrike: sravnitel'no-istoricheskij rakurs [China's Military Strategy and Military Presence in Africa: A Comparative and Historical Perspective]. *Sravnitel'naya politika*. Vol. 12 No. 3 (in Russian).

Kashin, B., Korolev, A., Pyatachkova, A. (2017) Kitajskaya politika pomoshchi zarubezhnym stranam: osnovnye principy i napravleniya [China's overseas aid policy: basic principles and directions]. *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremennost'*. Vol. 22. No. 22. Pp. 204—218. (in Russian)/

Dreher, A. (2022) *Banking on Beijing*. Cambridge University Press.

Large, D. (2021). *China and Africa: The New Era*. Oxford: Polity.

Park, Y. *Chinese migration in Africa*. Vol. 24. Johannesburg: South African Institute of International Affairs, 2009.

Жолобова Дарья Владимировна

студент Восточного факультета ГАУГН (Москва, Россия)
zholobova.dashaa@yandex.ru

Раупов Роман Игоревич

студент Восточного факультета ГАУГН (Москва, Россия)
grom.2002@list.ru

Стратегия Китая в спорах в Южно-Китайском море

***Аннотация.** Южно-Китайское море — один из наиболее масштабных очагов конфликта в современном мире. Конфликт, связанный со спорными территориями и акваториями, длится уже около 50 лет. Изучение истоков конфликта и исторической аргументации сторон представляется критически важным для понимания сути конфликта и поиска путей его возможного решения. Статья представляет собой исторический анализ территориальных споров в Южно-Китайском море. На эскалацию конфликтов в этом регионе влияет множество факторов: экономический, политический, военно-стратегический, энергетический, экологический. Сохранившиеся исторические документы, навигационные карты, договоры свидетельствуют о включении тех или иных островов в состав разных стран Тихого океана в различные исторические периоды. В первой части статьи кратко рассматривается история государственной принадлежности крупных островов в Южно-Китайском море и история развития противоречий стран региона с Китаем, занявшим место ключевого актора в регионе. Вторая глава посвящена анализу позиции Китая относительно спорных территорий, рассматривается исторический подход в аргументации притязаний Китая и некоторые аспекты политики Китая в ЮКМ. В следующей главе с целью выявления возможных путей решения конфликта в статье рассматривается ряд документов, таких, как: закон Китая «О территориальном море и прилегающей зоне», декларация АСЕАН по ЮКМ, кодекс поведения в ЮКМ, закон КНР «О включении ЮКМ в территориальные воды КНР» и заявление правительства КНР «О территориальном суверенитете и морских правах и интересах Китая в ЮКМ». Исторический аспект конфликта в ЮКМ неоднократно рассматривался как в отечественной, так и зарубежной литературе. В ходе настоящего исследования были изучены такие работы, как книга «Политика Китая в Юго-Восточной Азии: от прошлого к настоящему» за авторством Д.В. Мосякова, книга «China's Claim of Sovereignty over Spratly and Paracel Islands:*

A Historical and Legal Perspective» за авторством Те-Куан Чана (англ. Teh-Kuang Chang). Также были рассмотрены исторические документы, такие, как Тайбэйский мирный договор, документ МИД КНР «Неоспоримый суверенитет Китая над островами Сиша и Наньша» от 1980 г. и другие.

Ключевые слова: *Китай, Вьетнам, США, ООН, Южно-Китайское море, острова Спратли, Парасельские острова, АСЕАН*

Zholobova Darya Vladimirovna

student of the Oriental Faculty
of the State Academic University for the Humanities (GAUGN)
(Moscow, Russia)
zholobova.dashaa@yandex.ru

Raupov Roman Igorevich

student of the Oriental Faculty
of the State Academic University for the Humanities (GAUGN)
(Moscow, Russia)
grom.2002@list.ru

China's strategy in disputes in the South China sea

Abstract. *The South China Sea is one of the largest hotbeds of conflict in today's world. The conflict that involves dispute territories and waters has been going on for 50 years. The research of the conflict's origins and historical line of reasoning is crucial for comprehension of conflict's reasons and finding possible solutions to the issue. The article presents a historical analysis of territorial disputes in the South China Sea. A large number of economic, political, military strategic, energy and ecological factors have an impact on the escalation of the conflict in this region. Preserved historical documents, navigation charts and contracts testify to annexation of the now disputed territories by various countries of the Pacific Ocean during different historical periods. The first chapter briefly describes the history of ownership of major islands in the South China Sea and the development of controversies between countries of the region and the main regional actor — China. The second chapter is devoted to examination of the Chinese position regarding disputed territories. Furthermore, it focuses on the historical approach to China's claims and some aspects of China's policy in the South China Sea. In order to outline possible solutions to the issue, the next chapter highlights several documents such as China's «Law on the Territorial Sea*

and Contiguous Zone», «The Declaration on the Conduct of Parties in the South China Sea», «The Code of Conduct in the South China Sea» and the Chinese government statement on «Territorial Sovereignty and Maritime Rights and Interests of China in the South China Sea». The historical aspect of the conflict in the South China Sea has been repeatedly considered in both domestic and foreign literature. During the study various works were researched, such as «China's Politics in Southeast Asia: From Past to Present» by D.V. Mosyakov, «China's Claim of Sovereignty over Spratly and Paracel Islands: A Historical and Legal Perspective» by Teh-Kuang Chang, etc. A number of documents was also researched, such as «Treaty of Taipei», the Chinese Foreign Ministry document «China's Indisputable Sovereignty Over the Islands of Xisha and Nansha» of 1980.

Keywords: *China, Vietnam, the USA, The United Nations, the South China Sea, the Spratly Islands, The Paracel Islands, ASEAN*

Ключевой предмет спора между странами-участницами конфликта — государственная принадлежность архипелагов Южно-Китайского моря, в частности, Парасельских островов и островов Спратли. Эти территории представляют особый интерес для близлежащих стран главным образом из-за обилия различных ресурсов, например, рыбы, а также своего выгодного стратегического положения. Так, регион Южно-Китайского моря играет жизненно важную роль в реализации китайской инициативы «Один пояс — один путь», являясь основной морской торговой артерией и важным стратегическим плацдармом [Губин В.А. 2017].

Два основных участника конфликта, Китай и Вьетнам, приводя свои доводы в ходе прений, ссылаются на разнообразные исторические документы, которые свидетельствуют о прямо противоположных фактах. Подробнее эти документы будут рассмотрены в следующей главе. В настоящей главе рассмотрим вопрос государственной принадлежности спорных территорий в исторической перспективе.

Большинство исследователей сходится во мнении, что Китай стал первым государством, освоившим архипелаги в Южно-Китайском море. Во времена династии Хань (II век до н.э.) китайские рыбаки впервые попали на острова и начали осуществлять на них свой промысел²⁴⁰. С это-

---

²⁴⁰ 中国对西沙群岛和南沙群岛的主权无可争辩. http://subsites.chinadaily.com.cn/SouthChinaSea/2016-06/24/c_52626.htm.

го момента, как свидетельствуют китайские исторические хроники, Китай осуществлял контроль над островами Южно-Китайского моря [Teh-Kuang Chang 1991]. Однако приблизительно с XVI века начинает появляться всё больше и больше документов, указывающих на то, что не Китай, а Вьетнам владел спорными территориями и акваториями.

Некоторую определённую сложившуюся ситуацию внёс период французского колониального господства над Вьетнамом, длившийся с 1887 по 1940 гг. В 1887 г. между Францией и Китаем был заключён договор о проведении границ между Вьетнамом и Китаем, согласно которому архипелаги в Южно-Китайском море были разделены: восточные и южные острова (в частности, острова Парасельского архипелага и Спратли) отошли Китаю, остальные — Вьетнаму. Однако в 1931 г. Франция предъявила китайскому правительству ноту об обладании правами на острова Спратли, а в 1933 году оккупировала часть из них и присоединила к одной из провинций Вьетнама [Teh-Kuang Chang 1991].

С началом Второй Мировой войны острова Южно-Китайского моря перешли под контроль Японии, которая по окончании войны покинула их. Сразу же после этого Китай и Франция направили свои военные корабли к Парасельским островам и островам Спратли, разделив их на две сферы влияния. Однако в 1950 г. вслед за эвакуацией гоминьдановского правительства на Тайвань китайские войска покинули Парасельские острова, фактически оставив их бесхозными.

Формально Япония отказалась от своего владения островами лишь в 1951 году после подписания Сан-Францисского мирного договора. В ходе конференции в Сан-Франциско представитель Вьетнама объявил об историческом суверенитете Вьетнама над островами, что не встретило явных возражений. Однако это нельзя назвать однозначным разрешением спорной ситуации, так как китайская сторона на конференции не присутствовала и не могла оспорить заявление Вьетнама. Более того, в 1952 г. между Японией и Китаем был подписан отдельный Тайбэйский мирный договор, в котором было продублировано положение об отказе Японии от претензий на Парасельские острова и острова Спратли, после чего Китай заявил о своём историческом суверенитете над этими территориями [Лаисцева А.Ю. 2017].

Китай не оставил попыток целиком занять Парасельский архипелаг: так, в 1959 КНР была предпринята безуспешная попытка высадиться и закрепиться на острове Дрюмон, находившийся под

контролем Южного Вьетнама. Примечательно то, что после провала этой операции Китай заявил о посягательстве на свою территорию со стороны Вьетнама. Вторая попытка была предпринята в 1973 г., и в 1974 г. Китаю удалось установить контроль над Парасельским архипелагом. Дальнейшая экспансия КНР на юг к островам Спратли была, в некотором роде, совершена под эгидой ЮНЕСКО: в 1988 г. по просьбе этой организации Китай начал строительство инфраструктуры на островах архипелага Спратли. Тогда же произошло военное столкновение КНР с Вьетнамом, в ходе которого Китай установил контроль над этими территориями [Мосяков Д.В. 2012, с. 56—57].

В 1990-х гг. произошёл военный конфликт с ещё одной страной, претендовавшей на владение частью островов архипелага Спратли — Филиппинами. Филиппины стали заметным актором в регионе ЮКМ ещё в 1956 г., когда отставной филиппинский генерал Томас Клома присвоил ряд островов Спратли. В 1970-х эти острова были официально включены в состав Филиппин, при этом Китай, не признавший аннексию, тем не менее не выступал против неё в открытую. В 1994 г. Филиппинские военные корабли задержали группу китайских рыбаков, основавшихся на одном из островов, на что Китай ответил арестом филиппинских рыбаков и высадкой десанта на риф Мисчиф в 1995 г., сопровождая эти действия заявлениями о вторжении в территориальные воды Китая [Локшин Г.М. 2012]. В настоящее время это последняя пертурбация в вопросе о государственной принадлежности спорных территорий в регионе Южно-Китайского моря.

Историческая аргументация китайской стороны наиболее полно представлена в документе «Неоспоримый суверенитет Китая над островами Сиша и Наньша», опубликованном 30 января 1980 г. (Сиша и Наньша — китайские названия Парасельских островов и островов Спратли соответственно). В этом документе указывается, что китайские мореплаватели эпохи Троецарствия (220—265 гг. н.э.) открыли упомянутые острова, находящиеся в акватории Южно-Китайского моря. Далее документ ссылается на различные исторические источники, прямо или косвенно указывающие на принадлежность островов к китайской юрисдикции в различные исторические периоды. Так, в нём сказано, что китайцы населяли острова Сиша и Наньша во времена Тан и Сун, во времена Юань военные корабли проводили патрулирование акватории Южно-Китайского моря, а в периоды

Мин и Цин эти острова находились под юрисдикцией правительства Цюньжоу (сов. Хайнань)²⁴¹. Китайская сторона приводит высказывание дипломата Го Сунтао, отправившегося с посольством в Великобританию в 1876 г., о том, что Сиша и Наньша принадлежат Китаю. Дополнительно подтверждает власть Китая над этой территорией прецедент 1883 года, когда исследовательская группа из Германии была отозвана по требованию цинского правительства [Губин А.В. 2017].

В то же время, историческая аргументация имеется и у оппонента Китая в этом конфликте — Вьетнама. В работе «Исторический суверенитет Вьетнама над архипелагами Чыонгша и Хоангша» (вьетнамские названия Парасельских о-вов и о-вов Спратли соответственно), написанной при поддержке МИД Вьетнама, приводятся данные навигационных карт западных мореплавателей XVIII в., причислявших указанные острова к территории Вьетнама. Согласно полной карте Вьетнама династии Нгуен, составленной в 1834 г., эти острова принадлежали Вьетнаму с XVI в. Примечательно также то, что некоторые работы европейских миссионеров XVI—XVIII вв. содержат указания на принадлежность Парасельских островов и островов Спратли к территории Вьетнама. В XIX в. неоднократно снаряжались экспедиции, целью которых было исследование островов, например, экспедиция Фам Хыу Нят 1835 г. [Лаисцева А.Ю. 2017].

Вьетнам делает ставку на принцип правопреимства государств, в соответствии с которым территории, относившиеся к нему в годы французского колониального господства, должны отойти под его юрисдикцию после деколонизации.

Ситуация, сложившаяся вокруг исторической аргументации обеих сторон, глубоко противоречива, так как и Китай, и Вьетнам располагают значительным количеством исторических источников, обосновывающих их претензии на спорные острова.

Ввиду описанных выше противоречий и непримиримого характера конфликта, решение споров в Южно-Китайском море потребовало международно-правового регулирования относительно морских территорий. Более того, для предотвращения эскалации конфликта возникла необходимость наличия государства или организации, которая возьмёт на себя ответственность за выполнение данной задачи.

---

²⁴¹ 中国对西沙群岛和南沙群岛的主权无可争辩. http://subsites.chinadaily.com.cn/SouthChinaSea/2016-06/24/c_52626.htm.

АСЕАН выступила в качестве третьей стороны в выработке новых форм взаимодействия между странами.

В 1958 г. в Женеве была подписана конвенция «О территориальном море и прилежащей зоне», не имеющая критериев определения ширины территориальных вод, что, в свою очередь, в дальнейшем стало причиной подписания конвенции 1982 г. [Анашкина И.А. 2002]. Китай в том же году установил пределы своих территориальных вод — 12 морских миль, опубликовав Декларацию правительства Китайской Народной Республики от 4 сентября [Куан 2014, с. 3]. Однако это не имело особого значения из-за отсутствия правового института территориального моря. Вследствие этой неопределённости в нормативных актах в 1982 г. была подписана Конвенция ООН по морскому праву, регламентирующая правовой статус территориальных вод и их границы. Данный документ восполнил недостающие положения конвенции 1958 года, отразив все аспекты регулирования территориальных вод. Согласно конвенции, вокруг островов нет территориальных вод или исключительной экономической зоны, а потому Китай считает себя полноправным актором в освоении данных территорий, который не нарушает принципы международного права.

Для соответствия с международным документом Китай 25 февраля 1992 г. принимает закон «О территориальном море и прилежащей зоне». Согласно ему, в понятие территориального моря КНР входят острова Сиша и Наньша [Куан Ц. 2014, с. 3]. Таким образом, Китай законодательно установил свою власть над территориями, вокруг которых ведутся споры. Другие стороны конфликта расценили данный шаг Китая как несогласие искать способы примирения. Так, Филиппины выступили против односторонних действий Пекина и обратились к АСЕАН с призывом вынести это дело на рассмотрение ООН, однако им не удалось добиться поддержки [Акиyама М. 2010]. В июле того же года странами АСЕАН была принята Декларация по Южно-Китайскому морю, главным принципом которой является отказ от посягательств государств на суверенитет других сторон²⁴². При этом в Декларации отсутствуют упоминания неправомерного поведения Китая, посягнувшего на Парасельские острова и острова Спратли.

---

²⁴² 1992 ASEAN declaration on the South China sea (Manila, 22 July, 1992). *The Centre for International Law (CIL) of the National University of Singapore (NUS)*. <https://cil.nus.edu.sg/wp/pdf/1992%20ASEAN%20Declaration%20on%20the%20South%20China%20Sea.pdf>.

Данный факт демонстрирует провал АСЕАН ещё на начальной стадии урегулирования конфликта.

Однако с учреждением в 1994 г. Регионального форума АСЕАН по вопросам безопасности с участием других стран АТР попытки организации предпринять действенные способы решения проблемы принесли результат. На международных форумах собирались представители стран АСЕАН для обсуждения мер сдерживания Китая в регионе, и не раз выносился вопрос о привлечении Организации Объединённых Наций для разрешения конфликта [Канаев Е.А. 2003].

Трудности АСЕАН в урегулировании конфликта заключались в следующем: невозможность выработать единый путь примирения сторон ввиду разных интересов стран АСЕАН на территории Южно-Китайского моря (например, Камбоджа, Таиланд, Лаос, Мьянма вовсе не являются участниками конфликта) и попытки Китая предотвратить интернационализацию спора. Последнее выразилось в опасениях Пекина относительно вовлечения других сверхдержав в конфликт. Это объясняется желанием сохранить своё первостепенное влияние в регионе, потому как Южно-Китайское море — плацдарм для осуществления внешней торговли Китая, проекта «Один пояс — один путь», добычи полезных ископаемых и, что более важно, — выхода китайских подводных лодок в Тихий и Индийский океаны. Поэтому Пекин не намеревался делать какие-либо уступки своим оппонентам.

Оккупация Китаем рифа Мисчиф в 1995 г. стала последним событием, вызвавшим резонанс на международной арене касательно непозволительных действий Пекина в Южно-Китайском море. Филиппины, претендовавшие на эту территорию, выдвинули предложение о принятии единого документа, который удержал бы Китай от последующих попыток посягнуть на независимость островов. Таким образом, 4 ноября 2002 г. была подписана Декларация поведения стран в Южно-Китайском море. Стоит отметить, что это была именно декларация, а не кодекс поведения сторон, на чём настаивали страны-участницы, а потому соглашение носило только рекомендательный характер и никакой юридической силы не имело. Китай и АСЕАН не сошлись во мнениях касательно следующих вопросов: географические границы действия проекта, ограничения на строительство каких-либо объектов на обозначенной территории, действия на море, возможность задержаний [Локшин 2013, с. 182—183]. Таким образом, согласившись на прокитайские условия подписания Декларации

поведения сторон (именно Китай, усиливая свои возможности в регионе, настоял подписать декларацию), АСЕАН вновь показала свою неспособность решить конфликт. Документ лишь отражал базовые принципы морского права, закреплял обязательства сторон соблюдать Конвенцию ООН 1982 г., однако не обладал юридической силой международного права²⁴³.

Обсуждения о необходимости скорейшего урегулирования конфликта после подписания Декларации не имели никакого успеха. В 2016 г. Китай не признал решение Гаагского третейского суда, выданное по иску Филиппин от 2013 г. о посягательствах Пекина на суверенные острова. Решение главным образом осуждало китайское правительство за использование островов для своей экономической деятельности, строительства военных объектов, объявления территорий своей морской зоной и др. [Губин А.В. 2017]. Данные действия Китая объясняются попытками реализовать свои интересы в Юго-Восточной Азии.

Миссию АСЕАН по примирению сторон можно считать провальной на всём протяжении решения споров в Южно-Китайском море. Главной проблемой является невозможность выработать такие формы сотрудничества, которые бы удовлетворяли интересы всех стран-участниц. Более того, Китай непреклонно нацелен на то, чтобы оказывать влияние на весь регион. Объяснить это можно следующими интересами Китая: осуществление проекта «Один пояс — один путь»; планы Китая инвестировать огромные суммы в регион Южно-Восточной Азии, ввозить нефть и газ по морскому пути; добыча полезных ископаемых; использование региона в качестве плацдарма для усиления своей мощи в соперничестве с США. Про последнее можно также отметить, что Китай диктует свои условия странам АСЕАН для того, чтобы не допустить создания антикитайского союза под эгидой США, которые также намерены контролировать регион. Однако, несмотря на затянувшееся по сегодняшний день решение вопроса, затруднительно говорить о возможных военных действиях, так как АСЕАН для Китая скорее экономический партнёр, нежели военный соперник. Действия же вокруг Южно-Китайского моря стоит расценивать как попытки взаимного сдерживания и контроля для обеспечения независимости от США.

---

²⁴³ Declaration on The Conduct of the Parties in The South China Sea. *Association of Southeast Asian Nations*. November, 2002. <http://www.asean.org/asean/external-relations/china/item/declaration-on-the-conduct-of-parties-in-the-south-chinasea>.

Библиографический список

Анашкина И.А. (2002). *Международно-правовой режим территориального моря*. М.

Губин А.В. (2017). Станет ли Южно-Китайское море китайским *mare nostrum*? Военно-стратегический и внешнеполитический аспект территориальных претензий Китая в Южно-Китайском море. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право* № 10 (5). С. 117—134.

Канаев Е.А. (2003). Политика Китая и Вьетнама в отношении островов Южно-Китайского моря с конца XIX века по 1949 г. и оценка их исторической аргументации по этой международной проблеме. В сб.: *Сборник трудов молодых учёных. Материалы «круглого стола» в Дипломатической Академии МИД РФ*. М.: Научная книга. С. 158—167.

Куан Цзэнцзюнь. (2014). Правовой режим территориального моря Китайской Народной Республики. *Журнал российского права*. № 6 (210). С. 117—125.

Лаисцева А.Ю. (2017). *Территориальные споры между Вьетнамом и Китаем в Китайском море: история и современность*. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ).

Локин Г.М. (2012). Филиппины на острие противоречий. *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. № 19. С. 202—223.

Локин Г.М. (2013). *Южно-Китайское море: трудный поиск согласия*. М.: Институт Дальнего Востока РАН.

Мосяков Д.В. (2012). *Политика Китая в Юго-Восточной Азии: от прошлого к настоящему*. М.: Институт востоковедения РАН.

References

Akiyama, Masahiro (2010). Use of Seas and Management of Ocean Space: Analysis of the Policy Making Process for Creating the Basic Ocean Law. *Ocean Policy Studies*. № 5.

Anashkina, I. (2002). *Mezhdunarodnopravovoy rezhim territorial'nogo morya* [International legal regime of the territorial sea]. (In Russian).

Gubin, A. (2017). Stanet li Yuzhno-Kitajskoe more kitajskim mare nostrum? Voенно-strategicheskij i vneshnepoliticheskij aspekt territorial'nyh pretenzij Kitaya v Yuzhno-Kitajskom more [Will the South China Sea become a Chinese mare nostrum? Military Strategic and Foreign Policy Aspects of China's Territorial Claims in the South China Sea]. *Kontury global'nyh transformacij: politika, jekonomika, pravo* № 10 (5), pp. 117—134. (In Russian).

Kanaev, E. (2003). Politika Kitaja i V'etnama v otnoshenii ostrovov Yuzhno-Kitajskogo morya s konca XIX veka po 1949 g. i ocenka ih istoricheskoy argumentacii po etoy mezhdunarodnoy problem [China and Vietnam's Policy towards the South China Sea Islands from the Late 19th century to 1949 and Evaluation of their Historical Argumentation on this International Problem]. In: *Sbornik trudov molodyh uchenyh. Materialy «kruglogo stola» v Diplomaticeskoy Akademii MID RF* [Collection of

works of young scientists. Materials of «round table» in the Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry], pp. 158—167. Moscow: Nauchnaya Kniga (In Russian).

Kuang Zengjun. (2014). Pravovoy rezhim territorial'nogo morya Kitajskoy Narodnoy Respubliki [Legal Regime of the Territorial Sea of the People's Republic of China]. *Zhurnal Rossiyskogo Prava*, № 6 (210), pp. 117—125 (In Russian).

Laistseva, A. (2017). *Territorial'nye spory mezhd V'etnamom i Kitaem v Kitajskom more: istoriya i sovremennost'* [Territorial Disputes between Vietnam and China in the China Sea: History and Modernity]. Saint-Petersburg State University (In Russian).

Lokshin, G. (2012). Filippiny na ostriie protivorechiy [The Philippines at a Crossroads]. *Jugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitija*, № 19, pp. 202—223 (In Russian).

Lokshin, G. (2013). *Yuzhno-Kitajskoe more: trudnyj poisk soglasija* [The South China Sea: the Difficult Search for Agreement]. Moscow, Institute of China and Modern Asia of the Russian Academy of Sciences. (In Russian).

Mosyakov, D. (2012). *Politika Kitaya v Jugo-Vostochnoj Azii: ot proshlogo k nastoyashhemu* [China's Southeast Asian Policy: From Past to Present]. Moscow, Institute of Oriental Studies of RAS (In Russian).

Teh-Kuang Chang. (1991). China's Claim of Sovereignty over Spratly and Parcel Islands: A Historical and Legal Perspective. *23 Case W. Res. J. Int'l L.* 399. <https://scholarlycommons.law.case.edu/jil/vol23/iss3/1>

Е.А. Канаев

д.и.н., профессор НИУ ВШЭ
ekanaev@hse.ru

Д.О. Федоренко

студент магистратуры
«Мировая экономика» НИУ ВШЭ
аналитик Департамента отраслевой аналитики Аналитического
центра при Правительстве Российской Федерации
f3dorenk0@yandex.ru

Лю Синтао

соискатель кафедры всеобщей истории
Школы актуальных гуманитарных исследований
РАНХиГС при Президенте РФ
271882741@qq.com

Цифровое измерение американо-китайского декаплинга: последствия для азиатско-тихоокеанской безопасности

***Аннотация.** В статье проанализировано влияние последствий американо-китайского «расцепления» (т.н. «декаплинга») на безопасность в Азиатско-Тихоокеанском регионе сквозь призму цифровой составляющей противоречий между США и КНР. Определив основные черты американо-китайских отношений с конца 1970-х до второй половины 2010-х годов, авторы дают характеристику причин декаплинга и выявляют особенности его цифрового измерения, рассматривая в качестве примеров две многосторонние инициативы — Индо-Тихоокеанское экономическое рамочное соглашение (ИТЭРС) и Всеобъемлющее региональное экономическое партнёрство (ВРЭП). Раскрыты последствия противоречий между США и Китаем по вопросам цифрового сотрудничества для азиатско-тихоокеанской безопасности — американоцентричной системы тихоокеанских альянсов (т.н. «системы втулки и спиц»), АСЕАНоцентричного диалога по вопросам безопасности, представленного форматами Региональный Форум АСЕАН (АРФ), Совещание министров обороны АСЕАН Плюс (СМОА АСЕАН Плюс) и Восточноазиатский саммит (ВАС), а также зарождающейся китаеццентричной системы многостороннего*

сотрудничества на основе Инициативы «Пояс и Путь» (ИПП). Новизна работы состоит в её междисциплинарном ракурсе и комплексности, поскольку осмысление отечественным и зарубежным академическим сообществом заявленной в главе тематики находится на начальной стадии. Актуальность и практическая значимость проведённого исследования заключаются в своевременности обращения к влиянию именно цифровых процессов на угрозы безопасности и многостороннее сотрудничество по поддержанию их в управляемом состоянии. Методологической основой проведённого исследования послужили историко-генетический и историко-сравнительный метод, элементы критического дискурс-анализа и контент-анализа, структурный и системный метод. Вывод авторов состоит в том, что в условиях оформления геотехнологической повестки глобального развития и роста техноационализма как элемента модернизационных программ азиатско-тихоокеанских стран усиливается их запрос на консолидирующий компонент сотрудничества. Таковой должен выходить за рамки собственно цифровой повестки, поскольку её созидательный потенциал нивелируется американо-китайским цифровым декаплингом. В настоящее время такой компонент предлагает своим азиатско-тихоокеанским партнёрам Китай в контексте реализации Инициативы «Пояс и Путь».

Ключевые слова: США, Китай, декаплинг, Азиатско-Тихоокеанский регион, ИТЭРС, ВРЭП, безопасность, сотрудничество, цифровой трансформация, Инициатива «Пояс и Путь»

Kanaev Evgeny

Professor, HSE University
ekanaev@hse.ru

Fedorenko Dmitry

1st year student of the master's program «World economy»,
HSE University analyst of the Sectoral Analytics Department
of Analytical Center under the Government of the Russian Federation
f3dorenk0@yandex.ru

Liu Xingtao

postgraduate student of the Department of World History,
School of Contemporary Humanitarian Studies, Institute of Social
Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration
271882741@qq.com

The digital dimension of the US-China decoupling: implications for Asia-Pacific security

Abstract. *The article analyzes implications of the US-China decoupling for Asia-Pacific security from the perspective of the digital component in contradictions between the US and the PRC. Having identified major features of the US-China relations from the late 1970s to the mid-late 2010s, the authors characterize major reasons for the decoupling and reveal salient features of its digital dimension through the prism of the Indo-Pacific Framework Economic Agreement (IPEF) and the Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP). Seen from a digital perspective, the impact of the US-China decoupling on Asia-Pacific security — the US-oriented system of Pacific alliances (the so-called «hub-and-spoke system»), the ASEAN-centric security dialogue presented by ASEAN Regional Forum (ARF), ASEAN Defense Ministers Meeting Plus (ADMM Plus) and East Asia Summit (EAS), as well as the emerging China-oriented security and cooperation system based on the Belt and Road Initiative (BRI), is revealed. The novelty of the research is premised on its interdisciplinary and multidimensional focus, as Russian and foreign scholars are just beginning to explore the issues discussed in the chapter. The relevance and the practical significance of the study stem from a pressing task to consider the impact of digital processes on regional security threats and multilateral efforts keep them manageable. The methodology of the research include the historical-genetic and the historical-comparative method, selected elements of critical discourse analysis and content analysis, the structural and the system method. The authors argue that amid the nascent geo-technological agenda of the global development and the rising techno-nationalism in the modernization programs of Asia-Pacific countries, their demand for a consolidating component of cooperation is increasing. This component must go beyond the digital agenda per se, as its constructive potential is downgraded by the US-China digital decoupling. At present, China offers such a component to its Asia-Pacific partners through the Belt and Road Initiative.*

Key words: *US, China, decoupling, Asia-Pacific region, IPEF, RCEP, security, cooperation, digital transformation, Belt and Road Initiative*

Введение

В современных условиях вопрос о влиянии цифровизации на национальную и международную безопасность в контексте развития Четвёртой промышленной революции и становления нового техно-

логического уклада приобрел исключительно важное, а главное — растущее значение. Это в полной мере просматривается на примере Азиатско-Тихоокеанского региона, всё более заметно задающего параметры глобального развития.

В свою очередь, азиатско-тихоокеанская безопасность в значительной, если не в определяющей, степени выстраивается вокруг отношений США и КНР. В последнее время противоречия между Вашингтоном и Пекином смещаются в цифровое пространство.

Неудавшаяся Кимерика

При всей условности нижней хронологической границы процессов, формирующих существо современных американско-китайских отношений, целесообразно принять за таковую 1979 год, когда США и КНР установили дипломатические отношения (хотя содержательно корни нынешних американско-китайских противоречий значительно глубже). Осторожно «прощупывая» реальный предел сближения, Вашингтон и Пекин руководствовались едва ли не противоположными мотивами. Пожалуй, единственным из имевших консолидирующее значение для обеих сторон оставался советский фактор. Соответственно, результаты американско-китайского сближения к окончанию «холодной войны» носили двойственный характер. В наибольшей степени эта двойственность проявилась на примере трактовки Вашингтоном проблемы Тайваня в 1979 и 1982 годах²⁴⁴, что превращало её в «узкое место» американско-китайского диалога.

Для обеих сторон индикатором того, что «медовый месяц» их отношений подошёл к концу, и они нуждаются в перезагрузке, стали события 1989 года на площади Тяньаньмэнь. Как известно, Вашингтон подверг действия Пекина резкой критике. За этим последовали сокращение американского военного присутствия в регионе после принятия Восточноазиатских стратегических инициатив в 1990 и 1992 годах соответственно, обострение американско-филиппинских отношений и эвакуация американской базы Субик Бей из Филиппин, равно как нарастающие разногласия между США и их союзниками

---

²⁴⁴ «Taiwan Relations Act» от 10.04.1979 No. 96-8 96th U.S.-PRC Joint Communiqué (1982). *American Institute in Taiwan*. March 31, 2022. <https://www.ait.org.tw/u-s-prc-joint-communicue-1982/>.

относительно перспектив, а главное — новой миссии американских альянсов. Пользуясь удобным моментом, Китай активизировал свою политику в Южно-Китайском море, укрепил связи с военным правительством Мьянмы и расширил модернизацию ВМФ НОАК, что ожидаемо встречало критику со стороны не только экспертов, но и официальных лиц США. По сумме этих обстоятельств Вашингтон и Пекин укреплялись в мысли о нарастании элементов конфликтности в двусторонних отношениях, не питая иллюзий: систематическая эскалация новых противоречий ждать себя не заставит.

Правильность таких оценок подтвердилась практикой. Период с начала 1990-х по середину—вторую половину 2010-х годов характеризовался возросшей амплитудой колебаний американо-китайского политического диалога. С одной стороны, США не прекратили попытки вовлечь Китай в международное экономическое сотрудничество. С другой — в американо-китайской торговле происходило нарастание торгового дефицита США, а содержание усилий Китая по трансформации процессов азиатско-тихоокеанского экономического регионализма, предпринимаемых после Азиатского финансового и экономического кризиса 1997—1998 годов, не оставляли сомнений: КНР намерена сделать Восточную Азию зоной повышенной проницаемости своих интересов, преследуя не только экономические, но и масштабные политические цели.

Ответом Вашингтона стало развитие проекта Транстихоокеанское партнёрство (ТТП). Его цель состояла в том, чтобы перенаправить региональное торговое, инвестиционное, а главное — технологическое сотрудничество в устраивающую США сторону. Хотя слабые места ТТП были очевидны — отсутствие содержательной базы сотрудничества в виде эффективно функционирующих ГЦС, необходимость проведения масштабных экономических реформ для полноценного подключения к такому взаимодействию партнёров США по ТТП, а главное — его антикитайская направленность²⁴⁵.

То, что перезагрузка китайско-американских политических отношений, под чем понимаются попытки администрации Б. Обамы предложить КНР сначала модель «ответственного лидерства», а позднее — «отношения нового типа», не удалась, стало очевидно уже

---

²⁴⁵ Statement by the President on the Trans-Pacific Partnership. *The White House President Barack Obama*. October 5, 2015 <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2015/10/05/statement-president-trans-pacific-partnership>.

к середине 2010-х годов. Китай, осознавший как эффективность инфраструктурного строительства во время глобального финансового и экономического кризиса 2008—2009 годов, так и необходимость перевода своей экономики на инновационно-инвестиционную модель развития, приступил к реализации проекта Один Пояс, Один Путь (впоследствии ставшего Инициативой «Пояс и Путь»). Не вдаваясь в его детали и отсылая читателя к релевантным публикациям [Лузянин С.Г. 2018, Лукин А.В. 2019], отметим главное: интегрировав понятия «безопасность» и «развитие», Поднебесная планирует сформировать глобальное пространство повышенной проницаемости своих экономических интересов, увязанных с вопросами безопасности.

США в полной мере осознавали, как реальность такого сценария, так и его пагубные последствия для собственных интересов. Выйдя из ТТП при администрации Д. Трампа, США нуждались в не менее масштабной региональной инициативе. Таковой стало формирование Индо-Тихоокеанского региона.

Хотя индо-тихоокеанский нарратив оформился ещё в середине 2000-х годов, он получил полноценное развитие спустя полтора десятилетия, когда администрация Д. Трампа сделала его центральным компонентом политики США в СВА, ЮВА, ЮА и ЮТР. Однако сразу стали очевидны сложности практической реализации этого проекта. У него не было и нет экономической основы: если не считать активизации грузопотока между Тихим и Индийским океанами, отсутствуют предпосылки наладить устойчивые хозяйственные связи на индо-тихоокеанском пространстве, будь то посредством ГЦС или иным образом. О формировании индо-тихоокеанской ЗСТ речь не шла изначально. Не было ясности и в том, какая институциональная структура могла бы объединить государства гипотетического ИТР: ни АСЕА-Ноцентричные диалоговые площадки, ни Ассоциация стран бассейна Индийского океана, для реализации этой задачи не подходили.

Справедливости ради отметим: предпосылки к растущему взаимодействию между странами бассейнов Тихого и Индийского океанов не только существовали, но и укреплялись. Грузопоток через Малаккский пролив становился все интенсивнее: с 2010 по 2017 годы он вырос на 9,6 тыс. кораблей/год, до 83,7 тыс. кораблей/год²⁴⁶. При

---

²⁴⁶ Number of ships passing through the Malacca Straits from 2000 to 2017. *Statista*. April 6, 2022. <https://www.statista.com/statistics/1251659/number-of-transits-through-the-malacca-straits/>.

этом объём грузов, следующих через порт Сингапура, второй порт по трафику в мире, и который является «воротами» в Малаккский пролив для восточноазиатских товаров, идущих в Европу, увеличился на 27,7% с 2012 по 2022 годы²⁴⁷. После провозглашения администрацией Н. Моди политики «Действовать на Востоке» (вместо предыдущей — «Смотреть на Восток»), нарастал интерес Индии к развитию отношений с государствами США, ЮВА и ЮТР. Сыграли роль и многосторонние диалоговые форматы по безопасности — АРФ, СМОА Плюс и ВАС: хотя результаты их деятельности оставляли желать лучшего, их участники сформировали привычку к регулярному взаимодействию. Это облегчило США и их союзникам по ЧОФ развитие индо-тихоокеанской повестки, хотя без участия в ней Китая она изначально не могла быть полноценной.

Как бы там ни было, тенденции развития отношений между азиатско-тихоокеанскими странами, включая зарождение и эволюцию индо-тихоокеанского нарратива на антикитайской основе, свидетельствовали об утрате инклюзивности сотрудничества. Если в 1970-е — 1980-е годы китайско-американский диалог предполагал инклюзивность как базовую составляющую, а в 1990-е — 2000-е, несмотря на рост волатильности в отношениях между Вашингтоном и Пекином, она оставалась одним из центральных компонентов региональной повестки, то в 2010-е годы инклюзивность стремительно размывалась. Ко второй половине — концу 2010-х годов необходимые предпосылки для китайско-американского декаплинга были в наличии.

Декаплинг и его цифровая составляющая

О феномене декаплинга в китайско-американских отношениях — его основных причинах, эволюции и последствиях, подготовлено немало исследований [Лексютина Я 2020, Лузянин С.Г. 2021, Bateman J. 2022]. Тем не менее, отметим несколько моментов.

Во-первых, декаплинг выходит за рамки собственно политико-экономического и коммерческого взаимодействия двух стран. Он охватывает сферу высоких технологий, имеющих критическое значение

---

²⁴⁷ Port Statistics. *Maritime and Port Authority of Singapore Website*. <https://www.mpa.gov.sg/who-we-are/newsroom-resources/research-and-statistics>.

для их национальной безопасности. В современной мировой политике это приобретает особый смысл: на фоне нарастания элементов конфликтности в ключевых процессах глобального развития эксперты предрекают переход к едва ли не повсеместному использованию кибероружия. Что, естественно, придётся регулировать — как институционально, так и законодательно, в том числе с выработкой соответствующих стандартов. К чему Вашингтон и Пекин едва ли готовы.

Во-вторых, декаплинг не является для Пекина и Вашингтона инструментальной проблемой, пусть даже исключительно важной. Он имеет ценностную составляющую, в основе чего — едва ли не диаметрально противоположные дискурсы и нарративы сторон относительно исторических событий и их влияния на современную мировую обстановку [Карнеев А.Н., Пятачкова А.С. 2020]. Происходит мобилизация СМИ, лидеров общественного мнения, влиятельных «фабрик мысли», которые апеллируют к глубинным ценностям и смыслам, имеющим для обществ — именно обществ, а не элит — двух стран, без преувеличения, сакральное значение. Это обстоятельство переводит китайско-американские противоречия из собственно тактического измерения, когда те же торговые противоречия можно урегулировать, подписав одно или несколько двусторонних соглашений, в цивилизационное, трудно поддающееся контролю и тем более — эффективному управлению.

В-третьих, декаплинг выступает одним из значимых факторов формирования глобальной повестки безопасности. На фоне перспективы новой гонки вооружений — на этот раз в киберпространстве — важно подчеркнуть: её купировать вряд ли возможно без скоординированных усилий Вашингтона и Пекина. Малоприятным, но закономерным итогом такого отсутствия их готовности действовать сообща может стать формирование двух не только несовместимых друг с другом, но и конкурирующих цифровых экосистем, после чего США и Китай приступят к установлению собственных — на этот раз не геополитических, а геотехнологических — сфер влияния.

Переходя к влиянию американо-китайского цифрового декаплинга на азиатско-тихоокеанскую повестку развития, рассмотрим его на примере двух крупных инициатив: Индо-Тихоокеанского экономического рамочного соглашения (ИТЭРС) и Всеобъемлющего регионального экономического партнёрства (ВРЭП).

Оформление ИТЭРС произошло в 2022 году. В него вошло четырнадцать участников, существенно отличающихся по экономическому

потенциалу. ИТЭРС предполагает развитие четырёх направлений: торговли, цепочек поставок, проведение политики декарбонизации (включая инфраструктурные проекты), а также эффективной экономики (последнее включает борьбу с коррупцией, прозрачность налоговой политики и внедрение единых стандартов на основе американских в торговые отношения стран-участниц). Таким образом, ИТЭРС выступает не столько в качестве экономического или торгового блока, сколько в качестве инструмента интеграции стандартов и практик торговой и предпринимательской деятельности своих участников.

Хотя правовые и организационные условия сотрудничества между участниками ИТЭРС (это касается и упомянутых выше четырёх направлений) до сих пор чётко не сформулированы, можно ожидать следящего развития событий.

Во-первых, не заставят себя ждать новые соглашения по строительству центров обработки и хранения данных, развития сетей 5G, а также прокладки кабелей связи, в ареале ИТЭРС. Разумеется, китайские компании в этом участвовать не будут. Во-вторых, формирование ГЦС и их цифровое сопровождение будет происходить на основе американских стандартов. В-третьих, можно ожидать кумулятивного эффекта со стороны двух остальных направлений ИТЭРС — сотрудничества в части экологии и устранения коррупции — на развитие экономических связей между участниками этой инициативы. В целом, ИТЭРС является платформой, которая позволит США расширить своё экономическое присутствие в регионе и одновременно провести перезагрузку своих технологических связей и цифрового сопровождения реализуемых проектов.

С ВРЭП, объединяющим более двух миллиардов человек и имеющим совокупный ВВП в 38 триллионов долларов, ситуация иная. Это соглашение предусматривает создание зоны свободной торговли между своими участниками (чего у ИТЭРС нет и, возможно, не появится). Но главное — в другом: Китай рассматривает возможности добиться синергии между ВРЭП и Инициативой «Пояс и Путь», частью которого является Цифровой шёлковый путь.

С этой точки зрения ВРЭП ценно тем, что открывает для китайских компаний, в том числе занятых в строительстве цифровой инфраструктуры, рынки своих стран-участниц. Продавая партнёрам по ВРЭП китайское оборудование, Поднебесная расширяет спектр возможностей по поставкам сервисных услуг, а главное — по продвиже-

нию своих стандартов в сфере цифровых технологий. Мощный импульс к развитию получают китайские цифровые платформы в B2C и B2B секторах, а также использование цифрового юаня. Если к этому добавить влиятельные китайские диаспоры в странах ЮВА (а АСЕАН, пусть и формально, является «движущей силой» ВРЭП), то ресурсы Китая по формированию цифровой повестки ВРЭП огромны.

Поскольку ИТЭРС и ВРЭП, равно как ИТЭРС и ИПП, не выработали инструментов координации своего развития, нарастание конкуренции в отношениях не только между США и Китаем, но и между ведомыми ими проектами, которые распространяются на цифровую сферу, очевидно уже сейчас. Хуже другое — неготовность Вашингтона и Пекина договариваться будет проецироваться на азиатско-тихоокеанскую безопасность: несмотря на нацеленность азиатских стран «развести в разные стороны» политику и экономику, — т.н. «азиатский парадокс» — эти сферы были и остаются тесно взаимосвязаны.

Безопасность и сотрудничество в АТР в новых условиях

Проведённый выше анализ позволяет вынести ряд оценок относительно того, как цифровизация влияет на эволюцию угроз безопасности и функционирование форматов многостороннего сотрудничества на азиатско-тихоокеанском пространстве. Предваряя эти оценки, подчеркнем ещё раз: по всей вероятности, утрата инклюзивности этого сотрудничества становится необратимой. Суммируя собственно последствия, выделим основные.

Во-первых, продолжение нынешних тенденций скажется на эволюции как существующих систем безопасности — американоцентричной и АСЕАНОцентричной, так и формирующейся китаоцентричной. Применительно к системе «втулки и спиц» (так в экспертных кругах принято называть американоцентричные альянсы) подчеркнём: её возврат к состоянию начала 2000-х годов, когда Вашингтон делал избыточный акцент на военно-политическом сотрудничестве с союзниками, представляется вполне вероятным.

Что касается АСЕАНОцентричного многостороннего диалога, то его потери очевидны уже сейчас. Основа этого сотрудничества — а это (пока) АРФ, СМО АСЕАН Плюс и ВАС — нейтральность и инклюзивность. Утрата этих базовых характеристик (как показала прак-

тика, АСЕАНоцентричная модель их не производит, а может лишь использовать) ведёт к существенному снижению значимости этих диалоговых форматов в приоритетах их участников.

В выигрыше оказывается китаеццентричная модель, выстраиваемая Поднебесной на основе Инициативы «Пояс и Путь». Признаки того, что Пекин планировал увязать функциональные возможности ИПП с институтами сотрудничества, выстраиваемыми другими азиатско-тихоокеанскими игроками, просматривались ещё на начальных этапах китайско-американского декаплинга. Характерный пример — соглашение Китая с АСЕАН об увязке ИПП с Генеральным планом АСЕАН по наращиванию взаимосвязей до 2025 года, подписанное в ноябре 2019 года. В перспективе можно ожидать, что Пекин будет интегрировать или, по меньшей мере, синхронизировать развитие ИПП с ВРЭП, потенциал которого очень высок.

Утрата азиатско-тихоокеанским регионом инклюзивности в сфере цифрового сотрудничества скажется на внутренней политике входящих в него стран. В первую очередь это относится к государствам Юго-Восточной Азии. Учитывая, что они находятся между китайской и американской цифровыми экосистемами, устроить управляемый хаос в отдельно взятой стране становится для США заурядной задачей. Ожидать подобных действий от Китая оснований нет: Поднебесной не нужны проблемы вблизи своих границ. В этом контексте отметим: для многих стран ЮВА «цветные революции» обострят проблему национальной интеграции, что пагубным образом скажется на реализации проекта Сообщество АСЕАН.

Американо-китайские противоречия по цифровым вопросам разятыся на глобальном развитии. В странах «мирового большинства» окрепнет запрос на структуры, альтернативные западным: от создания резервных валют, в том числе цифровых, до создания региональных механизмов, наделённых нормотворческими функциями, — например, для урегулирования трансграничных коммерческих споров. Последует цепная реакция на другие актуальные для глобального развития темы: от изменения климата, политизация чего уже очевидна, до борьбы с международными преступными группами (разные страны придерживаются едва ли не взаимоисключающих трактовок таких сообществ). Соответственно, утрата международными отношениями системности, о чём на редкость своевременно предупредили эксперты Валдайского клуба [Барабанов О.Н. и др. 2022], приобретёт новый

импульс. Это пагубно скажется и на азиатско-тихоокеанской безопасности, усугубив существующие перекосы. Таковых немало: от различного восприятия существа и целей северокорейских ядерных программ до сотрудничества в сфере энергетики (закупка странами АТР российских энергоресурсов в условиях ужесточения антироссийских санкций становится политически чувствительным вопросом).

По сумме этих обстоятельств можно ожидать, что перспективы «азиатского века» существенно ухудшатся, вплоть до окончательного подрыва. Для того, чтобы выступать локомотивом мировой экономики, а «азиатский век» (пока) рассматривается именно в таком качестве, региону нужны политические условия, содействующие выполнению этой задачи. Нынешние процессы, важной частью которых остается цифровое измерение китайско-американского декаплинга, усиленное геотехнологической повесткой глобального развития и ростом технонационализма, эти условия существенно ухудшают.

Выводы

Предваряя обобщающие оценки, зафиксируем базовую черту современных международных отношений, подмеченную, опять же, экспертами Валдайского клуба: дисбаланс между инфраструктурой, выстроенной под сверхдержавное доминирование США и их союзников, и их неспособностью осуществлять эту функцию [Барабанов О.Н. и др. 2022]. Ещё одна глобальная тенденция — усиление геотехнологической повестки развития и рост технонационализма во многих странах.

Проецируя эти тенденции на АТР, подчеркнём: региональное сотрудничество нуждается в консолидирующем компоненте. Цифровизация сама по себе его дать не может: перспектива того, что в АТР грядёт эпоха «сплинтернета» (термин, пока не получивший окончательного оформления, но обозначающий цифровой аналог Берлинской стены — на этот раз, между США и Китаем) слишком реальна, чтобы её можно было игнорировать. При наложении геотехнологической повестки глобального развития на геополитические и экономические противоречия в отношениях между азиатско-тихоокеанскими акторами — классическим примером чего служит проблема Тайваня — угроза дестабилизации региональной обстановки возрастает многократно. Соответственно, необходим дополнительный фактор.

Если исходить из того, что в азиатско-тихоокеанскую повестку безопасности этот компонент может привнести масштабный проект развития, отвечающий перспективным планам стран региона, а главное — способный повысить их конкурентоспособность, то таким критериям отвечает только китайская Инициатива «Пояс и Путь». Пекин показал, что нацелен координировать её реализацию в увязке с интересами партнёров. На фоне углубляющегося кризиса в Европе и перманентной нестабильности на Ближнем Востоке ценность АТР для Китая увеличивается существенно. Есть основания полагать, что азиатско-тихоокеанские страны, в возрастающей степени увязывающие региональную безопасность с потребностями собственного экономического развития и роста международной конкурентоспособности, будут приветствовать расширение сотрудничества с Поднебесной по линии ИПП, включая её цифровую составляющую.

Библиографический список

Барабанов О.Н., Бордачёв Т.В., Лисоволик Я.Д., Лукьянов Ф.А., Сушенцов А.А., Тимофеев И.Н. (2022). Мир без сверхдержав. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай».

Карнеев А.Н., Пятачкова А.С. (2020). Анализ дискуссий внутри китайского общества о положении Китая в мире на фоне обострения отношений с США в период пандемии. *Сравнительная политика*. Т. 11. № 4. С. 135—146.

Лексютина Я. (2020). Американо-китайские отношения в 2018—2019 гг.: торговая война и процесс декаплинга. *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 64, № 6. С. 85—93.

Лузянин С.Г. (2021). Китайско-американские отношения после Д. Трампа: оценки, подходы, перспективы. *США & Канада: экономика, политика, культура*. № 8. С. 97—107.

Лузянин С.Г. *Россия — Китай: формирование обновлённого мира*. М.: *Весь Мир*, 2018.

Пути и пояса Евразии. Национальные и международные проекты развития на Евразийском пространстве и перспективы их сопряжения. Под ред. Лукина А.В. и Якунина В.И. М.: «Весь Мир», 2019.

References

Barabanov, O.N., Bordachev, T.V., Lisovolik, Y.D., Lukyanov, F.A., Sushentsov, A.A., Timofeev I.N. (2022). Mir bez sverhderzhav. [A world without superpowers]. *Doklad Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valdai»* (In Russian).

Bateman, Jon (2022). U.S.-China technological «decoupling» a strategy and policy framework. *Carnegie Endowment for International Peace Publications Department*. Pp. 163.

Karneev, A.N., Pyatachkova, A.S. (2020). Analiz diskussiy vnutri kitaiskogo obshestva o polozhenii Kitaya v mire na fone obostreniya otnosheniy s SCHA v period pandemii [Analysis of discussions within the Chinese society on China's position in world in the context of Sino-American relations deterioration during the pandemic period]. *Sravnitel'naya politika*. [Comparative politics] Vol. 11. № 4. Pp. 135—146 (In Russian).

Leksyutina, Y.A. (2020) Amerikano-kitajskie otnosheniya v 2018—2019: trgovaya vojna i process dekaplinga [US-China Relations in 2018—2019: Trade War and Decoupling Process]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. [World economy and international relationships] Vol. 64, № 6, pp. 85—93. (In Russian).

Luzyanin, S.G. (2021). Kitajsko-amerikanskije otnosheniya posle D. Trampa: ochenki, podhody, perspektivy. [Sino-American relations after D. Trump: assessments, approaches, prospects] *SSHA & Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*. [USA & Canada: Economy, Politics, Culture] № 8, pp. 97—107 (In Russian).

Luzyanin, S.G. (2018). *Rossiya — Kitaj: formirovanie obnovlennogo mira*. [Russia — China: the formation of a renewed world]. Moscow: Ves' Mir (In Russian).

Puti i poyasa Evrazii. Nacional'nye i mezhdunarodnye proekty razvitiya na Evrazijskom prostranstve i perspektivy ih sopryazheniya [The ways and belts of Eurasia. National and international development projects in the Eurasian space and prospects for their integration]. Eds. Lukina A.V., YAKunina V.I. (2019). Moscow: Ves' Mir. (In Russian).

Китай углубляет политику «реформ и открытости» и исправляет её просчёты

***Аннотация.** Экономические успехи китайских реформ (1979—2012 гг.) в известной степени затмевают их очевидные отрицательные последствия в виде издержек экстенсивных методов развития, ухудшения природной среды, разрастания имущественной дифференциации, экспортной зависимости и т.д. После трёх с лишним десятилетий политики «реформ и открытости» маркетизация Китая достигла степени, угрожавшей социальной стабильности и национальному единству. Переход на интенсивный путь развития с повышенным вниманием к решению социальных проблем и искоренению коррупции был столь же необходим, что и начало экономических преобразований, к которым приступили после смерти Мао Цзэдуна. Начатое с приходом нового руководства во главе с Си Цзиньпином «реформирование реформы» фактически означает смену стадии «государственного капитализма» следующей стадией становления социализма, которую можно квалифицировать как «рыночный социализм». В самом Китае от лозунга «социализм с китайской спецификой» перешли к лозунгу «социализм с китайской спецификой новой эпохи». На пути реализации китайской мечты о возрождении китайской нации стоит множество внутривнутриполитических и международных проблем. Выбранная Китаем модель «лучшего социалистического общества» является новаторским проектом, и трудности «первопроходцев» нельзя умалить.*

***Ключевые слова:** социализм, капитализм. Китайская модель, рыночная экономика, китайские реформы*

Kondrashova Ludmila

Doctor of Economics
Chief Researcher, Institute of China and Modern Asia, Russian
Academy of Sciences (Moscow, Russia)

China deepens the policy of «reform and opening-up» and corrects its miscalculations

***Abstract.** The economic successes of China's reforms (1979—2012) to a certain extent overshadow their obvious negative consequences in the form of*

the costs of extensive development methods, the deterioration of the natural environment, the growth of property differentiation, export dependence, etc. After more than three decades of «reform and opening-up» policies, China's marketization has reached a degree that threatens social stability and national unity. The transition to an intensive path of development with increased attention to solving social problems and eradicating corruption was as necessary as the beginning of the economic transformations after the death of Mao Zedong. The «reform of the reform» initiated with the advent of the new leadership led by Xi Jinping actually means that the stage of «state capitalism» will be replaced by the next stage in the formation of socialism, which can be qualified as «market socialism». In China itself, from the slogan «socialism with Chinese characteristics» they moved to the slogan «socialism with Chinese characteristics of the new era». The way of realizing the Chinese dream of reviving the Chinese nation will face many domestic and international problems. China's chosen model of a «better socialist society» is an innovative project, and the difficulties of the «pioneers» cannot be minimized.

Keywords: *socialism, capitalism. The Chinese model, the market economy, the Chinese reforms*

Взвешенная политэкономическая оценка содержания и итогов китайской политики «реформ и открытости» пока ещё полностью не сложилась ни в самом Китае, ни за рубежом. В резолюции 6-го пленума ЦК КПК девятнадцатого созыва (ноябрь 2021 г.) события 1976 г. и арест сторонников Мао Цзэдуна (т.н. «банды четырёх») представлены как завершение периода социалистической революции и выход Китая на путь развития социалистического общества с общим положительным балансом успехов и неудач. Дэн Сяопин в своё время назвал события после смерти Мао «второй революцией». В настоящее время катаклизмы периода «от революции до реформы» объявлены проявлениями «замкнутости и косности», что не мешает рассматривать накопленный дореформенный опыт в качестве «теоретической и материальной базы для создания социализма с китайской спецификой» (с различиями двух эпох).

Приступая к хозяйственным преобразованиям, китайские реформаторы, долго лелеявшие мечту о возрождении Китая, руководствовались прагматическими принципами использования всех способов ускорения экономического роста. Новый курс сопровождался жёсткой критикой левацких взглядов и отказом от модели «реального социализма» в её догматической советской трактовке, Выдвинутая концепция «социа-

лизма с китайской спецификой» содержала признание важной роли рыночного регулирования и многоукладности, распределения по факторам производства и неизбежности имущественной дифференциации. Рыночную направленность дополняла ставка на использование сравнительных преимуществ Китая в виде больших резервов рабочей силы, партийного контроля и наследия конфуцианской этики.

Такое направление реформ можно объяснить разочарованием в «развитом социализме», разворотом к опыту капиталистических стран и к идеям видного деятеля китайского революционного движения — Сунь Ятсена. За 30 с лишним лет бурного экономического роста, получившего название «китайского чуда», Китай превратился в мощную экономическую сверхдержаву, посрамив пессимистические прогнозы зарубежных недоброжелателей и вызвав у самих китайцев закономерное чувство гордости за свою страну. Вторым важным итогом этих лет — сохранение основ социалистической ориентации и её главных политических институтов. Празднование 100-летнего юбилея КПК (2021 г.) дало повод отойти от принятой прежде осторожности самооценок и громогласно объявить об усовершенствовании базовой экономической системы первичной стадии социализма. Китай на своём опыте доказал живучесть социализма и его способность к реформированию.

Общий баланс «плюсов» и «минусов» китайских реформ выглядит следующим образом:

- Колоссальное наращивание экономического потенциала, поставившее Китай на первое-второе место в мире по величине ВВП. Эти успехи были достигнуты за счёт расширения хозяйственной самостоятельности государственных предприятий, подключение частнособственнического уклада, высокой нормы накопления и массивных капиталовложений, сокращения затрат за счёт дешевизны природных ресурсов, земли и рабочей силы. Важную роль сыграла проводившаяся в те годы «открытая внешнеэкономическая политика», стимулирование экспорта и иностранных капиталовложений. Решению проблем продовольственного снабжения и занятости помогли меры по сокращению рождаемости, что привело к «недобору» 400 млн человек.

В то же время ставка на форсирование экономических темпов за счёт экстенсивных факторов роста оказалась связанной с разбазариванием финансовых средств, плохим использованием введённых мощностей, снижением качества продукции. Широкое привлечение

полумеханизированного производства, мелких и мельчайших предприятий отрицательно сказалось на показателях эффективности производства и нанесло большой вред природной среде.

- Реформирование политической системы происходило в соответствии с намерением преодоления традиционной связки «власть—собственность», (разделение «чжэн» и «ци»), т.е. функций политического и хозяйственного управления). Работа всех административных органов вошла в нормальное русло. Началось создание правовой системы и усовершенствование законодательства. С другой стороны, всё более ощущалось влияние вестернизации и либеральных подходов. Поддерживалась общая линия на «ослабление» авторитаризма и преобразование правительства в орган оказания общественных услуг при уменьшении административного вмешательства в хозяйственные процессы. Ослабление степени централизации управления выразилось в тенденции к регионализации, мешавшей созданию единого общегосударственного рынка и стимулировавшей политические амбиции местных властей. Курс на многопартийность и постепенное превращение КПК из «революционной» во «всенародную» партию грозил понижением руководящей роли коммунистов. Показательны такие факты, как разрешение на вступление в партию представителей предпринимательского сословия, сокращение числа организаций КПК в правительственных и хозяйственных органах.
- Становление модели «смешанной» многоукладной экономики позволило расширить круг хозяйствующих субъектов, развернуть конкуренцию и снизить угрозу безработицы. Но это привело к значительному сокращению государственного сектора в структуре ВВП и его значимости, а введение новых форм хозяйствования на государственных предприятиях (подряд, аренда, акционирование) сопровождалось значительной утечкой государственного имущества. Снижение государственного контроля плодило факты коррупции.
- Произошедший в результате жёсткой демографической политики «однодетной семьи» переход на современный режим воспроизводства населения (низкая смертность, низкая рождаемость, высокая продолжительность жизни) дал немаловажный краткосрочный экономический эффект, но создал потенциальную угрозу старения населения и нехватки рабочих рук. Крайне отрицательные последствия имело разрушение устоев китайской традиционной семьи, изменение общественного менталитета в сторону меркантилизма и эгоизма.

- Бурная индустриализация и миграция сельского населения в города способствовали быстрой урбанизации и положительным сдвигам в структуре занятости. Одновременно это вызвало опасное «раскрестьянивание», массовое лишение деревни рабочих рук (порядка 400 млн человек) и одновременно перенаселённость городов, сопровождаемую соответствующими жилищными и транспортными осложнениями. Наблюдавшееся в начале реформы опережение роста доходов сельского населения по сравнению с городским сменилось противоположным явлением. Отставание аграрной сферы ощущалось властями и гражданами как самая болезненная социально-экономическая проблема общегосударственных масштабов. Лишение сельских мигрантов стандартных городских услуг спровоцировало социальную напряжённость в стране.
- Жизненный уровень населения за годы реформ заметно повысился, но темпы его роста отставали от темпов роста экономики, что отрицательно сказывалось на потребительском спросе. В загоне оказалась вся система социального обеспечения. От маркетизации сильно пострадали образование и здравоохранение. Подключение распределения по факторам производства и появление когорты крупных и мелких частных собственников усугубили имущественное расслоение населения. Социальная структура населения вступила в фазу «обуржуазивания» с перспективой обострения классово-вой борьбы. Экономический подъём восточных районов и городских агломераций Приморья происходил на фоне значительного отставания западных регионов, превратившихся в зоны сепаратистских настроений.
- Проведению открытой внешнеэкономической политики с широким привлечением иностранных инвестиций и зарубежного опыта способствовали не только внутривластные решения, но и благоприятная международная обстановка, временная «благожелательность» мирового капитала, расчёты западных деятелей на капитализацию и подчинение Китая. Масштабный экспорт превратил Китай в «мировую мастерскую» и «снабженца» всех стран различной дешёвой продукцией, включая высокотехнологичную. Экспортной экспансии помогало удержание заниженного курса юаня. Обратной стороной медали «открытости» стало возрастание экспортной зависимости Китая, прибылей иностранных вкладчиков, соответственно эксплуатации китайских труженников со стороны новых колонизаторов. Расширение разного рода контактов с зарубежными странами, про-

никновение западной духовной культуры, навязывание рыночных ценностей — все это сказывалось на общей идеологической обстановке, плодило оппозиционные настроения. Либерально настроенные круги выражали недовольство половинчатостью преобразований, сдерживавшей переход к «цивилизованному» рынку. Критики «слева», ссылаясь на отрицательные последствия увлечения рынком и на поставленную руководством задачу построения «гармоничного общества», требовали соблюдения необходимого баланса экономической эффективности и социальной справедливости. Недовольство населения вызывали такие асоциальные явления, как государственное вмешательство в личную жизнь (контроль над рождаемостью), разрастание имущественного неравенства и когорты «новой буржуазии». В последние годы появились подлинно алармистские заявления о том, что с приходом Си Цзиньпина «страна перепрыгнула через пропасть», «ЦК партии вырезал злокачественную опухоль и выбрался из болота», «рак коррупции грозил летальным исходом [Чжоу Синьминь. 2019].

В выступлениях Си Цзиньпина отмечены признаки отказа в годы реформ от конечной цели социалистического строительства. По его словам, «если реформистская революция не делает различий между социалистическим и капиталистическим путями и системами, если она без разбора изменяет то, что не должно или не может быть изменено, или даже неограниченно развивает капиталистическую частную собственность ради так называемого развития производительных сил, то она неизбежно приведёт к постепенному и, в конечном счёте, коренному изменению всей социалистической надстройки». Вывод Си Цзиньпин категоричен: «Без реформ и открытости нет выхода, а заниматься реформами и открытостью, отрицающими направление социализма, — это тупик». [Si Zinping. 2013].

В теоретическом плане факту «потери знамени» противопоставляется тезис «китаизации марксизма», иначе, признание необходимости тактических изменений без посягательств на стратегический курс. Её первым актом считается доктрина «новой демократии», сформулированная в годы «единого фронта» с гоминьдановцами против японских захватчиков. Тогда Мао Цзэдун, ориентируясь на идеи Сунь Ятсена, придерживался той точки зрения, что Китай после освобождения должен следовать путём «ограничения капитала» уравнительного распределения земли, но не отказываться от частной собственности

и рыночных отношений. Разрабатывая свою собственную программу «перманентной революции», он в то время отодвигал перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую на отдалённое будущее. Политика «новой демократии», признанная сейчас важным вкладом в сокровищницу марксизма, действовала в Китае после революции 1949 г. вплоть до окончания «восстановительного периода» в 1952 г.

Роль второго акта «китаизации марксизма» отводится концепции «социализма с китайской спецификой» как главного идеологического лозунга эпохи «реформ и открытости». Обе концепции выступают в виде вариантов «смешанной экономики» с такими её особенностями, как важная регулирующая роль рынка, участие государства в собственных отношениях и контроле над хозяйственной деятельностью, существование многоукладной экономики с допущением частной собственности, наличие разных видов доходов при преобладании оплаты по труду и использовании распределения по факторам производства, что сопряжено с имущественной дифференциацией. Такого рода особый переходный общественный строй отличен от марксистского представления о социалистическом идеале и в этом смысле термин «китаизацию марксизма» можно рассматривать как специфику китайского пути развития. Но очевидная переключка этой «специфики» с ленинской «новой экономической политикой» служит ещё одним важным подтверждением правильности теории двухфазового прохождения социалистической революции в странах некапиталистического ареала. Сходство с НЭПом даёт основание квалифицировать формационную принадлежность реформистской системы как «государственный капитализм» в особых цивилизованных и временных условиях Китая. По словам Ленина, государственный капитализм в советской России «есть полнейшая материальная подготовка социализма. Есть преддверие его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, никаких промежуточных ступеней нет» [Ленин ПСС]. Из этого следует, что дело не в самом рациональном «допущении» капитализма, а в продолжительности этого «допущения».

Отстаивая единство частнособственных отношений и демократического устройства по западным лекалам, некоторые зарубежные учёные предрекали неизбежность перестройки политической системы Китая и на этом основании проводили параллели между ки-

тайскими реалиями, с одной стороны, и либерализмом, меркантилизмом и ордолиберализмом, с другой. В лучшем случае они трактовали китайское общество как «гибрид», сочетающий либеральный хозяйственный режим с партократическим политическим устройством [Beck U. 2010]. С такой позицией схожа характеристика Китая как «не типичного» субъекта мирового сообщества, выходящего за рамки и социалистических, и капиталистических канонов, Расчёты на близкую «реставрацию капитализма» в Китае поддерживали союз Китая с США и развитыми капиталистическими странами Европы.

В самом Китае сохранявшаяся верность марксизму дополнялась правомочностью его новаторства и сочеталась с явной толерантностью в отношении разных философских взглядов. Обращение к рынку и частной собственности оправдывалась тем, что эти концепты не являются достояниями только капитализма. К тому же сам Дэн Сяопин призывал «не зацикливаться» на терминах «капитализм» и «социализм». С Дэн Сяопина началось широкое обращение к этическим принципам конфуцианского учения как «философии жизни и общественного управления», перекликающейся с общими моральными установками коммунизма.

После трёх десятилетий реформ маркетизация Китая достигла такой степени, которая угрожала поддержанию социальной стабильности и национальной целостности. Состоявшийся в 2012 г. XVIII съезд КПК г. и приход к власти нового китайского руководства во главе с Си Цзиньпином совпали со значительным осложнением внутренней и международной обстановки. Подтвердив достигнутые успехи и общий настрой на сочетание рыночных отношений, социалистического курса и традиционных моральных атрибутов, съезд провозгласил наступление «новой нормальности», связанной с завершением периода высоких темпов и экстенсивных методов развития. В отчётном докладе указывалось на то, что Китай вышел по общей величине ВВП на второе место в мире, вместе с тем остаётся развивающейся страной (по среднедушевым производственным показателям), в которой наличествует противоречие между постоянно растущими материальными и духовными потребностями народа и недостаточной для их удовлетворения экономической базой.

В 2013 г. на 3-м пленуме ЦК КПК 18-го созыва было одобрено «Решение ЦК КПК о некоторых важных вопросах по всестороннему углублению реформ», в котором был выдвинут тезис «выявлять

решающую роль рынка в распределении ресурсов и полнее раскрывать роль правительства». Позднее Цзиньпин приравнял принятие этого решения к декларации 3-го пленума 11-го созыва о начале хозяйственной реформы. Оба этих события он назвал «эпохальными». С 2013 г. в Китае развернулась масштабная работа по подготовке стратегии «новой эпохи» с привлечением всей когорты обществоведов и с проведением массовых опросов населения. Важную роль сыграла созданная к тому времени сеть «мозговых центров».

Важной платформой пропаганды новых задач явился XIX съезд КПК 2017 г. Дополнение, внесённое на съезде в тезис «социализм с китайской спецификой» («социализм с китайской спецификой в новую эпоху») претендовало на обновление главной идеологической доктрины. КНР. Съезд подтвердил длительность «начального этапа строительства социализма», необходимость совершенствования «социалистической рыночной экономики» с целью «превращения Китая в экономически развитую и полноценную торговую державу. Предлагалось как укреплять и развивать общественный сектор, так и поощрять, поддерживать и ориентировать развитие необщественного сектора экономики. Сторонникам левых взглядов была сделана явная уступка в виде ряда новых постулатов: «противостоять разлагающему влиянию на внутрипартийную жизнь принципа товарообмена», «поощрять приобретение богатства усердным и законным путём», «развивать гармоничные трудовые отношения», «сделать распределение более рациональным и упорядоченным». К сущностным признакам китайского политического строя съезд отнёс три его компонента — руководство КПК, положение народа как хозяина страны и управление государством на правовой основе. Особого внимания заслуживает усиленное подчёркивание роли партии «как политической руководящей силы наивысшего порядка».

Принятие решения о «реформировании реформы» явилось столь же неотложным и обоснованным, как и постановление о начале реформ. Под «новой эпохой» подразумевается переход к социально-экономической модели «углубления реформы» в направлении балансирования рынка и государственного макрорегулирования, исправления ряда допущенных просчётов и решения новых ответственных задач.

Очевидное прерывание тенденции дальнейшей капитализации Китая имеет разные причины объективного и субъективного порядка (традиционное отторжения капитализма и большая роль государ-

ства, соотношение ограниченных ресурсов и большого населения, опасения потери национальной самобытности, общий настрой нового руководства и др.). В силу отсутствия необходимого «запаса прочности» Китаю просто «противопоказано» сопутствующее капиталистическим порядком разрастание имущественной дифференциации, обострение национальных и социальных конфликтов. Не столь длительная история КНР позволяет удержать в памяти все «прелести» колониального капитализма, включая нищету и национальное унижение, и осознать неизменность политики «разделяй и властвуй» современных неоколониальных гегемонов. Помимо тех минусов, которые связаны с ростом частнособственнических интересов, погоней за бездумным потребительством, нарушением экологического равновесия, капитализм представляет собой угрозу распада государства. К тому же сохранение компартии и элементов авторитаризма всегда служило гарантией управляемости страны и поддержания политической стабильности. Предложения относительно того, чтобы «пойти на выучку к капитализму», отступить назад, чтобы усвоить азы капиталистического предпринимательства, китайским коммунистам удалось перевести в русло использования зарубежного опыта ради совершенствования социализма.

Конкретные задачи разрабатываемой в настоящее время новой стратегии развития Китая выглядят следующим образом:

- В **области политики** — активизация политической реформы с особым акцентом на низовую демократию, дальнейшее укрепление правовой системы, улучшение работы административного аппарата и борьба с коррупцией. Повышение контрольной роли КПК и демократизация внутривластной деятельности.
- В **области экономики** — синтез плановой социалистической и рыночной систем, утверждение приоритета государственной формы собственности в условиях поддержания многоукладности, акцент на интенсивные факторы роста, повышение эффективности производства и качества продукции, реструктуризация промышленности с особым вниманием к отраслям новой технологии и генерирующим интеллектуальную ренту, сокращение избыточных мощностей в базовых отраслях, продолжение реформы системы собственности и поддержание господства общественной собственности на средства производства, повышение внутреннего спроса через рост доходов работников и расширение сферы образования и здравоохранения.

- В **региональной политике и политике урбанизации** намечено сокращение разрыва между приморскими и внутренними районами, совершенствование налоговых и бюджетных отношений между Центром и местами, широкое освоение западных регионов, и преодоление сепаратистских тенденций в районах проживания национальностей. Координированное развитие города и деревни предполагает легализацию городского статуса деревенских мигрантов, урегулирование земельных отношений при соблюдении интересов крестьянства во всех операциях с землей.
- В **социальной и демографической сферах** показателен отказ от политики однодетной семьи. Повышение оплаты труда, изменение налоговой системы с целью снижения социальной дифференциации, Достигнуты большие успехи в масштабной борьбе с бедностью, в создании общегосударственной системы социального обеспечения.
- Повышено внимания к **экологическим проблемам** под лозунгом построить «красивый Китай».
- В **области международных отношений** идёт корректировка «открытой политики» и курса «выхода вовне» с учётом международной обстановки и с целью ослабления зависимости экономики от внешнего фактора. Большое значение придаётся расширению внутреннего рынка.
- В **сфере идеологии** важно закрепление концепции «китаизации марксизма» как общей ориентации на построение коммунизма при полном учёте национальной специфики. Сформулированные на партийных форумах концепции «научное развитие», «человек — основа основ», «гармоничное развитие» хорошо вписываются в обоснование новой экономической стратегии и постепенно наполняются реальным содержанием. Важная роль отводится идее общества «сяокан» («скромный достаток»), выступающей в качестве альтернативы капиталистического потребительского общества и идеалом «здорового общества», в котором достигнуто удовлетворение насущных жизненных потребностей людей при приоритете духовных ценностей.

Согласно перспективе дальнейшего развития, изложенной на XIX (2017 г.) и XX (2022 г.) съездах КПК, к 2035 г. будет завершено построение «среднезажиточного общества», а к середине нынешнего века, т.е. к столетию КНР страна должна превратиться в богатое, могучее, демократическое, цивилизованное, гармоничное, социалистическое

государство и осуществить китайскую мечту о великом возрождении китайской нации» [Си Цзиньпин. 2013]. В предстоящую четверть века, заполненную начавшейся мировой трансформацией индустриального общества в высокоорганизованную форму постиндустриального информационного общества, наибольшую важность в Китае приобретает вопрос о соединении социализма и рынка, социальной справедливости с экономической эффективностью, жёсткой конкуренции с общественной солидарностью. Эти требования укладываются в представление о гуманистическом «лучшем обществе», близком к понятию «рыночного социализма» как очередном промежуточном этапе на пути социалистического строительства. Вероятностные черты модели гуманистического «лучшего общества» — наличие мощной экономики постиндустриального и инновационного типа, сохранение синтеза планового и рыночного регулирования, материальное благосостояние граждан и достижение высокого культурного уровня.

Современный «второй акт» китайской реформы подтверждает, что её траектория — это не прямая линия, а волнообразная кривая, включающая фазы «наступления» и «отступления», «утверждения» и «отрицания». Сейчас на повестке дня — разработка такого варианта «социального рыночного хозяйства», который позволит связать модернизацию как ответ на глобальные трансформационные вызовы с соблюдением принципов социальной справедливости и солидарности. Учитывая тот факт, что китайская альтернативная модель — это ещё никем не пройденный и не проверенный путь развития, а преодоление последствий эпидемии коронавируса потребует больших усилий, будущие трудности очевидны. Китаю предстоит лавировать между Сциллой «политической монополии бюрократии» и Харибдой «экономической монополии капитала». Переход к новой экономической модели не может пройти бесконфликтно, поскольку уже сформировались социальные слои, заинтересованные в сохранении «статус кво», своих высоких прибылей и своего политического верховенства. Логика пройденного Китаем пути, высокая пассионарность, характерная для сегодняшнего Китая, дают надежды на успешное продолжение китайских реформ, преодоление явных и скрытых рисков, в том числе и за счёт постоянной корректировки стратегического курса и смелых тактических манёвров.

Свою веру в социализм и потенции китайского народа Си Цзиньпин ещё раз подчеркнул в выступлении по случаю 100-летия со дня

образования КПК: По его словам, «посредством упорной борьбы партия и китайская общественность показали миру, что китайский народ способен не только разрушить старый мир, но и построить новый, что только социализм может спасти Китай и что только социализм сможет развить Китай» [Си Цзиньпин. 2021].

Библиографический список

Ленин В.И. Грозная катастрофа и как с ней бороться. *Полное собрание сочинений*. Т. 36.

Си Цзиньпин (2013). Си Цзиньпин о «китайской мечте». *Китай*. № 3.

Си Цзиньпин (2021). *Полный текст речи на торжественном собрании по случаю 100-летия со дня основания КПК*. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2021/c3/521-0867521.html>.

Чжоу Синьминь. (2019). *Руководство Си Цзиньпина и будущее Китая*. М.: Весь мир.

Чэн Эньфу.(2021). *Китайский новаторский марксизм. Избранные произведения Чэн Эньфу*. М.: Родина.

References

Beck, U. (2010). Grande E. Varieties of second modernity: the cosmopolitan turn in social and political theory and research. *The British Journal of Sociology*. Vol. 61. Issue 3.

Cheng Enfu (2021). *Kitaiskiy novatorskiy marxizm. Izbranniye proizvedeniya Cheng Enfufu* [Chinese Pioneering Marxism. Selected works of Cheng Enfu] Moscow: Rodina (in Russian).

Lenin V.I. Grozyashchaya katastrofa I kak s ney borotsa. *Polnoye sobraniye sochineniy*. [The impending catastrophe and how to deal with it]. Complete works Vol. 36 (in Russian).

Si Zinping (2013). Si Zinping o «kitayskoy mechte» [Si Zinping about Chinese dream]. *China*. № 3.

Si Zinping (2021). *Polniy text rechi na torzhestvennom sobranii po sluchayu 100-letiya so dnya osnovaniya KPK*. [Full text of the speech at the solemn meeting on the occasion of the 100th anniversary of the founding of the Communist Party of China]. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2021/c3/521-0867521.html>.

Xie Ping and others (2018). Reformirovaniie reformy «Zhongguo chuban zituan». [谢平等、改革的改革、中国出版集团], Beijing/北京. (in Chinese).

Zhou Sinmin (2019). *Rukovodstvo Si Jinpina I budushchee Kitaya* [Leadership of Si Jinping and Chinese future]. Moscow: Ves mir. (in Russian).

Раздел 6

Корейский полуостров

Ким Хэ Ран

кандидат филологических наук, доцент
НИУ ВШЭ, Российский государственный гуманитарный
университет (Москва, Россия)
krkim@hse.ru

Диахроническое исследование русскоязычных учебников корейского языка (на основе анализа корейско-русских учебников конца XIX века — до 1990-х гг.)

***Аннотация.** В статье дано диахроническое исследование изданных в России учебников корейского языка. Целью исследования является анализ и оценка учебников корейского языка с периода Просвещения до установления дипломатических отношений между Кореей и Россией в 1990 г. Кроме того, путём обнаружения и внедрения русскоязычных корейских учебников, неизвестных в Корею, рассказывается о том, как разрабатывались и использовались учебники в разные исторические периоды в России. Таким образом, можно будет получить выводы для анализа и оценки учебных материалов для обучения национальному (унаследованному) языку и обучению иностранному языку в период до установления дипломатических отношений между Кореей и Россией, а также определить содержание образования и направление развития учебных материалов для корейского образования в современном понимании.*

***Ключевые слова:** диахроническое исследование, русскоязычный учебник корейского языка, классификация учебников корейского языка, исторический период*

Kim Hye-Ran

PhD in philology, Associate Professor
University Higher School of Economics,
Russian State University for the Humanities
(Moscow, Russia)
krkim@hse.ru

***A diachronic study of korean language textbook in Russia
(focusing on korean-russian textbooks
from the end of the 19th century until 1990s)***

Abstract. *The article presents a diachronic study of Korean language textbooks published in Russia. The aim of the study is to analyze and evaluate Korean language textbooks from the period of Enlightenment to the establishment of diplomatic relations between Korea and Russia in 1990. In addition, by discovering and introducing Russian-language Korean textbooks unknown in Korea, it tells about how textbooks were developed and used in different historical periods in Russia. Thus, it will be possible to obtain conclusions for the analysis and evaluation of teaching materials for teaching the national language (inherited language) and foreign language teaching in the period before the establishment of diplomatic relations between Korea and Russia, as well as determine the content of education and the development direction of teaching materials for Korean education in modern understanding.*

Keywords: *diachronic study, Russian-language Korean textbook, classification of Korean language textbooks, historical period*

Введение

В настоящее время можно говорить о повышении международного статуса корейского языка в связи с увеличением числа людей, изучающих корейский язык во всем мире. Активно проводятся дискуссии и исследования по развитию обучения корейскому языку и изменениям в учебных материалах. Изменение корейских учебников и методов обучения корейскому языку, начиная с изучения периода разделения, продолжается, обсуждаются типы учебников и история их формирования.

В связи с этим нас интересует изучение учебников с диахронической точки зрения, исследование разных типов учебных материалов и изменений в методах обучения корейскому языку (особенно интересны учебные материалы, изданные в России, где обучение корейскому языку впервые началось, как и в Европе, в конце XIX в.). В данной статье исследуются оригинальные учебники по обучению корейскому языку в России, которые до сих пор не были известны академическим кругам или общественности, и были собраны в Санкт-Петербурге, и в государственной библиотеке имени Ленина в Москве. В статье рассмотрены характеристики учебников в разные периоды истории, изучим их типы и изменения в них.

Поскольку корейский язык как иностранный вступает в период своего второго расцвета в России, перед установлением дипломатических отношений необходимо пересмотреть преподавание корейскому языку, его методы и материалы для обучения. Это может способствовать выявлению преемственности истории обучения корейскому языку и определению направлений, позволяющих эффективно использовать учебники корейского языка, популярные в настоящее время в России. Кроме того, изучение учебных материалов по корейскому языку в период, когда дипломатические отношения между Кореей и Россией были прерваны, имеет важное значение, поскольку освещает историческую и лингвистическую ценность учебных материалов по корейскому языку в диахроническом срезе. Таким образом, в этом исследовании учебники корейского языка, изданные и используемые на русском языке, были классифицированы по четырём историческим периодам, и проанализированы, исходя из таких критериев, как процесс составления учебника, его система, содержание и ситуативность. Сделана попытка отследить изменения в учебниках с привязкой к истории.

Учебники корейского языка в России можно условно разделить на:

1. Учебники, разработанные с точки зрения изучения национального языка с образовательной точки зрения, и учебники, разработанные с точки зрения изучения иностранного языка.
2. По языку учебника его можно разделить на учебники, изданные на корейском языке, и учебники, разработанные на русском языке.
3. Также, если смотреть по хронологическому и региональному принципу, существует учебник корейского языка, который разрабатывался в Северной Корее с 1960 по 1990 г., а затем был вывезен в Россию и сейчас хранится в Российской национальной библиотеке. Его

можно отнести к учебникам, разработанным в Южной Корее после установления дипломатических отношений между Кореей и Россией в 1990 г. и в настоящее время широко используемым в русскоязычном корейском образовании.

Келли (1969 г.) сосредоточился на парадигме мышления в обучении иностранному языку, утверждая, что, когда восприятие изучения языка меняется из-за изменения академического и мировоззренческого мировоззрения эпохи, идеологическая парадигма становится драйвером (компонентом), который приводит к изменениям в преподавании иностранных языков и учебных материалах. В соответствии с этим, представляя стандарт корейского образования как частный переход к обучению иностранному языку, необходимо изучать преподавание и изучение языка в то время, в социальном и образовательном контексте, в синхроническом срезе. Диахроническое изучение также необходимо. В соотношении лингвистической парадигмы взглядов и метода обучения по типу учебника корейского языка **метод прямого (direct method)** обучения был применён к корейскому чтению Ким Пён Ок как исключение среди методов обучения корейскому языку в России. Следуя ранним традиционным методам обучения, **метод перевода грамматики (grammar translation method)**, который сравнивает двуязычные структуры, стал основным методом обучения корейскому языку в учебниках до 1990 г.

Классификация учебников корейского языка в России по историческим периодам

Историю преподавания корейского языка Пэк Бонг-джа (2001) разделил на следующие периоды: 1-й период — с 1959 г., когда был открыт Институт корейского языка Университета Ёнсе, по 1975 г. как «базовый период», 2-й период с 1976 г. до Олимпийских игр 1988 г. как «период зарождения», период с 1989 по 2000 г. был разделён на «3-й период» и 2001 г., а затем на «4-й период».

В данной статье внимание сосредоточено на историческом изменении корейского образования, и дана характеристика учебников, а в качестве критерия классификации по периодам предложено развитие учебников. В этом исследовании делается упор на то, что обучение корейскому языку имеет историческое, политическое и экономическое

значение и связано с периодом издания учебников. Обучение корейскому языку в России имеет внешние характеристики, связанные с историческими, политическими и экономическими событиями, и внутренние характеристики, такие как учебники, предметы и методы обучения.

В данном исследовании период обучения корейскому языку в России был разделён на четыре этапа: 1-ый этап основания; 2-ой этап зарождения; 3-ий этап застоя и 4-ый этап скачка.

Конкретные стандарты и их характеристики можно обобщить, как показано в таблице 1.

Таблица 1

Период		내사적(內史的) 특징 Внешние характеристики	외사적(外史的) 특징 Интроспективные характеристики
1	Этап основания	1860—1884 гг. До Чосон-российского договора о дружбе и торговле	Словарный запас
2	Этап зарождения	1884—1900 гг. После Чосон-российского договора о дружбе и торговле между гг.	Книга для чтения, грамматика и разговорник в одной книге
3	Этап застоя	1910—1953 гг. Период японской оккупации, период хаоса и освобождения	Чтение, грамматика
4	Этап скачка	1954—1989 гг. Разделение Южной и Северной Кореи, дипломатический разрыв между Кореей и Россией	Учебник по грамматике, книга для чтения, разговорник

Первый период, «этап основания», — это период с 1860 по 1884 г., до того как, когда был подписан Чосонско-российский договор о дружбе и торговле (조러통상조약). Учебники корейского языка в этот период были в основном в форме сборников лексических данных, репрезентативными из которых были первый «Опыт Русско-корейский словарь» М.П. Пуцилло и «Корейский Алфавит» Пиянкова. Это материал, отражающий лексику и произношение Хамгён-до и Пхёнган-до, которые являются фактическими северо-восточными диалектами корейского языка в конце XIX в., и оценивается как материал с высокой лингвистической ценностью в истории корейского языка.

Второй период, «этап зарождения», — это период с момента подписания Чосон-российского договора о дружбе и торговле с 1884 по 1900 г. Период открытия первых в Европе курсов корейского языка в Санкт-

Петербургском университете (1897 г.). Этот период учебники корейского языка, переписанные и составленные на языке оммуна (諺文), использовались в качестве учебников для университетов. В учебнике Ким Пён Ока содержание создания Хунминджонгыма королём Седжоном впервые было представлено в корейских учебниках в России.

В этот период отношения между Россией и Чосон были на пике расцвета. Когда делегация во главе с Мин Ён Хваном присутствовала на коронации Николая II, Николай II потребовал прислать преподавателя корейского языка, и Ким Пён Ок, в то время переводчик в миссии корейского консульства, открыл курс корейского языка в Санкт-Петербургском университете. Это было началом обучения корейскому языку в Европе. Университет был учебным заведением для подготовки дипломатов. Кроме того, король Кочжон обратился к российскому правительству с просьбой прислать инструктора для укрепления армии в современном Чосоне, и был прислан Кузьмин. Он составил учебники корейской грамматики для русских во время прибывания в Корею, и в это время впервые были изданы книги «Корейские тексты» Пён Ок Кима и «Пособие к изучению корейского языка» Пён Ок Кима, «Элементарное пособие к изучению корейского языка» Н.М. Кузьмина.

Ким Пён Ок, который был переводчиком для делегации Мин Ён Хвана, преподавал корейский язык в университете и составил два издания: «Корейские тексты» и «Пособие к изучению корейского языка». «Пособие к изучению корейского языка» — это методика обучения грамматике с переводом, где даны объяснения по грамматике на русском языке и примеры на корейском. Это первый учебник, знакомящий Корею с Россией и сравнивающий корейское произношение и структуру русской грамматики. «Корейский текст» — учебник, написанный на корейском языке с использованием восточного метода компиляции. Это единственный учебник, в котором особое внимание уделяется обучению чтению, использован прямой метод обучения и единственная прямая попытка познакомить учащихся с корейской культурой и социальными обычаями посредством чтения «Самкан орюн» и «Чунхьян», в которых отражен прямой метод обучения.

Кроме того, «Элементарное пособие к изучению корейского языка», составленное Кузьминым, имеет значение как первый напечатанный и изданный учебник корейского языка, составленный в Хабаровске, на Дальнем Востоке. Этот учебник положил начало изучению корейского языка, что привело к развитию корееведения и распространению его

от тогдашней столицы — Санкт-Петербурга до Дальнего Востока, и, в дальнейшем, к созданию Дальневосточного центра востоковедения. Показательно то, что учебник корейского языка был составлен русским офицером. Он специализировался на корееведении для подготовки специалистов-практиков на Дальнем Востоке России в Дальневосточном институте востоковедения, созданном в 1899 г.

Третий период, «этап застоя», — это период с 1910 по 1953 год, период хаоса до и после японского колониального господства и освобождения. В этот период в основном составляются грамматические книги и учебники читательского типа.

В связи с русской революцией 1919 г. преподавание корейского языка в Санкт-Петербургском университете было приостановлено, но с другой стороны после корейско-японской аннексии в 1910 г. многие корейцы эмигрировали в Приморский край. Также на Дальнем Востоке активно осуществлялось обучение корейскому языку как национальному (наследственному языку).

В 1930-е гг. на Дальнем Востоке России освоение корейцами корейского языка находилось на пике своего развития. Было создано около 300 начальных школ и 56 начальных и средних школ, а в 1931 г. во Владивостоке был основан корейский педагогический университет для решения проблемы нехватки учителей (Хан Дык Бонг. 1991, с. 610). В корейском педагогическом университете (조선사범대학교) О Чан Хван, который в то время был секретарем Временного правительства, составил учебники «Учебник корейского языка для средней школы, грамматика (морфология)» (1935) и «Учебник корейского языка для средней школы, грамматика (синтаксис)» (1935). Ри Ин, Ким Ин Соп и Чо Мён Хи «Детский колхозник 어린이꿀호즈닉» — типичные учебники корейского языка, изданные на Дальнем Востоке. Кроме того, корейцы, насильственно переселённые в Казахстан и Узбекистан, унаследовали газету «Сонбонг» и издавали «Корё Ильбо» на корейском языке в Алматы (Казахстан). Корейские школы, которые отвечали за обучение корейскому языку на Дальнем Востоке, также были восстановлены в Средней Азии для продолжения обучения национальному корейскому языку.

В Санкт-Петербурге после аннексии Кореи и Японии в 1910 г. можно было изучать корейский язык как предмет гуманитарных наук на факультете японоведения, но были и скептические мнения по поводу необходимости изучения корейского языка для россиян. Однако

в 1937 г. русский лингвист Холодович, специализирующийся на японском языке, сравнил и противопоставил японскую грамматику корейской грамматике и составил первую корейскую грамматику, объясняемую на русском языке: «Корейская грамматика: морфология». В период с 1941 по 1945 г. из-за Второй мировой войны учебники корейского языка в русскоязычном мире почти не составлялись.

В 1945 г. в Московском институте востоковедения профессором и историком Хваном Дон-Мином была официально открыта кафедра корейского языка, причём преподавание корейского языка осуществлялось отдельно от кафедры японского языка. Профессор Хван Дон Мин родился в первом поколении корейских иммигрантов на Дальнем Востоке (Пушиловка) и является первым историком, получившим докторскую степень по Ли Сун Шину в советское время. После освобождения от Японии в 1945 г. профессор Дон Мин Хван открыл корейскую кафедру в Московском институте востоковедения и написал два учебника корейского языка для занятий корейским языком. Учебник содержит основное текстовое содержание, направленное на понимание общей географии, культуры и языка Чосон, начиная с основ корейского алфавита и основных моделей предложений. Он важен как учебник корейского языка, посвящённый освобождению Кореи, и как первый изданный в Москве учебник, в котором содержится текст о том, что Корё, освобожденный от японского колониального господства, станет независимым государством. Это учебник, в котором смешаны хангыль и китайские иероглифы.

В 1945 г., когда две Кореи установили отдельные правительства, а Советский Союз заключил союз с Северной Кореей, отношения между Северной Кореей и Советским Союзом стали более тесными. Для обучения корейскому языку стало использоваться материала для чтения. Типичные примеры включают «Родная речь 조선어독본» Ким ён-ха, Хан Дык-бон и Хан Сун-чхон для 2 класса, для 3 класса и для 4 класса. Эти учебники предназначены для начального школьного образования. На корейский язык переведены русские учебники по революционным, культурным, общественным и научным дисциплинам. В период с 1950 по 1953 г. в связи с Корейской войной в России почти не было издано учебников корейского языка.

4-й «Високосный период» — это период с 1954 по 1989 г., с конца Корейской войны до установления дипломатических отношений между Кореей и Россией. В этот период после смерти Сталина (1953 г.) в России возродилось образование на национальных языках.

После насильственного переселения народов в Казахстан и Узбекистан в Средней Азии образование на корейском языке было возрождено как обучение на национальном языке для корейских детей, которые могли получить только советское образование. Учебники в то время делились на учебники по грамматике, учебники по чтению и учебники, которые объединяли несколько языковых функций. Типичные учебники того времени: «Очерк грамматики корейского языка» Холодовича, «Учебник корейского языка для 3—4 классов» Ким Нам Сек и Хо Гая.

«Учебник корейского языка для 3—4 классов» Ким Нам Сек и Хо Гай создан в результате возрождения этнического языкового образования корейцев, мигрировавших с Дальнего Востока в Среднюю Азию. Это учебник для детей, составленный в Ташкенте, и это был самый печатаемый учебник во время раздела между Северной и Южной Кореей. Среди учебников корейского языка до 1990 г. сохранился единственный и первый «Сборник методических материалов по корейскому языку», составленный Ким Нам Секом и Хо Гаем. Они представили методические рекомендации по обучению корейскому языку по системе десятиклассного советского образования в учебнике по корейскому языку.

«Очерк грамматики корейского языка» Холодовича, составленный в 1954 г., объяснял грамматическую структуру корейского языка сравнительно-лингвистическим способом с пояснениями на русском языке и примерами на корейском языке. В то время учебники корейского языка были редкостью. В книге «Очерк грамматики корейского языка» выяснилось, что использовались примеры путём цитирования из учебников грамматики для средних школ школы Чосон. Эта книга — «Очерк грамматики корейского языка» Холодовича — признана российскими учёными первой современной книгой по грамматике корейского языка на русском языке. В связи с разделением Северной и Южной Кореи и в комплексе с другими политическими идеологиями, примеры предложений, приведённые в учебнике по грамматике, содержат революционное содержание. Представляется возможным и интересным после адаптации учебника к современным реалиям путём замены части неактуальных примеров предложений, представленных в оригинальном содержании, и объяснения грамматики современными методами, использовать данный учебник как достойное пособие по корейской лингвистике, так как учебник будет иметь боль-

шое академическое значение как учебник корееведения, написанный на русском языке. Можно классифицировать учебники так:

1. По типам учащихся: Это может быть как учебник для корейских детей, так и учебник для взрослых, изучающих корейский язык в вузе. Если рассматривать эти учебники по процессу обучения, то первые можно классифицировать как «учебники по этническому языку (унаследованному языку)», а вторые — как «учебники для учащихся ВУЗов с изучением иностранного языка».

2. По языковой функции: Учебники по языковой функции в основном делятся на грамматические учебники и учебники с текстами для чтения:

Таблица 2

Автор	Год	Название	Стр.	Кол.	Размер	Место изд.
Ким Пён Ок	1899	Пособие к изучению корейского языка (Вуз)	52	неизвесен	15×22	Санкт-Петербург
Н.Д. Кузьмин	1900	Элементарное пособие к изучению корейского языка (Вуз)	204	неизвесен	19×24	Хабаровск
А.А. Холодович	1937	Грамматика Корейского языка части 1 (Вуз)	163	280	15×21	Москва
Хван Донмин	1946	Учебные материалы по корейскому языку 1 (Вуз)	100	100	15×21	Москва
А.А. Холодович	1954	Очерк грамматики корейского языка (Вуз)	320	5,000	15×23	Москва

Учебники по грамматике в основном предназначены для использования в университетах. Отдельно хочется отметить такие учебники, как «Пособие к изучению корейского языка» Ким Пён Ок, «Элементарное пособие к изучению корейского языка» Кузьмина, «Учебные материалы по корейскому языку 1» Хван Дон Мина, которые связывают грамматику с функцией разговорной речи. Учебник по грамматике включает книги Холодовича «Корейская грамматика: морфология» и «Очерк грамматики корейского языка». Как книга по теории грам-

матики и по корееведению, такой тип учебника, становится центром учебно-педагогической деятельности за счёт понимания содержания каждого грамматического элемента. «Пособие к изучению корейского языка» Ким Пён Ок — это первый учебник корейской грамматики в России. В западном стиле даны подробные грамматические пояснения на русском языке, а примеры представлены на корейском языке.

Таблица 3

Автор	Год	Название	Стр	Кол.	Размер	Место изд.
Ким Пён Ок	1898	Корейские тексты	62	неизвестен	15×22	Санкт-Петербург
Ли Ин, Ким Инсоп, Чо Мён Хи	1932	Детский Колхозник	142	12000	14,5×21,5	Хабаровск
Хван Донмин	1946	Учебные материалы по Корейскому языку 1	100	100	15×21	Москва
Хван Донмин	1947	Учебные материалы по Корейскому языку 2	187	100	15×21	Москва
Ким Пёнха, Хан Дыкпок, Хан Сунчен	1949 1952	Родная речь для 2 кл.	132	5000 6000	15×22	Москва
Ким Пёнха, Хан Дыкпок, Хан Сунчен	1949 1952	Родная речь для 3 кл.	191	400 4000	15×22	Москва
Ким Пёнха, Хан Дыкпок, Хан Сунчен	1949 1952	Родная речь для 4 кл.	175	3000 3000	15×22	Москва

Учебники, ориентированные на обучение чтению, были составлены как учебники российских студентов и корейских детей в России. Среди учебников по чтению «Корейские тексты», учебник для чтения, написанный Ким Пён Ок на корейском языке, является учебным пособием для российских вузов. В отличие от «Пособия к изучению корейского языка» Ким Пён Ок, его «Корейские тексты» были опубликованы годом ранее в 1898 г. Это учебник, написанный только на корейском языке и расшифрованный 8 вертикальными строками.

В советское время усилиями профессора Хвана Донмина, была официально создана и выделена в самостоятельную кафедру кафедре корейского языка. После освобождения от колонизации Японии в 1945 г. историк, профессор Дон Мин Хван из Московского института востоковедения рукописно составил университетский учебник «Учебные материалы по корейскому языку 1», который представляет собой учебник для начинающих. В данном учебнике применялся аудио-лингвальный метод (АЛМ), который изучает новый язык путём многократного повторения языковых моделей. Обучение грамматике и чтению, говорению происходит одновременно. «Учебные материалы по корейскому языку 2» представляет собой материал для чтения среднего уровня для студентов Вуза и является учебником, применяемым для обучения чтению на корейском языке с использованием моделей реальных ситуаций как учебного материала для чтения. Тексты учебника описывают учебный процесс в Московском институте востоковедения с 1945 по 1946 год, количество студентов на кафедре корейского языка, изучаемые предметы, студенческий совет, имена преподавателей предметов, жизнь трудящихся, дают культурное знакомство с Москвой. Небольшое по объёму, в последнем уроке представлено введение в древнюю корейскую литературу (введение в Самгук Саги (三國史記)). В содержании «Учебные материалы по корейскому языку 1» Дон Мин Хвана в основном представлены тексты для чтения, знакомящие со страной Чосон того времени. Например, состав Чосон, освобождённого от Японии в то время, названия рек и гор, описания династии Чосон, названия крупных городов Чосон и т.д. Учебники были написаны смесью корейских и китайских иероглифов.

В ходе анализа для данного исследования было обнаружено, что структура текстов учебников, составленных Дон Мин Хваном, и «Учебные материалы по корейскому языку 2», составленного Дон Мин Хваном, очень похожа на структуру текста книги Пён-Ок Кима «Корейские тексты».

Учебники чтения Хван Дон Мина имеют тот же формат, что и учебник раннего чтения Ким Бён Ок «Корейские тексты», в котором текст учебника написан на корейском языке, расположенном в ряды сверху вниз. Читать следует справа налево. Каждая страница состоит из 8 строк, и каждая строка имеет 5 членов предложений слова. Этот формат аналогичен формату документа, используемому перевочками для обучения иностранным языкам в конце XIX в., а поскольку

Ким Пён Ок также начинал как переводчик в корейском консульстве и преподавал корейский язык, эта характеристика отражена в формате учебника. Корейский текст также составляет 8 строк на странице. Похоже, что профессор Донгмин Хван также составил корейский текст с 8 строками на странице в том же формате. В учебнике Ким Пён Ок для использования в университете предпринята попытка дать учащимся основные сведения о корейской культуре и обычаям через Самган Орюн (三綱五倫) и Чунхянджон (春香傳). В «Учебные материалы по корейскому языку 1» профессор Дон Мин Хван даёт информацию о Чосоне, который восстановил дипломатическую власть после аннексии Японии.

В 1949 и 1952 г. опубликованы «Родная речь 조선어 독본» для 2, 3, 4 класса. Эти учебники были изданы в то время, когда Северная Корея была разделена на различные идеологические линии политики, и формировались более тесные отношения между Северной Кореей и Советским Союзом. Учебники были изданы на корейском языке в период, когда Северная Корея была разделена на различные идеологические линии политики и формировались более тесные отношения между Северной Кореей и Советским Союзом. Есть предположение, что эти учебники были изданы в связи с открытием в Москве северокорейской школы Чосон. Они являются корейским переводом русского учебника для начальной школы. В 1950-е гг. университет испытывал трудности в связи с отсутствием учебников корейского языка. Учитывая это обстоятельство, можно предположить, что переизданная корейская версия книги 1952 г., вероятно была переиздана для использования в университетах.

Заключение

В данном исследовании автором классифицированы учебники по историческим периодам (на основе анализа исторических событий на момент написания и издания), по целевой аудитории (учащемуся и его целям) и по содержанию. Диахроническим способом определена их историческая значимость, путём анализа содержания — лингвистическая. Основная идея — в адаптации учебников к современным реалиям с сохранением исторической и лингвистической уникальности, дополнение и использование для обучения в России в будущем. За

этим исследованием должно последовать изучение типов корейских учебников на фоне особенностей нашего времени (после установления дипломатических отношений между Кореей и Россией). Также одной из целей статьи является намерение вызвать интерес у корееведов в обнаружении материалов для корееведения и корейского образования, которые ещё не известны из-за дипломатического отрыва России, где, однако, корееведение имеет глубокие корни. Кроме того, данное исследование имеет значение как первая попытка диахронического анализа русскоязычных учебников корейского языка, начиная с конца XIX века, путём обнаружения литературы старорусскоязычных учебников корейского языка, чего раньше не делалось.

Библиографический список

Го Кён-Мин (2014) Хангуго гёджэы юхёнпёл бунрюэ дэхан гочхал: тхонг хап гёджэы мёнг чинг гоа ымирыл чжун-син-ы-ро [Исследование классификации учебников корейского языка по типу: основное внимание на названиях и значениях интегрированных учебников]. *Ури-маль хёнчанг йон гу* [Полевое исследование обучения корейскому языку, 8(2), с. 275—298. (На корей.).

Ким Нам Сек, Хо Гай (1966) *Учебник Корейского языка*, Ташкент: Издательство Учитель.

Ким Пён Ок (1899) *Пособие к изучению корейского языка*, Санкт-Петербург, 52 с.

Ким Пён Ок (1898) *Корейские тексты*, Санкт-Петербург, 62 с.

Ким Пён-ха, Хан Дык-бонг, Хан Сун-чхон (1949) *Родная речь для 2 класса*, Москва, 200 с.

Ким Пён-ха, Хан Дык-бонг, Хан Сун-чхон (1949) *Родная речь для 3 класса*, Москва, 200 с.

Ким Пён ха, Хан Дык бонг, Хан Сун чхон (1949) *Родная речь для 4 класса*, Москва, 200 с.

Ким Хэ Ран (2022) Росиягон хангуго гёджэы тхонгсичок энгу:19 сеги маль эсо 1900 ен иджон хан-ро гё джэ рыл чуон сим ыро «Диахроническое исследование учебников корейского языка в России: на примере корейско-русских учебников с конца XIX века до 1900 года», Гён Хи Сувер университет, Высшая школа культуры и творчества. 160 с. (На корей.).

Кузьмин Н.Д. (1900) *Элементарное пособие к изучению корейского языка*, Хабаровск, 200 с.

Келли Л.Ж. (1969) *Столетия преподавания языков*, Роули, Массачусетс: дом Ньюбери. (на ан.).

Ли Ин, Ким Ин Сеп (1932) *Детский Колхозник для 2 класса, 1 часть*, Хабаровск: Учебное издательство, 160 с. (На корей.).

Ли Чжи-ён (2003) Гын дэ хан гуго гёдже-ы данвон гусонг пенчхон [Изменения в составе учебных пособий современных и современных учебников корей-

ского языка] // куго гёюк энгу [Исследования по обучению корейскому языку] № 11р. С. 369—410. (На корей.).

Ли Чжи-ён (2004) Гын хён дэ хагуго гёджэ са чок гочаль [Исторический анализ современных и современных учебников корейского языка]//, гуго гёюкенгу13 [Исследование образования в области корейского языка 13], Научно-исследовательский институт образования в области корейского языка, Сеульский национальный университет, pp. 369—410. (На корей.).

Пуцилло М.П. (1874) *Опыт Русско-корейский словарь*, Санкт-Петербург.

Пьянков В. (1874), *Корейская Азбука*, Санкт-Петербург, 6 с.

Пэк Бонг-джа (2001) Гёджэ уоа гё супопыл тхон хэ вон хан гуго гёюк-ы ёкса уоа гоа дже [История и проблемы обучения корейскому языку с помощью учебников и методов обучения] // ое гуго ро со ы хангуго гёюк [Обучение корейскому языку как иностранному], vol. 2526, pp. 11—31. (На корей.).

Хан Дык-бонг (1946) Сорёнэсоы хангуго гёюк [Обучение корейскому языку в Советском Союзе] // 3-я Международная конференция, двуязычный журнал 8, 1991, pp. 609—613. (На корей.).

Хван Дон-Мин (1946) *Учебные материалы по Корейскому языку 1*, Москва, 100 с.

Хван Дон-Мин (1947) *Учебные материалы по Корейскому языку 2*, Москва, 100 с.

Чо Ханг-нок (2002) *Хангуго гёджэ, суонджарё* [учебные материалы для урока корейского язык], 150 с. (На корей.).

Холодович А.А. (1937) *Грамматика корейского языка часть I Морфология*, Москва. 160 с.

Холодович А.А. (1954) *Очерк грамматики корейского языка*, Москва. 280 с.

References

Baek Bong-Ja (2001), 「The History and Tasks of Korean Education through Textbooks and Teaching Methods」, *Korean Education as a Foreign Language*, vol.2526, pp. 11-31. [in Korean].

Han Deuk-bong (1991), «Korean Language Education in the Soviet Union,» *3rd International Conference, Journal of Bilingualism* 8, pp. 609—613. [in Korean].

Hwang Dongmin (1946), *Educational materials on the Korean language1*, Moscow [in Russian-Korean].

Hwang Dongmin (1947), *Educational materials on the Korean language2*, Moscow [in Russian-Korean].

Hlodovich A.A. (1937), *Grammar of the Korean language, part I Morphology*, Moscow. [in Russian].

Holodovich A.A. (1954), *Essay on the grammar of the Korean language*, Moscow [in Russian-Korean].

Jo hang-rok (2002), *Korean textbooks, teaching materials*. [in Korean].

Kelly L.G. (1969), *Centuries of Language Teaching*, Rowley, Mass: Newbury House. [in English].

Ko Kyung-Min (2014), «A Study on the Classification of Korean Textbooks by Type: Focusing on the Name and Meaning of Integrated Textbooks», *Korean Language Education Field Study*, 8(2), 275—298. [in Korean].

Kim Byung-ha et al. (1949), *Korean reading. Second grader*, Moscow: State-run School Book Publishing House. [in Korean].

Kim Byung-ha et al. (1949), *Korean reading. For third graders*, Moscow: State-run School Book Publishing House. [in Korean].

Kim Byung-ha et al. (1949), *Korean reading. For fourth graders*, Moscow: State-run School Book Publishing House. [in Korean].

Kim Hye-ran (2022), «A Diachronic Study of Korean Language Textbooks in Russian: Emphasis on Korean-Russian Textbooks from the Late 19th Century to 1990», Seoul: Kyung-hee University Press [in Korean].

Kim Namseok & Heo Gai (1966), *Korean Textbook*, Tashkent: Издательство Учитель. [in Korean].

Kim Pyong Ok (1899), *Textbook for the study of the Korean language*, St. Petersburg. [in Russian-Korean].

Kim Pyong Ok (1898), *Korean texts*, St. Petersburg [in Russian & Korean].

Kuzmin N.D. (1900), An elementary guide to the study of the Korean language, Habarovsk [in Russian].

Lee In et al. 2 (1932), *Young Kolhozsk*, (for the second graders of elementary school), the first single volume, Habarovsk: Wondong National Publishing House. [in Korean].

Lee Ji-Young (2003), «Changes in Unit Composition of Modern Korean Textbooks», *Korean Language Education Research* Vol. 11, pp. 369—410. [in Korean].

Lee Ji-Young (2004), «Historical Study on Modern and Contemporary Korean Textbooks», *Korean Language Education Research* 13, Seoul National University Korean Language Education Research Institute, pp. 369—410. [in Korean].

Pucillo M.P. (1874), *Experience Russian-Korean Dictionary*, St. Petersburg. [in Russian-Korean].

Pyankov V. (1874), *Korean Alphabet*, St. Petersburg. [in Russian-Korean].

Мартынова Дарья Олеговна

кандидат политических наук,
ведущий научный сотрудник
Центра евразийских исследований ИАМП
Дипломатическая академия МИД России

(Москва, Россия)

«Зелёный» энергопереход в республике Корея: проблемы и перспективы развития

***Аннотация.** Республика Корея стала одним из первых государств в мире, сделавших «зелёный энергопереход» частью национальной стратегии. Однако на способы и скорость достижения поставленных целей у либеральных и консервативных представителей власти страны, как и по большинству остальных вопросов внутренней политики, слишком разные взгляды, в результате чего спекуляции на тему «зелёного энергоперехода» стали в значительной степени использоваться в целях внутриполитической борьбы, что сказывается, в том числе, на стабильности южнокорейской экономики. Энергетическая политика администрации президента Мун Чжэ Ина (2017—2022 гг.) привела к тому, что Корейская энергетическая корпорация (KEPCO) в 2021 г. понесла исторические операционные убытки, однако и они уже не так впечатляют на фоне убытков за 2022 г., спровоцированных, в том числе, мировым энергетическим кризисом.*

Президент Юн Сок Ёль, придя к власти в 2022 г., поставил перед правительством очень непростые задачи: «возрождение» планов по развитию атомной энергетики одновременно с развитием возобновляемых источников, водородной энергетики и сокращением в перспективе зависимости производства энергии в Республике Корея от импорта ископаемых источников топлива. Однако выполнение каждой из этих задач имеет значительные препятствия в виде лимитированного производственного и ресурсного потенциала страны, а ухудшающаяся экономическая ситуация и растущее противостояние между демократами и консерваторами пока оставляют мало надежд на быстрый успех «зелёного» энергоперехода.

***Ключевые слова:** атомная энергетика, водородная энергетика, зелёная экономика, Республика Корея, энергетический кризис*

Martynova Daria

Ph. D. of Political Sciences,
Leading Researcher of the
Center for Eurasian Studies of the ICIS,
Diplomatic Academy of the MFA of Russia

«Green» energy transition in the republic of Korea: problems and prospects of development

***Abstract.** The Republic of Korea was one of the first countries in the world to make the «green» energy transition a part of its national strategy. However, liberal and conservative representatives of the state authorities have too different opinions on the ways and speed of achieving these goals, like in many other aspects of domestic policy. As a result, a lot of speculations on the «green» energy transition are largely used for internal political struggle, which affects, among other things, the stability of the South Korean economy. The energy policy of the administration of President Moon Jae-in (2017—2022) led to the fact that the Korean Electric Power Corporation (KEPCO) suffered historic operating losses in 2021; however, they are not so impressive against the losses of 2022, which were, among other things, caused by the global energy crisis.*

President Yoon Suk-yeol, who came to power in 2022, has set up very difficult tasks for the government: the «revival» of the nuclear energy development plans simultaneously with the development of renewable sources, hydrogen energy and, in the future, reduction of the dependence of energy production in the Republic of Korea on imports of fossil fuels. However, the fulfillment of each of these tasks has significant obstacles starting from the limited production and resource potential of the country, along with the deteriorating economic situation and the growing confrontation between the democratic and conservative representatives in the government, which still leaves little hope for the rapid success of the «green» energy transition.

Keywords: nuclear energy, hydrogen energy, green economy, Republic of Korea, energy crisis

---

«Зелёный»²⁴⁸ энергопереход уже не один год является высоко актуальным как в развитых, так и в развивающихся странах. Несмотря

---

²⁴⁸ В связи с частыми упоминаниями и вхождением терминов «зелёная экономика» и «зелёный энергопереход» в общественно-политический дискурс в дальнейшем в статье слово «зелёный» будет употребляться без кавычек, за исключением случаев, где это необходимо по смыслу.

на очевидный кризис устройства системы международных отношений, который в 2022 г. перешёл в острую фазу, тема развития зелёной энергетики остаётся одной из наиболее обсуждаемых и актуальных как внутри различных государств, так и на международном уровне, и является одной из тем, вызывающих наиболее ожесточённые споры экологов, экономистов, политологов и представителей множества других специальностей. Радикальные экологи утверждают, что без экстренного перехода на зелёные источники энергии количество ужасающих катаклизмов будет нарастать год от года, радикальные скептики — что под маской зелёного энергоперехода скрывается новый финансово-экономический передел мира. Представляется, что правда находится примерно посередине: зелёная повестка, безусловно, имеет серьёзную финансово-экономическую подоплёку, и очень во многом она будет означать и кардинальный передел мировой экономической системы. Однако сложно спорить и с тем, что использование углеводородов в качестве основной базы для производства энергии не будет бесконечным хотя бы потому, что потребление электроэнергии в мире возрастает, а количество ископаемых источников — уменьшается, и с этой точки зрения поиск альтернативных источников по выработке энергии необходим. Очевидно, что зелёный энергопереход находится в самом начале своего развития и пока оставляет нам значительно больше вопросов, чем ответов, и нет гарантий, что, даже избавившись от количества парниковых выбросов посредством перехода на зелёные источники, человечество не создаст себе нового «дракона», противостоять которому придётся иными, пока неясно какими способами. Однако факт в любом случае остаётся фактом: поиск энергетических альтернатив стал международным трендом, и разработки в этой области необходимы как минимум потому, что риск остаться в противном случае «на задворках» новой формирующейся экономической системы со всеми вытекающими последствиями будет вполне реальным. Это актуально как для стран, импортирующих энергетические ресурсы, так и для стран, их экспортирующих, и в этом контексте уже не так важно, действительно ли принимаемые меры сдержат изменение климата или нет — процесс изменений в мировой экономике уже начался. Он вовсе не обязательно приведёт к позитивным результатам — многие опасения скептиков вполне оправданы, однако игнорирование такого глобального процесса к позитивным результатам не приведёт почти гарантированно.

В контексте зелёной политики различных государств интерес представляет Республика Корея (РК): её короткий опыт попытки перестройки экономики на «зелёный» лад уже позволяет сделать определённые выводы о планировании и реализации планов по зелёному энергопереходу. РК в контексте энергетической безопасности относится к странам с наиболее уязвимым положением: она не обладает ни ископаемыми ресурсами, ни географическими возможностями для хотя бы частичного самообеспечения своего энергопотребления, которое растёт с каждым годом. Две основные политические силы РК бесконечно и ожесточённо спорят на тему того, считать ли атомную энергию зелёной и какую опасность она может представлять, однако и она не будет являться выходом для РК: обслуживание действующих АЭС и строительство новых всё равно связано с импортом необходимых элементов из-за рубежа, а горный рельеф и высокая плотность населения (а также сейсмическая активность, периодически приводящая к землетрясениям выше 5 баллов по шкале Рихтера) ставят серьёзные ограничения при строительстве хранилищ радиоактивных отходов. Зелёный энергопереход вряд ли кардинально переломит эту ситуацию: использование возобновляемых источников энергии в РК также ограничено её географическими особенностями, и по этой же причине производить «зелёный» водород в необходимых для работы промышленности количествах в РК не представляется возможным²⁴⁹. Таким образом, даже после перехода на безуглеродную энергетику РК всё так же будет зависеть от импорта источников извне. Несмотря на это, РК поставила на государственный уровень проблему зелёного энергоперехода одной из первых в мире — в 2008 г. президент Ли Мён Бак (2008—2013 гг.) принял Стратегию зелёного роста, которая стала своего рода ответом на случившийся в тот год мировой финансовый кризис. В похожих условиях, спустя 12 лет, президент Мун Чжэ Ин (2017—2022 гг.) принимает два новых документа — «Новый зелёный курс» (Green New Deal) и «Новый цифровой курс» (Digital New Deal), надеясь одновременно следовать общемировому тренду и отреагировать таким образом на экономические последствия пандемии COVID-19. Стратегия Ли Мён Бака имела определённые конкретные

---

²⁴⁹ 2050년 수소 80% 수입한다는데...갈 길 먼 '수소경제' (80% of hydrogen will be imported by 2050... «Hydrogen economy» has a long way to go) // 연합뉴스.2021년 09월 11일. <https://www.yna.co.kr/view/AKR20210910133400002> (In Korean).

успехи — тема зелёной энергетики стала активно исследоваться учёными, экспертами, появилось немало научных разработок в этой области, включая концепции интеллектуальных энергетических сетей, а корейский бизнес стал активно следовать тренду «озеленения». Некоторые из разработанных технологических ноу-хау стали предметом экспорта южнокорейских компаний, а в 2010 г. в Сеуле был основан Глобальный институт зелёного роста, международная организация по вопросам устойчивого развития, которая по состоянию на 2022 г. насчитывала 45 государств-членов. Возможно, это не так много в общемировых масштабах, однако это добавило Сеулу престижа в вопросах зелёной энергетики и способствовало росту его мягкой силы, в том числе и в Центральной Азии (в 2020 г. к организации присоединилась Киргизия, а в 2022 — Казахстан)²⁵⁰. И всё же назвать инициативу Ли Мён Бака успешной непросто: за прошедшие после её принятия годы выбросы парниковых газов в РК продолжали расти, и страна по-прежнему уверенно входит в антирейтинговую десятку как по общему количеству выбросов парниковых газов в мире, так и по количеству выбросов на душу населения, а в период с 2000 до 2017 г. количество выбросов парниковых газов, производимых на территории РК, показывало стабильный 2% ежегодный рост [Lee J.H., Woo J., p. 2]. Отметим, однако, одно важное достижение: она дала «толчок» развитию данного направления в РК на государственном уровне и заложила в обществе понимание того, что зелёный энергопереход — это не инициативы отдельных групп экологов или частных электрогенерирующих компаний, а тенденция, которая становится частью государственной политики. Кроме того, инновационные разработки в данной области в стране, экспорт высокотехнологичной продукции исчисляемый миллиардами долларов могут открыть для экономики немало новых перспектив.

В 2020 г. Республика Корея стала одной из стран региона и мира, наиболее успешно справившихся с пандемией COVID-19. Разумеется, это не означает, что пандемия не оказала значительного влияния на её экономику — снизились темпы роста ВВП, рынок труда потерял более 460 тысяч рабочих мест, снизились доли импорта и экспорта в ВВП [Суханов И.А. 2021, с. 175]. Некоторые из наиболее важных экспортных показателей, например, экспорт автомобилей, до сих пор не восстано-

---

²⁵⁰ The Global Green Growth Institute Membership and Status of Membership as of December 16, 2022. https://gggi.org/wp-content/uploads/2022/11/Membership-and-Status-of-Membership_20221216.pdf.

вился до уровня 2019 г., а мировой экономический кризис, спровоцированный геополитической обстановкой в 2022 г., создаёт угрозу его дальнейшего сокращения²⁵¹. Тем не менее, сложно отрицать, что в 2020 г. РК справилась с пандемией со значительно меньшими потерями, чем другие. Этому способствовал ряд факторов, социально-культурных (устоявшаяся культура ношения масок в период эпидемий гриппа), инновационных и т.д., а кроме того, быстро и правильно принятые правительством меры профилактики. На этой волне в апреле 2020 г. на выборах в парламент демократы, к которым относился и президент Мун Чжэ Ин, одержали историческую победу. Работа в тандеме президента и парламента позволила правительству оперативно и практически беспрепятственно принимать законы, а успех в борьбе с Covid-19 заметно повысил рейтинг президента в обществе. В таких условиях и с большими надеждами на будущее и были приняты стратегии «Нового зелёного курса» и «Нового цифрового курса». «Новый зелёный курс» РК во многом созвучен с аналогичными документами Евросоюза и США, принятыми в 2019 г. (и имеющими практически такие же названия). Все три документа ставят базовой целью борьбу с изменением климата и достижение устойчивого развития, обозначают определённые рамки, вокруг которых правительство должно сконцентрировать усилия и поощрять инвестиционные программы по переходу на зелёную экономику, при этом ни один из документов не выходит за рамки целей, обозначенных в Парижском соглашении [Lee J.H., Woo J. 2020, p. 11].

Корейский «Новый зелёный курс» очень амбициозен, учитывая то, что РК крайне ограничена и в территории, и в природных ресурсах, в отличие от США или ЕС. Основными целями, которые связаны с «озеленением» экономики, являются: зелёная реконструкция, т.е., строительство инфраструктуры, включая как жилые, так и общественные здания, которые будут функционировать от электричества, полученного из ВИЭ или водорода; зелёная энергетика, т.е. непосредственно само строительство электростанций с возобновляемыми и водородными источниками энергии; экологически чистый транспорт, т.е., массовая замена автомобилей и иных видов транспорта, включая корабли, с двигателями внутреннего сгорания на экологические

---

²⁵¹ «車수요 코로나 이전 수준 회복 어려워» (It will be difficult to restore the demand on cars to the level it was before the coronavirus) // 서울경제. 2023년 01월 18일. <https://www.sedaily.com/NewsView/29KIUSSLIC> (In Korean).

чистые; зелёные и «умные» школы, т.е., сочетание цифровых и зелёных технологий при строительстве новых школ и реконструкции старых; зелёные и «умные» индустриальные комплексы.

Масштабы целей неизбежно вызывают сомнения в их выполнимости, или хотя бы в существовании способов их реализации в относительно короткий срок (до 2050 г.), однако именно на такой важный вопрос документ не даёт ответа. «Новый зелёный курс», по сути, ставит серьёзные цели по созданию идеального безвредного для окружающей среды высокотехнологичного общества, но не описывает путь, которым можно этого достичь — в стратегии нет хотя бы каких-то практических планов по сокращению выбросов или идей по кооперации различных министерств и департаментов, что, безусловно, будет критически необходимым, учитывая, что речь идёт о полном перестроении экономики. Из документа непонятно, какую роль будет играть в формировании новой среды гражданское общество, как и за счёт чего будут сокращаться выработка энергии действующих на ископаемых ресурсах электростанции (энергетические планы РК значительно меняются с каждым разом), каким образом будет осуществляться координация различных ведомств для полной перестройки экономики и т.д. То есть, можно заключить, что документ во многом декларативен, а руководство по практическим шагам в нём отсутствует, а энергетические планы страны (которые могли бы содержать эти шаги в дополнение к стратегии) имеют тенденцию к радикальным изменениям после смены президентской администрации.

Однако прежде, чем перейти к тому, как восприняла новый курс администрация пришедшего к власти в мае 2022 г. президента Юн Сок Ёля, необходимо упомянуть ещё об атомной политике Мун Чжэ Ина, с последствиями которой сейчас приходится иметь дело Юну. После известных событий на Фукусиме в 2011 г. корейское общество стало ещё более уязвимым перед страхами потенциальной катастрофы на какой-либо из АЭС. Тем не менее, предшественники Муна — Ли Мён Бак, несмотря на продвижение «зелёных» идей предполагал, что атомные электростанции в будущем будут одними из основных поставщиком энергии в стране, а Пак Кын Хе, к тому же, планировала увеличение количества работающих энергоблоков с 23 (на момент её прихода к власти) до 39 к 2035 г.²⁵²

---

²⁵² 박근혜 정부는 원전 증설 공식화 (The Park Geun-hye's government officially formulates the expansion of nuclear power stations) // 한겨레신문. 2014년 01월 15일. https://www.hani.co.kr/arti/economy/economy_general/619781.html (In Korean).

Мун Чжэ Ин, однако, придя к власти, сразу начал сворачивать эту инициативу и практически стал «борцом» с ядерной энергетикой. Сворачивание планов по развитию АЭС произошло резко и непродуманно — вероятно, отчасти это можно объяснить как способом повышений рейтинга в глазах населения, хорошо помнящего ещё недавние события в Японии, отчасти — тем, что, хотя с 2000-х гг. карьера Муна всегда так или иначе была связана с политикой, административно-управленческого опыта в ней не хватало. Так или иначе, складывается ощущение, что у правительства в тот момент не хватало базового понимания того, как работает энергетическая сфера и насколько взаимосвязаны её сектора. Планы по сокращению АЭС резко критиковались как представителями бизнес-сообщества, так и экспертами, и базовая критика сводилась к большим сомнениям относительно целесообразности быстрого выведения АЭС из эксплуатации, особенно учитывая то, что в ближайшие годы в качестве альтернативы рассматривалось увеличение доли тепловых электростанций, работающих на угле (основной источник микропыли) и СПГ²⁵³. Действительно, за время президентства Муна доля энергии, производимой на АЭС, постепенно снижалась, в то время как выработка энергии за счёт сжигания СПГ и угля увеличивалась, хотя доказать здесь причинно-следственную связи с атомной политикой Муна технически сложно²⁵⁴ (как и опровергнуть её). Кроме того, именно в президентство Муна проблема микропыли для Сеула и других южнокорейских городов встала заметно острее, чем раньше, и доводы правительства в том, что пыль приносит ветром со стороны Китая, также выглядели мало правдоподобными.

В итоге, за 5 лет президентства Муна в РК была остановлена работа 2 работающих энергоблоков (Кори-1 и Вольсон-1 из которых только Кори-1 был приостановлен в связи с окончанием срока службы) и приостановлено финансирование ещё 6 строящихся (Синхануль 3 и 4) или запланированных к постройке (Чхончжи 1 и 2 и Тэчжин 1 и 2), в результате чего компании-инвесторы понесли значительные убытки.

---

²⁵³ «문 정부 탈원전 한다면 화력발전 늘렀다»는 나경원...사실일까? (Na Kyung-won: «Moon Jae-in's government phases out nuclear power plants, and the thermoelectric power plants are growing»... It is true?) // 한국방송공사. 2019년01월17일. <https://news.kbs.co.kr/news/view.do?ncd=4118087> (In Korean).

²⁵⁴ Ibid.

От планов по строительству новых АЭС правительство Муна также отказалось, хотя, после долгих сомнений, всё же был введён в строй реактор Сингори-4 и продолжено строительство реакторов Сингори-5 и Сингори-6 (срок их введения в эксплуатацию затем был отложен на два года по техническим причинам). Дальнейшие планы по сокращению АЭС предусматривали 18 работающих энергоблоков в 2031 г. и 14 в 2038, что, как видно, полностью противоречило курсу предыдущей администрации. В связи с пересмотром энергетических планов в корейских ВУЗах было заметно сокращено количество мест для обучения по специальностям, связанным с атомной энергетикой, а часть выпускников южнокорейских ВУЗов, не найдя работу по специальности, уехала за рубеж, в частности, в Китай и на Ближний Восток.

Запланировав хотя и поэтапное, но всё же радикальное сокращение АЭС, Мун делал большую ставку и на быстрый рост доли энергии, получаемой из ВИЭ. Однако, по указанным выше причинам, строительство большого количества станций, работающих на ВИЭ, в РК невозможно с силу объективных причин, к тому же, даже самые современные солнечные и ветровые источники не сравнятся по количеству вырабатываемой энергии с АЭС.

Все сомнения в оправданности энергетической политики Муна многократно были выражены Юн Сок Ёлем ещё во время президентской гонки — он не раз выражал скепсис к столь уверенной ставке на ВИЭ и говорил о планах по возвращению к расширению атомного сектора энергетики, по сути — к возвращению программы по развитию АЭС президента Пак Кын Хе, которая предшествовала преобразованиям Муна. Сворачивание атомных проектов, как и предполагали эксперты, обошлось инвесторам и корейской энергетике в потери в миллионы долларов, однако резкое увеличение цен на СПГ (спрос на который заметно увеличился при администрации Муна) и уголь вылилось в значительно более тяжёлые для энергетики последствия.

В 2021 г. во многом в результате энергетической политики администрации Муна стало то, что Корейская энергетическая корпорация (КЕРСО) понесла операционные убытки в 5,86 триллионов вон (около 4,5 млрд долл.), что стало рекордным показателем. Резкое повышение цен на импортируемые энергоресурсы на мировом рынке в 2022 г. привело к тому, что операционные убытки КЕРСО только за первую половину 2022 г. превысили вдвое общие показатели предыдущего

года (6,06 млрд долл. за первый квартал и 4,11 за второй)²⁵⁵, а по общим итогам первого, второго и третьего кварталов он составил 27,3 трлн вон (22 млрд долл.). По наиболее мрачным прогнозам экономистов общие убытки компании за 2022 г. могут достичь 40 триллионов вон (27 млрд долл.)²⁵⁶, и хотя, вероятнее всего, в реальности он будет чуть меньше, примерная сумма убытков беспрецедентна. На фоне таких финансовых потерь в энергетическом секторе планы «Нового зелёного курса» выглядят практически утопическими, хотя от развития зелёного сектора Юн Сок Ёль вовсе не отказывался, несмотря на инкриминируемые оппозицией обвинения в этом. Но, вероятнее всего, его подход к этому вопросу будет гораздо более прагматичным.

Ещё до вступления в должность Юн начал составлять планы по изменениям в энергетической политике. В апреле 2022 г. Комитетом по передачи власти РК было сформулировано 110 ключевых задач новой администрации, в число которых входило возобновление строительства энергоблоков Синхануль 3 и 4, классифицирование атомной энергетики как зелёной (что и это было сделано 20 сентября), продление срока действий лицензий по эксплуатации на тех АЭС, где она истекает, но формально при этом базовая цель — стремление к строительству зелёной экономики — сохраняется. Можно констатировать определённый возврат к тому, с чего и начинали при Пак Кын Хе, правда, с наличием рекордных убытков в сфере энергетики. На Давосском форуме в январе 2023 г. Юн заявил²⁵⁷ о дальнейшем развитии сети атомных электростанций в стране и за рубежом и планах по созданию системы сотрудничества с государствами Европы и Ближнего Востока по вопросам эксплуатации АЭС (Мун Чжэ Ин несколькими годами ранее сотрудничество по этим вопросам значительно сократил), хотя большого

---

²⁵⁵ 탈원전 5년 후폭풍... 한전 1분기 손실 작년 한해치 넘었다 (Five years after nuclear phase-out storm ... The operating loss of KEPCO in the first quarter exceeded the losses of the whole last year) // 조선비즈. 2022년05월13일. <https://biz.chosun.com/industry/company/2022/05/13/AQO4K-KTXYRCBXEZVF6Y7IK4XPY/> (In Korean).

²⁵⁶ 한전, 3분기 영업손실 7조5309억원... '年 30조 적자' 현실화 (The operating loss of KEPCO in the 3 quarter is 7,5309 trillion won... The year loss of 30 trillion won is reality) // 조선비즈. 2022년 11월11일. <https://biz.chosun.com/industry/company/2022/11/11/NN5RLY7QCVFIHEGH3SEN-4GQHWI/> (In Korean).

²⁵⁷尹 «에너지 안보 핵심은 원전과 청정수소...유럽·중동국가와 협력 (Yoon Suk Yeol: «The core of energetic safety is nuclear and clean hydrogen energy power... The cooperation with Europe and Middle East») // 조선일보. 2023년01월19일. <https://www.chosun.com/politics/diplomacy-defense/2023/01/19/WSSLMLJLIFAZ3DVGAGJV5IWWSY/> (In Korean).

энтузиазма у аудитории предложение Юна не вызвало, а в РК спровоцировало очередную волну критики со стороны демократов.

Какими-то «локальными» успехами РК может похвастаться даже в таких условиях. Так, в конце 2021 г. в г. Инчхоне заработала самая большая в мире водородная станция, способная питать электричеством до 250 тысяч домохозяйств²⁵⁸, а к 2024 г. планируется ввод в эксплуатацию более мощной электростанции в г. Сечжон, реализуются планы по строительству и других. Однако, не стоит забывать, что в подавляющем большинстве эти станции, во-первых, работают на «сером» водороде²⁵⁹ и назвать «зелёными» при таких условиях никак невозможно, во-вторых — на фоне общего энергопотребления страны количество производимой этими электростанциями энергии пока является каплей в море.

С другой стороны, если не брать во внимание излишнюю амбициозность «Нового зелёного курса», то стоит констатировать, что РК медленно движется в этом направлении: с каждым годом растёт количество разработок в области способов хранения и транспортировки водорода и аммиака, развивается международное сотрудничество в области солнечной энергетики и т.д. В июле 2022 г. 21 корейская компания подписала инициативу RE100 от International Climate Group, подтвердив намерения как можно скорее достигнуть углеродной нейтральности, и если подобные заявления можно рассматривать в качестве стремлений повысить себе имидж, то инновационные разработки в вопросе зелёной энергетики имеют результаты практичные и многообещающие.

В начале 2023 г. правительством Юна был утвержден новый энергетический план до 2036 г., который предсказуемо вернулся к значительно более высоким запланированным показателям по атомной энергетике (32,4% вместо 25% по предыдущему энергетическому плану)²⁶⁰, то есть, цели вернулись примерно к тем показателям, ко-

---

²⁵⁸ ‘세계 최대’ 79MW 규모 신인천 수소 연료전지 발전소 준공 («The largest in the world» 79 MW Shinincheon hydrogen fuel cell power station is completed) // 연합뉴스. 2021년10월26일. <https://www.yna.co.kr/view/AKR20211026040900003> (In Korean).

²⁵⁹ 인천 송도 내 수소 연료전지발전소 건립 놓고 지역주민 간 갈등 (The new hydrogen power cell plant in Incheon Songdo is being build, the conflict with local inhabitants) // 헤럴드경제. 2022년.03월29일. <http://news.heraldcorp.com/view.php?ud=20220329000100> (In Korean).

²⁶⁰ 제10차 전력수급기본계획주요 내용 (Contents of 10th Basic Plan for Electric Power Supply)//2023년 1월12일. P. 7. <https://www.korea.kr/common/download.do?fileId=197154656&tblKey=GMMN> (In Korean)

торые были поставлены и при Пак Кын Хе. Таким образом, «борьба» Мун Чжэ Ина с атомной энергией привела к многомиллионным, или даже миллиардным потерям — точный «процент» вины администрации Мун посчитать сложно ввиду сильного влияния мирового энергетического кризиса на Корею, однако он, безусловно, сказался на общей ситуации с энергетикой.

«Атомный разворот» Юн Сок Ёля, в свою очередь, ещё больше усилил раскол между демократами и консерваторами, как внутри правительства, так и на уровне общественных настроений. Наиболее мрачные прогнозы по энергетической ситуации в РК ещё летом 2022 г. не исключали даже блэкаута, но с 2022 г. экономика страны в целом справилась, хотя цены на электричество в начале 2023 г. выросли в среднем на 10% для бытовых потребителей, что, вкуче с ухудшающейся экономической ситуацией и растущей инфляцией предсказуемо усилило недовольство правительством. Примечательно то, что в новом энергетическом плане заложено, по сравнению с 2020 г.²⁶¹ значительное сокращение угольных электростанций (19,7 вместо 29,9%), доля СПГ осталась примерно такой же (22,9 вместо 23,3%), а доля ВИЭ (включая водородные станции) даже была увеличена (в общей сложности 23,7% вместо 20,8% в плане 2020 г.). Однако, несмотря на это, оппозиция фактически заклеила Юна как «борца» с чистой энергетикой и активно использует это для обвинений, чтобы заработать себе «очки». Для корейской экономики спекуляции энергетической повесткой опасны тем, что в случае прихода к власти кого-то из оппозиции есть вероятность нового «возврата» к курсу Мун Чжэ Ина, а во второй раз корейская экономика может его не выдержать.

В современных аналитических статьях нередко можно встретить мнение, что современный мировой энергетический кризис, вызванный геополитической нестабильностью, является «толчком» к зелёному энергопереходу, и, даже если сейчас ряд стран сделал определённый «откат» назад к увеличению доли угольной или атомной энергетики, это является временной мерой. Пожалуй, в текущей ситуации прогнозы делать сложно, учитывая, что многие планы по зелёному энергопереходу неясны, а, возможно, со временем будут вы-

---

²⁶¹ 제9차 전력수급기본계획(2020-2034) 확정·공고(Contents of 9th Basic Plan (2020—2034) for Electric Power Supply) // 2020년12월28일. <https://www.korea.kr/common/download.do?fileId=197018059&tblKey=GMN> (In Korean).

являться и какие-то новые энергетические и экологические угрозы. Тем не менее, быстрыми или медленными темпами, но изменение энергетической структуры мировой экономики, по-видимому, стало неизбежным.

Опыт РК, безусловно, очень специфичен: тут сказываются и политические мотивы, географические особенности и стремление найти лёгкое решение серьёзным экономическим проблемам. В какой-то мере ограничение нахождения президента у власти одним пятилетним сроком снимает с главы государства ответственность за долгосрочные последствия ошибок: иметь с ними дело придётся уже следующему президенту. Кроме того, каким бы образом не была изменена структура южнокорейской энергетики, она всегда будет крайне уязвима для любых мировых энергетических потрясений ввиду отсутствия возможности обеспечивать свои энергетические потребности самостоятельно. Энергетический кризис 2022 г., конечно, отразился бы на РК и без политики Мун Чжэ Ина в области атомной энергетики, но, скорее всего, имел бы не столь серьёзные последствия. И тем не менее, главный вывод, который напрашивается из исследуемой ситуации: переход с одного вида производства энергии на другой должен быть максимально плавным и продуманным до мелочей, и игры на общественных страхах ради политических «очков» здесь могут сыграть негативную роль.

Библиографический список

Суханов И.А. (2021) Влияние COVID-19 на экономику и внешнеэкономические связи Республики Корея. *Власть и управление на Востоке России*. № 4 (97). С. 173—179.

References

Lee J.H., Woo J. (2020) Green New Deal Policy of South Korea: Policy Innovation for a Sustainability Transition. *Sustainability*. 12, pp. 1—17.

Sukhanov, I.A. (2021) Vliyanie COVID-19 na ekonomiku i vneshneekonomicheskie svyazi Respubliki Koreya [The impact of COVID-19 on the Economy and International Economic Relations of the Republic of Korea]. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii*. № 4 (97), pp. 173—179. (In Russian).

Самсонов Денис Анатольевич

к.и.н., независимый исследователь,
das.korea@yandex.ru

Кощев Михаил Олегович

МИД России,
fresh19991@yandex.ru

СССР—КНДР: из истории формирования территории советской дипмиссии в Пхеньяне

***Аннотация.** На сегодняшний день Посольство России в КНДР располагается в самом центре Пхеньяна, «внутри крепостной стены», между главными историческими ориентирами северокорейской столицы — воротами Потхонмун и Тэдонмун. Однако так было не всегда. Эту территорию Посольство занимает с середины 1950-х гг. Вопрос о точном местоположении здания первого Посольства СССР в Пхеньяне до сих пор является открытым. В отечественном корееведении пока не введены в научный оборот официальные документы о том, где трудились и жили советские дипломаты в первое время после установления дипломатических отношений 12 октября 1948 г. Данная статья является попыткой систематизировать часть опубликованных в открытых источниках материалов по истории формирования территории первого советского Посольства, а также рассказать о перемещениях советской дипмиссии в трудный период Корейской войны (1950—1953 гг.). В статье также идёт речь об истории той местности, на которой находится Посольство сейчас.*

Первый Посол СССР Т.Ф. Штыков с большей частью штата Посольства прибывает в Пхеньян 11 января 1949 года. Уже 14 января он вручает верительные грамоты Председателю Президиума Верховного народного собрания КНДР Ким Ду Бону. К началу 1949 г. все необходимые этапы для установления полномасштабных дипломатических отношений были пройдены, и советская дипломатическая миссия начала свою систематическую работу.

Серьёзным испытанием для советских дипломатов стали события Корейской войны. В первый год войны сложная ситуация на фронте вынуждала дипломатов, сотрудников Посольства и членов их семей экстренно перемещаться с места на место по северным районам Корейского полуострова, жить и работать в крайне стеснённых бытовых условиях.

Новый советский посольский городок был спроектирован в 1954 г., сразу после окончания Корейской войны. Его строительство было закончено в 1957 г. Известно, что на этой территории с конца XIX века существовала основанная американским миссионером Уильямом Бэйрдом (William Baird) частная школа для местной молодёжи под названием «Сунсилъ» (숭실학당 (崇實學堂)) («Почитание Бога через истину»). К середине 30-х гг. XX в. это учебное заведение стало одним из самых крупных и влиятельных в своём роде.

Ключевые слова: СССР, КНДР, международные отношения, дипломатия, Корейская война, Ким Ир Сен, Штыков Терентий Фомич, Уильям Бэйрд, история корейского христианства

Samsonov Denis Anatolyevich

PhD in history, independent researcher
das.korea@yandex.ru

Koshcheev Mikhail Olegovich

The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
fresh19991@yandex.ru

USSR-DPRK: historical notes on the formation of the area of the soviet diplomatic mission in Pyongyang

Abstract. *Today, the Russian Embassy to DPRK is located in the very center of Pyongyang, «inside the fortress wall», between the main historical landmarks of the North Korean capital — the Potongmun and Taedongmun gates. However, this was not always the case. The Embassy has occupied this territory since the mid-1950s. The question of the exact location of the building of the first Soviet Embassy in Pyongyang is still open. The official documents on the working and living spaces of Soviet diplomats after the establishment of diplomatic relations on October 12, 1948 have not yet been introduced into the research discourse. This article is an attempt to systematize some of the materials published in open sources on the history of the first Soviet Embassy, as well as to tell about the movements of the Soviet diplomatic mission during the difficult period of the Korean War (1950—1953). The article also deals with the history of the area where the Embassy is located nowadays.*

First Ambassador of the USSR T.F. Shtykov arrived in Pyongyang on January 11, 1949. After a few days, on January 14, he presents his credentials to the Chairman of the Presidium of the Supreme People's Assembly of the

DPRK, Kim Du Bon. By the beginning of 1949, all the necessary formalities for the establishment of full-scale diplomatic relations had been completed, and the Soviet diplomatic mission began its systematic work.

The events of the Korean War became a serious check out for Soviet diplomats. In the first year of the war, the difficult situation at the front forced diplomats, Embassy employees and members of their families to move from place to place in the northern regions of the Korean Peninsula, to live and work in extremely cramped living conditions.

The new Soviet embassy compound was designed in 1954, immediately after the end of the Korean War. Its construction was completed in 1957. It is known that since the end of the 19-th century, a private school for local youth called «Soongsil» (숭실 학당 (崇實學堂)) («Honoring God through Truth») existed in this area. The school was founded by the American missionary William Baird. By the mid-1930s, this educational institution had become one of the largest and most influential of its kind.

Keywords: USSR, DPRK, international relations, diplomacy, Korean War, Kim Il Sung, Shtykov Terenty Fomich, William Baird, history of Korean Christianity

---

Установление дипломатических отношений СССР—КНДР

Датой установления дипломатических отношений между СССР и КНДР принято считать 12 октября 1948 г. В этот день Председатель Совета министров СССР И.В. Сталин в своём письме выразил готовность принять направленное 8 октября 1948 г. предложение Председателя Кабинета министров КНДР Ким Ир Сена установить дипломатические отношения и обменяться послами. Об этом 13 октября 1948 г. сообщила на передовой странице центральной партийной газета «Правда»²⁶².

Через несколько дней, 16 октября 1948 г., «Правда» опубликовала информацию о том, что «Президиум Верховного Совета СССР назначил тов. Штыкова Терентия Фомича Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в Корейской Народно-Демократической Республике»²⁶³.

---

²⁶² Правда. 13 октября 1948. № 287, с. 1.

²⁶³ Правда. 16 октября 1948. № 290, с. 4.

План реализации данных шагов обсуждался ранее на заседании ЦК ВКП(б) 7 октября 1948 г. Высшее партийное руководство также одобрило на нём ряд инициатив МИД СССР, направленных на помощь молодой Республике обрести международное признание. В частности, предложить корейскому правительству «обратиться к Генеральному секретарю ООН Трюгве Ли предоставить возможность делегации КНДР принять участие в обсуждении корейского вопроса на сессии ГА ООН», а также «опубликовать заявление министра иностранных дел КНДР о желании его правительства установить дипломатические и экономические отношения со всеми странами, которые хотят поддерживать нормальные отношения с КНДР» [Ванин Ю.В. 2016, с. 140—141].

На этом же заседании была утверждена и кандидатура советника-посланника Тункина Григория Ивановича. Кадровые решения обуславливались в первую очередь тем, что и Т.Ф. Штыков²⁶⁴, и Г.И. Тункин²⁶⁵ не понаслышке были знакомы с корейскими делами. Терентий Фомич участвовал в освобождении Кореи в качестве члена Военного совета 1-го Дальневосточного фронта в звании генерал-полковника, был одним из активных руководителей Управления советской гражданской администрации (1945—1948 гг.) (УСГА), а затем возглавлял советскую делегацию в ходе работы Совместной советско-американской комиссии по решению корейского вопроса (заседала с 20 марта 1946 г. по 18 октября 1947 г.). Г.И. Тункин несколько лет возглавлял Первый Дальневосточный отдел МИД СССР и также был одним из ведущих членов делегации в ходе работы Совместной комиссии [Петухов В.И. 1987, с. 83—84].

11 января 1949 г. Т.Ф. Штыков вместе с большей частью штата Посольства прибыл в Пхеньян. На пхеньянском аэродроме²⁶⁶ его встре-

---

²⁶⁴ Подробнее о жизненном пути Т.Ф. Штыкова (1907—1964) см.: [Штыков Н.В. 2012, с. 108—120].

²⁶⁵ Тункин Г.И. (1906—1993) — крупный деятель советской дипломатии и науки, известнейший учёный-международник, доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент АН СССР, заслуженный деятель науки РСФСР, почётный доктор Парижского (Pantheon-Sorbonne) и Будапештского университетов. Юридическое образование Григорий Иванович получил в Московском юридическом институте. С 1939 г. началась работа Г.И. Тункина в системе Наркомата (затем Министерства) иностранных дел СССР, которая продолжалась до 1965 г. Он был консулом СССР в Горгане (Иран), советником Посольства в Канаде, заместителем заведующего Вторым Европейским отделом, заведующим Первым Дальневосточным отделом, советником-посланником Посольства СССР в КНДР. С 1952 по 1965 г. Г.И. Тункин руководил Договорно-правовым отделом МИД СССР.

²⁶⁶ До начала Корейской войны Пхеньянский аэродром располагался на восточном берегу реки Тэдонган, на территории современных кварталов Онню-3-дон (옥류-3-동), Мунхын-1,2-дон (문흥-1,2-동) района Тэдон (대동구역).

чали Председатель Президиума Верховного Народного Собрания КНДР (ВНС) Ким Ду Бон, Председатель Кабинета министров Ким Ир Сен и другие официальные лица²⁶⁷. 14 января 1949 г. советский Посол вручил верительные грамоты Председателю Президиума ВНС и представил личный состав советского Посольства²⁶⁸.

Вскоре в Москву прибыл и северокорейский Посол Дю Ён Ха (Чу Нён Ха), который 2 февраля 1949 г. вручил свои верительные грамоты Председателю Президиума Верховного Совета СССР Н.М. Швернику²⁶⁹.

Итак, к началу 1949 г. все необходимые этапы для установления полномасштабных дипломатических отношений были пройдены, и советская дипломатическая миссия начинала свою систематическую работу. Формирование советского Посольства было закончено в основном в первой половине 1949 г. В состав сотрудников Посольства, помимо уже названных дипломатов, входили также советники А.М. Игнатьев и В.И. Пелишенко, первые секретари И.К. Морозов, Б.И. Кисляков и В.И. Петухов, вторые секретари Н.П. Савченко, Г.В. Шевченко, Н.Д. Предыбайло и Г.А. Солдатов [Петухов В.И. 1987, с. 147].

Посольство в первый год работы (1949—1950)

На сегодняшний день Посольство России в КНДР располагается в самом центре Пхеньяна по адресу: Центральный район (중구역), квартал Сомундон (서문동). Площадь посольского городка составляет более 7 га. Однако так было не всегда. Эту территорию Посольство занимает с середины 1950-х гг.

Насколько нам известно, в отечественном корееведении пока не введены в научный оборот официальные документы, сообщающие о точном расположении первой советской дипмиссии. Данная статья является попыткой систематизировать часть опубликованных в открытых источниках материалов по истории формирования территории советского Посольства. Уверены, что эта работа будет способствовать определению тех «белых пятен», которые предстоит в дальнейшем подкреплять архивными документами.

---

²⁶⁷ Правда. 12 января 1949. № 12, с. 4.

²⁶⁸ Правда. 16 января 1949. № 16, с. 3.

²⁶⁹ Правда. 3 февраля 1949. № 34, с. 1.

В контексте изучения данной темы весьма ценным источником является книга воспоминаний Валентина Ивановича Петухова «У истоков борьбы за единство и независимость Кореи» [Петухов В.И. 1987], который с момента начала своей трудовой деятельности в системе внешнеполитического ведомства Советского Союза курировал корейскую тематику. Окончив в 1945 г. трёхлетний курс обучения в Дипломатической академии на японском отделении, он был распределён во Второй Дальневосточный отдел, занимавшийся вопросами отношений с Японией. Ему было поручено вести корейское направление. Валентин Иванович первым начал выступать в советской прессе (в газете «Известия») по корейской тематике под псевдонимом «Смоленский». Зарекомендовав себя высокопрофессиональным и ответственным сотрудником, он был включён в состав советской делегации, участвовавшей в работе Совместной комиссии, а затем и в штат первого Посольства.

На фотографии, выложенной Посольством России в КНДР на своей странице в социальной сети Facebook, мы видим первого секретаря В.И. Петухова с женой и сыном в сопровождении ещё одного дипломата. Считается, что они стоят на фоне здания советской дипмиссии. На первом плане расположена скульптура девочки в цветке лотоса. Фотография датируется маем 1950 г.

Фото 1. *Первый секретарь Посольства В.И. Петухов (1-й слева), с женой, сыном и коллегой (май 1950 г.)*

В своей книге В.И. Петухов пишет о прибытии на службу в конце июня 1949 г.: «В Пхеньяне на вокзале нас встретили Г.И. Тункин, А.М. Игнатъев, И.К. Морозов и другие товарищи. С вокзала мы сразу же отправились на отведённую нашей семье квартиру. Дом, в котором предстояло нам жить почти полтора года, находился в правительственном городке недалеко от центра Пхеньяна. В верхней, парковой части этого городка располагался дом Ким Ир Сена, ниже — дом Штыкова и небольшие уютные коттеджи Тункина и Игнатъева (курсив наш. — Д.С., М.К.). Двухэтажное здание нашей резиденции выделялось зелёным нарядом: его стены от подвала до крыши густо обвивали плети дикого винограда» [Петухов В.И. 1987, с. 153]. Далее по тексту становится ясно, что место проживания было недалеко от здания, где находилось само Посольство.

В ряде источников, в том числе в электронной версии «Энциклопедического словаря корейской культуры», изданной Академией корееведения (한국학 중앙연구원, Academy of Korean Studies), говорится о том, что в первые годы после освобождения, как и большинство высших руководителей Северной Кореи, Ким Ир Сен вместе с семьёй и детьми проживал в отдельно стоящем особняке, принадлежавшем одному из высокопоставленных представителей японской элиты, в 100 метрах от здания, в котором располагалось Северокорейское оргбюро Корейской коммунистической партии (조선공산당 북조선분국 청사)²⁷⁰.

Оргбюро размещалось в помещении Выставочного зала провинции Южная Пхёнан (평안남도 상품진열소 (平安南道 商品陳列所)). Это здание было построено в годы японского колониального господства²⁷¹. Его официальное открытие состоялось в декабре 1923 г.²⁷² Оно предназначалось для проведения различного рода выставок, как художественных, так и промышленных²⁷³. В Корейскую войну

---

²⁷⁰ 당창건사적관. 한국민족문화대백과사전 (韓國民族文化大百科事典, *Encyclopedia of Korean Culture*). <http://encykorea.aks.ac.kr/Contents/SearchNavi?keyword=%EB%8B%B9%EC%B0%BD%EA%B1%B4%EC%82%AC%EC%A0%81%EA%B4%80&ridx=0&tot=17>.

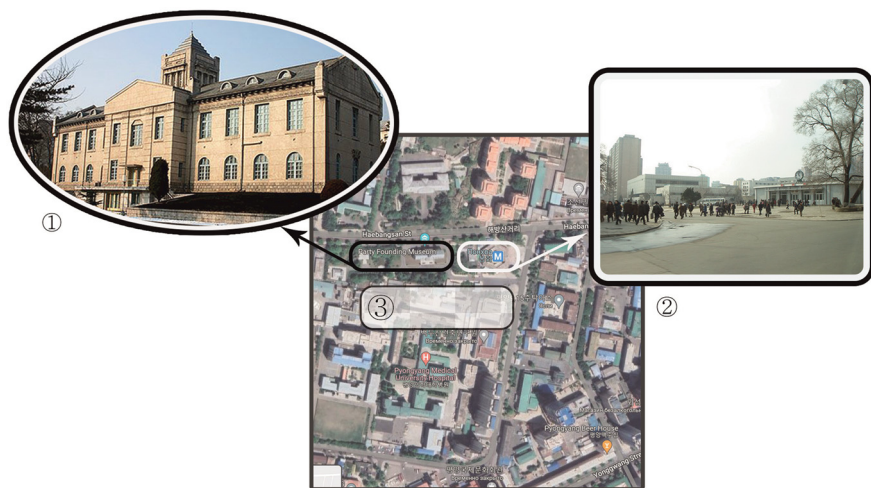
²⁷¹ Чосон ильбо (조선일보) 2 декабря 1923.

²⁷² Одновременно с ним был введён в строй расположенный неподалёку мост Тэдонгё (대동교), который связывал западный и восточный берега реки Тэдонган. Этот мост функционирует и по сей день.

²⁷³ В то время подобные пространства открывались в каждой провинции, так как в их задачи входило продемонстрировать достижения местных производителей. Внешний облик пхеньянского выставочного зала повторял очертания Здания парламента Японии в Токио.

(1950—1953) это здание подверглось серьёзным разрушениям. В 1970-х гг. оно было восстановлено с целью открытия в нём Музея истории Трудовой партии Кореи (당창건사적관), который функционирует и по сей день. Он находится в квартале Рёнхва-1-дон (련화-1-동) Центрального района (중구역) Пхеньяна. Его парадный фасад выходит на улицу Хэбансан (해방산거리).

На основе вышеизложенного можно выдвинуть гипотезу о том, что первое здание Посольства СССР в КНДР находилось южнее от того места, где сейчас располагается Музей и станция метро «Понхва».

Фото 2. 1 — Музей основания Партии (современный вид);
2 — станция метро «Понхва»; 3 — предполагаемое местоположение
Посольства СССР в КНДР (1948—1950 гг.)

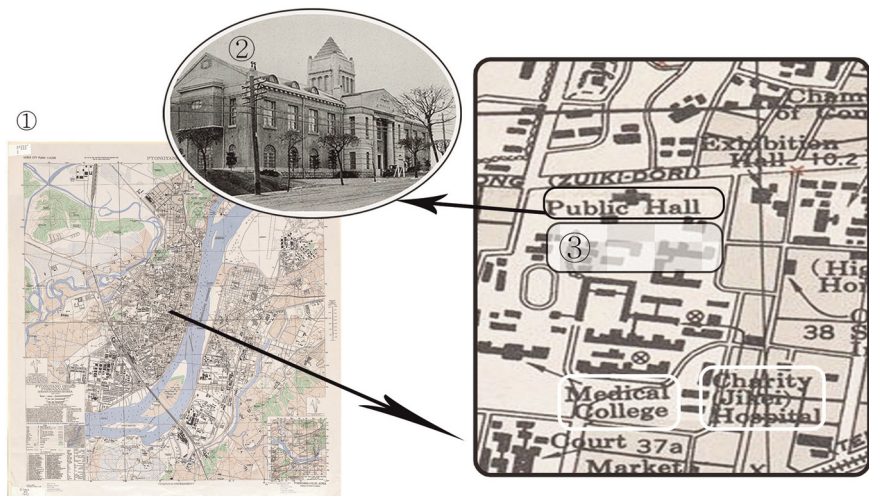
В фондах Библиотеки им. Перри-Кастанеды Техасского университета (г. Остин, США) в картографическом отделе хранится большая коллекция карт по Корее, созданных в 1940-х гг. Картографической службой армии США (US Army Map Service)²⁷⁴.

Есть в ней и подробная карта Пхеньяна. Она была подготовлена в 1945 г., выпущена в 1946 г. и представляет огромный интерес. При её составлении были использованы как данные японских картографи-

²⁷⁴ Korea City Plans. *The Perry — Castañeda Library Map Collection*. https://maps.lib.utexas.edu/maps/ams/korea_city_plans/.

ческих служб, в частности Japanese Imperial Land Survey (1922, 1932, 1937 гг.), так и результаты собственных аэросъёмки и разведанных американской армии (1944 г.). Её особая уникальность заключается также и в том, что она запечатлела существовавший в первые годы после освобождения городской ландшафт северокорейской столицы, ещё не испытавшей на себе разрушительную силу американских ковровых бомбардировок во время Корейской войны.

На этой карте здание Выставочного зала отмечено как Public hall. Напомним, в своих воспоминаниях В.И. Петухов говорит о «правительственной городке» и «парковой части». Согласно же американской карте, территория к югу Выставочного зала не отмечена наличием «зелёных насаждений» и частично граничит с кампусом Медицинского колледжа (Medical college)²⁷⁵ и Благотворительного госпиталя (Charity hospital).

Фото 3. 1 — Карта Пхеньяна (1946 г.) (масштаб 1:12 000);
2 — Музей основания Партии (1930-е гг.); 3 — предполагаемое
местоположение Посольства СССР в КНДР (1948—1950 гг.)

В этой связи обращает на себя внимание статья спецкора газеты «Тона Ильбо» из «освобождённого Пхеньяна» от 27 октября 1950 г. В своём репортаже, озаглавленном «Наилучшие впечатления от не-

²⁷⁵ Корпуса Пхеньянского медицинского института и сейчас расположены в этом месте.

отложной материальной помощи ООН» («물적원조 기 시급 유엔군의 인상은 만점») ²⁷⁶, журналист Ким Чжин Соп пишет о «развевающих на пхеньянских улицах флагах ООН и ярких тхэгыкки» ²⁷⁷ и о том, «как люди с исхудавшими, словно белая кость, лицами преисполнены чувством обретения свободы», отмечает «скорее доброжелательное отношение населения к военнослужащим армии республики и сил ООН». Так же он разоблачает преследование северокорейскими властями молодёжных активистов и членов других общественных организаций. Одним словом, озвучивает характерный для военного конфликта пропагандистский дискурс по дискредитации противника и восхвалению собственных действий.

Вместе с этим в контексте нашего исследования особый интерес представляет следующее предложение: «소위쑤련대사관이 라는 ²⁷⁸ 도청 (舊道廳) 청사도 생생한데 일반은 이를 도청 (盜廳) 이리고 불렀으며 그 실정은 하도시민으로부터 거더바치는 것이 많은 까닭이었다고 한다». Его перевод: «Живы также и воспоминания о здании администрации провинции [Южная Пхёнан] ([т.е.] старом административном [здании] провинции), так называемом Посольстве Советского Союза. Многие [стали] называть [это здание] «воровской конторой» ²⁷⁹, так как с граждан собирали много пожертвований».

Таким образом, на основании этой части текста возникает предположение, что размещение Посольства СССР могло быть связано с территорией бывшей администрации провинции Южная Пхёнан. На американской карте Пхеньяна, несколько севернее от указанного

---

²⁷⁶ Тона ильбо (동아일보) 27 октября 1950. «News Library». Электронный архив периодической печати компании NAVER. <https://newslibrary.naver.com/viewer/index.naver?articleId=1950102700209102007&editNo=1&printCount=1&publishDate=1950-10-27&officeId=00020&pageNo=2&printNo=8333&publishType=00010>.

²⁷⁷ Тхэгыкки (태극기) — название флага Республики Корея.

²⁷⁸ В расшифровке сканированной версии статьи на упомянутом сайте дословно написано «소위쑤력대사관이 라는», что рассматривается нами как опечатка и поэтому при переводе мы исходили из того варианта текста, который указан выше.

²⁷⁹ В корейском тексте присутствует «игра слов», основанная на омонимии иероглифов в корейском языке. В первом случае иероглифическое написание слова 道廳 (도청) [точхон] представлено в значении «администрация провинции», во втором случае при замене первого иероглифа с 道 (도) [мо] на 盜 (도) [мо] со значением «воровать, разбойничать» образуется несуществующее слово 盜廳 (도청) [точхон] с прежним звучанием и сатирическим оттенком, которое дословно можно передать как «воровоуправление провинции». В тексте статьи мы использовали близкое по смыслу, но более естественное для русского языка словосочетание «воровская контора».

ранее пространства (*чёрный прямоугольник*), мы находим здание с пометкой Provincial office (Администрация провинции) (*чёрный кружок*). Немного южнее от него комплекс жилых корпусов, обозначенных как Governor's residence (Резиденция губернатора) и Residences for Provincial Officials (Резиденции для сотрудников администрации провинции) (*чёрные овалы*), а севернее — здания с отметками City (Городская администрация) и Mayor's Residence (Резиденция мэра) (*прямоугольник пунктиром*). В непосредственной близости с ними выдвигается также небольшой зелёный массив.

Фото 4. Карта Пхеньяна (1946 г.) (фрагмент)

В связи с этим необходимо помнить, что на территории Северной Кореи в течение нескольких лет функционировало Управление советской гражданской администрации (1945—1948 гг.) (УСГА), которое фактически выполняло функции органов власти после упразднения

японского колониального правления. Кроме того, вся промышленная собственность, принадлежавшая до войны японцам, в качестве трофеев перешла в ведение УСГА [Курбанов. 2009, с. 271]. Вполне вероятно, что это относилось и к служебным пространствам. Точные данные о том, какие помещения занимала УСГА в Пхеньяне, нам также не встречались на страницах отечественной исследовательской литературы. Нельзя исключать, что в момент образования УСГА было решено использовать объекты и сооружения бывшей японской администрации, которые обладали соответствующей служебной инфраструктурой.

В качестве косвенного доказательства можно привести иллюстративные материалы, на которых запечатлено здание городской администрации, имеющее узнаваемые архитектурные контуры (полукруглый фасад, обращённый на площадь). Балкон этого здания использовался

Фото 5. 1 — карта Пхеньяна (1946 г.) (фрагмент);

2 — здание Пхеньянской городской администрации (15 августа 1946 г.);

3 — здание Пхеньянской городской администрации в ходе мероприятий по празднованию провозглашения Временного Народного Комитета Северной Кореи (февраль 1946 г.);

4 — здание Пхеньянской городской администрации во время проведения митинга с участием Президента Республики Корея Ли Сын Мана (октябрь 1950 г.)

как «трибуна» для обнародования важных решений²⁸⁰ северокорейских властей, которые в первые годы после освобождения работали в тесном контакте с УСГА и потому их служебные помещения могли располагаться компактно.

Указанные выше ориентиры и предположения говорят в пользу того, что и рабочая, и жилая зоны советской дипмиссии могли быть на пространстве «административного» городка, «унаследовав» это размещение «по инерции» от УСГА. Тем более, кстати, эта территория и по сей день является «закрытым кварталом», в котором находится Секретариат ЦК ТПК, а также другие служебные и жилые помещения партии и правительства КНДР.

Несмотря на все вышеизложенные гипотезы, вопрос о точном местоположении здания первого Посольства СССР в Пхеньяне до сих пор является открытым и требует более точного документального подтверждения.

Посольство в годы Корейской войны (1950—1953)

Практически сразу после начала Корейской войны территория КНДР стала подвергаться систематическим бомбардировкам американской авиации. В начале июля стали бомбить и Пхеньян. Безопасность дипломатов и их семей была под угрозой. Об этом неоднократно рассказывает В.И. Петухов в своих воспоминаниях [Петухов В.И. 1987, с. 167—168]. Руководство Посольства предпринимало серьёзные усилия, чтобы снизить риск для жизни и здоровья сотрудников дипмиссии и других представительств советских организаций²⁸¹.

К середине июля стало понятно, что американская авиация всерьёз взялась за бомбардировку северокорейских тылов. В связи с этим в конце июля—начале августа жён сотрудников и детей перевезли в район города Нампхо, в деревушку на побережье, где поначалу было вполне безопасно. Однако ближе к середине августа, американские

---

²⁸⁰ После взятия Пхеньяна в ходе Корейской войны, в октябре 1950 г., именно с этого балкона выступал президент Республики Корея Ли Сын Ман.

²⁸¹ Помимо Посольства на территории КНДР функционировали: Торгпредство, аппарат военного советника, представительства Всесоюзного общества культурных связей и Совинформбюро, агентство Морфлот, госпитали и другие учреждения, в которых работали в общей сложности несколько сотен советских граждан.

самолеты сумели проложить путь и до Нампхо. Поэтому стали прорабатываться вопросы об эвакуации на родину.

Ценный материал по ситуации в КНДР и Пхеньяне в этот период мы находим в документах венгерских дипломатов. Их содержание частично было опубликовано в статьях нынешнего Посла Венгрии в Республике Корея Чомы Мозеша (Mózes, Csoma), который специально занимался исследованием этой темы. Серия статей вышла в англоязычной электронной версии газеты Чунан ильбо в 2020 г.²⁸²

Первый венгерский Посланник²⁸³ Шандор Шимич²⁸⁴ (Simics, Sándor) прибыл в Пхеньян в апреле 1950 г. вместе со штатом Посольства и членами семей. Изначально их разместили в гостинице для иностранцев в «красиво обставленных комнатах». В течение апреля Ш. Шимич вручает свои верительные грамоты Председателю Президиума ВНС Ким Ду Бону и наносит протокольный визит Ким Ир Сёну.

В переписке Ш. Шимича с Будапештом мы находим любопытные детали повседневной жизни в Пхеньяне той поры и в первую очередь описание выпавших на их долю трудностей в связи с началом военных действий. Эти записки помогают лучше понять в какой непростой обстановке работали тогда и советские дипломаты.

Например, утром 3 июля был запланирован переезд в подготовленное для венгерской дипмиссии здание и Министерство иностранных дел КНДР «предоставило запряженные волами повозки». Однако из-за начавшегося в момент выезда из гостиницы авианалёта они смогли добраться до места только к концу дня. В последующие дни венгры оборудовали свои служебные помещения в подвале и раскопали заброшенное убежище, которое, вероятно, было построено прежним владельцем во времена японского правления. Так же, как и в советском Посольстве, было решено отправить членов семей из Пхеньяна.

---

²⁸² Первая статья: The first Hungarian envoy in North Korea. *Чунан ильбо* (중앙일보). March 22, 2020. <https://koreajoongangdaily.joins.com/2020/03/22/socialAffairs/The-first-Hungarian-envoy-in-North-Korea/3075210.html>.

²⁸³ Дипотношения на уровне послов между Венгрией и КНДР были установлены только в 1954 г., после Корейской войны.

²⁸⁴ Шимич Шандр Иштванович — (1901—1978) ещё в отрочестве примкнул к забастовочному движению и вступил в Венгерскую компартию. В 1924 г. закончил 2-ю военную школу лётчиков Красного Воздушного Флота (г. Борисоглебск), где обучался и играл в одной футбольной команде вместе с В. Чкаловым. В 1930-х гг. командовал авиаотрядом Дальстроя (г. Магадан). В 1945 г. возвращается в Венгрию. В 1940—1950-е гг. занимал дипломатические и командные посты в ВВС ВНР. Похоронен в г. Будапеште.

Женщин и детей поселили в небольшой деревне в 20 километрах от столицы, где они разместились в бывшей церкви. Спали на полу в не-меблированном здании, стирали одежду в ручье, а питьевую воду приносили за 3 километра. Продовольствие присылалось им ежедневно из венгерской миссии²⁸⁵.

Воздушные налёты на Пхеньян и окрестности становились всё чаще и интенсивнее. По воспоминаниям В.И. Петухова, находившиеся в Нампхо жёны всё чаще «стали проситься обратно в Пхеньян, поближе к мужьям, а мужья стали допекать Посла просьбами освободить их от излишней нервной нагрузки и отправить жён с детьми в Союз» [Петухов В.И. 1987, с. 170]. Эвакуация членов семей началась во второй половине августа. Однако инцидент 20 августа резко изменил её ход. 20 августа погиб советник Посольства Александр Матвеевич Игнатъев²⁸⁶.

Из воспоминаний В.И. Петухова: «Одной из первых отправилась на родину жена моего начальника — советника Посольства Игнатъева. <...> Прощаясь с шестилетним сыном, он поднял его на руки, прижал к груди и срывающимся голосом сказал: «Если отца убьют, отомсти за меня». Через несколько дней Александра Матвеевича не стало». Он был застигнут американским пиратом на пути из Пхеньяна в Сунан, когда взял на себя инициативу по защите людей (всего было две машины) и маскировке. Он успокаивал и одобрял товарищей, перебегая от одного к другому. Спасая товарищей, А.М. Игнатъев не смог уберечься сам [Петухов В.И. 1987, с. 171].

После инчхонского десанта 15—16 сентября и взятия 26 сентября Сеула силами союзников во главе с США перед Посольством СССР и дипкорпусом²⁸⁷ в целом встала необходимость эвакуации. 7 октября дипломатической нотой Министерство иностранных дел КНДР

---

²⁸⁵ The first Hungarian envoy in North Korea. *Чунан ильбо* (중앙일보). March 22, 2020. <https://koreajoongangdaily.joins.com/2020/03/22/socialAffairs/The-first-Hungarian-envoy-in-North-Korea/3075210.html>.

²⁸⁶ А.М. Игнатъев (1902—1950) — закончив в 1934 г. Высшие курсы при Военно-политической академии им. В.И. Ленина, начал политработу в войсках. В 1938 г. его назначают начальником политотдела дивизии, а затем и корпуса Дальневосточного округа. Участвовал в освобождении Кореи. В 1945 г. становится заместителем начальника УСГА. С декабря 1948 г. назначен советником Посольства СССР в КНДР. Похоронен в Уссурийске.

²⁸⁷ На тот момент в Пхеньяне функционировали диппредставительства Монголии, Польши, Венгрии, Китая, Чехословакии, Румынии.

сообщило постоянным дипломатическим представительствам, что им предстоит эвакуация. 8 октября выехали венгры. Посольство СССР выезжало несколькими группами.

В этой части хочется обратиться к воспоминаниям ещё одного непосредственного участника событий — Виктора Александровича Тарасова [Тарасов В.А. 1996, с. 66—76]. Закончив в июне 1950 г. МГИМО по специальности английский язык, он в августе получает распределение на должность атташе Посольства СССР в КНДР. Уже 2 октября Виктор Александрович пребывает в Пхеньяне, где выполнял секретарские обязанности непосредственно у посла Т.Ф. Штыкова. Однако его работа на этом месте продолжалась недолго.

Из воспоминаний дипломата В.А. Тарасова: «В ночь на 10 октября сотрудники посольства покинули Пхеньян на легковых и грузовых машинах, которые в темноте под звуки бомбежек двигались медленно. За первую ночь прошли всего шестьдесят километров и лишь к утру, после второй, более спокойной ночи одна за другой машины достигли города Синьчжу. Посольство временно разместилось в здании какого-то бывшего японского банка» [Тарасов В.А. 1996, с. 69].

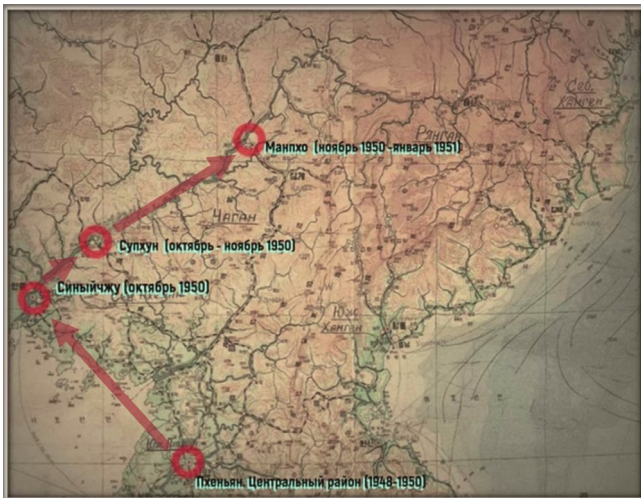
После падения Пхеньяна 20 октября поступило решение о перемещении посольства и в целом дипкорпуса из Синьчжу в более безопасное место — Супхун, маленький посёлок, возведённый японцами при строительстве на Ялуцзян Супхунской ГЭС — крупнейшей в то время в Азии. Однако остановкой в Супхуне дело не закончилось. Неблагоприятные для Корейской народной армии события на фронте вынуждали дипломатов перемещаться.

В начале ноября дипкорпус переехал в город Манпхо. В венгерских документах упоминается, что в ходе бомбардировок сгорели здания, где разместились посольства Китая, Монголии и Чехословакии. Посланник Ш. Шимич смог приобрести большую свинью и на какое-то время вопрос с питанием для венгерского посольства был решён²⁸⁸.

На основе воспоминаний советских и венгерских дипломатов получается, что в течение около двух недель (конец октября — начало ноября, когда обстановка на фронте была крайне напряжённой) состоялась своеобразная «одиссея по северо-восточным провинциям

---

²⁸⁸ Hungarian diplomats on the Korean battlefield. *Чунан ильбо* (중앙일보). March 22, 2020. <https://koreajoongangdaily.joins.com/2020/04/05/socialAffairs/Hungarian-diplomats-on-the-Korean-battlefield/3075725.html?detailWord=>.

Фото 6. *Перемещение Посольства в начале Корейской Войны (декабрь 1950—январь 1951 гг.)*

Китая». Тарасов упоминает о своей работе в Шеньяне (провинция Ляонин), а венгерские товарищи пишут о временном пристанище в городе Цзиань провинции Гирин.

После вступления в войну китайских народных добровольцев в конце октября 1950 г. фронт стал смещаться на юг. 5 декабря 1950 г. американцы оставляют Пхеньян.

В январе 1951 г. коллектив советского посольства разместился, по предложению правительства КНДР, в десяти километрах от Пхеньяна в долине Сопхо. В ту же долину перебрались китайские и румынские посольства. Венгры остаются в Манпхо. На тот момент Ш. Шимич уезжает из Кореи, а временным поверенным в делах остаётся 1-й секретарь Мария Балог.

Ещё в середине ноября 1950 г., когда Посольство находилось в Манпхо, посол Т.Ф. Штыков и советник-посланник Г.И. Тункин покидают Корею. В конце ноября пребывает новый посол генерал-лейтенант Владимир Николаевич Разуваев²⁸⁹.

²⁸⁹ В.Н. Разуваев (1900—1980) — в 1934 г. окончил Военную академию им. Фрунзе. Участник Великой Отечественной Войны, во время которой находился на высших штабных и командных должностях, принимал участие в разработке и проведении Ростовской, Донбасской, Мелитопольской наступательных операций, в освобождении Крыма и блокаде Курляндской группировки войск вермахта в Прибалтике.

Помимо функций Посла он на правах главного военного советника входил в ставку Верховного Главнокомандования наряду с командующим китайскими народными добровольцами Пэн Дэхуаем и Ким Ир Сеном. Он руководил работой сложного механизма военных советников: три дня в неделю он работал в Посольстве, а четыре дня — в Ставке (д. Кончжири), где ему помогали генералы и старшие офицеры Советской Армии.

Фото 7. 1 — Долина Сопхо, где располагалось Посольство с января 1951—осень 1953 гг.; 2 — Деревня Кончжири — местоположение Ставки Верховного главнокомандующего

С июля 1951 г. становится ясно, что война принимает затяжной характер. Начались переговоры конфликтующих сторон, но бомбежки северокорейской территории, включая Пхеньян, продолжались. Из воспоминаний дипломата В.А. Тарасова: «Для посольства к осени 1951 г. было построено втиснутое в камень сопки, покрытое бетоном, одноэтажное рабочее здание. Вблизи от него подземные убежища. По склону сопки — покрытые бетоном жилые землянки. Эти меры позволили спасти жизнь многих сотрудников, нормализовать их работу» [Тарасов В.А. 1996, с. 71].

В конце войны налёты усилились. Самой интенсивной бомбардировке район расположения посольства подвергся 29 октября 1952 г., когда были убиты двое сотрудников — Анатолий Шальнов и Василий Дорогов.

①

②

Фото 8. 1 — Могила сотрудников Посольства на Кладбище советских граждан в районе Садон г. Пхеньяна;
2 — Анатолий Шальнов (1922—1952) — сотрудник Посольства

Из справки Посольства от 5 ноября 1952 г.: «После первых заходов работники Посольства и Торгпредства укрылись в сопках или находились в землянках. Товарищ Дорогов В.А. был убит осколком в то время, когда он, выбежав из землянки, пытался уйти в сопки, а товарищ Шальнов А.П. погиб в землянке, т.к. был придавлен обвалом от попадания бомбы рядом с землянкой. [...] Посольству нанесён большой материальный ущерб. Всего сожжено и разрушено 8 служебных, жилых и бытовых помещений. У остальных помещений выбиты окна, двери, а у некоторых разрушены крыши и потолки»²⁹⁰.

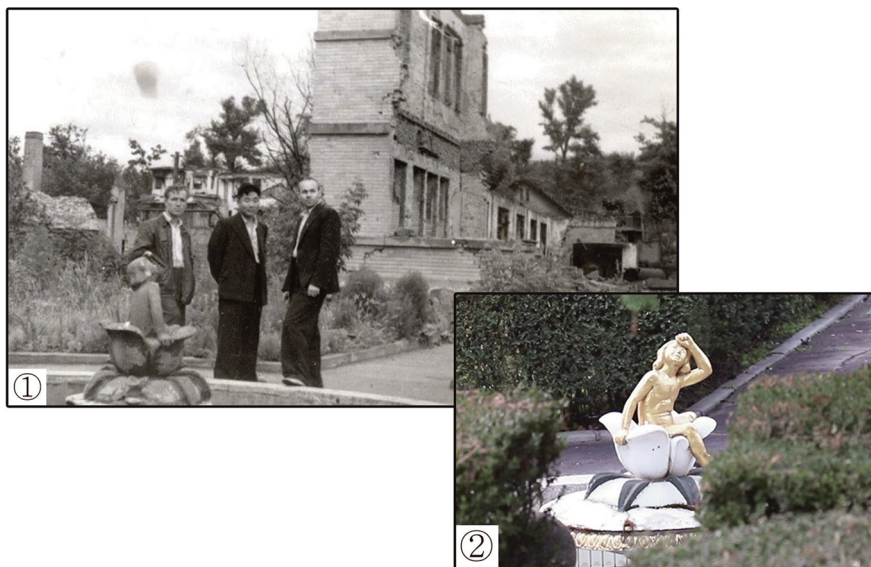
Несмотря на сложности военного времени, работа посольства не останавливалась. Помимо текущих практических дел готовились объёмные аналитического характера документы для центра. Дипломаты поддерживали тесный контакт с корейцами, внимательно следили за обстановкой в стране, в дипкорпусе, участвовали в допросах военнопленных американцев [Тарасов В.А. 1996, с. 71], посещали военные и гражданские объекты.

Как известно, Соглашение о перемирии было подписано 27 июля 1953 г., положив конец Корейской войне, но не прекратив противостояние.

²⁹⁰ АВП РФ, ф. 0102, оп. 8, п. 43, д. 88, л. 2—4. Цит. по: Сайт Посольства России в КНДР https://dprk.mid.ru/ru/o_memorialnoy_rabote_posolstva/bombezhka_territorii_posolstva/.

О территории Посольства

За три года войны Пхеньян, как и большинство других городов КНДР, после американских бомбардировок стал представлять из себя жалкие развалины. Находившееся в центре столицы первое здание Посольства тоже было разрушено. Однако удивительным образом скульптура девочки в цветке лотоса, которую мы видели на фото № 1, осталась невредимой. По сей день хрупкая фигура маленькой девочки с милой улыбкой украшает фонтан перед зданием Посольства.

Фото 9. 1 — у разрушенного Посольства (ок. 1953—1954);
2 — фонтан «Девочка на цветке лотоса» (2020 г.)

С 1953 г. корейский народ при поддержке Советского Союза и других стран социалистического лагеря приступил к восстановлению разрушенной после войны страны. На месте руин возводились новые современные города.

Одновременно началась работа по проектированию нового советского посольского городка, для которого была выделена территория площадью более 7 Га. Авторами проекта стали архитекторы Леонид Бернардович Сегал и Максим Григорьевич Эйнгорн. Из воспоминаний Л.Б. Сегала «В 1954 г. я был командирован в КНДР для выбора участ-

ка в Пхеньяне под строительство комплекса сооружений Советского Посольства. Кроме выбора участка я разработал там форпроект комплекса и согласовал его с послом и торгпредством. Комплекс состоял из следующих сооружений: Посольства, Торгпредства, Клуба, школы и жилых домов для сотрудников. Технический проект был разработан в моей мастерской в Москве, а рабочие чертежи разрабатывались уже в Пхеньяне группой сотрудников мастерской с участием корейских специалистов. Строительство велось советскими, корейскими, китайскими работниками. Столярные изделия изготавливались в Китае».

Очевидно, что жизнь дипмиссии не останавливалась и в процессе строительства нового комплекса зданий с 1953 по 1957 г. На этот период времени пришёлся один из самых острых внутривластных кризисов КНДР 1956 г. Документы, свидетельствующие об интенсивной работе советских дипломатов, в частности, встреч и бесед с представителями местных властей, неоднократно публиковались²⁹¹. Однако достоверной информации о том, где работали и жили тогда дипломаты, на данный момент в открытых источниках встретить не удалось.

Строительство продолжалось в течение трёх лет, и в ноябре 1957 г. к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции состоялось открытие нового комплекса зданий Посольства Советского Союза в КНДР. И по сей день дипломатическая миссия нашей страны находится на том же самом месте.

Фото 10. *Общий вид Посольства СССР в КНДР (1957 г.)*

В 2007 г. на территории посольского городка при проведении ремонтных работ был найден камень с иероглифической надписью: «崇傳農學科 第二回卒業生 紀念樹. 一九三五,三», которая означает

²⁹¹ Например, см.: [Ланьков А.Н. 2009].

Фото 11. Камень, найденный на территории Посольства России в КНДР в 2007 г.

«Это дерево посажено в память о втором выпуске Аграрного отделения Училища Сунсиль. Март 1935 г.». Очевидно, что этот артефакт представляет большую историческую ценность.

Начнём с того, что Посольство находится на территории квартала Сомундон (서문동 (西門洞)), что означает «квартал у западных ворот», так как он располагается у ворот Потхонмун (보통문 (普通門)), которые в древности служили входом в столичную крепость с западной стороны. Квартал Сомундон наряду с другими 20 кварталами входит в состав Центрального района (중구역 [чункуёк]) столичного города Пхеньян. Этот квартал возник в 1946 г. под названием Сомунни (서문리 (西門里)). Ввиду разных реорганизаций и перепланировок городского ландшафта с течением времени он вообрал в себя такие кварталы, как Кёнчханни (경창리 (景昌里)), Хасугури (하수구리 (下水口里)), а также территории квартала Синянни (신양리 (新陽里)) и некоторых других, которые существовали ещё в конце XIX века на окраине у западных ворот крепости Пхеньян²⁹².

²⁹² 평양시 중구역 지명유래. 북한지역정보넷 (North Korean Human Geography) <http://www.cybernet.net/infoText/InfoAdminstList.aspx?mc=AD0101&ac=A0117/>.

С середины 1890-х гг. в этих районах стали открываться частные школы американских христианских миссионеров. В октябре 1897 г. проповедник пресвитерианской церкви Уильям Бэйрд (William Baird)²⁹³ пребывает в Пхеньян и в квартале Синяни (신양리 (新陽里)) основывает частную школу под названием Сунсиль хактан (숭실학당 (崇實學堂)) («Почитание Бога через истину»). Количество учеников довольно быстро увеличивалось и к 1900 г. была приобретена новая более обширная территория в этой же местности, позволившая существенно расширить площадь школы. Там уже была представлена более углублённая образовательная четырёхлетняя программа для мальчиков и девочек.

Для американских проповедников в то время Пхеньян был своеобразной буферной зоной. Уникальность миссионерства в Пхеньяне заключалась в том, что в нём жили и работали представители разных конфессий из многих стран. Американские пресвитерианская и методистская церкви прибыли в Корею как отдельные деноминации, разделённые после гражданской войны в США. Они функционировали как отдельные церкви в разных частях Кореи. Канадские и австралийские пресвитериане работали соответственно на северо-востоке и юго-востоке полуострова. А Пхеньян, как его вскоре стали называть, «Иерусалим Востока», стал городом, где все деноминации жили вместе и сотрудничали, как и в самом Иерусалиме²⁹⁴.

В 1906 г. помимо постоянного расширения школы для детей, было основано учебное заведение для юношей, получившее название Университет Сунсиль (숭실대학교 (崇實大學校)), предлагавшее образование по западным образцам. Название на английском языке было несколько иным: Union Christian College (Объединённый христианский колледж). Оно было призвано подчеркнуть, что его основание объединяет все пресвитерианские и методистские церкви в Корее.

---

²⁹³ Вильям Бэйрд (William Baird) (1862—1931) В 1888 г. заканчивает Духовную семинарию МакКормика (McCormick Theological Seminary) и изъявляет желание поехать в Корею проповедовать. В 1891 г. вдвоём с женой Анне Лори Адамс (Annie Laurie Adams) (1864—1916) они пребывают в Пусан. Ведут активную миссионерскую и просветительскую работу, путешествуя по Корею. С 1897 г. супруги Бэйрд обосновываются в Пхеньяне с целью организовать школу для успешной реализации своих миссионерских замыслов. С тех пор практически постоянно проживали в Корею. Похоронены в Сеуле на кладбище для иностранных миссионеров Янхвачжин.

²⁹⁴ The Pyongyang Mission. *American Pyongyang*. January 8, 2018. <https://americanpyongyang.com/2018/01/08/the-pyongyang-mission/>.

Его основателями стали уже известный нам Уильям Бэйрд и его однокурсни́к по духовной семинарии Сэмюэл Моффет, проповедовавший в Пхеньяне с 1895 г. Университет Сунсиль был многопрофильным учебным заведением с четырёхлетними программами в области естественных наук, сельского хозяйства, английского языка, музыки и других дисциплин. Преподаватели были как американцы, так и корейцы. К 1930-м гг. Университет Сунсиль имел большой кампус с современными зданиями в западном стиле, и в нём учились студенты со всей Кореи, с севера и юга.

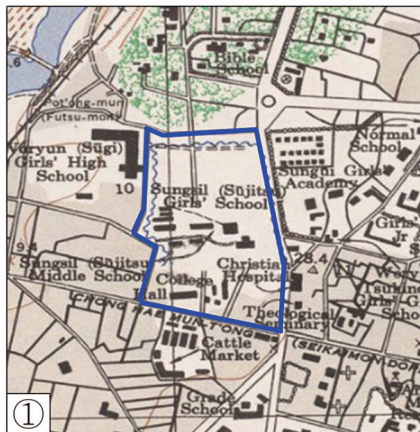

Фото 12. Кампус Университета Сунсиль (1929 г.)

Согласно данным Бюро по академическим и социальным вопросам японского генерал-губернаторства Чосен от 1920 г. учебное заведение располагалось на территории районов Синянни, Кёнчханни, Хасугури и его площадь составляла 23 819 пхенов (около 7,8 га). Одним словом, тех самых районов, которые вошли в состав квартала Сомундон, где на сегодняшний день, повторимся, находится Посольство России в КНДР²⁹⁵.

---

²⁹⁵ 승실의 발원지, 평양성으로 밝혀져 [Место основания Сунсиля прояснилось: в Пхеньянской крепости]. *승대시보* [Вестник Университета Сунсиль] 2 апреля 2018. <http://www.ssunews.net/news/articleView.html?idxno=6252>.

Фото 13. 1 — Территория Училища Сунсиль на карте Пхеньяна 1946 г.;
 2 — Территория Посольства России в КНДР
 на спутниковом снимке Гугл-карты 2023 г.

В 1925 г. по требованию японских властей Университет Сунсиль был вынужден формально понизить свой образовательный статус и переименоваться в Училище Сунсиль (숭실전문학교 (崇實專門學校)). Это было сделано в рамках колониальной политики японцев, стремившихся ограничить доступ корейского населения к высшему образованию в целом и демонстративно понизить престиж данного учебного заведения.

В 1936 г. тогдашний ректор Джордж МакКьюн²⁹⁶ под давлением японских властей, возникшем из-за его отказа участвовать в синтоистских церемониях поклонения Императору, был вынужден покинуть страну. В 1938 г. Училище Сунсиль добровольно самораспустилось²⁹⁷.

С 1939 г. в помещениях Училища Сунсиль разместилось Промышленное училище Тэдон (대동공업전문학교 (大同工業專門學校)). Оно было создано по инициативе Ли Чонмана (이종만 (李鍾萬))²⁹⁸,

²⁹⁶ Отец Джорджа МакКьюна, одного из создателей системы транслитерации корейского языка латиницей, которая до сих пор считается классической в англоязычном корееведении.

²⁹⁷ К 1942 г. большая часть американских граждан покинуло Пхеньян из-за японской атаки на Перл Харбор и последующего вступления США в войну с Японией.

²⁹⁸ Ли Чон Ман (이종만 (李鍾萬)) (1885—1977) — при японской колониальной администрации был крупным бизнесменом, заработавшим своё состояние на разработке золотого рудника. Затем он управлял концерном «Тэдон», в состав которого входили подразделения по добыче полезных ископаемых. Непосредственно после освобождения проживал на Юге страны, затем перешёл на Север. Занимал официальные посты. Похоронен на кладбище патриотов Синмири (신미리에국열사릉).

крупного промышленника, руководителя концерна «Тэдон» (대동공업사 (大同工業社)), Daedong Industrial Co., Ltd.). Изначально в училище были созданы факультеты машиностроения и металлургии, срок обучения составлял 3 года. Всего было 8 преподавателей и 159 студентов. В 1944 г. название учебного заведения изменилось на Пхеньянское промышленное училище (평양공업전문학교 (平壤工業專門學校)), в него были добавлены факультет электротехники и факультет судостроения. В октябре 1946 г. Пхеньянское промышленное училище было включено в состав вновь образованного Университета им. Ким Ир Сена (김일성종합대학).

После 1945 г. некоторые здания на территории академического городка использовались для аппарата ЦК Трудовой партии Северной Кореи (북조선 노동당 중앙당)²⁹⁹.

В период с 1945 по 1953 гг. несколько групп выпускников и корейских преподавателей христианского колледжа, работавших ещё при американцах, перешли на юг, где в 1954 г. открыли Университет Сунсиль, обозначив преемственность от Union Christian Colledge³⁰⁰.

В Корейскую войну территория и здания подверглись серьёзным разрушениям, что, видимо, и послужило основной причиной для решения руководства страны перепрофилировать это пространство и передать его Советскому Посольству.

В июле 2017 г. найденный камень с иероглифической надписью был установлен на территории Посольства России в КНДР, недалеко от павильона дружбы Чхинсончжон (친성전). В церемонии открытия приняли участие Посол России в КНДР А.И. Мацегора и заместитель Министра иностранных дел КНДР Син Хон Чхоль³⁰¹. Внимание северокорейских властей к этому артефакту обуславливается тем, что в Университет Сунсиль в 1911—1913 гг. учился Ким Хён Чжик, отец основателя КНДР Ким Ир Сена. Данное мероприятие продемонстрировало уважительное отношение сотрудников Посольства к истории страны пребывания.

---

²⁹⁹ 승실의 발원지, 평양성으로 밝혀져 [Место основания Сунсиля прояснилось: в стенах Пхеньянской крепости]. 승대시보 [Вестник Университета Сунсиль] 2 апреля 2018. <http://www.ssunews.net/news/articleView.html?idxno=6252>.

³⁰⁰ Официальный сайт Университета Сунсиль <https://ssu.ac.kr/%ED%95%99%EA%B5%90%EC%86%8C%EA%B0%9C/%EC%97%AD%EC%82%AC/%ED%8F%89%EC%96%91%EC%88%AD%EC%8B%A4/>.

³⁰¹ С 2020 г. Син Хон Чхоль является Посолом КНДР в России.

Фото 14. *Церемония открытия памятной таблички*

Библиографический список

Ванин Ю.В. (2016). *Советский Союз и Северная Корея 1945—1948*. М.: Институт востоковедения РАН.

Курбанов С.О. (2009). *История Кореи: с древности до начала XXI в.* СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та.

Ланьков А.Н. (2009) *Август, 1956 год: Кризис в Северной Корее*. М.: РОССПЭН.

Петухов В.И. (1987). *У истоков борьбы за единство и независимость Кореи*. М.: Наука.

Тарасов В.А. (1996) Страна утренней свежести в сумерках смерти. *Военно-исторический журнал* № 2. С. 66—76.

Штыков Н.В. (2012). О Терентии Фомиче Штыкове. *Ленинградская область в Великой Отечественной войне. К 65-летию Победы. Материалы научной конференции 19—20 апреля 2010 г.* / под ред. Ю.В. Кривошеева. СПб.: Исторический факультет СПбГУ. С. 108—120.

References

Kurbanov, S. (2009). *Istoriya Korei: s drevnosti do nachala XXI v.* [History of Korea: from Ancient Times to the Beginning of the 21st c.]. St-Petersburg: Publishing House of St-Petersburg State University. (In Russian).

Lankov, A. (2009) *Avгуст, 1956 god: Krisis v Severnoj Koree* [August, 1956: Crisis in North Korea]. Moscow: ROSSPEN. (In Russian).

Petukhov, V. (1987) U istokov bor'by za edinstvo I nezavisimost' Korei [At the Dawn of of the Struggle for the Unity and Independence of Korea]. Moscow: Nauka. (In Russian).

Shtykov, N. (2012). O Terentii Fomiche Shtykove [About Terenti Fomich Shtykov]. In Y.V. Krivosheev (ed.), *Leningradskaya oblast' v Velikoj Otechestvennoj vojne. K 65-letiyu Pobedy. Materialy nauchnoj konferencii 19—20 aprelya 2010 g.* [Leningrad Region in the Great Patriotic War. To the 65th Anniversary of the Victory. Proceedings of the Scientific Conference April 19—20, 2010], pp. 108—120. St-Petersburg: Faculty of History of St-Petersburg State University. (In Russian).

Tarasov, V. (1996). Strana utrennej svezhesti v sumerkah smerti. [Country of Morning Calm in the Twilight of Death]. *Voенно-istoricheskij zhurnal*, № 2, pp. 66—76. (In Russian).

Vanin, Y. (2016). *Sovetskij Soyuz i Severnaya Koreya 1945—1948* [Soviet Union and North Korea 1945—1948]. Moscow: Institute of Oriental Studies of RAS. (In Russian).

Смертин Юрий Григорьевич

доктор исторических наук, профессор
профессор кафедры зарубежного регионоведения
и востоковедения
Кубанского государственного университета
(Краснодар, Россия)
usmer@hotmail.com

Курение как социокультурный феномен Кореи (XVII — начало XX в.)

***Аннотация.** Статья посвящена проблеме табакокурения в Корею периода Чосон (1392—1897 гг.). Её актуальность определяется слабой изученностью и недостаточным осмыслением этого культурного и социально-экономического феномена. Цель исследования — анализ процесса распространения табакокурения в Корею в XVII — начале XX в. и его социокультурных последствий. Для достижения цели решаются следующие задачи: во-первых, выявить причины популярности табака в широких слоях общества; во-вторых, проследить развитие этикетных правил для курящих, основанных на сословной стратификации. Заявленная проблема рассматривается в связи с внешне- и внутрисполитическими условиями Кореи периода Чосон. В работе использовались следующие методы исследования: 1) принцип историзма, подразумевающий исследование событий и явлений прошлого с учётом исторических особенностей и причинно-следственных связей; 2) цивилизационный подход к изучению истории, применявшийся при изучении культурных особенностей корейского общества, влиявших на адаптацию заимствованных идей и вещей. В заключении мы пришли к следующим выводам. Со времени своего появления в Корею в XVII в. курение табака быстро стало общенациональным увлечением. Причин тому было несколько: это и убеждённость в целебных последствиях вдыхания табачного дыма, и подражание моде, пришедшей из Японии, и, как следствие, превращение этой культуры в ценный коммерческий продукт.*

***Ключевые слова:** Корея, табак, трубка-чанчжук, курение, этикет, сигареты, табачные компании*

Yuri G. Smertin
Professor, Dept. of Foreign Regional and Oriental Studies
Kuban State University (Krasnodar, Russia)
usmer@hotmail.com

Smoking as a socio-cultural phenomenon of Korea (17th — early 20th century)

***Abstract.** The article is devoted to the problem of tobacco smoking in Korea during the Joseon period. Its relevance is determined by the poor knowledge and insufficient understanding of this cultural and socio-economic phenomenon. The purpose of the study is to analyze the process of tobacco smoking in Korea in the 17th — early 20th century and its socio-cultural consequences. To achieve the goal, the following tasks are solved: firstly, to identify the reasons for the popularity of tobacco in the broad strata of society; secondly, to trace the development of etiquette rules for smokers based on class stratification. The stated problem is considered in connection with the foreign and domestic political conditions of Korea during the Joseon period. The following research methods were used in the work: 1) the principle of historicism, implying the study of events and phenomena of the past, taking into account historical features and cause-and-effect relationships; 2) the civilizational approach to the study of history used in the study of the cultural characteristics of Korean society that influenced the adaptation of borrowed ideas and things. In conclusion, we came to the following conclusions. Since its appearance in Korea in the 17th century, tobacco smoking has quickly become a nationwide craze. There were several reasons for this: it was the belief in the healing effects of inhaling tobacco smoke, and imitation of the fashion that came from Japan, and, as a result, the transformation of this culture into a valuable commercial product.*

***Keywords:** Korea, tobacco, pipe-changjug, smoking etiquette, cigarettes, tobacco companies*

Введение

Курение табака является элементом культуры, и изучение этого феномена требует исторического и культурологического подхода. История и роль курения наилучшим образом может быть понята в терминах социокультурной зависимости человека от его способов мировосприятия

и самопрезентации [Goodman J. 1995, p. 15]. В отечественной историографии отсутствуют работы, посвящённые рассматриваемой проблеме. В западных трудах, исследующих распространению табака в мире, есть отдельные упоминания о Корее, но нет глубокого анализа причин его популярности в этой стране и связи с социальными условиями и пред-рассудками. Корейские исследователи изучали данную проблематику. Ценные сведения содержатся в статье Ли Ёнхака «Социальная история табака: от династии Чосон до колониального периода» [Yi Yonghak. 1991]. В качестве источников мы привлекли «Летописи королевской династии Чосон», «Дневник Хамеля и описание королевства Корея» и др.

Историки полагают, что табак впервые попал в Корею (тогда государство называлось Чосон) во время японского вторжения на полуостров в конце XVI в. В этот бурный и беспокойный период времени, известный как Имджинская война (1592—1598 гг.) были завезены и другие культуры, такие как перец чили и батат [Ha Woo Bong. 2015, p. 334].

Японию познакомили с этим американским растением (порт. *tabaco*) португальцы в конце XVI — начале XVII в. Японцы подобрали к этому слову иероглифы 煙草, что дословно означает «дымная трава», и произносили как «*табако*». Для курения они использовали трубки с длинным чубуком (яп. *кисеру*), напомилавшими голландские глиняные трубки. Поначалу это экзотическое занятие было доступно только знатым и богатым людям. Кисеру подавались гостям хозяином чайной церемонии после её завершения. [Screech T. 2004, p. 93]. Крестьяне быстро осознали ценность табака и стали выращивать его, в основном в южных провинциях.

Табак вскоре стал чрезвычайно популярен, так как считалось, что его курение излечивает от всех болезней. Эта идея возникла не случайно, её вместе с табаком распространяли европейцы, уверенные, что курение, которое они наблюдали у индейцев, помогает избежать астмы, расстройства желудка, головной боли, подагры и многих других заболеваний и даже лечить их [Kell K.K. 1965, p. 99]. Все эти стереотипы были восприняты и в Корее.

Распространение табакокурения в Корее

Самые ранние упоминания о растении табака появляются в чосонских письменных документах во втором десятилетии XVII в. [Kim M.

2016, p. 308]. Корейцы изменили японское произношение на «*тамба-го*», «*тамбагу*» и в конечном итоге до «*тамбэ*». Курение *тамбэ* быстро стало всеобщим увлечением. Корейцы наладили производство трубок, копировавших японские *кисеру*. Об огромной популярности табакокурения свидетельствуют «Летописи королевской династии Чосон». Вот запись от 4 августа 1638 г.: «...не было никого, кто бы не курил, люди предлагали табак своим гостям вместо чая и вина... они даже брали семена табака и торговали ими друг с другом»³⁰². Сходную картину даёт голландский моряк Хендрик Хамель, переживший кораблекрушение у о. Чеджудо и 13 лет проживший в Корее. Его записи, опубликованные в 1668 г. («Дневник Хамеля и описание королевства Корея»), стали первым западным свидетельством очевидца о почти неизвестной до тех пор стране, её народе и об устройстве общества. Он пишет: «Жители Чосона много курят, дети в возрасте 4—5 лет начинают курить; и независимо от пола и возраста, почти все курят»³⁰³.

Такое широкое употребление табака побудило крестьян выращивать эту культуру для получения прибыли. В XVIII в. 1 *гын* табака (единица веса, равная примерно 600 г) стоил 1 *нян* серебра (монета и единица веса — 37,5 г серебра). Некоторые корейские интеллектуалы стали беспокоиться о том, что земли, предназначенные для выращивания зерна, используются для производства продукта, который превращается в дым и не оставляет после себя никакой ценности. Во время правления вана Ёнджо (1724—1776 гг.) королевский указ даже ограничил посадку табака, но производство продолжало распространяться [Yi Yonghak. 1991, с. 125]. Но и сами короли не избежали модного увлечения. Ван Чонджо (1776—1800 гг. правления) был страстным курильщиком и сторонником теории медицинской пользы табака. В летописи своей многолетней деятельности «Записи ежедневных размышлений» («*Иль-соннок*») он писал, что курение «избавляет от жары и блокирует холод; полезно для пищеварения, избавляет от бессонницы, способствует написанию стихов, беседе с другими и сидению в тишине». Он даже задумывался о распространении курения на всё общество. По его настоянию в государственный экзамен на чиновничьи должности был включён вопрос: «Предложи-

---

³⁰² Smoking and Social Stratification. [Электронный ресурс]. <https://historyofkoreablog.wordpress.com/2017/03/31/smoking-glasses-and-social-stratification-part-1/>.

³⁰³ The Journal of Hendrick Hamel. <https://www.hendrick-hamel.henny-savenije.pe.kr/holland5.htm>.

те план, который позволит охватить курением всех людей». После коронации Чонджо проводился ритуал вызывания дождя, требовавший строгого процесса «очищения» перед молитвой. В ходе его король позволил себе курить. Оправданием было то, что его разум не сможет быть чистым, если он внезапно бросит курить, поэтому лучше просто разрешить это. Он даже выращивал табачные кусты на заднем дворе дворца Чхандок и раздавал листья в качестве подарков³⁰⁴.

Несмотря на огромную популярность и широкое распространение, не все любили курение. Пожалуй, его главным противником был Ли Ик, известный философ, энциклопедист, сторонник реформ ради народного блага, один из идейных основателей движения Сирхак (Реальные знания), пропагандировавшего социально-экономические реформы на базе заимствования знаний из западных наук. В 1740 г. он писал: «...Внутренне оно [курение табака] нарушает разум, а внешне — слух и зрение; оно делает волосы седыми, старит лицо, заставляет зубы выпадать раньше, худеть, ускоряя процесс старения. Причина, по которой я говорю, что табак приносит больше вреда, чем не пользы, заключается в следующем. Во-первых, из-за его неприятного запаха человек не может быть чистым и опрятным во время священных обрядов и церемоний. Во-вторых, он лишает богатства. В-третьих, действительно тревожно, что в мире так много работы, но в настоящее время все, несмотря на возраст, от рассвета до заката заняты поиском и покупкой табака. Если перенести эти волю и силу на учёбу, то можно стать великим учёным; если перенести их на писательство, то можно стать плодовитым писателем; а если перенести их на заботу о своём хозяйстве, то можно стать богатым человеком»³⁰⁵.

Помимо очевидных проблем со здоровьем, курение приносило и другие неприятности, в частности, пожары. Из-за курения часто горели крестьянские дома, строившиеся из тростника, дерева, соломы и других легко воспламеняющихся материалов. Тем не менее популярность курения сохранялась, оно стало всенародным увлечением.

---

³⁰⁴ Smoking and Social Stratification. <https://historyofkoreablog.wordpress.com/2017/04/30/smoking-and-social-stratification-part-2/>.

³⁰⁵ Цит. по: Smoking and Social Stratification. [Электронный ресурс]. <https://historyofkoreablog.wordpress.com/2017/04/30/smoking-and-social-stratification-part-2/>.

Курение в иерархизированном обществе

Вначале не существовало определённых этикетных правил курения, оно было обычным делом для всех, независимо от пола, возраста или социального класса. Но под влиянием неоконфуцианства в конце XVIII в. такие правила появились. Высший класс (янбаны) начал создавать свой собственный этикет курения, в основном для того, чтобы отделить себя от низших сословий. Его представители использовали *чанчжук* — длинную трубку (иногда до 3 м), а простолудины — более короткие трубки (менее 50 см) [Kim M. 2016, p. 308].

Возникает вопрос: почему длина трубки была демонстрацией привилегированного положения? Дело в том, что раскурить очень длинную трубку без помощи слуги, высекающего огонь с помощью кремнёвого огнива (или спичек, которые появились в конце XIX в.), было невозможно, а значит такой курильщик показывал окружающим своё богатство и социальный статус³⁰⁶. Эти специальные слуги, называвшиеся *юндон* (для мужчин) и *юнби* (для женщин), обычно были молодыми парнями или девушками, которые несли не только трубки с табаком, но и все необходимые аксессуары (такие как кремь, кiset, футляры и т. п.) для своих хозяев. Представители высшего класса украшали свои трубки дорогими материалами, такими как золото, серебро, янтарь и т. п., чего обычные или бедные люди явно не могли себе позволить³⁰⁷. Интересно, что единственным исключением из этих строгих неофициальных правил курения были кисэн (корейские женщины-развлекательницы). Они имели привилегию использовать длинные трубки, будучи представительницами низшего социального класса.

Существовало множество этикетных правил: не курить на важных или высокопоставленных мероприятиях, не курить молодым в присутствии людей старше по возрасту, занимающих более высокий пост или принадлежащих к более высокому социальному классу; для женщин — не курить в присутствии мужчин и т. д. Эти запреты не были закреплены законом, но строго соблюдались элитой и народом. Некоторые из этих социальных условностей, как известно, сохраняются

---

³⁰⁶ Руденко С. Курение в Корее, история одной вредной привычки. <https://dzen.ru/a/YjCNrXY0T-mpRzdIT>.

³⁰⁷ Smoking and Social Stratification. <https://historyofkoreablog.wordpress.com/2017/04/30/smoking-and-social-stratification-part-2/>.

в южнокорейском обществе и сегодня, например, не считается вежливым курить в присутствии старших или пожилых членов общества.

Демократизация вредной привычки

Новой вехой в табакокурении стало изобретение американцем Джеймсом Бонсаком в 1881 г. машины для скручивания сигарет, превратившей продукт, который раньше считался роскошью или новинкой, в массовый [Сох Н. 2000, р. 4]. Не только мужчины, но и некоторые женщины, включая королеву, поспешили перенять новейшее увлечение. Американский журналист Фрэнк Карпентер, посетивший Сеул в 1888 г., написал: «Королева одевается, конечно же, в корейские костюмы. Она носит тонкие шелка и красивые бриллианты. Она носит часы, усыпанные бриллиантами, на цепочке *Chatelaine*, и курит американские сигареты тысячами»³⁰⁸. Американские сигареты поначалу использовались исключительно во дворце, где потреблялись в больших количествах, что сделало их очень популярными среди высшего класса.

Сигареты в основном импортировались компанией *Townsend & Co.* в Чемульпо (современный Инчхон), но эта компания не была монополистом; немецкая фирма *E. Meyer & Co.* также начала импортировать американские сигареты³⁰⁹.

Реформы Кабо (1894—1896 гг.), принятые в правление императора Коджона и направленные на модернизацию страны, во многом изменили политическую и социальную картину Кореи. С одной стороны, страна прервала свою зависимость от Цинской империи, что стало следствием поражения Китая в войне с Японией в 1895 г. С другой стороны, корейское правительство находилось под японским влиянием так как на полуострове присутствовали японские войска. Реформы коснулись и курения: длинные трубки были запрещены, как и многие другие привилегии аристократии. Заодно мужчинам было приказано срезать «маньчжурские» косы. В результате появилось много людей, прежде всего молодых, коротко стригших волосы, носивших западную

---

³⁰⁸ Цит. по: Neff R. Rolling tobacco in Joseon // The Korea Times. 14 октября 2018. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/opinion/2022/06/721_256872.html.

³⁰⁹ Neff R. Rolling tobacco in Joseon // The Korea Times. 14 октября 2018. URL: https://www.korea-times.co.kr/www/opinion/2022/06/721_256872.html.

одежду и куривших ставшие модными сигареты. импорт которых вырос более чем в 5 тыс. раз в период с 1888 г. до 1905 г. После 1894 г. иностранные компании начали производить табачные изделия в Корее. Японские компании появились в 1904 г., после того как были вытеснены с родины в связи с введением государственной монополии на производство табачных изделий [Yi Yonghak. 2013, с. 100—103, 129].

Были и корейские производители, но им было трудно конкурировать с иностранными фирмами, а после 1905 г., когда Япония установила протекторат над Кореей, японцы стали доминировать на корейском рынке. Более того, Корея стала основным центром производства табака в Японской империи в течение 1910-х и 1920-х гг.

Заключение

Со времени своего появления в Чосоне курение табака быстро стало общенациональным увлечением. Причин тому было несколько. Это и убежденность в целебных последствиях вдыхания дыма, и подражание моде, пришедшей из Японии, и, как следствие, превращение этой культуры в ценный коммерческий продукт. Корея была строго иерархизированном обществом, где каждое сословие традиционно имело свой стиль одежды, жилища, украшений, свои этикетные правила и т. п. Поэтому довольно скоро возникли неофициальные, но строго соблюдаемые правила для курящих, отражавшие социальное и гендерное неравенство. Младшие не могли курить в присутствии старших, женщины — при мужчинах, простолюдины — при янбанах. Неравенство соблюдалось и в курительных приборах: длина трубки демонстрировала положение в обществе. Распространение западных сигарет в последнем десятилетии XIX в. не изменило коренным образом ситуации: дорогие западные сигареты курили богатые и знатные люди, а люди попроще — дешёвые местные или, по-прежнему, короткие трубки. С установлением своего протектората Страна восходящего солнца становится основным производителем табачных изделий в Корее, получая от этого немалую прибыль.

References

Cox, H. (2000). *The Global Cigarette: Origins and Evolution of British American Tobacco, 1880—1945*. Oxford: Oxford University Press on Demand.

Goodman, J. (1995) *Tobacco in History*. The Cultures of Dependence. London; New York, Routledge.

Ha Woo Bong (2015). War and Cultural Exchange. In: J.B. Lewis (ed.). *The East Asian War, 1592—1598. International Relations, Violence, and Memory*. New York: Routledge, pp. 323—340.

Kell, K.K. (1965). Tobacco in Folk Cures in Western Society. *Journal of American Folklore*. Vol. 78. № 308, pp. 99—101.

Kim, M. (2016). Smoking for Empire: The Production and Consumption of Tobacco in Colonial Korea, 1910—1945. *Seoul Journal of Korean Studies*. № 29 (2), pp. 305—326.

Screech, T. (2004) Tobacco in Edo Period Japan. In: Gilman S.L. & Zhou Xu (ed.) *Smoke: A Global History of Smoking*. Pp. 92—99.

Yi Yonghak (1991). Tambaе ui sahoesa: Choson hugi eso ilche sigi kkaji [Social History of Tobacco: from the Choson Dynasty to the Colonial Period]. *Yoksa pipyeong*. № 14, pp. 121—135. (In Korean).

Yi Yonghak (2013). *Hanguk kundae yoncho sango pyongu* [Study of Korea's modern tobacco industry]. Seoul: Sinsowon (In Korean).

Особенности правового регулирования туризма Республики Корея в XXI в.: проблемы и перспективы

***Аннотация.** Туристическая сфера в современном мире является прогрессивной сферой, однако процесс её активизации в Азиатском регионе зачастую связывают лишь с началом XXI в. В Республике Корея данный процесс получил развитие позже относительно остальных стран данного региона ввиду нестабильности внешней политики и экономики XX в.*

База правового регулирования Республики Корея начала формироваться в XX в., например, «закон о туризме» (관광기본법) 1975 г., однако именно в XXI веке было издано много нормативно-правовых актов, способствующих активизации туристской сферы. Основные из них: «Закон о поощрении туризма» 2007 года («관광진흥법»), специальный закон «О расширении объектов размещения туристов» 2015 года («관광숙박시설 확충을 위한 특별법»), закон «О туристской организации в Корее» 2017 г. («한국관광공사법»). Издание нормативно-правовых актов обеспечило безопасность туристов в период их нахождения на территории Республики Корея, строительство и развитие объектов туристской направленности, привлекло значительное количество иностранных инвестиций и проектов, способствующих росту туристской привлекательности государства, что положительно повлияло на развитие данной сферы. Однако в законодательстве, регулирующем туристскую сферу, прослеживаются явные недостатки. Так, отсутствие дипломатических отношений со странами, закреплённых на законодательном уровне, и строгий визовый контроль затрудняют обмен туристами. Также в законодательстве превалирует императивный метод правового регулирования (подчинение одного субъекта другому (обычно — государству)), а не диспозитивный (основа — равенство субъектов туризма), что существенно ограничивает свободу их взаимодействий. Таким образом, правовое регулирование туризма Республики Корея в XXI в. обладает как преимуществами, так и недостатками.

***Ключевые слова:** туризм, Республика Корея, правовое регулирование туризма, императивный и диспозитивный методы, медицинский туризм*

Khasanova Amina Rinatovna

student of the direction «Oriental and African studies»
of the Ural Federal University named after B.N. Yeltsin
(Ekaterinburg, Russia)
amina.khasanova.02@mail.ru

PEculiarities of legal regulation of tourism in the Republic of Korea in the 21st century: problems and prospects

Abstract. *The tourism sector in the modern world is a progressive sphere, but the process of its activation in the Asian region is often associated only with the beginning of the 21st century. In the Republic of Korea, this process was developed later than other countries of the region due to the instability of the foreign policy and economy of the 20th century.*

The legal framework of the Republic of Korea began to take shape in the 20th century, for example, the «Tourism Law» (관광기본법) of 1975, but it was in the 21st century that many regulations were issued that promote the revitalization of the tourism sector. The main ones are: «Tourism Promotion Act» of 2007 («관광진흥법»), a special law «on the expansion of tourist accommodation facilities» of 2015 («관광숙박시설 확충을 위한 특별법»), the law «On Tourist Organization in Korea» of 2017 («한국관광공사법»). The publication of regulatory legal acts ensured the safety of tourists during their stay on the territory of the Republic of Korea, the construction and development of tourist facilities, attracted a significant amount of foreign investment and projects that contribute to the growth of the tourist attractiveness of the state, which positively influenced the development of this area. However, there are obvious shortcomings in the legislation regulating the tourism sector. Thus, the lack of diplomatic relations with countries, fixed at the legislative level, and strict visa control make it difficult to exchange tourists. Also in the legislation, the imperative method of legal regulation prevails (the subordination of one subject to another (usually the state)), and not the dispositive one (the basis is the equality of tourism subjects), which significantly limits the freedom of their interactions. Thus, the legal regulation of tourism in the Republic of Korea in the 21st century has both advantages and disadvantages.

Keywords: *tourism, Republic of Korea, legal regulation of tourism, imperative and dispositive methods, medical tourism*

Правовое регулирование туристской сферы — это упорядочение общественных отношений в сфере туризма, осуществляемые со стороны государства с помощью правовых норм, а также их юридическое закрепление в официальных актах и источниках. Таким образом, одними из важнейших компонентов структуры правового регулирования в туристской сфере являются три группы общественных отношений, обладающих схожими признаками, что представляют собой предмет правового регулирования туризма [Писаревский Е.Л. 2014, с. 13—16]. К первой группе относятся отношения, именуемые экономическими (имущественными), и непосредственно связанные с ними личные неимущественные. Такого рода связи могут возникнуть между производителями (туристскими операторами) и потребителями сферы туризма (туристами) или между производителями (туроператорами) и исполнителями (туристскими агентствами). Вторую группу составляют отношения по властному управлению публичного (управленческого) характера. Сфера туризма по большей части контролируется со стороны государства, что проявляется в том, что именно государство определяет основные векторы развития этой сферы, выделяет средства из государственного бюджета на усовершенствование логистики и инфраструктуры, выделяет субсидии в поддержку организаций по охране объектов исторического и культурного наследия. Также наиболее часто отношения подобного типа складываются между государством и частными предпринимателями, работающими в туристской сфере. Третья группа включает в себя отношения в области безопасности туризма или «ситуационные отношения» [Зырянов С.М. 2010, с. 571—580]. Подобные связи складываются между государственными органами и субъектами туристской сферы с целью обеспечить безопасность всех членов туристской деятельности, предотвратить, а в дальнейшем и ликвидировать угрозы жизни и здоровью людей. К субъектам туризма, в данном случае, можно отнести несколько элементов: физические лица, то есть сами туристы, и их объединения; организации, производящие и предоставляющие туристам товары и услуги; субъекты, организующие и предлагающие туристский продукт на рынке (турагенты, туроператоры); учреждения, подготавливающие кадры для этой сферы, государственные органы, контролирующие туристскую деятельность как внутри отдельно взятой страны, так и на мировой арене и местное население, которое проживает на территориях, посещаемых туристами.

Правовое регулирование туристской сферы осуществляется с помощью правовых средств и через применение способов и методов воздействия права на общественные отношения туристской сферы. Правовые средства представляют собой различные механизмы, с помощью которых контролируются общественные отношения. В туристской сфере к ним, в основном, относят нормы права, субъективные права, юридические обязанности, юридическую ответственность, правовые ограничения и правовые стимулы. Каждый из этих инструментов своим образом регулирует отношения, возникающие в сфере туризма. Помимо этого, их деятельность контролируют с помощью основных приёмов: дозволение, обязывание, запрещение, которые формируют понятие «способа правового регулирования». Дозволение предоставляет субъектам туризма выбор по совершению какого-либо действия или поступка в разумных рамках. Обязывание наделяет субъекта права какой-либо обязанностью, в рамках которой он должен совершить определённое действие. Запрещение, наоборот, ограничивает действия субъекта туризма в конкретной ситуации, нарушение чего может привести к административным или уголовным последствиям.

Также важно отметить про два ключевых метода правового регулирования общественных отношений между субъектами туризма. К ним относят императивный и диспозитивный методы. Основная разница между ними заключается в иерархичности субъектов туризма, между которыми и возникают разного рода отношения. Так, императивный метод предполагает подчинение одного субъекта другому, то есть вертикальная параллель власти, построенная на основе авторитарной модели. Способы правового регулирования, рассмотренные выше, как раз относятся к данному методу и зачастую называются «императивными». Такого рода иерархия лежит, к примеру, в основе отношений между государственным органом по работе в сфере туризма и туристами. Диспозитивный метод построен на основе автономной модели, базой которого является равенство субъектов туризма между собой, что подтверждается равными правами и обязанностями в рамках общественных отношений между ними. К примеру, этот метод используется при заключении равноправных договоров касательно туристской деятельности, когда обе стороны имеют равные права по изменению или расторжению этого договора. К способам правового регулирования в данном методе можно отнести информативные, поощрительные, рекомендательные, каждая из которых не наделяют субъектов

обязательными правами или обязанностями. Диспозитивные методы позволяют субъектам отношений в туристской сфере самостоятельно пользоваться своими правам [Бошно С.В. 2014, с. 53—60]. Примером может служить заключение договора между туристским оператором и туристом, так как обе стороны получают права, которыми они могут воспользоваться, например, право на одностороннее расторжение договора при определённых условиях, что может быть осуществлено как со стороны туроператора, так и со стороны туриста. Этот факт и отражает равенство субъектов туристского права.

Одной из особенностей правового регулирования туристской сферы в Республике Корея является преобладание императивного метода над диспозитивным. Такой вывод можно сделать после анализа изданных нормативных актов за последние 20 лет. Большинство из них представляют собой именно вертикальную модель контроля, где в качестве субъекта выступает само государство или уполномоченный по туризму государственный орган, тем самым он в одностороннем порядке контролирует и регулирует действия объектов, куда можно отнести турагентов, туроператоров и самих туристов. Ярким примером, подтверждающим преобладание в законодательстве использования императивных методов, когда происходит подчинение одного субъекта другому, в данном случае — подчинение турагентов и туроператоров мерам, предпринятых государством, является указ о «Правилах страхования путешествий, взаимопомощи и бизнес-депозитов», изданный в 2003 году и регламентирующий положение туристских агентов и операторов на территории Республики Корея. В нём прописываются детали условий для выплаты гарантийного страхования туристу от турагента или туроператора (в зависимости от ситуации). Так, например, в статье 3 говорится, что «Положение применяется только к требованиям о возмещении ущерба, которые произошли в период приобретения гарантийного страхования и т. д., или внесения депозитов в случае, если туристское агентство нанесёт путешественнику ущерб в результате несчастного случая, связанного организацией поездок»³¹⁰ (глава 1, статья 3).

---

³¹⁰ 여행업보증보험공제및영업보증금운영규정. 국가법령정보센터 [Указ о правилах страхования путешествий, взаимопомощи и бизнес-депозитов. Национальный правовой информационный центр]. Сентябрь 30, 2022. <https://www.law.go.kr/LSW/admRulInfoP.do?admRulSeq=3520>.

Другой особенностью является тот факт, что в Республике Корея в законодательные акты, регулирующие туристскую сферу, в большинстве случаев вносятся поправки, так как с течением времени часть норм устаревает, и появляется необходимость переиздать закон. Однако это является основной предпосылкой, почему в последнее десятилетие количество новоизданных норм сократилось: государство предпочитает внести изменения в старый указ, нежели чем издать новый. Таким образом, это позволяет облегчить контроль за деятельностью субъектов туристского права, так как вместо количественного фактора (издание значительного числа новых законов) используется качественный (внесение поправок в существующие законы и пересмотр устаревших статей), что существенно ускоряет процесс правового регулирования. Так, например одним из значимых актов касаясь туристской сферы является «Закон о поощрении туризма» («관광진흥법»), вступивший в силу 19 июля 2007 года. В данный документ были внесены поправки, связанные с пересмотром ряда пунктов статей, более 170 раз с 2007 по сентябрь 2022 года³¹¹. Более того, было предложено более 90 новых пунктов. Например, в статье 47—48 15 июня 2021 года появилась такая поправка «Министр культуры, спорта и туризма для развития индустрии интеллектуального туризма имеет право продвигать и поддерживать каждый из следующих проектов:

1. Исследования, исследования и планирование политики и систем для развития индустрии интеллектуального туризма.
2. Продвижение стартапов, связанных с индустрией умного туризма, а также поддержка роста и развития основателей.
3. Исследования и разработки и практическое применение технологий, связанных с индустрией интеллектуального туризма.
4. Развитие регионального туризма на основе умной индустрии туризма.
5. Подготовка профессиональных кадров, необходимых для продвижения индустрии умного туризма³¹²».

Таким образом, все статьи касаясь деятельности министра культуры, спорта и туризма расположены в одном нормативно-правовом акте, а не дифференцированы.

---

³¹¹ 관광진흥. Yeslaw.com [Закон о поощрении туризма]. Сентябрь 30, 2022. <http://www.yeslaw.com/lims/front/page/fulltext.html?action=LAW&lawid=760>.

³¹² 관광진흥법. Yeslaw.com [Закон о поощрении туризма]. Сентябрь 30, 2022. <http://www.yeslaw.com/lims/front/page/fulltext.html?action=LAW&lawid=760>

Важной деталью изучения правового регулирования туристской сферы в Республике Корея является рассмотрение основных проблемных аспектов. Первым фактором, который негативно сказывается на регулировании туристской сферы, является несовершенство законодательства, так как при возникновении новых форм общественных отношений в туристской сфере есть вероятность, что для их регламентирования требуются новые правовые нормы или формы источников права. Это приводит к тому, что отношения между субъектами туризма не могут получить должного развития без правовой поддержки, что становится препятствием для правового регулирования, так как в подобных поправках могут быть рассмотрены не все способы и пути для разрешения и контроля различных случаев в туристской сфере. Так, например, в Республике Корея на законодательной основе не в значительной мере закреплены права и обязанности при взаимодействии туроператоров и турагентств, а также турагентств и туристов. Это, в свою очередь, может вызвать ряд проблем, на регулирование которых будет затрачено больше сил и времени из-за пробелов в законодательстве. Из чего вытекает следующий проблемный аспект — слабая разработка механизма для оказания юридической помощи лицам, чьи права в туристской сфере были нарушены. Создание такой системы позволило бы сформировать комфортное пространство для туристов, так как будут разработаны алгоритмы действий при ущемлении, пренебрежении их прав и свобод, возникающих при взаимодействии со сферой туризма [Саченок Л.И. 2020, с. 460—465]. Например, в статье 40 глава 2 «Закона о поощрении туризма» («관광진흥법») прописывается, что «туроператор и турагентство может потерять свою квалификацию и обязано приостановить свою деятельность при нарушении исполнения обязанностей туристского работника (несоблюдение требований³¹³)», однако детально эти требования не содержатся в закон. Таким образом, разрешение этого дела и назначение административного наказания займёт большее количество времени из-за отсутствия важной информации в самом законе, то есть не до конца регламентированы отношения между государством и туроператором и турагентством.

Также важно отметить, что в большинстве случаев нормы права регулируют положение определённых видов туризма, что приводит

---

³¹³ 관광진흥. Yeslaw.com [Закон о поощрении туризма]. Сентябрь 30, 2022. <http://www.yeslaw.com/lims/front/page/fulltext.html?action=LAW&lawid=760>.

к дифференциации их развития — ещё одному важному проблемному аспекту в правовом регулировании туристской сферы в Республике Корея. Должное внимание, в основном, уделяется медицинскому, спортивному, рекреационному, образовательному туризму и новому направлению — «халлю»-туризму. Так, например, во второй главе «Закона о поощрении туризма» («관광진흥법») содержатся основные правила для разработки туристских проектов, направленных на качественное развитие данной отрасли. Например, есть упоминание про медицинский туризм, что подразумевает «одновременный туризм пациентов и сопровождающих их лиц, получающих медицинские услуги, такие как лечение и операции в отечественных медицинских учреждениях». Таким образом, удалось добиться расширения потока медицинского потока практически в 5 раз в период 2009—2015 гг. Число иностранных пациентов, посещающих Корею, постоянно увеличивается с 60 тысяч в 2009 г. до 300 тысяч в 2015 г. Среднегодовой темп роста составляет 51,8%. Кроме того, в 2018 г. Корею с этой целью посетили около 800 тысяч туристов, а рынок медицинского туризма вырос до 870 миллионов долларов. Ожидается, что это будет рынок постоянного роста.

Из-за данной дифференциации такие виды туризма, как потребительский, воссоединительный (ностальгический), социальный, религиозный, привлекают меньше туристов, так как они не имеют законодательной основы, обеспечивающей безопасность для туристов.

Не менее важным проблемным аспектом является отсутствие дипломатических отношений Республики Корея со странами, закреплённых на законодательном уровне. Имеется ряд соглашений, заключённых ещё в XX в., в которых упоминается взаимное развитие туристских сфер и обмен туристами, однако за последние 20 лет в связи с изменениями во внешнеполитической ситуации появилась необходимость в повторной регламентации отношений между странами в туристской сфере для обозначения новых векторов в развитии данной отрасли. Главным вопросом является введение безвизового режима для облегчения расширения туристского потока. Но несмотря на наличие вопросов, полноценные официальные договоры по туристской сфере заключены не были в XXI в.

Таким образом, рассматривая перспективы развития правового регулирования туристской сферы в Республике Корея стоит отметить, что туристская сфера прогрессирует с каждым годом, поэтому юридическая база требует постоянного обновления. На данный момент

значительная часть отрасли подкреплена законодательной основой, что обеспечивает должное правовое регулирование туристской сферы. Тем не менее, проблемные аспекты, отмеченные выше, требуют должного внимания, так как, только устранив их, Республика Корея сможет достичь максимального развития данной сферы, что позволит не только расширить туристской поток, но и обеспечить эффективную и безопасную работу для туристских агентств и операторов.

Библиографический список

Бошно С.В. (2014). Способы и методы правового регулирования. *Право и современные государства*. № 3. С. 53—60.

Зырянов С.М. (2010) *Развитие ситуационного законодательства*. М.: Эксмо.

Писаревский Е.Л. (2014). *Правовое обеспечение туризма*. М.: Федеральное агентство по туризму.

Саченок Л.И. (2020). Проблемные аспекты правового регулирования туристической деятельности: направления их решения. *Учёные записки Крымского федерального ун-та имени В.И. Вернадского*. № 4. С. 437—449.

References

Boshno, S. (2014). Sposoby i metody pravovogo regulirovaniya [Ways and methods of legal regulation]. *Pravo i sovremennye gosudarstva*, № 3, pp. 53—60. (In Russian).

Pisarevskij, E.L. (2014). Pravovoe obespechenie turizma [Legal support of tourism]. Moscow: Federal Agency for Tourism. (In Russian).

Sachenok, L. (2020). Problemnye aspekty pravovogo regulirovaniya turistichej deyatel'nosti: napravleniya ih resheniya [Problematic aspects of the legal regulation of tourism activities: directions for their solution]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo un-ta imeni V.I. Vernadskogo*. № 3, pp. 437—449. (In Russian).

Zyryanov, S.M. (2010) *Razvitie situacionnogo zakonodatel'stva* [Development of situational legislation]. Moscow: Eksmo. (In Russian).

Раздел 7

Япония

Гордеева Ирина Викторовна

кандидат исторических наук, доцент
Школы востоковедения ФМЭИМП,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва, Россия)
igordeeva@hse.ru

Проблемы безопасности в АТР и Японии. Формирование альтернативных механизмов в сфере безопасности и торговли

***Аннотация.** В статье рассматриваются проблемы безопасности в АТР и связанные с этим вопросы проблемы формирования в регионе новых подконтрольных Западу блоковых механизмов взамен уже сформировавшихся. В качестве центральной доктрины Вашингтона и Токио выдвинута разработанная Японией и взятая на вооружение Соединёнными Штатами концепция Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона (FOIP). Определена и четвёрка стран — США, Япония, Индия, Австралия, призванная стать руководящим механизмом в решении проблем АТР. В программных японских документах также указывается, что данное построение «будет основой международного порядка». В качестве военного ядра своей индо-тихоокеанской стратегии Соединённые Штаты и их ближайшие союзники, Великобритания и Австралия, учредили специальное формирование (AUKUS). Япония, воздерживаясь, по понятным причинам, от формального вступления в данный военный блок (конституционные ограничения, неизбежная негативная реакция как внутри страны, так и за её пределами), выражает полную поддержку AUKUS, наращивает производство собственных вооружений.*

Особые усилия Вашингтона и Токио направлены на привлечение на свою сторону членов АСЕАН. В этих целях в американских и японских заявлениях активно поддерживается позиция АСЕАН о «центрально-

сти» этой организации в АТР. В противовес Форуму АТЭС, где представлены основные страны региона, формируется, по американской инициативе, новое образование в экономической сфере — Рамочное экономическое соглашение в Индо-Тихоокеанском регионе (IPEF), цель которого — осуществление выгодного Западу экономического курса в АТР, оттеснение АТЭС. Развернувшееся геополитическое противоборство всё больше распространяется и на находящуюся до последнего времени под полным контролем Запада Океанию. Предпринимаются усилия привлечь страны Океании к сотрудничеству в рамках доктрины FOIP. В июне 2022 г. было объявлено о создании новой группировки (Partners in the Blue Pacific — PBP) в составе США, Великобритании, Японии, Австралии и Новой Зеландии.

Ключевые слова: проблемы безопасности, АТР, Индо-Тихоокеанский регион, форум АТЭС, альтернативные механизмы

Gordeeva Irina

PhD (History), Associate Professor, HSE University
(Moscow, Russia)
igordeeva@hse.ru

Security issues in the APR and Japan. Formation of alternative mechanisms in the field of security and trade

Abstract. *The article focuses on security issues in the Asia-Pacific region and the related problems of the formation of new block mechanisms controlled by the West in the region to replace those already formed, which negatively affects the security situation. The concept of a «Free and Open Indo-Pacific Region» (FOIP) developed by Japan and adopted by the United States has been put forward as the central doctrine of Washington and Tokyo. The so called «Quad» — the USA, Japan, India, Australia — was designed to become a guiding mechanism in solving the problems of the Asia-Pacific region. As the military core of its Indo-Pacific strategy, the United States, Great Britain and Australia, have established a special formation (AUKUS). Japan, refraining, for obvious reasons, from formally joining this military bloc, expresses full support for AUKUS, meanwhile increasing the production of its own weapons.*

Special efforts of Washington and Tokyo are aimed at attracting the ASEAN countries to their side. In contrast to the APEC Forum, where the main countries of the region are represented, a new entity in the economic

sphere is being formed, on the American initiative — Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity (IPEF), the purpose of which is to implement an economic course beneficial to the West in the Asia-Pacific region, pushing back APEC. The unfolding geopolitical confrontation is increasingly spreading to Oceania. Efforts are being made to involve Oceania countries in cooperation within the framework of the FOIP doctrine. In June 2022, the creation of a new group (Partners in the Blue Pacific — PBP) consisting of the USA, Great Britain, Japan, Australia and New Zealand was also announced.

Keywords: *Security Issues, Asia-Pacific region, Indo-Pacific region, APEC Forum, Alternative Mechanisms*

Обстановка в Азиатско-Тихоокеанском регионе характеризуется растущей напряжённостью вследствие развернутого Соединёнными Штатами, их союзниками и партнёрами очередного масштабного наступления по утверждению своего лидерства в регионе, отеснению стран, политика которых рассматривается в Вашингтоне как угроза интересам и безопасности Запада.

Взят курс на разрушение сложившейся в АТР инклюзивной системы взаимовыгодного диалога и сотрудничества, создание механизмов, обеспечивающих безраздельное господство возглавляемой Соединёнными Штатами коалиции коллективного Запада.

Своим остриём данный курс направлен против Китая, значительно укрепившего за последние десятилетия свои позиции в регионе и существенно потеснившего своих соперников. С особым беспокойством в США и Японии была воспринята весьма успешно реализуемая Пекином инициатива «Один пояс, один путь» (ОПОП). В то же время огонь всё больше переносится и на Россию, действия которой представляются «серьёзной угрозой» международной стабильности и безопасности.

В концентрированном виде эта линия представлена в Стратегии США по национальной безопасности (октябрь 2022 г.)³¹⁴. Подтверждена откровенная заявка на безраздельное лидерство Соединённых Штатов в мировых делах, формирование «единого фронта» всех стран и сил, готовых следовать курсу Вашингтона на подрыв позиций

---

³¹⁴ U.S. National Security Strategy. October 2022. <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Baden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf>.

и изоляцию Китая и России, невзирая на то, каких взглядов и принципов придерживается руководство этих стран и сил.

Важнейшее место в стратегии Запада, если не главное, занимает Азиатско-Тихоокеанский регион, который станет, как подчёркивается, «эпицентром геополитики в XXI веке». Учитывается, что, в отличие от Европы, коллективному Западу предстоит здесь серьёзная работа, поскольку в азиатском регионе находится ряд ведущих государств и объединений, центров силы, придерживающихся собственного независимого курса и не настроенных портить сложившиеся у них взаимовыгодные отношения с Китаем и Россией, тем более вступать с ними в конфронтацию.

В качестве центральной доктрины Вашингтона и Токио в регионе выдвинута разработанная Японией и взятая на вооружение Соединёнными Штатами концепция Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона (FOIP) — от западного побережья Соединённых Штатов до восточных пределов Африки³¹⁵. Определена четвёрка стран (Quad) — США, Япония, Индия, Австралия, призванная стать руководящим механизмом в решении проблем АТР. Причём в программных японских документах и заявлениях указывается, что данное построение «будет основой международного порядка»³¹⁶.

Особые задачи по утверждению нужного Западу порядка в АТР возлагаются на Японию, руководство которой взяло курс на существенное повышение влияния Токио в регионе и в мировых делах, укрепление её военного потенциала, расширение участия в рамках «коллективной обороны». Развернулась борьба за Индию с учётом её экономических и людских ресурсов, международного влияния. Предпринимаются попытки подорвать дружественные связи Индии с Россией, настроить её против Китая с учётом непростых отношений сторон.

Значительные усилия Вашингтона и Токио направлены на привлечение на свою сторону стран АСЕАН, их подключение к создаваемым Западом в АТР новым формированиям. В этих целях в американских и

---

³¹⁵ Japan's effort for a «Free and Open Indo-Pacific». Ministry of Foreign Affairs of Japan. <https://www.mofa.go.jp/files/100056243.pdf>; Indo-Pacific Strategy of the United States. The White House, Washington. February, 2022. <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/u.s.-Indo-Pacific-strategy.pdf>.

³¹⁶ Prime Minister Suga and Foreign Minister Motegi's Attendance at the 2nd Tokyo Global Dialogue. *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. February 25, 2021. https://www.mofa.jp/fp/pp/page6e_000230.html.

японских заявлениях активно поддерживается позиция АСЕАН о «центральной» этой организации в Азиатско-Тихоокеанском регионе³¹⁷.

К политике США и Японии в регионе всё больше подключаются страны Евросоюза. Выдвинуто положение о неразделимости безопасности Европы и Индо-Тихоокеанского региона (ИТР) — с распространением на ИТР сферы деятельности ЕС и НАТО³¹⁸.

Процесс формирования механизмов *Quad* увенчался проведением встреч четвёрки на высшем уровне (12 марта 2021 г. в формате видеоконференции, а 24 сентября 2021 г. и 24 мая 2022 г. — уже в очном формате, последняя встреча — в Японии). В принятом 24 мая на саммите *Quad* совместном заявлении стороны подчеркнули «свою решимость поддерживать основанный на правилах международный порядок, где страны свободны от всех форм военного, экономического и политического принуждения»³¹⁹.

Со стороны США, при администрации Д. Трампа, поднимался вопрос об институционализации FOIP. Однако широкой поддержки эта идея не получила в силу нежелания членов АСЕАН и других стран региона вступать в конфронтацию с Китаем. Принимая во внимание отмеченные обстоятельства, Соединённые Штаты и их ближайшие союзники, Великобритания и Австралия, учредили специальное формирование *AUKUS* — в качестве военного ядра индо-тихоокеанской стратегии и, по сути, военного крыла *Quad*.

В числе первых шагов нового объединения намечается существенное укрепление оборонительного потенциала Австралии, как страны, находящейся непосредственно в Индо-Тихоокеанском регионе. Военно-морской флот Канберры получит 18 новейших атомных подводных лодок, построенных с помощью американских и британских военных компаний. Предусматриваются и другие меры по снабжению Австралии новейшими американскими вооружениями. В частности, намечено размещение на севере Австралии стратегических бомбардировщиков В-52, способных нести ядерные заряды.

---

³¹⁷ ASEAN Outlook on the Indo-Pacific. *ASEAN Main Portal*. https://asean.org/storage/2019/06/ASEAN-Outlook-on-the-Indo-Pacific_FINAL_22062019.pdf.

³¹⁸ Joint Communication to the European Parliament and the Council «The EU strategy for cooperation in the Indo-Pacific». Brussels. *EU Official website*. September 16, 2021. https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/jointcommunication_indo_pacific_en.pdf.

³¹⁹ Quad Joint Leaders' Statement. *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. May 24, 2022. https://www.mofa.go.jp/fp/nsp/page1e_000401.html.

Что касается Японии, то воздерживаясь, по понятным причинам, от формального вступления в данный военный блок (конституционные ограничения, неизбежная негативная реакция азиатских стран, не забывших об уроках Второй мировой войны), со стороны Токио выражается полная поддержка *AUKUS*. Не исключается, что Япония всё же присоединится к *AUKUS*.

Вырисовывается ось Токио—Канберра, как двух основных союзников США, расположенных непосредственно в Азиатско-Тихоокеанском регионе. 6 января 2022 г. между Японией и Австралией было подписано Соглашение о взаимном доступе³²⁰, предусматривающее существенное расширение японо-австралийского сотрудничества в военной сфере. 21—23 октября Австралию посетил премьер-министр Ф. Кисида. По итогам состоявшихся переговоров сторон были подписаны Совместная декларация Японии и Австралии о сотрудничестве в сфере безопасности и Совместное заявление лидеров двух стран (оба документа подписаны 22 октября), в соответствии с которыми намечается значительное расширение японо-австралийских связей в различных областях³²¹.

Со стороны Вашингтона постоянно подчёркивается необходимость дальнейшего укрепления взаимодействия со странами региона, связанными прямыми союзническими обязательствами с США — Японией, Австралией, Южной Кореей, Таиландом, Филиппинами.

Активизировал свои действия механизм НАТО—Азиатско-тихоокеанские партнёры (*NATO—AP4*): Япония, Австралия, Южная Корея, Новая Зеландия. На протяжении 2022 г. состоялись встречи участников объединения на уровне министров иностранных дел и министров обороны, а 29 июня — встреча лидеров сторон в Мадриде (перед началом саммита НАТО). Стороны договорились усилить координацию действий между собой в условиях осложнившейся международной обстановки, включая такие сферы как кибернетика, новые технологии, безопасность на морях, противодействие дезинформации, обеспечение безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе³²².

---

³²⁰ Agreement between Japan and Australia concerning the facilitation of reciprocal access and cooperation between the self-defense forces of Japan and the Australian defense force. *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. December 6, 2022. <https://www.mofa.go.jp/files/100283786.pdf>.

³²¹ Japan-Australia Leaders' Meeting. October 22, 2022. https://www.mofa.go.jp/a_o/ocn/au/page1e_000510.html.

³²² North Atlantic Treaty Organization. Relation with Asia-Pacific partners. July 12, 2022. <https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics>.

Не снижается напряжённость в зоне Южно-Китайского моря, где со стороны Соединённых Штатов, их союзников и партнёров усиливается давление на Китай, пытающийся закрепить за собой обширные акватории ЮКМ и расширить влияние в регионе Индийского океана. Вашингтон предпринимает попытки наладить здесь взаимодействие с прибрежными странами региона, имеющими территориальные споры с Китаем, и Индией, озабоченной китайским продвижением в зоне Индийского океана.

Вашингтон и Токио постоянно используют в свою поддержку вынесенный 12 июля 2016 г. международным трибуналом в Гааге вердикт по иску Филиппин с указанием, что действия КНР в Южно-Китайском море и её посягательство на 90% территории этого моря нарушают Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г. и задевают интересы других прибрежных государств³²³.

Существенно повысилась в регионе военная активность США. Американские военные корабли и самолеты игнорируют, воспринимают как незаконные, установленные Китаем ограничительные зоны вокруг островов и атоллов в ЮКМ, что зачастую приводит к острым конфликтам сторон. Всё чаще в этом регионе появляются военные корабли Великобритании, Франции, Нидерландов. Подтягивается Япония (участие в совместных военных учениях стран Запада, увеличение помощи, в том числе военной, прибрежным странам). Как подчёркивается в Стратегии национальной безопасности США-2022, «мы намерены утвердить свободу морей и построить совокупную региональную поддержку открытого доступа в Южно-Китайское море — магистрального пути для примерно двух третей глобальной морской торговли и четверти всей глобальной торговли».

Со стороны Запада важнейшая роль отводится Тайваню как своему опорному пункту в регионе, с учётом стратегического положения острова на ключевых коммуникационных линиях в западной части Тихого океана, его значительного экономического, военного и технологического потенциала. Не вызывает сомнения, что Соединённые Штаты и их союзники будут делать всё, чтобы воспрепятствовать воссоединению Тайваня с материковым Китаем, что серьёзно усилило

---

³²³ Вердикт международного трибунала по спору Республика Филиппины против Китайской Народной Республики. 12.07.2016. <https://pca-cpa.org/en/news/pca-press-release-the-south-china-sea-arbitration-the-republic-of-the-philippines-v-the-peoples-republic-of-china/>.

бы позиции КНР, открыло китайским ВМС беспрепятственный доступ в зону Тихого океана.

Все последние годы нарастали провокационные действия Вашингтона в связи с Тайванем, предпринимались всё новые, и новые шаги, идущие вразрез с взятыми США обязательствами в тайваньском вопросе, что являлось прямым нарушением статус-кво в зоне Тайваньского пролива. Появились и достаточно ясные заявления со стороны Соединённых Штатов о возможном применении силы для защиты Тайваня (ряд последних высказываний президента Байдена, слова в опубликованной в октябре 2022 г. Стратегии национальной безопасности США — «мы будем придерживаться наших обязательств согласно Акту о взаимоотношениях с Тайбэем о поддержке самообороны Тайваня, сохранения нашей возможности противостоять любому применению силы или принуждения против Тайваня»). При попустительстве Вашингтона откровенно сепаратистский курс взяла пришедшая к власти на Тайване в 2016 г. администрация Демократической прогрессивной партии (ДПП).

Вызывающим шагом с американской стороны стал визит на Тайвань в августе 2022 г. спикера палаты представителей американского конгресса Н. Пелоси, несмотря на неоднократные предупреждения на этот счёт со стороны Китая. В ответ состоялись масштабные учения китайских ВВС и ВМС в зоне Тайваньского пролива, наглядно продемонстрировавшие, согласно оценкам военных экспертов, возросшую мощь Китая, его способность решить проблему военным путём.

Продолжается курс США на всемерное укрепление Тайваня в военном отношении в целях придания ему способности противостоять военному нажиму со стороны КНР. Появились сообщения о намерении США поставить Тайваню 100 ракет Patriot вместе с радаром и вспомогательным оборудованием на сумму 882 млн долл. Готовится законопроект, в котором предусматривается выделение Тайваню 10 млрд долл. в рамках проекта бюджета США на оборону. Не прекращается поток визитов на Тайвань парламентариев США, их союзников и партнёров, высокопоставленных официальных лиц.

Развернувшееся геополитическое противоборство всё больше распространяется на находившуюся до последнего времени под полным контролем Запада Океанию с её огромными ресурсами. Коллективный Запад рассматривает попытки других игроков, включая крупные державы тихоокеанского региона, устанавливать и развивать связи

с островными тихоокеанскими государствами, как покушение на «законные права» Запада, «нарушение сложившегося статус-кво».

Буквально в штыки была встречена заметно возросшая в последние годы активность в регионе Пекина, имеющего здесь свои интересы. Бурную реакцию коллективного Запада вызвало заключение между Китаем и Соломоновыми островами Соглашения о сотрудничестве в сфере безопасности (парафировано 31 марта 2022 г., 19 апреля соглашение было подписано в Пекине министрами иностранных дел сторон). На руководство Соломоновых островов оказывается сильнейшее давление в целях дезавуировать достигнутую с Китаем договорённость.

Сложившаяся ситуация побудила Соединённые Штаты и их союзников приступить к осуществлению решительных шагов по укреплению своих позиций в Океании, противодействию политике Пекина. Основные цели и задачи Вашингтона в этом регионе были изложены в опубликованной в феврале 2022 г. Индо-тихоокеанской стратегии Соединённых Штатов³²⁴. Рассматривая островные тихоокеанские государства как неотъемлемую часть этой стратегии, в документе указывается, что «США будут работать со своими партнёрами над созданием многосторонней стратегической группировки для поддержки островных тихоокеанских государств». Предпринимаются усилия привлечь страны Океании к сотрудничеству в рамках доктрины FOIP.

24 июня 2022 г. было объявлено о создании, по инициативе Вашингтона, новой группировки Partners in the Blue Pacific — PBP в составе США, Великобритании, Японии, Австралии и Новой Зеландии, целью которой является обеспечение интересов Запада в регионе Тихого океана³²⁵. Позже появилось официальное сообщение США о намерении присоединиться к PBP также Канады и Германии и о возможном сотрудничестве с PBP Франции, Европейского союза, Южной Кореи и Индии.

Крупным шагом администрации Байдена стало проведение в Вашингтоне 28—29 сентября 2022 г. первого саммита в формате «США—тихоокеанские острова», в котором приняли участие, помимо

---

³²⁴ Indo-Pacific Strategy of the United States. February 2022. <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf>.

³²⁵ Statement by Australia, Japan, the United Kingdom and the United States on the establishment of the Partners in the Blue Pacific (PBP). June 24, 2022. <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/06/24/statement-by-australia-japan-new-zealand-the-united-kingdom-and-the-united-states-on-the-establishment-of-the-partners-in-the-blue-pacific-pbp/>.

США, 14 стран региона. Австралия и Новая Зеландия присутствовали в качестве наблюдателей. Достаточно трудно проходила работа по подготовке совместного документа форума. Ряд стран указывали на недостаточность помощи, предоставляемой региону, проявилась их заинтересованность развивать отношения со всеми сторонами, руководствуясь, прежде всего, собственными интересами. В конечном итоге, приемлемый текст Декларации (11 пунктов) был выработан³²⁶. Основной упор сделан на таких насущных для стран региона проблемах как меры по преодолению последствий климатических изменений, расширение сотрудничества в экономической сфере, в области здравоохранения, образования, спорта. США пообещали оказать содействие Маршалловым островам в вопросах, связанных с «наследием холодной войны». Вашингтоном взято на себя обязательство предоставить островным тихоокеанским государствам помощь в размере 810 млн долл. в дополнение к 1,5 млрд долл., предоставленным ранее на 10-летний период.

В связи с последними событиями в регионе активизировался внешнеполитический курс Японии. С официальными визитами в ведущие страны Азии и Европы выезжали в последнее время Ф. Кисида и Ё. Хаяси. Япония стала местом проведения ряда важнейших международных форумов, таких как саммит *Quad*, играет заметную роль в региональных экономических объединениях (АТЭС, ВПТП, ВРЭП).

Реализуются крупные программы по наращиванию вооружённых сил страны, при том, что в данной сфере, в значительной мере, сняты существовавшие до этого ограничения. Крепнет японо-американский альянс, Япония находится под защитой Договора сторон о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности 1960 г. Решительный курс на повышение военного веса Японии взял премьер-министр Ф. Кисида. В 2021—2022 финансовом году японские военные расходы впервые превысили 1% от ВВП Японии, что позволило ей перейти на пятое место в мире по их размерам³²⁷. Японский премьер в своих последних заявлениях неоднократно указывал на то, что Японии следует добиваться уровня своих военных расходов не менее 2% от ВВП.

---

³²⁶ Declaration on U.S.-Pacific Partnership. September 29, 2022. <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/09/29/declaration-on-u-s-pacific-partnership/>.

³²⁷ Japan Approves Record Extra Defense Budget. *The Diplomat*. <https://thediplomat.com/2021/11/japan-approves-record-extra-defense-budget/>.

Одно из центральных мест в стратегии Вашингтона и его союзников заняла борьба за утверждение своих экономических интересов в АТР. Чётко прослеживается замысел создать в регионе новую систему, где Соединённые Штаты могли без помех проводить удобную им экономическую политику. В противовес Форуму АТЭС, где представлены основные страны региона, создано, опять-таки по американской инициативе, новое образование в экономической сфере — так называемое Рамочное экономическое соглашение в Индо-Тихоокеанском регионе (ИПЭФ)³²⁸.

На данный момент в ИПЭФ приняли участие 14 стран. Разумеется, ни Китая, ни России в этом объединении нет. Заработали и необходимые в этих случаях механизмы, включая встречи на уровне министров. На состоявшейся 5—6 сентября 2022 г. в Лос-Анджелесе встрече министров экономики, торговли и промышленности были приняты так называемые «четыре столпа» данной организации (торговля, пути снабжения, чистая экономика, честная экономика), предусматривающие широкий спектр мероприятий в этой сфере, причём с достаточно прозрачным противопоставлением методам, применяемым КНР³²⁹.

Западные страны стремятся также усилить своё влияние в таких сравнительно «молодых» интеграционных формированиях в АТР как Всеобъемлющее прогрессивное транстихоокеанское партнёрство (ВПТТП) и Всеобъемлющее региональное экономическое партнёрство (ВРЭП). В первом из них нет ни Китая, ни России, во втором участвует Китай. Проявив первоначально значительную заинтересованность в ТТП, Соединённые Штаты затем, при администрации Д. Трампа, вышли из него. Тем не менее, идея ТТП не погибла, и инициативу в его дальнейшем продвижении взяла на себя Япония. 8 марта 2018 г. в Сантьяго было подписано модифицированное соглашение по ТТП (теперь называется Всеобъемлющее прогрессивное транстихоокеанское партнёрство (ВПТТП)), которое вступило в силу 30 декабря 2018 г. Со стороны Токио регулярно раздаются призывы к Вашингтону вернуться в эту организацию и, как считают многие эксперты, вероятно, это произойдёт.

---

³²⁸ Summit-level meeting on the launch of the Indo-Pacific Economic Framework (IPEF). *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. https://www.mofa.go.jp/na/na2/us/page3e_001202.html.

³²⁹ Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity (IPEF) Ministerial. September 10, 2022. https://www.mofa.go.jp/press/release/press3e_000449.html.

Важное значение имеет и другой крупный механизм взаимодействия в АТР в экономической сфере — ВРЭП (в нём участвуют и Япония, и Китай). Как указывается в японской Голубой книге дипломатии 2018 (Diplomatic Bluebook 2018), «ВРЭП является стержнем экономической интеграции в Восточной Азии, направленной на формирование широкой и интегрированной экономической зоны).

***

Как видно из вышесказанного, Вашингтоном и его ближайшими партнёрами взят курс либо на подрыв не устраивающих их организаций в АТР (АТЭС), либо на ослабление в них влияния Китая и России, продвижение собственных конструкций. Избранная ими тактика носит откровенно конфронтационный характер. Навязывается политизированная, не относящаяся к повестке дня и предмету деятельности этих организаций полемика (осуждение российской военной акции в Украине, нападки на политику Китая и др.), что серьёзно осложняет их работу. Выдвигая в американской Стратегии национальной безопасности на первый план ИРЕФ, как головное экономическое объединение в регионе, Соединённые Штаты одновременно ставят задачу обеспечить своё лидерство в АТЭС, рассматриваемого эту организацию в качестве «вспомогательного органа».

Наглядно нынешняя ситуация проявилась в повседневной работе механизмов АТЭС 2022 г. В частности, состоявшиеся в этом году министерские встречи в рамках АТЭС завершились без принятия согласованных итоговых документов. А на майской встрече министров торговли представители США, Японии, Канады, Австралии, Чили, Южной Кореи и Новой Зеландии выступили с собственным итоговым заявлением, в котором была подвергнута резкой критике российская акция в Украине и на нашу страну возложена ответственность за возникнувшую в мире угрозу безопасности в продовольственной и энергетической сфере³³⁰.

Острейшими взаимными обвинениями обменялись представители США и Китая на состоявшемся в июне 2022 г. в Сингапуре Советании министров обороны стран АСЕАН и партнёров по диалогу. Не

---

³³⁰ Joint media release of Australia, Canada, Chile, Japan, the Republic of Korea, New Zealand and the United States. 21—22 May 2022. <https://www.mofa.go.jp/files/100346989.pdf>.

обошлось и без резкой критики со стороны западных стран политики России (Россия в этом совещании не участвовала и, в то же время, было организовано выступление по видеосвязи украинского президента В. Зеленского с обвинениями по адресу нашей страны).

В то же время, продвигая в АТР свою повестку и новые структуры, Вашингтон и его партнёры все же вынуждены считаться с тем, что существующие здесь и доказавшие эффективность универсальные организации и диалоговые механизмы сохраняют свою востребованность в странах региона (АТЭС, АСЕАН, асеаноцентричные механизмы, такие как Восточноазиатский саммит (ВАС), Региональный Форум АСЕАН по безопасности (АРФ), Совещание министров обороны стран АСЕАН и партнёров по диалогу (Шангри-Ла диалог).

Однако, нельзя не отметить, что продвигаемые Западом новые структуры в АТР постепенно набирают силу, всё больше азиатских стран становятся их участниками, чему способствуют имеющиеся у Запада сильные экономические рычаги, безграничные возможности американского «печатного станка» (постоянно растущий государственный долг США достиг на конец 2022 года 31 трлн долл.), значительная технологическая мощь коллективного Запада.

В целом складывающаяся в АТР ситуация говорит о том, что России предстоит большая работа, направленная на сохранение завоеванных ею позиций, обеспечение интересов нашей страны в политической, экономической сфере и в сфере безопасности, мобилизацию всех сил, готовых дать отпор своекорыстной политике Запада, ставящей под угрозу стабильность Азиатско-Тихоокеанского региона, безопасность расположенных здесь государств. Важным резервом в этом отношении являются общий с Пекином интерес не допустить безраздельное доминирование Запада в регионе, установившиеся дружественные и взаимовыгодные связи России со многими странами АТР, нежелание этих стран втягиваться в опасное и разрушительное противоборство.

Горячева Елена Александровна

к. и. н., старший научный сотрудник, учёный секретарь
Центра глобальных и региональных исследований
Института истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН
(Владивосток, Россия)
solo888@yandex.ru

**Отдельные аспекты освещения
внешней политики России в СМИ Японии
в условиях меняющегося мирового порядка**

Аннотация. В начале 2020-х гг. Россия как один из ключевых акторов мировой политики стала привлекать всё больше внимания со стороны традиционных общенациональных средств массовой информации Японии (газет «большой пятёрки» — «Асахи», «Майнити», «Ёмиури», «Санкэй», «Нихон Кэйдай», а также коммерческого и общественного телевидения). В работе анализируются основные тенденции и перечисляются этапы, связанные с репрезентацией внешней политики России в начале XXI в. в двух крупнейших газетах Японии — «Асахи» и «Ёмиури». Делается акцент на том факте, что особенно резко в прессе возросло количество материалов, посвящённых России во внешней политике, после начала СВО в Украине. В исследовании выявляются основные внешнеполитические нарративы о России 2020—2022 гг. в данных изданиях.

Ключевые слова: СМИ Японии, газеты Японии, Россия, внешняя политика, образ России, «Асахи», «Ёмиури», XXI век

Goriacheva Elena Alexandrovna

PhD, Senior Research Fellow,
Academic Secretary of Global and Regional Studies Center,
Institute of History, Archaeology
and Ethnology of the Peoples of the Far East,
Far Eastern Branch of RAS (Vladivostok, Russia)
solo888@yandex.ru

***Several aspects of covering foreign policy issues of Russia
in japanese mass media in the times of changing world order***

Abstract. In the early 2020s, Russia, as one of the key actors in world politics, has begun to attract more and more attention from the

traditional national mass media of Japan (first, the Big Five newspapers: «Asahi», «Mainichi», «Yomiuri», «Sankei», «Nihon Keizai», and second, commercial television and public broadcasting). The paper analyzes the main trends and lists the stages associated with the representation of Russian foreign policy in the two largest newspapers in Japan — «Asahi» and «Yomiuri», at the beginning of the XXI century. The emphasis is placed on the fact that the number of materials devoted to Russia in foreign policy has increased especially sharply in the press after the start of the special military operation in Ukraine. The study identifies the main foreign policy narratives about Russia 2020—2022 in these newspapers.

Keywords: *Japanese mass media, newspapers of Japan, Russia, foreign policy, image of Russia, «Asahi», «Yomiuri», XXI century*

Традиционные СМИ Японии, к которым эксперты-медиологи относят газеты и телевидение, стабильно уделяют большое внимание международной повестке, влияющей на жизнь японского общества. Россия, как один из наиболее глобальных игроков на мировой арене, всегда привлекала к себе повышенное внимание японских СМИ, до недавнего времени это преимущественно касалось вопроса подписания мирного договора и решения территориальной проблемы, а также историческим проблемам — комплексу вопросов, связанных с военнопленными в Сибири, пережитому ими опыту, а также диалогу по вопросам возвращения на родину останков погибших и общественной дискуссии по этому поводу.

Представляется интересным выяснить, в каком ключе формируется представление о России, в том числе как о внешнеполитическом акторе, силами ведущих японских традиционных СМИ Японии — (без учёта т. н. «новых СМИ») на примере общенациональных газет («Асахи Симбун» и «Ёмиури Симбун»), охватывающих наиболее широкую аудиторию в изучаемый период начала 2020-х гг., а также выявить основные нарративы данного медиадискурса. В качестве источниковедческой базы были использованы специальные рубрики СМИ, посвящённые проблеме кризиса на Украине. Методология исследования строится на системном подходе, включающем в основном качественные методы исследования социально-политических явлений, а также контент-анализ медиатекста. При рассмотрении феномена используется модель изучения пропаганды Н. Хомского — Э. Хермана (1988 г.), когда анализ СМИ производится с учётом трёх основных из пяти существующих

фильтров: принадлежность (владелец) СМИ, источник финансирования, источник информации СМИ [Herzan, Chomsky. 2008, p. 63].

Эволюция образа России согласно анализу данных выборки из аналитических статей («Асахи Симбун» и «Ёмиури Симбун») в 2001—2020-х гг., представляет собой несколько нарративов, характеризующих основные этапы, связанные с меняющимися представлениями Японии в отношении России:

I этап. 2001—2010 гг. — «Россия — слабый партнёр»: освещение российско-японских отношений с позиции трансляции идеи о возрождении России как страны, едва преодолевшей экономический и политический кризис 1990-х гг., но не играющей пока большой роли в мировой политике.

II этап. 2010—2016 гг. — «Россия — сильный, агрессивный партнёр»: в двусторонних отношениях Россия позиционируется как сильный соперник, отстаивающий свои территориальные и экономические интересы, несмотря на осуждение мировой общественности и введение экономических санкций.

III этап. 2016—2020 гг. — «Россия — достойный уважения партнёр»: ведение российско-японского диалога с равных позиций сильных держав, популяризация идеи «нового подхода» С. Абэ по заключению мирного договора с Россией и решению территориальной проблемы.

Активизация кризиса на Украине в конце февраля 2022 г., начало специальной военной операции Российской Федерации в регионе, вызвали новую, прежде несравнимую количественно и качественно волну информационных сообщений о происходящем на Украине и роли России в мире. Ранее освещению данного конфликта посвящалось также достаточно много внимания, но в 2022 г. получили обновления тематических подборки статей, которые продолжают оставаться на первых полосах печатных выпусков, и на заглавных страницах электронных версий газет. Это касается не только «Асахи Симбун» и «Ёмиури Симбун», но и других популярных общенациональных изданий — газет «Санкэй», «Нихон Кэйдзай», «Майнити».

Данные газеты пользуются популярностью у населения Японии, хотя ряд исследований показывает, что по уровню доверия «Асахи» пользуется меньшей поддержкой, чем «Ёмиури». Также данные издания находятся на «полюсах» политической принадлежности. Японские исследователи относят «Ёмиури» к правому флангу, а «Асахи» — к крайне левому, в пятёрке крупнейших общенациональных газет. Также следует добавить, несмотря на высокий профессиона-

лизм журналистов Японии, ситуация со свободой слова в стране остаётся неутешительной [Горячева. 2022, с. 18].

По данным международной организации «Репортеры без границ», индекс свободы прессы в Японии в 2022 г. снизился, поставив страну на 71 место из 180 (в 2021 г. Япония была на 67 месте). Россия находится на 155 месте в 2022 г, и на 150-м в 2021 г.) В качестве причин этого явления видится то, что несмотря на декларируемое соблюдение основных демократических свобод в Японии, журналисты СМИ не могут в полной мере выполнять роль независимых контролирующих наблюдателей, в силу соблюдения ими традиций медиасферы и, что главное, соблюдения интересов крупного бизнеса³³¹.

Уровень доверия СМИ в 2022 г. не претерпел резких изменений: по-прежнему японцы больше всего доверяют общественной ТВК NHK — 57%, из газет — газете «Нихон Кэйдзай Симбун» — 52%. «Ёмиури» — следующая по степени доверия общенациональная газета с показателем 47%, «Асахи» — наименее пользующаяся доверием населения из «большой пятёрки» крупных газет — 42%. [Reuters Institute Digital News Report 2022, p. 139].

Согласно данным базы данных газеты «Ёмиури»³³², число статей, посвящённых ситуации на Украине (тематическая подборка ウクライナ情勢), за год (с 14.10.2021 по 15.10.2022 г.) составило 9831 единицу. Для сравнения, вопросу ракетных запусков КНДР, традиционно актуальному для японских СМИ, за тот же период, было посвящено 882 статьи. В газете «Асахи»³³³ число статей, посвящённых ウクライナ情勢, за год (с 14.10.2021 по 15.10.2022 г.) составило 7588 единиц.

В качестве основы репрезентативной выборки были выбраны передовицы (редакторские статьи или по-японски 社説 — *сясэцу*), где присутствует упоминание России в каком-либо контексте, либо Россия выступает в роли центрального актора. Редакторские статьи наиболее концентрированно (в пределах 1000 иероглифических знаков), обезличено (без указания автора) отражают позицию данного СМИ, данный формат присутствует без изменений в течение всего периода 2020—2022 гг.

В 2022 г. в «Ёмиури» было опубликовано 185 передовиц (по состоянию на 15.10.2022 г.), отвечающих этим критериям. Для сравнения:

³³¹ Press Freedom Index. 2022. Reporters without Borders, 2022. <https://rsf.org/en/index>.

³³² Yomiuri Shimbun. <https://www.yomiuri.co.jp/>.

³³³ Asahi Shimbun. <https://www.asahi.com/>.

в 2021 г. — 67, в 2020 г. — 38, в 2019 г. — 68, в 2018 — 68, в 2017 — 84, в 2016 г. — 76, в 2015 г. — 65, в 2014 г. — 53, в 2013 г. — 39, в 2012 г. — 36, в 2011 г. — 32, в 2010 г. — 53.

В «Асахи Симбун» передовиц с упоминанием России насчитывалось 133 в 2022 г. (на 15.10.2022 г.), в 2021 г. — 44, в 2020 г. — 37, в 2019 г. — 53, в 2018 г. — 44, в 2017 г. — 51, в 2016 г. — 55, в 2015 г. — 31, в 2014 г. — 38, в 2013 г. — 22, в 2012 г. — 25, в 2011 г. — 42, в 2010 г. — 50.

На основании контент-анализа медиатекста газет «Асахи Симбун» и «Ёмиури Симбун» стало возможным выделить следующие основные внешнеполитические нарративы о России 2020—2022 гг.

1. Россия (наряду с КНР, КНДР) — нарушитель мирового порядка, аннексирующий территории, представляющий угрозу безопасности в том числе Японии (после 2022 г. добавляется — «агрессор»).

2. Россия — крайне опасный противник, ядерная держава, сильная в военном и экономическом плане (проводятся параллели с КНР и её действиями в Восточно- и Южно-Китайском морях).

3. Образ президента РФ В.В. Путина и связанные с ним ассоциации (позитивные — сильный лидер; негативные — диктатор; сравнение с И.В. Сталиным, из ныне живущих — с Ким Чен Ыном).

4. Опасения, что территориальная проблема с Японией будет в принципе когда-либо в будущем решена с учётом событий 2022 г. (до 2022 г. — проблема увязывалась с т. н. «аннексией» Крыма).

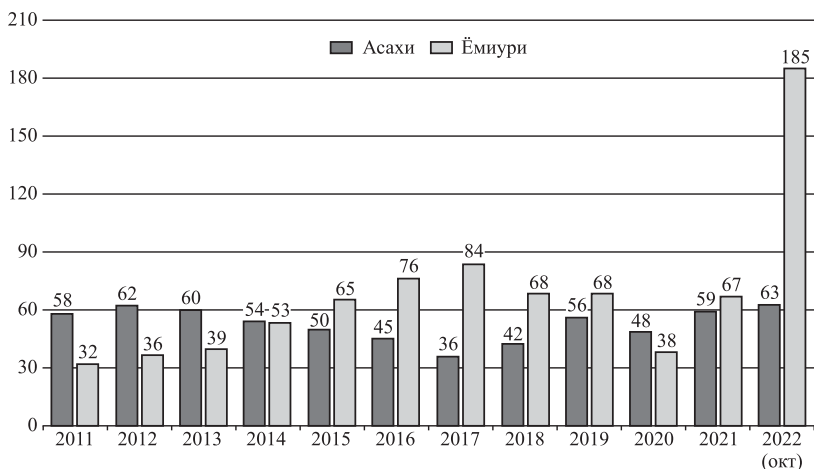

Рис. 1. Количество передовиц/редакторских статей в газетах «Асахи» и «Ёмиури» с упоминанием России в 2011—2021гг. (ит.)

5. Политика прежнего премьер-министра Японии С. Абэ по отношению к России была неоправданно мягкой — правительству Японии следует занять более жёсткую позицию (в т. ч. экономические санкции).

6. Россия с одной стороны имеет сильных союзников, поддерживающих её позиции (страны BRICS, особенно КНР и Индия); с другой стороны, её изоляция с другими странами мира, в особенности Европы и США, а также их союзников, растёт.

7. Россия стремится возродить СССР, но Украина за 30 лет значительно изменилась, размежевавшись с постсоветским пространством и стала идейно близка Западу, поэтому воссоединение вряд ли возможно.

8. Существует необходимость решать проблемы поставок энергоресурсов из России с учётом изменений её политики (СПГ, проект «Сахалин-2»).

9. Эпидемия коронавируса и российско-украинский конфликт — два фактора, наиболее дестабилизирующих мировую экономику, в том числе экономику Японии.

Проблематика презентации образа России в японских общенациональных медиа требует дальнейшего более тщательного изучения. В ближайшей перспективе возможно прогнозировать сохранение высокого интереса СМИ и их читателей, правительственных и деловых кругов Японии, к методам и средствам ведения Российской Федерацией её внешней политики.

Библиографический список

Горячева Е.А. (2022) Проблема политической поляризации общенациональных газет Японии в XXI веке. *Япония и реалии современного мира. I Международная научная японоведческая конференция ДВФУ*. Владивосток: Издательство ДВФУ.С. 17—19.

References

Goriacheva E. (2022). Problema politicheskoy poljarizatsii obshhenacional'nyh gazet Yaponii v XXI veke [The problem of political polarization of national newspapers in Japan in the XXI century]. *Yaponiya i realii sovremennogo mira. I Mezhdunarodnaya nauchnaya yaponovedcheskaya konferenciya DVFU*. Vladivostok: Izdatel'stvo DVFU, 2022. Pp. 17—19. (In Russian).

Herman, E., Chomsky, N. (2008). *Manufacturing Consent*. London, The Bodley Head.

Reuters Institute Digital News Report (2022). Oxford, Reuters Institute for the Study of Journalism.

Дмитерко Богдан Евгеньевич

независимый исследователь
bogdandmiterko@icloud.com

Патриарх Хуэйнэн в монохромной живописи: история иконографии

***Аннотация.** Шестой патриарх чань Хуэйнэн имеет огромное значение для истории этого учения. И вполне логично, что он стал героем ряда известных произведений монохромной живописи. Несмотря на это, в отечественном востоковедении не удалось обнаружить работы, посвящённой образу Хуэйнэна в визуальной культуре. Данная статья призвана восполнить образовавшуюся лакуну путём описания иконографии Шестого патриарха.*

В рамках статьи были рассмотрены агиографические истоки иконографии Хуэйнэна, связанные, в частности, с его «варварским» происхождением и сюжетом о передаче дхармы от Пятого патриарха. Были выделены три закрепившихся в визуальной культуре варианта образа Хуэйнэна и соответствующие им атрибуты: «Хуэйнэн-резчик» с ножом, «Хуэйнэн-служка» с крупорушкой для толчения риса и «Хуэйнэн-патриарх» с мантией патриархов чань. Удалось проследить различные модели функционирования иконографических атрибутов в монохромной живописи: как статичные в роли формальных маркеров (в том числе в качестве замещения персонажа), так и динамичные с прямым вовлечением в сюжет изображения.

***Ключевые слова:** Хуэйнэн, Хунжэнь, дзэн, дзэнская живопись, монохромная живопись, живопись тушью, дзэнга, патриархи дзэн, Сэнгай, школа Кано, Лян Кай*

Dmiterko Bogdan

Independent researcher
bedmiterko@edu.hse.ru

Patriarch Huineng in monochrome painting: history of iconography

***Abstract.** The Sixth Chan patriarch, Huineng, is of great significance to the history of Chan and has been the hero of several famous works of*

monochrome painting. In spite of this, no work devoted to Huineng's image in visual culture could be found in Russian oriental studies. This article seeks to fill this gap by describing the iconography of the Sixth Patriarch.

The article examined the hagiographical origins of Huineng's iconography, his «barbarian» origins, and the story of the transmission of dharma from the Fifth Patriarch in particular. Three variants of Huineng's image and their corresponding attributes were identified in visual culture: «Huineng the Carver» with a knife, «Huineng the Servant» with a rice grinder and «Huineng the Patriarch» with a robe of Chan patriarchs. We have been able to observe different models of the functioning of iconographic attributes in monochrome painting: both static in the role of formal markers (including as a replacement of a character) and dynamic with direct involvement in the plot of the image.

Keywords: *Huineng, Hongren, Zen, Zen painting, monochrome painting, ink painting, zenga, Zen patriarchs, Sengai, Kano school, Liang Kai*

Введение

Одной из ключевых фигур для ранней истории секты чань³³⁴ выступал Хуэйцзэн (кит. trad. 慧能, яп. Эно:), наречённый шестым, последним патриархом этой буддийской школы. Именно с «агиографическим» Хуэйцзэном традиционно связывают разработку концепции «немедленного просветления»³³⁵ и раскол чань на Северную и Южную школы — по линиям дхармической преемственности³³⁶. Однако образ Шестого патриарха в визуальной культуре практически не изучен в отечественном востоковедении, несмотря на существование нескольких широко известных произведений монохромной живописи,

---

³³⁴ Китайское названия *чань* и японское название *дзэн* в рамках работы взаимозаменяемы. Японское название используется при описании японского контекста и работ японских художников.

³³⁵ Мгновенное познание всей полноты природы Будды, в отличие от «постепенного просветления».

³³⁶ Макрэй считает, что «немедленное просветление» представляло собой не более чем своеобразную интерпретацию концепций Пятого патриарха Хунцзэна и лидера Северной школы Шэньсю. Он предполагает, что деление Чань на Северную и Южную школы было не более чем риторическим приёмом выдающегося чаньского оратора Шэньхуэя (фактического автора образа Хуэйцзэна) и его последователей — породившим, однако, раскол среди чаньских монахов [McRae. 2003, pp. 54—55].

посвящённых этому святому. В рамках статьи я собираюсь рассмотреть репрезентацию Шестого патриарха в монохромной живописи — одной из главных форм дзэнского искусства [Adamek. 2003, p. 40].

Проработка образа Хуэйцзэна в рамках школы чань представляет огромный интерес в свете его статуса в контексте чаньской традиции. Начав свой путь в VIII в. в Китае, образ патриарха проходит через ряд трансформаций на ранних этапах своего существования и успешно переносится в рамки японской культуры с началом активного проникновения секты в Японию. Возникает вопрос: как в течение десяти веков (VIII—XVIII вв.) вместе с образом Хуэйцзэна изменялась его иконография, и какие новшества могли привнести японские мастера в изображения китайского религиозного деятеля? На него я и попытаюсь ответить в своей работе.

Агиографические истоки иконографии Хуэйцзэна

Основным источником агиографии Шестого патриарха традиционно выступает Сутра помоста Шестого патриарха (кит. trad. 六祖壇經, Люцзу таньцзин), самый древний список которой датируется последней четвертью VIII в. [Jorgensen. 2005, p. 68.]. Следует описать сюжет о передаче дхармы от пятого патриарха Хунжэнь (кит. trad. 弘忍) шестому, оказавший наибольшее влияние на художественную традицию.

Хуэйцзэн происходил из Южного Китая³³⁷ («варварских земель» в танской картине мира) и был безграмотным мирянином. «Варварское» происхождение и безграмотность святого стали ключевым элементом его образа³³⁸ [Jorgensen. 2005, p. 202]. Они демонстрируют наличие природы будды даже у «дикарей» и возможность достижения просветления без обращения к письменным текстам — неслучайно на наиболее известном изображении Хуэйцзэна (рис. 1) кисти сунского ху-

---

³³⁷ The Platform Sutra of the Sixth Patriarch (2000) / trans. by J. McRae. Numata Center for Buddhist Translation and Research, p. 113.

³³⁸ В дальнейшем в Сутре фигурирует эпизод, в котором шестой патриарх выступает культутрегером в варварских землях. Йоргенсен обращает внимание, что уже современник исторического Хуэйцзэна, поэт-последователь Чань Ван Вэй (кит. 王維) упоминал роль Шестого патриарха в «окультуривании» народов китайского Юга [Jorgensen. 2005, p. 202].

*Рис. 1. Лян Кай,
«Шестой патриарх рвёт сутры»,
тушь, бумага, 2-я пол.
XII в., Китай. Из коллекции
Национального музея в Токио*

дхарму³⁴¹ с помощью декламации Алмазной сутры. Оба святых покидают монастырь на лодке.

дожника Лян Кая (кит. 梁楷) чаньский мастер рвёт сутры³³⁹. «Сердце» святого впервые достигло просветления, когда тот случайно услышал чтение Алмазной сутры. Хуйэнэн устроился служкой в монастырь, где его сразу признал пятый патриарх.

Вскоре Хунжэнь объявил, что передаст свою патриаршую мантию и жертвенную чашу Будды ученику, который докажет просветлённость своего «сердца», написав стихотворение-гатху. Главный претендент — монах Шэньсю (кит. trad. 神秀) — не смог убедить Хунжэня своим стихотворением. Услышавший от монахов гатху Шэньсю служка Хуэйэнэн попросил написать на стене его собственное стихотворение. После этого и монахи, и пятый патриарх признали в Хуэйэнэне бодхисаттву. Хунжэнь пришёл к службе, когда тот занимался толчением риса, и спросил: «Готов ли рис?»³⁴⁰. Впоследствии мы проследим, как крупорушка для толчения риса стала ключевым иконографическим атрибутом шестого патриарха. В конце концов, пятый патриарх передаёт Хуэйэнэну мантию с чашей и свою

³³⁹ Данное изображение не рассматривается в рамках статьи ввиду того, что какого-либо дальнейшего развития предложенного Лян Каем образа «Хуэйэнэна-иконокласта» обнаружить не удалось.

³⁴⁰ Цит. по: [Маслов. 2000, с. 351].

³⁴¹ Е.С. Штейнер предлагает рассматривать дхарму как внеличностную энергию, которая пронизывает сердце живого существа. Он описывает процесс передачи от учителя к ученику как своеобразную трансляцию дхармического поля, дабы натренировавший разум ученик мог воспринять это поле [Штейнер. 2015, с. 240—241].

В этом сюжете уже просматриваются три основные модели изображения шестого патриарха с соответствующими им иконографическими атрибутами: «Хуэйинэн-резчик» с ножом, «Хуэйинэн-служка» с крупорушкой для толчения риса и «Хуэйинэн-патриарх» с мантией патриарха. Ниже мы рассмотрим каждую из моделей на примерах из китайской и японской живописи XII—XVIII вв.

Образ «Хуэйинэна-резчика»

«Варварское» прошлое шестого патриарха нашло отражение в образе «Хуэйинэна-резчика», ключевым образцом которого выступает работа

*Рис. 2. Лян Кай
«Шестой патриарх
во время резки бамбука»,
тушь, бумага, 2-я пол. XII в.,
Китай. Из коллекции
Национального музея
в Токио*

Лян Кая (рис. 2). Он изображает шестого патриарха без какой-либо детализации — Хуэйинэн на картине подобен эскизу. В схожей манере изображён пейзаж: лишь несколько простых линий намекают на то, что патриарх находится в гористой местности. Хуэйинэн-резчик с закатанными рукавами согнулся перед длинным бамбуковым стеблем. Он предстаёт в образе простого горного «дикаря» — в резчике сложно признать патриарха чань. К Хуэйинэну в данном случае отсылает само занятие персонажа: согласно агиографии, в юности будущий патриарх зарабатывал на жизнь продажей дров. На картине Лян Кай этот образ дровосека за счёт простого пейзажа сочетается с каноническим чаньским образом горного отшельника.

Необходимо, однако, сказать, что образ дровосека чаще ассоциируется с другим героем Сутры шестого патриарха. Речь идёт о пятом патриархе Хунжэне. Неизвестный китайский художник XIV в. изображает Хунжэня с топором (рис. 3). Юкио Липпит описывает героя картины несколько иначе — перед зрителем предстаёт не сам Хунжэнь, а обычный дровосек [Levin,

Lippit. 2007, p. 84]. Изображение, по его мнению, отсылает к истории о том, как четвёртый патриарх Даосинь (кит. 道信, яп. До:син) встретил дровосека, который желал постичь Закон Будды несмотря на свой преклонный возраст. Позднее Даосинь встречается юного Хунжэня, который оказывается реинкарнацией дровосека. Таким образом, топор стал иконографическим атрибутом пятого патриарха. Нищая жизнь героя в молодости и ассоциация с ручным трудом объединяет агиографию Хунжэня и его духовного преемника Хуэйшэна в единую традицию.

Изображение за авторством Лян Кая послужило примером для подражания у японских художников в рамках художественной традиции суйбокуга, бытовавшей в XIV—XVII вв. Интерес представляет свиток кисти Кано: Тянью: (яп. 狩野探幽, 1602—

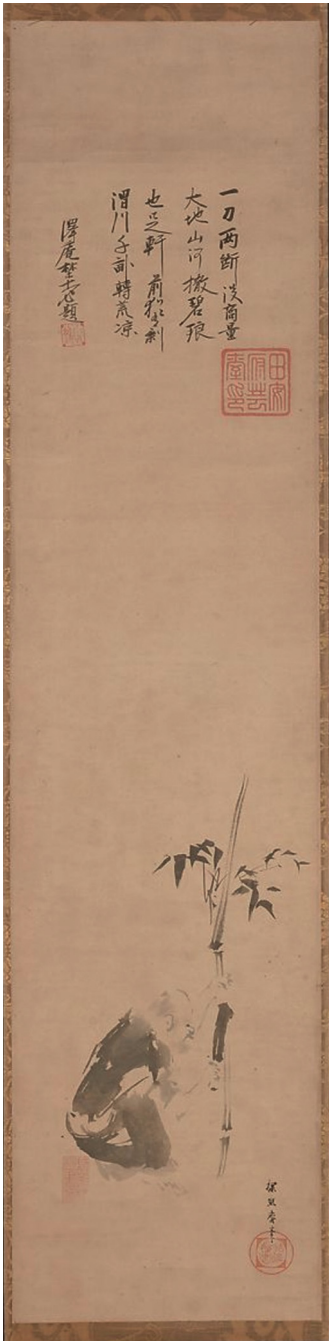
1674) с надписью за авторством известного монаха Такуан Со:хо: (яп. 沢庵宗彭, 1573—1645) (рис. 4). Тянью принадлежал к школе Кано: (яп. 狩野派, Кано:ха), крупнейшей японской художественной артели XVI—XVIII вв., получившей от сёгунов Токугава высокое звание художников Внутреннего двора (яп. 奥絵師, окуэси). В своей интерпретации сюжета Лян Кай Тянью: отказывается от изображения окружения персонажа — всё внимание зрителя сосредоточено на труде Шестого патриарха. Художник школы Кано: изображает одеяние персонажа упрощённо даже в сравнении со стилем Лян Кая — лишь несколькими широкими мазками. В инскрипте Такуан Со:хо:³⁴² Труд дзэнского мастера сравнивается с медитацией: ритмичные взмахи ножа избавляют

Рис. 3. Неизв. художник
«Пятый патриарх возвращается
с рубки леса», тушь, бумага,
1-я пол. XIV в., Китай.
Из коллекции Музея искусств
Фукуока, Япония

³⁴² Перевод на английский язык: The Sixth Patriarch of Zen at the Moment of Enlightenment. *Metropolitan Art Museum* [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/73193> (дата обращения 04.04.2022).

Рис. 4. Кано: Танью; инокрипт Такуан Со:хо: «Шестой патриарх в момент просветления», тушь, бумага, 1635—1645 гг. Из коллекции Метрополитен-музея, Нью-Йорк

человека от всех мыслей, которые автор уподобляет бамбуковой стружке. Надпись заставляет зрителя обратить внимание на нож, превращая того из чисто формального иконографического элемента-маркера в смысловой центр изображения. Работа Кано: Танью: в целом следует образу, запечатлённому на оригинальном изображении Лян Кая: изменится только техника художника.

Ункоку То:эки (яп. 雲谷等益), наиболее известный художник школы Ункоку, напротив, попытался развить сюжет китайского художника (рис. 5). Его шестой патриарх проводит время в горах, вырезав из дерева фигуру собаки. Мастер уже натренировал своё восприятие: вместо неотёсанного бамбука, обозначающего неготовый разум, перед шестым патриархом оказывается готовая фигура с чёткими формами. Собака на свитке, возможно, отсылает к известному ко:ану (яп. 公案, парадоксальное по содержанию высказывание для тренировки восприятия монаха): когда мастера Чжаочжоу спросили, обладает ли собака природой будды, мастер ответил: «Му» (яп. 無, «нет», важный концепт для буддийской философии)³⁴³.

³⁴³ Blyth, R.H. Zen and Zen Classics, Volume 4: Mumonkan. — Tokyo: Hokuseido Press, 1966. — P. 22. Ответ мастера часто принято интерпретировать как отказ судить о наличии природы будды у собаки.

Рис. 5. Ункоку То:эки, «Шестой патриарх Хуэйцэн, гуси и майна», бумага, тушь, шёлк, 1-я пол. XVII в. Из коллекции Метрополитен-музея, Нью-Йорк

Ко:ан предназначается для размышлений над смыслом термина «му» и универсальности природы будды.

Чаньского мастера на триптихе сопровождают два других художественных образа: птица майна (яп. 八哥鳥, хаккатё:) и гуси (яп. 雁, ган) среди речного тростника (яп. 葦, аси). Гусь среди тростника в японском искусстве традиционно выступал в качестве символа осени — Япония служила местом зимовки гусей. Гусиный крик ассоциировался с разлукой и ностальгическим чувством [Штейнер. 2021, с. 36]. В жанре изображения цветов и птиц катё:га с гусями связан речной тростник, также выступающий в роли символа осени.

Другая птица на триптихе — майна — не водится в Японии, её образ был заимствован из китайской живописи. Птица также часто фигурирует на картинах в жанре катё:га. Будучи пересмешником, майна способна имитировать человеческий голос — такое неординарное явление, как говорящая птица, вероятно, хорошо соотносилось с буддийской идеей о восприятии мира через парадоксы. «Эксцентричная» птица ассоциировалась с независимостью и противостоянием авторитетам [Polizotti. 2014, p. 34]. Голая ветвь, на которой сидит птица,

указывает на осень, что вкупе с изображением гусей и тростника позволяет однозначно считать композицию осенней.

Ункоку То:эки помещает образ «Хуэйэнна-резчика» в рамки сезонной композиции. В данном случае мы можем проследить статичный режим функционирования ножа как иконографического атрибута Хуэйэнна — нож фигурирует на изображении исключительно в качестве маркера Хуэйэнна, никак не участвуя в сюжете свитка.

Таким образом, в случае ножа «Хуэйэнна-резчика» мы обнаруживаем два варианта функционирования иконографического атрибута на изображениях Хуэйэнна. У Кано: Танью: нож становится смысловым центром свитка и ключевым элементом действия, которое совершает шестой патриарх. Ункоку То:эки, в свою очередь, превращает иконографический атрибут в статичный маркер, никак не вовлечённый в сюжет изображения.

Крупорушка как иконографический атрибут Хуэйэнна

Работа Хуэйэнна на монастырской кухне нашла своё отражение в образе «Хуэйэнна-служки». Именно к этой вариации нас отсылает полихромная работа неизвестного китайского художника XIII в. (рис. 6) с надписью кисти Усюэ Цзуюаня (кит. 無学祖元, яп. Мугаку Согэн) — китайского монаха, который в 1279 г. прибыл в Японию по приглашению сиккэна Ходзэ: Токимунэ (яп. 北時宗). Вероятно, Усюэ Цзуюань привёз этот свиток с континента. Шестой патриарх на изображении одет по-мирски, без традиционной монашеской мантии. У него на спине можно заметить пест для толчения риса, который в данном случае выступает в качестве иконографического атрибута. Следуя идее оригинального эпизода агиографии, Хуэйэнн в данном образе вновь выступает в качестве символа самопознания через ручной труд.

Рис. 6. Неизв. художник, иноскрипт Мугаку Согэн, «Шестой патриарх Хуэйэнн», красители, тушь, бумага, XIII в. Из коллекции Масаки Масаюки, хранится в музее Масаки, преф. Осака, Япония

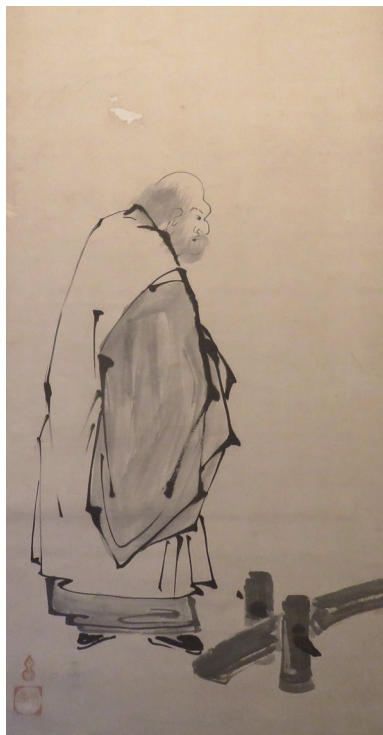
Хорошо узнаваемый образ Хуэйна предлагает работа другого представителя школы Кано: — Кано: Цунэнобу (яп. 狩野常信, 1636—1713), работавшего в период наивысшего влияния школы в XVII в. (рис. 7): чаньский патриарх молотит рис, толкая ногой пест. Этот Хуэйна уже не просто несёт на себе пест (снова обращаемся к изображению XIII в.), но использует его в работе. Пест для риса занимает значительную часть картины, позво-

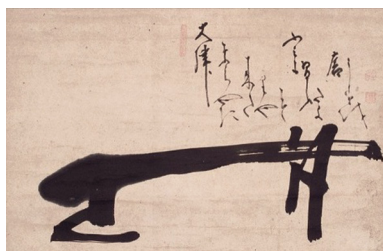
Рис. 7. Кано: Цунэнобу «Шестой патриарх», тушь, бумага, 1-я пол. XVII в. Хранится в храме То:кэй-дзи (яп. 東慶寺), Камакура, Япония

ля опознать в герое в лохмотьях шестого патриарха. Крупорушка нарисована объёмно, несколькими чёткими линиями — зритель обязан увидеть и распознать её. В данном случае наблюдается новый вариант образа «Хуэйна-служки» — пест для толчения риса становится не просто статичным иконографическим элементом, но создаёт сюжетную составляющую для изображения святого. Реалистично изображённый пест придаёт действию патриарха обыденность, намеренно упрощая и «обмирщая» образ дзэнского святого. Такой подход художника хорошо соотносится с самой идеей просветления через простые и обыденные, рутинные действия — именно пример такого рода работы над собой должен показывать монахам шестого патриарха.

Ункоку То:эки также обращался к образу «Хуэйна-служки» (рис. 8). Сцена лишена присущей изображению кисти Цунэнобу динамики — Хуэйна То:эки лишь стоит рядом со своим орудием. Кроме того, персонаж изображён в обуви и хорошо прорисованной опрятной одежде, в отличие от босого персонажа школы Кано. Пест для риса оказывается на периферии восприятия зрителя — лишь его педаль показана в углу изображения. На картине Ункоку То:эки пест для риса несёт исключительно опознавательную функцию: только с его помощью мы понимаем, что дзэнский мастер на картине — Хуэйна. Таким образом, мы обнаруживаем разницу в функции песта для толчения риса на изображениях: на картине Ункоку То:эки пест статичен, нарисован упрощённо и функционирует исключительно в роли иконографического маркера персонажа; Кано: Цунэнобу, в свою очередь, изобразил пест детально, а взаимодействие Шестого патриарха

*Рис. 8. Ункоку То:эки
«Шестой патриарх Хуэйцэн»,
бумага, тушь, 1-я пол. XVII в.
Коллекция музея
Хананари-но нива, Киото*

*Рис. 9. Хакуин Экаку
«Крупорушка Шестого патриарха»,
бумага, тушь, 1-я пол. XVIII в.
Хранится в храме Синва-ан,
Япония*

с инструментом придаёт персонажу динамику. Дальнейшее развитие образ «Хуэйцэна-служки» получил в рамках традиции монастырской живописи дзэнга (яп. 禅画), существовавшей в период Эдо. Мы обратимся лишь к двум наиболее влиятельным авторам дзэнга [Aviman. 2014, p. 7]: Хакуин Экаку (яп. 白隠慧鶴, 1686—1769) и Сэнгай Гибон (яп. 仙厓義梵, 1750—1837).

С Хуэйцэном связана одна из наиболее известных живописных работ авторства Хакуин — изображение крупорушки (рис. 9), выполненное одним широким мазком. Схематичная манера изображения инструмента роднит свиток Хакуин с работой Ункоку То:эки. Крупорушка полностью замещает Хуэйцэна на изображении, выступая одновременно и как иконографический атрибут, и как центральный сюжетный элемент изображения. Зритель должен «домыслить» соответствующего святого по его символу.

Сэнгай Гибон исповедовал более традиционный подход, нежели Хакуин. Несмотря на присущую стилю художника простоту и комедийность, сюжетное наполнение его работ ближе к уже рассмотренным картинам школы Кано:. На свитке из храма Мё:синдзи (яп. 妙心寺) (рис. 10) Сэнгай обращается к образу «Хуэйцэна-служки». Сэнгай продолжает традицию изображений Хуэйцэна за работой: его герой босой и носит простую мирскую

*Рис. 10. Сэнгай Гибон,
«Шестой патриарх за
крупорушкой», бумага, тушь,
2-я пол. XVIII в.
Хранится в храме Мё:синдзи
(яп. 妙心寺), Киото*

одежду. Шестой патриарх изображён с широкой улыбкой на лице. Нога героя стоит на педали крупорушки, вытянутой вертикально в соответствии с форматом свитка. Как и на свитках школы Кано: (рис. 9), крупорушка изображена более детально, с тонкой прорисовкой линий.

Таким образом, можно отметить значительное различие в функции предмета на свитках Сэнгай и Хакуин. Хакуин превращает крупорушку в единственного «героя» изображения, смещая фокус с персонажа на его атрибут. Изображение предмета на свитке Сэнгай в свою очередь характеризуется детализацией и конвенциональностью, призванными включить пест в сюжет изображения. Вертикальный характер свитка заставляет зрителя обратить внимание именно на служку: мальчик изображён выше и правее относительно крупорушки. Так художник совершает попытку обмануть зрителя, убедив того, что на свитке изображён случайный персонаж. Однако при дальнейшем знакомстве с изображением зритель замечает крупорушку и опознает Шестого патриарха.

Интерес Сэнгай к изображению самого Хуэйинэна как персонажа ведёт к более тщательной работе над изображением крупорушки — его подход хорошо соотносится с моделью, которую мы наблюдали на примере изображения кисти Кано: Цунэнбу. Хакуин же превращает нарисованный одним мазком пест для риса из формального атрибута Хуэйинэна в самостоятельный предмет, полностью замещающий ассоциируемого с ним святого на изображении.

Патриаршая мантия как иконографический атрибут Хуэйцзэна

Кано: Мотонобу (яп. 狩野元信, 1476—1569), автор характерного стиля школы Кано: изобразил два эпизода агиографии Хуэйцзэна на своём полихромном полотне «Патриархи дзэн» из скита Дайсэн-ин (яп. 大仙院) (рис. 11). В верхней левой части изображения Шэньсю встречается с Хунжэнь по поводу гатхи. В нижней части панели Хуэйцзэн и Хунжэнь совершают побег из монастыря на лодке. В первом эпизоде следует обратить внимание на цвет одежды Шэньсю и Пятого патриарха — если первый персонаж носит белую мантию, как подобает обычному монаху, то Хунжэнь зритель опознает по оранжевой цветной мантии, которая выступает символом дхармической линии патриархов. Другой символ — жертвенная чаша Будды — находится у Хунжэня в руках.

То же сакральное одеяние фигурирует и во втором эпизоде — Хуэйцзэн держит чашу Будды, завёрнутую в цветную ткань. Следует

Рис. 11. Кано: Мотонобу
«Патриархи дзэн», тушь, бумага,
красители, 1-я пол. XVI в. Из коллекции
Национального музея в Токио

обратить внимание, что внешний вид Шестого патриарха напоминает героя свитка XIII в., привезённого Усюэ Цзуюанем. Работа Мотонобу примечательна столь же значительной детализацией, что и на вышеупомянутом китайском изображении.

Помимо Хуэйцзэна, Хунжэня и Шэньсю на панелях «Патриархи дзэн» изображены ещё четверо дзэнских святых, включая метущего дорожку Сянъяня Чжисяня (кит. трад. 香巖智閑, яп. Кё:гэн Тикан). В рамках группы изображений мантия выступает связующим визуальным элементом, обозначающим преемственность персонажей-

святых как в рамках самой композиции, так и в рамках дхармической истории. Таким образом, зритель опознаёт конкретных персонажей в первую очередь по сюжетному наполнению эпизода, нежели по индивидуальным иконографическим признакам.

Необходимо отметить, что помимо самого факта наличия мантии сакральный предмет должен обладать определённой цветовой характеристикой — именно оранжевая мантия становится признаком принадлежности к дхармической линии Бодхидхармы.

Однако свиток авторства Хакуин (рис. 12) позволяет проследить, как патриаршья мантия функционировала на монохромных изображениях. Зритель видит свёрток ткани и чашу на фоне горы. В данном случае мантия обретает иконографический смысл — но уже в качестве маркера конкретного агиографического эпизода (напомним, что в «Патриархах» Мотонобу мантия служила в роли символа всей дхармической истории дзэн).

В верхней части свитка Хакуин оставил надпись — «Вершина [горы] Дайюрэй / Не суждено было поднять»³⁴⁴. Авиман отмечает, что Хакуин намеренно начинает надпись с написанных более крупно иероглифов 大庾嶺頭, означающих «вершина [горы] Дайюрэй» (кит. Даюлин) с целью обратить внимание зрителя на изображённую на заднем плане гору [Aviman. 2014,

*Рис. 12. Хакуин Экаку
«Мантия и чаша
Шестого патриарха»,
бумага, тушь,
1-я пол. XVIII в.
Из коллекции музея
Эйсэй бунко, Токио*

³⁴⁴ 大庾嶺頭/提不起. Перевод мой. Китаеязычный оригинал и перевод на японский язык даётся по: [Aviman. 2014, p. 133].

р. 119]. Таким образом, художник создаёт у аудитории ложное представление о свитке, как о традиционном для дзэнской живописи о горном пейзаже. Однако вторая часть надписи, представляющая собой краткую сюжетную зарисовку (см. ниже), заставляет «читать» изображение далее вниз, смещая внимание на свёрток и чашу.

В этот момент зритель свитка уже понял, что картинка представляет собой иллюстрацию к парадоксальной истории-ко:ану. Речь идёт об эпизоде из Сутры платформы шестого патриарха. В известном сборнике ко:анов XIII в. «Умэньгуань» (кит. trad. 無門関, яп. Мумонкан, «Застава без ворот») приводится история о том, как некий монах Мё: (яп. 明) выследил шестого патриарха на горе Даюлин [Blyth. 1966, р. 170]. Хуэйинэн положил на камень мантию и чашу, полученные от пятого патриарха, и добровольно уступил их Мё:. Мантия выступала для него не более чем символом веры, пустым по своему содержанию. Мё: не смог поднять предметы, сколько бы ни пытался. Монах сообщил Хуэйинэну, что явился не за мантией, а за Законом Будды. В конце концов, шестой патриарх помог Мё: достичь просветления. Сутра приводит ту же самую историю с добавлением ряда деталей: она раскрывает мирское имя Мё: — Хуэйминь (кит. trad. 慧明, яп. Эмё:) — и сообщает, что в миру тот был военачальником с грубым нравом. При этом если в ко:ане просветление в ходе диалога с Хуэйинэном наступает мгновенно, то Сутра отмечает долгую медитацию Хуэйминя. Эпизод с подниманием реликвий в Сутре отсутствует.

Таким образом, можно заметить, что мантия и чаша на свитке Хакуина оказываются иконографическими атрибутами Хуэйинэна, и в рамках монохромного изображения зритель опознает свёрток ткани как патриаршую мантию с помощью надписи, указывающей на конкретный сюжет с участием реликвии, — надпись в данном случае заменяет собой цвет. Зритель имеет дело с визуальным ко:аном, который складывается из сочетания надписи и изображения.

Итак, следует отметить, что в живописи дзэнга находят продолжение основные тенденции развития иконографии Хуэйинэна, которые мы обнаружили в работах школ Кано: и То:эки. Следует обратить внимание на сохранение двух моделей функционирования иконографических элементов — статичной (элемент как маркер) и динамичной (элемент как участник сюжета). Творчество Хакуина демонстрирует эволюцию статичного варианта изображения иконографического элемента: атрибут полностью замещает собой изображение персонажа.

Кроме того, одна из работ Хакуина является удачным примером использования патриаршей мантии в качестве иконографического атрибута Хуэйчэна в рамках монохромного изображения: художнику удаётся обойти цветовые ограничения монохромного изображения с помощью создающей сюжетный контекст конкретизирующей надписи.

Заключение

Необходимо повторить ряд выводов, к которым мы пришли в процессе исследования.

1. В китайской монохромной живописи Хуэйчэн фигурировал в трёх основных образах: «Хуэйчэн-резчик», атрибутом которого выступает нож; «Хуэйчэн-служка», атрибутом которого выступает крупорушка; «Хуэйчэн-патриарх», атрибутом которого является мантия патриарха чань.

2. В японской живописи получают развитие образы «Хуэйчэна-служки» и «Хуэйчэна-резчика», а также соответствующие им атрибуты — крупорушка и нож. При этом японские авторы задействуют иконографические атрибуты Хуэйчэна как динамично (вовлекая их в сюжет изображения), так и статично (используя их в качестве формальных маркеров персонажа). Кроме того, к Хуэйчэну применяется и общий для дзэнских патриархов атрибут в виде цветной монашеской мантии и жертвенной чаши. При этом мантия без письменного пояснения не могла функционировать вне полихромного изображения.

3. Живопись дзэнга продолжает тенденции, заложенные в живописи суйбокуга. Иконографические атрибуты сохраняют две модели своего функционирования в рамках изображения. При этом «статичный» атрибут может целиком заменять собой как персонажа, так и весь сюжет. Мантия могла задействоваться в роли атрибута Хуэйчэна в случае письменного пояснения художника в рамках конкретных сюжетов.

В дальнейшем необходимо попытаться проследить обозначенные тенденции в иконографии других патриархов, в частности протестировать нашу гипотезу о существовании двух вариантов функционирования иконографических атрибутов. Помимо этого, требуется рассмотреть иных художников дзэнга с целью определить степень влияния Хакуин и Сэнгай на общие паттерны иконографии дзэнских святых.

Библиографический список

Маслов А.А. (2000) *Письмена на воде. Первые наставники чань в Китае*. — Москва: Сфера.

Штейнер Е.С. (2015) Дзэнская лествица, или этапы восхождения к просветлению. В сб.: *Психотехники и измененные состояния сознания* / под ред. Г. Бокова, С. Пахомова. — Санкт-Петербург: Издательство РХГА, с. 234—243.

Штейнер Е.С. (2021) *Манга Хокусая. Избранные страницы*. Том 2: Природа. — Москва: АСТ.

References

Adamek, W. (2003) Imagining the Portrait of a Chan Master. In Faure, B. (ed.). *Chan Buddhism in Ritual Context*. Routledge, pp. 36—74.

Aviman, G. (2014) *Zen Paintings in Edo Japan (1600—1868): Playfulness and Freedom in the Artwork of Hakuin Ekaku and Sengai Gibon*. Routledge.

Blyth, R.H. (1966) *Zen and Zen Classics*. Volume 4: Mumonkan. Tokyo: Hokuseido Press.

Jorgensen, J. (2005) *Inventing Hui-neng, The Sixth Patriarch: Hagiography and Biography in Early Chan*. Brill.

Maslov, A.A. (2000) Pis'mena na vode. Pervyye nastavniki chany v Kitaye [Letters on the water. First chan mentors in China]. Moscow: Sphera (In Russian).

McRae, J. (2003) *Seeing through Zen: Encounter, Transformation, and Genealogy in Chinese Chan Buddhism*. University of California Press.

Polizotti, M. (ed.). (2014) Recent Acquisitions, A Selection: 2012—2014. *The Metropolitan Museum of Art Bulletin*. New York: The Metropolitan Museum of Art. Vol. 72, No. 2, p. 34.

Levine, G., Lippit, Y. (eds.) (2007) *Awakenings: Zen figure painting in medieval Japan*. Yale University Press.

Steiner, E.S. (2015) Dzenskaya lestvitsa, ili etapy voskhojdeniya k prosvetleniyu [Zen Ladder, or Stages of Ascent to Enlightenment]. In: Bokov G., Pakhomov S, (eds.) *Psikhotekhnika I izmenennyye sostoyaniya soznaniya* [Psychotechniques and Altered States of Consciousness]. Saint-Petersbug: Russian Christian Academy for the Humanities. (In Russian).

Steiner, E.S. (2021) Manga Hokusaya. Izbrannyye stranitsy. [Hokusai Manga. Selected pages]. (In Russian).

The Platform Sutra of the Sixth Patriarch (2000) / trans. by J. McRae. — Numata Center for Buddhist Translation and Research.

Коваленко Ангелина Сергеевна

старший преподаватель кафедры японского языка
Московского городского педагогического университета
(Москва, Россия)
KovalenkoA@mgpu.ru

Лексическая вариативность в японском языке: способы организации процесса обучения

***Аннотация.** Культура Японии и, в частности, японский язык являются высококонтекстуальными. В японском языке информация передается собеседнику не только посредством самих слов, но и грамматических конструкций, которые должны правильно соотноситься с коммуникативной ситуацией. Незнание подобных тонкостей приводит к непониманию со стороны собеседника.*

Для того чтобы процесс обучения японскому языку был успешным, необходимо понимание того, как изменение факторов коммуникативной ситуации влияет на значение грамматической конструкции или лексической единицы. Ведущая роль в освоении такого языкового материала отводится когнитивной деятельности обучающихся.

Языковая догадка в таком случае способствует развитию когнитивных умений обучающихся. В связи с этим, целью данного исследования является разработка способов организации работы с лексическими единицами, обладающими вариативностью (синонимичностью), в основу которых лёг принцип языковой догадки.

В ходе исследования применялись следующие эмпирические методы: анализ зарубежных учебников и пособий по японскому языку, метод апробации, анализ полученных результатов после апробации. В данной статье будет поэтапно описан ход практического занятия по японскому языку, будут изложены результаты проведённой апробации среди обучающихся на втором курсе студентов языкового вуза.

***Ключевые слова:** японский язык, грамматические конструкции, коммуникативная ситуация, лексические единицы, когнитивная деятельность языковая догадка*

Kovalenko Angelina Sergeevna

Senior Lecturer of Moscow city university,
Japanese language department (Moscow, Russia)
KovalenkoA@mgpu.ru

***Lexical variation in japanese language:
ways to organize learning process***

Abstract. *The culture of Japan and the Japanese language are highly contextual. Thus, information is conveyed to the interlocutor not only through the words themselves, but through grammatical constructions, which must correctly correlate with the communicative situation. Ignorance of such subtleties leads to misunderstanding on the part of the interlocutor.*

It is necessary to understand how changes in context or changes of factors of a communicative situation affect the meaning of a grammatical construction or lexical unit to successfully acquire Japanese language. The leading role in mastering such linguistic material is given to cognitive activity. Contextual guessing contributes to the development of students' cognitive skills. In this regard, the aim of this study is to develop ways of organizing work with lexical units having variability (synonyms), which is based on the principle of contextual guessing.

In this research the following empirical methods were used: analysis of foreign textbooks and manuals in Japanese language, approbation method, analysis of the results after approbation. This article will gradually describe the course of a practical lesson in Japanese language as well as the results of the approbation among the second-year students at the language institute.

Keywords: *Japanese language, grammatical constructions, communicative situation, lexical units, cognitive activity, contextual guessing*

Введение

В настоящее время в связи с антропоцентрической парадигмой в лингводидактике и как следствие ростом внимания к этнокультурному фактору и аспектам межкультурного общения [Викулова. 2013, с. 34] преподавание иностранного языка сводится к обязательному участию субъектов обучения в диалоге культур. Как отмечает Герасимова С.А., «...через коммуникативные установки самоидентификации личности человек включается в широкий процесс этнической идентификации...» [Герасимова. 2011, с. 98], в связи с чем можно сделать вывод, что для успешной коммуникации необходимо понимание своей культуры, культуры страны изучаемого иностранного языка и развитие понимания своей культуры через культуру отличную от неё. Обучающийся должен развиваться так, чтобы выполнять роль транслятора собственной культуры и интерпретатора иной культуры [Стрижак. 2021, с. 74].

Таким образом, познавательная деятельность и познавательный потенциал культуры являются ядром современного процесса обучения. Познавательная деятельность в процессе изучения иностранного

языка во многом строится на формировании логических цепочек, которые в свою очередь формируются с опытом использования языковых единиц в речи. Увеличение опыта использования подобных цепочек приводит к появлению грамотности, развитию языковых навыков и умений. Данный процесс происходит при помощи различных психофизических механизмов, одним из которых является языковая догадка [Бузальская, Любимова. 2020, с. 98—99].

Языковую догадку обычно характеризуют как «способность раскрыть значение слова (словосочетания) через контекст» и связывают с умениями, получаемыми опытным путём, в связи с чем понятие языковой догадки оказывается прочно связано с работой на лексическом уровне. Чаще под языковой догадкой понимают не навык, а умение самостоятельной семантизации слова [Бузальская. 2020, с. 98—99].

Японский язык и культура Японии относятся к числу высококонтекстуальных, это означает, что для собеседника многое остаётся недосказанным и скрытым. Поэтому изучение японского языка и погружение в культуру является кропотливым процессом, требующим разбора тонкостей, присущих как грамматическим [Сергеева. 2021b], так и лексическим явлениям языка, которые неотъемлемо связаны с культурой самой Японии.

В японском языке система письма смешанная, т. е. состоит из двух азбук и иероглифов, преимущественно лексические единицы японского языка состоят из иероглифов. Иероглифика — аспект японского языка, который часто вызывает много трудностей при изучении в связи с тем, что иероглифический знак — категория абсолютно неизвестная носителям славянских и европейских языков. Иероглифы сложно запоминать и семантизировать, но по мере их изучения память от образного мышления переходит к логическому, т. е. связывание иероглифа с изученной лексикой происходит на уровне логического мышления [Кульнева. 2020, с. 128—129]. Это лишний раз доказывает то, что языковая догадка является подходящим способом изучения лексических единиц японского языка. Не зря упражнения на языковую догадку давно включаются преподавателями в процесс преподавания японской лексики и иероглифики [Савинская. 2021, с. 77].

Цель данного исследования продемонстрировать возможный алгоритм работы с синонимичными словами. Этот алгоритм позволяет закрепить значение лексических единиц в памяти обучающихся при помощи такого механизма как языковая догадка. При обучении лек-

сике целесообразно опираться на лексико-семантические группы, это помогает обучающимся не только «запомнить отдельные единицы, но и отношения, в которых эти единицы находятся» [Румак. 2017]. Апробация исследования происходила на практических занятиях по японскому языку со студентами второго курса языкового ВУЗа, обучающихся по специальностям «Лингвистика» и «Востоковедение».

Алгоритм построения фрагмента практического занятия

Для развития умения языковой догадки мы предлагаем следующий алгоритм проведения фрагмента занятия по японскому языку. В период апробации мы использовали пособие Огивара Тикако 絵でわかる日本語使い分け辞典 Э дэ вакару нихонго цукаивакэ дзитэн «Словарь с картинками: как правильно употреблять похожие по смыслу слова» [Огивара, 2006]. В данном пособии содержатся тематические тексты, иллюстрации к словам, объяснения и упражнения на подстановку в качестве закрепления.

Первое задание звучит так «Подумайте, о чём может быть данный текст?». Студентам предлагается порассуждать на русском языке, какой теме посвящены лексические единицы. Данное задание помогает акцентировать внимание обучающихся на тексте, который они будут читать в дальнейшем. Подобные догадки выполняют функцию отправной точки для размышлений, «разогревают» мыслительные процессы и настраивают на дальнейшую работу.

Во втором задании предлагается ознакомиться с синонимичными лексическими единицами, с которыми в дальнейшем будет происходить работа. Студентам предоставляется таблица (Таблица размышлений), в которой будет отображен результат работы над последующими упражнениями (рис. 1). Она заполняется вместе с преподавателем во время занятия, может отображаться на экране или

	Задание 2	Задание 3	Задание 4	Ответ
すわり 座り込む				

Рис. 1. «Таблица размышлений»

быть загружена в облачное хранилище, чтобы студенты самостоятельно могли заполнять её.

Взглянув на слово, студенты пытаются догадаться о его значении. Безусловно, большую роль здесь играет иероглифическое написание глагола, куда сложнее догадаться о значении слов, написанных хираганой. Исходя из иероглифов или этимологии слов *ваго*, можно догадаться о приближённом значении слова. Такой способ не работает со словами, чью этимологию сложно проследить (например, наречиями), или со словами, перевод которых полностью раскрывает суть слова (если это, например, идиома или фразеологизм). Но даже если догадок на данном этапе работы нет, это не катастрофично и даже может быть естественно. Бывает так, что обучающиеся уже могут знать предложенные единицы, но чаще всего они знакомы с переводом без контекста, например, большинству студентов второго курса было известно, что слово *びっくりする* *биккури-суру* переводится как «испугаться, удивиться», но на занятии обучающиеся узнали, что у него есть оттенок — «удивиться, когда произошло что-то внезапное, то, чего ты совсем не ожидал».

Третье задание представляет собой непосредственно небольшой текст, в котором все заявленные слова используются в контексте конкретной ситуации. После прочтения текста обучающиеся возвращаются к заполнению таблицы из задания номер два и делятся своими мыслями насчёт перевода слов. За счёт того, что текст посвящён одной тематике, разницу синонимичных слов проще понять, т. к. похожее по значению слова можно сравнить и понять контекст использования каждого слова.

Четвертое задание состоит в том, чтобы подобрать картинку из представленных к соответствующему слову, таким образом происходит визуальное закрепление значения слова, т. к. визуализация является стимулирующим фактором при запоминании новой информации. В самом пособии номера картинок соответствуют номерам слов в тексте, поэтому мы рекомендуем поменять номера для того, чтобы выполнить задание на соотнесение. Опять же, после этого происходит заполнение таблицы из задания № 2, на данном этапе чаще всего ответы студентов очень близки к истине.

После выполнения этого задания студентам даются объяснения и переводы слов, у них есть возможно сравнить свои варианты с правильным ответом, а благодаря таблице проследить ход своих мыслей (рис. 2).

よこすわ 横座りする	Сидеть горизонтально, полулежа	Сидеть подогнув ноги	Вальяжно сидеть, спокойно сидеть, свободно сидеть	Сидеть с одной поджатой под себя ногой и расслабленной спиной (часто про женщин)
---------------	--------------------------------	----------------------	---	--

Рис. 2. Заполненная таблица размышлений

В завершении, в задании **пять**, нужно выполнить упражнение на подстановку в качестве закрепления.

Заключение

Апробация данного алгоритма показала, что большинство студентов смогли начать легко разграничивать предложенные им на практических занятиях синонимичные понятия, и достаточно быстро стали употреблять их в речи, в особенности наречия, не имеющие иероглифического написания и как таковой этимологии, которые чаще всего вызывают трудности при запоминании. Помимо этого, так как уточнение значения незнакомого слова происходит в процессе чтения текста, можно предположить, что это усиливает в сознании обучающихся связь между процессом чтения на японском и более детальным пониманием японских языковых единиц. Являясь таким образом положительным подкреплением, данный вид упражнений может способствовать также преодолению «боязни чтения» иероглифических текстов и вести к повышению мотивации чтения на японском языке [Сергеева. 2020а, с. 220].

Библиографический список

Бузальская Е.В., Любимова Н.А. (2020) Языковая догадка: понятие и его применение в методике обучения русскому языку как иностранному. *Мир русского слова*. № 4. С. 96—104.

Викулова Л.Г. (2013) Национальная идентичность в контексте инаковости: языковая репрезентация оппозиции «свои» — «чужие» во французской литературе XX века (на материале сборника эссе Ф. Мориака «Чёрная тетрадь»). *Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование*. № 2 (12). С. 33—42.

Герасимова С.А. (2011) Антропоцентрический подход к языку. *Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование*. № 2 (8). С. 96—100.

Кульнева П.В. (2020) Факторы накопления знаний в обучении студентов иероглифике. *Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания. Материалы 2-й международной научно-практической конференции.* — Москва: ИД Ключ, с. 127—135.

Румак Н.Г. (2017) Изучение ониматопозитической лексики с помощью системы синонимических и антонимических отношений. *Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания.* № 16. С. 153—160.

Савинская А.В. (2021) Использование справочных раздаточных материалов при обучении японской иероглифике (вуз, продвинутый этап). *Иностранные языки в школе.* № 5. С. 76—80.

Сергеева А.И. (2020а) К вопросу о преодолении боязни чтения японских иероглифических текстов. *Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания.* Вып. 21. — Москва: Ключ-С. С. 219—229.

Сергеева А.И. (2020b) Эмоционально-концептный подход в обучении грамматике японского языка. *Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания.* Вып. 22. — Москва: Ключ-С. С. 234—243.

Стрижак, У.П. (2021) Когнитивная семантизация в восточной лингводидактике. *Педагогика.* № 9. С. 73—86.

References

Buzalskaya, E.V., Lyubimova, N.A. (2020) Yazykovaya dogadka: ponyatiye I ego primeneniye v metodike obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu [Contextual Guess: the concept and its application in the methodology of teaching Russian as a foreign language]. *Mir russkogo slova*, 4, pp. 96—104. (In Russian).

Gerasimova, S.A. (2011) Antropotsentricheskii podhod k yazyku [Anthropocentric approach to language]. *Vestnik MGPU*, 2 (8), pp. 96—100. (In Russian).

Kulneva, P.V. (2020) Factory nakopleniya znaniy v obuchenii studentov ieroglifike [Factors of knowledge accumulation in teaching students hieroglyphics]. *Yaponskiy yazik v vuze. Aktualnyye problem prepodavaniya.* [Japanese language in higher education: current problems of teaching], Moscow: Klyuch, pp. 127—135. (In Russian).

Ogiwara, C. (2006) E de wakarui nihongo tsukai wake jiten [Understanding words with similar definition dictionary]. Alc. (In Japanese).

Rumak, N.G. (2017) Izucheniye onomatopoeicheskoy leksiki s pomoschyu sistemy sinonimicheskikh I antonimicheskikh otnosheniy [The study of onomatopoeic lexicon with the help of the system of synonymic and antonymic relations]. *Yaponskiy yazik v vuze. Aktualnyye problem prepodavaniya* [Japanese language in higher education: current problems of teaching], 16, pp. 153—160. (In Russian).

Savinskaya, A.V. (2021). Ispol'zovaniye spravocnikov razdatochnykh materialov pri obuchenii yaponskoy ieroglifike (vuz, prodvinitiy etap) [Use of the reference handouts during the japanese hieroglyphic writing teaching (university, advanced stage)]. *Foreign languages at school*, 5, pp. 76—80. (In Russian).

Sergeeva, A.I. (2020a) K voprosu o preodolenii boyazni chteniya yaponskikh ieroglificheskikh tekstov [How to overcome the fear of reading Japanese hieroglyphic texts]. *Yaponskiy yazik v vuze. Aktualnyye problem prepodavaniya* [Japanese language in higher education: current problems of teaching], 21, pp. 219—229. (In Russian).

Sergeeva, A.I. (2020b) Emotsionalno-kontseptniy podkhod v obuchenii grammatike yaponskogo yazyka [Emotional-conceptual approach in teaching Japanese grammar]. *Yaponskiy yazik v vuze. Aktualnyye problem prepodavaniya* [Japanese language in higher education: current problems of teaching], 22, pp. 234-243. (In Russian).

Strizhak, U.P. (2021) Kognitivnaya semantizatsiya v vostochnoi lingvodidaktike [Cognitive semantization in Eastern linguodidactics]. *Pedagogy*, 9, pp. 73—86. (In Russian).

Vikulova, L.G. (2013) Natsionalnaya identichnosty v kontekste inakovosti: yazykovaya reprezentatsiya oppozitsii «svoyi» — «chужиye» vo frantsuzsskoy literature XX veka (na materiale sbornika esse F. Moriaka «Chornaya tetrady») [National identity in the context of otherness: linguistic representation of the friend-or-foe opposition in the French literature of the 20th century (based on the material of the essay collection of F. Mauriac «Le cahier noir»)]. *Vestnik MGPU*, 2 (12), pp. 33—42. (In Russian).

Ковальчук Марина Константиновна

к.и.н., доцент факультета японоведения
Восточного института — ШРМИ, ДВФУ (Владивосток, Россия)
kovalchuk.mk@dvfu.ru

Условия формирования представлений о России в японских средствах массовой информации XIX в.

***Аннотация.** Сегодня проблема достоверности и объективности фактов, публикуемых в средствах массовой информации, является одной из самых актуальных. Общественное мнение в отношении многих событий зачастую формируется под влиянием тех оценочных суждений, которые сопровождают сообщения о них в информационных источниках, имеющих высокий рейтинг доверия у населения.*

Может показаться, что данный феномен является продуктом современной информационной среды, однако в действительности проблема имеет гораздо более глубокие исторические корни.

Исследование по теме «Условия формирования представлений о России в японских средствах массовой информации XIX в.», проведённое на основе анализа ряда публикаций, вышедших на страницах японских газет в указанный период, показало, что немаловажную роль в процессе формирования представлений Японии о её северном соседе играли те информационные ресурсы, которыми японские журналисты и публицисты отдавали предпочтение при написании своих статей.

Тот факт, что большинство публикаций были написаны, основываясь на сведениях, почерпнутых в англоязычных источниках, в немалой степени предопределил характер оценки уровня цивилизационного развития Российской империи и её внешнеполитического курса. Образ России, созданный японскими средствами массовой информации в конце XIX в., укрепился в общественном сознании и как следствие оказал влияние на характер развития русско-японских отношений в последующие годы.

***Ключевые слова:** история русско-японских отношений, японские газеты, Дзидзи симпо, Фукудзава Юкити, Кокумин симбун, Токутоми Сохо*

Kovalchuk Marina Konstantinovna

PhD, Associate Professor, Japanese Faculty,
Institute of Oriental Studies — School of Regional
and International Studies, FEFU (Vladivostok, Russia)
kovalchuk.mk@dvfu.ru

Conditions for the formation of ideas about Russia in the Japanese mass media of the 19th century

Abstract. The question of the degree of reliability and objectivity of facts published in the media has become one of the most pressing problems of our time. Public opinion regarding many events is often formed under the influence of those value judgments that accompany reports about them in information resources that have a high rating of trust among the population.

It may seem that this phenomenon is a product of the modern data environment, but in reality, the problem has much deeper historical roots. A study on the topic «Conditions for the formation of ideas about Russia in the Japanese mass media of the 19th century», conducted on the basis of an analysis of publications issued in Japanese newspapers during the specified period of time, showed that those sources of information played an important role in the process of forming Japan's ideas about its northern neighbour; which Japanese journalists and publicists gave preference to when writing their articles.

The fact that most of the articles were based on information obtained from the English-language media, to no small extent predetermined the nature of statements about the level of civilizational development of the Russian Empire, as well as the assessment of its domestic and foreign policy. The image of Russia, created on the pages of Japanese newspapers at the end of the 19th century, became entrenched in the common consciousness of the Japanese and, as a result, influenced the nature of the development of Russian-Japanese relations in subsequent years.

Keywords: history of Russian-Japanese relations, Japanese newspapers, Jiji shimpo, Fukuzawa Yukichi, Kokumin shimbun, Tokutomi Soho

---

Во второй половине XIX в. формирование представлений японцев о Российской империи, особенностях её внутриполитического устройства, а также целей её внешней политики, прежде всего в Восточноазиатском регионе происходило в условиях, когда количество информационных источников на Японских островах было ограничено и по их количеству, и по качеству транслируемой ими информации. В представленной публикации мы постараемся определить основные факторы, обусловившие характер формирования образа России на страницах японской прессы во второй половине XIX в.

Говоря о средствах массовой информации, нужно отметить, что прототипы газет — информационные листки, печатавшие рекламу и

новости о происшествиях, были известны в Японии ещё в эпоху Эдо, назывались они *каварабан*. Однако газеты в их современном понимании появились в Японии только в период *бакумацу* (1854—1868) с появлением на островах европейцев.

Известно, что первой газетой, вышедшей в печати на Японских островах, считается еженедельник «The Nagasaki Shipping List and Advertise», издателем и редактором которой был подданный Великобритании Альберт Хэнсард (Albert W. Hansard). Позже данная газета была переименована в «Japan Herald». В работе над этим изданием, которое выходило в Японии на английском языке, Хэнсарду помогал другой представитель Британской империи шотландец Джон Блэк. В 1867 г. Блэк самостоятельно начал выпуск в Японии ещё одной англоязычной газеты «The Japan Gazette», а в 1872 г. инициировал выпуск периодического издания уже на японском языке «Ниссин синдзиси» (日新真事誌). Если учесть тот факт, что первая ежедневная японская газета под редакцией самих японцев вышла в свет только в 1870 г., а ей стала «Йокохама майнити симбун» (横浜毎日新聞), то можно говорить о достаточно активном участии британцев в создании японских средств массовой информации на самом начальном этапе этого процесса. Кроме того, знакомство со средствами массовой информации на примере именно англоязычных газет предопределило отношение к британским и американским СМИ как информационным источникам, заслуживающим доверия. Впоследствии этот фактор обусловил высокую степень их влияния на формирование представлений японцев как о западном мире в целом, так и о России в частности.

Представители Великобритании были достаточно активны на Японских островах в XIX в., начиная с эпохи *бакумацу*, причём не только в вопросе создания здесь средств массовой информации. В 1860—70-х гг. при посредничестве, а в отдельных случаях и по прямой инициативе британских дипломатических представителей, в Англию на обучение различным наукам было отправлено немало количество японских студентов. Это стимулировало изучение английского языка в среде японской молодёжи — поскольку одним из условий зачисления на зарубежную стажировку была успешная сдача экзамена по языку обучения. Более того, в Лондоне учащиеся получали помощь и поддержку целого ряда представителей государственной, политической и торговой элиты Великобритании, что способствовало формированию позитивного имиджа страны и налаживанию

личных связей с перспективной японской молодёжью, многие из которой в последствии заняли высокие должности в государственном аппарате Японии. Сложно представить, что данный процесс носил спонтанный характер. Очевидно, что, прибегая к такой, как бы её назвали сегодня, «мягкой дипломатии» британские политики пытались создать почву для определённой «англоориентированности» будущей государственной элиты Японии.

Японские студенты отправлялись на обучение и в Россию, правда в несоизмеримо меньшем количестве, и с невысокой долей успеха. Первые учащиеся были откомандированы в российскую столицу ещё в эпоху *бакумацу* по инициативе тогдашнего российского консула в Хакодате Иосифа Гошкевича, которая, к сожалению, не получила должной поддержки у центральных властей в Петербурге. В результате из первых шести студентов пятеро вернулись, не окончив обучение, с твёрдым убеждением в том, что русская зима слишком холодная, а русский язык слишком сложный, к тому же не имеет хождения в других странах, поэтому тратить на его изучение силы и время — не разумно [Miyanaga. 1991, p. 120].

Похоже, что данную точку зрения впоследствии стало разделять и новое императорское правительство Японии, пришедшие к власти в 1868 г. в результате реставрации Мэйдзи. По крайней мере, согласно указу 1871 г., устанавливающему новые правила обучения за рубежом только четыре страны (США, Великобритания, Франция и Пруссия) были рекомендованы японцам для поездок с образовательной целью. Что касается России, то туда японские власти рекомендовали отправиться лишь тем, кто хотел понаблюдать за процессом государственного строительства [Watanabe. 1977, pp. 214].

Подобное отношение к России и как следствие к русскому языку отчасти стало результатом личного знакомства с Российской империей представителей государственной элиты Японии в период *бакумацу* и в первые годы эпохи Мэйдзи. Речь идёт о визитах в Петербург миссии Такэноути (1862 г.) и Миссии Ивакура (1871—1873 г.) В своих дневниках члены обоих посольств отмечали, что ничего принципиально нового по сравнению с тем, что им уже было показано в других западных странах, в России они не увидели. С одной стороны, подобная реакция объяснялась тем, что обе делегации прибыли в Петербург после достаточно продолжительного пребывания в США, Великобритании и Франции, будучи переполненными впечатлениями и поряд-

ком уставшие от европейского быта [Ковальчук. 2017, с. 134]. С другой стороны, очевидно, что и российское правительство в тот момент не приложило достаточно усилий, чтобы убедить японцев, в том, что у России есть чему поучиться, а также в том, что сотрудничество двух стран может стать прочным и взаимовыгодным.

В результате безынициативности Петербурга и отсутствия настойчивого желания развивать более тесные торговые и иные связи со своим северным соседом со стороны Эдо, а затем и Токио, Россия оказалась на периферии сферы интересов и внимания как японских политиков, так и японских публицистов.

Что касается США и Великобритании, то последние напротив проявили огромную расторопность и настойчивость в рекламе собственных достижений, в первую очередь технических и военных. С учётом того, что в обеих странах государственным языком являлся английский, вывод о том, что освоение именно этого языка может стать для Японии средством достижения уровня развития передового Запада напрашивался сам собой.

Степень значимости, придаваемой японцами английскому языку, может быть проиллюстрирована призывом Мори Аринори — активиста просветительского движения эпохи Мэйдзи, ставшего в последствии её первым министром образования, к отказу от японского языка в качестве государственного и замене его английским. Хотя столь радикальная идея не нашла поддержки ни у японского населения, ни у руководства страны, английский сумел занять место иностранного языка, которым стремились овладеть наибольшее количество японцев, стремящихся к пониманию западных стран и освоению тех знаний и умений, которыми эти страны обладали.

С учётом того, что отношение к русскому языку и вопросу о необходимости его изучения до конца XIX в. в Японии принципиально не менялось, представления о России стали формироваться здесь преимущественно на основе англоязычных информационных ресурсов, как наиболее доступных. Доказательством тому может служить анализ статей, посвящённых России, опубликованных на страницах одного из наиболее авторитетных периодических изданий Японии того времени — газеты «Дзидзи симпо» (時事新報), учредителем и главным редактором которой являлся Фукудзава Юкити (1835—1901).

Не будет преувеличением сказать, что во второй половине XIX в. Фукудзава считался в Японии самым авторитетным экспертом по

европейским вопросам. После того как в период *бакумацу* в условиях очевидного информационного голода он опубликовал работу под названием «Сэйё: дзидзё:» («Положение дел в западных странах») [Fukuzawa. 1958], имевшей в Японии огромный успех, любую книгу на тему устройства стран Запада долгое время именовали здесь *Фукудзава бон* (книга Фукудзава).

С момента учреждения «Дзидзи симпо» в 1882 г. и практически до самой своей смерти в 1901 г. Фукудзава Юкити регулярно публиковал на страницах своего детища собственные статьи, очерки и заметки. Если учесть степень авторитетности мнения Фукудзава, не будет преувеличением сказать, что его высказывания, в том числе и о России, играли значительную роль в формировании общественного мнения Японии.

Анализ публикаций данного издания в период японо-китайской войны 1894—1895 гг. за влияние на Корейском полуострове, когда не только государственные и общественные деятели, но и простые граждане Японии внимательно следили за реакцией западных держав на данный конфликт, показал что с августа 1894 по август 1895 гг.³⁴⁵ «Дзидзи симпо» уделило Великобритании гораздо больше внимания, нежели России. Приведём конкретную статистику. В указанный период на страницах «Дзидзи симпо» было опубликовано около сорока статей, касающихся Англии, о России было написано практически в три раза меньше. Нужно учитывать, что процент аналитических статей среди данных публикаций был весьма незначительным, чаще всего они носили обзорный или новостной характер³⁴⁶, но даже с учётом этой особенности разница выглядит существенной. Ещё значительнее она выглядит, после анализа информационных источников, использовавшихся при их написании. Суммарно статей, посвящённых Рос-

---

³⁴⁵ Официально война закончилась подписанием 17 апреля 1895 г. Симоносэцкого мирного договора, однако последующее за ним вмешательство трёх европейских стран — Германии, Франции и России, целью которого было предотвратить передачу Японии части китайских территорий на Ляудунском полуострове, фактически расширило хронологические рамки конфликта и привело к активному обсуждению позиций европейских стран, а также причин их участия или отказа от участия в данном вмешательстве на страницах японских газет, которое продолжилось практически до конца лета 1895 г.

³⁴⁶ При составлении статистики учитывались те статьи, в которых Россия и Великобритания не просто упоминались в числе других европейских стран, а являлись главной темой повествования, в независимости от того, какой именно аспект их внутренней или внешней политики рассматривался в публикации.

сии и Великобритании, было опубликовано около пятидесяти, однако источник информации был указан только в двадцати двух. В двадцати случаях им была одна из английских газет, и только в двух было упомянуто, что информация взята со страниц российского периодического издания. Английская пресса была представлена на страницах «Дзидзи» не только в большем количестве, но и более разнообразно: помимо выдержек из газеты «The Times», которая цитировалась здесь достаточно часто, редакция знакомила читателей с мнением таких британских изданий как «The Daily Telegraph», «Pall Mall Gazette», «The London Evening Standard», журнала «The Spectator» и других. Что касается русской прессы, то она была представлена гораздо скромнее: одна из статей ссылалась на петербургскую газету «Новое время», а другая указывала в качестве источника информации газету «Москва симбун». Можно предположить, что под этим названием имелась ввиду газета «Московские ведомости».

Представленный анализ позволяет сделать вывод о том, что при сборе информации о России «Дзидзи симпо» под руководством Фукудзава Юкити в основном ориентировалась на англоязычную, преимущественно британскую прессу, транслируя японской аудитории наряду с информацией суждения английских политиков и публицистов, которые с учётом конкурентного характера отношений между Великобританией и России, далеко не всегда были объективными и беспристрастными.

Чтобы получить более полную картину источников и характера публикаций о Российской империи в японской прессе в период японо-китайской войны 1894—1895 гг., мы не ограничились обзором только одной японской газеты. Помимо «Дзидзи симпо» в исследовании было привлечено ещё одно периодическое издание Японии, выпускавшееся в конце XIX в. значительными тиражами.

Речь идёт о газете, учредителем и редактором которой был другой выдающийся публицист Токутоми Сохо (1863—1957), — человек, которого многие японские исследователи считают отцом японской журналистики. В 1887 г. Токутоми Сохо основал издательство «Миньюся» (民友社), которое стало выпускать первый в Японии новостной журнал «Кокумин но Томо» (国民之友) — «Друг народа». Он выходил в свет до 1898 г. Считается, что его прототипом стал американский журнал «The Nation». С 1890 г. издательство стало публиковать помимо журнала газету «Кокумин симбун» (國民新聞) — «Народная

газета», в названии которой также угадывалась ориентация на широкую аудиторию. Газета быстро сыскала широкую популярность не только благодаря своему названию, но и благодаря тому, что помимо новостей в ней стали публиковаться развёрнутые публицистические статьи на злободневные темы, в том числе касающиеся и политической ситуации в стране и мире.

Источники информации, на которые ссылалась «Кокумин симбун» при написании своих статей, как и в случае с «Дзидзи» были преимущественно англоязычными. Помимо упомянутых выше британских газет, здесь также встречались ссылки на лондонскую «St James's Gazette» и еженедельное издание «The Speaker». Что касается российских СМИ, то они были представлены только петербургской газетой «Новое время», цитаты на которую удалось найти лишь в двух публикациях «Кокумин». Тем не менее нельзя отрицать того факта, что в период японо-китайской войны 1894—1895 гг. издание Токутоми Сохо уделило немало внимания Российской империи. С августа 1894 г. по август 1895 г. на его страницах было опубликовано по нашим подсчётам двадцать девять статей о России, причём некоторые были настолько объёмными, что печатались частями на протяжении нескольких номеров. О Великобритании в тот же период было написано около сорока статей и очерков.

Следует, однако, отметить, что указанные публикации хронологически были распределены неравномерно. К примеру, летом и осенью 1894 г. «Кокумин симбун» знакомила своих читателей с тем, что писали о японо-китайской войне иностранные, преимущественно британские СМИ. Одновременно газета предприняла попытку самостоятельно проанализировать текущую ситуацию в мировой политике и определить, какая роль может быть отведена в ней Японии в случае победы последней в японо-китайской войне. В октябре 1894 г. в газете была напечатана серия статей под общим названием «Морская сила»³⁴⁷, знакомящая читателей с основными положениями работы историка, бывшего офицера военно-морских сил США Альфрэда Мэхэна (1840—1914) «Влияние военно-морской силы на историю, 1660—1783», в которой тот доказывал, что степень успешности морского развития государства предопределена наличием или отсутствием у его территории ряда географических особенностей и характеристик. Анализ Японских островов с точки зрения данной теории, проведённый в указанной

---

³⁴⁷ Кокумин симбун. 20 октября—31 октября, 1894.

публикации, показывал, что у Японии есть высокие шансы в будущем превратиться в сильную военно-морскую державу.

В марте 1895 г. аналитик газеты Фукаи Эйго³⁴⁸ в серии статей, объединённых названием «Британия в конце XIX в.», снова обратился к теории Мэхана — на этот раз, чтобы найти ответ на вопрос, сможет ли Великобритания, долгое время считавшаяся «царицей морей и океанов», сохранить за собой этот статус после заключения в 1890-х гг. союза между Францией и Россией. По собственным словам Фукаи, в задачи его исследования входило не восхваление прежних заслуг Британской империи, а объективная оценка её нынешних возможностей защитить и сохранить за собой территории, ставшие основным источником её силы и богатства. «В своё время Англия победила Испанию, — писал Фукаи, — одержала верх над Францией и построила небывалую доселе империю... Умение Англии сохранять своё владычество на столь обширных, столь разбросанных и настолько отличающихся между собой землях долгое время вызвало удивление и восхищение всего мира. Однако тот, кто умеет плавать, однажды может утонуть, а тот, кто умеет ездить верхом, однажды может упасть с лошади. Слабость положения Великобритании состоит в проблемах защиты столь обширных и разбросанных владений. Сегодня англичане озадачены не тем, как ещё больше увеличить число своих колоний, а как сохранить те, что она сумела захватить ранее...»³⁴⁹. Японский автор подчёркивал, что больше всего Англия боится потерять главную жемчужину своей короны — Индию. Её переход в руки одной из стран-конкурентов, по мнению Фукаи, лишил бы Британию одного из основных источников её богатства. «Нет необходимости говорить, кто сегодня является основным соперником Великобритании, — продолжает он. — По словам самих англичан, «в мире есть только один народ, который в будущем сможет соперничать с Британией — это русские»³⁵⁰.

---

³⁴⁸ Фукаи Эйго (1871—1945) начал карьеру в качестве корреспондента «Кокумин». В 1900 г. по рекомендации главного редактора газеты Токутоми Сохо стал личным секретарем министра финансов М. Мацуката, а в 1901 г. перешёл на работу в «Нихон гинко». Проработав более 20 лет в различных отделах главного банка страны, в 1928 г. стал заместителем президента, а в 1930 г. «Нихон гинко».

³⁴⁹ Кокумин симбун. 12 марта 1895. № 1555, с. 1.

³⁵⁰ Там же. Говоря о России как об основном сопернике Великобритании, Фукаи цитирует мнение автора нашумевшей в Англии работы «Великая Британия» Чарльза Дилка.

Указав на Россию как на основного соперника Великобритании, аналитик «Кокумин симбун» подчеркнул, что для сохранения своих позиций последней придётся искать себе союзника, обладающего достаточным экономическим и военным потенциалом. Если учесть, что статья была опубликована в тот момент, когда победа Японии в войне с Китаем была уже очевидна, и до заключения мирного соглашения оставались считанные дни, можно предположить какую страну автор считал наиболее возможным союзником Британии в будущем.

Что касается России, то большая часть статей, касающихся её внутренней и внешней политики появилась на страницах «Кокумин симбун» весной и в начале лета 1895 г., другими словами после участия Российской империи совместно с Францией и Германией в так называемом Тройственном вмешательстве европейских стран в условия мирного договора, заключённого между Китаем и Японией 17 апреля 1895 г. Анализ показывает, что большинство периодических изданий Японии в сложный для страны момент, когда правительству пришлось пойти на уступки и под давлением европейских держав согласиться на сохранение территориальной целостности материковой части Китая в обмен на увеличение суммы военной контрибуции, ограничились критикой и обвинениями в вероломстве в адрес стран участниц данного дипломатического демарша, в первую очередь в адрес Российской империи, которая, по мнению японцев, являлась его главным организатором. «Кокумин симбун» продемонстрировала иной подход и попыталась разобраться в причинах участия России в данном вмешательстве. В мае 1895 г. газета публикует сразу несколько серий общепублицистических статей на тему Российской империи. Одна из них под названием «Природа России»³⁵¹ привлекает особое внимание. В ней вновь предпринята попытка проанализировать внешнеполитический потенциал государства на основе его географических и климатических особенностей. На протяжении нескольких номеров «Кокумин» подробно знакомит своих читателей с характеристиками обширной территории Российской империи и приходит к выводу о том, что Россия — единственная держава в Европе, обладающая особенностями материкового государства. Автор статьи указывает, что остальные страны Западной Европы, даже те, что не имеют выхода к морю, больше похоже на островные государства в силу их ску-

---

³⁵¹ Кокумин симбун. 20 мая—09 июня 1895. № 1608—1620.

ченности и культурной обособленности. Сравнивая Россию с Римом, а европейские государства с Грецией автор делает вывод: остров хорош для зарождения цивилизации, но для её дальнейшего развития требуется материк и именно такими материком может стать Российская империя, которая скорее всего ещё не достигла апогея своего развития как в цивилизационном, так и в территориальном плане.

В 1895 г. «Кокумин симбун» ещё не писало напрямую, что расширение границ Российской империи несёт прямую угрозу национальной безопасности Японии, но давало достаточно информации для того, чтобы читатели пришли к этой мысли самостоятельно. Кроме того, выводы, сделанные в статье о возможности дальнейшего расширения границ Российской империи, могли стать ещё одним доказательством возможности англо-японского союза. Поскольку было очевидно, что территория России уже практически достигла возможных пределов на севере и на востоке, а поскольку к западу от её границ были расположены развитые страны Европы, то получалось, что дальнейшее расширение её территории могло быть осуществлено только в южном направлении, туда, где располагались индийские владения Британской империи — залог её жизненных сил и богатства, охрана и сохранение которых в конце XIX в. стали одной из приоритетных задач внешней политики Соединённого королевства.

В независимости от того, насколько верны были выводы, сделанные японскими журналистами и публицистами, они заложили основы для формирования информационной среды, в которой Россия представлялась государством, несущим угрозу усилению и процветанию Японии, а Великобритания — её возможным союзником. Если мы посмотрим на характер японской внешней политики в последующие десятилетия, то увидим, что данные представления стали довлеющими в выборе внешнеполитического курса Японии в к. XIX в. — н. XX вв.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что представления о России в японской прессе во второй половине XIX в. формировались преимущественно на основе информации, почерпнутой в англоязычных источниках, а также под влиянием геополитических теорий, доказывающих, что характер политического развития государства предопределён географическими и климатическими особенностями его территории. Ряд внешнеполитических шагов Российской империи, таких как участие в Тройственном вмешательстве в итоги японо-китайской войны 1894—1895 гг., были восприняты японскими

публицистами как доказательство верности их предположений об экспансионистском характере внешней политики России на Тихом океане, сделанных на основе этих теорий и высказываний британских политиков и публицистов. Таким образом в японских средствах массовой информации была заложена основа для формирования представлений о России, как о стране, возможность развития дружеских отношений с которой является для Японии по меньшей мере сомнительной.

Библиографический список

Ковальчук М.К. (2017) Миссия Такэноути в Санкт-Петербурге в 1862 г. *Проблемы Дальнего Востока*. № 3. С. 130—143.

Ковальчук М.К. (2004) В спорах о морской силе. Теории А.Т. Мэхэна в ранней японской геополитике. *Ежегодник Японии*. С. 277—297.

References

Fukuzawa, Yukichi. (1958) *Seiyō jijō* [The situation in Western countries]. In *Fukuzawa Yukichi zenshū* [The complete works of Fukuzawa Yukichi]. Tokyo: Iwanami shoten. Vol. 1. Pp. 525—555. (In Japanese).

Kovalchuk, M.K. (2004). V sporakh o morskoi sile. Teorii A.T. Mahana v rannei yaponskoi geopolitike [In disputes about sea power. Theories of A.T. Mahan in early Japanese geopolitics]. *Yearbook Japan*. Pp. 277—297. (In Russian).

Kovalchuk, M.K. (2017) Missiya Takenouchi v Sankt-Peterburge v 1862 g. [Takenouchi Mission in Saint Petersburg in 1862]. *Problemi Dalnego Vostoka*. № 3. Pp. 130—143.

Miyanaga, T. (1991) Bakumatsu roshia no ryūgakusei. Ichikawa Bunkichi no koto [Bakumatsu international students in Russia. About Ichikawa bunkichi]. *Hōsei daikaku shiyakai gakubu gakkai*, 1991. Vol. 37, № 4, pp. 109—142. (In Japanese).

Watanabe, M. (1977) *Kindai nihon kaigai ryugakusei shi* [The history of Japanese international students' studies abroad]. Tokyo. Vol. 1. Pp. 213—220. (In Japanese).

Кудряшова Анастасия Вячеславовна

к. филол. н.,
доцент кафедры японской филологии ИСАА МГУ
(Москва, Россия)
nasubi.kalavinka@gmail.com

К вопросу о методике преподавания японского языка на старших курсах НИУ ВШЭ по программе двух дипломов «Экономика и политика в Азии»

***Аннотация.** В статье освещаются некоторые методические вопросы преподавания японского языка в Высшей Школе Экономики на продвинутом этапе обучения. Для студентов 4 курса НИУ ВШЭ факультета мировой экономики и мировой политики по Программе двух дипломов НИУ ВШЭ и Университета Кёэнхи «Экономика и политика в Азии» (группы китайского, корейского и японского языков) был разработан основной корпус учебных материалов для использования на занятиях. Первый выпуск данной программы состоялся в июне 2022 г., за четыре года была проделана работа по предварительной выработке и формированию программ восточных языков, в том числе и «Базового японского языка».*

В ходе занятий японским языком со студентами 4 курса в учебном 2021—22 гг. был сделан упор на усвоение большого объёма бизнес-лексики, отработку навыков чтения и письма этого лексического запаса, проводился устный и письменный перевод текстов социально-политической и экономической тематики. Системные и последовательные занятия с работой у доски помогли сформировать устойчивые знания, а также выявить и исправить ошибки в написании и произношении, наблюдавшиеся у студентов. Чтение и написание писем по бизнес-тематике помогло сформировать устойчивые умения и навыки, необходимые студентам в будущей работе с японскими бизнес-партнёрами. Образцы бизнес-переписки и документации на темы «запрос», «ответ на запрос», «рекламное предложение», «претензия», «благодарственное письмо», имеющие свои особенности в построении, структуре текста и стилистике, также оказались весьма востребованным учебным материалом. Ежедневные письменные тестовые работы помогли закрепить эти навыки и перевести их из кратковременной в долговременную память.

В результате были достигнуты результаты, отражающие навыки владения устным и письменным японским языком на достаточно

высоком профессиональном уровне, что студенты и продемонстрировали на выпускном государственном экзамене, прошедшем в июне 2022 г.

Ключевые слова: японский язык, НИУ ВШЭ, программа двух дипломов, экономика и политика в Азии

Anastasia Kudryashova

PhD in Philology, Associate Professor,
Institute of Asian and African Studies of MSU,
Japanese Language Department (Moscow, Russia)
nasubi.kalavinka@gmail.com

Learning japanese language at the advanced level of the program «HSE university and kyung hee university double degree program in economics and politics in Asia»

Abstract. *The article highlights some methodological issues of teaching Japanese at the Higher School of Economics at an advanced stage of education. For 4th year students of the HSE Faculty of World Economy and International Affairs under the Double Degree Program of the National Research University Higher School of Economics and Kyunghee University «Economics and Politics in Asia» (Chinese, Korean and Japanese language groups), a main body of educational materials was developed for use in the classroom. The first release of this program took place in June 2022, for four years work has been done on the preliminary development and formation of programs for oriental languages, including the course «Basic Japanese language».*

During the Japanese language classes with 4th year students in the academic year 2021—22 we were concentrated on mastering a large massive of business vocabulary, developing reading and writing skills of this vocabulary, and interpretation and written translation of texts on socio-political and economic topics. Systematic and consistent lessons with work, using the blackboard helped to form stable knowledge, as well as to identify and correct student's errors in spelling and pronunciation. Reading and writing letters on business topics formed the stable skills students need in their future work with Japanese business partners. Samples of business correspondence and documentation on the next topics: «request», «response to request», «advertising offer», «claim», «thanks-letter», which have their own characteristics in construction, text structure and style, also turned out to be very popular educational material. Weekly written tests helped reinforce these skills and translate them from short-term to long-term memory.

As a result, there were achieved a fairly high professional level of the oral and written Japanese skills. The students could demonstrate it at the final State Exam held in June 2022.

Keywords: *Japanese language, double degree program, economics and politics in Asia*

Введение

Современные реалии таковы, что поворот на Восток становится новой актуальной тенденцией, когда всё более возрастающую значимость приобретает знание особенностей экономики, политики и культуры стран и народов Азии и Африки. В сложившихся условиях преподавание восточных языков в России приобретает огромную значимость. Высшие учебные заведения нашей страны должны готовить специалистов-международников, ориентированных на Восток и владеющих восточными языками, наряду с западными. Научное сообщество также должно уделять большое значение изучению важных проблем развития «незападной» части мира, афро-азиатских обществ и культур, а также диалогу цивилизаций.

Необходимо прежде всего отметить, что в целом система высшего образования России, будучи частью общей образовательной системы страны, находится сейчас на этапе деградации и требует обновления. Эту систему невозможно рассматривать в отрыве от всего российского общества в целом. Множество проблем современного общества отражаются в высшей школе и требуют скорейшего решения, но главная проблема — ярко бросающееся в глаза понижение общего уровня образованности студентов, что в свою очередь связано с общим понижением уровня знаний на этапе начального и среднего образования. Год от года падает общая подготовка студентов, приходящих в высшую школу на первый курс, нельзя не отметить их плохое владение русским языком (как устным, так и письменным), отсутствует понимание ими перспектив своей будущей работы.

Помимо этого, приходится констатировать, что, несомненно, имеют место такие проблемы, как изношенность учебного оборудования (особенно это заметно в естественнонаучных образовательных кластерах и на технических специальностях, таких, как химия и физика), несоответствие учебных пособий современным реалиям, отставание

финансирования научных кадров низшего звена, на которые зачастую и ложится основная работа по воспитанию и образованию студентов. В перспективе ближайших 5—10 лет необходимо коренным образом изменить отношение к высшему образованию в обществе от пренебрежительного к значимому, такому, к которому необходимо стремиться. Необходимо формировать в средствах массовой информации образ престижности высшего образования. В телевидении и интернете остро ощущается нехватка по-настоящему качественных образовательных программ. Однако самая главная проблема современного высшего образования — психологическая. Это нежелание и неумение студентов как следует трудиться для получения фундаментальных и глубоких знаний.

На наш взгляд, можно считать успешным опыт развития системы высшего образования в Китае, Японии и Южной Корее. Во всяком случае, России не следует отвергать положительные моменты системы этих стран, беря из них самое лучшее и адаптируя под специфику России. Можно многому научиться у стран Азии в целом, будь то ближневосточный или дальневосточный регион. Россия — страна, впитавшая в себя особенности менталитета не только Европы, но и Азии. Уникальное положение России помогает ей одновременно учиться опыт соседей как на Западе, так и на Востоке.

Хорошо известно, что в Японии и Южной Корее большое внимание уделяют гуманитарному образованию, владению родным языком, активно развивается система дополнительного образования. Почти 90% выпускников школ стремятся получить высшее образование. Высшее образование поощряется и высоко котируется, в обществе существует культ образованного человека. Нельзя отрицать, что это сложилось исторически, когда на протяжении многих веков образованный человек считался в обществе состоявшейся личностью, система сдачи экзаменов на государственные должности, привнесённая из Китая, считалась единственной возможностью повышения своего социального статуса. В Японии, Китае и Корее всегда существовал культ учёного, владеющего огромным багажом знаний, умений и навыков.

В настоящее время в этих странах Азии существуют огромное число частных и государственных учебных заведений, краткосрочных университетов (со сроком обучения 2 года), специалитет, магистратура, аспирантура, докторантура. Финансирование высшей школы в этих странах на порядок выше, чем в России. Достижения специа-

листов из этих стран в различных научных областях несомненны, а большое количество нобелевских лауреатов показывает, что высшее образование в этих странах находится на достаточно хорошем уровне. Нам следует извлечь урок из опыта других стран и направить большее количество сил и ресурсов на развитие науки и высшего образования именно в России.

Общение с представителями научных кругов азиатских стран на международных конференциях показывает, что среднестатистическому российскому гражданину мало знакомы достижения в различных отраслях науки в странах Азии, в то время как в самой Азии существует множество специалистов, разбирающихся в европейских науках. Этот перекокс необходимо устранить. В первую очередь, можно добиться этого за счёт выделения востоковедения в отдельную дисциплину, отрасль научного знания, где происходит совокупное исследование и изучение языка, литературы, культуры, экономики и политических процессов Востока. Необходимо не только учитывать опыт Востока, но и активно применять его на практике.

Методические вопросы преподавания японского языка на старших курсах

В данной статье нам хотелось бы осветить некоторые методические вопросы преподавания японского языка в Высшей Школе Экономики. Японский язык на старших курсах в этом учебном заведении преподаётся по разным программам, используются различные методические пособия и учебники. Для студентов 4 курса НИУ ВШЭ Факультета мировой экономики и мировой политики по Программе двух дипломов НИУ ВШЭ и Университета Кёэнхи «Экономика и политика в Азии» (группы китайского, корейского и японского языков) сейчас разрабатывается основной корпус учебных материалов для использования на занятиях. Первый выпуск данной программы состоялся в июне 2022 г., за четыре года была проделана работа по предварительной выработке и формированию программ восточных языков, в том числе и «Базового японского языка». Поскольку программа двух дипломов предусматривает обязательную годичную стажировку за границей (Китай, Япония, Южная Корея), которая приходится на третий год обучения, после этого, на четвёртом курсе студенты

возвращаются в Россию и в течение трёх модулей продолжают изучение восточного языка на уровне Professional (продвинутый-профессиональный). В ходе занятий японским языком со студентами 4 курса были разработаны материалы, о которых пойдёт речь ниже.

Во-первых, большое значение было уделено изучению лексических единиц, относящихся к слову «бизнес»-лексики. Это слова, связанные с темами «Политика и международные отношения», «Экономика», «Внешне-экономические связи», «Энергетика», «Международная напряжённость и военные конфликты», «Структура японского бизнес-сообщества», «Менеджмент и коммерция». В качестве учебных пособий использовались японские учебники «Офису дэ цукау бидзинэсу нихонго-2300» (A Guide To Essential Business Japanese. 825 Situation) [Morino. 1996, p. 297] и «Бидзинэсу нихонго но:рёку тэсудо. Доккай. Дзицурёку ё:сэй мондайсю:» [Segawa. 2007, p. 113]. Постоянная отработка навыков чтения и письма этого лексического запаса помогла сформировать устойчивые знания, а также выявить и исправить ошибки в написании и произношении.

Во-вторых, в рамках подготовки к государственному устному экзамену по японскому языку (июнь 2022 г.) проводилось еженедельное тренировочное устное выступление на тему «Результаты моей стажировки за границей и мои планы на будущее». Согласно программе, каждый студент должен был подготовить тему в виде развернутого монолога (на 5—7 минут) с последующими ответами на вопросы экзаменационной комиссии. В течение учебных занятий в году преподаватель помогал студентам готовить эту тему по частям, разбив её на небольшие отрывки, которые студенты еженедельно готовили и сдавали в виде выступления. Этому предшествовал этап написания сочинений по данным отрывкам и выверки на предмет правильности грамматики и лексики. В сочинениях освещались такие вопросы, как: причины выбора данной профессии; проблемы, с которыми столкнулся студент во время обучения в вузе; положительный и отрицательный опыт во время стажировки; трудности во время стажировки и их преодоление; занятия японским языком во время стажировки; общение с друзьями и расширение кругозора; сбор научного материала для написания выпускной квалификационной работы; цели и задачи исследования; планы на будущее — поиск работы или продолжение учебы; реализация полученных знаний. При подготовке к государственному экзамену студентам необходимо было хорошо знать свою тему в пол-

ном объёме и уметь презентовать её с правильным произношением и интонацией.

В-третьих, проведение еженедельных письменных тестовых работ помогло студентам закрепить полученные знания и сформировать устойчивые компетенции в области владения письмом и чтением по-японски. Тестовые работы состояли из лексико-иероглифической части и текстовой части. Знание пройденной лексики и иероглифики использовалось при самостоятельном чтении и переводе небольших текстов экономической и политической тематики.

Примеры тестовых работ

Тест № 1. Запишите чтения выражений, записанных иероглифами, и переведите их на русский язык (20点):

Иероглифические выражения	Чтения (хирагана)	Перевод на русский язык
1. 在庫管理と販売促進	1.	1.
2. 輸入を制限する	2.	2.
3. 先制攻撃する	3.	3.
4. 大気汚染の問題を解決する	4.	4.
5. 株式会社と有限責任会社	5.	5.
6. 稼働率を調整する	6.	6.
7. 資金を援助する	7.	7.
8. 共同声明を発表する	8.	8.
9. 広告宣伝費がかかる	9.	9.
10. 労働組合を組織する	10.	10.

Тест № 2. Переведите выражения с русского на японский и подпишите их чтения (20点):

Русский язык	Иероглифические выражения	Чтения (хирагана)
1. Крупнейшие торговые холдинги Мицуи, Ясуи, Сумитомо	1.	1.
2. Приоритетные акции и отложенные акции	2.	2.

3. Монетарная политика Центробанка Японии	3.	3.
4. Взять курс на повышение процентной ставки	4.	4.
5. Принимать экстренные меры в области ипотечного строительства	5.	5.
6. Баланс спроса и предложения	6.	6.
7. Фьючерсный рынок и спотовый рынок	7.	7.
8. Внедрять новые технологии в нефтедобывающей отрасли	8.	8.
9. Промышленные районы Дальнего Востока	9.	9.
10. Меры по борьбе с глобальным потеплением	10.	10.

Тест № 3. По данным чтениям восстановите иероглифическое написание и переведите выражения на русский язык (20点):

Чтения (хирагана)	Иероглифические выражения	Перевод на русский язык
1. うんそうほけんりょう	1.	1.
2. さいこうのぎけつきかん	2.	2.
3. しょうひしゃぶつかしすう	3.	3.
4. しんせいひんをはつばいする	4.	4.
5. おろしうりぎょうしゃ	5.	5.
6. こくさいかいぎにしゅつせきする	6.	6.
7. すいりょくはつでんしょ	7.	7.
8. でんりょくがいしゃにしゅうしょくする	8.	8.
9. じゅうようなやくわりをはたす	9.	9.
10. どりつこっかきょうどうたい	10.	10.

Тест № 4. Переведите текст с японского на русский язык (20点):

株式会社の第一の特徴は、株式の発行によって、不特定多数の人から広く資金を集めることができるということである。さらに、大企業の場合は、企業の発展に伴って株式を増やし、事業拡大のための資金を得ることもできる。成長発展を目指す企業には最適の形態であるといえる。第二の特徴は、資本と経営を分けることによって合理的な経営が行えるということにある。株式会社

では、出資者である株主は、持ち株数に応じて配当（会社の利益の分配）が得られるとともに、「株主総会」での議決権を持つ。しかし、株主が直接経営に参加するわけではない。会社の実際の業務は専門の経営者（取締役）が担当する。この資本と経営の分離が株式会社のもう一つの大きな特徴である。

株式会社には「株主総会」「取締役会」「監査役」の三つの機関がある。まず、「株主総会」は会社の最高の議決機関で、取締役および監査役を選任し、取締役会の出す業務報告や経営方針について検討する。次に「取締役会」は代表取締役（通常は社長）を選任し、会社の経営上の重要事項を審議し決定する。さらに「監査役」は会社の経理や業務が適正に行われているかを監査する。このように「株主総会」「取締役会」「監査役」の三つの機関がお互いをチェックすることによって、会社の健全な経営が行われるような仕組みになっている。しかし現実には、こうした仕組みがうまく機能しているわけではない。中小企業の中には資本と経営が一体となっているところもある。また、株主総会が多くの企業で短時間の形式的なものになっていることも問題になっている。

Тест № 5. Переведите письмо с русского на японский язык (20点):

24.11.2023

Директору акционерной компании «Fuji Limited»
г-ну Мориаки Итиро

Уважаемый г-н Мориаки!

Позвольте выразить благодарность за плодотворное сотрудничество между нашими компаниями в этом году.

Сообщаем, что 14.12.2022 г. Фондом инвестиций «Tower-group» планируется проведение симпозиума по теме «Инвестиции в строительной области». Мы будем рады пригласить Вашу компанию принять участие в данном мероприятии. Список участников, содержание докладов, а также другая сопутствующая информация по поводу участия в симпозиуме будет выслана Вам отдельным письмом.

Выражаем надежду на то, что сотрудничество между нашими компаниями и впредь будет расширяться и углубляться.

С глубоким уважением,
Управляющий Фондом «Tower-group»
Федоров В.П.

Заключение

Таким образом, на продвинутом и старшем этапах изучения японского языка был сделан упор на усвоение большого объёма бизнес-лексики, отработку навыков чтения и письма этого лексического запаса, а также на устный и письменный перевод текстов социально-политической и экономической тематики. Системные и последовательные занятия с работой у доски помогли сформировать устойчивые знания, а также выявить и исправить ошибки в написании и произношении, наблюдавшиеся у студентов. Еженедельные письменные тестовые работы помогли закрепить эти навыки и перевести их из кратковременной в долговременную память. Чтение и написание писем по бизнес-тематике помогло сформировать устойчивые умения и навыки, необходимые студентам в будущей работе с японскими бизнес-партнёрами. Образцы бизнес-переписки и документации на темы «запрос», «ответ на запрос», «рекламные предложения», «претензия», «благодарственное письмо», имеющие свои особенности в построении, структуре текста и стилистике, также оказались весьма востребованным учебным материалом.

Устные занятия студентов с носителем языка были направлены на отработку навыков слушания неадаптированной японской речи (новостные передачи) и говорения (доклады, презентации, дискуссии). Отработка навыков монологической речи (выступление на тему) и диалогической речи (дискуссии) велась на занятиях, проходивших как онлайн, так и офлайн. В результате были достигнуты результаты, отражающие навыки владения устным и письменным японским языком на достаточно высоком профессиональном уровне, что студенты и продемонстрировали на выпускном государственном экзамене.

В дальнейшем планируется работать над обновлением и расширением методической базы и учебных материалов, которые будут помогать развивать и углублять знания студентов.

References

Morino, T. (1996) *Chu:jōkyu: nihongo gakusha muke. Ofisu de tsukau bijinesu nihongo 2300*. [For the Intermediate / Advanced Japanese language student. A Guide To Essential Business Japanese]. Tokyo: Bonjinsha. (In Japanese).

Segawa, Yu. (2007) *Bijinesu nihongo nōryokutesuto. Dokkai. Jitsuryoku yōsei mondaishu*: [BJT Business Japanese Proficiency Test Skill Improvement Workbook: Reading Comprehension]. Tokyo: Suri:e: netto waku. (In Japanese).

Консалтинг в Японии: традиционные связи и вызовы современности

***Аннотация.** Индустрия консалтинга является неотъемлемой частью современной экономики. Деятельность крупных консалтинговых компаний связана прежде всего с американским и европейским рынком, однако в последнее время наблюдается развитие отрасли и в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Рынок консалтинга в Японии в настоящий момент только формируется и по своему масштабу несопоставим с мировыми лидерами.*

Данная статья посвящена особенностям формирования рынка консалтинговых услуг в Японии и их влиянию на развитие отрасли. Особое внимание уделяется системе административного руководства экономикой и корпоративной структуре как ключевым факторам, позволившим японскому бизнесу долгое время вести свою деятельность и преодолевать проблемы, не прибегая к помощи независимых консультантов.

Тем не менее глобализация и интернационализация японских компаний способствовали возникновению консалтинговых фирм. Так, некоторые компании, выйдя на мировой рынок, столкнулись с высокой конкуренцией и сложностями в ведении бизнеса в совершенно иной среде. Ещё одним толчком для создания консалтинговых фирм стало введение новой системы бухгалтерского учёта и аудита, после чего в Японии резко увеличилось число аудиторов и финансовых консультантов. Помимо этого, с принятием нового Кодекса корпоративного управления, соответствующего международным стандартам, снова встал вопрос о необходимости сотрудничества с независимыми консалтинговыми и аудиторскими компаниями.

В конце статьи автор приходит к выводу, что появление японского рынка консалтинговых услуг значительно позже, чем в других странах, связано со специфическими условиями, в которых развивался бизнес на протяжении второй половины XX в. Тем не менее, чтобы сохранить свой статус и конкурентоспособность, японские компании вынуждены пересмотреть принципы управления и чаще привлекать сторонних подрядчиков и консультантов.

Ключевые слова: консалтинг, аудит, корпоративная структура, система административного руководства, глобализация, интернационализация бизнеса

***The consulting market in Japan:
traditional ties versus contemporary challenges***

Abstract. *The consulting industry is an essential part of the modern economy. The business of large consulting companies is primarily associated with the American and European markets, but recently there has been a development of the industry in the countries of the Asia-Pacific region. The consulting market in Japan is currently developing and it cannot be compared in its scale with the world leaders.*

This article is devoted to the peculiarities of the formation of the consulting services market in Japan and its impact on the development of the industry. Particular attention is paid to the system of administrative management of the economy and the corporate structure as key factors that allowed Japanese firms to conduct its business for a long time and overcome problems without resorting to the support of independent consultants.

Nevertheless, the globalization and internationalization of Japanese companies has contributed to the emergence of consulting firms. Thus, some companies, having entered the world market, faced high competition and difficulties in doing business in a completely different environment, because of which the demand for consulting services began to arise. Another impetus for the establishment of consulting firms was the introduction of a new system of accounting and auditing, after which the number of auditors and financial advisers in Japan increased dramatically. In addition, with the adoption of the new Corporate Governance Code based on international standards, cooperation with independent consulting and audit companies has become a necessity.

At the end of the article, the author concludes that the emergence of the Japanese consulting market much later than in other countries is due to the specific conditions in which business developed during the second half of the 20th century. However, in order to maintain their status and competitiveness, companies need to reconsider their management principles and outsource contractors and consultants more frequently.

Keywords: *consulting, audit, corporate structure, administrative management system, globalization, business internationalization*

Введение

В быстро меняющихся экономических условиях японские компании всё чаще обращаются за услугами консультантов. Консалтинговые компании занимаются сбором и анализом информации, составляют прогнозы дальнейшего развития рынка и самой фирмы с учётом её предметной области, предлагая наиболее действенный способ по решению той или иной проблемы.

Мировой рынок консалтинга стремительно рос в 2010-е гг., и в 2019 г. достиг 160 млрд долл.³⁵², однако в 2020 г. значительно сократился до 132 млрд долл. в результате коронакризиса³⁵³. Лидерами по-прежнему остаются США и страны Европы, а крупнейшими игроками — компании Deloitte, PwC, EY, KPMG, Accenture, McKinsey&Company, BCG и др., в сфере деятельности которых находятся различные услуги по консультированию и аудиту.

На Азиатско-Тихоокеанский регион пришлось около 16% от общего объёма рынка за 2019 г.³⁵⁴ Тем не менее индустрия консалтинга в АТР активно развивается, в первую очередь в Китае и Австралии. Рынок Японии в вышеуказанный период оценивается всего лишь в 1,4 млрд долл. (менее 1% от мирового уровня)³⁵⁵, что по своим масштабам несопоставимо с Америкой и Европой.

Оценить достоверность этих данных, опираясь на статистику METI или же занимающихся исследованиями в экономической сфере Keidanren и Keizai Douyukai, довольно сложно, поскольку на сайтах перечисленных организаций точная информация о размерах рынка консалтинга не представлена. В свою очередь можно предположить, что в настоящее время эта отрасль только формируется и занимает небольшую долю в третичном секторе экономики, поэтому пока статистические данные не публикуются отдельно.

---

³⁵² Statista. Size of the global consulting market in 2019, by country. <https://www.statista.com/statistics/1065188/management-consulting-market-size-country/>.

³⁵³ Statista. Change of the global consulting market revenue 2020-2021, by industry. <https://www.statista.com/statistics/1123841/global-consulting-market-change-industry-vertical/>.

³⁵⁴ Consultancy.org. Global. <https://www.consultancy.org/consulting-industry/global>.

³⁵⁵ Statista. Size of the global consulting market in 2019, by country. <https://www.statista.com/statistics/1065188/management-consulting-market-size-country/>.

Факторы формирования рынка консалтинга в Японии

Система административного руководства экономикой

Процесс формирования рынка консалтинговых услуг в Японии в сравнении с европейскими странами и США обладает рядом особенностей. В первую очередь важно отметить, что частично функции консультирования выполняли государственные и предпринимательские некоммерческие организации.

Высокая доля государственного участия в экономике была обусловлена необходимостью быстрого послевоенного восстановления и стремлением достичь уровня развитых стран того периода. Так, правительство осуществляло финансовую поддержку, создавало программы по приоритетному развитию отраслей, учреждало комитеты и бюро, обеспечивающие консультирование предприятий и целых отраслей [Лебедева И.П., Тимонина И.Л. 2008, с. 23—76]. Зачастую эти бюро действовали при министерствах и осуществляли различные консультационные функции в области финансов, стратегии компаний и их управления [Лебедева И.П., Тимонина И.Л. 2008, с. 192—198].

Кроме того, на протяжении второй половины XX в. и в настоящее время велика роль неправительственных организаций таких, как Keidanren, Keizai Dooyokai, основная цель которых заключается в продвижении японских компаний и эффективной коммуникации государства и бизнеса. В 1960—70-е гг. данные организации, в первую очередь Keidanren, принимали участие в проведении административной реформы по дерегулированию экономики и частичной приватизации общественного сектора³⁵⁶. В 1990-е гг. Keidanren занимался вопросами корпоративного управления, и в 1991 г. были опубликованы принципы Good Corporate Behavior³⁵⁷ для поддержания свободной рыночной экономики, а чуть позже были подготовлены рекомендации японским компаниям Urgent Recommendations Concerning Corporate Governance³⁵⁸. Таким образом, часть консультационных функций в области стратегии и операционного консалтинга могли выполнять данные организации,

---

³⁵⁶ Keidanren: About Keidanren. <https://www.keidanren.or.jp/en/profile/pro001.html>.

³⁵⁷ Keidanren. Keidanren Charter for Good Corporate Behavior. <https://www.keidanren.or.jp/english/speech/spe001/s01001/s01a.html>.

³⁵⁸ Keidanren. Urgent Recommendations Concerning Corporate Governance. <https://www.keidanren.or.jp/english/policy/pol067.html>.

опираясь на проведённые исследования, общеэкономическое положение страны, позиции государства и предприятий.

Корпоративная структура

Вторая особенность определяется корпоративной организацией. Большинство корпораций входят в субподрядную систему кэйрэцу, все члены которой тесно взаимосвязаны, а возникающие проблемы в основном решаются внутри группы. Так, головной банк занимается финансовыми вопросами и оказывает поддержку в данной сфере. Совет директоров, состоящий в большинстве случаев только из «внутренних» директоров компании, принимает решения, связанные с вектором развития фирмы, её управлением и организацией. Бухгалтерским учётом и аудитом занимается Совет внутренних аудиторов. Нередко на уровне компании существуют и консультационные отделы, в сфере деятельности которых находятся кадровые вопросы, внедрение технологий и др. Помимо этого, субподрядная система предполагала, что в группах были свои консалтинговые компании, которые обслуживали членов группы, поэтому большая часть функций, в том числе и консультационных, реализовывалась собственными силами без участия сторонних подрядчиков [Лебедева И.П., Тимонина И.Л. 2008, с. 359—363].

Таким образом, система административного руководства экономикой и корпоративная структура позволяли японскому бизнесу преодолевать проблемы, используя устоявшиеся традиционные связи с членами своей группы и правительственными органами, не прибегая к помощи независимых консультантов. Потребность в услугах внешних консалтинговых компаний и процесс формирования рынка консалтинга в Японии будут тесно связаны с глобализацией и интернационализацией бизнеса, о чем и пойдет речь далее.

Вызовы современности

Интернационализация компаний

Укрепление тесных связей с США и другими странами способствовало интернационализации японского бизнеса, в первую очередь компаний автомобилестроения и электромашиностроения. В 1980—1990-е гг. данные предприятия стали активно выносить производственные мощности на территорию других стран, вследствие чего

японский бизнес был вынужден оперировать в совершенно иной среде. В результате этого фирмы столкнулись с рядом трудностей организационного характера: разрывом традиционных связей и установлением новых с местными подрядчиками, управлением, логистикой и т. п. Компаниям предстояло адаптироваться в этих условиях и создать иные системы организации рабочих процессов в филиалах, которые учитывали бы местные особенности [Лебедева И.П. 2012].

Важно отметить, что в условиях глобализации и технологического прогресса японские компании, выйдя на мировой рынок, испытали и высокую конкуренцию. Так, продукция в сфере электроники, где Япония лидировала по экспорту в конце 1990-х гг., стала уступать китайским и корейским производителям [Iwatani N., Orr G., Brian S. 2011]. Основным конкурентом японского бизнеса остаются США, однако в последние годы во многих сферах Китай и Южная Корея занимают лидерские позиции, пытаясь вытеснить японских производителей.

Это позволяет предположить, что в 1990—2000-е гг. японский бизнес стал острее испытывать потребность в услугах внешних консультантов, обладающих широкими экспертными знаниями, что в свою очередь способствовало возникновению отдельных консалтинговых компаний, обслуживающих не только членов кэйрэцу.

Новая система бухгалтерского учёта и аудита

Ещё одним толчком для увеличения числа консалтинговых компаний стало введение новой системы бухгалтерского учёта и аудита японских компаний в начале 2000-х гг. Дело в том, что долгое время финансовая отчётность японских банков и фирм контролировалась со стороны Министерства финансов. Ему также была подчинена деятельность японского института сертифицированных аудиторов ЛСРА, из-за чего проводить независимую аудиторскую проверку компаний и банков было крайне проблематично. Однако после ряда раскрытых случаев мошенничества и кризиса «мыльного пузыря» в 1990-е гг. стало очевидно, что должна проводиться более строгая оценка со стороны бухгалтеров и аудиторов. Кроме того, в условиях глобализации и активного сотрудничества с другими странами у иностранных партнёров всё чаще стали возникать сомнения, касающиеся независимости аудиторских проверок и порядка их проведения. Стремясь вернуть к себе доверие, с конца 1990-х гг. ЛСРА провела реорганизацию, её зависимость от Министерства финансов значительно снизилась.

В начале 2000-х гг. в Японии были введены новые стандарты бухгалтерской отчётности и аудита, а в 2009 г. японские компании стали использовать Международные стандарты финансовой отчётности — систему IFRS [The Japanese Institute of Certified Public Accountants 2013]. После этого количество аудиторских компаний и консалтинговых фирм, предоставляющих данные услуги, стало резко увеличиваться.

Реформы корпоративного управления

Изменения в структуре корпоративного управления в Японии начались в конце 1990-х гг. с пересмотра Коммерческого кодекса. В ходе реформ рассматривалось ограничение перекрестным владением акций, что негативно сказывалось на эффективности управления и порождало конфликты между контролирующими и миноритарными акционерами [Mazudmer M. 2013]. Возросла доля иностранного капитала, фирмы были призваны изменить стиль управления и увеличить число независимых директоров в Совете компаний.

В 2009 г. Tokyo Stock Exchange выпускает «Принципы корпоративного управления для листинговых компаний»³⁵⁹ и «Отчёт по корпоративному управлению» в 2011 г.³⁶⁰, которые во многом были посвящены правам акционеров, раскрытию информации и принципам прозрачности, а также необходимости проведения независимых аудиторских проверок и кооперации среди аудиторов.

Вслед за изданием принципов корпоративного управления ОЭСР в 2015 г.³⁶¹ и глобальных принципов управления ICGN в 2014 г.³⁶² в Японии выпустили собственный Кодекс корпоративного управления в 2015 г.³⁶³. Изложенные в нем принципы во многом повторяют

---

³⁵⁹ Tokyo Stock Exchange Principles of Corporate Governance for listed companies. TSE listing Department. — 2009 <https://www.fsa.go.jp/en/refer/councils/corporategovernance/reference/tokyo-stock-exchange.pdf>.

³⁶⁰ Tokyo Stock Exchange (2011) White paper on corporate governance. TSE listing Department. — 2011. <https://www.jpx.co.jp/equities/listing/cg/tvdivq000008jbo-att/b7gje60000037hv1.pdf>.

³⁶¹ OECD (2015), G20/OECD Principles of Corporate Governance, OECD Publishing, Paris. <http://dx.doi.org/10.1787/9789264236882-en>.

³⁶² International Corporate Governance Network. ICGN Global Governance Principles, British Library. — 2014. <https://www.fsa.go.jp/en/refer/councils/corporategovernance/reference/icgn.pdf>

³⁶³ The Council of Experts Concerning the Corporate Governance Code. Japan's Corporate Governance Code [Final Proposal]. <https://www.fsa.go.jp/en/refer/councils/corporategovernance/20150306-1/01.pdf>.

международные. Компаниям рекомендуется привлекать независимых директоров, способных трезво оценить обстановку и предложить эффективные методы решения проблемы. Необходимо создавать консультативные комитеты, где бы обсуждались вопросы аудита, назначения на должности и т. п. Кроме того, фирмам следует сотрудничать с внешними консультантами по вопросам их дальнейшей деятельности, стратегии и управления.

Итак, столкнувшись с глобализацией и интернационализацией, японский бизнес был вынужден адаптировать традиционные формы управления к вызовам современности и стать более открытым для сторонних подрядчиков, с которыми ранее не были установлены партнёрские отношения.

Заключение

Рынок консалтинговых услуг является неотъемлемой частью современной экономики. В силу исторических обстоятельств крупнейшими остаются американские и европейские компании. Тем не менее в последнее время консалтинг быстро развивается и в странах Азиатско-Тихоокеанского региона, где лидерами стали Китай и Австралия.

На данный момент индустрия консалтинга в Японии только формируется, и её масштабы несопоставимы с мировыми гигантами. Это связано с особенностями формирования рынка консалтинговых услуг в Японии. Частично функции консультирования выполняли государственные и предпринимательские некоммерческие организации. Государство создавало программы по приоритетному развитию отраслей, финансово поддерживало предприятия и организовывало различные комитеты и бюро, обеспечивающие консультирование компаний и целых отраслей. Неправительственные органы, опираясь на проведённые исследования, анализ экономической ситуации, позиции государства и предприятий, в свою очередь также осуществляли часть консультационных функций в области стратегии, управления и операционного консалтинга.

Особое влияние на деятельность компаний оказывала корпоративная структура. Закрытая субподрядная система, где все вопросы решались внутри группы, а специальные компании обслуживали членов

своей группы, позволяли японскому бизнесу не прибегать к помощи независимых консультантов, поддерживая уже сложившиеся связи.

Однако в условиях глобализации и интернационализации японского бизнеса фирмы были вынуждены оперировать в новых условиях, отказаться от традиционных форм управления и партнёрства, а также столкнулись с серьёзной конкуренцией со стороны зарубежного бизнеса.

Для поддержания своего имиджа и продолжения сотрудничества с иностранными партнёрами японским компаниям было необходимо и следовать международным стандартам: была введена новая система бухгалтерского учёта и аудита японских компаний, произошли изменения в структуре корпоративного управления. Бизнес призвали стать более открытым для внешних консультантов, с которыми ранее ещё не было установлено долгосрочных отношений.

Таким образом, в быстро меняющихся современных условиях японским компаниям придётся пересмотреть принципы управления, чаще привлекать сторонних подрядчиков и консультантов, чтобы сохранить свой статус и конкурентоспособность.

Библиографический список

Лебедева И.П. (2012) *Глобализация японского промышленного производства*. Москва: Институт востоковедения РАН.

Лебедева И.П., Тимонина И.Л. (2008) *Экономика Японии: учебное пособие*. Москва: Восточная литература.

References

International Corporate Governance Network (2014). *ICGN Global Governance Principles*, British Library. 9—11, 16—19, 23—24. Retrieved July 14, 2022, from <https://www.fsa.go.jp/en/refer/councils/corporategovernance/reference/icgn.pdf>.

Iwatani, Naoyuki, Orr, G., Brian, Salsberg B. (2011). Japan's globalization imperative *McKinsey&Company Quarterly*. Retrieved July 14, 2022, from <https://www.mckinsey.com/business-functions/strategy-and-corporate-finance/our-insights/japans-globalization-imperative>.

Lebedeva, I.P. (2012). Globalizatsiia iaponskogo promyshlennogo proizvodstva [Globalization of Japanese industrial production]. Moscow: Institute of Oriental Studies of RAS. (In Russian).

Lebedeva, I.P., Timonina, I.L. (2008). *Ekonomika Iaponii: uchebnoe posobie [Economy of Japan: textbook]* Moscow: Oriental literature. (In Russian).

Mazudmer, Mohammed (2013). Corporate governance practices in Japan: Post-crisis reforms, successive changes and future trends. *International Journal of Business, Management and Social Sciences*, Vol. 4, No. 1, 2013, pp. 1—11. Retrieved July 14, 2022, from https://www.researchgate.net/publication/299350334_Corporate_governance_practices_in_Japan_Post-crisis_reforms_successive_changes_and_future_trends.

OECD (2015), G20/OECD Principles of Corporate Governance, *OECD Publishing*, Paris. <http://dx.doi.org/10.1787/9789264236882-en>.

The Council of Experts Concerning the Corporate Governance Code (2015) Japan's Corporate Governance Code *Final Proposal*. Retrieved July 14, 2022, from <https://www.fsa.go.jp/en/refer/councils/corporategovernance/20150306-1/01.pdf>.

The Japanese Institute of Certified Public Accountants (2013) Corporate Disclosure in Japan Auditing *JICPA* (Fifth Edition). Retrieved July 14, 2022, from <https://jicpa.or.jp/english/accounting/pdf/PUBLICATION-Auditing2013.pdf>.

Tokyo Stock Exchange (2009) Principles of Corporate Governance for listed companies. *TSE listing Department*. Retrieved July 14, 2022, from <https://www.fsa.go.jp/en/refer/councils/corporategovernance/reference/tokyo-stock-exchange.pdf>.

Tokyo Stock Exchange (2011) White paper on corporate governance. *TSE listing Department*. Retrieved July 14, 2022, from <https://www.jpx.co.jp/equities/listing/cg/tvdivq0000008jb0-att/b7gje60000037hvl.pdf>.

Пучков Яков Михайлович

MA in Political Science & International Relations
(The University of Manchester)

Преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин
ИОН РАНХиГС

Преподаватель кафедры наук об обществе и человеке факультета
гуманитарных наук МВШСЭН
uchihaweider@gmail.com

Феномен японского колониального империализма в оптике конструктивистского направления теории международных отношений

***Аннотация.** Настоящее исследование представляет собой попытку проанализировать феномен японской внешнеполитической экспансии через призму конструктивистской теории международных отношений. Классические востоковедческие подходы к описанию и объяснению японского империализма зачастую не акцентируют внимания на том, почему среди всех азиатских государств именно Японии удалось преодолеть свою субалтерность и начать собственную колониальную экспансию. Схожее замечание относится и к проблемно-ориентированным теориям международных отношений — структурному реализму и либеральному институционализму, которые ставят по главу угла детерминизм международной структуры над её элементами (государствами-акторами).*

Наша идея заключается в том, чтобы привлечь методологию конструктивизма как критической теории международных отношений (critical theory) и выявить скрытые механизмы формирования идентичности Японской империи и, как следствие, развития в ней стимулирующих оснований для проведения империалистической политики. Мы настаиваем на том, что насильственное «открытие» Японии и включение её в статус потенциальной колонии в международную политическую повестку 2-й пол. XIX — н. XX вв. оказало решающее влияние на запуск в ней внутренних процессов поиска национальной идентичности.

С одной стороны, это привело к габитуализации в Японии представлений о необходимости модернизации, индустриализации и экспансии как способе борьбы и выживания. С другой стороны, эта «новая» идентичность, представляющая Японскую империю как покровительницу восточных народов, расположилась, однако, на древних институциональных основах японской культуры как реципиента чужих культур (китайской культуры, в частности). В совокупности

эти два элемента имперской идентичности Японии и обусловили её успешное участие в колониальной гонке рубежа XIX—XX вв. на правах полноценной «великой державы».

Ключевые слова: Японская империя, колониализм, империализм, идентичность, конструктивизм, международные отношения, пост-колониальные исследования

Puchkov Iakov

MA in Political Science & International Relations
(The University of Manchester)
Lecturer, Department of Humanities, ISS RANEPА
Lecturer, Faculty of Humanities, MSSS
uchihaweider@gmail.com

Japanese colonial imperialism through constructivist lens of international relations theory

Abstract. *This paper examines the problem of Japanese foreign expansion through the lens of constructivist international relations theory. The Oriental studies tradition to describe and explain such phenomenon frequently lacks the question why it was Japan that managed to overcome its subalternity and start its own colonial policies, but other Asian nations failed to perform it. A similar remark applies to so-called problem-solving theories of international relations — structural realism and liberal institutionalism, which emphasize on the determinism of international system over its elements (states-actors).*

Our point is to use the methodology of constructivism as a critical theory on international relation and to reveal the implicit mechanisms of the Japanese Empire's identity formation and, consequently, its internal grounds for imperialist policies. We argue that being forcefully «opened» and then viewed as a potential colony in the international political agenda of the second half of the XIX — early XX centuries made Japan to actively seek for national identity.

On the one hand, this resulted in the habitualization of ideas about the necessity of modernization, industrialization, and expansion as means of struggle and survival. On the other hand, this «new» identity, representing the Japanese Empire as the patron of the Eastern peoples, rests on the ancient institutional foundations of Japanese culture as main recipient of foreign cultures (Chinese, in particular). These two elements of Japan's

imperial identity together caused its successful participation in colonial race of the turn of the XIX—XX centuries as a full-fledged «great power».

Keywords: *Japanese Empire, colonialism, imperialism, identity, constructivism, international relations, postcolonial studies*

Введение

Феномен колониальной экспансии Японии и её становления как одной из т.н. «Великих держав» в конце XIX в. привлекает внимание исследователей самых разных областей социально-гуманитарного знания. В своей значимости для науки данное проблемное поле имеет несколько измерений, и нам представляется необходимым указать на некоторые из них.

С точки зрения исторической науки, участие Японии в колониальных противоречиях к. XIX—XX вв. является важным эпизодом мировой истории, оказавшим непосредственное влияние как на судьбу самой Японии, так и на динамику развития событий в мире в целом. С точки зрения политической науки, это стало значимым фактором формирования политических систем стран Восточной и Юго-Восточной Азии и политической социализации их обществ. А с точки зрения теории международных отношений, японский кейс интересен тем, что, применяя к нему концептуальные объяснительные модели и языки описания IR, мы можем получить качественно новые ответы на вопросы, касающиеся особенностей функционирования международной системы.

Своеобразная уникальность японского примера заключается в том, что Япония стала первой и единственной на тот момент азиатской страной, которая начала собственную колониальную экспансию и существенно в этом преуспела. Кроме того, Японии удалось в рекордно короткие сроки достигнуть такого уровня экономического, технологического и политического могущества, который позволил ей на равных конкурировать с западными колониальными империями и даже победить в войне против одной из них³⁶⁴. В итоге, как мы зна-

---

³⁶⁴ Русско-японская война 1904—1905 гг. завершилась военно-политической победой Японии и Портсмутским мирным договором, условия которого, благодаря усилиям российских дипломатов, оказались для Российской империи гораздо мягче ожидаемых.

ем, это привело к вынужденному отказу западных держав от попыток колонизировать Японию и к признанию её в качестве полноценного субъекта международных отношений и важного элемента международной структуры.

На первый взгляд, данный прецедент вполне органично смотрится в канве объяснительных моделей структурного реализма. В условиях многополярной международной структуры 2-й пол. XIX в. Япония закономерно прибегла к политике внутреннего (а позже и внешнего) балансирования и «выросла» до размеров, сопоставимых с размером угрозы, обеспечив таким образом своё выживание. Однако здесь возникает множество вопросов относительно того, как именно произошёл процесс формирования коллективной идентичности Японии и её превращения в империю. Более того, за пределами внимания реалистов находится проблема приобретения Японией своей полноценной субъектности и преодоления структурно опосредованных границ поведения на мировой арене. И, наконец, свойственный для реализма диктат структуры над её элементами мешает нам разобраться в том, какое воздействие на международную структуру и базовые принципы её организации оказала Японская империя.

Обозначенные выше вопросы, а также многие другие, относящиеся к данной теме, не актуальны для структурного реализма и институционального либерализма в принципе, поскольку в рамках данных парадигм получение подобных ответов не является гносеологической целью и не влияет на наше общее представление о свойствах международных отношений. Однако в рамках критических теорий, в частности конструктивизма, мы можем выявить скрытые механизмы, управляющие поведением государства на международной арене, и получить новые способы объяснения тех или иных феноменов.

Ограничения структурного реализма как отправная точка рассуждений

Во введении мы постарались кратко обозначить, какие проблемы, сопряжённые с феноменом японского колониального империализма, остаются в той или иной степени вне поля зрения представителей «мейнстримных» теорий международных отношений, в частности — структурного реализма. Наш первый тезис заключается в том, что по-

иски и выявление конкретных пробелов в неореалистической теории могли бы помочь нам чётче выделить верное направление исследования. Как и прочие критические подходы к международным отношениям, во многом берущие своё начало в программной статье Роберта Кокса [Cox. 1981, p. 126—130], конструктивизм атакует «мейнстримные» теории с онтологических и эпистемологических позиций [Wendt. 1992, p. 391—395]. Мы попытаемся артикулировать проблемные места неореализма, сосредоточившись на конкретном примере.

Если взглянуть на общую картину международной системы, открывающуюся нам с высоты неореалистического подхода, то некоторые его основные положения вряд ли способны вызвать сильное отторжение у тех, кто находит гоббсианскую концепцию справедливой. Международная среда анархична, а действующие в ней государства — функционально подобны друг другу. В таких условиях борьба за власть (power) оказывается перманентной, поскольку аккумуляция власти, происходящее за счёт утраты её другими акторами, повышает шансы на выживание. Таким образом, поведение государств-акторов на международной арене всегда структурно детерминировано и может быть объяснено соответствующим образом [Waltz. 1979, p. 102—128].

Если наш исследовательский вопрос сформулирован как «почему Япония во второй половине XIX в. предприняла политику срочной модернизации и начала собственную колониальную экспансию?», то самый лаконичный ответ реалистов будет следующий: «в данный конкретный исторический период международная структура имела значение многополярности, что при соблюдении двух констант (анархичность среды и функциональное подобие государств) обуславливает политику балансирования со стороны государства в ответ на конкретную угрозу» [Ripsman, Taliaferro, Lobell. 2016, p. 33—38]. Балансирование, в свою очередь, может быть внешним (формальный военный альянс) или внутренним (внутренняя мобилизация, милитаризация, институциональная имитация сильного).

Пример Японии прекрасно вписывается в данную объяснительную модель по всем показателям. В ответ на угрозу колонизации со стороны США и других западных держав, Япония, начиная с эпохи Мэйдзи (1868—1912), активно заимствовала западные технологии и институциональные системы: индустриальную капиталистическую экономику, западную политическую структуру (конституция, выборы, парламент, принцип разделения властей и т. д.), военные реформы,

государственную идеологию. В 1902 г. Япония заключила формальный военный союз с Великобританией на фоне своих колониальных противоречий с Россией, а позже выступила на стороне Антанты в Первой мировой войне. Таким образом, вхождение Японии в международную структуру на правах «великой державы» как полноценного актора потребовало от неё подчинения структурно обусловленным правилам игры.

Здесь возникает закономерный вопрос: почему Японии удалось «отбалансировать» угрозу и даже войти в условный «клуб великих держав», тогда как другие азиатские страны оказались, так или иначе, колонизированы западными империями? В рамках структурного реализма ответ на этот вопрос может скрываться в значении, которое принимает промежуточная переменная (*independent intervening variable*) в данном казуальном механизме. Другими словами, в самой Японии было нечто такое, чего не было у других азиатских стран, что позволило ей успешно сопротивляться колонизации, денонсировать неравноправные Ансэйские договоры и ловко балансировать в международной системе. Например, это могут быть личные перцепции японских лидеров и императора Мэйдзи, особенности культурных институтов и т. п.

Однако существует, по крайней мере, три причины, по которым подобный ответ со стороны реалистов кажется нам не вполне удовлетворительным. Во-первых, в данном эмпирическом пазле японский кейс уникален и не имеет аналогов, поэтому проверить работоспособность теории среднего уровня (если мы продолжаем рассуждать в позитивистском ключе) очень затруднительно.

Танзимат и реформы Атаюрка в Османской империи не совсем подходят, поскольку Турция на тот момент уже была самостоятельной колониальной империей, и её модернизация с целью балансирования была структурно обусловленным поведением. Во-вторых, какое бы значение ни приняла промежуточная переменная в случае с Японией, будет очень сложно избежать эссенциализации данного свойства. Так или иначе, реализм исходит из того, что государствам изначально присущи их интересы и внутренние особенности, обуславливающие их поведение, а это является онтологически примордиальным допущением и противоречит нашей конструктивистской логике. И, наконец, в-третьих, не вполне очевидно, что Япония на момент её открытия (1853 г.) и начала реформ Мэйдзи (1868—1889 гг.) была функцио-

нально подобна западным колониальным империям. Причина нашего сомнения заключается, как минимум, в том, что Вестфальская идея суверенитета (и как следствие субъектность в международных отношениях) к странам Востока вообще не применялась. Всё это подводит нас к необходимости попытаться посмотреть на эту проблему через призму другой теории, которая позволила бы нам обойти проблемные места неореализма.

Конструктивизм в международных отношениях: онтология, понятия и объяснительные модели

Конструктивистский подход к изучению международных отношений связывают, в первую очередь, с именами Николаса Онуфа [Onuf. 1989, p. 12—13] и, в большей степени, Александра Вендта и его статьёй 1992 г. «Anarchy Is What States Make of It» [Wendt. 1992]. В основе данного подхода лежит онтологическое и эпистемологическое представление о международных отношениях как о таком же социальном конструкте, как государство, общество и всё остальное, что изучают социальные науки. Другими словами, международные отношения не *существуют* в некой объективной реальности, и все их свойства и особенности не *присущи* им изначально — они являются социальными конструктами, а потому изучать их необходимо соответствующим образом [Fierke. 2013].

В названии статьи Вендта заключён главный посыл конструктивизма в международных отношениях. Международные отношения — это институт, в том смысле, в котором данное понятие используется в теории социального конструкционизма Питера Бергера и Томаса Лукмана и их работе 1966 г. «Социальное конструирование реальности». Институт — это некая устоявшаяся практика взаимодействия акторов, которая возникла в результате их интеракций (то есть была социально сконструирована) и структурно детерминирует их поведение, поскольку воспринимается ими как естественная и повседневная [Berger, Luckmann. 1966, p. 65—84]. Применительно к международным отношениям, анархия как перманентное состояние международной системы является таковым само по себе не потому, что таково её априорное свойство, а потому, что акторы воспринимают её именно так и, как следствие, перманентно воспроизводят её своим поведени-

ем. Конструктивизм снижает градус доминирования структуры над агентом и освобождает пространство для деятельности [Fierke. 2013].

Вендт проводит аналогию между тем, как индивиды посредством социальных интеракций участвуют в создании социальных феноменов, институтов и социальной реальности в целом, и тем, как государства, взаимодействуя друг с другом, конструируют международную социальную структуру [Wendt. 1992, p. 406]. И эта социальная структура, в свою очередь, опосредует поведение государств. Таким образом, в парадигме конструктивизма акторы и структура взаимно конституируются, а пространство для агентности позволяет менять структуру и её узловые точки — институты [Hopf. 1998, p. 172—173]. В данном контексте, очевидно, конструктивизм предлагает исследователям больше свободы в выборе переменных для объяснения действий государств на международной арене, в отличие от неореализма, в котором структура и интересы государств предопределены.

Идентичность — важное понятие для конструктивистского направления теории международных отношений. В рамках данной статьи мы вынуждены оставить за скобками семантическую перегруженность данного понятия, кочующего из дисциплины в дисциплину и вызывающего больше дискуссий, чем какое-либо другое, и сосредоточиться на том, как это понятие работает в теории международных отношений. Согласно теории Вендта, идентичность государства, то есть сложившееся представление государства о самом себе, конструируется в процессе взаимодействия с другими государствами точно так же, как это происходит на уровне взаимодействия индивидов. Другими словами, сталкиваясь с «*другими*», государство осознаёт «*себя*» и свою «*самость*», а структуры, в которых это столкновение происходит, придают всему этому определённую форму и содержание [Wendt. 1994, p. 385—387].

Справедливо всё же отметить, что антропоморфизация государства в теории Вендта кажется нам чересчур сильным допущением. Государство не имеет сознания, и зачастую оно очень неоднородно внутри себя, поэтому полностью отождествлять государство и индивида не вполне правильно. Речь идёт, конечно, о некой *коллективной идентичности государства*, а именно — о суверенитете и внутренней (domestic) интересубъективно воображаемой общности, основанной на представлении о национальной культуре, этничности, расе и т. д. [Hopf. 1998, p. 174—177].

Идея суверенитета, лежащая в основе Вестфальской системы международных отношений и нашего представления о самостоятельности, автономности и рациональности государств-акторов, в теории Вендта также является конструируемым элементом идентичности и субъектности государства. Вендт утверждает, что суверенитет возникает как результат взаимодействия акторов в коридоре детерминированных структурой возможностей и взаимного признания суверенитета друг друга [Wendt. 1992, p. 412—413]. Таким образом, идентичность государства существует как бы в двух измерениях: социальном и корпоративном (внутреннем). Социальная часть идентичности конструируется, оформляется и меняется во взаимодействии государства с другими государствами-акторами в международной системе. Корпоративная часть идентичности конструируется внутренними процессами, происходящими в государстве [Wendt. 1999, p. 224—233]. Эти две части находятся во взаимосвязи и составляют некий условный коллективный габитус государства, который детерминирует поведение государства на международной арене — так, например, это было с послевоенной политикой Японии, которая после поражения во Второй мировой войне выстраивала идентичность жертвы и пацифистской страны [Katzenstein, Okawara. 1993, p. 98].

«Социализация» Японии в международном пространстве XIX в.

Долгое время (с 1-й пол. XVII в. до 1853 г.) Япония находилась в самоизоляции от внешнего мира: все дипломатические и торговые контакты с европейскими странами и соседними Китаем и Кореей были сведены к минимуму или вовсе прекращены. Японисты выделяют несколько причин проведения такой политики, главной из которых является попытка пресечь «деструктивное иностранное влияние». За годы периода феодальной раздробленности Сэнгоку (2-я пол. XV — н. XVII вв.) и первые годы объединённой Японии при сёгунате Токугава европейцы, в представлении японских лидеров, проявили себя в худшем свете: они вмешивались во внутренние политические конфликты, навязывали японцам неравные торговые соглашения, распространяли христианство, провоцируя религиозные конфликты и т. д.

После окончательного закрытия Японии, западные страны, и в том числе Россия, предпринимали попытки как-то изменить эту ситуацию, но не были в этом особенно настойчивы. Япония находилась на периферии колониальных интересов Европы вплоть до середины XIX в. Необходимость заново открыть Японию была обусловлена, главным образом, двумя причинами. Во-первых, колониальная гонка постепенно приближалась к своему пику: не так много территорий в мире оставалось вне сферы чьих-то интересов. Во-вторых, географическое положение Японии сыграло свою роль: это был единственный крупный населённый архипелаг в обширном Тихом океане, где европейские и американские суда могли пополнить запасы провизии и угля, на котором работал новый паровой флот; к тому же западным странам (особенно США), повсеместно охваченным индустриализацией, требовались смазочные материалы и горючее, получаемые из китовой ворвани, — японский архипелаг мог стать новым важным центром китобойного промысла [Wiley. 1991, p. 82].

Открытие Японии и заключение с ней неравноправных торговых договоров, которые были призваны положить начало её колонизации, совпало с терминальной стадией разложения режима Токугава и значительно усугубило социально-экономический и политический кризис в полуфеодальной стране. В результате, как мы знаем, это привело к всплеску национализма, усилению сепаратных настроений среди противников сёгуна и гражданской войне, в ходе которой сёгунат был ликвидирован, полнота власти вернулась к императору, а новое правительство взяло реформистский курс на модернизацию и вестернизацию страны, получивший название «Рестаурация Мэйдзи».

В середине XIX в. Япония столкнулась с международной структурой, в которой более двухсот лет практически не принимала никакого прямого участия, и сразу оказалась в уязвимом положении. Политика сёгуната Токугава была феодальной: формальное единство страны поддерживалось исключительно путём погашения очагов сепаратизма и смягчения центробежных тенденций, поэтому вряд ли мы можем с какой-то уверенностью рассуждать о каком бы то ни было нациестроительстве в Японии до 1868 г. Однако с наступлением периода Мэйдзи в Японии началось полноценное создание национального государства по западному образцу. Речь идёт не только об экономических и политических институтах, западных технологиях и элементах

культуры, но и об идеологической составляющей, призванной гомогенизировать население [Watanuki. 1977, p. 109—125].

Очевидно, что в данном случае имеет место внешний стимул к конструированию собственной коллективной идентичности. Япония столкнулась с анархической средой, в которой существуют и конкурируют между собой большие и сильные национальные государства, представляющие прямую угрозу выживанию Японии. Взаимодействие с другими государствами-актерами в международной структуре обусловило то, что процесс конструирования идентичности в Японии вообще начался, и то, каким образом он происходил [Suzuki. 2005, p. 143—144]. С одной стороны, Япония усваивала паттерны внешнеполитического поведения и модели государственного устройства западной культуры, которая в процессе колониального империализма укрепляла свой гегемониальный (в грамшианском смысле) статус. С другой стороны, столкновение с Западом, грозившее утратой своей независимости, сопровождалось в Японии невероятным всплеском национализма, что стало благодатной почвой для развития национальной идеологии.

Габитуализация империализма по-японски

Здесь необходимо сделать большую, но важную оговорку. Действительно, Япония на протяжении 2-й пол. XIX — н. XX вв. старательно импортировала достижения западной культуры, в том числе интеллектуальной, пытаясь максимизировать выгоду от её применения во всех сферах жизни общества. У японского национализма не было с этим проблем, поскольку элементы западной культуры в основном воспринимались исключительно как средство достижения могущества Японской империи. Популярный в то время лозунг *«вакон-ё:сай»*, что дословно переводится как «японский дух — западные знания», иллюстрирует особенности такого японского подхода и их стремления сохранить национальный характер в процессе импорта культуры [Beasley. 1987, p. 176—177, Крупянко, Арешидзе. 2012, с. 82—84]. Опираясь на теорию Вендта, мы можем предположить, что в процессе взаимодействия с западными державами и наблюдения за тем, как они колонизируют Китай и другие страны, у Японии сложилось представление о «западном» как о «могущественном» (powerful)

и о колониальном империализме как о способе это могущество обрести и транслировать.

Вовлечение Японии в мировую политику 2-й пол. XIX в., разумеется, не было для неё первым в истории актом взаимодействия с другими странами. В таком случае логика конструктивизма должна быть справедлива и для более ранних контактов Японии с её соседями — Китаем и Кореей. Япония долгое время находилась в сфере влияния Китая и была реципиентом китайской культуры. Письменность, религиозно-философские системы, модели государственного управления, научные и медицинские технологии, кухня, искусство и т. д. — всё это Япония активно заимствовала из Китая через Корею, также находившуюся в границах синосферы.

Многовековое восприятие Японией этих стран как носителей более высокой культуры и культурных доноров не прошло бесследно для конструирования японской идентичности. В ней сформировались структуры, детерминирующие восприятие лучших элементов чужой культуры с целью их усвоения и «японизации», то есть применения на благо собственной культуры и своей страны. Одновременно с этим в ней сформировался, своего рода комплекс неполноценности — это стало бомбой замедленного действия, которая детонировала в момент столкновения с угрозой западной колонизации, что привело Японию к кризису идентичности и активным поискам источников её конструирования [Watanuki. 1977, p. 119—121]. Активная вестернизация и модернизация, предпринятая Японией в период Мэйдзи, а также развитие собственной колониальной экспансии объясняется не только внешней структурной необходимостью, но и внутренним габитуальным стимулом.

Идентичность и конструирование внешней политики

На рубеже XIX—XX вв. выстраивание внешней политики Японской империи подчинялось двум взаимосвязанным факторам. С одной стороны, многополярная структура международных отношений, колониализм как внешнеполитический тренд и социализация Японии в международном сообществе великих держав подвигло Японию начать собственную экспансию ради территориальных приобретений в Азии. С другой стороны, внутренние социально-экономические процессы и

становление государственных идеологических систем, канализирующих рост национализма, побудили Японию к тому же самому.

Агрессивная внешняя политика проходила под лозунгами освобождения Японии и других азиатских народов от «западных колонизаторов». Конструирование идеи о «Великой Восточной Азии», объединённой под предводительством Японской империи, черпало вдохновение из национальных идеологических систем *нихондзинрон* и *кокутай*, призванных обосновать уникальность японской нации и сформировать национальную идентичность [Крупянюк, Арешидзе. 2012, с. 81—82, Молодякова, Маркарян. 1996, с. 57—58]. Столкновение с «Другим» запустило в Японии внутренние механизмы осознания «Себя», и то, что это осознание протекало в праворадикальном националистическом ключе, напрямую обусловлено тем, что западные страны изначально третировали Японию как объект колонизации [Hagström, Gustafsson. 2015, p. 17].

Идентичность Японской империи, которую она обрела во 2-й пол. XIX в. и особенности формирования которой, во многом, коренятся ещё в более ранних периодах японской истории, теперь структурно опосредовала её внешнюю политику. Рецепирующий характер японской культуры позволил ей заимствовать все необходимые атрибуты национального государства западного образца. В частности, принятая в 1889 г. конституция Японской империи, которая была составлена по образцу конституции Германской империи, объявила императора сувереном, хотя изначально такого понятия в политической культуре Японии никогда не было [Стрельцов 2011, с. 89—90].

Несмотря на то, что неравноправные Ансэйские договоры действовали вплоть до 1911 г., уже после русско-японской войны 1904—1905 гг. западные державы признали суверенитет Японской империи над рядом территорий в Восточной Азии по итогам Портсмутского мира. Это стало, своего рода, обрядом инициации Японии в глазах международного сообщества и обусловило обретение Японией своей полноценной субъектности в международной системе.

Влияние японского колониализма на международную систему

Прежде всего, следует сразу обозначить, что в связи с активным участием Японии в мировой политике 2-й пол. XIX — 1-й пол. XX вв.

международная система не претерпела радикальных структурных изменений. Колониальные противоречия государств, разрушительные и тотальные войны, потрясшие мир, провал Лиги Наций как международного института сотрудничества и коллективной безопасности в очередной раз подтверждают ключевые идеи, лежащие в основе структурного реализма: анархия международного пространства структурно вынуждает государства вести перманентную борьбу за власть и выживание.

Тем не менее, пример Японии демонстрирует нам, что взаимодействие с другими государствами-акторами и то, как именно происходит это взаимодействие, конструирует в государстве представление об анархии в международных отношениях и структурно опосредованных правилах поведения. Кроме того, это запускает внутренние процессы поиска «себя», которые способствуют популяризации правых националистических и шовинистических идей. Всё это становится частью государственной идентичности и государственных интересов, транслируемых страной во внешней политике, и она присоединяется к процессу конструирования и воспроизводства анархии.

Японская империя просуществовала по факту чуть менее века, с 1868 по 1945 гг., и за это время ей удалось колонизировать значительную часть Восточной и Юго-Восточной Азии, в частности Тайвань, Корею, южную часть Сахалина, острова Курильской гряды, Квантунскую область Китая. Характер колониального управления Японской империи отличался от европейского: японцы вели себя очень жёстко по отношению к местному населению в своих попытках гомогенизировать население внутри империи — такая политика была подчинена идеологии, призванной обосновать и оправдать экспансию [Beasley, 1987, p. 251—258].

Европейский колониализм, в общем и целом, был обусловлен экономическими и политическими причинами: торговля, экстракция полезных ресурсов, рынки сбыта, укрепление своего статуса и территориального могущества — всё это подкреплялось идеологией о некоей цивилизаторской миссии «западного человека». Японский же колониализм был обусловлен этим лишь отчасти: он начался в ответ на угрозу со стороны Запада и развивался, структурно подчиняясь логике представлений Японии о том, как заявить о себе перед другими государствами, обрести больше власти (power) и выжить в условиях многополярной международной структуры.

Заключение

В заключение данного исследования, на основании проведённого анализа феномена японского колониального империализма с точки зрения конструктивистского подхода в теории международных отношений, представляется важным вернуться к проблемам и тезисам, обозначенным во введении и основной части текста, и обобщить и упорядочить выводы, полученные в ходе работы. Главным образом, мы постараемся резюмировать основные моменты, раскрывающие содержание наших идей об изучаемом явлении.

Прежде всего, необходимо ещё раз подчеркнуть, что источником проблематизации феномена японской внешнеполитической экспансии в к. XIX — 1-й пол. XX вв. с точки зрения теории международных отношений, является отсутствие возможности пролить свет на некоторые измерения онога явления в парадигме мейнстримных теорий — в частности, структурного реализма. Объяснительные модели конструктивистского подхода и теории Александра Вендта, привлекающие конструкционистскую онтологию, эпистемологию и понятие идентичности, по нашему мнению, лучше подходит для описания и объяснения процесса развития Японской империи как субъекта международных отношений и особенностей её поведения в международном пространстве.

Далее, анализируя японскую эмпирику через призму конструктивистского подхода, мы выяснили, что вынужденный выход Японии из самоизоляции и включение её в процесс взаимодействия с другими странами стали толчком к формированию её национальной идентичности. Характер этого взаимодействия, при котором Япония воспринималась как объект колонизации, обусловил рост национализма внутри страны и поиски источников формирования национальной идентичности. Представление о необходимости модернизации культуры, индустриализации экономики, военных и административно-политических реформ, а также ведения собственной внешнеполитической экспансии габитуализировалось в Японской империи в процессе её социализации.

И, наконец, внешняя политика Японии подчинялась не только внешним факторам, а именно диктату международной структуры, но также и факторам внутренним. Сконструированная национальная идентичность и её особенности структурно опосредовали её воспри-

ятие международной системы как анархии, в которой акторы перманентно конкурируют за власть, и, следовательно, её поведение, которое гарантировало ей выживание, — колониальную экспансию и империализм.

Библиографический список

Крупянку, М., Арешидзе, Л. (2012). *Японский национализм (идеология и политика)*. Москва: Международные отношения.

Молодякова, Э.В., Маркарян, С.Б. (1996). *Японское общество: книга перемен*. Москва: Институт востоковедения РАН.

Стрельцов, Д.В. (2011). Опыт политической модернизации Японии в Новейшее время. В сб.: *Япония: опыт модернизации* / под ред. Э.В. Молодяковой. Москва: АИРО-XXI. С. 86—106.

References

Beasley, W.G. (1987). *Japanese Imperialism, 1894—1945*. Oxford University Press.

Berger, P.L., Luckmann, T. (1966). *The Social Construction of Reality*. Penguin Books.

Cox, R.W. (1981). Social Forces, States and World Orders: Beyond International Relations Theory. *Millennium: Journal of International Studies*, 10 (2), 126—155.

Fierke, K.M. (2013). Constructivism. In T. Dunne, M. Kurki, & S. Smith (Eds.), *International Relations Theories: Discipline and Diversity*. Oxford University Press. 3rd ed., pp. 187—204.

Hagström, L., Gustafsson, K. (2015). Japan and identity change: why it matters in International Relations. *The Pacific Review*, 28 (1), 1—22.

Hopf, T. (1998). The Promise of Constructivism in International Relations Theory. *International Security*, 23 (1), 171—200.

Katzenstein, P.J., Okawara, N. (1993). Japan's National Security: Structures, Norms, and Policies. *International Security*. 17 (4), 84—118.

Krupyanko, M., Areshidze, L. (2012). *Yaponskii natsionalizm (ideologiya i politika)* [Japanese Nationalism (Ideology and Politics)]. Moscow: International Relations. (In Russian).

Molodyakova, E.V., Markaryan, S.B. (1996). *Yaponskoye obshestvo: kniga peremen* [Japanese Society: The Book of Changes]. Moscow: Institute of Oriental Studies of RAS. (In Russian).

Onuf, N. (1989). *The World of Our Making: Rules and Rule in Social Theory and International Relations*. University of South Carolina Press.

Ripsman, N., Taliaferro, J., Lobell, S. (2016). *Neoclassical Realist Theory of International Politics*. Oxford University Press.

Streltsov, D.V. (2011). Opyt politicheskoi modernizatsii Yaponii v Noveishee vremya [The Experience of Political Modernization of Japan in Contemporary History]. In E.V. Molodyakova (eds.) *Yaponiya: opyt modernizatsii* [Japan: The Experience of Modernization]. Moscow: AIRO-XXI. P. 86—106. (In Russian)

Suzuki, Sh. (2005) Japan's Socialization into Janus-Faced European International Society. *European Journal of International Relations*, 11, 137—164.

Waltz, K.N. (1979). *Theory of International Politics*. Addison-Wesley Publishing Company.

Watanuki, J. (1977). *Politics in Postwar Japanese Society*. Tokyo University Press.

Wendt, A. (1992). Anarchy Is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics. *International Organization*, 46 (3), 391—425.

Wendt, A. (1994). Collective Identity Formation and the International State. *The American Political Science Review*, 88 (2), 384—396.

Wendt A. (1999). *Social Theory of International Politics*. Cambridge University Press.

Wiley, P.B. (1991). *Yankees in the Land of the Gods: Commodore Perry and the Opening of Japan*. Penguin Books.

Скворцова Елена Львовна

доктор философских наук, ведущий научный сотрудник
Институт востоковедения РАН (Москва, Россия)

Цивилизационные вызовы и влияние глобализации на развитие японского общества в XXI в.

***Аннотация.** Статья посвящена участию Японии в процессе мировой глобализации и особенностям реагирования на этот процесс японской культурной традиции. Отмечается, что в 1960—1970-х гг. Япония пережила так называемый бум нихондзин-рон и нихон бунка-рон (теорий о японцах и теорий о японской культуре), отразивший наличие в японской культуре контекстуалистской идентичности, при которой индивидуум обладает крайне высокой возможностью действовать в рамках именно межличностных отношений.*

Автор напоминает, что с самого начала капиталистического пути Японии выдающиеся деятели этой страны осознавали опасность индивидуализма, характерного для западного мировоззрения, который рассматривал людей как независимых индивидуумов, движимых чисто прагматическими интересами. В Японии, наоборот, каждый человек традиционно чувствовал себя включённым в систему сложных отношений, не только экономических, но и общечеловеческих связей.

Для японских идеологов было очевидно, что разрушение этих традиционных связей чревато потерей национальной идентичности. В статье констатируется, что глобализация приводит в конечном счёте ко всеобщей ликвидации национальных культур, воплощающих специфические черты человеческой деятельности, присущие конкретной общности людей (как этнической, так и профессиональной, конфессиональной и др.) и отражающей стремление к культурному обезличиванию.

В то же время нельзя не учитывать и обратные процессы, связанные с попытками культурного самосохранения японского народа, его способности удержаться от искушения впасть в полную зависимость от «цифровой» цивилизации XXI в., хотя и связанной с прогрессом технологий, но несущей при этом негативные последствия для такого самосохранения. Автор приходит к выводу, что усилия, которые правящая элита страны вопреки давлению массовой культуры пытается направить на сохранение духовно-нравственного стержня нации, помогают Японии хотя бы отчасти преодолеть кризисы и потрясения современной эпохи.

Ключевые слова: глобализация, японская культура, конфуцианство, ритуал, эпоха Мэйдзи, нихондзинрон и нихон бунка рон, развоплощённая коммуникация, омотэ, ути, ура, сото, Хамагути Эсюн, Рут Бенедикт, Сугияма-Лебра Такиэ

Civilizational challenges and the impact of globalization on the development of Japanese society in the 21st century

Abstract. *The article focuses on the participation of Japan in the world globalization process and the features of the response to this process of the Japanese cultural tradition. It is noted that in the 1960s and 1970s, Japan experienced the so-called boom of theories about Japanese identity (nihonjin-ron, nihon bunka-ron), reflecting the presence of a «contextual» personality in Japanese culture, in which an individual had an extremely high ability to act within the framework of interpersonal relations.*

The author recalls, that from the very beginning of Japan's capitalist path, its outstanding intellectuals were aware of the danger of extreme individualism characteristic of the Western worldview, which viewed people as independent individuals driven by purely pragmatic interests. In Japan, on the contrary, each person traditionally felt himself / herself involved in a network of complex relationships, not only economic, but also universal human ties.

It was obvious to Japanese intellectuals that the destruction of these traditional ties is fraught with the loss of national identity. It is stated that globalization, which in practice opposes the existence of national states, ultimately leads to the general elimination of national cultures that embody the specific features of human activity inherent in a particular community of people (both ethnic and professional, confessional, etc.) and reflecting the desire for cultural depersonalization.

The author concludes that the efforts that the country's ruling elite, despite the pressure of popular culture, are trying to direct to preserve the spiritual and moral core of the nation, help Japan, at least in part, to overcome the crises and upheavals of the contemporary era.

Keywords: *Globalization, Japanese culture, Confucianism, ritual, Meiji epoch, nihonjin-ron and nihon bunka-ron, disembodied communication, omote, uchi, ura, soto, Hamaguchi Eshun, Benedict R., Sugiyama-Lebra Takie*

Начнём с признания факта, что первые шаги к будущей глобализации Японии сделала ещё в эпоху Мэйдзи (明治 1868—1911), когда был задан курс на всеобщую вестернизацию японского общества. Началь-

ный этап глобализации проходил в форме европеизации, поскольку именно Европа представляла в середине XIX в. ведущую интеллектуальную, технологическую и военную силу мира. Политические преобразования эпохи Мэйдзи привели к тому, что Япония в результате неведомого до тех пор достаточно глубокого цивилизационного взаимодействия с ментально чуждыми и непонятными для японцев поведением и мышлением людей Запада попала в ситуацию новых, по сути революционных преобразований.

Следует также иметь в виду то обстоятельство, что в течение более чем двухсот лет Япония находилась в ситуации добровольной и практически полной изоляции от остального мира, углубляющей трудности взаимопонимания и взаимодействия. Знакомство в 1850-е гг. с чуждой мощной цивилизацией, с её стандартами социального поведения, которые резко отличались от укоренившихся в общественном сознании привычных для японцев, вызвало у них культурный шок. Возникла нужда в новых культурных образцах, способствовавших консолидации всего японского этноса; надо было сформулировать новые основания культурной идентичности.

Над этой проблемой напряжённо работали японские просветители той поры. На мировоззренческое древо духовной традиции нужно было сделать научную «прививку» — прививку западной теории. Западная культура зиждилась на основаниях, радикально отличных от культуры Японии. В восточной традиции индивидуум выступал воплощением многоуровневых отношений взаимной ответственности и воспринимался в первую очередь в качестве *представителя группы*. На Западе же к середине XIX в. получила преимущественное распространение теория социокультурного номинализма, предложенная английским философом Томасом Гоббсом (1588—1679), одним из основателей современной политической философии, а также теории общественного договора и государственного суверенитета. Гоббс полагал, что каждая личность существует независимо от государства и от других людей, будучи побуждаемой лишь собственным эгоистическим интересом, регулируемым при помощи законов, т. е. правил, внешних по отношению к человеку.

Первоначальный лозунг Мэйдзи «*尊皇攘夷, сонно: дзэ:и*» (*почтение императору — изгнание варваров*) оказался используемым лишь наполовину: возвращение реальной власти императору, ставшее результатом падения сёгуната Токугава, привело к наплыву иностран-

ных специалистов (*варваров*), успешно распространявших в Японии современное техническое и гуманитарное знание. Японские правящие круги прекрасно сознавали, что, не поняв и не приняв хотя бы отчасти основ западной цивилизации, страна окажется жертвой её колониализма и рискует утратить национальную идентичность. Правительство взялось за решение сложнейшей задачи: догнать западные государства в военной и экономической сфере, заговорить с ними на одном языке и войти в число ведущих мировых держав.

В кратчайшие по историческим меркам сроки японские интеллектуалы провели сложнейшую и тончайшую операцию по «сшиванию сосудов» живых культур Японии и Запада с тем, чтобы в теле традиционной, по сути феодальной страны потекла новая кровь прогрессивных капиталистических преобразований. Самураи, выступавшие как высший класс общества и считавшиеся образцом образованности, ответственности и трудолюбия для трёх низших социальных групп (крестьян, ремесленников и торговцев) и бывшие важнейшей частью сословной системы *сино:-ко:-сё:* (士農工商), взяли на себя львиную долю трудов и ответственности перед народом и страной за донесение до широких масс основных положительных смыслов западной цивилизации.

Сложнейшей многоуровневой задачей, которую пришлось решать в сфере образования, стало создание нового современного японского языка, с одной стороны, понятного всему населению страны, а с другой — адекватно передающего суть западных понятий. Новый понятийный аппарат создавался японскими просветителями в процессе мучительных проб и ошибок. В отношении бытового или естественнонаучного лексикона дело обстояло проще. Для конкретных явлений и предметов было легче подобрать подходящие комбинации знаков из бездонных иероглифических кладовых. К примеру, «трамвай или электричка» — *дэнся* (電車, электрическая повозка); «химия» — *кагаку* (化学, наука о превращениях) и т. п. Для абстрактных же понятий, вроде бы интуитивно ясных каждому европейцу или американцу, таких как «свобода», «суверенитет», «право» или «общество» ни в китайской цивилизации, к которой принадлежала Япония, ни в самой японской культуре аналогов не существовало. Лозунг «*вакон — ё:сай*» (和魂洋才, японская душа — западные знания), аналог древнему лозунгу «*вакон-кансай*» японская душа (和魂関西, японская душа — китайские знания), обнаружил свою недостаточность для полноценного восприятия достижений Запада.

Впрочем, догнать западную культуру в техническом и экономическом отношении было невозможно без усвоения базовых понятий западной экономики и политики, а также без создания условий для личной самореализации каждого японца. Юридическое равенство людей перед законом, являясь необходимым условием развития капиталистических отношений, требовало осознания японцами понятий «права», «общества» и «свободы».

Японская культура, повторим, традиционно говорила с человеком не на языке свободы и права, а на языке долга-ответственности, веры-неверия и сыновней почтительности. Поэтому изначально «свобода» европейского индивидуума, его якобы «неотъемлемые» естественные права (для японца «естественным» был долг-ответственность 義, *ги*), устремлённость к счастью обладания, казались ничем иным, как разновидностью злых страстей, таких как, скажем, себялюбие, алчность и зависть, которые резко порицались Конфуцием и, тем более, Буддой. У японцев свобода ассоциировалась с анархией и своеволием. В результате встала задача соединения, казалось бы, несоединимого: индивидуализма с общинностью, свободы с ограничением, интеграции с дифференциацией, рационализации экономики и политики с мифологией синто.

Такие просветители, как Ниси Аманэ (西周, 1829—1897), а также Фукудзава Юкити (福澤諭吉, 1835—1901), Накамура Кэйю (中村 正直, 1832—1891) и Накаэ Тёмин (中江 兆民, 1847—1901), не жалели сил для создания новой Японии. Они организовывали курсы, диспуты, издавали газеты и журналы, книги, объясняющие главные принципы западной цивилизации и их положительные смыслы. Логика японской культуры следовала принципу *фуэки — рю:ко:*, 不易流行³⁶⁵), что было ярко продемонстрировано во времена Мэйдзи.

Ярче всего это качество японская культура проявила в области таковой своей фундаментальной основы, как язык. Именно «отсталая» китайская иероглифика, по мнению некоторых просветителей, парадоксальным образом стала проводником прогрессивных западных

---

³⁶⁵ *Фуэки-рю:ко:* (вечное-текущее или вечное в текущем). Принцип, который, собственно, позволил японцам сохранить архаические формы культуры, дополняя их новыми без отрицания и поругания старых: поэт Басё так сформулировал смысл *фуэки-рю:ко:* — «без неизменного нет основы, без изменчивого нет обновления». «Новое не может существовать за счёт старого, но оно существует благодаря старому, произрастает из него», — объясняет этот термин Т.П. Григорьева [Григорьева. 1979, с. 170].

идей, поскольку не её основе и создавался новый современный язык и внедрялись понятия философии и социологии Запада.

Конфуцианство также нашло своё место в мировоззренческом фундаменте и моральном кодексе появившихся в мэйдзийской Японии бизнесменов и финансистов. Так, выдающийся деятель национального бизнеса и банковского дела Сибусава Эйити (渋沢 栄一, 1840—1931) настаивал на приоритете именно конфуцианских моральных ценностей над юридическими законами и выгодой. Эти идеи он изложил в своей книге в 1916 г. «*Лунь Юй и счёты*» (論語 と 算盤, *ронго то соробан*). По мнению Сибусавы, для достижения паритета с Западом в военно-техническом отношении в стране необходимо было создать слой национальных предпринимателей, но не по западному образцу примата конкуренции, личной выгоды и юридического регулирования, а на основе испытанной веками конфуцианской этики, которая формировала японца, как человека, подчинённого долгу.

После революционных перемен эпохи Мэйдзи и наступления эпох Тайсё (大正, 1912—1926) и Сёва (昭和, 1926—1989) наметилась тенденция возвращения к традиционным основам, во многом справедливо названная «националистическим поворотом Тайсё». Последний, вследствие роста национализма и милитаризма, привёл Японию к поражению во Второй мировой войне.

Следующим важным шагом на пути страны к глобализации (на этот раз — в форме американизации) стали перемены в общественной жизни государства, вызванные послевоенной оккупацией Японии войсками США. Курс на демократизацию Страны восходящего солнца лишил её армии и прежнего социального устройства. Вместо императора во главе оккупированной державы оказался верховный командующий союзными войсками генерал Дуглас Макартур (1880—1964). Оккупация продлилась с 1945 по 1952 гг. и в течение этого периода Япония не обладала государственным суверенитетом, а правительство и император напрямую подчинялись оккупационной администрации.

Представляет особый интерес анализ японского общества, сделанный Рут Бенедикт (1887—1948), американским культурантропологом, виднейшей представительницей этнопсихологического направления в американской антропологии. Она заострила внимание на очень важном факте: современные ей японцы «не предлагают порвать ткань своего мира на куски и могут осуществить наиболее кардинальные

перемены, как сделали это в эпоху Мэйдзи, не ставя под сомнение систему. Не будучи революционерами, они назвали это реставрацией, «погружением назад» в прошлое» [Бенедикт. 2007, с. 340]. Таким образом американка констатировала доминирование традиционных настроений даже в условиях радикального послевоенного социально-экономического переустройства японского общества.

Но даже после полного разгрома японской армии принятие западного цивилизационного пути как единственно правильного не стало безоговорочным. Несмотря на видимые на поверхности политические и социокультурные формы, характерные для капиталистических государств Европы и США (парламентаризм, наличие конституции, многопартийность, западные образовательные стандарты и т. д.), Япония осталась верна своему традиционному мировоззрению, согласно которому культура и жизнь человека представлялись как сложные элементы природы, вписанные в систему связей и отношений части Целого — квазиорганизма, государства во главе с одной из древнейших монархий, являющейся символом единства нации.

В послевоенные годы, когда явственно обозначилась нехватка квалифицированной рабочей силы и резко возросла конкурентная борьба между японскими фирмами, на ведущих предприятиях начала активно использоваться система пожизненного найма. В деятельности персонала, который получил гарантии пожизненного найма при условии добросовестного труда и экономической стабильности самой компании, появилась дополнительная мотивация. (Данная система просуществовала до 1990-х гг.). Это стало тем фундаментом, на котором впоследствии было построено высокоэффективное японское производство, благодаря чему Япония смогла совершить «экономическое чудо» и войти в число самых высокоразвитых капиталистических мировых держав.

В 1960—70-х гг. прошлого века Япония пережила так называемый бум *нихондзин-рон* (日本人論, теории о японцах) и *нихон бунка-рон* (日本文化論, теории о японской культуре), в ходе которого подчёркивалась важная роль и эффективность традиционной установки на социальную сплочённость. В результате широкого распространения подобных теорий образ японской культуры, как в самой Японии, так и за границей стал характеризоваться с опорой на такие ключевые понятия, как «культура стыда» (恥の文化, *хадзи-но бунка*), «вертикальное общество» (縦社会, *татэсякай*), «групповое эго» (集団自我, *сюдандзига*) и «зависимость» (甘え, *амэ*). Эти основополагающие

понятия были введены в оборот, соответственно, такими учёными, как Р. Бенедикт [Benedict. 1946], Наканэ Тиэ (中根 千枝, 1926—2021) [Nakane. 1967], Минами Хироси (南博, 1914—2001) [Minami. 1971] и Дои Такэо (土居 健郎, 1920—2009) [Doi. 1971]. В фундаменте исследований перечисленных авторов, по мнению культуролога Хамагути Эсюн (浜口 恵俊, 1931—2008), лежит дуалистическая модель, в которой автономные индивидуумы противопоставляются организованной интеграции, т. е. «группизм» японцев трактуется как «антииндивидуализм» [Hamaguchi. 1997, p. 41—65].

«Парадокс методологического индивидуализма заключается в том, что он не может быть инструментом для изучения Японии, специфики японского общества и культуры», — заключает Хамагути [Hamaguchi. 1997, p. 44—45]. Социокультурная система — не просто группа, а порядок, превалирующий в группе. «Если даже системы состоят из одних и тех же элементов, они будут различаться друг от друга, поскольку способы соединения этих элементов в систему — различны. Системный подход основан не на том, что соединяется, а на том, каким образом слагаемые элементы соединяются, чтобы образовать единую сущность» [Hamaguchi. 1997, p. 47].

В 1970-е гг. произошли, считает Хамагути, качественные изменения в социокультурной жизни страны, вызывающие беспокойство в общественном мнении. До той поры Япония являла собой хороший пример гармонического сочетания глобального и локального измерений культуры³⁶⁶. Общество функционировало на основе конфуцианских, по сути, этических принципов и эстетизированных ритуалов. Последние выступали в качестве «каркаса» повседневных моделей поведения, которые японский младенец усваивал с рождения, сталкиваясь со сложными конфигурациями телесного аспекта традиционной культуры. Вплоть до конца XX в. это цементировало японское общество, но постепенно обозначился переход Японии к новому этапу глобализации. В первую очередь это было связано с появлением и повсеместным распространением новых СМИ: телевидения в 1960-е гг. и социальных сетей, ставших итогом компьютеризации 1980—90-х гг. Произошёл отказ от системы пожизненного найма и был взят курс на индивидуализм и неолиберализм.

---

³⁶⁶ С. Чугров предложил удачное название для характеристики японской культуры последней трети XX в. — «глокализация» [Чугров. 2010, с. 74].

Феномен телевидения, получившего особенно широкую популярность, привёл к тому, что «вся страна оказалась объединённой единым информационным потоком, под воздействием которого местные обычаи и традиции, веками культивировавшиеся из поколения в поколение, уступили место новым нравам и стилю жизни, насаждавшимся набирающими власть над умами и душами миллионов японцев средствами массовой информации и индустрией развлечений» [Катасонова. 2012, с. 251]. Транслируемые на всю страну образцы аморального поведения звёзд шоу-бизнеса и даже госчиновников в разнообразных телепередачах показывали, что «можно вести себя и так», при этом получая хоть и дурную, но славу, узнаваемость и популярность. Особенно негативное воздействие это оказывало на подростков и молодёжь.

Ситуация усугубилась вместе с подключением страны к глобальной сети Интернет. Теперь уже не только местные антигерои, а богемная тусовка всего мира соблазняла неокрепшие умы молодого поколения. Следует добавить ещё один аспект современной глобализации, особенно чувствительный для Японии: замена коммуникации «лицом к лицу», оформленной ритуально, на развоплощённую в сети коммуникацию, где традиционные речевые и телесные практики перестают работать. «Мы не можем игнорировать расширяющееся по экспоненте киберпространство, в котором существуем. В каком же отношении друг к другу находятся два наших «Я» — воплощённое и развоплощённое — и два результирующих «Я» — реальное и виртуальное?», — вопрошает Сугияма-Лебра Такиэ, американско-японский культурантрополог [Sugiyama. 2004, p. XIII].

Сугияма представляет собой идеального, с точки зрения Хамагута, исследователя японской культуры: японка по происхождению и начальному образованию, она получила магистерскую и докторскую степени в Питтсбургском университете США. То есть она обладает видением современной культуры Японии как изнутри, так и извне, с позиции наблюдателя. Беда Японии, по её мнению, состоит в постепенном разрушении под влиянием процессов глобализации тех паттернов социально-одобряемого взаимодействия, которые, собственно, и делали Японию цивилизованной страной с уникальным лицом. Результатами исследований она поделилась на страницах своего последнего обширного труда «The Japanese Self in Cultural Logic» (2004). На приведённой ниже схеме Сугияма-Лебра показала, в какой сложной паутине связей и отношений находится (вернее, ещё недавно находился) современный японец.

Система этих связей имеет как «светлую», положительную, одобряемую общественным мнением сторону, так и «теневую». Они представлены в верхней (内, *ути* и 表, *омотэ*) и нижней (裏, *ура* и 外, *сото*) половинах схемы. Вслед за Дюркгеймом эти зоны названы соответственно «номос» и «аномия». В норме эти зоны находятся в состоянии динамического баланса, что сохраняет стабильность и цивилизованность в обществе.

Остановимся на этих зонах подробнее. *Омотэ* — отношения с внешним миром: дипломатия (отношения Японии с другими странами), отношения с вышестоящими (начальниками, властями, другими компаниями). На уровне семьи носителем *омотэ* традиционно считался муж, выступающий представителем семьи на внешнем контуре жизни. Отношения с внешним миром — самые важные в общественном мнении. Они максимально ритуализированы как в телесных, так

и в речевых выражениях, что напоминает театральные подмостки: «Как и в театре, самовыражение в сфере *омотэ* ограничено чёткими рамками эстетизированного поведения, именуемыми *ката* и наилучшим образом представленными в таких жанрах исполнительского театрального искусства, как театры *Но*, *Кабуки*, театр кукол *Бунраку*, традиционные японские танцы» [Sugiyama. 2004, p. 57]. В сфере *омотэ* огромное значение имеют ритуалы и церемонии, в ходе которых случается самопрезентация в лучшем виде человека, семьи, компании.

В японской культуре самопрезентация демонстрирует, с одной стороны, уважение к другим, с другой стороны — самоуважение. Здесь очень важен многоуровневый баланс между своим лицом и квазиестественной маской во время церемонии, между демонстрацией учтивости и самоуважением, между яркой самопрезентацией и самоограничением. Сугияма-Лебра сравнивает сложность отношений в сфере *омотэ* с положением актёра на представлении: для исполнения роли ему необходимо учитывать все вышеперечисленные нюансы поведения. Очень ярко нормы учтивости проявлялись в особые дни: праздники мальчиков и девочек (端午の節句, *танго-но сэкку*, 七-五-三, *сити-го-сан*), дни рождения, свадьбы, похороны, приёмы и т.п. Источником норм учтивости служили ритуалы, проводимые в императорском дворце и транслируемые по телевидению. Ежегодные дворцовые церемонии символизировали незыблемость общественного порядка. «Порядок наилучшим образом поддерживается через систему ритуалов, проводящихся внутри и вне императорского дворца самим императором, лицами, его замещающими, церемониймейстером и группами поддержки. Таким образом императорский дом даёт народу уверенность в том, что ничто не изменилось за 2000 лет. Это своего рода компенсация текучести и непостоянства современных порядков» [Sugiyama. 1995, p. 323].

Ути — отношения в ближнем круге: в семье, в тесном кружке друзей, а также среди равных по статусу коллег по работе и т. п. Праосновой подобных отношений служит тесная телесно-эмоциональная связь ребёнка и его матери: вынашивание, роды, грудное вскармливание, ношение за спиной или на груди матери, нахождение с ней в одной спальне и даже в постели, объятия, вплоть до достижения школьного возраста сопровождаются их тесным телесным контактом с помощью вербальных средств. «Эталонной матерью» выступила на японском телевидении императрица Митико, облачённая в фартук и

готовящая *о-бэнто* своим детям. Такого рода образцы, транслируемые СМИ широким народным массам, несомненно, побуждают поданных повторять пример царственных особ.

Отношения *ути* тоже ритуализированы (например, существует словесный ритуал проводов из дома и встречи с родными, ритуал подачи блюд и благодарности за угощение), однако эти отношения ритуализированы в меньшей степени, чем в зоне *омотэ*. Ещё один вариант *ути* — отношения с друзьями, соседями, с группой поклонников какой-нибудь поп-звезды, любителей *анимэ*, *манга*, т.е. группы людей, объединённых на основе той или иной формы развлечения (так называемые *отаку*). Понятно, что подобные объединения менее долговечны, чем семейное *ути*, но зато они консолидируют, скажем, миллионы фанатов рок-музыкантов всего мира.

Развитие новой, виртуальной, жизни, связанное со всеобщей компьютеризацией и подключением к сети Интернет, оказало на сферу *ути* сокрушительное воздействие. Для многих молодых людей жизнь в сети, параллельная реальной жизни, оказалась интересней последней. Блуждание в параллельной реальности может занимать молодых игроков вплоть до достижения ими 40-летнего возраста, несмотря на горе самого близкого человека — матери, сокрушающейся об отсутствии собственной семьи у любимого отпрыска, и на негативную реакцию со стороны общественного мнения. Тенденция зависания взрослых детей в родительском доме набирает обороты, и представляет собой новую форму *ути*. Сидельцам в родительском доме японское общество уже дало специальное название «*парасайто — сингуру*» от английского *parasite-single* (паразит-одиночка). Такие выросшие сыновья, в отличие от их отцов, не стремятся «выйти в люди», сделав карьеру в какой-нибудь приличной фирме. Вместо этого они надолго становятся затворниками (引き籠り, *хикикомори*) и перебиваются случайными заработками, чтобы только хватило денег на погружение в виртуальный мир.

Нежелание взрослеть и брать на себя ответственность за семью и карьеру искажает не только сферу *ути*, но и сферу *омотэ*. *Ути* и *омотэ*, которые, казалось бы, с появлением новых видов коммуникации должны были бы углубляться и расширяться, в результате глобализации и связанным с ней развоплощённым субъектом, начинают медленно, но верно деформироваться [Sugiyama. 2004, p. 79].

В итоге сфера *ура*, включающая не одобряемые общественным мнением близкие отношения, домашнее насилие в семье, травлю

со стороны одноклассников в школе, пьянство, наркоманию и тому подобное деструктивное поведение зачастую преподносится глобальными СМИ как норма, особенно если это касается кумиров поп-культуры. Благодаря интернету на поверхность жизни выходит всякая грязь, и то, что до сих пор тщательно скрывалось, теперь нередко становится предметом гордости.

Сфера *soto* (отношения с чужаками), прежде всего с иностранцами, тоже претерпевает изменения вследствие глобализации. Нынешнее недопустимо большое, как полагает Сугияма, для Японии количество проживающих в ней иностранцев (около одного миллиона человек в год) способствует размыванию привычных норм социальной коммуникации. Виртуальные миры также содействуют разотождествлению молодых людей со своим реальным обликом: можно принять любую внешность и вести себя как заблагорассудится. В результате стирается грань между «своим» и «чужим»; речевые и телесные ритуальные формы коммуникации теряют свою обязательность.

Сугияма-Лебра с тревогой констатирует, что теневая сфера, область анонии, андеграунд в условиях воплощённой коммуникации поднимается вверх, подобно наводнению, размывая сферу *номоса* — *омотэ* и *ути*. Остаётся лишь уповать на то, что «отношения и связи *омотэ* настолько существенны для социального порядка, что, когда люди ощутят угрозу или признаки хаоса, они будут стремиться к немедленному восстановлению таких маркёров зоны *омотэ*, как ритуалы, основанные на ката, и особые вежливые речевые формы, а также обязательные поведенческие шаблоны [Sugiyama. 2004, p. 66].

Завершая наше исследование, отметим, что глобализация в Японии прошла три ступени. Первая, с середины XIX в. — в форме вестернизации: страна в процессе мучительных проб и ошибок старалась вписаться в клуб сильнейших держав мира, приноравливая свою буддийско-конфуцианскую культуру к жёстким требованиям логики капиталистических отношений. Вторая, после поражения во Второй мировой войне и «демократической» оккупации Соединёнными Штатами Америки, когда император лишился своего божественного статуса, а японские феодалы — своих титулов, став простыми гражданами. В этот период своей истории Япония достигла небывалых высот в экономическом и технологическом развитии, исполнив мечту эпохи Мэйдзи о «богатой стране».

Третья ступень глобализации, начавшаяся в конце 1980-х гг. и связанная с появлением нового — развоплощённого типа коммуника-

ции, присоединению к мировой Интернет-паутине. Нарушение сложившегося баланса *номоса* (светлой, социально-одобряемой стороны коммуникативной культуры) и *аномии* (теневого стороны) в пользу последней приводит к растворению привычных телесных и речевых ритуалов в хаосе неопределённости. Последнее обстоятельство вызывает сегодня нешуточное беспокойство не только у учёных-культурологов, но и обычных граждан страны.

Библиографический список

- Бенедикт Р. (2007) *Хризантема и меч. Модели японской культуры*. — Санкт-Петербург: Наука.
- Григорьева Т.П. (1979) *Японская художественная традиция*. — Москва: Наука.
- Катасонова Е.Л. (2012) *Япония в реальном и виртуальном мирах*. — Москва: Восточная литература.
- Чугров С.В. (2010) *Япония в поисках новой идентичности*. — Москва: Восточная литература.

References

- Benedict, R. (2007) *Chrizantema I mech. Modeli Yaponskoi kul'tury* [The Chrysanthemum and the Sword. Models of the Japanese Culture]. Saint Petersburg: Nauka. (in Russian).
- Benedict, R. (1946). *The Chrysanthemum and the Sword. Patterns of Japanese Culture*. Boston: Houghton Mifflin.
- Chugrov, S.V. (2010) *Yaponiya v poiskah identichnosti* [Japan in search of Identity]. Moscow: Vostochnaya literature. (In Russian).
- Doi, Takeo (1971). *Amae no kōzō* [The Structure of Amae]. Tokyo, Kōbundō. (In Japanese).
- Grigorieva T.P. (1979) *Yaponskaya khudozhestvennaya traditsiya* [The Japanese Art Tradition]. Moscow: Nauka. (in Russian).
- Hamaguchi, Eshun (1997). A Methodological Basis for Japanese Studies (with Regard to «Relatum» as its Foundation. *Japan Review. Nishibunkan*. № 9, pp. 41—65.
- Katasonova, E.L. (2012) *Yaponiya v real'nom I virtual'nom mirah* [Japan in Virtual and Real Worlds]. Moscow: Vostochnaya literature. (In Russian).
- Minami, Hiroshi (1971). *Psychology of the Japanese People*. Tokyo: University of Tokyo Press.
- Nakane, Chie (1967). *Tate Shakai no Ningen Kankei* [Human Relations in Vertical Society]. Tokyo, Ko:dansha. (In Japanese).
- Sugiyama-Lebra, Takie (1995). *Above the Clouds. Status Culture of Modern Japanese Nobility*. Berkley — Los Angeles — London: University of California Press.
- Sugiyama-Lebra, Takie (2004). *The Japanese Self in cultural Logic*. Honolulu: University of Hawai'i Press.

Шехтер Александр Геннадьевич

лаборант-исследователь,
Центр японских исследований ИВ РАН (Москва, Россия)
Jaller23rus@gmail.com

Эксцентричное поведение святых дзэн-буддизма. Образы, смыслы и восприятие в Японии

***Аннотация.** Эпатажное и асоциальное поведение религиозных адептов дзэн — известный атрибут этого направления махаянского буддизма. Тем не менее, трудно найти публикацию, в которой были бы объединены все (или хотя бы наиболее значимые) «юродивые» дзэнские подвижники и в которой бы объяснялись смыслы, стоящие за эксцентричным поведением. Именно эту лауну призвана заполнить данная статья.*

В ходе работы было выявлено происхождение дзэн-буддийской эксцентричности, а также смыслы, которые за ней стояли. Был перечислен ряд японских и китайских иноков, которых можно причислить к эксцентричным святым. На основе приведенных примеров была составлена классификация типов святых.

***Ключевые слова:** буддизм, дзэн, монахи, харизма, эксцентричность, живопись, житийная литература, религиозные практики, сумасшествие*

Shechter Alexander

Research Assistant,
Center for Japanese Studies, Institute of Oriental Studies of RAS
(Moscow, Russia)
Jaller23rus@gmail.com

Eccentric behavior of Zen-Buddhist saints. Forms, meanings and perceptions in Japan

Abstract. The mischievous behavior of famous Zen religious adepts is a well-known attribute of this branch of Mahayana Buddhism. Nevertheless, I have not found a work that would unite all (or at least the most significant) «foolish» Zen monks and explain the meanings behind the eccentric behavior. It is this gap that this paper seeks to fill.

The origins of Zen Buddhist eccentricity and the meanings behind it were identified. A number of Japanese and Chinese monks who could be classified as eccentric saints were cited, and a classification of characters was made on this basis.

Keywords: *Buddhism, Zen, monks, charisma, eccentricity, painting, hagiography, religious practices, madness*

Слово «святой» в рамках данной статьи означает «почитаемую религиозную фигуру» в широком смысле. Никакого аналога лика святости в дзэн не существует. В китайском контексте «дзэн» и «чань» — синонимы. «Закон» — буддийское учение. «Сатори» — просветление. «Коан» — парадоксальная интеллектуальная задача в дзэн.

Дзэнская эксцентричность и её генезис

Дзэнские безумцы, которые характеризуются поведением, выходящим за пределы социальных норм, в определённой степени известны академическому сообществу. Тем не менее, исследования о таких подвижниках часто не фокусируются на их эксцентричных образах или практиках, а если их эпатаж и изучается более подробно, то лишь в строго установленных рамках (скажем, изучение образов в живописи или в графике, но без этих же образов в агиографии и поэзии). Более того, все сведения о дзэнских эксцентриках разрознены — большинство статей и монографий фокусируются на конкретных персонажах, редко строя связи с другими. Данная работа призвана комплексно рассмотреть феномен дзэнской эксцентричности, показать преемственность инокв Японии по отношению к монахам раннего китайского средневековья³⁶⁷ и объяснить смыслы, стоящие за их эпатажными практиками. Кроме того, была составлена классификация эксцентриков, которая основывается на разных видах источников: агиографиях, апокрифических рассказах, образах в живописи и графике, поэзии и т. д.

---

³⁶⁷ В связи с популярным в последнее время дискурсом, осуждающим применение евроцентричных хронологических понятий на Востоке, следует пояснить, что здесь имеются в виду эпохи от Северных и Южных династий до Северной Сун включительно.

Происхождение дзэнской эксцентричности весьма туманно и, вероятнее всего, очень гетерогенно. Чтобы разобраться в истории практик и образов дзэнского эксцентрика, следует обратиться к истории *дзэн*-буддизма как религиозного течения. Именно в синкретизме разных религиозных систем и верований развивался как сам *дзэн*, так и дзэнская эксцентричность.

Основателем *дзэн*-буддизма нередко принято называть индийца Бодхидхарму (по-японски — Даруму), принёсшего это учение в Китай. Пожалуй, называть его создателем *чань* не вполне корректно. Так, японский учёный Тамамура Такэдзи приводит сюжет о генезисе *дзэн*, с Бодхидхармой совсем не связанный. Итак, согласно традиционной истории, *дзэн* берет своё начало с Сиддхартхи Гаутамы, исторического Будды. Неподалеку от горы Гридракута большая людская толпа попросила Будду показать «сверкающую золотом гирлянду учения». Сиддхартха взял в руки обыкновенный цветок и, не проронив ни слова, указал на него глазами. Смысл этого жеста понял лишь один человек из толпы — ученик Будды, Махакашьяпа, таким образом став вторым носителем дзэнской истины [Штейнер. 2006, с. 29—30]. Именно так традиционная история объясняет происхождение учения, которое нельзя передать ни письмом, ни словами.

Образовалось ли оно в самом ли деле в Индии или все же в Китае — трудно сказать. Сам Дарума, вполне возможно, был всего лишь персонафикацией буддийских идей и йогических практик, которой воспользовались адепты *чань*, чтобы искусственно «состарить» своё учение. Загадочные индийские незнакомцы нередко появлялись на страницах религиозной средневековой литературы Китая, как правило, чтобы повысить статус какого-то агиографического персонажа. К примеру, некий индийский мудрец появлялся в житии танского безумца Шидэ — там индиец собирал его кости, скованные цепью (обычно это означало, что обладатель останков достиг нирваны). Вероятно, Дарума играет похожую роль поднятия религиозного авторитета, только не для конкретного персонажа, а для всего учения *чань*. Более того, он является своеобразным мостом между Китаем и Индией, родиной исторического Будды, а значит и страны с особым духовным статусом. Благодаря именно этому мосту адепты *дзэн* могут и поныне заявлять, что ведут свою дхармическую трансмиссию с самого Будды Шакьямуни.

Особенно важным периодом истории дзэнской эксцентричности была эпоха Тан (VII—X вв.), когда *чань* ещё не был институционали-

зирован. В это время зарождается важнейший мотив дзэнской эксцентричности — агрессивный иконокластичный подход к существующим авторитетам и другим учениям (что не мешало *чань* вбирать в себя идеи из других религий). Небезызвестный мастер Линьцзи Исюань (810/815—866/867), считавший следование за авторитетами и наставниками помехой для просветления, жил именно в этот период китайской истории. Школа Риндзай, названная в честь него, исторически являлась одной из самых влиятельных школ *дзэн* в Японии. По данным 2017 г., она является второй по числу адептов из всех дзэнских сект³⁶⁸.

Помимо этого, танская эпоха важна тем, что дала чаньской традиции сонм устоявшихся святых, который состоял из ряда так называемых «святых странников» (кит. *саньшэн*, яп. *сансэй*, 散聖)³⁶⁹. Иероглиф 散 имеет значение «рассыпаться/рассеиваться» и используется в японском слове 散歩 (*сампо*., прогулка), а 聖 обозначает святого или мудреца. Русское слово «странник» выглядит наиболее подходящим, поскольку оно не только передаёт в той или иной степени значение иероглифа, но и происходит от праславянского *storna, от которого происходит и слово «странный». Настоящими странниками *сансэй* являлись не всегда, но назвать их странными можно всех без исключения. Пожалуй, «странствие» всех этих подвижников следует воспринимать не как путешествие по разным храмам или иным местам, существующим в физическом мире, а как странствие мысли, её раскованность и свободу от любых конвенций.

Эпоха Сун (X—XIII вв.) знаменовала собой институционализацию чаньского движения и угасание иконокластичных тенденций. На смену неприятно иных религий пришёл неприкрытый религиозный синкретизм. *Чань* активно стал вбирать в себя даосские и конфуцианские идеи. Именно в таком виде он и приходит в Японию. Неслучайно дзэнские обители в средневековой Японии считались центрами китайской учёности. Синкретизм, тем не менее, не привёл к полному угасанию дзэнских идеалов — некоторые из *сансэев* появляются и в эпоху Сун.

---

³⁶⁸ Nihon bukkyō no shūha betsu shinjasū: bukkyō shinja wa nannin iru? (Количество приверженцев японского буддизма по сектам: Сколько верующих буддистов?). *Reset Soul*. <https://reset-soul.com/useful/sinjasuu>.

³⁶⁹ В отечественной литературе отсутствует устоявшийся перевод данного термина, поэтому мы предлагаем перевод «святые странники».

Вероятнее всего, дзэнская эксцентричность является порождением далеко не только буддийских идей. В пользу этой гипотезы можно привести несколько примеров схожих образов из других религиозно-философских течений Китая. Так, в «Беседах и суждениях» можно встретить эпизод, в котором Конфуций рассказывает о беседе со своим первым учеником, Хуэем. Кун-цзы поначалу посчитал Хуэя глупцом, но через какое-то время к нему пришло осознание ошибочности своего суждения³⁷⁰. Исследователь Е.С. Штейнер считает, что понятие «не-я» или «отсутствия сердца-разума» (яп. *мусин*, 無心), являющиеся центральной идеей *чань*-буддизма, было известно авторам «Бесед», а также считалось свойством Конфуция [Штейнер. 2006, с. 43]. Первый ученик Конфуция Хуэй, вероятнее всего, обладал труднодостижимым состоянием «не-я», которое нередко в обыденной жизни может восприниматься просто как глупость, что очень напоминает дзэнских эксцентриков, которых тоже часто считали глупцами и безумцами.

Религиозные «глупцы» были и в даосской традиции. Таковыми являются небезызвестные восемь бессмертных (яп. 八仙, *хассэн*). Вся восьмёрка отличалась странным и аморальным (с точки зрения конфуцианства) поведением. К примеру, предводитель бессмертных, Люй Дунбинь несмотря на свой образ учёного, нередко пьянствовал и был большим сластолюбцем. Все выходки этой группы бессмертных выражали идею свободы от социальных рамок и любых других поведенческих ограничений, что полностью соотносится с *дзэн*-буддийскими представлениями об эксцентричных практиках.

Упомянутое ранее состояние *мусин* (отсутствия духа-разума) является весьма важным элементом дзэнской эксцентричности. Один из главных этапов духовного спасения для любого буддиста — это освобождение от привязанностей к бренному миру. Человека отдаляет от обретения полного просветленного разума множество вещей, которые связывают его с мирским: родители, дети, жёны и мужья, сребролюбие, чревоугодие, социальные рамки и т.д. Список привязанностей можно продолжать до бесконечности.

Иными словами, чаньские эксцентричные практики ставят перед собой задачу перестройки сознания человека, чтобы привести его в состояние полной отрешённости от мира. Безумное провокационное поведение и постоянное пренебрежение мирскими конвенциями отрыва-

---

³⁷⁰ Лунь Юй /пер. Л.С. Переломова — Москва: Восточная литература, 2001, с. 10.

ло адептов *дзэн* от бренного мира даже в большей степени, чем обычное выполнение монашеских обязательств. Иначе говоря, дзэнский эпатаж служит инструментом на пути к обретению духовного спасения.

Итак, чтобы понять эпатажные практики этого учения более углубленно, следует разобрать ряд конкретных примеров.

Патриархи и эпатаж

Бодхидхарма (яп. 達磨, 440—528/536)

Уже несколько раз упомянутый Дарума в разных ипостасях проявляет те черты, которые можно связать с дзэнской эксцентричностью. В первом *коане* из «Речений с лазурного утёса» патриарх выступает в роли иконокласта, который безуспешно пытается открыть вождю китайского варварского царства Южная Лян новый взгляд на буддизм. В тексте *коана* Бодхидхарма весьма удивляет правителя, заявляя, что никакой награды за строительство храмов и перевод сутр не последует. Более того, буддийская благородная истина, со слов мудреца, «пуста, без святости» [Маслов. 2000]. Безусловно, эти изречения сильно запутывают вождя Лян, оказываются для него слишком сложными.

Образ мудреца, протестующего против существующих буддийских представлений, продолжается и в другом изводе жизнеописания Бодхидхармы. Установить точный источник этого предания весьма трудно, поэтому в данном случае будет вернее говорить о кочующем сюжете, который, тем не менее, весьма известен во всей синосфере. Согласно этому преданию, Дарума прибывает в монастырь Шаолинь, где ему совсем не нравится то, чем занимается братия этой обители. К примеру, в одном из изводов легенды иноки Шаолиня скандируют сутры, но иные душеспасительные практики не признают. Дарума решил обучить монахов искусству медитации, для чего сел в соответствующую позу и созерцал стену в течение девяти лет (число «9» в китайской традиции также может обозначать некое неопределённое «длительное время»). Именно этот сюжет обыгрывается известной японской куклой-неваляшкой, изображающей первого патриарха чань, конечности которого атрофировались после длительной медитации.

Этот эксцентричный поступок являлся актом протеста против существующих буддийских порядков. Проявление иконокластичности среди дзэнских святых, тем не менее, куда более разнообразно — ведь

кто-то выступал против религиозных установок, а кто-то не считался с традициями, скажем, художественных школ. Можно сказать, иконокластами в той или иной мере были все дзэнские эксцентрики без исключения.

Хуйэнэн (яп. 慧能, 638—713)

Шестой патриарх *чань*-буддизма Хуйэнэн не был обучен грамоте, от чего искать религиозное спасение в букве чаньских текстов было для него особенно затруднительно. Более того, согласно дзэнской традиции, Хуйэнэн является автором догмата о моментальном просветлении³⁷¹. Идея о том, что даже необученный грамоте и тонкостям Закона монах может неожиданно обрести просветление была крайне новаторской для буддизма эпохи Тан. У такого подхода были и противники, например Северная школа *чань*³⁷², адепты которой считали, что саторического опыта можно достигнуть лишь путём долгих ежегодных практик. Тогда появилось противостояние подходов моментального и постепенного просветления, победу в котором в конце концов одержали приверженцы первого.

В мемориальном музее Мицуи хранится известная картина, изо-

*Рис. 1. Лян Кай
«Шестой патриарх, рвущий
сутры», XII в., Китай.
Мемориальный музей
в Мицуи, Токио*

³⁷¹ В самом ли деле Хуйэнэн являлся автором концепции «моментального просветления» — вопрос открытый. К примеру, востоковед Джон Маккрэй [McRae. 2003] считает, что атрибутирование таких идей шестому патриарху является лишь попыткой легитимации своих идей предположительным фактическим автором концепции «моментального просветления», монахом Шэньхуэем.

³⁷² Согласно традиционной истории, основателем Южной школы *чань* был сам Хуйэнэн.

бражающая Хуйэнэна в образе безумца, рвущего сутры (см. рис. 1). Посыл произведения не только в том, что шестой патриарх не мог самостоятельно прочесть эти священные тексты. Дзэнское учение можно понять лишь интуитивно — никакие тексты в понимании сущности бытия, с точки зрения *чань*, помочь не могут. А, значит, сутры можно смело рвать.

Следует заметить, что Хуйэнэн, с точки зрения классического буддизма, совершает акт святотатства. Многие дзэнские святые после Хуйэнэна будут совершать похожие, на первый взгляд откровенно кощунственные по отношению к Закону вещи. Таким образом, можно сказать, что Хуйэнэн открывает собой список святых-кощунников.

Святые странники

Именно с этими персонажами чаще всего связывают понятие «дзэнские эксцентрики». И это совсем не случайно — *сансэи* в дзэнской традиции считались одними из лучших примеров подвижничества, следование за которыми могло привести к саторическому опыту.

Весьма любопытно, что до сих пор нельзя установить, в самом ли деле эти святые связывали себя с традицией *чань*. Вероятнее всего, *чань* просто присвоила себе святых, которые изначально принадлежали к сонму различных персонажей китайских народных верований или легенд. [Richard, Klein (eds.) 2007, p. 40].

Ханьшань и Шидэ (яп. 寒山 и 拾得, даты жизни обоих неизвестны)

Самыми известными из *сансэев* являются двое танских безумцев — Ханьшань и Шидэ (по-японски — Кандзан и Дзиттоку). Оба часто изображаются одетыми в лохмотья и с радостно-придурковатым выражением лица. В таком образе их можно увидеть, к примеру, на картине Сэсю Тоё (см. рис. 2).

Главный источник, из которого мы узнаем о жизни этих святых, — «Собрание стихов мастера Ханьшаня» или «*Ханьшань цзы ши цзи*» (кит. 寒山子詩集). Исходя из названия источника можно подумать, что Дзиттоку приходится каким-то второстепенным персонажем, «sidekick'ом» Кандзана. На самом деле житие Шидэ, представленное в этом агиографическом памятнике, вовсе не отличается скупостью

Рис. 2. Сэсю Тоё, «Кандзан и Дзуттоку». XVI в., Япония. С сайта terebess.hu

описаний. Тем не менее, авторство большинства стихов, представленных в сборнике, атрибутируются автором именно как написанные Ханьшанем, что, скорее всего, послужило причиной такого наименования.

В этом источнике Ханьшань описывается как бедный и странный, но одновременно весьма образованный отшельник в горах Тяньтай. Своё же имя затворник получает от наименования своей пустыни — «холодной скалы» (яп. 寒山 Кандзан по-японски; Ханьшань по-китайски), которая и находилась в этих горах. Подвижник нередко посещал своего товарища Шидэ, который щедро одаривал его регулярной порцией объедков из монастыря Гоцинь. Иногда Ханьшань прогуливался по длинным галереям обители, при этом разговаривая сам с собой и хихикая. Обычно в таких случаях какой-нибудь монах пытался выгнать затворника и ругался на него, на что Ханшань отвечал громким хлопком и таким же громогласным смехом, после чего сбегал.

Частый иконографический атрибут Ханьшаня — пустой свиток. С одной стороны, он может являться отсылкой на дзэнскую истину о бесполезности письменного слова, но, вероятнее всего, главный посыл этого атрибута в том, что святой не записывал свои стихи конвенциональным образом. Его творчество можно было обнаружить накарябанным на стенах хижин в соседней деревушке, на камнях, деревьях и где-угодно — только не на бумаге. Следует отметить и то, что на самом деле Кандзан не был ярким противником письменной культуры. Во вто-

ром стихотворении (по классификации Уотсона) он пишет, что в его до-мике-эрмитаже есть лишь «лежанка с горою книг на ней».

Эксцентричность Ханьшаня заключается не только в описанных выше шалостях, но и в его отношении к стихотворчеству. Ведь этого безумца в среде дзэнских иноков вспоминали в первую очередь как поэта. Некоторые известные японские монахи (например, Рёкан) считали себя продолжателями поэтического дела Ханьшаня. Стихи этого подвижника весьма специфичны — они испытали влияние как китайской классической поэтической традиции, так и буддийских сутр. Более того, в его творчестве мы находим сленговые выражения эпохи Тан, работа над переводом которых успела ввести нескольких учёных в ступор [Watson. 1970, p. 11].

Вся поэзия Ханьшаня, с точки зрения британского востоковеда Артура Уэйли, обыгрывает махаянскую идею о том, что будда не находится где-то «далеко» — он уже «дома», то есть в сердце каждого человека [Waley. 1954, p. 3]. Примерно так же поэзию Ханьшаня воспринимал, согласно собственным комментариям, известный японский монах Хакуин [Rauzer. 2017, p. 15].

Ханьшань был и нарушителем буддийских диетических предписаний. В одном из своих стихотворений он пишет «Если есть сикера — зови меня пить; А будет у меня мясо — иди со мной пировать»³⁷³. Буддизм всегда настороженно относился к употреблению мяса в пищу, что очень сильно повлияло на Японию, в которой мяса (за исключением некоторой дичи) почти не ели до эпохи Мэйдзи. На винопитие хоть и существовал официальный запрет, но им нередко пренебрегали.

Любопытно, что Ханьшань с формальной точки зрения монахом и не являлся — в отшельничество он ушёл по собственной воле и без помощи официальных религиозных институтов. Его не сдерживали какие-либо заповеди или обеты, от чего он, вероятнее всего, особенно полюбился японской традиции дзэн.

Шидэ и Фэнгань (яп. 拾得 и 豊干, годы жизни обоих неизвестны)

Шидэ, часто изображающийся японскими творцами с метёлкой (см. рис. 3), был храмовым служкой. Работал он на кухне, поэтому ему удавалось подкармливать Кандзана объедками, которые он собирал в бамбуковую трубочку. В описании его жития мы наблюдаем множество

---

³⁷³ 12 стих по классификации Уотсона [Watson. 1970, p. 20].

*Рис. 3. Тобай, «Дзиттоку».
1500—1625 гг., Япония.
Музей азиатского искусства,
Сан-Франциско*

*Рис. 4. Кано Тан'ю, «Четверо
спящих». XVII в., Япония.
Музей 프린стонского
университета, Нью-Джерси*

иконокластичных элементов. Шидэ выступает против поклонения бодхисаттвам и местному храмовому божеству, а ещё мешает настоятелю проводить церемонию зачитывания заповедей, которая проходит в монастыре раз в две недели. Он совершает различные чудеса: пристыжает местное божество за то, что вороны доклевывают еду, которая предназначалась в качестве подношения, а во время декламации заповедей приводит стадо рогатого скота и называет каждое животное по имени из прошлой жизни. В первой части данной статьи уже описывался эпизод про индийского мудреца, который собирал кости Шидэ, а братия монастыря посчитала храмового служку достигнувшем нирваны. На такое суждение повлияли и все чудеса, сотворённые этим персонажем. За каждым чудом следовал определённый акт валидации Шидэ как святого — к примеру, директива из столицы, объявляющая его аватарой бодхисаттвы.

Благодаря монаху Фэнганю (по-японски — Букан), которого нередко изображают верхом на тигре, Шидэ попадает в монастырь — двухметровый монах, одетый в шерстяную мантию, отыскал его в сосновой роще. Фэнгань известен тем, что любил разъезжать по галереям обители верхом на ручном тигре и распевать песни, чем вызывал в окружающих страх. Иногда он изображается спящим на большой кошке: либо в одиночку, либо в обнимку с Ханьшанем и Шидэ (см. рис. 4).

Его близость с опасным хищником вероятнее всего указывает на даосскую религиозно-философическую категорию *сидзэн* (яп. 自然), то есть единство с природой. Таким образом, Букан открывает собой сразу две категории эксцентриков: святых-сонь и святых-природолюбов.

Продолжение традиции эксцентричных святых в Японии

Какуа (яп. 覺阿, 1143—?)

Первым эксцентриком японской традиции *дзэн* можно назвать хэйанского монаха Какуа. Он был отшельником, который оказался очень востребован среди людей, вставших на путь духовных поисков — они искали его скит в лесу. Повстречав монаха, они задавали ему различные вопросы, на которые тот всё же отвечал, но после таких встреч старался углубиться дальше в чащу [McDaniel. 2013, p. 40].

В эпоху неинституционализированного *дзэн*-буддизма мало кто мог хорошо объяснить, чем это учение отличается от других буддийских школ. Какуа, прошедший чаньскую практику в Китае, был призван ко двору поведать государю именно это. Представ перед монаршим ликом, он достал свирель, сыграл на ней одну ноту и удалился в горы. После этого случая его горного пристанища никто не смог найти. Этот эпизод несколько напоминает встречу Дарумы и правителя Южной Лян, где монарх тоже ждал разъяснения сути Закона, но оно оказалось для него совершенно непонятным. Оба святых являют собой своего рода «первооткрывателей *дзэн*» для своих родин.

Иккю Содзюн (яп. 一休宗純, 1394—1481)

Иккю можно смело называть одним из самых известных японских эксцентриков — его знают не только насельники монастырей, но и самые обычные миряне, живущие преимущественно светской жизнью. Иккю, пожалуй, несколько выбивается из правил — в некоторых проявлениях его эпатажа он совсем не похож на монахов китайского средневековья.

Всю свою жизнь он находился в оппозиции к крупным *дзэн*ским институтам Японии, от чего в его жизнеописаниях мы находим разные проявления бунтарского характера. К примеру, будучи насельником именитого столичного монастыря, он ушёл из него в провинциальный, считая, что именно там он найдёт наиболее аутентичную

дзэнскую традицию. Поскольку монахи известных храмов *годзан* казались ему недостойными называться иноками, Иккю даже порвал своё *инка* — сертификат, подтверждающий получение просветления [Штейнер. 2006, с. 48—50]. Но в своём неуважении к авторитетам Иккю был известен и по более комичным рассказам.

В апокрифическом источнике «*Иккю банаси*» приводится история про то, как Иккю и горный монах *ямабуси* переплывали Осакий залив на одном судне. *Сюгэндзя*, решив посоревноваться в том, чья школа способнее в сотворении чудес, призвал на борт охваченного пламенем бога Фудо Мёо, чем вызвал восторг окружающих. Иккю тут же помочился на огненный ореол божества и затушил пламя. «Вот чудо, вышедшее из моего тела», — заявил победитель схватки.

Следует отметить, что Иккю был противником celibата. Нельзя при этом сказать, что он был одержим вожделием. Он воспринимал коитус как религиозный опыт, как способ приблизиться к человеческому естеству и ощутить наиболее полное *сатори*. Первая красавица портового города Сакаи и подруга Содзюна, куртизанка Дзигоку-даю, была знакома с ним не только по долгу профессии, но и нередко разделяла сеансы медитации. Вероятно, Дзигоку-даю представляет собой персонификацию философии «телесного дзэн» Иккю [Штейнер. 2006, с. 99—100]. «Дзигоку» в её имени обозначает ад, поэтому, скорее всего, она манифестирует собой амбивалентность просветления и адских мучений. Иными словами, греховное пренебрежение celibатом может стать настоящим духовным опытом, который только отдалит от inferнальных мук.

Этот монах запомнился в религиозной истории Японии и своими эпатажными проповедями. Можно сказать, что они содержали в себе элемент интерактива. Наиболее известным эпизодом такого рода является новогоднее хождение Иккю с черепом на шесте по улицам Сакаи. «Омэдэто:!» — выкрикивал Иккю демонстрируя горожанам то, что нёс в руках. В японском языке эту фразу обычно переводят как «поздравляю», но благодаря черепу на палке здесь допустима иная трактовка. Безглазая черепушка тут же намекает на совсем другое понимание этой фразы — ведь «Мэ-дэ-то:» из-за омонимии может также означать «с выпученными/выпавшими глазами» [Штейнер. 2006, с. 89]. Из поздравления эта фраза превращается в *Memento Mori*, что и является главной целью проповеди — напомнить мирянам, что с каждым новым годом приближается неминуемая «пучеглазая» смерть каждого существа на земле.

Рёкан Тайгу (яп. 良寛大愚, 1758—1831)

Рёкану Тайгу с рождения была уготована административная карьера — он был старшим ребёнком в семье городского главы. Тем не менее, ещё в юношестве его заинтересовал *дзэн* школы *Сото*, и мальчик зачастил ходить в местный храм Косёдзи в качестве вольнослушателя. Естественным продолжением его интереса было принятие пострига и уход из семьи. Получив звание дзэнского мастера, Рёкан предпочел скитания по Японии крупному и именитому монастырю [Долин. 2013, с. 13—17]. Иными словами, уже с ранних лет Рёкан был склонен к по-буддийски нестандартным решениям. На этом этапе его вполне можно сравнить с уже описанными святыми иконокластами.

Самовольно взятое прозвище Рёкана «Великий глупец» (Тайгу) вовсе неслучайно. Можно сказать, что Рёкан — это образцовый дзэнский «глупец». Известно, что он часто играл с детьми [Там же, с. 275], нарушал диетические предписания и запрет на винопитие [Там же, с. 273], чересчур бережно обращался с природой [Там же, с. 289] и т. д. В этом он похож на многих эксцентриков китайского средневековья — Ханьшаня, Будая, Кэнсу и других.

Пока святой спал (или же притворялся спящим), к нему нередко пробирались воры. В скудной хижине Рёкана красть было просто нечего, поэтому подвижник мог сам выдать вора что-нибудь — например, свою накидку или *футон* (тюфяк). Пожалуй, Рёкана вполне можно причислить к категории святых-сонь.

Рёкан, будучи поэтом, ощущал духовное родство с двумя другими творцами — Басё и Ханьшанем. С последним его объединяла жизнь в отшельничестве, эксцентричное поведение, а ещё протест стихотворческим канонам — оба монаха так или иначе нарушали традиционные поэтические установки. Если Кандзан использовал сленг в тексте своих стихотворений, то Рёкан нередко пренебрегал стандартами количества слогов [McDaniel. 2013, p. 328]. Кроме того, Тайгу не признавал авторитетов в мире искусства — профессиональных поэтов и каллиграфов он недолюбливал [Долин. 2013, с. 285].

Классификация

В заключение ниже будут приведены группы святых, которые были объединены по общим признакам их эксцентричного поведе-

ния. К сожалению, формат статьи не позволяет написать подробно о каждом из них, однако дзэнской эксцентричности заслуживает более подробного разбора в следующих публикациях.

Святые-первооткрыватели: Дарума, Какуа

Безумные отшельники: Ханьшань, Рёкан, Какуа

Иконокласты-кощунники: Хуйэнэн, Данься, Эйсай

Иконокласты-творцы: Ханьшань, Сэнгай Гибон, Рёкан

Нарушители диетических предписаний: Ханьшань, Кэнсу и Тёто, Рёкан

Противники целибата: Дарума, Будаи, Иккю

Святые сони: Фэнгань, Ханьшань, Шидэ, Рёкан

Святые, жертвующие своим телом: Дарума, Хуэйэкэ, Дайто Кокуси, Хакуин

Святые-природолюбцы: Фэнгань, Рёкан, Иккю, Ханьшань, Шидэ

Библиографический список

Долин А.А. (2013). Рёкан. Хижина «Мерка риса». — Санкт-Петербург: Гиперион.

Маслов А.А. (2000) *Письмена на воде. Первые наставники чань в Китае*. — Москва: Сфера.

Штейнер Е.С. (2006). *Дзэн-жизнь. Иккю: и окрестности*. — Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение.

References

Dolin, A.A. (2013). Ryokan. Khijina «Merka risa» [«A Scoopful of Rice» Hermitage]. — Saint Petersburg: Gyperion. (In Russian).

Maslov, A.A. (2000) *Pis'mena na vode. Pervyye nastavniki chany v Kitaye* [Letters on the water. First chan mentors in China]. Moscow: Sphera (In Russian).

McDaniel, R.B. (2013). *Zen Masters of Japan: The Second Step East*. Rutland, Vermont: Tuttle Publishing.

McRae, J. (2003) *Seeing through Zen: Encounter, Transformation, and Genealogy in Chinese Chan Buddhism*. University of California Press.

Rauzer, P. (2017). *The Poetry of Hanshan (Cold Mountain), Shide, and Fenggan*. Boston/Berlin The book: Walter de Gruyter Inc.

Richard, N., Klein, M. (eds.) (2007). *Awakenings: Zen figure painting in medieval Japan*. Yale university press.

Steiner, E.S. (2006). *Dzen-jizny. Ikkyu I okrestnosti* [Zen Life. Ikkyū and Vicinity]. — Saint Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie (In Russian).

Watson, B. (1970). *Cold Mountain*. New York: Columbia University Press.

Waley, A. (1954). *Encounter*. London: William Clowes Ltd.